

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

1893 г.

ОКТЯВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівская ул., дому № 4.

1893.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНИЯ ИОСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. <i>(Продолжение слѣдуетъ)</i>	1—28
II. ПРОЗОЮ ИЛИ СТИХАМИ НАПИСАНО «СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ»? Ю. Тиховскаго.	29—54
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ ВЪ ВИЛЬНЪ. Н. Б.	55—79
IV. ПАМЯТИ И. И. МАНЖУРЫ. Н. Ф. Сумцовъ.	80—90
V. АВТОБИОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО. 1813—1862 г. <i>(Продолженіе)</i>	91—111
VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. 1750—1784 г. <i>(Продолженіе)</i>	112—123
VII. БОЙ-ЖИНКА. Неизданное драматическое сочиненіе Г. Ф. Квитки.	124—152
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Предписание князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г. Сообщ. Н Шугуровъ. б) Холмскій музей церковныхъ древностей. Н. П. в) Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. Н. Любовичъ. г) Къ исторіи просвѣщенія въ Галиції. Миронъ. д) Строгая генеральша. е) Поправки къ надписямъ въ черниговскомъ соборѣ. ж) Извѣщеніе о празднованіи пятидесятилѣтія существованія кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. з) Поправка.	153—167
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородского. Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. Федора Титова. б) Bibliografia Historyi Polskiej. Wspólnie z. Dr. Henrykiem Sawszyńskim i członkami kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. Zebrał i ułożył L. Finkel. Н. Любовича. в) Археологическая извѣстія и замѣтки, № 1—6. г) Библіографическая замѣтки. I. (<i>«Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ.» за 1893 г. № 1—9</i>). И. 168—183	
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. (стр. 145—160).	
2) Слово о плѣку Игоревѣ. Ю. Тиховскаго.	1—15
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1—4

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

— — —

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

— — —

ТОМЪ XLIII.

1893 Г.

КІЕВЪ.

Гілографія Г. Т. Норчакъ-Новицкаго, Михайлівська улица, д. № 4

—

Дозволено цензурою. Киевъ, 6 октября 1893 года.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.

1800—1886 гг.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящей книги начинается печатаніе записокъ бывшаго инспектора новгородсъверской гимназіи Іосифа Акимовича Самчевскаго. Эти записки обнимаютъ періодъ времени болѣе полустолѣтія и представляютъ громадный интересъ. І. А. родился въ 1799 г. въ селѣ Лисконогахъ, новгородсъверскаго уѣзда, окончилъ магистромъ с.-петербургскую духовную академію, былъ профессоромъ черниговской семинаріи, учителемъ исторіи, а затѣмъ инспекторомъ въ новгородсъверской гимназіи до 1858 года.. Умеръ І. А. въ ~~1887~~ г., не доживъ двухъ лѣтъ до празднованія столѣтняго юбилея гимназіи, которой посвятилъ болѣе четверти вѣка своей далеко не безполезной педагогической дѣятельности, оставилъ по себѣ память умнаго, доброго и справедливаго педагога. На старости лѣтъ І. А. лишился всей своей семьи: сперва умерла его жена, а затѣмъ сыновья: Михаилъ, учитель кіевской 2-й гимназіи, и Иванъ, инспекторъ той-же гимназіи. Имущество его заключалось въ домѣ съ усадьбой въ г. Новгородсъверскѣ; послѣ смерти сыновей и этотъ домъ сгорѣлъ. Оставшись совершенно одинокимъ старикомъ, Іосифъ Акимовичъ не имѣлъ гдѣ преклонить свою много потрудившуюся на пользу юношества, голову и только, благодаря совершенно ему постороннему семейству В. Д. Кисилевича, онъ могъ спокойно дожить свой вѣкъ. Въ послѣдніе годы жизни, новое, величайшее изъ несчастій обрушилось на голову много-

страдального Іосифа Акимовича: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и свои интересныя воспоминанія самъ писать не могъ, а диктовалъ ученикамъ гімназіи, жившимъ у Кисилевича. Записки І. А. начинаются съ дѣтства автора и доходятъ до его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ бы были бы несравненно богаче матеріаломъ, художественнѣе и занимательнѣе въ своемъ изложеніи, если бы І. А. не диктовалъ ихъ, а писалъ самъ до начала своей послѣдней болѣзни; но и при такомъ неблагопріятномъ условіи первая половина записокъ отличается надлежащей полнотой и обиліемъ интересныхъ свѣдѣній; къ сожалѣнію, нельзя того сказать о послѣднемъ десятилѣтіи службы І. А. инспекто-ромъ, во время директорства П. О. Науменка. Очевидно, къ старости память стала измѣняться ему, и этотъ періодъ представляется далеко не полнымъ. Желая нѣсколько исправить этотъ недостатокъ, редакція Кіевской Старини передала записки Самчевскаго, для составленія примѣчаній къ нимъ, лицу, близко знаявшему автора записокъ и всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ гімназіи въ теченіе 1852—1858 г. Въ этихъ примѣчаніяхъ изложена дополнительная характеристика всѣхъ известныхъ педагоговъ указанного періода, и кроме того имѣются свѣдѣнія о жизни учениковъ того времени, объ ихъ отношеніяхъ къ учителямъ и наоборотъ, и изложена ревизія гімназіи попечителемъ кіевского округа Ребиндеромъ.

Мысль о жизнеописаніи.

Что такое жизнь наша въ этомъ мірѣ? Сдѣление случайностей, выпадающихъ на долю того или другого, скажетъ тотъ, кто смотритъ на одни факты, не обращая вниманія на взаимное ихъ отношеніе и связь, не отличая тѣхъ, которые были причиною, отъ тѣхъ, которые сдѣлялись ихъ послѣдствіями. Но судить такъ о явленіяхъ жизни человѣческой значило бы не признавать въ человѣкѣ свободы ума и воли, значило бы не допускать въ міроуправлѣніи разумнаго порядка, не вѣрить въ Промышль Божій. Стоитъ только каждому изъ насъ со вниманіемъ и съ чистою совѣстью прослѣдить событія

прошедшей жизни своей, чтобы убѣдиться какъ въ томъ, что мы проявляемъ наши помыслы, пожеланія и дѣйствія, такъ и въ томъ, что есть въ мірѣ Промыслъ Божій, который, не нарушая нашей свободы, разными путями ведетъ насъ къ истинному благу нашему здѣсь и въ вѣчности. Онъ благотворитъ намъ не только тогда, когда мы получаемъ отъ него щедрые дары Его благости, но и тогда, когда подвергаемся бѣдствіямъ и злоключеніямъ, которыя посылаются людямъ добродѣтельнымъ для большаго ихъ нравственного совершенствованія, а порочнымъ—въ наказаніе за отступленіе отъ путей правды, дабы страданіями они вразумились и исправились. Какъ мы пользуемся дарами счастія и уроками несчастія, это показываетъ ходъ жизни нашей, и потому-то исторія ея не можетъ не быть для насъ поучительною, если только рассматривать дѣла свои по совѣсти.

Начало премудрости, по откровенному ученію, есть страхъ Божій. Древніе философы искали этого начала въ самопознанії. Открывая въ событияхъ жизни нашей пути Провидѣнія, дѣйствія Его благости и правосудія, мы можемъ поучаться тому спасительному страху, который дѣлаетъ насъ лучшими. Рассматривая себя въ разныхъ периодахъ жизни нашей, въ разныхъ положеніяхъ, отношеніяхъ и обстоятельствахъ, мы приходимъ къ самопознанію, узнаемъ, чѣмъ были мы и чѣмъ быть должны. Исторія жизни нашей есть практическая нравоучительная книга, которая находится у всякаго предъ глазами, всякому доступна, всякому легка для чтенія, всякому понятна: она исписана фактами, извѣстными каждому, кто только захочетъ воспоминаніемъ обратиться къ своему прошедшему. Всякій легко припомнить, что съ нимъ было въ прожитое имъ время, какія у него были силы и способности, избытки и недостатки, какіе помыслы, желанія и страсти волновали его душу, къ чему онъ стремился и чего надѣялся, чего достигалъ и въ чемъ обманулся, въ чемъ находилъ покой душѣ, или разочарованіе, чѣмъ его сердце радовалось или сокрушалось, когда и отчего онъ наслаждался счастіемъ, или страдалъ въ жизни. Ему представится цѣлая картина случившихся съ нимъ превратностей житейскихъ, и изъ

обзора своего прошедшаго онъ можетъ извлечь для себя самые вѣрные выводы для своего настоящаго и будущаго. Отчего мы любимъ заниматься болѣе настоящимъ и будущимъ, чѣмъ нашимъ прошедшимъ? Не оттого ли только, что настоящее еще есть, будущее еще будетъ, а прошедшее уже прошло и не возвратится? Но настоящее непостоянно, измѣнчиво и невѣрно; будущее еще неизвѣстно, и, думая о немъ, мы только мечтаемъ; одно прошедшее никогда не измѣняется, оно есть самое вѣрное неотъемлемое достояніе наше.

Нельзя однажды сказать, чтобы прошедшее къ намъ не возвращалось: оно возвращается къ намъ въ своихъ послѣдствіяхъ, которыя всегда соответствуютъ своему предыдущему. Когда мы не думаемъ о нашихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, то и не исправляемся, а не исправляясь, повторяемъ тѣ же заблужденія, иногда въ большихъ размѣрахъ. И не оттого ли мы бываемъ несчастны въ настоящемъ, что не хотѣли вразумляться прошедшимъ? Не самыя ли тяжкія душевныя страданія наши бываютъ тѣ, которыя отъ насъ самихъ происходятъ, какъ плоды порочныхъ нашихъ привычекъ, стремленій, когда мы не можемъ находить утѣшенія въ нашей совѣсти? Проводя жизнь въ разсѣянности и легкомысліи, мы хотимъ только жить, не повѣряя хода нашей жизни, хотимъ быть счастливы, не пользуясь уроками прошедшаго. Если исторію человѣчества мы должны изучать для познанія жизни гражданской, то исторію собственной жизни каждый человѣкъ долженъ знать для частной своей цѣли нравственной, для практическихъ уроковъ Богоизвестія и самопознанія.

Не могу сказать, чтобы съ этою цѣлью я часто обращался къ воспоминанію моего прошедшаго: къ этому воспоминанію меня располагали большею частью обстоятельства, сокрушавшія мое сердце, когда страдало мое неудовлетворенное самолюбіе. Въ жизни моей я не былъ избалованъ удачами и дарами счастія, все мнѣ давалось трудомъ и съ трудомъ, но я не терпѣлъ крайней нищеты, не испытывалъ и такихъ бѣдствій, какимъ подвергаются многіе, достойные, повидимому, лучшей участіи. Когда пораженный скорбью я разсматривалъ себя въ прежнихъ

обстоятельствахъ моей жизни, всегда убѣждался въ томъ, что Богъ послалъ мнѣ долю по моимъ силамъ и способностямъ, что въ другомъ высшемъ состояніи я могъ бы забыться, могъ бы оказаться несостоятельнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, или не вынесъ бы борьбы съ препятствіями; что трудовая жизнь моя избавляла меня отъ праздности и ея гибельныхъ послѣдствій, сосредоточивала мои мысли, обращала мою дѣятельность на полезное, удаляла меня отъ соблазновъ, удерживала порывы характера, обуздывала волю; что въ критическихъ обстоятельствахъ, когда недоумѣніе и уныніе начинали овладѣвать моимъ духомъ, я, по милости Божіей, неожиданно получалъ откуда-нибудь или утѣшеніе, или защиту, или пособие. При такихъ воспоминаніяхъ и соображеніяхъ самолюбіе мое смирялось, зависть во мнѣ утихала, и я успокаивался среди моей скорби. Мнѣ часто приходила мысль собрать и изложить для себя воспоминанія изъ моей прошлой жизни, но разныя развлечения и забвенія доселѣ отвлекали меня отъ этого занятія. Теперь, когда конецъ жизни моей приближается, когда съ утратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ я потерялъ моихъ родныхъ и присныхъ, когда ни страсти, ни заботы по прежнему уже не возмущаютъ моей души, когда настоящее меня уже не радуетъ, я ищу удовольствія въ воспоминаніи моего прошедшаго, которое часто мирило меня съ самимъ собою. Пишу эти воспоминанія собственно для себя, чтобы бесѣдою съ самимъ собою о быломъ развлекать скуку моего одиночества. Если оставшіеся у меня присные мнѣ когда-нибудь полюбопытствуютъ прочесть эти строки, они найдутъ въ нихъ кое-что такое, чего они обо мнѣ еще не знали. Если же воспоминанія эти случайно попадутъ въ руки человѣка посторонняго, предваряю его, что онъ не найдетъ въ нихъ ничего для себя занимательнаго, такъ какъ самая жизнь моя не представляетъ никакихъ особенностей для любопытнаго. Совѣтую однако-жъ всякому собрать воспоминанія изъ прошлой своей жизни иувѣряю, что это принесетъ ему не только удовольствіе, но и пользу, когда онъ въ прошедшемъ захочетъ лучше узнать самого себя и дѣйствія благотворящаго ему Промысла Божія.

Мої воспоминанія.

... Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлъхъ Твоихъ. Псал. 142, ст. 5.

... Милость Твоя предварить ма вся дни життя моего.

Боговдохновенный царь и пророкъ Давидъ, потерпѣвшій въ жизни своей много превратностей и злоключеній, любилъ вспоминать о прежнихъ временахъ житія своего, поучался изъ нихъ путямъ Божія о немъ Промыслѣ и находилъ, что, при всѣхъ испытанныхъ имъ несчастіяхъ, милость Божія сопровождала и не оставляла его во все прожитое имъ время. И каждый вѣрующій въ Провидѣніе Божіе въ воспоминаніяхъ своихъ о прожитомъ имъ времени можетъ находить для себя много поучительнаго, въ особенности касательно Божескаго о немъ попеченія,

Богъ всегда благъ и во всѣмъ милостивъ.

Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, лишенный при томъ зрѣнія, я большую часть времени провожу самъ съ собою, въ моихъ размышленіяхъ; часто вспоминаю мое прошлое и въ этихъ воспоминаніяхъ нахожу, что Милосердный Богъ во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни посыпалъ мнѣ часто неожиданную свою помощь въ лицахъ моихъ начальниковъ, наставниковъ, сотоварищѣй, сослужителей и добрыхъ пріятелей, мнѣ благотворившихъ своими внушеніями, совѣтами, предостереженіями и теплымъ участіемъ. Въ чувствѣ сердечной моей признательности къ этимъ моимъ благотворителямъ, я хочу сохранить въ моей памяти незабвенные для меня имена ихъ и для того излагаю мои воспоминанія на бумагѣ посредствомъ чужой руки по моей диетовкѣ. Воспоминанія эти конечно не будутъ имѣть читателей, для которыхъ въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго; я желаю сохранить ихъ для себя самого и, можетъ быть, для немногихъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ.

I.

Мої родители. — Мое рожденіе и домашнее воспитаніе — болѣзнь отца. — Поѣздка наша въ Петербургъ для определенія меня въ Армейскую Семинарію.

Отецъ мой Іоакимъ Феодоровичъ Самчевскій былъ уроженецъ черниговской губерніи конотопского уѣзда; обучался въ

бывшой Новгородъ-Сѣверской семинаріи, отлично зналъ латинскій языкъ, на которомъ свободно говорилъ и хорошо писалъ стихи; по окончаніи курса философіи онъ поступилъ на службу въ духовную Новгородъ-Сѣверскую дикастерію, гдѣ получилъ два первыя чина, но, женившись на дочери священника села Лисконогъ (моей матери) Екатеринѣ Игнатьевнѣ Калиновской, впослѣдствіи поступилъ на мѣсто своего тестя. Первымъ сыномъ моихъ родителей былъ Степанъ, умершій въ отрочествѣ. Мое рожденіе случилось незадолго до смерти моего дѣда Калиновского, наканунѣ Рождества Христова, въ 1799 году. Я былъ рожденъ весьма слабымъ ребенкомъ, и своимъ безпрестаннымъ плачомъ сокрушалъ моихъ родителей.

Въ день похоронъ моего дѣда, мать моя, въ хлопотахъ по кухнѣ, оставила меня одного въ комнатѣ на кровати; вернувшись изъ кухни въ домъ и не слыша моего крика, она пришла въ мою комнату и что-же увидѣла! На кровати, гдѣ я лежалъ, наброшены были шубы пріѣхавшими на похороны священниками. Когда шубы были сняты, мать увидѣла меня посинѣвшимъ и едва могла привести въ чувство. Итакъ, вскорѣ послѣ явленія моего на свѣтъ Божій, мнѣ угрожала смерть, но Богу угодно было спасти меня отъ нея и при слабомъ моемъ сложеніи продлить вѣкъ мой до глубокой старости. Вотъ первое явленіе ко мнѣ милости Божіей, которая не оставляла меня во всю мою жизнь.

Когда я сталъ подростать, отецъ мой самъ началъ учить меня грамотѣ по-русски, по-латыни и пѣнію, къ которому видѣлъ во мнѣ способность, такъ какъ я имѣлъ хорошій голосъ диканта. Учился я успѣшно, хотя иногда полѣнивался и пошаливалъ. Отецъ мой былъ ко мнѣ строгъ и взыскатель. Однажды, не выучивши заданного мнѣ урока и боясь наказанія, я скрылся въ коноплянікѣ, бывшій на огородѣ близъ дома. Посидѣвъ тамъ немалое время, я сталъ бродить въ конопляхъ и заблудился, такъ что не могъ уже выйти изъ нихъ. Родители обезпокоились; мать, долго искашившая меня на селѣ, пришла наконецъ въ огородъ, громко стала звать меня по имени, я отозвался, и мать вывела меня изъ моей засады. Это было уже вечеромъ. На

этотъ разъ я остался ненаказаннымъ. Въ другой разъ, какъ отецъ мой пошелъ со мной въ ближайшее село Роговку, гдѣ былъ наблюдающимъ въ приходѣ, я тамъ опять не выучилъ заданного мнѣ урока, и отецъ, занятый требами по приходу, не могши самъ наказать меня и не желая оставить безъ взысканія, поручилъ тамошнему дьячку дать мнѣ нѣсколько розогъ. Дьячекъ очень слабо наказалъ меня и, чтобы я не плакалъ, далъ мнѣ грушу.

Изъ шалостей моихъ помню двѣ слѣдующія: отецъ мой, очень любившій заниматься садомъ, обрадовался, когда на одной изъ посаженныхъ имъ яблонь показались первые плоды; я оборвалъ ихъ и роздалъ сельскимъ мальчишкамъ; за такую проказу отецъ высѣкъ меня подъ той самой яблонею, давъ мнѣ нѣсколько ударовъ по числу оборванныхъ плодовъ. Другая шалость была поважнѣе. Въ домѣ у него находилась, какъ обыкновенно бываетъ у священника, крестильница, на верху которой были образки святыхъ. Я отломалъ ихъ и также роздалъ мальчишкамъ. Наказанія тогда не послѣдовало, и я думалъ уже, что эта продѣлка моя сойдетъ для меня благополучно, но не тутъ-то было. Отецъ мой, имѣя надобность отправиться въ село Роговку по случаю требъ, взялъ и меня съ собой. Долго мы шли молча; когда дошли до одного лѣска, отецъ, отломивъ отъ березы прутъ, больно меня высѣкъ, приговаривая: „не шали, не ломай крестильницы“.

Въ членіи и пѣніи успѣхи мои были довольно быстры. Отецъ заставлялъ меня читать и пѣть на клиросѣ съ дьячкомъ и, когда гулялъ со мною по селу или въ полѣ, всегда пѣлъ со мною богослужебныя пѣсни. Лисконоговскій приходъ моего отца былъ очень скуденъ по доходамъ; между тѣмъ я пришелъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было отдавать меня въ школу; семейство наше умножилось еще двумя моими братьями, Николаемъ и Львомъ, умершимъ въ младенчествѣ. Все это заставило моего отца подумать о перемѣнѣ мѣста своего служенія и онъ рѣшился проситься въ армейское духовенство. Просьба его имѣла успѣхъ, и онъ былъ назначенъ священникомъ въ 23-й егерскій полкъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, на походѣ

въ Финляндію. Собираясь въ Петербургъ, отецъ рѣшилъ взять и меня съ собою, чтобы опредѣлить въ семинарію, въ которой воспитывались дѣти полковыхъ священниковъ.

Заведеніе это учреждено подъ названіемъ армейской семинаріи Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Домъ для этой семинаріи сперва находился на Васильевскомъ островѣ въ 13-й линіи противъ морскаго кадетскаго корпуса. Императоръ Павелъ при учрежденіи ея повелѣлъ выдать въ церковь ея отъ двора богатую малтийскую ризницу изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми по ней крестами; онъ же приславъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ армейской семинаріи былъ любимецъ Императора Павла протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что Императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантію, которой по смерти Озерецковскаго обить былъ его гробъ. Отецъ мой, получивъ казенные прогоны на проѣздъ въ Петербургъ, хотѣлъ немедленно выѣхать туда, но вдругъ опасно заболѣлъ. Я постоянно находился при немъ. На яву и даже въ бреду онъ выражалъ скорбь свою о томъ, что по смерти его семейство останется въ самомъ несчастномъ положеніи, и въ особенности о томъ, что я, любимый сынъ его, лишусь дальнѣйшаго образованія. Мать моя была въ отчаяніи и вмѣстѣ со мной рыдала надъ больнымъ отцомъ. Но Премилосердный Отецъ Небесный сохранилъ намъ отца земного; родитель мой сталъ поправляться и тѣмъ утѣшилъ скорбѣвшую семью нашу. По выздоровленіи, онъ поспѣшилъ отъѣздомъ нашимъ въ Петербургъ. Въ виду предстоящаго отцу похода въ Финляндію мать моя съ двумя меньшими братьями моими должна была оставаться въ Лисконогахъ. Помню я наше плачевное разставаніе: когда мы съ отцомъ сѣли въ повозку, рыдающая мать стояла передъ нами, держа на рукахъ меньшого моего брата Льва, а подлѣ нея стоялъ средній четырехлѣтній Николай. Я не плакалъ, находясь въ какомъ-то безчувствіи, и думалъ только о поѣздкѣ; но когда мы отѣхали нѣсколько верстъ отъ Лисконогъ, грусть разлуки съ матерью и

братьями одолѣла меня, и я долго плакалъ. Въ дорогѣ отецъ былъ со мною очень нѣжень, утѣшалъ меня въ моей скорби и старался объяснить, что онъ везетъ меня въ Петербургъ для того, чтобы я получилъ тамъ образованіе и не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ; при видѣ хорошихъ строеній на пути нашемъ онъ говорилъ мнѣ: „учись, мой сынъ, учись, и ты будешь имѣть такой домъ“. Изъ случайностей на пути нашемъ помню одну непріятность. На одной станціи отецъ передалъ мнѣ подорожную, которую одинъ изъ ямщиковъ, незамѣтно для меня, взялъ и спряталъ. Отецъ былъ въ хлопотахъ по этому случаю; ямщикъ, взявшій подорожную, черезъ нѣсколько времени представилъ ее отцу, какъ будто гдѣ-то нашелъ, и требовалъ за то награды, которую отецъ и далъ ему. Путешествіе наше на почтовыхъ лошадяхъ было продолжительно по причинѣ остановокъ на станціяхъ за недостаткомъ лошадей; наконецъ, дней черезъ десять, мы добрались до Петербурга вечеромъ въ маѣ мѣсяца 1809 года и остановились на квартире на Ямской, у какого-то, кажется, мѣщанина.

II.

Принятіе меня въ Армейскую семинарію.—Разлука съ отцомъ.—Знакомство съ Пыльневымъ.—Насмѣшки товарищѣй.—Учитель Поляковъ.—Соученики мои Трачевскій и Полковъ.—Поступленіе мое въ хоръ пѣвчихъ.—Мерцаловъ.—Желаніе поступить въ придворный хоръ.—Трудности пребыванія въ семинарскомъ хорѣ.—Митрополит Амвросій.—Злобивъ.—Комната старшій.—Наказаніе розгами и проказы учениковъ.

На другой день по прибытіи нашемъ въ Петербургъ отецъ пошелъ со мною къ оберъ-священнiku арміи и флота. Эту должность занималъ тогда протопресвитеръ Иванъ Семеновичъ Державинъ, членъ Святѣйшаго Синода и комиссіи духовныхъ училищъ, имѣвшій митру и орденъ Анны 1-й степени. При самомъ нашемъ появлѣніи онъ объявилъ отцу моему, что 23-й егерскій полкъ уже ушелъ въ Финляндію и что отецъ мой долженъ спѣшить догнать его; на просьбы о принятіи меня въ семинарію онъ положилъ резолюцію: „принять“, и мы отъ него отправились въ домъ Семинаріи, гдѣ ректоръ ея протоіерей Гро

мовъ немедленно распорядился о зачислениі меня въ 1-й классъ, конечно, на казенное содержаніе, которымъ пользовались всѣ воспитанники этой семинаріи. На другой день рано утромъ отецъ мой выѣхалъ изъ Петербурга. Я съ хозяиномъ нашей квартиры провожалъ его за Неву, на Выборгскую сторону. При прощаніи съ плакавшимъ отцомъ я рыдалъ безутѣшно, и, когда онъ скрылся изъ виду, хозяинъ нашей квартиры повелъ меня, плачущаго, въ свой домъ, а на другой день поутру отвелъ въ Семинарію. По окончаніи Финляндскаго похода Отецъ мой былъ въ Петербургѣ, и это было уже послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Въ Петербургѣ онъ заказывалъ иконостасъ для своей церкви живописцу Пыльневу, съ семействомъ котораго познакомилъ и меня, и я, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, находилъ себѣ отрадный пріютъ въ квартирѣ Пыльневыхъ, которыхъ мать старушка особенно меня ласкала.

По приходѣ моемъ въ Семинарію, товарищи по классу окружили меня, но я дичился ихъ, уходилъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ обливался слезами, какъ бы находя въ нихъ уг҃шеніе. Къ увеличенію подавлявшаго меня горя новые товарищи мои преслѣдовали меня насмѣшками надъ моей плаксивостью и надъ моимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. На испытаніи въ первомъ классѣ, я оказался настолько подготовленнымъ, что опередилъ въ предметахъ моихъ соучениковъ; я бойко читалъ и писалъ по-русски и по-латыни, и потому учитель нашъ Поляковъ обратилъ на меня особое вниманіе и сдѣлалъ меня аудиторомъ, что заставило моихъ товарищѣй прекратить свои насмѣшки. Въ числѣ товарищѣй былъ еще одинъ, незадолго до меня поступившій малороссіянинъ, Трачевскій, съ которымъ на первыхъ порахъ мнѣ пришлось подраться. Оба мы явились къ комнатному нашему старшему съ жалобами и обоихъ настѣни поставили на колѣни. Ученики высшихъ классовъ водили меня по своимъ комнатамъ и, къ моей досадѣ, заставляли повторять исторію моей драки, потѣшаясь моимъ разсказомъ. „Трачевскій,—говорилъ я,—называвъ мене Самчá, а я его Трачá; винъ мене вдарывъ по пыци, а я его въ морду“ и т. д. Впрочемъ,

насмѣшки надъ моимъ малороссійскимъ говоромъ заставили меня въ непродолжительномъ времени выучиться говорить по-русски.

И такъ, въ первомъ классѣ я обучался безъ всякихъ затрудненій. Но въ тоже время поступилъ въ нашъ классъ привезенный изъ Тобольска сынъ полковаго священника Полковъ, затмившій всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями и успѣхами. Товарищи мои вздумали было первое время поглумиться надъ новичкомъ, еще не подозрѣвая того, что онъ былъ и достаточно ~~асиленъ~~. Отколотивъ одного, другого, Полковъ заставилъ всѣхъ его бояться и даже уважать.—Съ удовольствиемъ продолжая ученіе мое въ первомъ классѣ, я сокрушился зачисленіемъ меня въ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ, въ который меня взяли при самомъ поступленіи моемъ въ семинарію, сокрушился потому, что видѣлъ сурое обращеніе регента съ другими малыми пѣвчими. Насъ учили методически, заставляя самихъ разбирать ноты и тоны; регентъ назначалъ уроки и неисправныхъ бивалъ, а иногда и сѣкъ. Хотя я и не подвергался самъ подобнымъ взысканіямъ, тѣмъ не менѣе, видя такое обращеніе съ пѣвчими, я старался испортить свой голосъ, пилъ коноопляное масло, чтобы охрипнуть, но ничто не помогало,—голосъ очищался и отъ времени усиливался. Не зналъ я тогда, что пѣніе послужить мнѣ въ пользу, что успѣхи мои въ немъ обратятъ на меня вниманіе самого оберъ-священника, что пѣніе сдѣлается впослѣдствіи мою страстью и послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ въ жизни; и теперь, въ глубокой старости моей, при моей слѣпотѣ, я очень часто, оставаясь самъ съ собою, молча, а иногда и голосомъ, повторяю мотивы изъ многихъ памятныхъ мнѣ церковныхъ пѣснопѣній. Когда я началъ хорошо понимать церковную музыку, регентъ былъ мною очень доволенъ и заставлялъ меня дирижировать хоромъ даже въ церкви. Я уже начиналъ пѣть соло, какъ поступилъ въ нашу семинарію изъ славившагося тогда тульского хора отличный солистъ Мерцаловъ. Первый опытъ его пѣнія въ нашей церкви обратилъ на него всеобщее вниманіе, всѣ превозносили его похвалами. Изъ зависти къ Мерцалову я плакалъ, но онъ, будучи гораздо старше меня лѣтами, скоро спалъ съ го-

лоса, и я занялъ его мѣсто. Мнѣ представлялся тогда удобный случай поступить въ придворный хоръ. Придворный протодиаконъ Мещерскій и придворный же теноръ Яновскій пришли къ намъ отыскивать для себя одну старинную херувимскую и просили при нихъ ее исполнить, послѣ чего придворный пѣвчій спросилъ меня, хочу ли я поступить въ придворный хоръ. Я изъявилъ свое на то желаніе, прельщаясь отличнымъ содержаніемъ мальчиковъ въ придворномъ хорѣ, особенно параднымъ ихъ костюмомъ изъ краснаго сукна съ золотыми кистями и позументами. Не знаю, было ли затѣмъ требование меня въ придворный хоръ, знаю только, что ректоръ нашъ Гrotovъ воспротивился моему неразумному желанію, исполненіе котораго лишило бы меня дальнѣйшаго образованія, и было бы противно завѣтному желанію покойнаго моего отца. Участіе мое въ хорѣ меня радовало, но въ тоже время заставляло переносить такие тяжелые труды, которые даже и теперь мнѣ кажутся невыносимыми по тогдашнему моему возрасту и силамъ. Оберъ-священникъ часто приглашался на выносы (такъ въ Петербургѣ называли похороны), а съ нимъ долженъ быть находиться и хоръ его. Въ лѣтнее время эти выносы не только не затрудняли насъ, но даже доставляли пріятное развлеченіе, прогулку послѣ учебныхъ занятій; въ зимнее же время иногда, при большихъ морозахъ и сильномъ вѣтрѣ мы должны были совершать очень далекія путешествія, провожая покойниковъ на Смоленское или Волковское кладбище. Надо замѣтить, что такие проходы мы совершали въ однихъ сюртукахъ, въ холодной обуви, безъ перчатокъ, съ открытыми при томъ головами и съ нотными книгами въ рукахъ, которая обыкновенно носили диксанты и альты. Помню, какъ однажды въ такой процессіи, при приближеніи къ Невѣ во время ея ледохода, сильный холодный вѣтеръ помчалъ меня къ рѣкѣ, и какъ регентъ, взявшіи меня за руку, остановилъ мое стремленіе. Съ большимъ трудомъ мы переправлялись тогда въ катерахъ съ гробомъ покойника. Послѣ долгой и трудной переправы, предстоялъ намъ еще далекій путь до кладбища, въ церкви котораго мы пѣли обѣдню и отпѣваніе. На обратномъ пути насъ, обыкновенно, везли уже въ

каретахъ въ домъ покойника, гдѣ послѣ сытнаго угощенія мы забывали и морозъ, и вѣтеръ, и труды наши. Миѣ теперъ самому не вѣрится, чтобы я могъ переносить такіе походы, но память моя говорить мнѣ, что я ихъ переносилъ. Замѣчательно, что во время пребыванія моего въ Петербургѣ, я никогда ничего себѣ не отморозилъ. Звали нашъ хоръ нерѣдко и на свадьбы, но онъ доставляли уже намъ баловство, а не труды. Въ рождественскіе и пасхальныя праздники мы Христа славили. Когда, по приказанію оберъ-священника, мы поздравляли петербургскаго митрополита Амвросія концертомъ, онъ, преподавая намъ благословеніе, замѣтилъ, что мы, какъ семинаристы, должны были бы поздравить его рѣчами, или одами, какъ тогда водилось. Въ праздникъ Пасхи нашъ хоръ сошелся однажды съ митрополичиимъ хоромъ въ домѣ уважаемаго Державиномъ именитаго откупщика-богача Злобина. Сперва огромный митрополичій хоръ въ обширной залѣ превосходно исполнилъ трудный концертъ „Да воскреснетъ Богъ“ подъ управлениемъ самого Турчанинова. Злобинъ, съ тремя золотыми медалями на шеѣ, стоялъ и восхищался этимъ превосходнымъ пѣніемъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ потомъ и нашъ небольшой хоръ, отчетливо пропѣвшій концертъ „Сей нареченный“. Самъ Турчаниновъ и некоторые изъ пѣвчихъ его спрашивали у нашего регента о диктанѣ, исполнявшемъ соло. Угощеніе обоихъ хоровъ у Злобина было обильное. Онъ наградилъ митрополичій хоръ 100 рублями, давъ Турчанинову что-то особо, а насъ 25 рублями,—сумма по тогдашнему времени значительная.

Вообще участіе мое въ хорѣ доставляло мнѣ одно только удовольствіе; меня ни разу не наказывали ни за пѣніе, ни за уроки въ классахъ, а за шалости во время нахожденія моего въ первомъ классѣ я иногда подвергался наказанію отъ комнатнаго старшаго, человѣка вспыльчиваго и раздражительного. Мы такъ его боялись, что въ присутствіи его говорили между собою не иначе, какъ шепотомъ; за то, когда онъ уходилъ изъ нашей комнаты, въ ней поднимались шумъ, гамъ, бѣготня и даже драка, при чемъ пыль наполняла всю комнату. Когда старшій заставалъ такой беспорядокъ, начиналась расправа розгою, вотъ тутъ-то

иногда испытывалъ ее и я, или за участіе въ шалости, или за то, что на вопросъ: „кто шумѣлъ?“ отвѣчалъ, что шумѣли всѣ, что въ дѣйствительности и было справедливо.

Заговоривъ о розгѣ, я долженъ при томъ сказать, что во время первыхъ трехъ лѣтъ обученія моего въ армейской семинаріи розга еще сильно въ ней господствовала. Сѣкли въ низшихъ классахъ учителя и комнатные старшіе; сѣкли и въ высшихъ классахъ, иногда даже учениковъ богословія, по распоряженію и въ присутствіи самого ректора. И гдѣ же ихъ сѣкли? въ столовой, во время обѣда, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи! Это варварство приводило насъ малолѣтнихъ въ ужасъ и трепетъ. Надобно сказать правду, что и ученики съ своей стороны въ тогдашнее время дѣлали проказы, достойныя строгаго наказанія (конечно только не въ столовой же, гдѣ умѣстно было бы только посадить виновнаго за голодный столъ). Такъ, напримѣръ, ученикъ 3-го класса Чернышевъ, лѣнтий, участникъ въ кулачныхъ бояхъ, дерзкій и на все отважный, вышедши однажды съ товарищами своими послѣ ужина на дворъ и увидѣвъ въ квартирѣ ректора жену его, сидѣвшую у окна, сказалъ товарищамъ: „хотите, братцы, я пущу въ нее камнемъ?“ и когда они сказали, что онъ этого не сдѣлаетъ, онъ, дѣйствительно, бросилъ въ окно камень, который, можетъ быть, попалъ въ сидѣвшую. На другой день его жестоко высѣкли въ столовой. Другой случай былъ поважнѣе. Я былъ боленъ и находился въ больницѣ. Когда ученики уже поужинали, послышался продолжительный звонъ класснаго колокольчика; этотъ необыкновенный по времени звонъ заставилъ больничнаго смотрителя выбѣжать на дворъ, и онъ, возвратившись, сказалъ, что ученики старшихъ классовъ бѣютъ ректора, вышедшаго съ ними изъ столовой, а другіе въ это время звонятъ. Ректоръ Гротовъ на другой день донесъ о происшедшемъ оберъ-священнику, и послѣдній, пріѣхавъ въ семинарію, велѣлъ собрать всѣхъ старшихъ учениковъ и, послѣ разспросовъ, приказалъ сѣчь виновныхъ. Лучшій ученикъ богословія Аѳиминскій наказанъ былъ такъ болѣно, что его на рукахъ принесли въ больницу. Онъ, по окончаніи курса, сдѣлавшись полковымъ священникомъ,

чѣмъ-то отличился во время сраженій въ отечественную войну и возвратился послѣ нея съ орденомъ второй степени св. Анны, явился къ оберъ-священнику Державину и благодарилъ его за сдѣланное ему въ семинаріи примѣрное нравоученіе. Послѣ трехъ лѣтъ моего нахожденія въ семинаріи подобные поступки учащихся и учащихъ прекратились и болѣе не возобновлялись; посмирнѣли ли ученики послѣ наказаній, пришли ли начальники и учителя къ сознанію непригодности подобныхъ наказаній, произошла ли такая перемѣна къ лучшему отъ перемѣщенія армейской семинаріи съ Васильевскаго острова въ 3-ю роту Измайловскаго полка, въ болѣе обширный домъ, въ которомъ отведена была квартира и оберъ-священнику,—неизвѣстно. Можетъ быть причиной тому и самое время, котораго обстоятельства укротили учащихъ и учащихся въ семинаріи. Насталъ 1812 годъ.

III.

Двѣнадцатый годъ.—Комета.—Смятеніе въ городѣ.—Сперанскій.—Смерть Кутузова и его погребеніе.—Проводы войскъ.—Воодушевленіе семинаристовъ.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Возвращеніе гвардіи.—Императоръ Александръ I.; моя съ нимъ встреча.—Торжества послѣ войны.—Слоны и Персидское посольство.—Снараженіе миссіи въ дворамъ.

Кто не помнитъ достопамятнаго и незабвеннаго 1812 года? Живо помню его и я по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія произвели на меня происшествія этого года, все то, что я собственными глазами видѣлъ или слышалъ. Помню я ту страшную комету, которая своимъ огромнымъ ядромъ и длиннымъ раздвоеннымъ хвостомъ пугала насы дѣтей, появляясь въ сумерки въ теченіе долгаго времени; помню, какъ приходившіе тогда въ нашу семинарію военные и гражданскіе чиновники поражали нашъ слухъ, называя неповиннаго Сперанскаго измѣнникомъ и предателемъ; помню то смятеніе всѣхъ петербургскихъ жителей, когда они услышали о занятіи Москвы французами; помню и видѣлъ то потрясающее зрѣлище, когда бѣжавшіе изъ Москвы жители въ экипажахъ и на повозкахъ мимо нашей семинаріи вѣзжали въ Петербургъ при плачѣ женщинъ и дѣ-

тей; помню, какъ во многихъ пунктахъ города происходили на-
боры рекрутъ и ополченцевъ, при прощальномъ рыданіи остав-
ляемыхъ ими семействъ; помню, какъ устрашенные обитатели
Петрбурга выносили изъ домовъ своихъ шкафы, комоды, сун-
дуки и прочее имущество, препровождая ихъ на баркахъ въ
Кронштадтъ, Або и другіе города Имперіи; помню, какъ пустѣль напѣтъ Петербургъ, какъ рѣдко показывались на улицахъ
кареты и какъ, по отбытии Государя къ арміи, остававшіяся
въ городѣ императрицы Марія Феодоровна и Елизавета Алекс-
ѣвна прѣѣзжали молиться въ Казанскій соборъ и со слезами
на глазахъ кланялись толпившемуся около нихъ народу, ко-
торый и самъ плакалъ. Это собраніе называли тогда па-
домъ; гвардейцевъ въ столицѣ уже не оставалось, дворецъ
охраняли гарнизонные солдаты въ своихъ сѣрыхъ мундирахъ.
Уныніе было всеобщее. Радостная вѣсть о Тарутинской по-
бѣдѣ и о выходѣ французовъ изъ Москвы ободрила петер-
буржцевъ; дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія и бѣгство фран-
цузской арміи еще болѣе ихъ обрадовали. Помню, наконецъ,
и то, какъ зимою вели мимо нашей семинаріи плѣнныхъ не-
пріятелей, худо одѣтыхъ и коченѣвшихъ отъ мороза, кото-
рый бывалъ тогда такъ силенъ, что изъ Лѣтнаго сада возами
вывозили замерзшихъ воронъ; жители съ сожалѣніемъ смотрѣли
на плѣнныхъ, дарили ихъ одеждами и деньгами. Ужасная
вѣсть о смерти князя Кутузова снова поразила Петербургъ
уныніемъ. Плакали обѣ этомъ спасителѣ отечества всѣ, пла-
кали о немъ и мы, дѣти, думая, что безъ него уже некому буд-
етъ поражать нашихъ враговъ, и что Наполеонъ снова вер-
нется въ Россію и овладеетъ Петербургомъ. Но новыя побѣды
нашихъ войскъ и занятіе Парижа совершенно успокоили жи-
телей столицы.

По полученіи извѣстія о смерти Кутузова во всѣхъ церк-
вяхъ Петербурга начали читать Псалтырь, а въ Казанскомъ
Соборѣ, подъ куполомъ, устроилась огромная арка, на поверх-
ности которой живописью были изображены его побѣды. Я самъ
видѣлъ погребеніе Кутузова и самъ былъ участникомъ въ по-
гребальной церемоніи. Когда тѣло его было привезено въ Сер-

гіевскую пустынь, оберъ-священникъ Державинъ съ хоромъ своимъ долженъ былъ сопровождать тѣло покойного героя отъ пустыни въ Петербургъ. Наканунѣ того дня, въ маѣ мѣсяцѣ, нашъ хоръ пѣшкомъ отправился по Петергофскому тракту и достигъ пустыни уже ночью. Въ Сергіевской церкви мы увидѣли на черномъ катафалкѣ большой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотыми позументами, и надъ нимъ такой же балдахинъ съ золотыми кистями. Его окружали армейские солдаты съ ружьями. Выносъ начался поутру, часовъ въ 8, послѣ литії. Гробъ съ балдахиномъ поставленъ былъ на высокую колесницу, запряженную 8 лошадьми въ черныхъ покрывалахъ; въ такихъ же траурныхъ плащахъшли слуги съ факелами, позади вели лошадей покойного, а по сторонамъ гроба военные несли на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена его. Впереди шло духовенство съ архіереемъ во главѣ и хоръ пѣвчихъ, которые на пути слѣдованія поперемѣнно шли и садились для отдыха въ кареты; такимъ же образомъ перемѣнялись между собой въ шествіи архіерей и оберъ-священникъ. Погребальный кортежъ, сопровождаемый множествомъ стекшагося народа, такъ былъ длиненъ, что когда, бывало, выскочишь изъ рядовъ хора, чтобы взглянуть на него, то на весьма далекомъ разстояніи видишь только одинъ верхъ балдахина съ княжескою на немъ короною и съ зыблющимися по четыремъ угламъ его страусовыми перьями. Путь, по которому тянулось шествіе до Петербурга, былъ усыпанъ ельникомъ на протяженіи 16 верстъ. Когда кортежъ приблизился къ тріумfalнымъ воротамъ, митрополитъ Амвросій со всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при множествѣ собравшагося народа, встрѣтилъ его. По данному знаку мгновенно отпряжены были лошади отъ погребальной колесницы, и жители Петербурга на себѣ повезли ее, наперерывъ смѣнная другъ друга. Во время шествія улицы Петербурга были буквально запружены народомъ, въ окнахъ и на крыльцахъ всѣхъ домовъ видны были зрители. Когда погребальную колесницу подвезли къ Казанскому собору, военные чины сняли съ нея гробъ, внесли впуть храма и поставили

подъ арку, устроенную подъ куполомъ. Въ церковь пускали немногихъ. Посредствомъ какого-то механизма, скрытаго въ бокахъ арки, гробъ, какъ будто самъ собою, сталъ подниматься, и, когда прошелъ въ верхнее отверстіе арки, доски тѣмъ же механизмомъ задвинули отверстіе, и на нихъ гробъ сталъ; надъ нимъ преклонились знамена и спустился съ купола восковой Архангелъ Михаилъ съ лавровымъ вѣнцомъ въ рукѣ. По совершеніи краткой литіи, четыре кавалергарда, съ касками на головахъ и съ обнаженными саблями, взошли на платформу арки и стали по четыремъ угламъ гроба. Псаломщикъ сталъ читать псалтирь, всѣ присутствующіе стали расходиться, съ ними ушелъ и нашъ хоръ. На третій день совершено было въ Казанскомъ соборѣ и самое погребеніе, при которомъ нашего хора уже не было.

Въ началѣ отечественной войны ученіе въ Армейской Семинаріи шло слабо и съ перерывами. Пѣвчіе въ особенности отвлекались отъ учебныхъ занятій. Они часто должны былиходить за оберъ-священникомъ на Семеновскій плацъ, гдѣ совершались напутственные молебствія передъ отправленіемъ полковъ гвардіи въ походъ. Полки всегда выходили изъ города по Обуховскому проспекту мимо нашей семинаріи, и всѣ семинаристы выбѣгали за ворота смотрѣть на процессіи. Оберъ-священникъ благословлялъ полки иконами. Трогательно было это зрѣлище: генералы и полковые командиры со слезами принимали эти иконы и говорили: „батюшка, молитесь за насть, идемъ умереть за отчество“. Настроеніе семинаристовъ было воинственное. Человѣкъ 15 изъ нихъ поступило тогда въ регулярные полки и въ ополченіе. Нѣкоторые изъ нихъ воротились офицерами, а ополченецъ Дудулкевичъ побывалъ даже въ самомъ Парижѣ и принесъ съ собою немалую деньги. Мы, дѣти, большую часть времени проводили въ забавахъ, изучая воинскій артикуль, маршировали съ палками въ рукахъ, подъ командою солдата, стояржа нашего Агаѳона. Намъ тогда было уже не до науки: всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ занимались вѣстями изъ арміи, читали продаваемыя на улицахъ реляціи, встрѣчали фельдъ-егерей, отъ которыхъ, конечно, ничего не узнавали; одинъ только

изъ нихъ, какъ я помню, скакавшій во весь опоръ, съ казакомъ позади его, мимо нашей семинаріи, громко прокричалъ: „мы побѣдили французовъ, выгнали изъ Москвы!“ Когда пришла въ Петербургъ радостная вѣсть о взятіі Парижа, восторгъ жителей былъ неописанный. Три ночи сряду продолжалась великолѣпнайшая, небывалая иллюминація. Насъ освободили тогда отъ ученія, и мы бродили въ тѣ ночи по иллюминованнымъ улицамъ, смотря на многочисленные картины и транспаранты, выставленные противъ домовъ, слушая игравшую повсюду музыку и радостный говоръ толпившагося народа, среди которого проѣзжали Императрицы при восклицаніяхъ: „ура!“ Само собою разумѣется, что послѣ такихъ празднествъ уроки намъ не шли уже въ голову. Когда по окончаніі войны гвардія возвращалась въ Петербургъ, государь Александръ Павловичъ, прежде того ночью прибывшій въ Петербургъ и отказавшійся отъ предложенной ему торжественной встрѣчи, встрѣтилъ гвардію за новыми триумфальными воротами, выстроенными для этого именно случая. Шествіе открыло самъ государь верхомъ на бѣломъ конѣ, съ генералитетомъ позади его; затѣмъѣхали въ торжественной открытой колесницѣ великолѣпно одѣтая Императрица съ Великой Княжной Анной Павловной. Полки гвардіи приближались къ столицѣ торжественнымъ, тихимъ маршемъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, а затѣмъ уже бѣжали, говоря: „такъ мы вступали въ Парижъ!“ Жены солдатъ врывались въ ряды ихъ и обнимали своихъ мужей. Я стоялъ у самой веревки, протянутой для удержанія толпившагося народа въ порядкѣ, и видѣлъ всю церемонію. Говорили, что, когда Государь подѣважжалъ къ старымъ каменнымъ триумфальнымъ воротамъ, мальчишки толпою вырвались за веревку и окружили Государя, который, запретивъ отгонять ихъ, самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „ура!“ Мальчишки повторили это восклицаніе, и затѣмъ оно понеслось въ народѣ и въ войскѣ. Я, находясь вдали, не могъ этого видѣть и слышать. Можно считать этотъ разсказъ невѣроятнымъ, но надобно знать, какъ покойный Императоръ Александръ Павловичъ былъ благодушенъ, когда являлся передъ народомъ. Когда, бывало, зимою онъ про-

хаживался по набережнымъ, мальчишки, катавшіеся на конькахъ по рѣкѣ, увидѣвши его, громко кричали: „братцы, вонъ идетъ Государь!“ и толпою бѣжали къ нему. Квартальные не смѣли отгонять ихъ, но, по удаленіи Государя, задавали смѣльчакамъ таску.

Однажды и мнѣ случилось встрѣтиться съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. На масляной недѣлѣ, когда ученики освобождаются отъ классовъ, я не могъ выходить изъ семинаріи, за ветхостью сапогъ. Выпросивъ сапоги у товарища, я пошелъ къ сапожнику, жившему на Васильевскомъ Островѣ. Получивъ у него новые сапоги, я возвращался близжайшею дорогой мимо голландской биржи по узкому безлюдному переулку; вдали я завидѣлъ сани, запряженныя въ одну сѣрую лошадь, и на козлахъ сидѣвшаго царскаго кучера Ильюшку, котораго всѣ въ Петербургѣ знали. Я догадался, что єдетъ самъ Государь. Когда сани подъѣхали близко, я стала въ сторону, снялъ шапку и низко поклонился, держа на лѣвой руцѣ свяzzанные ремешкомъ сапоги. Государь, обратясь ко мнѣ, приложилъ руку свою къ шляпѣ и, смѣясь, что-то говорилъ своему кучеру,

За окончаніемъ войны въ Петербургѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ торжествъ. Помню, какъ мимо нашей семинаріи совершился торжественный вѣзѣздъ невѣсты Великаго князя Николая Павловича Александры Феодоровны, дочери прусскаго короля.— Прекрасная свѣтловолосая принцесса сидѣла въ золотой каретѣ съ Императрицами и привѣтливо кланялась на обѣ стороны народу и войску, шпалерами стоявшему на всемъ пути до дворца. Впереди ѿхалъ Государь съ генералитетомъ; подлѣ кареты слѣдовалъ верхомъ Августѣйшій женихъ. Шествіе это продолжалось при пушечныхъ выстрѣлахъ и восклицаніяхъ народа и войска.—Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, мимо нашей семинаріи прослѣдовала торжественная процессія по случаю вѣзѣза самого Прусскаго Короля. По этому же пути въ октябрѣ мѣсяцѣ вели двухъ огромнѣйшихъ слоновъ, присланныхъ Персидскимъ Шахомъ въ подарокъ Государю. Это было новое для насъ зрѣлище. Народъ толпился около слоновъ. По какому-то

знаку персіянина-провожатаго, самецъ слонъ, захвативъ хоботомъ изъ лужи воды, обдалъ ею публику, и всѣ смѣялись. Зимою, при торжественномъ вѣзѣ персидскаго посла, вели занимъ этихъ слоновъ въ богатыхъ шелковыхъ попонахъ и медвѣжьихъ туфляхъ. На хребтахъ ихъ устроены были богатыя будки, въ которыхъ сидѣли члены посольства съ дарами Шаха, а сзади слоновъ персіяне вели прекраснѣйшихъ персидскихъ лошадей для двора. Говорили, что во время пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ одинъ изъ членовъ его пронзилъ кинжаломъ одного русскаго. Когда оберъ-полиціймайстеръ донесъ объ этомъ посланнику, послѣдній просилъ первого нѣсколько обождать, и чрезъ нѣсколько минутъ принесли на блюда и показали оберъ-полиціймайстеру отрубленную голову убійцы.

Императоръ Александръ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, повелѣлъ директору пѣвческой капеллы Бортнянскому набрать лучшихъ псаломщиковъ для церкви при гробѣ любимѣйшей и несчастнѣйшей сестры Его Александры Павловны и представить ихъ Ему самому на испытаніе. Въ число набранныхъ псаломщиковъ попалъ басъ нашего хора Ульянскій, который разсказывалъ намъ слѣдующее. Въ четвергъ пасхальной недѣли князь А. Н. Голицынъ и Бортнянскій привели ихъ въ дворецъ къ самому кабинету Государя въ десять часовъ утра. Вскорѣ Государь вышелъ къ нимъ въ военномъ сюртуке, безъ галстука, въ ботфортахъ, на одной изъ которыхъ видна была заплата. Держа въ рукѣ книгу, онъ спросилъ: „Кто изъ васъ басъ?“ Ульянскій обозвался; Государь, подавъ ему развернутую книгу пасхальной службы, велѣлъ начинать пѣть. Ульянскій отъ робости не могъ начать; Государь самъ запѣлъ басомъ „аминь“ и затѣмъ пропѣлъ съ нами всю пасхальную всенощную, потомъ они пѣли съ нимъ и партесныя пѣсни. Я,—говорилъ Ульянскій,—исполнялъ ихъ по своимъ нотамъ, а государь пѣлъ по своему и спросилъ Бортнянского: „Кто изъ насъ правъ?“ Бортнянскій отвѣталъ: „можно пѣть такъ и такъ“. По окончаніи пѣнія Государь обратился къ намъ съ такими словами: „Я по-

сылаю васъ въ такое мѣсто, которое близко моему сердцу; служите тамъ вѣрно и усердно, я васъ буду имѣть въ виду".

IV.

Смерть отца.—Орловъ и Мансветовъ.—Священникъ Петровъ.—Прогулка въ Петергофъ.—Учитель Мансветовъ.—Архіепископъ Михаилъ.—Ревизоръ архимандрии Илларионъ.—Студентъ Суворовъ.—Обученіе дѣтей Державина.—Закрытие Семинаріи.

Въ 1815 году я поступилъ въ риторическій классъ. Въ началѣ этого курса меня поразило такое горе, какого я никогда не испытывалъ и никогда уже не испытываю. Замѣчательно, что на меня вдругъ и безъ всякой видимой причины напала неизъяснимая тоска, отъ которой я не зналъ, куда дѣваться; я удалялся отъ товарищѣй въ пустые классы и тамъ плакалъ. мнѣ почему-то казалось, что товарищи враждебно смотрятъ на меня, а начальство и учителя за что-то на меня сердятся. Чрезъ нѣсколько дней, когда товарищи окружили меня плачущаго, прішель письмоводитель канцеляріи оберъ-священника, и тяжкое предчувствіе мое объяснилось. Письмоводитель, видя мои слезы, спросилъ: „что же сказалъ ему, что отецъ его умеръ?" Слова эти какъ громомъ поразили меня, я едва устоялъ на ногахъ и залился горькими слезами. Въ канцеляріи я узналъ послѣ, что отецъ мой въ 1813 году, въ одномъ изъ сраженій въ Германіи, былъ раненъ осколкомъ ядра въ бокъ, и скоро умеръ. Уже по смерти его ему вышла награда—золотой крестъ. Матери моей назначена пенсія въ 100 рублей.—Время и класныя занятія облегчили скорбь мою, а милость Божія послала мнѣ тогда благотворителей, которые своимъ отеческимъ ко мнѣ благородствомъ облегчили мое сиротство и самыі ходъ моего ученія. Благотворители эти были: инспекторъ семинаріи Яковъ Васильевичъ Орловъ и учитель словесности—священникъ Мансветовъ. Риторическіе уроки меня не затрудняли. Даровитый Полковъ и въ этомъ классѣ превосходилъ всѣхъ настѣ своими успѣхами. Еще въ 3-мъ классѣ, не зная правилъ риторики, онъ писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Мы часто обращались

къ нему за объясненіями по предметамъ нашихъ уроковъ, и онъ охотно помогалъ намъ. Но Орловъ и Мансветовъ, не знаю почему, особенно благоволили ко мнѣ.

Орловъ, занимая въ семинаріи нашей должность инспектора и преподавателя исторіи, въ то же время читалъ лекціи исторіи и въ петербургской академіи для воспитанниковъ первого ея выпуска. Будучи слишкомъ занятъ своими сочиненіями и отлучками въ академію, онъ часто призывалъ меня къ себѣ и давалъ свои академическія лекціи для того, чтобы я, по его наставленію, сокращалъ ихъ и въ сокращенномъ уже видѣ передавалъ соученикамъ моимъ. Поэтому я много читалъ и полюбился исторію, что было мнѣ полезно и въ академіи.—По recommendationi Орлова я приглашеннѣ былъ на вакационное время конногвардейскимъ священникомъ Петровымъ приготавлять сына его къ поступленію въ семинарію. Петровъ даваль мнѣ читать бывшія тогда въ печати сочиненія Карамзина, которыя я читалъ съ увлечениемъ. Такимъ образомъ я проводилъ время у Петрова съ пользою для себя и съ удовольствиемъ. Но тогда же я испыталъ и неожиданную для меня непріятность, которую и теперь не забываю.

22-го іюля, когда въ Петергофѣ праздновалось тезоименитство императрицы Марії Іеодоровны, на которое обыкновенно собиралась масса публики изъ Петербурга, пришелъ къ Петрову одинъ чиновникъ и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ компанией отправляется въ Петергофъ. Петровъ, желая доставить мнѣ удовольствіе, просилъ этого чиновника взять и меня съ собою, на что тотъ и согласился. Мы отправились по Финскому заливу на катерѣ и благополучно прибыли въ Петергофъ къ тому самому времени, когда, по окончаніи обѣдни, передъ дворцомъ происходилъ парадъ кавалергардского полка подъ командою Великаго Князя Константина Павловича. Тамъ собралась уже большая толпа народа, къ этой толпѣ присоединились и мы. Зазѣвавшись на парадѣ, я какъ-то отсталъ отъ моихъ знакомыхъ и, отыскивая ихъ, сталъ бѣгать въ разныя стороны; не находя ихъ въ верхнемъ саду, я бѣгалъ въ нижній, возвращался нѣсколько разъ назадъ и опять въ нижній садъ,

но все безуспешно. Между тѣмъ толпа народа росла все больше, время приблизилось къ ночи, и стали зажигать иллюминацію. Бѣгая взадъ и впередъ по проспектамъ, я плакалъ. Какой-то человѣкъ подозрительного вида взялъ меня за руку и повелъ по аллеямъ, какъ вдругъ, къ моему утѣшенню, встрѣтили меня два моихъ товарища и взяли съ собой. Долго бродили мы по Петергофскимъ аллеямъ, любуясь блестящею иллюминаціей, фонтанами и проѣзжавшими среди народа придворными линейками, на которыхъ сидѣли члены царской фамиліи и нѣкоторые изъ ея свиты. Утомившись отъ ходьбы и проголодавшись, мы сѣли подлѣ одного балагана, въ которомъ товарищи мои купили булокъ и покормили ими и меня, не имѣвшаго ни копейки. Пославши немнога, мы рано отправились пѣшкомъ въ обратный путь по петергофскому шоссе. Утомленные походомъ нашимъ, мы смотрѣли па многочисленные возвращавшіеся въ Петербургъ экипажи; видя пустыя запятки у одной коляски, мы сѣ товарищемъ сѣли на нихъ. Но не долго мы такъ ѿхали: неожиданно изъ коляски послѣдовалъ ударъ плетью прямо по моему лицу; мы тотчасъ же соскочили и посрамленные кое-какъ пѣшкомъ доплелись до Петербурга. Вскорѣ пришелъ къ Петрову упомянутый выше чиновникъ и, обрадовавшись моему возвращенію, говорилъ, что я потерялся въ Петергофѣ къ моему счастью, потому что на обратномъ пути на Финскомъ заливѣ была страшная буря, угрожавшая пассажирамъ гибелю, и что будто бы одинъ изъ катеровъ перевернулся. Вотъ каково было мое путешествіе въ Петергофъ, отъ которого я ожидалъ себѣ удовольствія. Тогда же кончилась наша ваканція, и я возвратился въ семинарію.

Другой мой доброжелатель Мансветовъ, съ отличнымъ успѣхомъ обучавшійся въ петербургской академіи, еще до ея преобразованія, бывшій потомъ превосходнымъ учителемъ словесности въ ярославской семинаріи и выбывшій изъ нея вслѣдствіе непріятностей съ архиереемъ, поступилъ священникомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прославился своими прекрасными напечатанными поученіями воинамъ. Оберъ-священникъ вызвалъ его въ армейскую семинарію на каѳедру русской словесности и греческаго языка. Разумное его препо-

даваніе пріобрѣло ему общее уваженіе учащихся. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его лекціи, особенно когда онъ въ собраніи трехъ высшихъ классовъ читалъ и разбиралъ рѣчи Цицерона, сочиненія Державина и проповѣди Филарета, входившаго тогда въ славу. Мы, ученики-риторики, не могли еще усвоить себѣ этихъ лекцій, но я хорошо помню, какъ онъ, превознося Филарета, говорилъ, что никто еще изъ духовныхъ писателей, до него бывшихъ, не пользовался такъ хорошо герменевтикою и никто не объяснялъ св. писанія такъ вразумительно. Въ нашемъ риторическомъ классѣ онъ занимался съ нами болѣе практическіи: читалъ намъ образцовая по словесности сочиненія, объяснялъ ихъ, часто заставлялъ нась и самихъ сочинять, исправлялъ эти сочиненія, заставляя по нѣсколько разъ передѣлывать ихъ. Онъ преподавалъ намъ также поэзію и учили писать стихи. Когда преподаны были намъ правила всѣхъ родовъ сочиненій, Мансветовъ посовѣтовалъ мнѣ написать оду на Рождество Христово для поднесенія черниговскому архієпископу Михаилу, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и знатному моего отца по епархіи. Я ее написалъ, а Мансветовъ поправилъ. Въ первый день праздника я предсталъ предъ владыкою съ моимъ произведеніемъ и получилъ отъ него въ награду 25 рублей ассигнаціями. Въ день Пасхи я поднесъ преосвященному сочиненную и поправленную Мансветовымъ рѣчъ мою, за которую онъ тогда не далъ мнѣ денегъ, но будучи уже въ санѣ петербургскаго митрополита, оказалъ мнѣ болѣе существенное благодѣяніе.

При окончаніі риторическаго курса нашего назначенъ былъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ ревизоромъ нашей семинаріи славившійся тогда своею ученостію архимандритъ Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, докторъ богословія. Мы ревностно и съ нѣкоторымъ страхомъ готовились къ экзамену. Иннокентій вмѣстѣ съ оберъ-священникомъ Державинымъ пришелъ въ нашу залу, гдѣ собраны были ученики высшихъ трехъ классовъ семинаріи, которыхъ число, считая въ немъ и учениковъ уѣзднаго училища, называвшихся тогда семинаристами, было не болѣе 70-ти. Иннокентій началъ испытанія съ

богословского класса, въ которомъ тогда, за выбытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ въ военную службу, было только два, а ученикамъ философіи и риторики назначилъ писать сочиненія; намъ далъ тему: „De praestantia litterarum“. Преподаватель богословія магистръ Маловъ отличался своею бойкостью, спрашивая учениковъ и отвѣчая иногда за нихъ предъ ревизоромъ. Когда очередь дошла до насъ, Мансветовъ представилъ Иннокентію написанныя на заданныя темы наши сочиненія и многа другихъ классныхъ нашихъ упражненій. Иннокентій, окончивъ ревизію, просилъ оберъ - священника представить Мансветова къ наградѣ. Послѣ экзамена я, въ числѣ прочихъ соучениковъ моихъ, былъ переведенъ въ классъ философіи, а нѣкоторые изъ нихъ, уже великовозрастные, остались въ томъ же классѣ. Философію намъ преподавалъ Суворовъ, студентъ, обучавшійся въ академіи съ первымъ выпускомъ, но не получившій академической степени. Вѣроятно, въ то время не было еще достаточного числа магистровъ и кандидатовъ для всѣхъ семинарій. О достоинствѣ преподаванія Суворова мы еще судить не могли.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ классъ философіи, по рекомендациіи инспектора Орлова, меня назначили учить маленькихъ дѣтей оберъ-священника, который съ этого времени сталъ еще болѣе благоволить ко мнѣ. Жизнь моя въ это время была весьма счастлива. Я думалъ, что въ армейской семинаріи благополучно кончу полный курсъ, но надеждѣ моей не суждено было исполниться. Стали носиться слухи, что семинарію нашу закроютъ, и этотъ слухъ наскъ всѣхъ сильно встревожилъ. Мы сердечно любили наше заведеніе, пользуясь въ немъ хорошимъ содержаніемъ: комнаты наши были чистыя, свѣтлыя, даже расписанныя; одежду намъ давали приличную; кормили насъ удовлетворительно; начальствующіе обходились съ нами въ послѣднее время гуманнѣе прежняго. Къ концу года нахожденія моего въ классѣ философіи тревожные слухи исполнились. Синодъ положилъ: армейскую семинарію, по малочисленности ея, закрыть, а воспитанниковъ ея разослать по тѣмъ епархіямъ, въ которыхъ находились ихъ родные; отпускаемую на семинарію

сумму предоставлено оберъ-священнику ежегодно разсыпать епархиальнымъ архіереямъ для содѣржанія армейскихъ воспитанниковъ въ мѣстныхъ семинаріяхъ. Грустно намъ было видѣть, какъ стали выѣзжать наши однокашники. Наконецъ дѣло дошло и до остававшихся еще въ домѣ учениковъ, состоявшихъ въ петербургской губерніи. Куда меня дѣйнутъ, я еще не зналъ. Оберъ-священникъ объявилъ мнѣ, что я поступлю въ петербургскую Александро-Невскую семинарію. Слова эти, съ одной стороны, утѣшили меня тѣмъ, что я не удалюсь отъ любимаго семейства Державиныхъ, съ другой же стороны—огорчали меня тѣмъ, что я долженъ поступить въ нелюбимую нами Невскую семинарію, съ которою наша находилась въ какомъ-то антагонизмѣ. Невскіе семинаристы называли насъ солдатами, а мы ихъ *пушками*, потому что они незадолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы.

Настало время нашего выхода изъ дома. Когда мы (въ числѣ 16 душъ) собрались на дворѣ, оберъ-священникъ, съ грустнымъ видомъ, изъ окна благословилъ насъ,—и повели насъ плачущихъ за обозомъ нашимъ въ плѣненіе вавилонское, какъ мы тогда называли несчастное перемѣщеніе наше подъ начальство монаховъ, которыхъ мы не любили и боялись. Я скорбѣлъ еще и потому, что въ числѣ переселенцевъ былъ одинъ только я изъ философскаго класса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прозою или стихами написано „Слово о полку Игоревѣ“?

Вопросъ о формѣ „Слова о полку Игоревѣ“—не маловажнѣй въ ряду другихъ вопросовъ о „Словѣ“. Далеко не безразлично: читать ли извѣстное художественно-литературное произведеніе какъ стихи, или какъ прозу. При прозаическомъ чтеніи стиховъ совершенно теряется весьма значительная доля художественнаго обаянія произведенія. Съ этимъ согласится каждый, кому доводилось слышать неумѣлое чтеніе стихотворныхъ произведеній.

Ставя своей задачей попытаться решить вопросъ о формѣ „Слова“ и именно доказать стихотворный ея характеръ,—считаю полезнымъ дать критический обзоръ сдѣланнаго по данному вопросу.

Въ спискѣ, которымъ пользовались первые издатели (въ Пушкинскомъ Сборникеѣ), слово о полку Игоревѣ писано было въ сплошную строку и даже безъ красныхъ строкъ: безъ дѣленія на какіе бы то ни было отдѣлы—части¹⁾). Такимъ образомъ, формой своего написанія въ Пушкинскомъ спискѣ „Слово“ какъ бы указывало на прозаическій свой характеръ (точнѣе: не указывало на стихотворный).—Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уже при первомъ знакомствѣ съ „Словомъ“, не могла не бросаться въ глаза и художественная образность его языка. Видно было, что по содержанію и языку—это не проза, а поэзія.

¹⁾ Доказательства: а) письмо М.—Пушкина къ Калайдовичу отъ 31 декабря 1813 г. (нагеч. въ Зап. и Тр. Общ. Ист. и Др. Рос., ч. II, 1824 г. стр. 36. Ср. Барсова II, 36 и Смирнова I, 5). б) Екатерининская копія „Слова“ (писана вовсе безъ красныхъ строкъ) и 1-е издаваніе его—1800 г. (всего 7-ми красныхъ строкъ).

Такою же двойственностью отличались, казалось, и тѣ немногія выраженія, въ которыхъ авторъ самъ, какъ будто, характеризовалъ свое произведеніе. Оно называлось здѣсь то „Словомъ“, то „пѣснью“, то „повѣстю“ или „трудными повѣстями“. Говорилъ авторъ о какихъ то „старыхъ словесахъ“, обѣщалъ пѣсню „по былинамъ сего времени“, а не по замысленію Бояню“. Какъ все это понять и какъ примирить?—являлся вопросъ.

И изслѣдователи обращали вниманіе: то на форму написанія „Слова“ въ Пушкинской рукописи, то на образность его языка, то на то или другое выраженіе въ самомъ „Словѣ“, толкуя послѣднія нерѣдко различно; и приходили къ выводамъ, естественно тоже различнымъ до противоположности.

Въ первомъ печатномъ извѣстіи объ открытии „Слова“ оно названо было „отрывкомъ поэмы“—“пѣснью“ Игоревыхъ воиновъ („Fragment d'un poème“—„le Chant des guerriers d'Igor“) ¹⁾. „Поэмой“ (с. VI)—„отрывкомъ“ (с. VIII) въ предисловій, а „Ироической пѣснью“ въ заглавіи называли „Слово“ и первые его издатели. О вѣнчаніи формѣ произведенія (проза или стихи) было такимъ образомъ умолчано. Но уже въ слѣдующемъ году Шлецеръ сказалъ, что „Слово“ написано „политическою прозою“. Съ тѣхъ поръ и до-нынѣ это—господствующее мнѣніе о формѣ „Слова“.— Но такой взглядъ не мѣшалъ инымъ изъ лицъ, считавшихъ его прозайческимъ произведеніемъ, называть „Слово“ „историческою поэмою“ или просто „пѣснью“; а подчасъ даже называть автора „Слова“ „стихотворцемъ“ (Грамматинъ). Прозу „Слова“ нерѣдко называли „гармоническою“, „размѣренною“, „благозвучною“, „мѣрной прозою, въ родѣ арабской“. Грамматинъ, считавшій „Слово“ поэмой въ прозѣ, говорилъ между прочимъ о складѣ „Слова“: „періоды его кратки и заключаются въ себѣ не только сами, но и части ихъ, отдѣльный смыслъ; отъ этого происходит гармонія, похожая на некоторый размѣръ“. Въ „прозѣ“ „Слова“ „слышны, по мнѣнію Грамматина, разные роды звучныхъ кадансовъ, или размѣровъ“ ²⁾.

¹⁾ Въ октябрьской кн. гамбургскаго журнала „Spectateur du Nord“, p. 55, См. Гарс.: I, 31; Смири.: I, 4; Петрушевичъ: 32.

²⁾ „Сл. о И. Игор.“, М. 1823 г., с. 31—32; (сперва въ „Вѣстн. Евр.“ 1822 г., ч. V, № 18, с. 138—9. Ср. Смири.: I, 40).

Но если Грамматинъ, убѣжденный въ прозаическомъ характерѣ „Слова“, тѣмъ не менѣе замѣчалъ въ немъ „гармонію, похожую на нѣкоторый размѣръ“, —то на другихъ лицъ языкъ „Слова“ — художественный, образный, мѣрный — производилъ впечатлѣніе гораздо болѣе сильное. Не стихи ли это, невольно напрашивался вопросъ. И *непосредственное впечатлѣніе отъ чтенія „Слова“* нерѣдко подсказывало утвердительный отвѣтъ: да, стихи, — стихи отъ начала до конца. — Эту мысль допускаль уже Востоковъ, положительно утверждалъ Н. Полевой, считаль вѣроятной Максимовичъ; ею увлеклись Павскій и Жуковскій. Къ ней склонялись позже: въ 50-хъ годахъ Бѣляевъ¹⁾ и Гербель, въ 70-хъ — Малашевъ, въ 80-хъ — Барсовъ и Петрушевичъ.

„Есть ли какой размѣръ въ словѣ о полку Игоревѣ“, — уже въ 1812—17 г. ставиль вопросъ А. Востоковъ²⁾; „въ стихахъ или прозѣ“ написано оно? Допускаль и то, и другое решеніе, авторъ склоненъ быль считать вопросъ едва ли разрѣшимымъ. Если бы размѣръ XII-го вѣка, разсуждалъ онъ, и сохранился „чрезъ столько вѣковъ“ „въ настоящемъ своемъ видѣ“, мы все таки „не только судить объ немъ, но даже примѣтить его теперь не могли бы за его древностью, ибо чрезъ 600 лѣтъ, вѣрно, сколько нибудь перемѣнилась и прозодія языка Русскаго?“ Текстъ „Слова“ Востоковъ пробовалъ все таки раздѣлить „на стихи подобные библейскимъ“. „Признаюсь, говорилъ онъ, что я испытывалъ сію операцио надъ всей поэмой: она у меня раздѣлилась, безъ всякой принужденной разтяжки и безъ всякой перестановки словъ, на... довольно равные и мѣрные періоды или стихи“. Приведенный Востоковымъ образчикъ его дѣленія „Слова“, (11-ть стиховъ: 1. Нелѣпли ны бяшеть братіе... 11. Шизымъ орломъ подъ облакы“), обнаруживая въ авторѣ глубокую чуткость къ размѣру „Слова“, заставляетъ пожалѣть, что онъ не обнародовалъ тогда же результатовъ своей операциї надъ „Сло-

¹⁾ Отрывокъ (начало) изъ опыта Бѣляева разложить „Слово“ на стихи изданъ А. Бычковымъ въ 1887 г. (у Барсова, т. II, „дополненія“, с. 3—4], по черновымъ бумагамъ автора, сохранившимся въ отрывкахъ.

²⁾ Въ „Опытѣ о рус. стихосложеніи“: 1-е изд. въ „Слб. Вѣсти.“ за 1812 г., 2-е. Слб. 1817 г., с. 159—61. Ср. Смира.: I, 24—25; Барс.: I, 168—9.

вомъ". Но и тѣ 3 печатныхъ странички, которые удѣлилъ вопросу о размѣрѣ „Слова“ Востоковъ, оставили замѣтный слѣдъ въ литературѣ „Слова“. Свѣтлая мысль о стихотворной (*можетъ быть*) формѣ „Слова“, пущенная впервые имъ, была замѣчена и, хотя медленно и нетвердо, все же стала пробивать себѣ дорогу.

Первые шаги по пути Востокова (20-хъ годовъ) были неудачны. Бѣда была въ томъ, что хотѣли найти въ „Словѣ“ одинъ опредѣленный, притомъ литературный, стихотворный размѣръ. Пасторъ Зедергольмъ, при своемъ нѣмецкомъ переводѣ „Слова“, сдѣлалъ открытие, что „Слово“ писано хореями и амфибрахіями¹⁾. Спустя три года Дубенскому почудилось, что оно сложено шестистопнымъ дактилохореическимъ стихомъ или гекзаметромъ²⁾. Къ счастью попытки въ этомъ направлениѣ были немногочисленны. Лишь въ 80-хъ годахъ Ом. Партицкій издалъ цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ, что „Слово“ писано ямбами и трохеями³⁾.

Къ какому искаженію „Слова“ вели эти попытки, можно видѣть изъ слѣдующаго образчика дѣленія его на стихи Дубенскимъ:

Святъславъ грозный Великій Кіевскій... Бяшетъ грозою
Притрепеталь пльки своими сильными и харалужными
Мечи; настути на Половецкую землю;
· · · · ·
Русскаго злата насыпаша. Ту князь высьдѣ Игорь
Изъ сѣда злага, а въ сѣдlo Коціево, уныша
Бо градомъ забрали, а веселье пониче.

Довольно. Слова переставлены, мысли разбиты на клошки. Желая облечь „Слово“ въ гекзаметрическую форму, авторъ достигъ неожиданныхъ результатовъ: глубоко поэтическое мѣсто превратилъ въ прозу.

¹⁾ М. 1825 г. См. Сахаровъ, пѣсни ч. V (1839 г.), с. 28.

²⁾ Въ „опытѣ о народѣ. Рус. стихосложеніи“. М. 1828 г. и См. Барс. т. I, с. 170 и 7; Сахаровъ, Пѣсни, ч. I. Ср. д. Дубенскій „Сл. о П. Иг.“ въ „Рус. Достопам.“, изд. О. И. и др. Р., ч. III. М. 1844 г., с. с. II—III.

³⁾ „Сл. о П. Иг.“ Въ Львовѣ, 1884. (сперва въ журналь „Зоря“ 1884 г. №№ 9—16, 18—21). См. Огоновскій, Истор. литерат. русской, ч. I, (Л. 1887 г.), с. 74 и 76.

Прямыми продолжателями Востокова въ дѣлѣ изученія размѣра „Слова“ были Н. Полевой¹⁾ и М. Максимовичъ²⁾. Востоковъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ размѣръ, какъ на древне-русскій. Такъ же склонны были смотрѣть на него и Полевой и Максимовичъ. Полевой, какъ великороссъ, высказывалъ предположеніе, (считая его принадлежащимъ Востокову), что „Слово“ писано метромъ, изъ коего образовались метръ былинъ и метръ пѣсенъ (великорусскихъ). Максимовичъ, какъ малороссъ, предполагалъ въ немъ зачаточную (недоразвившуюся) форму нынѣ извѣстныхъ размѣровъ украинской и великорусской поэзіи, а особенно—малорусской Думы. Точнѣе указать этотъ размѣръ Максимовичъ рѣшался лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдавала его рифма; зато Полевой шелъ по болѣе вѣрному пути. „Въ Словѣ о полку Игоревомъ, говорилъ онъ, размѣръ ясенъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, (и) вы тотчасъ поймете его разнообразную, пѣвшую музикальность:

А встона (бо), братie, Киевъ тугою, а Черниговъ напастью;
Тоска разліяся по Русской землѣ [и]
Печаль жирна тече средь земли русскія;
(А) князи сами на себя (е) крамолу коваху,
А поганія, сами (побѣдами) парыщуще на Русскую землю,
Еиляху данъ по бѣлѣ отъ дворя...

Вотъ еще другой мелодическій переходъ его:

О Дѣвѣ словутицю!
Ты пробилъ еси каменные горы, сквоѣ землю Половецкую;
Ты лелѣль еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова!
Взелѣль, господине, мою ладу ко мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!...

Къ 30-мъ же, можно думать, годамъ (а, можетъ быть, и ко времени болѣе раннему³⁾), относятся попытки Жуковскаго и

¹⁾ Рец. на изд. „Слова“ Вельтмановъ Москов. Телегр. 1833 г., ч. V, кн. II, № 7, с. 419—42. Перепеч. въ „Очеркахъ рус. литерат.“ (1839 г.). т. 2, с. 132—50 (собств. на с. 143—4-й) Ср. Сири. I, 47, 46; Сахаровъ, Нѣсни, ч. I, с. CLVII—IХ; Барс. I, 169.

²⁾ Въ Ж. М. Н. Пр. 1836—7 гг. и отд. оттискахъ: Сиб. 1837 г., с. 81—84. Перепеч. въ Собр. Сочин., т. Ш, с. 560—3.

³⁾ Ив. Бычковъ относитъ переводъ Жуковскаго въ гг. 1817—19; Н. Барсовъ и Е. Барсовъ—переводъ Павскаго въ 20 годамъ.

Павского перевести „Слово“ размѣромъ подлинника, (угадавъ этотъ размѣръ). Къ сожалѣнію оба перевода долго оставались въ рукописи и выглянули на свѣтъ Божій лишь въ 80-ыхъ годахъ¹⁾.

Востоковъ, Жуковскій разбили на стихи подлинникъ „Слова“; Жуковскій и Павскій перевели его размѣромъ подлинника,—но ни одинъ изъ нихъ своихъ трудовъ не обнародовалъ. Лишь спустя еще лѣтъ 20 Гербелъ первый рѣшился не только попытаться угадать размѣръ „Слова“ и подѣлить его на стихи, но и издать текстъ „Слова“ въ такомъ реставрированномъ видѣ²⁾). Исходной точкой попытки Гербеля послужило мнѣніе Максимовича, и Гербелъ разбилъ „Слово“ и на стихи, подобные стариннымъ украинскимъ“. Оригинальная попытка не могла не обратить вниманія критики. Большинство хвалило, иные порицали. Критики-малороссы находили попытку удачной, хотя и не вполнѣ. „Г. Гербелъ первый изъ переводчиковъ разбилъ текстъ на стихи, писалъ Афанасьевъ), и, какъ мнѣ кажется исполнилъ это дѣло удачно“. „Стихи, на которые онъ раздѣлилъ Пѣснь Игорю, замѣчаль Максимовичъ⁴⁾), иногда слишкомъ уже дробны; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни“.

Замѣчаніе Максимовича объ излишней дробности дѣленія Гербеля было вполнѣ справедливо. Стихи предшественниковъ

¹⁾ Переводъ Жуковскаго изданъ И. Бычковымъ въ „Отчетѣ И. П. Б—ки“ за 1884 г. Спб. 1887. Прилож. I. Бумаги В. А. Жуковскаго. с. 182—99. О немъ тамъ же с. 80 и 199-я. (Раньше отрывки у Барс. П., с. 1—3 „дополненій“). По списку Рум. муз. тотъ же переводъ, какъ переводъ Пушкина, былъ изданъ Е. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ О. И. и Др.“ 1882 г., кн. 2, отд. Ш и отдельнымъ оттискомъ.—Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился и опытъ его разбить на стихи подлинникъ „Слова“.

Переводъ Павскаго изданъ Н. Барсовымъ въ „Рус. Стар.“ 1880 г. № 7, т. XXVIII, с. 485—500; а выдержки изъ него и раньше: въ № 5, на с. 106—12). Начало перевода утеряно).

²⁾ „Игорь князь Сѣверскій“. Текстъ и переводъ. Спб. 1-е изд. 1854 г.; въ 1881 г.—6 е.

³⁾ Въ Сантенѣ Литератур. 1854 г. См. изд. Гербеля 1881 г., с. 135—ю.

⁴⁾ См. Собр. Сочин., т. III, с. 566—7.

нерѣдко разбиты у него на 2 и даже на 3 стиха. Эта дробность имѣла, правда, и свою выгодную сторону: она оттѣняла логическую ударенія; но зато размѣръ совершенно скрадывался.

Извѣстные уже намъ, наприм., стихи въ дѣлѣніи Полеваго, Гербель дѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

О, Двѣпред словутицю!	До пальку Кобякова:
Ты проблѣзъ еси юменія горы	Возле лѣїй, господине,
Сквозъ землю Половецкую.	Мою ладу ко мнѣ
Ты лелѣялъ еси за себѣ	А быхъ не слала къ нему
Святославаи носады	Слезъ на море рано.

Къ сожалѣнію лица, пытавшіяся угадать размѣръ „Слова“, на замѣчаніе Максимовича совсѣмъ не обратили вниманія. У Малашева ¹⁾, въ переводѣ Барсова ²⁾, у Петрушевича ³⁾—стихи еще болѣе дробны. У Гербеля стиховъ 719-ть, у Малашева ихъ 780, въ переводѣ Барсова около 742-хъ, у Петрушевича 745.—Но изученіе и опредѣленіе размѣра „Слова“ тѣмъ не менѣе шло впередъ. Сравненіе дѣлѣнія Петрушевича съ дѣлѣніемъ Гербеля доказываетъ существованіе прогресса въ разработкѣ и этой стороны „Слова“.

Для всѣхъ лицъ, считавшихъ форму „Слова“ стихотворной, рѣшающее значеніе имѣло то *непосредственное впечатлѣніе*, какое производило „Слово“ при чтеніи. Тѣ или другія выраженія въ „Словѣ“, намѣренное исканіе размѣра, играли совершенно второстепенную роль. Въ этомъ была и сила, и вмѣстѣ слабость данного мнѣнія“.

Нельзя было, конечно, отрицать важнаго значенія въ данномъ вопросѣ „непосредственного впечатлѣнія“. Вѣдь любые стихи или пѣсни мы принимаемъ за стихи, а не за прозу, какъ не въ силу теоретическихъ познаній законовъ стихосложенія, такъ и не потому, что надъ ними надписано: „стихотвореніе“, „пѣсня“. Мы читаемъ ихъ, какъ стихи въ силу необходимости.

¹⁾ М. 1871. См. Смирн.: I, 168. Перепечатанъ текстъ при малорусскомъ переводе Кендзерскаго (1875 г.). Ср. Барс. I, 196.

²⁾ Т. II, (1887 г.), с. 1—81. Барсовъ, хотя и „не принималъ на себя задачи опредѣлить поэтическій размѣръ „Слова“, старался перевести его однако размѣромъ подлинника.

³⁾ Сл. о П. Иг. Львовъ. 1887. (Литерат. Сборн. Матицы на г. 1887-й).

Читать плаче, не рискуя исказить ихъ, мы не можемъ. Но съ другой стороны „непосредственное впечатлѣніе“, какъ явленіе чисто субъективное, было почвой не совсѣмъ устойчивой. Скептикъ былъ вполнѣ вправѣ сказать: если ты чувствуешьъ въ „Словѣ о П. Иг.“ стихотворный складъ, то я совершенно его не чувствую. Для меня—это проза. Не основаны ли твои выводы на простой иллюзіи?

Недовѣріемъ и отрицаніемъ и были дѣйствительно встрѣчены попытки определить размѣръ „Слова“. Вылилось это отрицаніе въ двѣ формы: умѣренную и крайнюю. Умѣренные допускали существованіе стиха лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ „Слова“, а именно въ тѣхъ, где стихотворный складъ былъ тождественъ съ известными имъ стихотворными складами. Разбились они естественно на двѣ группы: великорусскую и малорусскую. Великороссы считали стихотворными лишь мѣста съ определеннымъ количествомъ (1, 2, 3-мя) логическихъ удареній въ нѣсколькихъ стихахъ подъ рядъ, (при приблизительно одинаковомъ числѣ слоговъ); малороссы—лишь тѣ, где слышались риѳмы. Они искали такимъ образомъ въ размѣрѣ „Слова“ непремѣнно того, что казалось имъ существеннымъ въ родной народной поэзіи. Направленіе это зародилось и усиливалось подъ вліяніемъ начавшагося изученія „Слова“ въ связи съ народной поэзіей. Къ нему примыкаетъ и сербъ Хаджичъ, считавшій въ „Словѣ“ стихотворными 2 мѣста въ стилѣ Бояна.—Но чѣмъ же объяснить пѣсенныи мѣста въ „Словѣ“? Если это „повѣсть“, то откуда же въ ней мѣста стихотворныя? Пришлось прибегнуть къ гипотезамъ. Смотрѣли на „Слово“ то какъ на передѣлку народныхъ пѣсень монахомъ XII в. (Хаджичъ), то какъ на искаженіе малорусской дружинной Думы какимъ-нибудь Владимірцемъ, добивавшимся отъ поэмы лѣтописнаго интереса (Кулишъ), то какъ на передѣлку самимъ авторомъ Думы въ лѣтописную замѣтку (П. Жи-тецкій). Объясняли, наконецъ, вліяніемъ пѣсень Бояна, вообще—предшествовавшей литературной школы (Смирновъ, Барсовъ въ 1876 г., Вс. Миллеръ).

Нельзя сказать, чтобы объясненія эти были удачны. Значительная часть ихъ, видѣвшая въ „Словѣ“ передѣлку, способна была скорѣе подорвать довѣріе и къ самой теоріи „пѣсенныхъ мѣстъ“ въ „Словѣ“. Притомъ, отъ признанія *нѣсколькихъ* пѣсенныхъ мѣстъ было не далеко до полнаго ихъ отрицанія. Легко было заподозрить ихъ существованіе: считать ихъ „пѣсенность“ простою случайностью; видѣть въ нихъ лишь „размѣренныя предложенія“ (Вс. Миллеръ).

Но въ этихъ попыткахъ были и здравыя стороны. Сближеніе размѣровъ „Слова“ и народной поэзіи, при всѣхъ ошибкахъ на этомъ пути, привело въ концѣ концовъ, какъ увидимъ ниже, къ возможности не только „чувствовать“ стихотворный складъ въ „Словѣ“, но и *доказывать* его. Въ народной *малорусской* поэзіи нашелся однородный размѣръ,—размѣръ *Думъ*. Да и „стихотворныя мѣста“ въ „Словѣ“ указывались различными лицами не однѣ и тѣ же. Въ совокупности ихъ набралось все-таки довольно много, что должно было поддерживать мысль о стихотворномъ складѣ всего „Слова“.

Перейдемъ теперь къ обзору сдѣланного по сравненію—со стороны ихъ размѣра—„Слова“ и народныхъ пѣсень. Воспользуемся при этомъ замѣчаніями какъ лицъ, признававшихъ въ „Словѣ“ лишь отдельныя стихотворныя мѣста (Вяземскій, Смирновъ, Кулишъ, Житецкій), такъ и считавшихъ стихотворнымъ произведеніемъ все „Слово“ (Востоковъ, Барсовъ, Максимовичъ, Антоновичъ и Драгомановъ).

Уже Востоковъ искалъ въ „Словѣ“ великорусского эпического или «сказочнаго» размѣра, но пришелъ къ выводу отрицательному. „Въ Словѣ о полку Игоревѣ, говорилъ онъ, не слыхать никакого подобнаго размѣра“. Отрицательный отвѣтъ Востокова не остался, вѣроятно, безъ вліянія на то, что попытки въ томъ же направленіи возобновились лишь въ 70-хъ—80-хъ годахъ.—Вяземскій отмѣтилъ въ „Словѣ“ аллитерацию т. е. преобладаніе въ сосѣднихъ стихахъ однихъ и тѣхъ же или однородныхъ звуковъ¹⁾). Смирновъ²⁾ указалъ „строки“ съ

¹⁾ „Сл. о п. Иг.“ Издѣданіе о вариантахъ. Спб. 1877 г.. с. 29—30. См. Смирн. II, 233, Еарс. I, 172.

²⁾ Т. II, с. 232—7.

2-мя основными удареніями, Барсовъ¹⁾ кромѣ того—„стихи“ съ 1-мъ, 3-мъ и нѣсколькими. Оба изслѣдователя соглашались съ замѣчаніемъ Вяземскаго обѣ аллитерациіи и сверхъ того указывали: Барсовъ на „созвучія въ глагольныхъ окончаніяхъ“ (риѳму), Смирновъ—на постановку глаголовъ въ нѣсколькихъ предложеніяхъ сряду въ концѣ или въ началѣ и на „начатіе предложенія тѣмъ же словомъ, какимъ оканчивается предыдущее“.

Большинство этихъ замѣчаній относилось, какъ видимъ, къ вопросу не столько о размѣрѣ, сколько о стилистикѣ „Слова“. Признаніе обоими изслѣдователями болѣе или менѣе однообразнаго воспроизведенія опредѣленное число разъ повышеній и пониженій голоса необходимымъ условиемъ „правильнаво“ „стихотворнаго размѣра“ не выдерживало критики. Выходя изъ такого взгляда, стихотворный размѣръ въ малорусскихъ Думахъ придется отрицать. Также не выдерживало критики и желаніе (Смирнова и Барсова) видѣть въ соображеніяхъ стихахъ „одинаковость стопъ“ или „опредѣленное количество слоговъ“. Правда, Барсовъ ограничивалъ нѣсколько это послѣднее требованіе, находя, что отрицаніе „не“, начинающее стихъ, можетъ не приниматься въ расчетъ, и даже „нѣсколько слоговъ, ускоряемыхъ при пѣнії“, въ силу требованій музыкальности, могутъ „какъ бы сливаться“; но ограничивалъ онъ это требованіе слишкомъ мало, сильно суживая предѣлы „слитія“ и допуская его, повидимому, лишь въ отношеніи къ одному—двумъ—тремъ лишнимъ слогамъ. Замѣчаніе о слитіи слоговъ было вполнѣ справедливо, но д. б. допускаемо въ „Словѣ“, какъ и въ Думахъ, въ широкихъ размѣрахъ. Полнаго вниманія заслуживало лишь требованіе Барсова при разложеніи „Слова“ на стихи непремѣнно наблюдать логическія ударенія: не насиовать смысла.

Болѣе удачны были попытки малорусской группы изслѣдователей изучать размѣръ „Слова“ параллельно съ размѣромъ малорусскихъ думъ. Но и ими допущена была одна крупная ошибка: однимъ изъ существенныхъ условій размѣра Думы, (если даже

¹⁾ Т. I, с. 168—73, 182.

не главнымъ), едва ли не всѣ они считали *риөму*. Полное почти отсутствіе въ „Словѣ“ риөмъ вѣло ихъ либо къ признанію формы „Слова“ недоразвившеюся—зачаточною (Максимовичъ), либо къ мысли, что форма „Слова“ совершенно искажена (Кулишъ, Житецкій).

Первый началъ сближать размѣръ „Слова“ и Думъ Максимовичъ. Вполнѣ развитыми, „настоящими стихами“ онъ считалъ въ „Словѣ“ лишь стихи риөмованные и отмѣтиль въ немъ 10-ть такихъ мѣстъ. (Послѣдующіе изслѣдователи, говоря о риөмѣ въ „Словѣ“, почти исключительно ссылались на примѣры, приведенные Максимовичемъ). Болѣе важнымъ было замѣчаніе Максимовича, что любая изъ Думъ „сложена изъ стиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра“, что число стопъ въ стихахъ соѣдніхъ часто совершенно различно.—Кулиша ¹⁾ отсутствіе риөмъ въ „Словѣ“ привело къ признанію его искаженнымъ; но за то авторъ весьма удачно объяснялъ утрату народною памятью дружиннаго эпоса аналогичнымъ фактомъ—вымираниемъ козацкихъ Думъ на нашихъ глазахъ,—вымираниемъ, обусловленнымъ тѣмъ, что „новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ“.

Но всестороннему разсмотрѣнію подвергъ вопросъ лишь П. Житецкій ²⁾. Его статья представляетъ прекрасное и оригинальное изслѣдованіе о глубокомъ, внутреннемъ и вѣнчанемъ родствѣ „Слова“ съ малорусскими Думами,—родствѣ по содержанію, тону и формѣ. Особенно цѣнна данная имъ характеристика Думы.

Предметомъ „Слова“, какъ и малорусскихъ Думъ, служать, по взгляду Житецкаго, „трудныя повѣсти“ о борьбѣ со степью, „съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами“; (въ Думахъ—также и съ другими врагами малорусского народа).

¹⁾ Записки о Южной Руси, I, с. 194—8.

²⁾ Критическая статья на изданіе „Слова“ Ом. Огоновскаго (Львовъ 1876); Archiv fur Slavische Philologie, т. II, вып. 3, Berlin 1877, с. 642—60. Ср. его же прекрасная „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Кіевъ 1893, особенно с. 1—7-ю).

Отличительный внутренний признакъ Думы—„лирический-страстный тонъ, сообщающій музыкальному исполненію Думы особенную прелестъ“. Это не просто рассказъ, а рассказъ выстраданный, продуманный“ (отсюда и „Дума“). „Страстныя размышленія“ проходятъ и чрезъ все „Слово“—въ разнообразныхъ замѣткахъ, оборотахъ, воспоминаніяхъ поэта. Въ творцѣ „Слова“ „подлѣ истиннаго поэта, а также знатока исторіи мы находимъ самосознательнаго человѣка, въ устахъ котораго слова объ отечествѣ, раздираемомъ домашними княжескими распрями и опустошающемъ иноземными набѣгами, не были пустымъ звукомъ“.

Центръ тяжести въ Думѣ—возбужденная мысль, стремящаяся возможно ясно и полно выразить себя. Мысль въ Думѣ вдоляѣ подчиняетъ себѣ и мелодію, и размѣръ. Они для нея простыя орудія. Отсюда въ музыкальномъ исполненіи Думы—чрезвычайная подвижность и измѣнчивость мелодіи. Такою же подвижностью и измѣнчивостью отличается и размѣръ Думы. Конецъ стиха обусловливается лишь перерывомъ мысли „каждый стихъ по возможности долженъ заканчивать мысль, или по крайней мѣрѣ прерываться на естественномъ расчлененіи мысли“. Результатъ—неравенство стиховъ: одна мысль стоитъ въ сознаніи пѣвца отчетливо, со всѣми подробностями, другая—нѣть; самыя мысли не могутъ быть равны по своему объему. И такъ: количество слоговъ, число стопъ не играетъ въ думѣ рѣшающей роли. Въ ней замѣтны быстрые переходы отъ стиховъ длинныхъ къ совершенно короткимъ. Длинные стихи—нерѣдки, такъ какъ мысль стремится выразить себя полно; но для избѣженія чрезмѣрной длинноты, подробности относятся къ концу и присоединяются въ видѣ отдельныхъ, краткихъ стиховъ.

Однообразную ритмическую опредѣленность придаетъ Думѣ лишь то, что „каждый стихъ ея, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое ударение“. („Мысли о думахъ“, с. 6.). Получается какъ бы ритмическая проза.

§ Риомы въ Думѣ—большею частью глагольныя.

Тѣ же черты находимъ, по взгляду Житецкаго, и въ „Словѣ“. Риома въ немъ б. ч. глагольная. Краткій стихъ смѣняется дол-

гимъ. Замѣчается нарость словъ то внутри, то въ концѣ стиха и даже въ формѣ стиха короткаго—добавочнаго. Каждый стихъ оттѣняется лишь однимъ риторическимъ удареніемъ.

Свои взгляды авторъ подтверждалъ примѣрами изъ „Слова“ и „Думъ“ параллельно.

Размѣръ думъ Житецкій находилъ однако не во всемъ „Словѣ“, а лишь въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ, и считалъ „Слово“ намѣренною передѣлкою „Думы“, самимъ же авторомъ ея, въ историческую замѣтку. Главнымъ препятствиемъ признать стихотворный размѣръ во всемъ „Словѣ“ служила для автора, (какъ кажется), бѣдность „Слова“ риѳмами, хотя онъ и не стѣснялся послѣднимъ обстоятельствомъ въ той степени, какъ Максимовичъ и Кулишъ. Но вполнѣ справедливымъ и точнымъ можно считать взглядъ на „Слово“, высказанный за 3 года до появленія статьи Житецкаго, въ предисловіи къ I-му тому „Историческихъ пѣсенъ Малорусского народа“ ¹⁾. Хотя „Слово“ произведеніе литературное, но его можно назвать, по мнѣнію авторовъ предисловія, „южнорусскою думою XII в., не имѣющей только риѳмы новѣйшей украинской думы“. Взглядъ этотъ, какъ необоснованный, не могъ однако возбуждать особенного довѣрія. Къ обоснованію его теперь и приступимъ.

Нѣкоторые издатели дѣлятъ Думы на очень дробные стихи, другіе—на стихи крупные, напримѣръ Н. Лысенко ²⁾). Дѣло въ томъ, что одинъ принимаетъ за стихъ то, что другой за два и даже за три. Вообще, предѣлы отдѣльныхъ стиховъ въ любой изъ Думъ, не установлены и повидимому—часто указываются неправильно. Какъ кажется, рѣшающее значеніе должно имѣть въ данномъ вопросѣ музыкальное исполненіе думы: конецъ стиха долженъ совпадать съ концемъ мелодіи (и вмѣстѣ—мысли). Съ

¹⁾ „Съ объясненіемъ Вл. Автоновича и М. Драгоманова“ (Кievъ, 1874), с. Сч. и [—]XV.

²⁾ Ср., напр., думу про Хмельницкаго и Барабаша въ раздѣленіи на стихи у Лысенка (Кiev. Стар. 1888 г., т. XXII, № 9, приложеніе, с. 18—23) и въ изданіи Автоновича и Драгоманова (т. II, в. 1, с. 3—15).

этой точки зре́нія раздѣленіе Лысенка можно считать болѣе правильнымъ¹⁾.

Причина дѣленія на стихи очень дробные лежитъ, можно думать, въ увлечениі риѳомой. Каждую „часть“, оканчивавшуюся риѳомой, считали „стихомъ“. Но играетъ ли риѳома въ Думахъ рѣшающую роль? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Хотя и не часто, но попадаются въ Думахъ и стихи безъ риѳомъ; риѳома же довольно часто не заканчиваетъ стихъ, а лишь дѣлить его на части. „Риѳома, замѣтилъ еще А. Метлинский²⁾, не всегда служить указателемъ окончанія стиховъ; она попадается и среди стиха“.

Т. обр., риѳома въ Думѣ не имѣть рѣшающаго значенія. Это не существенный признакъ, обусловливающій размѣръ, а лишь простое украшеніе. А потому и неудивительно, что въ „Словѣ о П. Иг.“ риѳомы почти отсутствуютъ. Въ этой чертѣ и заключается единственное отличие размѣра „Слова“ отъ размѣра „Думъ“. Вместо „размѣра“ для точности слѣдовало бы сказать „размѣровъ“: „Слово“, какъ и Думы, написано не однимъ какимъ либо размѣромъ, а самыми разнообразными. Различными размѣрами написаны въ немъ нерѣдко даже стихисосѣдніе, принадлежащіе къ одному и тому же предложенію, къ одной и той же мысли. Умѣнію автора „Слова“ подбирать размѣръ, подходящій къ данному настроению, можно позавидовать.

Великій князь старикъ—Святославъ передаетъ боярамъ свой вѣщій—мутный сонъ. Тяжелыя мысли гнетутъ душу князя, и стихъ становится длиннымъ, тяжелымъ:

А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: {въ Кіевѣ на горахъ}
Си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахутъ?] ия, рече, | чрѣвомъ
наподомою | на кровати тисовѣ.
Чрѣлахутъ ми | свиес вино | съ трудомъ смѣшено...

Плѣнnyй Игорь рѣшилъ бѣжать. Онъ ждетъ не дождется ночи. Настанетъ ночь, и онъ—свободень. Нетерпѣніемъ горитъ

¹⁾ Приводимыя ниже мѣста изъ „Слова“ и „Думъ“ раздѣлены на длинные стихи, причемъ предѣлы короткихъ стиховъ—(а вѣсты и перерывы голоса при произнѣшніи)—отмѣчены вертикально чертой.—Настоящее замѣчаніе, во избѣженіе недоразумѣній, необходимо постоянно имѣть въ виду.

²⁾ Народн. южнорус. пѣсни Кіевъ 1854, с. XIII.

его сердце, и стихъ „Слова“ становится краткимъ, отрывистымъ, сжатымъ:

Игорь спить, | Игорь бдить,
Игорь мыслю | поля мѣрить
Отъ великаго Дону | до маата:о Донца...

Новая картина. Въ Путинѣ—на забралѣ плачетъ-причитываетъ Ярославна, и этотъ плачъ слышится не только въ словахъ, но и въ самомъ размѣрѣ. Размѣръ плавенъ, протяженъ, мелодиченъ, какъ и самая причеть:

Ярославна рано плачетъ | въ Путинѣ на забралѣ, | а речи:
о вѣтре, вѣтрило! | чому Господише | насильно вѣши.
Чему мытешп | Хиновскія стрѣлы | на своего не трудно
криллю, | на моей лады вон?
Мало ли ти бяшетъ | горъ подъ облаки вѣяти, | ле.фиючи
корабли | на свѣт море?
Чему Господише | мое веселie | по говылю разѣй?

Предъ нами поле бытвы. Яръ-Туръ Всеволодъ бьется, не чуя ранъ. Стиль размашистый и могучий:

Камо Туръ поскочаше, | своимъ златымъ шеломомъ посаѣчивая,
тамо лежать | поганыя головы Полоцкыя;
поскепаны саблями калевыми | шеломы оварьескыя |
отъ тебѣ Яръ Туре Всеволоде.

Въ „Словѣ“ какъ и въ Думахъ, мы встрѣчаемъ стихи: о трехъ и даже четырехъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о двухъ; то о двухъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о трехъ и даже обѣ одномъ. Но количествомъ удареній размѣръ не обусловливается. Оно можетъ оставаться неизмѣннымъ, а характеръ размѣра совершенно измѣниться.

Вотъ образцы размѣровъ „Слова“ въ сравненіи съ размѣрами Думъ¹⁾,—образцы, расположенные болѣе или менѣе систематически:

1. въ „Словѣ“:

Великій Княже Всеволоде! | не мыслю ти прелетѣти издалеча. |
отвя злата | стола нобиости?

Въ Думѣ:

Чи ве лучче намъ із Ляхами, | мостивами панами, | з унокоэм
хайб-сіль | по вік вічный | уживати? (II, 4)

¹⁾ При прямѣракъ изъ „Думъ“ сдѣланы ссылки на издание Автономовича и Драгоманова: „Историч. пѣсни малорус. народа“, т. I и т. II. в. 1. Киевъ 1874—5 г.

Въ словѣ:

Ты бо можеши Волгу | веслы раскропити, | а Дочт' шеломы вильти.
Аже бы ты быль, | то была бы Чага по ногатѣ, | а Кошеч по резанѣ.

Въ Думѣ:

Прауда, на козакові | шаты дороги — | три сомираї лихіи:
Одна не добра, | друга негожа, | а третя й на хлів незгожа. (II, 168).

2. Въ Словѣ:

Не мало ти величія, | левівшу Князя ча вльнахъ,
Стлавшу ему зеліну траву | на своихъ сребреныхъ брезѣхъ...

Въ Думѣ:

У святу неділю | не сизі орли заклекотали..
Як то бідни невольники | у тяжкій неволі заплакали.

Ср. въ Словѣ:

(I, 88).

Уже бо, братіе, | не веселая година въстала,
Уже пустыни | силу прикрыла.

3. Въ Словѣ:

Тогда врані не грахуть, | галици помъкоша,
сорохи не троскоташа, | полозю ползоша...

Ср.: Да́льго. | Ночь мркнетъ, | заря сяйтъ запала,
мъгла щоля покрыла, | щекотъ славій успе...

Въ Думѣ:

На святому небі | усі звізды потьмарило,
Половина місяца | у тьму уступило,—
На чорному морі | не гараздъ починає—
Изо дна мора | сильно хвиля встає. (I, 194)

4. Въ Словѣ:

Другого дні | земли рано
кровавыя зори | сяйтъ повѣдають...

Ср.: Что ми шумить, | что ми звенить
давечя рано | предъ зорями?

Въ Думѣ:

Що ти зо мною | будёш гадати—
Чи будеш биться, | чи будеш мириться;
Чи на примиръ | будеш приймати? (II, 103)

5. Въ Словѣ:

Пелєю, рече, | зегзицею | по Дунаеви;
омочю | бебряць рукавъ | въ Каллѣ рѣцѣ,
утру Князю | кровавыя его раны | на жестоцімъ его тѣлѣ¹).

¹) Послѣдний стихъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слоги въ стихѣ какъ бы сливаются, и стихъ длинный уравнивается такимъ образомъ съ короткими.

Въ Думѣ:

Поливъ ти, соколъ ясний, | брате мій рідний, | у города христиан-
ськи... (I, 95)

Ср: Ти земле турецька, | віро бусурманська, | ти розлуко християнська!
(I, 95)

6. Конецъ Слова:

Щѣти слава [„слава“] | Игорю Свѧтъславича.

Буй Туру Всеволодѣ, | Владимиру Игоревичу.

Здрави Князи ; и дружина,
побараа ; за християны
на поганыя пльки.. .

Въ Думѣ:

Визволь, Господи! | всіх бідних невольників

З тяжкої неволи турецької, | з категори бусурманської

На тихі води, | на ясні горі,

У край веселый, | у мір хрещеный,

В города христианські (I, 90).

Но характерную черту размѣра „Слова“, какъ и Думъ, составляетъ, какъ сказано выше, чередование размѣровъ, отсутствие одного опредѣленного размѣра даже въ смежныхъ стихахъ:

7. Въ Словѣ:

О моя сыновчя | Игорю и Всеволоде!

Рано еста начала | Половецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ славы
искати.

Нѣ нечестно одолѣсте:

нечестно бо ; кровь поганую проліасте.

Ваю храбрал сердца | въ жестоцемъ харалൃзъ скована, | а въ
буести закалена.

Се ли створисте ; моей сребреней сѣдинѣ.

Въ думѣ:

Ей не з горя-бidi—моему вану Барбашу |

скотілся ва славній Україні | з кумомъ эвоим Хмельницкимъ
| велиki бенкети всчинати!

На що б ім кролевські листи | у двух читати?

Не луччеб ім із Лахани | мостивими панами |

з упокоем хліб-сіль | вічні часи уживати? (II, 5).

Подъ приведенные образцы размѣровъ подходитъ *все „Слово“*. Т. обр. мы видимъ, что любому мѣсту изъ „Слова“ можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. А слѣдовательно: *ильтѣ препятствій думати, что все „Слово“ отъ начала до конца писано стихами и притомъ размѣромъ „Думѣ“.*

Здесь место остановиться на возраженияхъ противъ стихотворной формы „Слова“ Вс. Миллера¹⁾. Авторъ допускалъ существованіе „quasi стиха“, или вѣрнѣ размѣренныхъ предложенийъ, лишь въ „двухъ-трехъ“ мѣстахъ. Съ своей стороны защитники стихотворной формы въ „Словѣ“ могутъ быть только искренно благодарны автору, что онъ подробно и ясно изложилъ свой взглядъ на форму „Слово“ и его основанія. Миллеръ совершенно несправедливо связалъ вопросъ о формѣ „Слова“ (проза или стихи) съ вопросомъ о его происхожденіи (простонародности или книжности). „Слово“—произведеніе книжное, т. е. литературное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стихотворное. Послѣднее, какъ нельзя лучше, доказываютъ и тѣ строки изъ „Слова“, которыхъ Миллеръ привелъ какъ образецъ невозможнаго стиха. „Главный мотивъ разбираемой гипотезы, писалъ авторъ,—желаніе объяснить существованіе пѣсенныхъ мѣстъ, въ которыхъ подозрѣваютъ метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, вѣкоторые издатели (Гербелъ, Малашевъ) дѣлятъ произволно все „Слово“ на строфы и получаютъ стихи въ родѣ:

Єоянь же, братіе, Не десять соколовъ На стадо лебедѣй пущаше, Къ своя вѣщія прѣсты	На живая струны вѣскладаше: Они же сами Княземъ славу рокотаху ⁴ .
---	---

Но въ предложенномъ Гербелемъ дѣленіи даннаго мѣста нѣть никакой натяжки и ничего неблагозвучнаго, хотя и лучше дѣлить его на стихи нѣсколько иначе: ²⁾).

Єоянь же, братіе, | не десять соколовъ | на стадо лебедѣй | пущаше.
 въ своя вѣщія | прѣсты | на живая струны | вѣскладаше;
 они же сами | княземъ славу рокотаху.

Такъ,—въ „Словѣ“. А вотъ однородные по размѣру³⁾ стихи изъ малорусской Думы о „Побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“:

¹⁾ „Взглядъ на Слово о П. Игор.“ М. 1887, с. 4—8, 11.

²⁾ Дѣленіе это не ново. Предложено еще Максимовичемъ. (См. „Украин. народн. пѣсни“, ч. I. М. 1834. с. I-я) и принято Житецкимъ (упомянутая статья, с. 655-я).

³⁾ Вся разница въ томъ, что послѣдній стихъ въ Думѣ вѣсколько длиннѣе, чѣмъ въ „Словѣ“. Чтобы были эти стихи тождественны и по количеству слоговъ—(что излишне)—можно въ Думѣ сократить такимъ образомъ::

{ воему брату | на признаку | покидати.

Братіку рідвєчкій, | голубоньку сивенській!—і ну думаги—гадати,
Злід червоно-го | капитана | чорни китиці видарати,—
Своему брату найменьшому | пішій мішаниці,— | на познаку покидати..
(I, 108).

И такъ, повторяю, любому мѣсту изъ „Слова“ можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. Можно сказать: Если малорусскія Думы сложены стихами, а не прозой—(а въ этомъ никто не сомнѣвается)—, то написано стихами и „Слово“. Отрицаніе стихотворного размѣра въ „Словѣ“ будетъ равносильно косвенному отрицанію его и въ малорусскихъ Думахъ. Нужно не забывать вѣрнаго замѣчанія о размѣрѣ Думъ Житецкаго: „Давно уже называются этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновенного стихотворного размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи“¹⁾). Какъ видимъ, „стихи Думъ, такъ же какъ и „прозу“ „Слова“, характеризуютъ одними и тѣми же словами „мѣрная проза“. Но въ Думахъ стихотворный характеръ этой—повидимому—„мѣрной прозы“ дѣлаетъ очевиднымъ риома. Въ „Словѣ“ риомъ почти нѣть, отсюда и размѣръ его не очевиденъ. И можно утверждать, что если бы и въ Думахъ риома отсутствовала и не было свидѣтельствъ о пѣсенномъ ихъ исполненіи,—то многіе стали бы отрицать ихъ стихотворный характеръ, а то и не догадывались бы о существованіи въ нихъ размѣра.

Что было бы такъ, легко доказать примѣрами. Очевиденъ ли, начимѣръ, размѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. „Ой із города із Трапезонта виступала галера, трема цвітами процвітана, малевена. Ой первымъ цвітомъ процвітана—златоспініми киндяками побивана; а другимъ цвітомъ процвітана—гарматами арештована; третімъ цвітомъ процвітана—турецкою білою габою покровена“. (I, с. 208).

2. „Поклоняется бідний невольник із земли Турецкої, із віри бусурманської у города Християнській,—до отця, до ма-

¹⁾ „Мисли о Малорусскихъ Думахъ“, с. 6.

тусі. Що не може він ім поклонитися,—тілько поклоняється голубоньком сивен'ким: „Ой ти голубонько сивен'ки! Ти далеко летаеш, ти далеко буваеш; полени ти в города Християнські до отця моего до матусі“.... (I, с. 93—4).

Въ только что приведенныхъ мѣстахъ—очевиденъ ли размѣръ? Большинство отвѣтить отрицательно. А между тѣмъ—это мѣсто изъ общеизвѣстныхъ малороссійскихъ Думъ: про Кішку Самійла и изъ такъ называемаго „Плача невольницкого“. Въ чемъ же причина этой неочевидности въ данныхъ мѣстахъ размѣра? Прежде всего въ нашемъ неумѣломъ—прозаическомъ чтеніи ихъ, а затѣмъ—въ отсутствіи риомы. Читаемъ мы данныя—несомнѣнно стихотворныя—мѣста такъ, какъ читаютъ почти всѣ „Слово о полку Игоревѣ“,—и въ результатѣ: вмѣсто того, чтобы сознаться въ неумѣлости своего чтенія и начать читать, какъ слѣдуетъ, начинаемъ отрицать ихъ стихотворный складъ.

„Три столѣтія, говорилъ Житецкій въ 1877 г. въ концѣ своего изслѣдованія (с. 651), отдаляютъ „Сл. о П. Игор.“ отъ Думъ, насколько можно съ нѣкоторою вѣроятностью судить о времени появленія послѣднихъ,—и однакожъ поэтическій стиль, разъ выработанный подъ вліяніемъ опредѣленныхъ жизненныхъ условій, не исчезъ у послѣдующихъ поколѣній; ибо и позже не прекращается борьба съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами. Хотя и нельзя сказать, чтобы въ жизни южно-русскаго народа не произошло между тѣмъ никакихъ перемѣнъ....; но сущность борьбы осталась та же: тѣмъ же путемъ шли козаки противъ своихъ враговъ, что и древне-русскія княжескія дружины. И въ XV—XVII вѣкахъ встрѣчали они ихъ на тѣхъ же степяхъ, что и въ вѣкѣ ХП-мъ. И тѣ же „трудные повѣсти“ о великой борьбѣ на Украинѣ звучали по прежнему въ Южной Руси. И слагались они въ томъ же духѣ и тонѣ и тѣмъ же размѣромъ, что и въ ХП-мъ вѣкѣ“. „Природа южно-русскихъ степей, говорилъ Житецкій выше (с. 654), неизмѣримыми равнинами разстилавшаяся предъ глазами поэта, оставалась неизмѣнною. И она должна была настроить автора „Слова“ столь же меланхолически, какъ и творцовъ Думъ.

Степной холмъ, степная птица, хищное животное—вызывали тѣ же образы, возбуждали тѣ же чувства“.

Житецкій прекрасно объясняетъ возможность и естественность сохраненія стиля и размѣра въ теченіе ряда столѣтій. Къ его замѣчаніямъ не мѣшаетъ присоединить ссылку на устойчивость размѣра народныхъ пѣсенъ вообще, а особенно—на тѣ немногія лѣтописныя данныя, изъ которыхъ видно, что дружинный эпосъ дѣйствительно продолжалъ развиваться, и притомъ въ томъ же направлениі.

„Слово о полку Игоревѣ“ создано около 1185 г. Въ Волынской лѣтописи сохранились слѣды другаго подобнаго произведенія, созданнаго лѣтъ 15 спустя. Подъ 1201 годомъ внесены въ лѣтопись обрывки „Слова“ о Романѣ Волынскомъ—(а м. б., ихъ пересказъ), стоящіе въ тѣсной связи съ Сл. о П. Иг.“, между проч. и по размѣру.

„По смерти же великаго князя Романа, (говорится здѣсь¹⁾ приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвша всимъ поганскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ..... Велику мятежу во(з)ставшю въ землѣ Русской, оставившиа же ся двѣма сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ“.—Въ эту лѣтописную замѣтку, въ мѣстѣ, обозначенномъ точками, вставленъ поэтический отрывокъ:

„Устремилбося бяше на поганыя | яко и левъ,
 Сердить же бысть | яко и рысь,
 И губиша | яко и коркодиль,
 И прехожаше землю ихъ | яко и срѣтъ,
 Храборъ бо бѣ | яко и туръ.
 Ревноваше бо дѣду своему Мономаху | погубившему поганыя Измаил-
 тяны | рекомъя Чоловци,
 Изгнавшио Отрока во Обезы | за Желѣзныя врата,
 Сърчанови же оставило у Дону | рыбью оживъши;
 *) тогда Володимеръ Мономахъ | пиль золотомъ шоломомъ Донъ,
 и приемши землю ихъ всю, | и загнавши оканыни Агаряны.
 По смерти же Володимеръ | оставило у Сырчана единому | гудыю
 же Ореви,
 посла въ Обезы, | река:

¹⁾ „Лѣтопись по Ипатскому списку“. Слб. 1871 г., с. 479—80.

*) Слова „тогда... Агаряны“ добавлены, вероятно, лѣтописцемъ.

„Володимеръ умеръ есть, | а воротися, брате, | пойди вземлю свою“;
Молви же ему мои словеса, | пой же ему пѣсни Половѣцкія;
оже ти не восхочетъ, | дай ему поухати зелья, | именемъ евшанъ
(евшанъ)

Овому же не восхотѣвшо | обратитися, ни послушати, | и дастъ ему
зелье;

опому же обухавши | и восплакавши, | рече:
„да лучше есть въ своей землѣ | костью лечи,
и нела на чюже | славну быта“.

И приде | во свою землю.

Огъ него родившюся Концаку, | иже спасе Сулу,

Шѣшь ходя, | котель нося, | на плечеву;

*) Роману же князю | ревновавши за то,
и тщащеся погубити | иночесеньники.

Отрывокъ писанъ тѣмъ же размѣромъ: „Слова“ и „Думъ“. Въ немъ тѣ же, что и въ „Словѣ“ и образы. Романъ „храборъ бѣ яко и туръ“; въ „Сл. о П. Игор.“: „Яръ туре Всеходѣ!“ Въ „Сл. о П. Игор.“ Игорь страстно желаетъ „испити шеломомъ Дону“; въ отрывкѣ: „Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ пло-
ломомъ Донъ“... Связаны, они другъ съ другомъ и по характеру замысла. Пѣвецъ въ обоихъ случаяхъ не ограничивается даннымъ временемъ, а рассматриваетъ его въ связи съ пред-
шествующей эпохой. Въ данномъ отрывкѣ мы находимъ кромѣ
того отвѣтъ на вопросъ—чѣмъ дорогъ былъ для творца „Сл. о
П. Игор.“ Владиміръ Мономахъ. Замѣтки пѣвца:

„О! стонати Руской земли, | помнуще прѣвую годину, | и прѣвыхъ князей.

Того старого Владимира | не лѣзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Киевскимъ,—
замѣтка эта—не мотивирована и потому не совсѣмъ понятна и
и даже какъ будто странна. Чего жалѣть за временемъ Влади-
міра Мономаха, когда по изображенію самого пѣвца, оно полно
было усобицъ, а самъ Владиміръ

„по вся утра | уши закладаше въ Черниговѣ“?

Но мысль и горесть пѣвца становятся вполнѣ понятны, когда
знаемъ, что этотъ князь „погубилъ“ „поганыя Измаилтаны ре-
комыя Половци“ и „приялъ“ „землю ихъ всю“.

Въ этомъ поэтическомъ отрывкѣ есть еще одна черта ори-
гинальная и симпатичная. Въ „Сл. о П. Игор.“ мы напрасно

*) Послѣдніе два стиха принадлежать м. б. авторисцу.

стали бы искать сочувствія въ «поганымъ» кочевникамъ. А здѣсь Половчинъ обрисованъ не только какъ «поганый», но и какъ человѣкъ, горячо любящій «землю свою». Изгнанный изъ родной земли Владимиromъ Мономахомъ, половецкій князь потерялъ вѣру въ свои силы. Не только вѣсть о смерти Владимира, но и родная половецкія пѣсни не въ силахъ побудить его попытаться воротиться. Но лишь почуялъ онъ запахъ степной травы, родная—широкая степь, какъ живая, стала передъ нимъ; страстная любовь къ родинѣ проснулась съ неудержимой силой и разрѣшилась слезами. Заплакалъ князь и сказалъ: «Лучше же въ родной землѣ костями лечь, чѣмъ быть славнымъ на чужбинѣ». И пошелъ «въ землю свою».

Отъ XIII-го вѣка не уцѣлѣло болѣе отрывковъ поэтическихъ произведеній, но сохранилось еще указаніе на существование дружиннаго эпоса. Подъ 1251 г. въ той же Волынской лѣтописи¹⁾ записано:

«В та же лѣта седе Самовитъ въ Мазовши. Посла къ нему Данило и Василко, рекша ему, яко «добро видѣлъ еси отъ наю, и из(ъ)иди с нами на Ятвѣзъ»; и у Болеслава помочь пояста, Суда воеводу и Сигнѣва, и сняшася въ Дорогычинѣ и поидоша; и преидоша болота и наидоша на страну ихъ... и многи крестьяны отъ илленія избавлете, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има, и при доста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго (князя) Романа, иже бѣ изоострился на поганыя яко левъ, им же Половини дѣти страшаху».

Отъ самой «пѣсни» не уцѣлѣло ни строчки, но и блѣдная лѣтописная замѣтка позволяетъ видѣть тѣсную связь между этою «пѣснью», «Словомъ о И. Иг.» и поэтическимъ отрывкомъ о Романѣ Волынскомъ. Стоитъ лишь сравнить выраженіе: «пѣснь славну пояху има» съ словами: «Шѣти «слава» Игорю Святославичю»; да обратить вниманіе на то, что самъ авторъ лѣтописной замѣтки пользуется выраженіями поэтическаго отрывка о Романѣ Волынскомъ:

о Ром. Волын.: „Ревноваше бо дѣду своему Мономаху“.]
лѣтоп. зам. 1251 г.: „наследивши путь отца своего... Романа“.

¹⁾ „Лѣтопись по Ипат. списку“, Сыб. 1871, с. 537—8, 540.

о Ром. Волын.: „устремилъ бѣса баше на поганыя яко и левъ“.
лѣтоп. зам. 1251 г.: „иже бѣ изострился на поганыя яко левъ“.

Лѣтописная замѣтка подъ 1251 г. даетъ объясненіе и популярности имени Романа на Руси: «им, говорить онъ, Половци дѣти страшаху».

Подъ конецъ XIII-го вѣка южно-русскія лѣтописи замираютъ и возрождаются лишь въ XIV-мъ въ видѣ лѣтописей т. наз. Литовскихъ. Нѣть ничего удивительнаго, что до насъ не дошло указаній на дружиинный эпосъ въ эту эпоху. Но любопытно, что слѣды этого эпоса, или по крайней мѣрѣ вліяніе его, видны и въ «Литовскихъ лѣтописяхъ». Въ т. наз. «Кiev. сокращен. лѣтописи», принадлежащей къ ихъ числу, подъ 1515 г. помѣщено сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой съ похвалой кн. Острожскому¹⁾. Разсказъ въ немъ—съ поэтическими замашками, напримѣръ:

„тых збитых плотов | заѣри и птицы ядить, | по земли кости воюочаи а стонленых водами | рыбы взяють“ (с. 152-я).

Но особенно интересно заключеніе, однородное по мысли съ заключеніемъ «Слова о П. Иг.»; написанное притомъ стихами однороднаго размѣра,—размѣромъ «Слова» и «Думъ»:

„Велико слвому гсюю | королю Жигимонту Козимировичу | буди честь и слава на вѣки:
побѣдившему недруга своего | великого князя | Василія Московского.
а гетману его вдатному | князю Костянтину Ивановичу Остроз кому | дай, Боже, здоровье и щастье вперед лѣишее,
ак нынѣ побил силу великую Московскую | абы так побивал силную
ратъ Татарскую,
проливашчи кровь ихъ бессурменьскую“ (с. 154-я).

Ср. конецъ Сл. о П. Игор.:

„Пѣти слава („славы“) | Игорю Святославича.
Буй туру Всеходѣ, | Владиміру Игоревичу.

Здрави Князи и дружива,
Побарая за христыяни
На поганыя ильки.
Княземъ слава | а зруженъ“.

Такимъ образомъ еще въ 1515 г. слышатся отголоски дружиинной художественно-литературной школы XI-го—XII-го вѣковъ, а

¹⁾ „Супрасльская рукопись“ издан. кн. М. Оболенскимъ. М. 1896, с. 149—54.

между тѣмъ еще 9-ю годами раньше польскій историкъ Сарницкій отмѣтилъ въ своихъ «лѣтописяхъ» (Annales) существованіе малорусскихъ Думъ¹⁾,—народныхъ лирико-эпическихъ произведеній, созданныхъ новой дружиной—казачествомъ, но стоящихъ въ тѣсной связи съ старымъ дружиннымъ эпосомъ по содержанію, тону и формѣ, (да и по самому, можно думать, происхожденію).

Въ ту пору, когда продолжалось еще пѣніе «славы» князь-яи—господарю, казачество уже начало пѣть другую «славу»—казацкую:

„А слава не вире, не поляже | одниши до вика!
А вamt на многая лѣта!
(I, с. 120: дума о бѣгствѣ З-хъ братьевъ изъ Азова)
или: „Славе не вире, | не поляже!
Буде слава славна | помижъ козаками,
Помижъ друзьями, | помижъ рицарями, | помижъ добрыми молодцами.
Утверди, Боже, | люду царського— | народу християнського,
Війська Запорозьского, | Донського
З сиєю чернью | Дніпровою, Низовою
На многая лита | до ковца вика!

(I, с. 219—20: дума про Самійла Кішку, заключеніе нѣсколько подновлено, напримѣръ, «царського»).

Для полученія стихотворного размѣра въ «Словѣ», и для определенія предѣловъ стиха въ немъ, можно предложить такое правило: читайте возможно естественнѣе, дѣлайте логическія ударенія и остановки тамъ, где требуетъ того смыслъ,—и получите стихи. Возможность и законность такого правила обусловливается—тѣмъ, что въ «Словѣ», какъ и въ «Думахъ», не стихъ стѣсняетъ—связываетъ мысль, а мысль вполнѣ подчиняетъ себѣ стихъ, управляетъ размѣромъ.—Отсюда понятно, что чѣмъ больше будетъ уясняться текстъ «Слова»—теченіе въ немъ мыслей,—тѣмъ точнѣе будетъ опредѣляться и размѣръ его. И будетъ

¹⁾ Подъ 1506 г.: о думахъ въ честь братьевъ Струцовъ (Strussii), убитыхъ Волоками. См. у Автонов. и Драгоман., т. II, с. IX—X, въ примѣчаніи. Ср. „Мисли о малорус. думахъ“, Житецкаго, с. 128, 163, 174—5.

можно думать, время, когда не только существование размѣра въ «Словѣ» будетъ для всѣхъ очевиднымъ, но и предѣлы отдельныхъ стиховъ въ немъ будутъ болѣе или менѣе точно установлены. «Болѣе или менѣе» точно, такъ какъ установить стихъ „Слова“, (какъ и стихъ Думъ), вполнѣ точно—невозможно. Стоитъ лишь читающему отѣнить не то выраженіе, не ту черту мысли,—и стихъ передвинется.

Предлагаемъ опытъ разложенія всего „Слова“ на стихи¹⁾.

Ю. Тиховскій.

10—13 апрѣля 1893 г.

¹⁾ См. въ приложенияхъ.

Археологический съездъ въ Вильнѣ.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по почину Московскаго археологического общества, при ближайшемъ участіи графа А. С. Уварова, былъ организованъ первый археологическій съездъ. Современное широкое развитіе археологии, живая дѣятельность въ этомъ направленіи провинціи, наконецъ, интересъ публики къ археологии, обязаны въ большей или меньшей степени археологическимъ съездамъ. Все болѣе и болѣе увеличивающійся успѣхъ съездовъ, носившихъ преимущественно областной характеръ, показалъ, что наше общество, несмотря на наружную пассивность, не лишено элементовъ, способныхъ въ общественной дѣятельности, и даже такой сухой, по общепринятому мнѣнію, предметъ, какъ археология, привлекъ вниманіе общества, нашелъ въ немъ работниковъ. Успѣхъ археологическихъ съездовъ объясняется также почти полнымъ отсутствіемъ въ Россіи специальныхъ съездовъ по другимъ областямъ науки; вотъ почему въ археологическихъ съездахъ нашли себѣ мѣсто и принимали въ нихъ дѣятельное участіе также исторія, филология, этнографія и др. такъ или иначе соприкасающіяся науки. Это послѣднее обстоятельство для цѣлей областной разработки нашего прошлаго имѣть громадное значеніе, такъ какъ и пріѣзжимъ ученымъ разныхъ специальностей дается возможность ознакомиться на мѣстѣ съ существующимъ материаломъ, и мѣстные силы получаютъ толчекъ и направляются къ болѣе разнообразной дѣятельности. Правда, съ другой стороны, вслѣдствіе такого разнообразія содержанія съездовъ, не всегда научный характеръ ихъ строго выдержанъ, чemu также способствуетъ участіе въ съездахъ любителей и вообще неспециалистовъ,

такъ что въ этомъ отношеніи русскіе арх. съѣзды разнятся, напримѣръ, отъ германскихъ періодическихъ съѣздовъ ученыхъ, преслѣдующихъ чисто научный цѣлѣ. Но это нисколько не умаляетъ значенія арх. съѣздовъ; при сравнительной новизнѣ науки въ Россіи, задача русскихъ арх. съѣздовъ и заключалась главнымъ образомъ въ популяризаціи науки, въ уничтоженіи предразсудковъ къ ней, въ возбужденіи интереса со стороны большой публики. И теперь, по прошествіи 25 лѣтъ, можно съ увѣренностью сказать, что цѣль достигнута, археологические съѣзды стали на твердую почву, являются общимъ дѣломъ. Кромѣ того, помимо цѣлей популяризациіи, на съѣздахъ было поднято и рѣшено много чисто научныхъ вопросовъ, собрана на мѣстѣ масса научного матеріала, сохранено, путемъ привлеченія вниманія общества, огромное число памятниковъ старины.

Археологические съѣзды устраивались подъ руководствомъ Московского Археологического Общества; покойный предсѣдатель общества графъ А. С. Уваровъ былъ инициаторомъ и главнымъ работникомъ этого дѣла; теперешній предсѣдатель общества, графиня П. С. Уварова, съ неутомимой энергией продолжаетъ начатое дѣло, и можно по справедливости сказать, что упрочившееся положеніе археологическихъ съѣздовъ, ихъ возрастающій успѣхъ, въ большой степени обязаны дѣятельности графа и графини Уваровыхъ.

Состоявшійся въ Вильнѣ съ 1 по 14 августа археологический съѣздъ, девятый по числу, начался при неблагопріятныхъ условіяхъ: недостатокъ вначалѣ матеріальныхъ средствъ, затѣмъ—чисто формальныя препятствія, обусловленные выборомъ мѣста, внушали опасенія, что съѣздъ пройдетъ вяло;—случилось наоборотъ, съѣздъ вышелъ очень оживленнымъ, возвудилъ интересъ мѣстнаго общества и въ научномъ отношеніи далъ много цѣннаго, такъ какъ, помимо многочисленныхъ рефератовъ, касающихся мѣстной исторіи и мѣстныхъ древностей, на съѣздѣ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, носившихъ или обобщающій характеръ, или интересныхъ въ смыслѣ техники научной работы, т. е. именно такихъ докладовъ, какіе и должны

въ будущемъ занять первое мѣсто въ ученыхъ съѣздахъ. Нужно также замѣтить, что благодаря усилиямъ предсѣдателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, тенденціи какого бы то ни было рода на съѣздѣ отсутствовали,—онъ былъ вполнѣ научнымъ.

Во все время съѣзда подъ предсѣдательствомъ Ф. И. Успенского засѣдалъ ученый комитетъ, распредѣлявшій рефераты по отдѣламъ и опредѣлявшій порядокъ засѣданій.

Всѣхъ записавшихся на съѣздѣ членовъ было до 400, изъ нихъ прїѣхало болѣе 160, въ томъ числѣ много депутатовъ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ; засѣданій по разнымъ отдѣламъ состоялось 25; на нихъ было прочитано около 80 рефератовъ¹⁾; почти каждый изъ рефератовъ возбуждалъ препія, и нужно сознаться, не всегда дебаты носили научный характеръ и имѣли прямое отношеніе къ поднятымъ вопросамъ; времени, между тѣмъ, отнимали много; намъ кажется, на будущихъ съѣздахъ, на эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить вниманіе.

Съ вѣшней стороны членамъ съѣзда были предоставлены разнаго рода удобства; время между научными засѣданіями проходило въ ознакомлениі съ городомъ и мѣстными древностями; кроме того, членами съѣзда было совершенно нѣсколько экскурсій: въ Верки—имѣніе кн. Гогенлое, въ Троки для осмотра трокскаго замка, и въ г. Ковно, откуда была предпринята поѣздка по Нѣману, во время которой осмотрѣны Пожайскій монастырь и древній костель въ с. Сапѣжишкахъ.

Переходя къ изложенію содержанія рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, мы ограничимся только тѣми, какіе имѣютъ отношеніе къ Южной Руси; затѣмъ, имѣя въ виду тѣсную связь исторіи южной Руси съ исторіей Литвы, упомянемъ о болѣе выдающихся сообщеніяхъ, касавшихся прошлаго послѣдній. Благодаря присутствію многихъ ученыхъ изъ южной Россіи, и число рефератовъ, посвященныхъ ей, было значительно. Засѣданія съ-

¹⁾ На обсужденіе съѣзда предполагалось представить еще много другихъ, иногда очень интересныхъ, вопросовъ, но за неприбытиемъ лицъ, ихъ предложившихъ, они остались безъ разрешенія.

ѣзда происходили по секціямъ или отдѣламъ, и здѣсь мы будемъ держаться такого же порядка. Но прежде чѣмъ перейти къ специальнымъ отдѣламъ, скажемъ нѣсколько словъ о рефератахъ, носившихъ общій характеръ; такихъ рефератовъ было доложено съѣзду, къ сожалѣнію, немногого. *Проф. Бѣляевъ* сдѣлалъ докладъ „*объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ*“; основная мысль реферата—параллельное распределеніе въ музеяхъ археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, хотя самъ референтъ замѣтилъ, что его проектъ носить лишь теоретический характеръ и практическаго примѣненія онъ не имѣть въ виду; затѣмъ, на съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи разграбленія извѣстнаго Ольвійскаго городища, и, наконецъ, *Н. Ф. Бѣляшевскій* обратился къ членамъ съѣзда отъ имени Московскаго Нумизматического Общества съ просьбой доставлять въ означенное общество свѣдѣнія о находимыхъ монетныхъ кладахъ; въ виду важности такого рода свѣдѣній, Нумизматическое Общ. задалось цѣлью сгруппировать ихъ въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать, такимъ образомъ, удобнымъ для пользованія уже накопившійся, но еще не приведенный въ систему, громадный матеріаль; членамъ съѣзда были при этомъ розданы карточки для занесенія подобнаго рода свѣдѣній.

По отдѣлу первобытныхъ древностей доложены слѣдующіе рефераты, касающіеся прошлаго южной Россіи. *Е. Н. Мельникъ* „*О мастерскихъ каменного века въ бассейнѣ Днѣпра*“; здѣсь сообщены свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыхъ распределются на 3 большія географическія группы; первая группа западно-волынская, характерной представительницей ея является мастерская у с. Мощаницы (Дубенскаго у.), приготовлялись въ мастерской отбивныя кремневыя и полированныя орудія; вторую группу составляютъ мастерскія преимущественно кремневыхъ орудій по берегамъ р. Уши и Норини; типичная мастерская этой группы расположена между селами З branки и Папирня. Изъ орудій производства здѣсь обращаютъ на себя вниманіе отбойники, достигающіе иногда большихъ размѣровъ; къ этой же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ съ производствомъ шиферныхъ пряслицъ; третья группа распо-

ложена, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Переходъ отъ волынскихъ мастерскихъ къ этой группѣ составляютъ мастерскія Кіевской губ., изъ которыхъ болѣе выдающаяся обнаружена на городищѣ Княжей Горы; въ послѣдней группѣ, какъ наиболѣе типичная, охарактеризована мастерская у с. Волошскаго; тутъ сосредоточивались четыре производства: отбивныхъ кремневыхъ орудій, каменныхъ полированныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій. Рефератъ Е. Н. Мельникъ сопровождался демонстрированіемъ типичныхъ предметовъ. *С. В. Люба-Радзиминский*: „Памятники каменного века въ западной Волыни“. Референтомъ раскопано около 20 кургановъ, расположенныхъ при имѣніи Радзиминъ-Сивки, острожск. у. Результаты раскопокъ слѣдующіе: 1) изслѣдованные курганы принадлежать каменному вѣку, 2) данная область въ стариину была мѣстомъ приготовленія кремневыхъ и каменныхъ орудій, каковы: топоры—молоты, пилы, ножи, между которыми особенно интересны закривленные ножи скандинавского типа, 3) курганные племя принадлежитъ къ типу долихоцефаловъ, 4) покойники погребались на поверхности земли и придавливались сверху бѣю „валиками“ изъ бѣлой глины, которые клались попрекъ покойника параллельно одинъ другому; 5) кромѣ каменныхъ, у головы ставились сосуды (2—3) изъ разноцвѣтной глины. Каменные орудія такого-же типа встрѣчаются въ городищѣ с. Матвіевицы, кременецкаго у., и у с. Б. Мощаница дубенск. у.; отступленіе отъ описанного типа составляютъ курганы съ трупосожженіемъ, обнаруженные близъ сель Корыtnое и Плужное, острожск. у. Въ заключеніе референтъ познакомилъ собраніе съ каменной могилой („плитовой гробъ“), открытой въ 1878 г. въ Радзиминѣ. Большимъ оживленіемъ сопровождался рефератъ проф. *В. Б. Антоновича*, „О бронзовомъ векѣ въ бассейнѣ Днѣпра“, интересный какъ по выбору темы, такъ и по тѣмъ общимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ референтъ. Пр. Антоновичъ прежде всего указалъ на то, что классификація доисторического времени, выработанная скандинавскими учеными съ подраздѣленіемъ на три периода—каменный, бронзовый и желѣзный, не всегда пригодна въ цѣломъ видѣ, такъ какъ есть страны, въ

которыхъ какого нибудь изъ периодовъ не достаетъ. При обозрѣніи доисторическихъ памятниковъ Россіи оказывается, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и что желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такими признаками, по мнѣнію референта, являются слѣдующіе три: во первыхъ, нахожденіе такихъ бронзовыхъ предметовъ, какіе быстро исчезли при появленіи желѣза, это—оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія (топоры, ножи, серпы, бритвы), но признакъ этотъ не вполнѣ прочный,—если указанные предметы находятся единично и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка, или къ случайнымъ иммиграціямъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ; другой, болѣе прочный признакъ, составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, плашками, запасами металла; третій признакъ, очень прочный—это присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Что касается Европы Россіи, то бронзовая культура, отвѣчающая всѣмъ тремъ признакамъ, надвигалась на ея территорію съ двухъ сторонъ: съ востока—культура центрально-азіатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала; перешедши Ураль, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла. Другая бронзовая культура—передне-азіатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикиянами, проникла, видоизмѣняясь и совершившись, на материкъ Европы, и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ; предѣлами ея можно пока считать Днѣстръ, его притокъ Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ же промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находять лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзо-

вые предметы; такъ напр., въ 5 губерніяхъ бассейна средняго Днѣпра можно констатировать только 30 типичныхъ бронзовыхъ предметовъ, мастерскія же и гробницаы бронзового вѣка совершенно отсутствуютъ. Исключение составляеть Новороссійскій край, гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, хотя невозможно опредѣлить ея происхожденіе за отсутствіемъ предметовъ, которые могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависить также и отъ того, что область Дона, въ которой могли бы быть найдены переходныя формы, остается пока совсѣмъ неизслѣдованною въ археологическомъ отношеніи. По поводу этого реферата оппонентомъ выступилъ проф. Анучинъ. Замѣтивъ, что въ настоящее время нѣкоторые германскіе ученые вообще отрицаютъ существованіе бронзового вѣка, какъ самостоятельнаго периода, проф. Анучинъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ реферату; между прочимъ, опонентъ не соглашается съ названіемъ западной бронзовой культуры финикійской, такъ какъ въ распространеніи культуры въ Европѣ гораздо большую роль играли греки и этруски, затѣмъ, кроме двухъ указанныхъ центровъ, былъ еще третій,—это Кавказъ съ его оригинальными бронзами; что же касается распространенія бронзы съ востока, то оно шло дальше указанныхъ референтомъ границъ, обнимало среднюю Россію и даже заходило въ южную. На это проф. Антоновичъ возразилъ, что слово „финикійская культура“ онъ употребляетъ лишь для обобщенія западной культуры; говорить же о вліяніи Кавказа онъ воздержался, такъ какъ слѣдовъ такого вліянія очень мало. Проф. Кочубинскій обратилъ вниманіе на важность данныхъ языка въ такого рода вопросахъ, а они, по-видимому, говорятъ въ пользу мнѣнія, высказанного референтомъ. Другой рефератъ проф. Антоновича „Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ“, касается также одного изъ нерѣшенныхъ вопросовъ доисторической археологии; курганы съ окрашенными костяками встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно—въ Бессарабіи, Новороссії, Кубанской области, Киевской и Полтавской губерніяхъ. Курганы такого рода бѣдны находками, въ нихъ встрѣчаются лишь гли-

няные горшки, каменные орудія и слѣды бронзы; скелеты лежать на спинѣ, и часто также на боку, съ нѣсколькою поджатыми ногами; окрашенье бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ считаетъ несостоятельнымъ и высказываетъ предположеніе что при погребеніи трупъ покрывался толстымъ слоемъ охры, которой и окрашивались кости послѣ того какъ сгнивали всѣ другія части тѣла. Проф. Анучинъ, съ своей стороны, для окончательнаго рѣшенія вопроса предложилъ сдѣлать опытъ на какомъ нибудь животномъ. Проф. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе „*O слѣдахъ трепанации черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи*“; трепанациія состоитъ въ продѣлываніи въ черепѣ болѣе или менѣе значительнаго отверстія; операциія эта практиковалась въ доисторическое время какъ надъ живыми, такъ и надъ мертвыми; въ первомъ случаѣ, какъ это можно полагать по аналогіи съ нѣкоторыми племенами, практикующими такой обычай и теперь, трепанациія производилась для излѣченія отъ падучей болѣзни и другихъ формъ истеріи, объясняемыхъ присутствиемъ особаго духа, для выхода котораго и продѣлывалось отверстіе въ черепѣ; надъ мертвыми же трепанациія совершалась для полученія кусковъ черепа, которые употреблялись затѣмъ какъ амулеты, и имъ придавалась особая предохранительная сила. Въ западной Европѣ, особенно во Франціи, находки трепанированныхъ череповъ, относящихся къ доисторическому времени, не рѣдки, въ Россіи же, до послѣдняго времени, слѣдовъ трепанациіи констатировано не было. Референтъ сообщилъ о двухъ такого рода находкахъ; одна изъ нихъ заключается въ привѣскѣ съ севознымъ отверстиемъ, сдѣланной изъ части теменной и лобной кости, найденной на городищѣ неолитического вѣка на р. Ветлугѣ костромской губ., а другая—въ черепѣ, добытомъ при раскопкахъ на „Княжей горѣ“ (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. Ф. Бѣльшевскимъ; на черепѣ этомъ имѣется неправильно округлое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ,

и притомъ, не посредствомъ удара, а помощью вырѣзыванія ножемъ или подобнымъ ему инструментомъ. Съ опредѣленіемъ этого отверстія, какъ произведенаго грубымъ пріемомъ трепа-націи, согласились видѣвшіе этотъ черепъ проф. Штида и докторъ Юндзилль. Рефератъ проф. Анучина вызвалъ замѣчаніе со стороны Н. Ф. Бѣляшевскаго, замѣтившаго, что демонстрированный черепъ, по нѣкоторымъ условіямъ его нахожденія, относится къ великонижеской эпохѣ, и со стороны барона де-Бая, который также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитической періодъ каменнаго вѣка. Въ докладенномъ съѣзду рефератъ С. С. Слуцкаго: „*Къ вопросу о каменныхъ бабахъ*“, намѣчены четыре типа ихъ: 1) типъ, преобладающій на югѣ Россіи, но извѣстный и въ другихъ мѣстахъ; онъ характеризуется такъ: отдѣлка со всѣхъ сторонъ, помочи на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держать обѣими руками подъ животомъ сосудъ вродѣ стакана; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ, на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ, встрѣчаются богатые кафтаны, щиковотки весьма тонкія, а бедра очень толстые; это типъ половецкій; 2) типъ по преимуществу сибирской (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ европейской Россіи; его характерныя черты: полурельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ плоскій камень); одна рука у груди держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ; 3) полурельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ человѣка, который окружено бываетъ другими изображеніями; 4) осетинскій истуканъ. Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще разновидности, требующія внимательнаго изученія. Э. Г. Штернъ добавилъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга.

Много рефератовъ было посвящено доисторическому прошлому славянъ. Укажемъ на рефераты: проф. Антоновича— „*Похоронный типъ въ земляхъ Радимичей*“, гдѣ изложены результаты раскопокъ, произведенныхъ проф. Антоновичемъ лѣ-

томъ 1893 г. по берегу р. Сожи, возлѣ Гомеля и Чечерска, въ мѣстности, еще почти совсѣмъ не изслѣдованной, гдѣ, по указаніямъ лѣтописи, хотя довольно глухимъ, жили радимиchi; *M. B. Фурсова*—,,*Раскопки въ могилевской губерніи*"; раскопки про-исходили въ 5 уѣздахъ по берегамъ рѣкъ Днѣпра, Сожи, Друти, Прони, Остра и Бесѣды; *проф. Завитневича*—,,*Формы похорабельного обряда въ курганахъ мозырского, рѣчицкаго и бобруйского уѣздовъ минской губ.*". Референтомъ было раскопано 627 кургановъ, принадлежавшихъ 70 болѣе или менѣе отдельнымъ могильникамъ; *Г. X. Татура*—,,*О курганахъ минской губерніи*"; *Л. К. Житинская*—,,*Языческое кладбище въ селѣ Б. Рискань, дубенская уѣзда*"; покойники здѣсь были по-гребены въ неглубокихъ ямахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ямы обставлялись деревянными бревнами, въ каждой могилѣ найдено по одному костяку, костяки лежали головою на западъ; въ мужскихъ могилахъ ничего не найдено; въ женскихъ, найдены разнаго рода украшенія; найдены, между прочимъ, еще слѣдующіе предметы: кусокъ золотаго позумента, медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери и стекляній внутри пустой шарикъ; референтъ полагалъ, что это кладбище образовалось въ теченіе ряда столѣтій; *проф. Линниченко*—,,*О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ*". Референтъ далъ характеристику кургановъ, расположенныхъ около Глинска; эти курганы по типу ближе всего подходятъ къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ *проф. Самоквасовымъ*; по предметамъ, найденнымъ при раскопкѣ, пр. *Линниченко* считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ, половцамъ. Возражая на такое заключеніе *А. А. Спицынъ* утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ, какъ присущіе только курганамъ этой мѣстности, именно—мѣдные спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ съ славянскими венцами. Обобщающій характеръ имѣлъ рефератъ *А. А. Спицына*—,,*Общий обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей*", въ которомъ, на основаніи новыхъ данныхъ и материала, уже извѣстнаго въ литературѣ, референтъ сдѣл-

лалъ характеристику погребального обряда и находимыхъ предметовъ въ каменныхъ могилахъ западнаго края и въ курганахъ древлянъ, дреговичей, кривичей, полочанъ, новгородскихъ славянъ, вятичей, радимичей и сѣверянъ.

По отдѣлу древностей историко-географическихъ и этнографическихъ были доложены рефераты. проф. Павинскимъ:— „*О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статическомъ отношеніяхъ*“. Вначалѣ референтъ разъяснилъ значение географического элемента въ воспроизведеніи прошлаго и современное состояніе этого вопроса въ наукѣ, пробѣлы и недостатки географической программы. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснилъ и демонстрироваль употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляшского воеводства въ XVI стол. ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляшского воеводства. Разъяснивъ значение статистического метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI в. простиравось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя между прочимъ методъ географической и статистической, историческая наука сумѣеть отстоять за собой значеніе науки точной. Рефератъ пр. Павинскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній о способахъ измѣренія площади. Проф. Филевичъ доложилъ рефератъ— «*Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные*»; рефератъ этотъ вызвалъ существенные возраженія со стороны проф. Соболевскаго. Проф. Соболевскій сообщилъ замѣтку— „*О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи*“ . Главное положеніе референта заключается въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣсть для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ

должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тожественные съ названіями племенъ, въ родѣ: меря, поляки, нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣется населеніе, отличное отъ коренного русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское*, *ская*: чудское, меѳщерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическая названія на *ово*, *овка*, *ино*, напр. Мериново, Литвиново и проч. Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другого поселка въ позднѣйшее время. Древней топографіи г. Вильны касались два реферата: Ю. Ф. Крачиковскаго—„*Къ исторіи старой Вильны*“ и акад. Васильевскаго—„*Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ?*“ Въ докладѣ Е. Ф. Орловскаго—„*О началѣ города Гродны*“ референтъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы извѣстія кіевской лѣтописи XII-го в. о Городнѣ относятся къ нынѣшнему губернскому городу этого имени, а не къ Гроднѣ, что теперь въ пинскомъ уѣздѣ минской губ. Основаніе Гродны на Нѣманѣ было вызвано стратегическими и религіозными соображеніями; основаніе ея должно быть отнесено или къ 983 г. во время похода св. Владимира на ятвяговъ, или же къ 1038 г., къ походу на тѣхъ же ятвяговъ Ярослава. Старый вопросъ затронулъ Г. А. Виссендорфъ въ рефератѣ „*О мѣстоположеніи варяжской Руси*“; на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмарта Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ, докладчикъ полагаетъ, что первоначальное мѣстожительство варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притокѣ Нѣмана. Возражая референту, проф. Успенскій замѣтилъ, что при решеніи данного вопроса надо обращаться къ источникамъ болѣе древнимъ, а такими являются источники византійские. Проф. Маркевичъ въ докладѣ „*Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморье*“, основываясь на изображеніяхъ людей, помѣщенныхъ на трехъ памятникахъ изъ восточного Черноморья, пытался путемъ различныхъ соображеній пріурочить эти изображенія племени, жившему въ Черноморье въ эпоху подчиненія его римлянамъ; племя это, по мнѣнію референта,—Ѳракійское. Проф. Кочубинскій не

согласился съ этимъ мнѣніемъ и замѣтилъ, что національность фракійцевъ въ наукѣ точно не опредѣлена.

Что касается этнографіи, то на съѣздѣ она была представлена мало; изъ рефератовъ отмѣтимъ—„*Паденіе народной пѣсни*“ П. И. Тиховскаго; референтъ высказалъ мнѣніе, что пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ, причемъ здѣсь является разница въ зависимости отъ характера пѣсни, именно: пѣсня историческая падаетъ ничѣмъ не замѣняясь, такъ какъ народъ отсталъ отъ политической жизни; пѣсня бытова站在ъ тверже, хотя вытѣсняется новыми—солдатскими, городскими, фабричными. Пѣсня этого рода падаетъ качественно, старая искажается, такъ какъ разрушается патріархальный бытъ деревни; лучше всего сохраняются пѣсни субъективно-лирическія. Помочь въ этомъ случаѣ могутъ школа и общество, напр. изданіемъ пѣсенниковъ, составленныхъ этнографами. Изъ возраженій укажемъ на замѣчаніе проф. Соболевскаго, полагающаго, что наоборотъ—народная пѣсня не падаетъ, основная старая пѣсня продолжаетъ жить, пошлия же пѣсни представляютъ временное наслоеніе.

Х. Н. Ящуржинскій сдѣлалъ докладъ «О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ». Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны миѳическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъ обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ.

По отдѣлу—*Памятники искусствъ и художествъ*, проф. Петровъ доложилъ съѣзду «О монетахъ великаю кіевскою князя Изяслава Ярославича». Монеты эти долго приписывались Ярославу I. Это мнѣніе поддерживалъ графъ И. И. Толстой въ своей книгѣ «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго», Спб., 1882 г. Графъ Толстой читалъ надписи на этихъ монетахъ въ смыслѣ имени Георгія, а Георгіемъ назывался въ крещеніи Ярославъ I; Н. П. Черневъ въ 1888 году на одной изъ этихъ монетъ прочелъ имя не Георгій, а Петръ. Референтъ въ 1890 году на той же монетѣ и на нѣсколькихъ другихъ 1-го и 2-го типа прочелъ имя Димитрій, вырѣзанное на штемпельѣ

неумѣло, отчего надпись вышла наоборотъ. Но графъ Толстой въ брошюрѣ, вышедшей въ настоящемъ году, настаиваетъ на своемъ чтеніи, приписывая ихъ по прежнему Ярославу I, такъ какъ другихъ-де именъ въ русской исторіи этого времени, кромѣ имени Георгія, или Юрія—Ярослава, нельзя и пріурочить къ рассматриваемымъ монетамъ. Отвѣчая графу Толстому, референтъ указывалъ на ближайшаго преемника Ярослава I великаго князя Кіевскаго Изяслава Ярославича, въ крещеніи Дмитрія, и на сына его Ярошолка, въ крещеніи Петра, коимъ могутъ быть приписаны монеты съ именами Дмитрія и Петра. *Н. П. Авенариусъ* сообщилъ «О дрогичинскихъ пломбахъ»; изложивъ исторію ихъ открытія, референтъ не соглашается съ мнѣніями, высказанными по поводу этихъ загадочныхъ знаковъ, въ частности не соглашается съ мнѣніемъ проф. Лучицкаго, считающаго ихъ торговыми пломбами ганзейскаго союза; имѣя въ виду помѣщенные на пломбахъ славянскія буквы, референтъ признаетъ за ними мѣстное происхожденіе и считаетъ ихъ вислыми печатями, подвѣшивавшимися къ документамъ коммерческаго характера.

По отдѣлу—*Бытъ домашній, общественный, юридический и военный* большой заслуженный интересъ вызвалъ рефератъ *А. Я. Ефименко* „О копныхъ судахъ“, въ которомъ почтенная изслѣдовательница нашего обычного права возстановливаетъ картину древняго судебнаго процесса юго-западной Руси и проводить новый взглядъ на отношеніе народнаго суда къ княжескому. Сущность реферата г-жи Ефименко заключается въ слѣдующемъ. Въ предисловіи къ 18-му тому Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи разработанъ материалъ о копныхъ судахъ, заключающійся въ этомъ томѣ; но не обращено вниманія на судебный процессъ. А между тѣмъ материалъ о копныхъ судахъ даетъ возможность воспроизвестъ архаической судебнаго процесса въ его характерныхъ особенностяхъ. Судебный процессъ по копному праву представляетъ собою три момента, которымъ соответствуютъ три особыхъ копы: предварительное дознаніе—копа горячая, судебное слѣдствіе—копа великая, вольная, судебное рѣшеніе съ приведеніемъ его во исполненіе—копа завитал. Самая любопытная особенность горячей копы—ея

обязанность „гнать слѣдъ“. Если горячая копа ничего не достигала, то ея цѣль переносилась на великую копу, которая сама дѣлала необходимое дознаніе. На великой копѣ сосредоточивался центр тяжести копнаго процесса, и она обставлялась особой торжественностью; только по отношенію къ этой копѣ существовало обязательство выхода на нее всѣхъ членовъ копнаго округа, мужей—копниковъ. Судебное слѣдствіе состояло изъ „вольнаго правнаго мовеня“ (состязательства) сторонъ и представлениія судебныхъ доказательствъ. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ „лице“ (личное) не играетъ почти никакой роли въ соотвѣтствіи съ духомъ архаического суднаго процесса; большее относительно значеніе имѣютъ „свѣтки“ (свидѣтели). Но съ совсѣмъ особымъ и самостоятельнымъ значеніемъ является присяга — обвинительная и очистительная въ связи съ такъ наз. соприсяжничествомъ: присяга здѣсь является несомнѣнно видоизмѣненіемъ Божьяго Суда. Отъ великой копы зависѣло дать тотъ или иной оборотъ дѣлу: взглянуть ли на правонарушеніе, какъ на шкоду, допускающую простое материальное ея возмѣщеніе, или какъ на злодѣйство, т. е. преступленіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Квалификаціованіе шкоды въ злодѣйствѣ зависѣло, повидимому, главнымъ образомъ отъ личности преступника: былъ ли это добрый мужъ, ни въ чемъ не заподозрѣнныи членъ копнаго округа, или человѣкъ подозрительный, пршелецъ изъ чужой стороны—„летный“. Если правонарушеніе опредѣлялось какъ злодѣйство, дѣло переходило на завитую копу. Так. обр. завитая копа собиралась только для преступника, и дѣло почти всегда кончалось висѣлицей. Завитая копа представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что она объясняетъ намъ генезисъ преступленія въ его общественномъ значеніи. По особенностямъ архаическихъ воззрѣній, всякий правонарушитель находится въ частно-правовомъ отношеніи къ обиженному. Такое отношеніе сохраняется въ копномъ правѣ не только по отношенію къ шкоднику, но и къ злодію. Обиженный имѣеть известныя права на злодія; но навстрѣчу его притязаніямъ выростаютъ притязанія всѣхъ членовъ копнаго округа. Они всѣ имѣютъ право „пытать“ преступника „о свои шкоды“,

т. е., если они страдали отъ какого-нибудь правонарушенія и не нашли въ свое время виновника, то теперь имѣютъ право пытать преступника, добиваясь отъ него сознанія. Копные суды даютъ намъ совершенно исключительную по полнотѣ деталей картину архаического судебнаго процесса. Правда, есть на архаическихъ чертахъ уже и новѣйшія наслоенія, но опытной рукой ученаго историка права не трудно реставрировать эту картину. Отмѣтивъ то обстоятельство, что исторія права не всегда предоставляетъ народному суду настоящее мѣсто, отодвигая его роль куда-то за предѣлы исторіи, г-жа Ефименко полагаетъ, что многія историческія свидѣтельства о велиокняжескомъ судѣ могутъ быть толкуемы лишь въ смыслѣ взысканія въ пользу князя судебныхъ пошлинь при допущеніи народнаго суда. Не отвергая впрочемъ велико-княжескаго суда, г-жа Ефименко полагаетъ, что онъ имѣлъ до извѣстной эпохи характеръ суда полюбовнаго, къ которому обращались по соглашенію, что видно еще и въ уставныхъ грамотахъ Литовской Руси, где постоянно говорится о „выдачѣ“. Общій выводъ таковъ, что было два основныхъ типа суда (народный и полюбовный) въ связи съ двоякимъ, параллельно идущимъ, развитиемъ идеи о правѣ (правда внутри родовой группы и правда для между-групповыхъ отношеній).

Другой рефератъ г-жи Ефименко—„*Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литве*“; вотъ вкратцѣ содержаніе его. Въ основаніи того комплекса явленій, который носить название феодализма, лежитъ феодализація земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ. Земледѣльческие народы Европы, особенно германскіе и славянскіе, осѣли на свою территорію земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языке подъ именемъ *mansus*, германское название *hufa*, западно-славянское *čap*, восточно-славянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ ფоздѣланной земли съ неопределеннымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угodyевъ. Определенность размѣра этой клѣточки констатируется точными

свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственныя безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ *jus publicum*, а не въ *jus privatum*, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Она вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органамъ государства, главн. обр. по отношенію къ организаціи военной защиты. Эта условная собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образования условной собственности—это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ. Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ Литовской Руси; процессъ шелъ вполнѣ самостоятельно. Но наряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодального строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственно Литовской Руси.

Проф. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „*Общины на Валашскомъ правѣ въ Юго-Западной Руси*“. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностю предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Референтъ готовъ считать загадочныхъ Болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той-же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественные земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы.

Значеніе крайнива мало виясняється актами; онъ присутствуєтъ въ судѣ съ офиціальными лицами, онъ присутствуєтъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждого села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе князства скупались болѣшею частию дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣль, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Князства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наследственную собственность; князь въ князствѣ являлся только какъ *usufructor*, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ—дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціального занятія Валаховъ скотоводовъ. Первые поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ—Валаховъ, но съ теченіемъ времени и многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ Западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

Проф. Платоновъ, въ рефератѣ „*объ огнищанахъ*“, сообщивъ всѣ лѣтописныя извѣстія, касающіяся данного вопроса, и различныя толкованія слова *огнищанинъ*,—какъ домовладыка, землевладѣлецъ, рабовладѣлецъ,—съ своей стороны высказываетъ мнѣніе, что подъ „*тіуномъ огнищнымъ*“ и „*огнищаниномъ*“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило название дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „*огнищане*“ охватывало этимъ словомъ

большій кругъ лицъ, именно—всѣхъ людей, принадлежавшихъ ко княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне.

По отдѣлу церковныхъ древностей проф. Петровъ сообщилъ „*О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами*; референтъ сначала изложилъ сказаніе о явленіи иконы въ с. Купятичахъ, минской губ., затѣмъ перешелъ ко разсмотрѣнію ея съ точки церковно-археологической; икона эта, находящаяся теперь въ Киево-Софійскомъ соборѣ, представляетъ не что иное, какъ часть древнаго креста-складня (энколпіона); такого рода кресты, относящіеся по большей части къ эпохѣ до-татарской встрѣчаются въ большомъ числѣ въ предѣлахъ Киевской земли.

Фрески кievскихъ церквей также были предметомъ докладовъ на съездѣ. Пр. Н. И. Петровъ въ рефератѣ „*О новыхъ археологическихъ открытияхъ въ Киевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Киево-Софійского собора*“ представилъ описание фресокъ, обнаруженныхъ въ этомъ году на арочныхъ столбахъ алтаря; фрески эти древнія, мѣсто ихъ указываетъ на то, что въ древности иконостасъ былъ гораздо ниже теперешняго; другія фрески, сравнительно болѣе позднія, открыты въ аркахъ притвора, облекавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ т. н. крещальниѣ, находящейся направо отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Въ этомъ же рефератѣ пр. Петровъ коснулся остатковъ древней кладки иѣкъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей, случайно открытой на Большой Владимірской улицѣ при выемкѣ земли для канализаціи. Со поставляема мѣсто находки съ планомъ Киева XVII вѣка, на которомъ здѣсь обозначены ворота крѣпостного вала, пр. Петровъ высказалъ предположеніе, что эти остатки кирпичной кладки принадлежать древнему городу св. Владиміра.

Докладъ М. П. Истомина—„*Къ исторіи живописи въ Киево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтії*“ касается росписанія великой лаврской церкви въ 1772—76 г.г. Основываясь на документахъ, хранящихихся въ Киевскомъ центральномъ архивѣ и въ архивѣ Киево-печерской лавры, г. Истоминъ полагаетъ, что росписаніемъ

церкви завѣдывалъ итальянскій художникъ Веніаминъ Фридериче. Опредѣляя затѣмъ значеніе Кіево-печерской лавры, какъ разсадника на всю западную Россію иконописнаго искусства, референтъ замѣчаетъ, что не всегда искусство это въ лаврѣ стояло на должной высотѣ, и такъ какъ потребность въ немъ скаживалась довольно сильно, то необходимо было устроить школу церковной живописи; такая школа и была открыта при лаврѣ въ 1763 г., до того же времени обученіе происходило приватно, по келіямъ монаховъ-иконописцевъ. Результаты устройства школы обнаружились скоро—въ работахъ по роспискѣ церкви въ 1772—76 г.г. принимали участіе исключительно ученики недавно открытой школы. Въ заключеніе референтъ выразилъ пожеланіе параллельного изученія живописи въ православныхъ церквяхъ Западной Руси и костелахъ для уясненія вопроса о заимствованіяхъ.

По отдѣлу—*Памятники языка и письма* отмѣтимъ рефератъ проф. Бородицкаго—„*Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ*”, рефератъ, открывающій новые пути для лингвистическихъ изслѣдований. Въ виду этнографического разнообразія состава населенія Россіи, являются самыя благопріятныя условія для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Основныя положенія референта слѣдующія. При соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: заимствованныя слова и смѣшанныя нарѣчія; послѣднія подраздѣляются на три класса: 1) смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, родственныхъ между собою (русскій и нѣмецкій), или же не родственныхъ (русскій и чувашскій), 2) смѣшанныя нарѣчія изъ соприкосновенія двухъ близко родственныхъ языковъ (русскій и польскій), и 3) смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка (таковы переходы напр. отъ малорусского къ белорусскому или къ великорусскому). Что касается характера смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности къ ассимиляціи. Процессъ образованія смѣшанныхъ нарѣчій наблюдается въ случаяхъ изученія чужого языка, при

этомъ представляется два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выражений: 1) ошибочная образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ, и 2) ошибочная образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ. Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. Матеріалъ для изученія долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій.

Е. О. Карскій прочелъ рефератъ—„Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?“ Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ. Старое западно-русское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, выдѣляющія его, какъ самостоятельный органъ; черты эти не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусского нарѣчія, легшаго въ основу западнорусского языка; особенности бѣлорусского нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV в.; вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, изученіе старого западнорусского нарѣчія такъ-же интересно для исторіи русского языка, какъ и восточно-русского литературнаго языка того времени.

Проф. Созоновичъ въ докладѣ—„Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ“ является противникомъ получившей въ послѣднее время оживленіе теоріи восточнаго происхожденія русскихъ былинъ. Для примѣра референтомъ былъ разобранъ эпизодъ изъ былины про Добрыню Никитича, о томъ, какъ другъ Добрыни Алеша Поповичъ въ отсутствіе Добрыни принуждалъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ; основу этого сюжета референтъ находитъ не на востокѣ, но въ классическомъ разсказѣ, прошедшемъ чрезъ западно-европейскую средне-вѣковую литературу.

Проф. Соболевскій въ рефератѣ—„Особенности русскихъ переводовъ до-монгольского периода“ указалъ на извѣстіе лѣтописи, что Ярославъ собралъ переводчиковъ, дающее возможность предполагать, что пѣкоторые сочиненія были переведены на церковно-славянскій языкъ въ Россіи до-монгольского периода, устанавливаетъ пѣкоторые лексическія особенности, по которымъ можно отличить переводы, сдѣланные на Руси отъ сдѣланныхъ

на славянскомъ югѣ. Наиболѣе важны три группы словъ, не встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія, это—1) слова славянскія по происхожденію со специальными значеніями—названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ вѣса, одѣждъ и т. п. (посадникъ, гривна, кожухъ), 2) слова, заимствованныя русскимъ языккомъ изъ другихъ языковъ (тіунъ, шелкъ, обезьяна); 3) названія городовъ и народовъ, хорошо известныхъ древней Руси, но неизвестныхъ или малоизвестныхъ южнымъ славянамъ, отличная отъ названій греческихъ (Сурожъ, Мурманинъ). На основаніи лексическихъ данныхъ, можно считать переведенными въ древней Руси житія свв. Андрея Юродиваго, Феодора Студита, Стефана Сурожскаго, Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая Чудотворца въ Баръ, Монастырскій Студійскій уставъ, Пандекты Никона Черногорца, Исторію іудейской войны Флавія, Александру, Топографію Козмы Индикоплона, нѣсколько апокрифовъ и др. Сверхъ того, рядъ сочиненій, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, былъ исправленъ въ древней Руси по греческимъ оригиналамъ, между прочимъ: Чудеса св. Николая чудотворца, Пчела, Хронографъ Георгія Амартола.

Проф. Владими́ровъ въ рефератѣ „Новые данные къ изучению литературной деятельности кн. Курбского“ указалъ на неизвестные доселѣ переводы кн. Курбского, заключающіеся въ одномъ изъ сборниковъ XVI в. Моск. Синод. библ. По поводу этого реферата проф. Соболевскій замѣтилъ, что въ южной Руси существовала цѣлая группа великороссіянъ, занимавшихся переводами, и что переводы, приписываемые Курбскому, могли быть сдѣланы не имъ, а другими лицами, и лишь редакція могла принадлежать Курбскому.

По отдѣлу древностей литовскихъ, славянскихъ и восточныхъ (предсѣдатель проф. Флоринскій) большими научными достоинствами отличался рефератъ проф. Мѣржинскаго—„О Криве“. Путемъ строгой критики источниковъ референтъ пришелъ къ выводамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ доселѣ принятыми: проф. Мѣржинскій отрицає обширное распространеніе власти Криве, затѣмъ название „Криве“ признаетъ собственнымъ именемъ по-

слѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове, а не названіемъ должности. Проф. Кочубинскій въ рефератѣ—„Литовскій языкъ и наша старина“ указалъ на важность изученія этого языка, остановился главнымъ обр. на выясненіи происхожденія слова „druska“—соль по литовски; референтъ склоняется къ производству его отъ города Truso (вблизи нынѣшняго Эльбинга).

По отдѣлу археологическому Д. Я. Самоквасовъ въ докладѣ—„Объ организациѣ и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ“ изложилъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла Высочайше утвержденная при министерствѣ народного просвѣщенія комиссія 1892 г. по преобразованію центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Не смотря на то, что означенные архивы, заключая въ себѣ огромное количество историко-юридическихъ документовъ, имѣютъ важное и научное, и практическое значеніе, содержаніе архивовъ до сихъ поръ не приведено въ должный порядокъ; для улучшенія архивнаго дѣла и предложенъ рядъ мѣръ; именно,—увеличеніе числа служащихъ, привлеченіе, на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, увеличеніе окладовъ получаемаго жалованья, предоставленіе нѣкоторыхъ льготъ по службѣ, а для охраны и удобства пользованія документами—составленіе инвентарныхъ описей. Въ возникшихъ по поводу доклада Д. Н. Самоквасова дебатахъ, между прочимъ, г. Истоминъ высказался противъ составленія инвентарныхъ описаний, такъ какъ онъ мало пригодны для научныхъ цѣлей и требуютъ для составленія такъ-же много времени, какъ и подробные систематические указатели; въ частности, для архивовъ Киевскаго и Виленскаго, какъ имѣющихъ мѣстное значеніе, г. Истоминъ предложилъ составленіе фактическихъ указателей актамъ, въ которыхъ извѣстные факты распредѣлялись бы по группамъ. А. Н. Лѣвовъ въ рефератѣ—„Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ“ далъ общую характеристику содержанія этого архива, уже приведенного въ порядокъ и заключающаго въ себѣ интересные документы, восходящіе къ XV в. В. М. Площанскій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго архива, именно—о градскихъ книгахъ города Холма, съ XV до половины XVII в.

B. H. Сторожевъ, на основаніі архивнаго матеріала, въ рефератѣ—„*Московское управление въ Вильне XVII вѣка*“ съ разныхъ сторонъ очертилъ дѣятельность кн. Шаховскаго, бывшаго воеводой въ Вильнѣ во время непродолжительного пребыванія ея въ рукахъ Московскаго государства.

По отдалу древностей классическихъ и византійскихъ проф. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе—„*Вопросъ о Готахъ*“, въ которомъ отмѣтилъ, прежде всего, замѣчающійся въ послѣднее время интересъ къ этому важному для прошлаго южной Руси вопросу; указавъ затѣмъ въ краткихъ чертахъ на историческое значеніе Готовъ, референтъ остановился на роли Готовъ въ учрежденіяхъ Византійской имперіи, особенно въ военномъ дѣлѣ, и далъ характеристику готской дружины; въ заключеніе референтъ привелъ рядъ пунктовъ, которые показываютъ, что разработка готскаго вопроса можетъ оказать вліяніе и на русскую исторію. Проф. Штернѣ прочелъ докладъ „*Замѣтки по исторіи Ольвії*“; указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится древнее ольвійское городище, и на эксплоатацію темными промышленниками древностей, референтъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ periodамъ исторіи города и дающихъ возможность востановить некоторые интересные факты изъ жизни ольвіополитовъ. Проф. Кулаковскій въ сообщеніи—„*О керченскихъ катакомбахъ съ фресками*“, далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооруженій, который известенъ подъ именемъ „катакомбъ“; упомянувъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, референтъ остановился на двухъ сооруженіяхъ такого рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 гг. сопровождая свой докладъ демонстраціей рисунковъ.

При съездѣ была устроена археологическая выставка; вслѣдствіе того, что многіе изъ мѣстныхъ собирателей старины не выставили своихъ коллекцій, выставка не давала полнаго представленія о мѣстныхъ древностяхъ, которыми такъ богатъ этотъ край, хотя все-таки количество выставленныхъ отдельныхъ собраній (23) и заключающихся въ нихъ предметовъ было довольно значительно.

Какъ на одно изъ важныхъ послѣдствій съѣзда, укажемъ на предполагающеся изданіе подробныхъ описаній мѣстныхъ древностей, причемъ будутъ изданы и рисунки послѣднихъ.

Изъ изданій, вызванныхъ съѣздомъ, большой томъ составляютъ „*Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительного комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическая съездъ*“. „Труды“ распадаются на три отдѣла; въ первомъ помѣщены протоколы виленскаго отдѣленія предварительного комитета; изъ нихъ мы узнаемъ, какую массу подготовительной работы потребовалъ съѣздъ отъ комитета, бывшаго сначала подъ предсѣдательствомъ генер.-лейтен. А. И. Тиртова, а послѣ его смерти—подъ предсѣдательствомъ Ю. Ф. Крачковскаго; во второмъ отдѣлѣ помѣщены изслѣдованія, между которыми цѣнныи трудъ составляетъ археологическая карта виленской губерніи Ф. В. Покровскаго; третій отдѣлъ занятъ материалами для библіографического указателя сочиненій, относящихся къ западной Россіи.

Съѣзду посвященъ также прекрасно изданный *каталогъ коллекціи Поля*, находящейся въ Екатеринославѣ, составленный Е. Н. Мельникъ.

Слѣдующій ареологический съѣздъ соберется въ Ригѣ, въ 1896 году.

Н. В.

Памяти И. И. Манжуры.

Въ маѣ текущаго (1893) года въ екатеринославской земской больнице скончался извѣстный этнографъ и поэтъ И. И. Манжуръ. Въ статьѣ о современной малор. этнографіи (гл. 3) я сообщилъ краткія о немъ біографическія свѣдѣнія и сдѣлалъ общую оцѣнку его этнографическихъ сборниковъ. Теперь добавимъ лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній объ этомъ весъма даровитомъ, но глубоко несчастномъ человѣкѣ. И. И. Манжуръ страдалъ наследственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его прїѣзда въ Харьковъ въ 1885 г., когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно болѣй и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ и крупное поэтическое дарование.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6 іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣтъ провожу въ своемъ ხуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: *Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; расскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто въ родѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки-москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкralъ и привезъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть,*

въ тогдашнюю яму въ общество всякого отребья. Быть я въ это время и не помнящимъ родства, ъѣль изъ арестантскаго котла, былъ и приемнымъ сыномъ у какого-то пожарного или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцемъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ пропелъ съ отцемъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалился отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмаки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патерь мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромль я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе, но мой маршрут лежалъ черезъ Харьковъ, другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромль отецъ запилъ; обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь, чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ въ шинкѣ мы прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой то боромленки. Отправляясь въ лавку—я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и рассказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній—она согласилась, даже показала и рассказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ъѣви, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая то рѣка ¹⁾). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чу-

¹⁾ Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

маки меня приняли, и благодаря моей бойкости, даже побручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда самиѣ ходили. Но на утро видно раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой то боръ.. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорожной обувь), вышелъ на какие-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, распросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно профессиональныхъ, богомолокъ, которыхъ велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, проводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я попшелъ съ ними, не зная за чьего то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними, скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: „Ваня, Ваня“, или что-то въ родѣ этого. Оказалось—что это ходилъ на богомолье мой Бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросившись—что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заптатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія.

Не правда ли,—что просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего *patera* не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣрить.

Въ 1889 г. вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры, „Степовы спивы та думы“. Въ Киевской Старинѣ и въ Зорѣ были неблагосклонные отзывы, съ которыми я не могу согласиться. Въ настоящее время малорусской литературы почти не существуетъ и потому неудивительно, что совсѣмъ нѣть и литературной критики. Манжурѣ ставили въ укорь, особенно въ „Зорѣ“, незнаніе малорусского языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему изъ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсень и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же постыдѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ „Зорѣ“ упрекали Манжуру въ незнаніи малорусского языка, глубокой лингвистѣи и общепризнанный знатокъ малорусского языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Лирическія стихотворенія можно распределить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) крестьянски—бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическими стихотвореніями я считаю „Маты“, въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, „Весна“, „Споминъ“, „По весни“, NN (Самъ не знаю), „Мынуле“, „Переспивъ“ (Мени двила...), въ которыхъ выражались воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости,

первое вступительное стихотворение „Не треба мини“, въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи („любовь къ людыни“), и въ особенности „До товарыща“, „Писня“ (въ лычкахъ вязовыхъ), „Босяцька писня“, „Старый музыкъ“, „Бурлака“, „Бурлакова могила“ и „Незвычайный“. Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и „До товарыща“.

Нема смы, нема води,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повыши
Все чужіе люде.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,
Лякъ ридны той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ--а ни гадки.
Тилько никоды въ куточку
Пожурьтесь стыха,
Та гирько (ве слёзов...)
Зальешь свое дыхо.

Якъ зальешь— мовъ позабудешъ,
Пишовъ шканцыбати;
Заразъ люде и пидзорятъ
Га й ну дорикаты.
„Хылозопію“ пидпустить,
„Нравственность“ якусъ то..
А бодай имъ божевильныи
Симъ разъ на день пусто!
Вони певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Знівечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно „шканцыбалъ“.

Не хрещатыи барвиночкомъ,
Не запашныи василечкомъ.
Життя наше процвило;
Лыже горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидоцька
Его змалку проросло.

.....
И теперь ось даремнее
Життя наше никчемнее
Соби марно доеклива—
Мовъ огоньки въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригиналыми. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительного сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелестъ этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи „попасный облогъ“, т. е. поросшія спорынемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссийскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей „забутый огоньки“. Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественного созерцанія природы.

Соціально-економіческія стихотворенія посвящені тому, что составляеть въ Малороссіи „власть земли“—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ „хліборобскихъ“ стихотвореніяхъ на первый планъ выступаютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картинами живительного лѣтняго дождя и губительного града. Таковы: „Дума“, „На степу и у хати“, „Зъ заробитковъ“, „На добрій ныви“, „Грядъ“, „Сонъ“, „Роскишъ-доля“. Здѣсь выступаютъ все „темни сиріи люде“, для которыхъ хлѣбъ—„святый“, которые при хорошемъ урожаѣ говорять „гарнєе житце, помножъ его Боже“. Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ „радіе“, когда дождь оросить истомленную засухой ниву; съ нимъ „турбуется“, когда нива лежитъ „стомлена, спечена, пыломъ прибыта; этимъ доброжелательствомъ виущены два молитвенныхыхъ стихотворенія „Зъ охрестамы“ и „Страсти“. Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія „На пасици“ и „Бжолы“. Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійского пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотворение баллада „Ренегать“, затѣмъ „Нечесна“, „Веснинка“, „Нехай“, „Переспивъ“, (Зиронька ясна), „Въ раньци“—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описание тумана я вижу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстнике 1893 г.) и „Лылій“. А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогосьмагната
Роскошны лалія пвали;
Іхъ люде здалека, дѣ вихоръ та снека,
На втыху соби завезлы.
Любують іхъ очи весели дивочи,
А часомъ и хиурыймагнагъ,
На нихъ якъ погляне, нудъга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ вони пышни, усякому втищни
Миръ въ сердце людське подають,

А люде не знаютъ и гадки не мають,
Якъ слезы въ ночи вони льготъ.
Чого жъ то имъ шкода? Аджесть и урода,
И роскишъ, и шава имъ е...
Нелюба миъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у байдай краини ихъ ридай
За пансъку ту ласку здѣлься
И спека пекучая, и вихоръ легочый,
Що іхъ опалили колись....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примененіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, забѣхавшей изъ далекаго края.

<p>Такъ ты, моя краса, зъ далекого края, Неначе лыжі мои:</p> <p>Сдається й па ясли, у пана и холи, Та все бо не въ ридимъ краи.</p> <p>Твой поглядъ ясненький, твой смихъ ве- селецький</p> <p>Та щирая ласка твоя</p>	<p>Усихъ нась еднають, усихъ нась вы- тнують,</p> <p>Якъ тихая зъ неба зоря.</p> <p>Поглянемъ избоку (нехай бо ни въ року!)</p> <p>Та й скажешъ: „життя тоби рай“;</p> <p>А вся жъ твоя втиха—поплакати стыха, Згадавши веселый свій край.</p>
---	--

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ „Ліліяхъ“ Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно—и образъ, и его примененіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общеизвестныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О „байкахъ“ не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большую частью подслушанные у патрода. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Мои личныя сношенія съ Манжурай были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по возпросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсень. Такъ какъ сборникъ написанъ „кулишевской“, то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чemu его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: „всѣ свои“ по зорящія качества“ я отринулъ и исправился; но это „исправленіе“ было непродолжительное, и въ февраль 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: „Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.)—можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я—

яко благъ, яко нагъ, перебиваюсь по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку“.

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой материальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоиздѣствомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки „Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ“, а въ 1886 г. передѣлку другой сказки „Лыха годына“. Приславъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: „Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыковъ, я замѣтилъ, что симпатичные разсказы, напр., Мордовцева „Дзвонарь“ и „Салдатка“, а также оповиданія Марка Вовчка и другіе подобные—на водятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смеяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей“.

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: „Не везеть мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.“

Въ послѣдніе годы И. И. помѣстилъ въ Этногр. Обозр. и Киев. Стар. нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ и продолжалъ свои записи изъ народныхъ устъ.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ этнографич. записей; я ихъ и не бросаю. Не знаю писать ли я Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ,

московскому обществу любителей антропологии и этнографии¹⁾), №№ более полусотни, да и теперь кое-что имею.

Кромъ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ „у въ одно око“. Вѣдь это, сколько помнится, приключение Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ „у въ одно око“,—сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и переплю для Общества; можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ „Декамерона“ и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ²⁾.—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: „Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ уличныхъ пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоять особенно и темъ общепѣсеныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ“.

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографического ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается „Велыкденъ“.

¹⁾ Манжура съ стодѣлъ членомъ этого общества.

На зразокъ зъ Я. Полонського.

Я свитло погасивъ, дрижаю въ самотыни,
 Ажъ чую въ хату ось повалитали
 Сумни, таємни—жъ мара—нишненци тиви
 И въ головахъ у мене поставали.
 И чуты жъ воны таємно ш потили:
 —Хай засне винъ, душою хай скротыся...
 —А чи давно его мы счастеви радили?...
 —Нехай же добрый сонъ ему прыснется.
 —Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохаетъ...
 — То мыла любо думку его буде....
 —А завтра винъ цего ничего не загадае,
 —А то й з проклённомъ згадуваты буде.
 —Погляньте якъ при настъ ви си винъ молодіе,
 Якъ може винъ ще вирити й любыни,
 —А завтра бидный гиршъ винъ знову постаріє
 —И пиде якъ допрежъ цего терпіти.
 —А мы?... Мы разкомъ подамось укрыти снами
 —Та мріямы людськими всего свиту,
 —И счаствія мрія те жъ подные зъ вами,—
 —Завъялый квітъ колышнего розцвіту.

На Купала.

На Купала—днята мало
 Винотка звязати,
 Та не знало одыноке —
 Кому его дати.
 Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
 Жупанъ голубенький,
 Лицко биле—якъ у пана,
 И самъ молоденький.

Сполохнулось серденатко
 Дивоче, якъ пташка;
 —Ось для кого мій винотокъ,
 —Коля ёго ласка.
 Та пройихавъ козакъ поузъ
 И окомъ по глянувъ...
 А дивча винокъ порвало—
 Щобъ марно й не въянувъ.

Велікденъ.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!
 Луна въ селяхъ и зъ небесъ.
 Любують янголскії очи
 На те, якъ рады ції ночи,
 Изъ піднебесной ими
 На землю зори мовъ зійшли...
 Бо де не церква—тамъ видъ брамы
 Іи святои—якъ зиркани
 По селяхъ вкрились вулычми...
 Тожъ не зирки, а свичечки,
 Що люде добри посвятили

По-надъ паскамы й освятныи
 Той божій даръ, та це весели
 Несуть до рідної осели,
 Де жде мала ихъ дитгора...
 Весела, радистна пора!
 Та сердце щось мое бо, друже,
 Радіє ій теперь не дуже...
 Не разъ зъ отей слезу змахнешь —
 Якъ крадъкона хоть позирнеш
 На радистъ по людську та втиху...
 Оттакъ приспало его лыхо.

Бурлака.

Та иже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—
Та теперъ иже молоденкій
Кона не сидлае,

А цапычи постолы винъ
На ноги взувае,

—
Замисть списа бере косу,
За шаблю — мантачку;

За кирею жъ одягае
Свityну бурлацку.

—
Не пытае у дивчина
Теперь винъ дорогы —
Куды у Крымъ, куды на Дніръ,
Куды за порогы,

—
А пытае въ молодои
Нимецкой хаты,
Дебъ то статы — заробты
Соби хочь на латы.

И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая онъ могъ сказать словами Мармеладова въ „Преступленіи и Наказаніи“ Достоевскаго: „пожалѣть насть Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидеть въ тотъ день... и всѣхъ разсудить и проститъ“.

Н. Ф. Сумцовъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.¹⁾

(1813—1862 г.).

ГЛАВА V.

Сборы въ Полтаву. Ночлегъ у дяди. Опоиня. Диканька. Шведская могила. Полтава. Первая ночь въ Полтавѣ.

Весь іюль м'ясцій пропелъ въ мечтахъ о Полтавѣ. Отецъ мой въ продолженіе этого времени успѣлъ настроить воображеніе мое—и Полтава казалась для меня тогда какимъ-то баснословнымъ городомъ, где дома въ три и два этажа, высокія церкви, и мало-ли еще какихъ тамъ нѣть чудесъ, вовсе непонятныхъ дѣтскому уму? Гімназія часто не давала мнѣ спать; экзаменъ, который я долженъ былъ выдержать, нельзя сказать, чтобы страшилъ, но какъ-то странно волновалъ меня: и во спѣ, и на яву грезились мнѣ важныя и серьезныя лица учителей и директора, которого я чуть не Тамерланомъ представлялъ себѣ. Я не совсѣмъ былъ твердъ въ ариѳметицѣ, а потому ежедневно выдѣльвалъ на грифельной досцѣ разныя мудреныя задачи, которые и могли только вильзти въ педантическія головы составителей практическихъ задачъ, но въ практической жизни никогда не повторяются. Жалкій педантизмъ! Это хуже и латинскаго языка, и алгебры, которыми такъ безжалостно мучали и мучатъ юношество, препятствуя ему переходить въ высшіе классы и оканчивать воспитаніе въ училищахъ и гімназіяхъ. Время близилось уже къ концу іюля. *Въ одно прекрасное утро*

¹⁾ См. „Киевская Старина“ 1893 г. № 9.

отецъ сказалъ мнѣ, что завтра надобно ѿхать. Меня обнялъ паническій страхъ. Съ этой минуты я уже не выходилъ изъ комнаты—то складывалъ свои вещи и книги въ сундучокъ, то, забравшись въ темный уголокъ, спрягалъ ато и досео, то вдругъ задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ находится Рона или Сена, или Дублинъ, или Онтаріо? То требовалъ отъ себя отчета въ Пуническихъ войнахъ или объ Александрѣ Македонскомъ и т. п. Трудно меня было заставить сѣсть что-нибудь. Настало завтра. Все было уложено, лошади запряжены; началось прощаніе; маменька плакала; со всего хутора сбѣжались ребятишки смотрѣть, какъ повезутъ *панича*. Для меня самого было какъ-то странно; въ особенности занимало то, что какъ это я не буду ѿздить по субботамъ домой, какъ бывало изъ Зѣнькова. Но заведенная машина должна же идти—и мы поѣхали. Поѣхали мы не по зѣньковской дорогѣ, а по какой-то другой—вторая для меня странность; какъ это можно куда-нибудь ѿхать не по зѣньковской дорогѣ! Мы ѿхали по куземинской дорогѣ на село Лазьки, въ которомъ жилъ родной братъ моего отца Илья Ивановичъ. На этой дорогѣ есть одна достопримѣчательность: это насыпи на краю дороги въ видѣ треугольниковъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что по этой самой дорогѣ совершила свое путешествіе Екатерина вторая, что въ то время на каждомъ изъ этихъ треугольниковъ стояла будка и въ ней часовой—не знаю, справедливо ли это, но тогда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ рисовался этотъ безпрерывный рядъ будокъ съ стоящими при нихъ часовыми и торжественное шествіе монархии въ странахъ малолюдныхъ, почти пустынныхъ, но тѣмъ не менѣе безпредѣльныхъ, необозримыхъ. Часу въ девятомъ вечера мы спускались съ высокой горы и черезъ пять минутъ были уже въ Лазькахъ. Это ничтожное селенійце, состоящее сдва изъ двухъ сотъ душъ, тѣмъ только и примѣчательно, что тамъ жилъ мой дядя, единственный *панъ*, все же прочее народонаселеніе состояло изъ козаковъ. Самое мѣстоположеніе Лазьковъ нисколько не замѣчательно: есть горы и луга, и лѣса, но все это не дѣлаетъ никакого ландшафта, не производитъ никакого эффекта. Дядя встрѣтилъ насъ еще на дворѣ, подѣло-

вался, и мы вошли въ домъ, гдѣ нашли и тетку, почтеннюю старушку въ черномъ платьѣ и повязанную чернымъ платкомъ. Послѣ обычнаго угощенія чаемъ, по слухаю поздняго времени ночи вслѣдъ подали и ужинъ—ужинъ въ полномъ смыслѣ малороссійскій: яйца всмятку, борщъ со сметаной, соусъ изъ картофелей, жареные цыплята и вареники—запивали все это разными наливками: вишневками, сливянками, терновками. За ужиномъ отецъ и дядя бесѣдовали о хозяйствствѣ; изъ этой бесѣды въ памяти моей удержались слѣдующія обстоятельства: отецъ уверялъ дядю, что онъ изъ своего маленькаго хуторка можетъ получить двѣ тысячи годового дохода, кромѣ того, что самъ жилъ; дядя не соглашался съ этимъ и приписывалъ нѣкоторой хвастливости—теперь я понимаю, что отецъ мой былъ правъ и получалъ едва ли не болѣе двухъ тысячъ. Умнѣе его хозяина и представить трудно: онъ вставалъ всегда вмѣстѣ съ солнцемъ, смотрѣлъ за всѣмъ самъ, имѣлъ винокурню, лошадиный заводъ, пасѣку, а хлѣба и сѣна бывало такъ много, что хуторъ нашъ называли тогда новымъ Египтомъ. Рѣшено былоѣхать въ Полтаву на другой день; дядя такжеѣхалъ и везъ двухъ своихъ сыновей-близнецовыхъ Николая и Савву, которые учились дома у священника и теперь, окончивши курсъ воспитанія, должны были опредѣлиться на службу въ казенную палату. Такимъ образомъ интересы отца и дяди соединились, и мы съ помощью Божію въ двухъ бричкахъ выѣхали часу въ одиннадцатомъ утра. Первое селеніе, попавшееся намъ на дорогѣ, было Опошня—это родъ города, имѣетъ семь или восемь церквей. Кучеру велѣно былоѣхать въ особенную улицу въ сторонѣ; здѣсь возлѣ небольшаго домика мы остановились, и отецъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь онъ родился, что это домъ уже не тотъ и не в томъ мѣстѣ и т. п.

Я съ какимъ-то благоговѣніемъ выслушалъ повѣсть давно минувшихъ дней и сохранилъ ее въ памяти своей такъ живо, что и теперь могу представить себѣ и этотъ экипажъ, остановившійся близъ незнакомаго дома, и отца съ воодушевленіемъ рассказывающаго, и кучера, сидящаго на козлахъ, и лошадей,

отъ усталости понурившихъ головы, и будто теперь слышу голосъ дяди: „Лука Иванович! Пораѣхать—опоздаемъ!“

Изъ Опоши мы выѣхали на большую дорогу и черезъ часъ не болѣе были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ первого верстъ на шесть. Будища такъ не-примѣчательны, что и говорить обѣихъ нечего. Но зато, проѣхавши верстъ шесть, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ чрезъ лѣсную дорогу къ церкви съ чудотворною иконою угодника Николая и потому въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой рассказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея—предка нынѣ знаменитыхъ князей Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живомъ повѣствованіи отца моего, я познакомился тогда съ исторіей своего края и ему, быть можетъ, обязанъ тою любовью и ревностію, съ которыми я впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украинѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы видѣли побоище Русскихъ со Шведами, которое и донынѣ называется Побиванкой на тамошнемъ народномъ языке. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ, города Полтавы.

— А вотъ скоро доѣдемъ и до шведской могилы, сказалъ мнѣ отецъ.

— И посмотримъ на нее, неправда-ли, папенька?

— Да, посмотримъ, непремѣнно.

Между нами водворилось молчаніе. Вся душа моя была наполнена ожиданіемъ зрѣлица Шведской Могилы. Наконецъ, отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдали холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находилась отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы, не смотря на позднее время, рѣшились посмотретьъ ее вблизи. Я, видѣвшій до того времени только обыкновенныя могилы на кладби-

щахъ, изумился, увидя передъ собою огромный холмъ, и изъявилъ свое обѣ этомъ изумленіе.

— Что-жъ мудренаго, сказалъ мнѣ отецъ, вѣдь тамъ по-гребено нѣсколько тысячъ.

— Нѣсколько тысячъ? воскликнулъ я.

— Да, нѣсколько тысячъ.

Я задумался. До того времени я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы можно было убить нѣсколько тысячъ: война представилась мнѣ по этому случаю въ самомъ отвратительномъ видѣ. Хотя я во время пребыванія моего въ зѣньковскомъ по-вѣтовомъ училишѣ и училъ о разныхъ войнахъ и Пуническихъ, и Пелопонезскихъ, и обѣ Александръ Македонскомъ, но признаюсь откровенно, что мнѣ тогда ни разу не приходило въ голову, чтобы на войнахъ этихъ убивали людей—въ первый разъ я узналъ обѣ этомъ на Шведской могилѣ! Полтава была унасть, какъ на ладони, не смотря па то, что осталось еще проѣхать верстъ семь.

Чудній, лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія—вечеръ, который и можно найти только въ нашей благословенной Украинѣ, обнялъ настѣ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѿхали пагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣшить,—даже я, при всемъ своемъ беспокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ,—и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнныя образы давно минувшихъ событий: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозный таинственный ликъ Мазепы, и Карлъ XII на посилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ прострѣленной пляпой, и страшное покрытое тѣлами полтавское поле,—въ это же самое время предъ глазами моими развертывалась картина совсѣмъ другого рода: безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромна въ Харьковъ, почтальонъ, скачущій во весь духъ со своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ, богатыя жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи; а налево другая картина: Полтава, погруженная во мракъ пыли, мону-

ментъ съ своимъ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Я никогда не забуду тебя!.... Если я, увлеченный суетой и треволнениями міра, и живу вдали отъ тебя, и не вдыхаю твоего благовоннаго, здороваго воздуха, и не любуюсь твоими очаровательными пейзажами,—то прости меня! Прости меня! И если я, испытавши всѣ страданія жизни, возвращусь когда-либо въ твои родныя объятія,—прійми меня съ радостію, какъ ветхозавѣтный отецъ принялъ блуднаго сына, и прикажи уготовать тельца; ибо, вѣрю, я приду къ тебѣ голодный и въ рубищѣ Жестокій свѣтъ, для котораго я служилъ всѣми силами души своей, отказалъ мнѣ въ своихъ благахъ, которыхъ я такъ поздно научился и цѣнить, и презирать въ одно время!

И вотъ мы, наконецъ, въ Полтавѣ! Вотъ дивная, круглая площадь, застроенная казенными зданіями, площадь, которая могла бы сдѣлать честь и любой столицѣ. Посмотрите: вотъ дворецъ князя Репнина, вотъ гимназія, уѣздное училище, приставенныя мѣста, домъ дворянскаго собранія, домъ губернатора, (а нынѣшнее время и кадетскій корпусъ)—въ серединѣ этого чуднаго круга монументъ Петра Великаго—и все это, наконецъ, тонеть въ свѣжай зелени садовъ и цвѣтовъ . . . Далѣе этого, впрочемъ, Полтава мало примѣчательна. Если важность городовъ мѣрить величиной и красотой домовъ, и, если вы не хотите разочароваться въ этомъ отношеніи, то возвратитесь назадъ, отдохнувши на пьедесталѣ монумента! Но кто любить не одни высокіе и красивые дома, тотъ можетъ посмотретьъ въ Полтавѣ слѣдующее: церковь Спаса, мѣсто домика Петра первого, гдѣ стоитъ теперь небольшой памятникъ, городской садъ, бульвары и, наконецъ, пусть взойдетъ на возвышенность близъ собора, станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домикъ Ив. П. Котляревскаго, и посмотритъ вдалъ—картина очаровательная для любителей природы! Мы не принадлежали тогда ни къ той, ни къ другой категоріи путешественниковъ, приѣхали въ Полтаву по дѣламъ, смотрѣли на все мимоѣздомъ, взошли на монументъ; папенька раскланился съ какимъ-то чиновникомъ—и потомъ по разнымъ проулкамъ отправились мы отыскивать домъ губернскаго архитек-

тора Антона Ивановича Кардашевского, дальнего нашего родственника, у которого намерены были ночевать. Было уже очень поздно—часовъ 10 вечера. Антонъ Ивановичъ, который велъ жизнь весьма регулярную, т. е. занимался, ъль, спаль и гулялъ по часамъ, собирался уже почивать, какъ вдругъ мы нахлынули къ нему цѣлымъ обозомъ. Надобно замѣтить, что Ант. Ивановичъ находился по своей должности въ Полтавѣ, жилъ одинокимъ,—жена же его и дѣти находились въ деревнѣ; вся прислуга его состояла изъ одной только старой кухарки, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и камердинеромъ.—Можете представить себѣ, какую мы ему задали задачу своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ—надобно было ставить самоваръ, варить ужинъ, стлать постели и т. п. Вся эта церемонія продолжалась часу до второго ночи. Я, съ непривычки проѣхавши верстъ пятьдесятъ, усталъ чрезвычайно и потому, напившись чаю, преспокойно удалился въ другую комнату и тамъ заснулъ *сномъ невинности*, между тѣмъ какъ три старика, невидавшіеся, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, разговаривали въ ожиданіи *скоропостижного ужина*, какъ называлъ его шутя дядя мой Илья Ивановичъ. Надобно замѣтить, что я заснулъ прямо на стулѣ, сидя.—Когда поспѣлъ ужинъ, меня хотѣли разбудить, но это не такъ-то легко было сдѣлать, и потому меня оставили въ покое.

На другой день я проснулся довольно рано, и такъ какъ въ чужомъ домѣ не рѣшался встать съ постели, не слыша никакого движения и не зная ни входовъ, ни выходовъ, то отъ нечего дѣлать принялъ повторять въ умѣ разные предполагаемые вопросы къ будущему экзамену. Между тѣмъ въ домѣ начали пробуждаться—чрезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ пациентка. „Пора вставать—сказалъ онъ—одѣвайтесь поскорѣе, пойдемъ къ директору, уже девятый часъ“.—Я былъ ни живъ, ни мертвъ, однако-жъ повиновался какъ-то машинально—и какъ меня застали врасплохъ на неконченомъ вопросѣ, то я смѣшился и рѣшительно забылъ, что относится къ Тарквинію Древнему, а что къ Тарквинію Гордому и кто изъ нихъ царствовалъ прежде.

ГЛАВА VI.

Представленіе директору. Гімназія. Экзаменъ. Молодой учитель. Я принять. Начало Гимназического курса. Новая метода ученія.

Въ то время еще въ Полтавѣ не было биржевыхъ лошадей, а потому вельно было нашему кучеру запрягать и черезъ полчаса времени тройка деревенскихъ лошадей легонько покатила бричку нашу, похожую на ту, въ которой ъздила Мадамъ Коробочка (въ Мертвыхъ Душахъ—Гоголя) подъ крыльцо директорскаго дома.—Надобно замѣтить, что возница нашъ вовсе не имѣлъ кучерской шляпы, а надѣвалъ ту-же самую баранью шапку, въ которой въ другое время отправлялся на деревенскія работы. Мы вошли въ переднюю. Лакей тотчасъ отправился доложить, что пріѣхалъ помѣщикъ съ дѣтьми: насъ попросили въ гостинную—черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Г.—директоръ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, который въ это время былъ коллежскимъ совѣтникомъ. Важная осанка человѣка, орденъ, висѣвшій въ петлицѣ, привѣтливость, съ которой онъ обратился къ моему отцу, а потомъ и къ намъ— тотчасъ расположили меня къ нему. Онъ принялъ прошеніе и атtestать мой, прочиталъ то и другое, замѣтилъ, что атtestать у меня превосходный, намекнулъ, что Зѣньковское Повѣтовое Училище импѣется на отличномъ счету, чѣмъ обязано оно въ особенности г. смотрителю, очень хорошо ему извѣстному, благодарилъ отца, что онъ старается доставить сыну своему (т. е. мнѣ) приличное дворянину воспитаніе, и, наконецъ, просилъ пожаловать въ гимназію часовъ въ 11-ть, гдѣ будетъ производиться экзаменъ. „Что же касается другаго сына вашаго“, сказалъ онъ, то обратитесь къ здѣшнему штатному смотрителю Зозулину—это вы можете сдѣлать и завтра“. Такимъ образомъ и я, и отецъ мой разстались съ нимъ въ восторгѣ. Страхъ мой совершенно исчезъ, и я даже съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначенаго времени—одиннадцати часовъ, чтобы выказать познанія свои передъ лицемъ гимназического ареопага: я

по какому-то дѣтскому инстинкту предчувствовалъ, что гдѣ такой благородный начальникъ, какъ Иванъ Дмитріевичъ Огнєвъ, тамъ и подчиненные должны быть столько же благородны. Я и не ошибся въ этомъ. Когда въ концѣ одиннадцатаго часа мы приѣхали въ гимназію, то нашли уже тамъ директора и всѣхъ учителей; два—три родителя также съ дѣтьми ожидали начала испытанія.

Въ сосѣдней затворенной комнатѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Солдатъ тотчасъ же отправился на зовъ и черезъ минуту явился къ намъ съ словомъ: „пожалуйте!“ Мы вошли. „Вотъ вашъ сынъ, кажется, изъ звѣньковскаго повѣтоваго училища и, сверхъ того, имѣть отличный аттестатъ—мы его за это прежде всѣхъ и проэкзаменуемъ“—сказалъ директоръ, обратившись къ моему отцу, и я былъ подозванъ къ столу. Не стану во всей подробности описывать моего испытанія, скажу только, что я поперемѣнно переходилъ изъ рукъ въ руки: вопросы изъ катехизиса, исторіи, географіи, латинскаго и нѣмецкаго языковъ сыпались на меня,—я отдѣльвался, должно быть, порядочно, потому что меня хвалили. По окончаніи этого устнаго испытанія, меня подозвали къ доскѣ и задали задачу на правило смѣщенія. Я приступилъ къ решенію, и сколько ни бился, никакъ не могъ ком- чить: замѣтивши мое несчастіе, Директоръ обратился къ учителю и сказалъ ему: „Филиппъ Ивановичъ, (Ефремовъ) дайте ему что нибудь другое: это правило смѣщенія такъ немудрено, что онъ смѣшался“. Минѣ задали сокращеніе дробей, въ которомъ и числитель и знаменатель были чуть ли не миллионы—я принялъ за дѣло, ошибался въ сократительныхъ знакахъ, стиралъ без- престанно и, наконецъ, добился: задача была решена окончательно, и я былъ аттестованъ. Минѣ оставался одинъ только русскій языкъ—этого то предмета я не боялся, потому что и грамматику зналъ напролетъ, и писалъ довольно правильно, а читалъ очень бойко и, что всего удивительнѣе, съ едва малороссійскимъ произношеніемъ: этому я былъ обязанъ трехлѣтнему пребыванію въ домѣ Кричевскаго, гдѣ говорили довольно порядочно по—русски.

Меня подозвалъ учитель, котораго я до того времени не замѣтилъ въ числѣ прочихъ, да если-бы и замѣтилъ, то рѣши-

тельно не счелъ его за наставника—такъ онъ былъ молодъ и хороши собою! Это былъ Иванъ Гр. Бутковъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ читать и сверхъ того извѣстный, какъ отличный актеръ, разыгрывавшій женскія роли на домашнѣмъ театрѣ Харьковскаго Университета во время своего тамъ пребыванія. Съ первыхъ вопросовъ этого вопрошателя, я тотчасъ понялъ всю бездну разстоянія между тѣми познаніями, которыя я имѣлъ и тѣми, какихъ отъ меня требовали. Но когда онъ заставилъ меня что-то прочитать, и я началъ такт, какъ меня учили, то онъ, прослушавши меня минутъ пять, взялъ отъ меня книгу и, сказавши мнѣ, что я читаю очень плохо, началъ читать самъ: здѣсь то я уже совершенно потерялся; мнѣ стало стыдно самого себя и я чуть не заплакалъ—мнѣ даже представилось, что меня не примутъ въ гимназію, потому что я не умѣю читать. „Впрочемъ, онъ знаетъ грамматику, дѣлаетъ разборъ порядочно, пишетъ сносно“, сказалъ учитель директору—„что-же касается чтенія, то это можно исправить въ одинъ годъ; надобно только читать тебѣ побольше и притомъ въ слухъ—это чрезвычайно образуетъ произношеніе и развиваетъ языкъ; у насъ книгъ много—есть что читать—была бы охота“. Съ этими словами онъ взялъ меня за руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ я увидѣлъ около десятка шкафовъ сверху до низу набитыхъ книгами. Я осталбенѣлъ при этомъ невиданномъ до того времени мною зрѣлищѣ, какъ осталбенѣлъ Ломоносовъ въ Москвѣ, когда случайно попалъ въ книжную лавку. Замѣтивши мое изумленіе, учитель сказалъ: „я самъ буду назначать книги, которыя ты долженъ читать; когда ты попросишь меня—я не откажу“. Я былъ въ восторгѣ и, какъ только могъ, выразилъ ему свою благодарность. Мы опять вошли въ экзаменационную комнату. Директоръ, обратившись къ моему отцу, сказалъ, что я принятъ. Пашенька благодарилъ его и всѣхъ учителей за вниманіе, и мы отправились домой. Боже мой! чѣмъ наполнена была тогда душа моя! это былъ счастливѣйшій день моей жизни! я гимназистъ! черезъ четыре года буду студентомъ! Въ это время я не боялся учителей, не страшился трудности предметовъ, даже самая математика не пугала меня. Учитель

словесности не выходилъ изъ памяти моей,— мнѣ непремѣнно хотѣлось научиться читать такъ, какъ онъ читаетъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала ученія. Папенька мой не менѣе былъ радъ.

Послѣ обѣда мы отправились отыскивать квартиру; нашли свободныя комнаты въ домѣ какого-то отставнаго воина Говорухина, наняли двѣ комнаты за 120 рублей ассигнаціями на годъ. При насъ остались кухарка отъ дяди Ильи Ивановича и нашъ мальчикъ. Мы должны были имѣть свой столъ, а для доставленія намъ чаю нанять былъ сбитењицъ. На другой день былъ опредѣленъ въ Полтавское Училище и меньшой братъ мой Андрей, а двоюродные братья мои, Николай и Савва Ильичи, поступили на службу въ Полтавскую Казеннуу Палату. Отцы наши уѣхали. Папенька, отъїжжа, далъ мнѣ рубля три на собственные безотчетные расходы и 15 рублей на книги. Мы остались одни въ домѣ Говорухина. Нѣсколько дней еще не начиналось ученіе, а потому это время посвящено было для того, чтобы ознакомиться съ новымъ для насъ городомъ. Двоюродные братья наши Николай и Савва Ильичи, какъ люди уже болѣе насъ взрослые и опытные, были въ этомъ случаѣ для насъ менторами. Въ три или четыре дня мы осмотрѣли все, что могло показаться для насъ занимательнымъ, и растратили всю свою казну, ибо дѣтскому характеру моему Полтава представила бездну разнаго рода соблазновъ: превосходные арбузы и дыни, горы яблокъ и грушъ, бакалейныя лавки, нѣсколько разъ заманившія насъ въ прохладную сѣнь свою; евреи со своими заманчивыми вещами и, наконецъ, къ довершенію разоренія кармана моего—трупа вольтижоровъ и слонъ, отправлявшійся въ Харьковъ на Успенскую ярмарку и на нѣсколько дней остановившійся въ Полтавѣ..... Мнѣ чрезвычайно хотѣлось насладиться всѣми этими приманчивыми наслажденіями и потому, вовсе не разсчитывая средствъ, рѣшилъ въ умѣ своемъ покупить всего и посмотретьъ все. Казна моя истощилась до того, что когда надобно было идти посмотретьъ на слона, то я къ ужасу моему замѣтилъ въ карманѣ моемъ только всего 50 коп., а нужно было за себя и за брата заплатить семидесять коп.,

Кредита въ Полтавѣ я еще не имѣлъ, а желаніе видѣть чудное животное, которое, какъ гласила афиша, будетъ раскупоривать бутылки, подымать съ земли мелкія монеты и тому подобная дива—было непреоборимо: надо было непремѣнно достать двадцать копѣекъ мѣдью. Въ этомъ страшномъ бореніи, я рѣшился наложить святотатственную руку на деньги, оставленныя для книгъ—и въ тишинѣ, тайкомъ вынулъ изъ пятнадцати рублей книжныхъ денегъ двадцать копѣекъ на слона.

Положеніе мое было ужасно: мнѣ все казалось, что я не буду уже имѣть ни одной книги, и Богъ знаетъ, чтобы со мною было, если бы двоюродные братья, которымъ я сознался въ своемъ проступкѣ, не уѣхали меня и не вывели изъ затруднительного положенія. Они мнѣ сказали, что вѣдь это пятнадцать рублей даны намъ на новыя книги, которыхъ продаются въ гимназіи, а купить на рукахъ у учениковъ можно гораздо дешевле, такъ что еще и останется. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого открытія; тотчасъ же занялся пріисканіемъ книгъ по реестру и къ полному удовольствію моему имѣлъ уже у себя все, что было нужно: курсъ математики Фусса, всеобщую исторію Есикорскаго, Россійскую исторію (не знаю чьего сочиненія, но твердо знаю, что она начиналась словами: часть Сарматіи и большая часть Скитії), какой-то катихизисъ и дѣсть бумаги въ придачу. Всѣ эти книги вовсе не были такъ стары, чтобы не годились къ употребленію—и я кромѣ того, выигралъ два рубля сорокъ копѣекъ, кромѣ истраченныхъ на слона двадцати копѣекъ.

Какъ видите, я отдался благополучно изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и притомъ имѣлъ свой собственный благопріобрѣтенный значительный капиталъ. Между тѣмъ въ гимназіи въ восемь часовъ пробилъ торжественно колокольчикъ. При этихъ новыхъ для меня звукахъ (въ Зѣньковскомъ училищѣ не было колокольчика) душа замерла, сердце стиснулось, я схватилъ въ охапку всѣ книги и опрометью бросился въ гимназію. Тамъ уже было довольно учениковъ и я тотчасъ къ нимъ присоединился. Черезъ нѣсколько минутъ явился директоръ, прочиталъ намъ наставленіе, какъ вести себя и какъ

учиться, и съ тѣмъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ учитель латинскаго языка Сорочинскій и началъ знакомиться съ новыми учениками. Насъ было человѣкъ сорокъ. Мы читали, склоняли, спрягали, писали и т. п. Нѣкоторые ровно ничего не знали, другіе трусили, я въ числѣ нѣкоторыхъ бойко склонялъ и спрягалъ и, когда учитель, переспросивши меня многое, приказалъ мнѣ *проговорить* исключенія третьяго склоненія, и я безъ запинки разрѣшилъ этотъ трудный вопросъ, то онъ похвалилъ меня и тутъ же началъ назначать *авдиторовъ*.... Я былъ изъ первыхъ. Слово *авдиторъ* было для меня новое; въ Повѣтствіи училищѣ называютъ ихъ просто слушателями. Въ послѣдствіи я понялъ все безпредѣльное разстояніе между *авдиторомъ* и *слушателемъ*. Это небо и земля, алмазъ и стекло, или всего лучше, между *авдиторомъ* и *слушателемъ* такое различіе, какъ между дежурнымъ и дневальнымъ въ Губернскомъ Правленіи—хотя, какъ видите вся разница въ языкахъ: то полатыни и по-французски, а это по русски. Съ какихъ поръ это уже ведется.... Когда окончилась латинская лекція, къ намъ черезъ полчаса вышелъ нѣмецъ. Одинъ видъ этого человѣка, высокаго, сѣдаго, съ огромною камышевою тростью, въ синемъ съ форменными пуговицами сюртуку, почти вовсе не понимавшаго по русски, привелъ меня въ ужасъ. Мнѣ послѣ говорили, что я былъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ началъ заставлять читать по нѣмецки и т. п. Дошла очередь и до меня. Разумѣется, что я былъ не большой нѣмецъ, да притомъ еще и струсилъ, и потому читалъ такъ, что онъ ударилъ тростью учительскою о столѣ; гуль и трескъ раздался по всему классу, а на крикъ вышелъ какой-то другой учитель изъ класса, подозрѣвавъ нѣмца къ дверямъ, что-то сказалъ ему.... Это, вѣроятно, былъ мой ангелъ хранитель, потому что крикъ, брань, удары тростью прекратились и только развѣ по временамъ слышались слова: болванъ, свина, говядинъ, мюзикъ, мой тебя будетъ пить и т. п. Когда всѣ были переспрошены и ни одинъ изъ сорока не удавлетворилъ ужаснаго нѣмца, онъ началъ диктовать урокъ.... Представте себѣ урокъ на нѣмецкомъ языке для дѣтей, которыхъ, какъ онъ самъ видѣлъ, да же читать не умѣютъ по-нѣ-

мецки. Къ счастію нашему, онъ заставилъ писать одного на доскѣ, а потому мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ могли копировать. На слѣдующій классъ нужно было это *вызубрить*, не понимая ни одного слова!—Боже мой! какая египетская работа!.... Но это было еще въ 1825-мъ году—не то же ли самое происходит и теперь въ нѣкоторыхъ гімназіяхъ чрезъ двадцать два года?—Бѣдныя дѣти! Жалкое воспитаніе! зато учать природные нѣмцы и французы.—Русскій не можетъ!....

ГЛАВА VII.

Продолженіе гімназическаго курса. Подвиги наши на квартире. Характеристика нѣкоторыхъ учителей.

Трудолюбіе и прилежаніе, которыми я отличался тогда въ гімназії, тотчасъ обратили на меня вниманіе учителей, не смотря, впрочемъ, на то, что способъ преподаванія, за исключеніемъ русскаго языка, вовсе не былъ таковъ, чтобы можно было самому дѣловому ученику пріобрѣсть что нибудь на свою пользу. Учитель русскаго языка преподавалъ въ то время логику.

Не смотря на всѣ усилия его передать намъ эту скучную науку, не смотря на всю ретивость мою пощеголять передъ прочими товарищами своими знаніями, я все-таки ровно ничего не зналъ и все дѣло ограничивалось только однимъ исправнымъ вызубриваніемъ, которое, какъ извѣстно, ни къ чему не ведетъ. Я былъ назначенъ авдиторомъ по всѣмъ предметамъ, за исключениемъ математики и нѣмецкаго языка; даже учитель французскаго языка замѣтилъ меня, и хотя я читалъ весьма плохо, но за то спрѣгалъ бойко всякие глаголы.... Учитель французскаго языка, не знаю уже для чего и съ какими цѣлями, приказывалъ намъ приходить къ нему на домъ и тамъ мы переводили съ нимъ Телемака, а очень часто вовсе ничего не дѣлали, гуляли въ саду и болтали вздоръ на языкѣ, который былъ смѣсью русскаго, французскаго и малороссійскаго языковъ.

Междуд тѣмъ какъ первые два года моего гімназическаго курса незамѣтно уходили, мы перемѣнили квартиру и уже на-

ходились въ домѣ какого-то столяра Семена, который имѣлъ человѣкъ пять рабочихъ. Среди этихъ работниковъ намъ особенно понравился одинъ молодой парень лѣтъ семнадцати, Григорій, и мы съ нимъ свели дружбу—для совмѣстныхъ шалостей и дурачествъ, какъ для препровожденія времени, такъ равно и для того, чтобы распекать нашего хозяина, который почти каждый день бывалъ пьянъ и допекалъ намъ немилосердно. Согласившись между собою все, т. е. двоюродные братья мои, я, братъ Андрей и Григорій, мы рѣшились напугать нашего Семена чертями и устроили это такъ: когда все легли спать, и свѣчи были затушены, мы растворили окно, вылѣзли въ него потихоньку и возлѣ дверей сложили все, что попалось подъ руки: мебель, ящики со стеклами и т. п. Между тѣмъ начали въ комнатѣ потихоньку стучать.....

Услышавши стукъ въ такое необыкновенное время, хозяйка разбудила мужа, зажгли свѣчу и рѣшили отправиться на чердакъ—тамъ разумѣется не нашли ничего; тогда Григорій застучалъ со всею силою въ двери съ наружной стороны—рѣшили отворить двери и что-же? Весь громоздъ нашъ обрушился, и перепуганные хозяева наши готовы были божиться, что подобную штуку могли состроить только черти, ибо ворота были наскрѣпко заперты, а мы все притворились спящими, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Это дѣлали мы нѣсколько разъ.

Это было осенью, грязь была невылазная, а потому, по обычаю того времени, насы распустили пока замерзнетъ и можно будетъ, не теряя сапогъ, ходить въ гимназію. Часто случалось, что подобные экстраординарные каникулы продолжались по пяти и по шести недѣль. Намъ было раздолѣ! Все это время нельзя же было безпрестанно пугать хозяина чертями; надо было придумать и другое развлеченіе. Я былъ страстный охотникъ читать, но доставать книги было очень затруднительно. Бывши еще во второмъ классѣ, я перечиталъ все, что учитель нашелъ приличнымъ дать мнѣ. Это были: образцовые сочиненія, (родъ хрестоматіи въ 12 частяхъ съ портретами нѣкоторыхъ авторовъ) исторію Карамзина, разныя путешествія, даже

„Россіяду“ и „Владиміра“ Хераскова, и трагедіи Озерова. Романовъ учитель не позволялъ мнѣ читать, но я презиралъ это, даже смеялся надъ нимъ, что онъ считаетъ меня такимъ дитятею, что будто бы ужъ я не могу понимать Радклифъ, Жанлисъ и т. п. и, если только представлялся случай, я съ жадностью перечитывалъ по два и по три раза романы несравненной Радклифъ: Шолный колоколъ, Развалины старого замка и т. п. прелести. Часто случалось, что я по цѣлому роману прочитывалъ въ одинъ присѣсть. Гдѣ же можно было набрать столько книгъ, чтобы занять все праздное время во время грязи? А потому мы придумали другое занятіе—карты. Къ счастію у насъ рѣдко случались деньги и то въ незначительномъ количествѣ,—вѣроятно я съ младенчества, можно сказать, сдѣлался бы картежникомъ.—При такихъ-то обстоятельствахъ мы играли по-шести и семи часовъ въ своего козыря, въ короля, мельника и иногда въ джгута. Эта послѣдняя игра мнѣ не очень нравилась, ибо было больно было, когда бьютъ джгутомъ проигравшаго. Къ чести моей надо было замѣтить, что если случалась книга, то я уже отказывался отъ игры, читалъ, а если это были стихи, то выписывалъ изъ нея, что мнѣ нравилось: надѣ этимъ иногда и подсмѣивались.

Но всего замѣчательнѣе была наша хозяйственная часть. Насъ было четыре, при насъ лакей и кухарка, а потому столъ былъ свой: для этого стола провизія доставлялась изъ дому—отъ отца и дяди. Само собою разумѣется, что всего изъ деревни за 75-ть или 50-ть верстъ въ Полтаву доставить было невозможно (хотя, впрочемъ, и случалось изрѣдка, что отъ дяди привозили намъ свѣжее молоко въ особенной баклагѣ), а потому нужно намъ было имѣть сношеніе съ базаромъ. Кухарка наша была такого рода женщина, которая, безъ преувеличенія говоря, не умѣла отличить Павловскаго гроша отъ тогдашнихъ новыхъ пятаковъ, лакей у насъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также ничего не понимающей по финансовой части, а потому мы находились въ страшной необходимости сами ходить на базарь и въ рѣзницы для покупки необходимаго для обѣда. Для этого у насъ назначено было дежурство, и каждому изъ насъ приходилось

исправлять должность метръ-д'отеля черезъ четыре дня: это нѣкоторымъ образомъ облегчало насъ. Дежурство наше было такъ строго, что мы не должны были бояться никакой грязи, никакого холода и никакія занятія не могли помѣшать идти на базаръ—иначе надо было оставаться безъ обѣда и ужина. Въ особенности было занимательно путешествіе брата Андрея по базарамъ: ему въ это время было лѣтъ восемь. Можно судить, что ему доставалось во время грязи и морозовъ! Изъ купленныхъ матеріаловъ наша кухнистера приготовляла обѣдъ, состоящій по большей части изъ двухъ блюдъ—борща или супу и жаркого, рѣдко съ прибавленіемъ каши: по праздникамъ появлялись на нашемъ столѣ пироги или вареники. Часто случалось, что мы, проголодавшись на порядкахъ, побѣдали за обѣдомъ все, а потому ужинать надобно было вновь готовить: разумѣется, въ такомъ случаѣ и думать было невозможно о борщѣ или супѣ, а тѣмъ болѣе о жаркомъ, а потому мы безъ дальнихъ церемоній готовили себѣ кулиши или галушки съ саломъ.—Часто случалось, что этотъ незатѣйливый ужинъ готовился въ нашей комнатѣ—въ это время мы уже нарочно откладывали топить печку къ вечеру. Чаю все-таки мы не имѣли, а вместо этого напитка бородатый сбитењщикъ приносилъ намъ сбитень: по утрамъ мы имѣли право выпивать восьмикопѣчные стаканы, по вечерамъ только двугрошевые. Жизнь наша протекала такимъ образомъ мирно и тихо безъ малѣйшаго притязанія на что либо лучшее: мы были здоровы, довольны, веселы, можно сказать счастливы. Все шло своимъ порядкомъ. Когда нужно было ходить въ гимназію я ходилъ и всегда съ удовольствиемъ, зналъ уроки всегда найлучшимъ образомъ и при переходѣ изъ первого класса во второй получилъ въ награду книгу—это очень обрадовало моего отца. Во второмъ классѣ я учился такъ хорошо, что когда отецъ, по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ однажды въ Полтаву и былъ въ Губернскомъ Правленіи, то одинъ изъ чиновниковъ, котораго сынъ былъ въ одномъ классѣ со мною, спросилъ у моего отца: не сынъ ли это вашъ, который превосходно учится во второмъ классѣ гимназіи? Обрадованный отецъ мой отвѣчалъ утвердительно:

тельно и, возвратившись въ квартиру нашу, былъ въ такомъ воссторгѣ, что тотчасъ позволилъ намъ идти смотрѣть вольтижеровъ, которые въ это время были въ Полтавѣ.

Приѣздъ моего отца былъ всегда для всѣхъ насы истиннымъ праздникомъ: онъ былъ человѣкъ деликатный и любилъ насы такъ нѣжно, что слезы и теперь, когда я пишу эти стро-ки, заволокли глаза мои: это была олицетворенія добрѣтель и умъ. Я отъ природы вовсе не охотникъ плакать, но когда онъ выѣзжалъ изъ Полтавы, одинъ только стыдъ показаться плак-сою удерживалъ меня отъ слезъ—за то я въ ту же минуту, когда исчезалъ изъ глазъ моихъ экипажъ его, убѣгалъ въ ка-кой нибудь отдаленный уголъ и плакалъ горько и долго! Онъ, вѣроятно, зналъ или предугадывалъ это, потому что каждый разъ, оставляя намъ деньги для обыкновенныхъ столовыхъ рас-ходовъ, онъ вручалъ мнѣ особо завернутыя въ бумажку день-ги: „это для тебя и Андрюши“—говорилъ онъ—„только кон-фектъ и пряниковъ пожалуйста не кушайте, въ особенности на тощій желудокъ—это вредно!“ Я разворачивалъ эту бумажку тогда уже, когда онъ уѣзжалъ, и всегда почти находилъ не менѣе пяти рублей разною мелочью. Конфектъ и пряниковъ мы не покупали, но деньги въ два-три дня растрачивали до копѣйки.

Какъ я ни былъ малъ и неопытенъ, но мнѣ все казалось, что ученіе мое идетъ все какъ-то не ладно. Привыкши въ домѣ первого моего воспитателя Кричевскаго къ правильному образу жизни и нѣкоторой свѣтскости, а въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ Училищѣ къ строгому и отчетливому ученію, я смотрѣлъ на Полтавскую Гимназію, въ которую забросила меня судьба, какъ на какую-то пустыню, гдѣ учителя являются только изрѣдка, какъ любопытные путешественники—не болѣе. Я уже говорилъ, что насы распускали иногда на пять и шесть недѣль во времена грязи. Этого мало: и во времена обыкновенное, когда ни грязи, ни стужи и никакихъ ни физическихъ, ни нравственныхъ при-чинъ, повидимому, не было, учителя наши приходили въ гимна-

зю очень рѣдко, а въ классы и того рѣже. Это было для меня необъяснимой загадкой—я начиналъ увѣрять, что такъ и должно быть. Но въ самой сущности дѣла это было вотъ какъ: Директоръ И. Д. Огнєвъ былъ человѣкъ прекраснейший и притомъ ученъ, какъ профессоръ, зналъ превосходно языки; но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, верстъ двѣ съ половиною отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто, и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе десяти разъ въ годъ, разумѣется, кромѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ.

Немудрено, что многіе изъ учителей привыкли служить по этому случаю *спустя рукава*. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи: *Ефремовъ* и *Сорочинскій*. *Ефремовъ*, учитель математики, старикъ лѣтъ семидесяти, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, содержа пансіонеровъ и притомъ будучи холостъ, онъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимался самъ, ежедневноѣздилъ на базаръ, отвозилъ купленное домой и потомъ уже возвращался въ гимназію: часто случалось, что онъ пріѣзжалъ часовъ въ одинадцать, когда не только первый урокъ оканчивался, но и второй проходилъ до половины¹⁾). Кромѣ того, онъ имѣлъ въ пяти верстахъ отъ, города хуторъ, куда почти каждый деньѣздили и пропускаль по этому случаю послѣобѣденныя лекціи. Да и самыя лекціи не могли приносить намъ никакой пользы. Онъ обыкновенно приходилъ въ классъ на $\frac{3}{4}$ часа, а многое на часть; въ это время отправлялся къ доскѣ и выдѣлывалъ разныя задачи, вовсе не заботясь не только о томъ—понимаютъ ли его, но даже слушаютъ ли... Послѣ этого просматривалъ списки авдиторовъ, оставляя безъ обѣда получившихъ нули, потомъ преспокойно надѣвалъ въ классѣ свою теплую шапку съ ушами (если это было зимою) и отправлялся домой. Само собою разумѣется, что мы ровно ничего не знали, и когда приходилъ экзаменъ, то мы становились втупикъ, а отвѣчали кое-какъ его пансіонеры, съ которыми онъ самъ занимался дома. Директоръ не могъ не видѣть этого, но

¹⁾ Тогда ученіе начиналось въ 8 часовъ утра, и каждый урокъ продолжался два часа.

въроятно, изъ уваженія къ старости нашего наставника, молчалъ, а мы продолжали ничего не знать.—*Сорочинскій*, учитель латинскаго языка, былъ хотя и не старъ и, какъ можно было видѣть, зналъ свой предметъ отлично, но онъ имѣлъ слабость—пить.... пить не чай, не кофе, даже не вино, а просто сивуху и пунши. Онъ пилъ запоемъ мѣсяцъ, недѣли двѣ или три. Въ это время съ утра до ночи не угасаль его самоваръ и число выпиваемыхъ имъ пуншей доходило до количества баснословнаго. Что всего страннѣе, онъ пилъ одинъ въ сообществѣ только своей кухарки Александры. Эта Александра есть лицо историческое для Полтавской Гимназіи. Когда запой Сорочинскаго продолжался слишкомъ долго, такъ что директоръ уже могъ узнать, то обыкновенно составлялась депутація..... Эта депутація разно ничего не могла сдѣлать безъ Александры. Не только дверь дома, но и ворота во дворѣ были заперты. Если случалось проникнуть за эти крѣпкіе затворы какимъ нибудь удачнымъ маневромъ, то на депутатовъ сыпался градъ ругательствъ сначала, потомъ стихи Горація, въ которыхъ такъ много говорится о винѣ, наконецъ, и чашки летѣли съ пуншами. Въ такомъ случаѣ обращались къ Александрѣ и просили ее пропретрзвить барина, въ противномъ случаѣ грозили сказать директору. Александра принималась за дѣло. Какъ происходилъ этотъ процессъ пропретрзвленія—я не знаю, знаю только, что Сорочинскій являлся къ намъ въ классъ выбритый и умытый, и мы начинали переводить Корнелія Непота—Themistocles Neocli fulius, Atheniensis; часто одна такая фраза служила прицѣпкой проговорить ему цѣлый классъ и вызвать изъ гробницы и катакомбъ всѣхъ Виргиліевъ, Гораціевъ, Ювеналовъ, Тибуловъ—а мы все-таки не только ничего не понимали, но и не знали склоненій и спряженій. Такъ какъ директоръ, хотя рѣдко, но все-таки посѣщалъ гимназію, то учителя по крайней мѣрѣ должны были собираться въ гимназію. Въ классахъ они бывали по полчасу—не болѣе, остальное время проводили въ канцелиріи, мы же между тѣмъ, или диктовали, или читали въ слухъ, или, что всего чаще случалось, дурачились: выхо-

дили драться классъ на классъ, играли въ *шварлая*, въ жмурки и т. п. А между тѣмъ годы проходили, насытъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы. Такъ и я, по милости Божией, перешелъ теперь въ третій классъ—новое, блистательное по-прище для меня открылось!...

(*Продолжение слѣдуетъ*).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.¹⁾

(1750—1784 г.).

42) Къ женихъ изъ Петербурга, 1784 г., 25 июня.

Матушка душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца получилъ я вчерашняго дня, а сего числа на оное вамъ отвѣтствую. Весма сожалѣю, что вы послѣ вашей горячки не можете оправиться, также и о Аннушкѣ, что она лихорадкою страждеть, и другаго моего нѣть вамъ совѣта, какъ только, чтобы вы скоро по полученіи сего моего писма, отправились со всѣми дѣтьми въ украинскія деревни, и тамъ побывавши въ Ромнѣ на ярмонкѣ и накупивши, что надобно для себя, для дѣтей и для дому, пожили въ Николаевѣ или въ Коровинцахъ нѣкоторое время и полѣчились у брата Тимоѳея Ивановича, какъ сами, такъ и Аннушка порядочнымъ образомъ; ибо домашнимъ лѣченемъ вы ничего не успѣете, а хуже сдѣлаете. Дѣтей же всѣхъ съ собой совсѣмъ взять потому, что меншіе, оставшись въ дому безъ присмотра, будутъ шалить, вмѣсто того, что въ деревняхъ могутъ тѣже дѣячки учить, что и въ Юдиновѣ, когда уже лучшаго никого нѣть. Я думаю, что братъ въ разсужденіи какъ родства, такъ и для того что я выходилъ ему прапольскій чинъ, васъ порядочнымъ образомъ полѣчить не откажется, а вы только меня послушайте. Весма бы хорошо, матушка, естьли бы, до новаго винокуренія, горѣлка наша изошла; ибо съ 60 или 70 бочками байдака отправлять

1) См. „Киевская Старина“ 1893 г.; № 6.

кажется нѣдлячего. Всего бѣ лучше, естьли бы вы просили Тимкова и другихъ кого можно, чтобъ они совѣтовали почепцамъ и ногарцамъ у насъ бочками брать вино, да нехудобѣ, естьли бы и въ Трубчевскѣ попытались навѣдаться, не надобно ли вино повѣреннымъ. Мнѣ кажется, что когда другіе берутъ за пѣнное по 80 копѣекъ и больше, намъ можно взять и по 75 копѣекъ, а за полугарное по 60 копѣекъ, а хотя и дешевлѣ, только надобно выговаривать, чтобъ обратно бочки отдаваны были. Другими вашими увѣдомленіями я весма доволенъ, какъ то о Подольсковѣ, о мѣднику, о томъ, что не посылали ни сахару, ни другихъ вещей къ Мотонису; хлѣба же какъ въ Юдиновѣ, такъ и въ Чеховѣ намолото весьма мало, а въ Волотынѣ мнѣго ли его и молотъ ли, о томъ ничего и не пишете. Я бы хотѣлъ знать сколько его къ будущему винокуренію вездѣ молотаго и немолотаго находится, и сколько надѣетесь получить его изъ украинскихъ деревень. О мальчикахъ для мастеровыхъ устройте какъ лучше. Пеньки, кажется, купили вы мало. Перемѣны цѣнъ нѣчего бояться, она всегда своей цѣны дождется. Однако сколько купили и своей собрали, естьли цѣна сходна будетъ, велите продавать. Николай Николаевичъ вѣрно или самъ повезетъ или пошлетъ дѣтей, и такъ вы вѣрно по сей окказіи книги мнѣ прислать можете. Аѳанасій Кирилловичъ или лѣнивъ или въ самомъ дѣлѣ не могъ исправить моей комиссіи, да и лучше, что черезъ тотъ домъ я ничего получать не буду. Онъ, говорятъ, теперь въ Новгородкѣ при разборѣ дворянства¹⁾, гдѣ де меня многіе такъ, какъ въ Чернѣговѣ поминаютъ, и что меня тамъ нѣтъ—сожалѣютъ. Для васъ и для дѣтей что надобно будетъ искуплю и исправлю, только бы деньги были. У меня ихъ теперь неболѣ, какъ 400 рублей. Худое мое здравье и непомѣрная здѣшняя дороговизна на все много ихъ истребляютъ. Для такой нужды, такожъ и для вышеписанныхъ покупокъ и для себя и для дому, какъ теперь на нѣкоторыя вещи дешевшая цѣна, прошу васъ, матушка, прислать мнѣ изъ

¹⁾ Т. е. при составленіи тѣхъ „дворянскихъ“ родословныхъ, о которыхъ говорятъ Гр. А. Полетика въ своемъ письмѣ къ Як. Ал. Гамалѣ. См. выше, № 40.

Ромна или чрезъ Погаръ, на почтѣ, триста рублей. Дѣло наше, уповаю, скоро рѣшится, то и по дѣлу деньги мнѣ надобны. Вы ихъ чрезъ почту или объявивъ почмейстеру и заплативъ что надобно, или и не объявляя, переслать можете. Только пожалуйте прикажите проклятому шатуну Ситникову, чтобы онъ такъ не шатилъ и не дурилъ. Всегда онъ моихъ приказовъ или не пойметъ или переиначить. Я еще дома будучи, приказывалъ ему, какимъ образомъ онъ писма ваши ко мнѣ отправлять и надписывать долженъ. Я ему въ другій разъ протолковалъ, но онъ и тутъ не такъ поступилъ. Онъ писмо ваше вложилъ въ конвертъ Николая Павловича ко мнѣ не надписанное, почему онъ его и распечаталъ, и не знаю читалъ ли оное или нѣтъ, а только прислалъ распечатанное и велѣлъ сказать, чтобы впредь такъ не присылали. Онъ же его написалъ на текстѣ превосходительство, вмѣсто того, что надобно было написать высокородіемъ, а сколькоожъ то въ писмѣ его ошибокъ и недописокъ. Видно, что онъ въ Юдиновѣ больше всѣхъ занятъ великими и важными дѣлами, что и самъ не тымитъ, что дѣлаеть. Для дочерей нашихъ обѣщаютъ пріятели сыскать француженку, которую можетъ быть еще сего лѣта отправлю, только извольте знать на передъ, что ни молодой, ни дорогой не прійму. Вы, между тѣмъ, пожалуйте, велите убрать дѣтскія покои. Ильюшку, а больше того мальра—вы весма поздо отправили. Онъ, попачкавши тамъ недѣлю другую, заразъ станетъ просится домой для покоса, а послѣ онаго выживете вы его опять не скоро, а тамъ станетъ пачкаться и разныя затѣи выдумывать до зимы, вмѣсто того, что я хотѣлъ было, чтобы онъ до Петровадни совсѣмъ отдѣлся. Весма мнѣ печально былоувѣдомленіе ваше о сгорѣніи Чеховки, но сіе есть Божіе посыщеніе за грѣхи наши. Вы весма хорошо сдѣлали, что дали имъ лѣса на избы изъ повали¹⁾ и уволили отъ пригону. Человѣколюбіе требуетъ въ такихъ случаяхъ съ потерю своего людямъ помочь. Не пишете вы, когда сіе слѣдалось—днемъ или ночью, и уцѣлѣлъ ли ихъ хотя скотъ. Теперь хочу васъ просить, чтобы вы въ двухъ пунктахъ поступили по нижеписаному:

¹⁾ Валежникъ, буреломъ.

1) Чтобъ заставили всѣхъ, и сгорѣвшихъ, и несгорѣвшихъ, мужиковъ вывозить для сгорѣвшихъ изъ толокою, но безъ потчivanія горѣлки, а такъ, какъ бы за пригонъ; 2) велѣть имъ дворы непремѣнно строить не попрежнему, но отступая другъ отъ друга гораздо далѣ и не менѣе какъ 15, а по крайней мѣрѣ 30 саженъ. Избы чтобы были всѣ на улицу выстроены, другое строеніе внутри, а овины позади огородовъ, въ самомъ концѣ. Найлучшій по таковому строенію образецъ и чертежъ есть въ указанной Петра Великаго книгѣ, который можетъ скать Ситниковъ и потому велите имъ строиться, и отнюдь, пожалуйте, не дайте имъ своей воли, чтобъ по своему обычаю и тѣсно строились. Дерева кромѣ на избы и на овины, пожалуйте, никому не давайте, и то изъ повали, а прочее все пускай дѣлаютъ и городятъ лозою, и то, естьли бы можно, украинскимъ манѣромъ. Съ Соболевымъ мнѣ нечего раздѣливаться. Вы писали ко мнѣ, что вы 19 рублей на немъ и на мужикахъ доправили, которыя они потеряли, и такъ теперь осталось считать 46 рублей въ расходѣ, и по сему расходу расчитаться съ Петромъ Аѳанасьевичемъ за его человѣка и за лошадей, чѣмъ все и кончится. Вы уже въ другій разъ ко мнѣ пишете о Карабановѣ, а ни разу не написали, что онъ въ Юдиновѣ умеръ, а пишѣть ко мнѣ о семъ Петръ Аѳанасьевичъ. Я не знаю, чего онъ такъ долго послѣ меня у насъ замѣшкался, развѣ онъ долго пробылъ у Бороздны, и тамъ испивъ смертную чашу, прїѣхавши къ намъ умеръ. Что съ Пѣсоцкимъ роздѣлялися весма хорошо сдѣлали, а съ нашего покоса можно будущею зимою планъ сдѣлать. Не пишете вы ничего, побилъ ли Пѣсоцкій сваи, а когда не побилъ, то велите наблюдать, чтобъ тычки пѣлы были. За строеніе дворовое и на гумнѣ вамъ благодарствую, велите оное оканчивать и увѣдомьте меня поправлена ли около двора огорожа? Решотки не худо бы сдѣлать, хотя по одной станицѣ отъ воротъ, по указанію архітектора, котораго вы, уповаю, призовете, когда ворота, закладывать будете, и такъ онъ можетъ то и другое заразомъ указать; надобно только, чтобъ она не выше забора была, а въ прочемъ хотя и меня съ нею дожидайтесь, съ строеніемъ же другаго погарскаго двора мож-

но обождать и до будущаго года, только бы въ первомъ все отстроено было и онъ бы былъ обмазанъ и вымощены избы; когда такъ не можно, какъ я приказывалъ, чтобы вымазать бутомъ или кирпичными кусками съ глиною, то хотя и цѣлымъ кирпичемъ съ глиною жъ, но кладучи оный не на рубъ, а въ ширину плотно, и велите, чтобы въ избахъ всегда окошки отперты держали. Церьковь естьли взведутъ до потолоку, то на потолокъ велите братъ или купленныя въ Каменѣ тесницы, или нарѣзать нарочно, по мѣрѣ, изъ Чеховскаго лѣсу досокъ такихъ, какъ рѣжутъся столы (?). Компанѣйца, пожалуйте, какъ можно постарайтесь отправить въ Орелъ, сказавъ ему, что естьли онъ окончить дѣло, то сверхъ жалованья своего отъ насъ награжденъ будетъ, естьли же никакъ ему нельзя за болѣзнію щѣхать, и Ситникова нельзя изъ дома отлучить, то не можно ли въ Погарѣ, чрезъ Тимкова, кого изъ писцовъ ссыкать или въ Трубчевскѣ чрезъ Губкина, и нанять, договорясь съ нимъ, что ему давать на мѣсяцъ на харчи и что за труды, по окончаніи дѣла. Теперь остается мнѣ, матушка, объявить вамъ о себѣ. Я уже писаль къ вамъ, что по разрѣзаніи явившагося на моей щекѣ желвака, шла съ него сперва худая, а потомъ отъ часу лучшая матерія, и я великое чувствовалъ облегченіе такъ, что врачующіе меня въ скорости хотѣли произвести надъ полипусомъ операцию; но оставшаяся отъ того желвака часть верхняя, недалеко отъ глаза, о которой думали, что она уже такъ и останется, вдругъ разгнивателья начала, а потомъ разгнилась жестоко, произвела столы скверную и Ѣдкую матерію, что обѣѣла мнѣ щеку всю и произвела великую на оной рану и опасную такъ, что лѣкарь, отложа уже на другое время операцию, стараются только всѣми мѣрами о излеченіи оной, очищаются оную всякий день по три раза сприцованиемъ и перемѣння лѣкарства, а часто съ ланцетами и щипцами туда на вѣдываются. Богъ знаетъ, сколько я отъ сего претерпѣваю мученія болѣзни и безсоницы; но на одно его милосердіе уповаю, и лѣкарь меня увѣряютъ, что рана излечится можетъ, но не скоро. Со всѣмъ тѣмъ прошу васъ не тужить и не сомнѣваться. Естьли Вышній Творецъ захочетъ, чтобы я перешелъ на тотъ

свѣтъ, то ни вы, ни дѣти наши не будуть обижены, естьли будете слѣдовати моему завѣщанію, которое отъ меня въ надежныхъ рукахъ оставлено и къ вамъ доставлено будетъ. Но естьли Богъ дастъ, что я въ живыхъ останусь, то скажу вамъ еще, что я думаю о маленькихъ нашихъ дѣтихъ. Я ихъ намѣренъ отдать въ пенсионъ и записать здѣсь въ который нибудь изъ гвардейскихъ полковъ. И для того я бы просилъ васъ, чтобы вы ихъ заранее экипировали въ бѣлье и въ постеляхъ, и въ прочемъ нужномъ, кромѣ платья, которое здѣсь подѣлать можно, а для верхнихъ рубашекъ можете купить голландского полотна въ Ромнѣ, и пошить имъ, на первый случай, хотя по шести, дѣлая всѣ онъя таожъ и другое на выростъ, а послѣ можно еще имъ по полудюжины рубашекъ сдѣлать. Привезти ихъ сюда буду просить васъ или самыхъ, или когда вамъ нельзя будетъ, прислать съ надежнымъ человѣкомъ; но сіе, уповаю по моимъ обстоятельствамъ, не прежде воспослѣдовать можетъ, какъ по первой зимней дорогѣ. Осталось мнѣ уведомить васъ о дѣлѣ нашемъ. Оное будучи совсѣмъ готово, уповаю, заразъ послѣ каникулъ, тоесть въ іюлѣ мѣсяцѣ, слушано будетъ. Великое мое нещастіе, что я самъ никуда выѣхать и никого просить не могу; однако я при болѣзни моей не перестаю о семъ думать, изготавляю писма и записки къ гг. сенаторамъ и къ прочимъ, и предъ самымъ слушаніемъ онъя разошлю, а при томъ прошу и пріятелей моихъ, чтобъ за мене вступились. На милость Божію и на справедливость дѣла больше всего надѣясь. За противную же нашу сторону береться стараться Суденко¹⁾ и прочие ему подобные; но Богъ больше ихъ. Я бы, можетъ быть, послѣ окончанія своего дѣла и по моемъ излѣченіи и самъ къ вамъ побѣжалъ, но хочется попытаться о Корсаковомъ и Кочубеевомъ дѣлахъ, не удастся ли ихъ при своей жизни кончить, а при томъ хочется и дѣтей здѣсь при себѣ устроить. Денги, матушка, какъ можно собираите и берегите, употребляя только на необходимыя расходы. Желая напослѣдокъ вамъ и дѣтямъ нашимъ, при моемъ благословеніи,

¹⁾ Осипъ Степановичъ Суденко, завѣдававшій частными дѣлами кн. Безбородко. См. о немъ Опис. Ст. Малор., I, 208.

доброго и лучшаго отъ моего здоровья, я есть вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Естьли Аграфена Григорьевна до приѣзду моего замужъ выйдетъ, то пожалуйте, душенька, и въ разсужденіи родства и въ разсужденіи того, что она, мнѣ и вамъ въ угодность, дѣлала вамъ компанію, живучи въ домѣ нашемъ, снабдите ее, сколько можно лучше къ свадьбѣ, а во время свадьбы, чмъ заблагоразсудите и подарите или отпишите ко мнѣ, что ей купить въ подарокъ. Естьли жъ еще не скоро свадьба будетъ, такъ просите, чтобы съ вами до свадьбы пожила. Пишеть ко мнѣ Бартошъ, что Никита столяръ взятъ въ Юдиновъ; я думаю, что вы его взяли для скорѣйшей управы съ юдиновскими домомъ; но понеже и въ Николаевкѣ есть довольно нужныхъ подѣлокъ, а особливо для покоевъ и начатая имъ колокольня, то пожалуйте, естьли можно, туда его увольте, а особливо, естьли прійдутъ романовскіе столари.

43) Къ неизвѣстнымъ лицамъ, въ Петербургъ, 1784 г.,—1 июля.

Милостивый государь Стефанъ Ивановичъ (Алексѣй Ивановичъ). Пятый уже мѣсяцъ проходитъ, какъ я пріѣхавъ въ С. Петербургъ, нахожусь въ тяжкой болѣзни, и по сей причинѣ не могу и не могу засвидѣтельствовать должнѣйшаго моеговшему превосходительству почтенія. Не одна, милостивый государь мой, удручаешь меня болѣзнь, но сокрушаетъ больше и то, что я имѣя въ правительствующемъ сенатѣ дѣло, относящееся до половины моего имѣнія, не могу по оному самолично никого просить, ни внушенія сдѣлать. Дѣло сіе завѣль шуринъ мой коллежскій ассесоръ Михайло Гамалля не прямо со мною, но со второю отца своего и жены моей—женою, а ихъ мачихою, по смерти же ея продолжаетъ съ братомъ ея и наследникомъ ея имѣній генеральнымъ бунчучнымъ Иваномъ Бороздною, за записанныя ей отъ отца его недвижимыя имѣнія, и опровергая отца своего запись, по той одной причинѣ, что она по смерти мужа своего тѣмъ имѣнія продала мнѣ и женѣ моей, а ему, какъ онъ тѣмъ лъстилъ себя, не

подарила, и такъ производя дѣло, не прямо со мною, меня и жену мою хочетъ прямо липить справедливаго нашего пріобрѣтенія. Въ нижнихъ судахъ не получилъ онъ въ искѣ своеемъ успѣха, ибо въ томъ ему, по неосновательности его доказательствъ, отказано; но онъ подалъ въ правительствующій сенатъ апелляцію. Покорнѣйше, ваше превосходительство, прошу сдѣлать мнѣ милостивое заступленіе и по благоразсужденію вашему, попросить гг. сенаторовъ, а особливо г. оберъ-прокурора и нового малороссійскихъ дѣлъ г. оберъ-секретаря Ананьевскаго, чтобъ по сему дѣлу, о которомъ отъ повѣреннаго моего поданы будуть имъ записки, показано было правосудіе. Въ чёмъ на милость вашего превосходительства будучи благонадежнъ, пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства....

.II Письма къ Григорію Андреевичу Полетикѣ.

44). Брату Степану Андреевича¹⁾, изъ Глухова, 1754 г. 13 мая.

Милостивый государь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше чрезъ дядю Матвѣя Павловича я получилъ і на оное симъ отвѣтствую: 1) дѣла коровинскаго я еще не починалъ, не имѣя отъ васъ въ присилки доношенія на ихъ искового; мнѣ же здесь составлять оное затѣмъ (что обѣ ономъ въ какой силѣ оное должно быть чтобъ і вамъ знать можно прежде подачи за разстояніемъ) не можно, якое вы составивши, въ самой скорости прислайте; сверхъ сего еще мой совѣтъ, ежелиль ви подали тамо ясневелможному прошеніе, чтобъ ордеромъ его ясневелможности велено прежде расправить по даннымъ отъ нихъ, Ласкевичевъ, роспискамъ, ибо здесь того не здѣлаютъ, какъ извѣстился я, и какая состоится резолюція ко мнѣ оную для дѣйствія по оной прислалиъ немедленно. 2). Пожжено съно та-

¹⁾ Степанъ Андрѣчъ Полетика, р. 1728—1777, сначала Константиновскій сотникъ, а потомъ бунчук. товарищъ; женатъ былъ на Татьянѣ Свѣтѣ; оставилъ трехъ дочерей Ульяну (м. Стаковичъ), Марью (м. Новицкій) и Анастасію (м. Левандовскій).

кимъ образомъ, что подданній Ласкевичевъ, пустивши на степъ пожаръ, спалилъ оное; еднакъ, что оное згорѣло намъ нехуду для того, что лучшимъ чемъ а не гнилимъ, незбутнимъ съномъ станемъ претенсию свою отбѣрать. 3) Радченкова еще и до сихъ поръ не сойшлася, а за прїездомъ моимъ зъ Глухова о томъ всемѣрно старатся стану и что послѣдуетъ, вамъ впредь будетъ вѣстимо. 4) Батюшка документовъ уже отъ мене требовалъ, еднакъ я съ нимъ поступилъ такимъ образомъ: когда ко мнѣ прїхалъ онъ и сказалъ объявить оніе, то я велѣлъ только скопѣвать росписку Ласкевичеву та уступку отъ сестеръ поповихъ а дѣла всего за множествомъ не копѣвалъ, яко оное въ себѣ великой важности не содержитъ, и приложа ему тѣ копіи, показалъ, а о подлѣнныхъ какъ росписки, такъ и копіи уступки отъ сестеръ поповихъ объявилъ, что оніе вами взяти; въ тѣ поры онъ объявилъ мнѣ—пущай де и сие здесь въ тебе и ты дѣло починай, какъ хочешъ, я уже впредь мѣшать не стану и на томъ стою, что написаль. И такъ я его намѣреніе пресѣкши, оное дѣло зачинать стану, въ тѣ поры когда отъ васъ искала прислана будетъ. 5) Я досталніе денги вамъ вмѣстѣ здѣланими двома туубами, (которіе уже совсѣмъ готови) прислать имѣю чрезъ почту, за прїездомъ моимъ зъ Глухова въ домъ, ибо ви хочай и пишите, чтобы я чрезъ Михайла Андреевича прислалъ, точио Михайло Андреевичъ, какъ видно, чуть чи будетъ впредъ въ Пѣтербурги и исполнитъ ли свое намѣреніе, ибо его Хумутецъ очень пристрастиль, что его отстать не можетъ. Писма какъ ваши, такъ и отъ г. Корновича когда миою получени и ему такъ отдани, какъ было писмо, то онъ, чтобы по тѣмъ дѣйствовать весма сталъ лѣнивъ, а между прочимъ написаль, мене искушая, чтобы я поѣхалъ къ сотнику Крижановскому и взялъ на себе тисечу рублей и ему отдалъ, хотячи мене разсужденіемъ себѣ подобного зделать. Я ему, какъ тѣхъ требуемыхъ нимъ невозможностей не зделалъ, такъ и ему на запросъ его нѣчого не отвѣтствовалъ и въ какомъ нинѣча разсужденіи и намѣреніи онъ находится, знать не могу, ибо весма за свиданнямъ моимъ печалился, что ви того ему не зде-
лали, чего онъ желалъ, а о чомъ знать не могу, прошу мене

о томъ увѣдомить обстоятельно. О обращеняхъ малороссийскихъ прошу мене заподлѣнно увѣдомить, даби знать какъ поступать при нинешнихъ обращеніяхъ. Я на вишь писанное желаю скорого отъ васъ увѣдомленія и напослѣдокъ предавъ себе вашей приязни, пребиваю васъ, милостивого государя моего, братца, всего добра желателний братъ и покорпій слуга Степанъ Полѣтика.

45) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г.,—мая.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ. Я при засвидѣтельствованіи вамъ, милостивому государю моему, братцу, низайшаго почтенія, чрезъ сіе, какъ на получепное отъ васъ мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣднихъ чиселъ, писмо, такъ и о другихъ обращеніяхъ здешнихъ въ отвѣтъ доношу; 1) за покупку желѣзной кровати покорно благодару, толко я еи еще не получилъ. 2) О дѣлѣ коровинскомъ я старатись бы радъ всемѣрно, чтобъ столь долговременніе хлопоты збуть зъ голови, но за перемѣнами батюшкиными въ его обѣщаніяхъ, того доказать не могу; вы братецъ помните, что онъ на вашу прозыву и мою обѣщаль своихъ людей дать для перемолоту хлѣба, хочай за коробку, но по отездѣ вашемъ отъ того отказался, хочай я донѣсколко десять разъ о томъ его просилъ, но въ отвѣтѣ, кромѣ бранѣ, пѣчего не получилъ; и такъ чрезъ свои продолженія до того дождался, что по согласію плутовъ Ласкевичевъ начала Полуботчиха искать за хлѣбъ, чтобъ ей отданъ, которой якобы еи скотомъ паханъ былъ; почему безпутнаша глуховская резиденція била и учинила, чтобъ безъ всякаго разсмотренія и отдать, но еденъ цанъ Ханенко заспорилъ и ісказалъ свое мнѣніе, чтобъ перемолотивъ, содергать до опредѣленія вѣности, почему я спродажею хлѣба, какъ первіе за недачею молотниковъ, а нынѣ за арештомъ онаго, остался; чтожъ я своими людьми и ворами¹⁾ содергачимись перемолотить хлѣба и въ свое вѣдомство отъ нарочнаго, полковою, гадлцкою канце-

¹⁾ Вѣроятно, разумѣются содергавшіеся при константиновскомъ сотенномъ правлениі арестанты, которыми Степанъ П-ка распоряжался, какъ тамошній сотникъ.

лярією по доношенню моему определенного взяль, оному вѣдомость при семъ посылаю. 3) О удовольствіи сестеръ еще прежде полученія вашего писма старался, но батюшкя ихъ своими манѣрами збувается, нанося притомъ себѣ нынѣ а намъ слѣдующіе хлонота, еднакъ что то покажеть вознесенскій роменскій ярмонокъ ожидать буду, и доказывать всемѣрно того стану, чтобы съ ними крайній разводъ учинить, ибо и Параскевія въ тому времени бить имѣла, и что послѣдуетъ васъ імѣю увѣдомить. 4) За церковнимъ щетомъ батюшка сихъ чиселъ поедетъ и уже другимъ ктиторамъ въ себе содержаніе здалъ за роспискою. 5) Екстрактъ съ крѣпостей пришли, ежелы только батюшка зделать допуститъ, ибо онъ разсуждаетъ, что можетъ сіе дѣлаться для якого умислу и обиди другихъ браттей, а сіе навело ему думать писмо братца Ивана Андреевича, которой весма напрасно на мене суспѣхуетъ и укораетъ писомъ за послѣдовавшое отъ батюшки определеніе, которое мною будто дѣйствовано. Вы, братецъ, можете ему сочиненіе онаго внушить, что оное не въ Ромнѣ, но въ Глуховѣ писано и не мною дѣйствовано, которымъ не токмо онъ, но и я обижденъ, вонредѣленіи мнѣ единого толко коровинскаго кола противъ протчіхъ семи или пяти. За присилку рекомендаціи архіерейской покорно благодару, съ которой я получилъ копию, и вамъ сообщаю, еднакъ бѣшеной головѣ и удвое присовокупить, то нѣчего не поможетъ; теперича новіе началь соплѣтать на мене сѣти, за неудачу его проектовъ, которими хотѣлъ наполнить тѣ мѣста пустие въ ризници невской²⁾), которое онъ прочистилъ; еднакъ я будучи надежденъ, какъ на васъ, братецъ, такъ особливо на моихъ милостивцовъ, Антона Стефановича и Сергія Сидоровича³⁾), что вы меня отъ его сѣтей избавите, которыхъ попросить обо мнѣ прильжно прошу, о чемъ я къ имъ особливо пишу. Въпрочемъ поручаю себе вашей любви и приязни. Вашъ всего добра желательній братъ і покорнѣйший слуга Стефанъ Полѣтика.

¹⁾ Разумѣется письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулабки, писанное къ брату его Ивану, тогдашнему лубенскому полковнику. Послѣдній въ письмѣ здѣсь и называется — „бѣшеною головою“.

²⁾ Намесъ, повидимому, на ризницу Александроневской лавры, изъ которой Иванъ Кулабка могъ что-нибудь взять при посредствѣ брата.

³⁾ Первый — Крыжановскій, а второй — Дергувъ

Хвалюсіа вамъ, братецъ, что Богъ милостивый свободилъ моего Ивана съ погребу и вмѣсто Ивана даровалъ дочь Анастасию въ знакъ коей рожденія за далекимъ разстояніемъ здѣшнимъ, узваромъ бить челомъ вамъ, братцамъ и милостивцамъ моимъ, не могучи, чрезъ сie васъ покорнѣйше прошу нащетъ моихъ тридцати рублей, которое я імѣю прислать къ вамъ при переводѣ обѣ вознесенскомъ роменскомъ ярмонки денегъ на сервисъ, здѣлать всѣмъ тамо пріятелямъ и милостивцамъ моимъ, Антону Стефановичу и Сергию Сидоровичу, хочай малenkій приюмецъ, что я за особливую вашу ко мнѣ любовь почитать стану, а особливо упоить Матвѣя Мартиновича (?) съ бандуркою, чтобы онъ билъ столько веселья, сколько я рожденію своей дочери.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОЙ-ЖИНКА.

НЕИЗДАННОЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ Г. Ф. КВИТКИ¹⁾.

Въ предисловіі къ собранію драматическихъ сочиненій Г. Ф. Квитки, изданному въ 1862 году²⁾, было сказано, что собрать все то, что было писано Квиткою для театра, едва ли возможно, ибо ненапечатанное при жизни автора исчезло безъ слѣда, и сохранилось только преданіе о томъ, что существовали въ рукописяхъ нѣкоторыя не вошедшія въ означенное изданіе піесы и въ томъ числѣ „Бой-жинка“. О постановкѣ этой по-слѣдней піесы на сцену въ Харьковѣ упоминали въ своихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ³⁾, Г. П. Данилевскій⁴⁾ и А. Корсунъ⁵⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ было выпущено въ свѣтъ собраніе драматическихъ сочиненій Г. Ф. Квитки, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, мы получили рукопись считавшійся, какъ полагалъ издатель упомянутаго собранія, безслѣдно

¹⁾ По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, печатаніе этой піесы, предполагавшееся въ августовской книжкѣ, пришлось отложить на октябрьскую. А между тѣмъ, на дніахъ въ газетѣ „Южный Край“ (№№ 4370—4371) піеса эта появилась въ печати, что однако не мѣшаетъ намъ исполнить наше, во время неосуществившееся, намѣренію, тѣмъ болѣе, что въ нашей рукописи замѣчаются нѣкоторые варіанги.—Ред.

²⁾ „Драматическія сочиненія Григорія Квитки (Основьяненко)“, въ двухъ томахъ, издаціе книгоиздавца А. С. Великанова, типографія П. А. Кулиша.

³⁾ Въ статьѣ „Малорусская литература“, въ книгѣ Н. В. Гербеля „Поэзія славянъ“, стр. 159.

⁴⁾ Въ статьѣ „Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко“, въ книгѣ „Украинская старина“, стр. 283.

⁵⁾ Воспомин. о Г. Ф. Квітцѣ въ Литерат. газ. 1843 г., № 37.

утраченою п'есы „Бой-жинка“ отъ Семена Степановича Гулака-Артемовскаго, воспоминанія о которомъ г. Зосима Недобровскаго недавно были помѣщены въ Кіевской Старинѣ¹⁾.

Будучи опернымъ пѣвцемъ сначала въ Петербургѣ, а по томъ, подъ конецъ своей сценической дѣятельности—въ Москвѣ, С. С. Гулакъ-Артемовскій (по сценѣ извѣстный только подъ послѣднею своею фамиліей) иногда ставилъ на сценахъ императорскихъ театровъ малорусскія п'есы и былъ такимъ превосходнымъ исполнителемъ малорусскихъ ролей, подобныхъ которому мы очень немного видѣли. Такъ, въ Москвѣ имъ были поставлены „Москаль-чаривныкъ“ Котляревскаго и собственная опера „Запорожець за Дунаемъ“. Объ его игрѣ въ „Москаль-чаривныкѣ“ восторженный отзывъ П. А. Кулиша былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстнике“ пятидесятыхъ годовъ.

Повидимому, и п'есу „Бой-жинка“ Семенъ Степановичъ досталь съ мыслью поставить на сцену въ Петербургѣ, а получить ее онъ могъ изъ Харькова, гдѣ въ то время еще жилъ его родной дядя, извѣстный писатель Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій, находившійся когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ Г. О. Квиткою. Изъ карандашныхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ противъ списка дѣйствующихъ лицъ, видно, что по полученіи рукописи Сем. Ст—чъ уже проектировалъ, кому раздать роли; такъ, судя по этимъ отмѣткамъ, роль Насти должна была исполнять г-жа Самойлова, роль Сумасвода г-нъ Самойловъ, противъ имени Оришки написано: „кто нибудь“ (значитъ, представлялось не важнымъ, кто именно будетъ исполнять эту роль, какъ незначительную), а противъ имени Потапа Левурды не имѣется никакой отмѣтки, изъ чего можно заключить, что эту роль С. С. Гулакъ-Артемовскій оставлялъ для себя. Но, насколько намъ извѣстно, „Бой-жинка“ не была играна въ Петербургѣ²⁾.

Драматическія сочиненія Квитки во многомъ уступаютъ его малороссійскимъ повѣстямъ, а въ частности „Бой-жинка“ не

¹⁾ 1893 г. № 2, въ статьѣ: „Мои воспоминанія“.

²⁾ Была поставлена въ Александрийскомъ театрѣ въ 1887 г. (см.. Хроника Петербургскихъ театровъ Вольфа).—Ред.

отличается достоинствами, сравнительно съ другими драматическими сочиненіями его. Какъ имѣется указаніе въ самомъ заглавіи піесы („взятая изъ простонароднаго разсказа“) и какъ видно изъ содержанія ея, піеса эта основана на имѣющихъ юмористической характеръ народныхъ разсказахъ о тѣхъ бойкихъ и ловкихъ женахъ, которыя обманываютъ своихъ мужей-простаковъ, заставляя ихъ вѣрить всякимъ небылицамъ¹). Совершенно умѣстныя въ такихъ разсказахъ карикатурные преувеличенія получаютъ иной характеръ и могутъ поражать своими несобразностями, когда подробности юмористического анекдота растягиваются на пѣлос драматическое сочиненіе, и когда авторъ не умѣеть быть веселымъ, не умѣеть смѣшить зрителей комизмомъ создаваемыхъ имъ положеній, а талантъ водевилиста, какъ можно судить по настоящей піесѣ, не былъ свойственъ Квиткѣ.

Однако не все въ содержаніи „Бой-жинки“ заимствовано изъ народныхъ разсказовъ: роль улана Сумасвода, который, вмѣстѣ съ Настею, дурачить ея мужа, а потомъ улаживаетъ семейныя отношенія супруговъ,—пѣликомъ сочиненная, и притомъ немногого напоминаетъ роль солдата въ піесѣ Котляревскаго „Москаль-чаривникъ“, вслѣдствіе чего участіе этого улана въ развитіи дѣйствія въ піесѣ можно считать навѣяннымъ „Москалемъ-чаривникомъ“, точно также какъ въ піесѣ „Сватання на Гончаривци“ нѣкоторыя вещи были навѣяны „Наталкою полтавкою“.

Но каковы бы ни были литературные достоинства и недостатки „Бой-жинки“, эта попытка Квитки создать малорусской водевиль представляетъ несомнѣнныій интересъ для истории развитія его таланта, и потому не должна была оставаться въ неизвѣстности, а въ особенности теперь, когда исполнилось полвѣка со дня кончины его, въ виду чего, зная о желанії редакціи Кіевской Старинѣ посвятить памяти Квитки августовскую

¹) Ср. напримѣръ записанный Залюбовскимъ разсказъ о томъ, какъ жена увѣрила своего мужа въ томъ, что онъ умеръ. (Матеріали и изслѣдованія, собраны П. И. Чубинскимъ, т. II, стр. 540).

книгу журнала, мы не могли не подъличиться съ уважаемой редакціей тѣмъ, чѣмъ имѣли.

Добавимъ, что мы получили отъ С. С. Гулака-Артемовскаго ту самую рукопись, которая была получена имъ изъ Харькова и которая представляетъ собою переплетенную въ четвертку листа тетрадь, писанную неизвѣстнымъ намъ почеркомъ. Изъ сдѣланныхъ карандашемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеній, а также изъ разныхъ карандашныхъ отмѣтокъ на поляхъ видно, что по этой самой тетради піеса ставилась на сцену. На это же указываетъ и написанная въ одномъ мѣстѣ на вклѣенномъ листѣ бумаги вставка, сдѣланная очевидно для того, чтобы дать возможность исполнителю роли Потапа спѣть лишнюю пѣсню („Ой пидь вишнею пидь черешнею“). Кромѣ того, въ тетради замѣчаются разныя поправки, сдѣянныя чернилами, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ возможность предполагать, что эта тетрадь—есть авторскій экземпляръ. Такъ напримѣръ, въ срединѣ третьаго явленія, послѣ фразы Потапа: „Отже зовсимъ такъ здалося, что я его вбывъ и прынисъ теби“ и написанныхъ въ скобкахъ словъ: „Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородѣ и“, первоначально были написаны слѣдующія выраженія: „Закапывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыбу, которую имѣлъ въ мѣшкѣ, а потомъ, перемигнувшись съ Настею, скрывается, унося съ собою мѣшокъ“; затѣмъ эти фразы были вычеркнуты и, вместо нихъ написано: „проходитъ чрезъ сцену въ хату“. Зачеркнутыя выраженія показываютъ, что, кромѣ всѣхъ тѣхъ обмановъ, которые въ піесѣ Сумасводъ и Настя употребляютъ по отношенію къ Потапу, авторъ хотѣлъ (согласно съ содержаніемъ народнаго разсказа) представить картинку еще одного обмана, именно мнимой ловли рыбы на огородѣ; но въ дальнѣйшемъ изложеніи піесы обѣ этой рыбѣ вовсе не упоминается: значитъ, мысль обѣ означенной подробности, какъ излишней, была отброшена. Такимъ образомъ, задуманное авторомъ содержаніе пьесы измѣнилось уже послѣ того, какъ въ этой самой тетради были написаны вышеприведенные фразы, вслѣдствіе чего онъ и были вычеркнуты и замѣнены другою фразою. Вѣрно-ли высказанное

предположение—утверждать не можемъ, и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи въ подлинникѣ ту самую рукопись, которую мы получили.

Н. Шугуровъ.

8 Августа 1893 г.

БОЙ-ЖИНКА.

Малорусск. опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, взятая изъ простонароднаго разсказа. Соч. Г Основьяненка.

Дѣйствующія лица:

Въ г. Харьковѣ.

Шотапъ Левурда, малорусскій крестьянинъ г. Домбровскій.
Насти, жена его г-жа Млотковская.
Сумасводъ, уланъ ¹⁾ г. Карабановъ.
Орышка, мать Насти г-жа Эмельянова.

Дѣйствіе въ г. Харьковѣ на Ивановкѣ.

(*Внутренность крестьянского двора. На задней стѣнѣ хата съ дверью на сцену. На лѣвой сторонѣ сцены заплетень, огородъ, въ который можно черезъ плетень перелазить. Въ огородѣ на=переди большое бербовое дерево и за нимъ разныя дружи).*

Явленіе I-е.

Насти (*Сидя на скамейкѣ шлетъ*).

№ 1-й.

Чы я въ поли не травыця була?
Чы я въ поли не зелена була?
Взялы жъ мене покосылы,
И въ цокосы положылы,
Така доля моя!

¹⁾ Сумасводъ Уланъ не долженъ правильно говорить по малороссийски, а нужно иѣшать болѣе русскихъ словъ, въ то время игравшій эту роль болѣе выиграетъ.

Чы я въ батька не дытына була?
 Чы я въ него не кохана була?
 Взялы жъ мене и звиньчалы
 И свитъ мени завязалы,
 Така доля моя!

—

Що то вже, не дурно сказано—доля, тай терпы. Якъ по моїй натури, усебѣ спивала, та скакала; такъ щожъ будешь робыты?... А тамъ и не зтамышся якъ молодыи лита мынуются.... Охъ, доленъка—доля моя! (*Шлемъ*).

Явлениe 2-е.

Настя и Сумасводъ (*входитъ не примыкая Настя*).

Сумасводъ. Матулка сказала, что я ее найду здѣсь, а между тѣмъ... Те-те-те вотъ и она. (*Подходя къ ней*) Здравствуй, красная молодыця.

Настя (*испугавшись*) Охъ мыни лыхо, чы не постой у насъ буде? Бувайте и вы здоровы... А кого вамъ тутъ треба?

Сумасводъ. Эхъ Настя! Настя! Боишся-ль ты Бога? Родного брата и не узнаешь? Ну-ка взгляни на меня хорошенько...

Настя (*смотря на него, узнаетъ и вскрикиваетъ*)

Охъ, такъ и е!... (*кидается къ нему на шею*) Братику мій!... Соколыку!... Лебедыку!... (*и кильуетъ его несколько разъ приговаривая*) Мій орлыку! Мій горобчику! Мій снигирику!

Сумасводъ. Здравствуй, здравствуй, моя сестрица... Ну, какъ поживаешь?... вѣдь я тебя замужнею и не видѣлъ. Да какак ты красавица...

Настя (*перебивая*). Потрывай! Чы се ты вже у вѣодставку прыйшовъ?

Сумасводъ. Отъ-такъ!... Черезъ три года да и вѣодставку... Нѣть, я отпросился въ отпускъ... Недалече квартируемо, въ Чугуевъ... Ротмистръ, добрая душа, отпустилъ на цѣлую педѣлю. А давно ты выйшла замужъ?

Настя. Та ще торикъ.

Сумасводъ. Гдѣ же твой мужъ? Хорошо ли ты съ пимъ поживаешь?

Настя. Де то вже не добре! Богатый, миры нема, усёго... я сама соби господыня, усимъ гораздъ... одно тильки мыни... не дуже розумный, знаешь на цвitu прыбытый. Якъ же се водится и я знаю, что за дурнемъ лучче и спокійнише жити, чымъ зъ розумнымъ, такъ я за нёго съ радистю пишла. Вонь бъ то и ничего, такъ ревныый соби на лыхо. Тамъ такый, что и не дывись никуды, и не ходы никуды, и не знайся ни зъ кимъ. Просышия, просышия, на превелыку силу выпросышия або до кумы, або до свахы, гляды, вже и бижть и заганя и лас за що вздрить. Вже ажъ голову мыни проивъ.

Сумасводъ. Ну, я съ нимъ поговорю... а пока, нѣтъ ли чего закусить.

Настя. Де то вже нема; ще мудрый борщъ зъ заячыною. Тутъ смихъ: учора у поли оравъ, та якъ-то зайця чы вбывъ соннаго, чы шіймавъ, такъ и звеливъ борщу зварыты, самъ, каже, усе зъмъ; та отсе десь забарывся, нейде.

Сумасводъ. А ты возьми да этотъ борщъ отдай мнѣ скушать... Э! постой, знаешь что, сестра... проучимъ-ка твоего мужа по-нашеньски, по-солдатски?

Настя Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Я-то знаю какъ. Пойдемъ въ хату, пообѣдаемъ и посовѣтуемся, какъ его навести на умъ. (*Уходяты*).

Явлениe 3-е.

Шотапъ. (*Входитъ скоро*).

№ 2-й.

1-й куплетъ.

Казавъ мыни батько
Щобъ я оженывся,
До дивчатокъ не ходывъ
Тай не волочився.
А я добрый хлопчикъ
Тай не волочився.
Де дивчатокъ чувавъ,
То тамъ почувавъ;
А де молодычки,
То тамъ и дви нички.

2-й куплетъ.

Якъ я коня наповавъ,
Настя воду брала,
Якъ я Нasti заспивавъ,
Настя заплакала.
А що кому до того,
Що я Настю люблю
И я свой Нasti люби
Черевычки куплю.

3-й куплетъ.

Черевычки невелычки,
Панчишечки зъбабака,
Що бы моя Настя люба
Выбывала тропака,
Выбывала тропака,
Отъ такъ, якъ и я.

Чы то мыни такъ здалося, чы що? Такъ щось мотнулося у хату, мовъ жинка, та нехай Богъ мылуе, мовъ зъ москалемъ... Вжежъ на вдаку, якъ тутъ мене пылно жде обидаты, такъ щобъ принялъ кого другого. Отъ такъ-пакъ! Потурай жинкамъ. Сказано, мужыка обнимает, а на халахура моргае... Колыбъ я змигъ, ябъ усихъ оттихъ халахуривъ, що е и межъ солдатами и межъ школярами, та таки и межъ панами, усихъ бы перетопывъ, щобъ не заглядалысь на дивчать, та не пидморгувалы молодыцямъ. Лыхо зъ ными, тай годи. Отъ же бачъ и не выходить жинка, а тутъ исти, ажъ шкура болыть.—Гей ты? Насте, Насте! (*хочетъ отворить дверь*) Бачъ, защепнулась. Видчина, Насте! (*Настя и Сумасводъ въ хатѣ хохочутъ*). Охъ, мыни лыхо! Тамъ соби регочутся, та у двохъ... (*Стучитъ крѣпко въ дверь*). Видчина швидче, гаспудська лычыно! Видчиняй поки ще....

Настя. (*выглядывая изъ хаты въ окно*). Хто тамъ товчется? Чы то ты, Потапе? Тривай лышень, заразъ видчыню.

Потапъ (*дразня ее*). Чы то ты, Потапе? То мабуть, ще кого ждала? (*Настя вышла*). А у хати хто?

Настя. А хтожъ буде у хати, колы я выйшла.

Потапъ. Ни, ты мыни кажы, зъ кымъ ты реготалась?

Настя. Тютю, реготалась! То я спала, а якъ ты ставъ стукаты, такъ я позихала.

Потапъ. Позихала! Колы на уси заставки зъ москалемъ ге, ге, ге, ге, ге! Позихала?

Настя. Зъ явымъ бы то москалемъ? Де винъ тутъ у гаспуда озымется?

Потапъ. Де озымется, колы я самъ забачывъ, що пиморгнувъ за тобою у хату.

Настя. Забачывъ! Колыбъ бачывъ именно, такъ бы и такъ. Се такъ, якъ на тымъ тыжни—прытъмомъ хтось у хати е; колыжъ оглядився, такъ цуцыня.

Потапъ. Цуцыня! Кажуть тоби не цуцыня, а москаль, уланъ.

Настя. Дебъ то у насъ москали узялны? Хибажъ тутъ постой, чы що?

Потапъ. Ты якъ захочешь, то знайдешъ; ты на те жинка. А пошукаю я у хати?

Настя. Пошукай соби хочь на хати, колы тоби николы.

Потапъ. (идетъ въ хату, а Сумасводъ выскакиваетъ изъ хаты съ тенетами въ окно и бѣжитъ черезъ плетень на огородъ и тамъ скрывается. Черезъ нѣсколько времени Потапъ выходитъ, неся уланскую саблю).

Потапъ. (Съ большимъ сердцемъ). А се що таке? Га?—Що се таке? Гадюко!

Настя. (Равнодушно). Де?

Потапъ. Отсе, отсе що? Не бачышъ?

Настя. Се мое мотовыло.

Потапъ. (прилежно разматриваетъ). Яке мотовыло? Що се ты кажешъ? Мотовыло!

Настя. Мотовыло зъ моткомъ. Не жартуй бо, Потапе, пасма поспускаешъ.

Потапъ. Яке се мотовыло?.. Се щось уланське, тилки що его не знайшовъ. Кажы, де винъ! Не скажешъ, застрелю. (Присыпливается саблею).

Настя. Та ну, годи жартовать, кажу пасма поспускаешъ, тогда мыни наробышъ дила. Ке сюды, кажу (Отняла у него саблю и мотаетъ съ нея будто нитки).

Потапъ. (Съ удивленiemъ смотритъ) Бачъ и мота. А дежъ у тебе нытка? Де вона?

Настя (показываетъ ему бутдо нитку, съ ласкою) Ось бачъ, та тоненька-тоненька. Вже никто такъ не напряде, якъ твоя жинка.

Потапъ. (протирая себѣ глаза) Мотовыло! Заховай же от-се мотовыло, якъ прыйде маты, покажы ій, чы сежъ мотовыло? А пока давай обидаты. Борщъ е?

Настя. Який тамъ борщъ? .

Потапъ. Який? Зъ заячыно!

Настя. Чы не треба ще у гарбузъ перцю? Дебъ-то ты тіei заячыны узявъ!

Потапъ. Де узявъ? Я учора піймавъ зайця.

Настя. Що се ты говорышъ? Хыбажъ ты собака, щобъ тоби зайцівъ ловыты? Охъ лыхо мыни зъ тобою!

Потапъ. Яке тутъ лыхо? Я оравъ, дывлюсь, заецъ лежыть, я пидкрався, та якъ урижу его кійкомъ по голови, винъ якъ перевернется, а я и узявъ и прынисъ тоби и сказавъ, щобъ мыни борщу зварыла зъ заячыною.

Настя. Охъ, горечко тяжке! Уже ты и зайцівъ ловыши, вже и мого мотовыла не пизнаешь... Що мыни бидній робыты? (Притворяється, что будто плачетъ).

Потапъ. Чи вже жъ то я не приносывъ зайця?

Настя. Та далеби що ни!

Потапъ. Отже зовсимъ такъ здалося, що я его вбывъ и прынисъ тоби.

(Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородъ и проходитъ чрезъ сцену въ хату).

Настя. То то и лыхо, що здалося. Почынено тоби, мій соколыку! (Ласкаетъ его) Почынено, колы вже и мотовыла не пизнаешь. Охъ лыхо мыни!

Потапъ. Такъ се мотовыло?

Настя. Та далеби що мотовыло.

Потапъ. Заховай, заховай, що маты скаже. Дай же обидаты, що тамъ е?

Настя. А що е? Увесь ранокъ копала на вогороди, та и у печи не топыла. Тильки и е, що учорашня каша.

Потапъ. Ну дай же, душко, хочь шматокъ каши, бо дуже исты хочу.

Настя. Заразъ вынесу. Не втикал никуды. (Уходитъ въ хату съ саблею).

Потапъ (одинъ). Хто іи зна, чыя правда. А щось не дурно въ мене въ очахъ зеленіе. Жинка жъ божится, що не приносивъ зайця; божится, що мотовыло...

Настя (*приноситъ на тарелкъ кашу и мотовило*). Нажъ,
мій Потапочку, поижъ хочъ сухои кашки, покы до вечора, за-
рижу курку, та мудрого борицу зварю. (*Садится близъ нею и
обнимаетъ ю*).

Потапъ. Замись заячыны, (*смѣется*) Ге, ге, ге, ге!

Настя. Та нубо не згадуй, ще хто пидслуха, та сміятымет-
ся. Ижъ, мій Потапочку.

Потапъ. (*Увидя мотовило*) А то въ тебе що?

Настя. (*Мотал нитки на мотовило*) Та сежъ мотовило,
що ты звеливъ матери показати.

Потапъ (*взявш мотовило, стучитъ имъ объ полъ*) Теперъ и
не брячти.

Настя. Та годи-бо вже, мовчы та ижъ. А я ось заспиваю
тоби писеньки.

№ 3-й.

Ой бувъ колись Охримъ,
Та на лыхо дурный зовсимъ,
Въ него жинка та Кулына,
И весела, жартовлыша,
Та скакала часто въ гречку.

Потапъ. (*Съ полнымъ ртомъ каши*) Бачъ яка?—Щожъ
винъ?

Настя.

Зъ мужыка вона сміялась
Тилько знай все женыхалась,
Мужыкъ плохый и байдуже,
Доглядається не дуже.
Дума такъ здається.

Потапъ. От-то дурный!—На-на тютю! (*хочочеть*).

Настя.

Вона зъ солдатомъ верховодыть,
Мужикъ ни се, ни те городыть,
Звела зъ ума его зовсимъ,

Сміється бидненькій Охримъ!
Пошила его въ дурни.

Потапъ. Не знаю, якъ-бы такъ на мене, чы не провчывъ бы я и халахура и тебе? Щей ничего, ще мыни тильки помалячило москалемъ, ще мотовила твого не пизнавъ, та я съ сердца трохи тебе не зъивъ. О! я злый; ты мене тильки не серды. Отъ-же, спасыби тоби, нагодовала мене добре; хочь и безъ обиду, та гарно наився, и самой каши. Отъ за те тебе обниму и поцелую. (Между тѣмъ Настя тихо встала и ушла въ хату, а на ея мѣсто подсѣль Сумасводъ, который вытѣль изъ хаты съ саблею, при боку припоясанною).

Явленіе 4-е.

Потапъ и Сумасводъ.

Потапъ, (*утершись медленно оборачивается, обнимаетъ и ищетъ Сумасвода, но увидѣвъ его, вскочилъ и кричитъ*).

Що се таке за прояв?

Сумасводъ, (*не вставая съ мѣста*). Здоровъ, земляче!

Потапъ. Скажи ты мыни, що ты таке е? Видкиля ты прыйшовъ и чого тоби треба? Чы ты може....

Сумасводъ. Я себѣ уланъ простой, Сумасводъ.

Потапъ. (*осматриваая его и указываая на саблю*).

На щожъ ты отсе почепывъ моей жинки мотовыло?

Сумасводъ. Гдѣ таки тутъ у черта мотовыло? Видишъ—сабля. (*Вынимаетъ саблю изъ ноженъ*).

Потапъ. (*струсивъ бѣжитъ отъ него*). Ой лышечко! Цуръ теби, не рубай и мене, а жинку вже може на шматки порубавъ. Де моя жинка? Кажы, де вона? Вона тутечки сидила.

Сумасводъ. (*есе подходитъ къ нему, а Потапъ подальше отходитъ*). А на черта мнѣ твоя жена? Ябъ тебѣ и свою отдалъ, тамъ така сердита.

Потапъ. (*дѣлается смѣльче и подходитъ къ нему*). Охъ, братику, лыхо намъ видъ жинокъ! Послухай мене, якъ зъ нымы зправлятись: сердсяця усе на неи та товчи разивъ по пять у день; отъ якъ я свою; такъ духа моего трепещеть.

Сумасводъ. Чортъ съ нею и съ тобою! Я не затѣмъ къ тебѣ прышолъ. У тебя есть лошадь такая, что у насъ во всемъ полку такой нѣть.

Потапъ. (наспішило). Коростава, та крыва на задню ногу.

Сумасводъ. Говори! Мы то знаемъ, что это за сокровище такое. Командиръ послалъ меня къ тебѣ, говорить: купи ту лошадь; што хотятъ, то и дай, а только купи. Хочешь? Вотъ тебѣ съ первого слова пятьдесятъ рублей.

Потапъ. Охъ мыни лыхо... Се пару воливъ можно купыть! Колыбѣ не роздумавъ.

Сумасводъ. Что, мало? Ну, такъ и быть. Даю сто рублей. Бей по рукамъ.

Потапъ. (буетъ по рукамъ). Пожалуй, колы тоби... (*отъ радости не можетъ говорить*).

Явленіе 5-е.

Тѣ же и Настя.

Настя. А що вы тутъ, торгуетесь?—Ты вже, Потапе, щось и продавъ, що по рукамъ бъешъ?

Потапъ. Жинко... Насте... Продавъ нашу патыку... беры въ него сто рубливъ.

Настя. Чы не дурный-же ты? Винъ бильше дасть... Зачимъ ты продешевывъ?

Потапъ. А я продешевывъ? Дасть двисти?—А ну, ну, скажи ёму, чы дасть двисти?

Настя. Охъ не хочу, не силуй мене, я уланивъ боюсь. Якъ у день побачу якого, то ажъ трушусь цилуничъ.

Сумасводъ. Что вы тамъ толкуете. Ну, говори, отдаешь за сто рублей, вотъ и деньги.

Потапъ. Та ни... не можно, такъ дешево буде.. . колыбѣ двисти....

Сумасводъ. Пожалуй, мнѣ деньги не счотъ, только нужно прежде осмотрѣть. Ну-ка, хозяюшка, веди меня въ хлѣвъ къ лошади, мы тамъ вмѣстѣ съ тобою её осмотримъ.

Настя (с радостью собираясь идти). Ось заразъ, слу-
живый...

Потапъ (удерживая ее). Э ни, ни, ни! Трывай лышень. Такъ
негодыться разглядаты. Я самъ своего коня приведу... Э! та якъ-
же я у двохъ ихъ зоставлю?... а лыхо тай годи!...—Пидить,
господа служба, сами, отъ тамъ кинь у хливи стоить; оглядить
соби.

Сумасводъ. А чтобъ ты не дождалъ, что-бы я по чужимъ
закаулкамъ самъ расхаживалъ. Не хочешъ, чортъ съ тобою и
твою лошадью.—Пойду и скажу командиру, что не продаенъ.

Потапъ. (въ сторону). Се бачу такъ соби... думавъ що
мене дома нема, та до жинки бъ-то?... Не на таковскаго напа-
въ. (*Ему*) Ійтить-же швиденько, ійтить видсиля. Сказано не
продаю. Ійтить же, ійтить. (*Привожаетъ Сумасвода и все об-
ращиваетъ его назадъ, когда тотъ уходя смотритъ на Настю.*
*Потомъ видитъ, что и Настя смотритъ на Сумасвода,—броса-
ется къ ней и отворачиваетъ ее. И то и дѣло бросается отъ
улана къ женѣ, а отъ жены къ улану, повторяя слова:*) Та
ійтить, ійтить (*Женѣ*). Та не дывись на нёго!... Чого ты ды-
вышися? (*Когда уже уланъ ушолъ, онъ возвращается къ женѣ*) Чого такы такъ пыльно приглядатысь? Якъ тутъ, такъ и не
страшный. Ой ты добра! (*Въ это время Сумасводъ выходитъ и
разставляетъ тенеты*).

Настя. Ну тебе у болото зъ нымъ! То я зъ переляку ды-
вылась, щобъ винъ тебе, мого соколыка, не застреливъ отъ-
тымъ, що у нёго при боци высить...

Потапъ. Будто бъ-то я и дався ёму!...—А такъ и е, твоя
правда. То не мотовыло, я самъ разглядувавъ...

Настя. Та ну вже годи, не згадуй. Ще хто почуе, то
сміятеметца. А лучше знаешъ що, мій Потапочку, якъ ты те-
перь гарненъко пообидавъ...

Потапъ (хочетъ иупо). Борщу зъ заячыною?...

Настя. Та не згадуй, кажу тоби: вже чого бъ то тамъ ни було,
та пообидавъ-же, такъ теперъ ты иди у хату, та спочынь троши-
ки, а я пиду до матерї на часынку попрохаты, щобъ до насъ
прышла. Прощай, мій голубчику Потапчику, прощай. (*Уходитъ*).

Потапъ. Ійда здорова¹⁾. А справди пиду въ хату, та ляжу спать. (*Позихаетъ, спльшишъ итти въ хату, попадаетъ въ тенеты, которые Сумасводъ разставицъ, кувыркается, запутывается и кричитъ*) Ой лышечко, попавъ у тенеты, мовъ заець!... А говъ, жинко! Жинко! вернысь-ке лышень сюды, вернысь, та выратуй мене. (*Барахтается и болише запутывается и все кричитъ*) Ой! ой! ой!

№ 4-й.

Ой ратуйте люды
Дуже я злякався,
Мовъ той звиряка,
Въ тенеты попався,
Бачъ жинка зъ уланомъ,
Гуляе и скаче,
Що мужыкъ стражда
Вона и не плаче.
Ой Потапе сердега,
Туть ты пропадай
Убьють замисць вовка,
Гай, лышечко, гай, гай!

¹⁾ После этихъ словъ, какъ было упомянуто выше, въ рукописи имѣется вставка, написанная на вклѣенномъ въ тетради листѣ бумаги и сдѣланная очевидно для того, чтобы дать возможность исполнителю роли Потала спѣть лишнюю пѣсню; почему эту вставку, какъ сдѣланную неизвѣстно комъ въ угоду исполнителю означенной роли, приводимъ въ выносокъ.

Сказавши: „Ійда здорова“, Потапъ продолжаетъ.

Потапъ. Ну щожъ оце теперь я буду робити, чы вже то иты спаты, якъ жинка сказала.—Ни, люба Настю, такъ не гараздъ. А лучше отъ що: щобъ мыни веселійше стало на сердци, я заспиваю соби ту писню, що у насъ Макогоценко синва.

№

Ой пидъ вышнею, пидъ черешнею
Стоявъ старый зъ молодою, якъ изъ ягодою 2).
И просылася и молылася:
— Пусты мене, старый диду, на улыцу погулать 2).
Ой и самъ не пиду, и тебе не пущу:
Хочешь мене старенького та покинуты!
Ой не кидай мене, моя голубовъко!
Куплю тоби хатку, и ще сина жатку,

А говъ! Жинко! Жинко! — Вона впять скаже, що то мыни такъ здавалось... Ну ну, такъ що здается... Хтожъ це тутечка мои тенеты розставывъ... Ой лышечко, чы не москаль за одно зъ Настею... Такъ, такъ и е... вона мабуть до него то и побигла... У-у-у-у! щобъ-то зробывъ я, колыбъ вырвався... Эге, не можно, хочъ якъ, та не можно выплутатись... Ну, я ій дамъ... хиба не вырвусь...

Явленіе 6-е.

Настя (*Переодѣтая уланомъ*) и **Потапъ** (*Въ тенетахъ*).

Н а с т я .

№ 5-й.

Иде уланъ по селу
Шабелькою брязь-брязъ,
На дивчину усомъ моргъ,
Та у шпоры лясь-лясь.

Постривай лышъ улане
Не моргай усами,
Не озовуся я до тебе
Чорными бровами.

Уланъ крутыть черный усь
Шабелькою брязь-брязъ
До дивчины усмихнувсь,
Та у шпоры лясь-лясь.

Горда ты?—Я въ шынокъ,
Та выпью тамъ чарку,
Приголублю я до себе
Вродлыву шынкарку.

Пишовъ уланъ танцючи,
Шабелькою—брязь-брязъ,

И ставоєт, и млынокъ, и вишневый садокъ.
Ой не хочу я хатки, и ни сина жатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вишневого садка.
Ой ты старый дидуга, изогнувшись, якъ луга,
А я молоденька гулаты раденька 2.
Отъ теперъ часъ идти отдохнуты—пиду, лажу.

Шапку синю на бакиръ
Та у шпоры лясь-лясь.

Де жъ се моя Настя? Казала, звистку подамъ, якъ му-
жыкъ куды повієтця; подала, я й прыйшовъ, а ії нема.

Потапъ. Охъ мыни лыхо! Опять уланъ! И троха се вже
чы не другий... Такъ и е! Якъ мухы до меду, такъ уланы до
мене посыпалысь... Охъ! Охъ! Охъ!

Настя. Хто тамъ стогне? Чы не моя душка Настя? Де
ты? Озовися.

Потапъ, Ось-осьдечки я!... Ажъ у тенетахъ.

Настя. (*подойдя къ нему*). Чого ты сюды забрався? Або
хто тебе запроторывъ сюды?

Потапъ. Та такы нихто. Знаешъ, пообидавъ мудро, за-
хотилося спати, такъ я у тенеты, знаешь на проходи, щобъ
мухы не кусалы, тай заплутався трохи. Ось выплутай мене,
Господа служивый!

Настя. Изволь, землякъ!... (*будто хочетъ его выплутать.*
Вдругъ останавливается) А хто жъ ты такий? Ты може...

Потапъ. Та ни, се не я! Ей же то Богу, що се не я.
Выплутай тилки.

Настя. Такъ ты може самъ и е Потапъ?...

Потапъ. Та де мыни до Потапа! Я тилки батракъ его.
А щожъ якъ бы я Потапъ?

Настя. А бачъ що: его Настя, та любить мене вже ми-
сяцивъ зо два, и якъ Потапа нема дома, то я й до неи, та соби
и гуляемо.

Потапъ. Бачъ яка ласа до уланивъ! Одынъ жде, а вона
зъ другымъ у хати гуляе.

Настя. Іо гуляе? А поведы мене, пидкрадемось, та по-
дышымось що вони роблють?

Потапъ. Такъ выплутай же мене попереду.

Настя. Може ты самъ Потапъ? Кажы-бо: Чы ты именно
Потапъ?

Потапъ. А на щожъ тоби?

Настя. Колы ты справди Потапъ, то я тутъ тоби голову
зрубаю, щобъ безъ тебе намъ любыться воля була.

Потапъ. Такъ ни жъ! Я ще теперъ и билшъ не Потапъ.
Не бійся, ослобоны тилки мене, я тоби у великій прыгоди
стану.

Настя. Щобъ то якъ?

Потапъ. Такъ, що якъ пиду куды... чы то пакъ: якъ Потапъ куды пійде, такъ я за тобою и прыбіжу.

Настя. То ты кажешъ, що вона и другого любыть?

Потапъ. Любыть, братику! Тутъ мыни такый розоръ зъ
нею, що ну!

Настя. А тоби жъ що? Адже ты не Потапъ? Хиба и ты
любышъ іні?...

Потапъ. Та, ни, ни, я овси не Потапъ... Я кажу, що
Потапови біда!.. Ось тилки выпусты мене, то я и поведу тебе
до Нasti и застукаемо ихъ зъ другымъ. Его проженемо, а ты
зостанешся. (*Въ сторону*) Лыха матери дождешся! Абыбъ тилки
ослобоонивъ.

Настя. Не знаю... якъ то воно буде?

Потапъ. Та буде такъ, якъ я кажу. А ще зверхъ того,
цилый годъ буду дядькомъ зваты.

Настя. (*Освобождаетъ его*) Ну, добре.—Давай руку... та
сюды-бо... бачъ якъ заплутався, мовъ справди звирика.

Потапъ. (*встаетъ и оправляется. Въ сторону*) От-такъ
ты дурныка дуры! И племинныкомъ не буду зваты, не тилки
дядькомъ и не до Нasti тебе доведу, а геть съ двора про-
турю.

Настя. Ну, ведыжъ швидле до Нasti!

Потапъ. Бачъ якъ кортить тебе до Нasti, а ще й молодый,
катъ ма и усивъ. Чого ты такый молодый пишовъ у уланы?

Настя. О, земляче! Колы правду тоби сказаты, такъ
крипко люблю уланивъ. Де ихъ забачу, такъ ажъ жыжки тру-
сяются.

Потапъ. А ты десь соби знай за дивчатами та за моло-
дышами?

Настя. И вже—то ни! Воны мыни уси дарма. Тилки и
люблю, Настю твою... Чы то пакъ... Потапову жинку...

Потапъ (*въ сторону съ досадою*). Бодай тебе любыла! (Еї) скажы мыни, голубчику, по самій истынній правди: чи Настя жъ тебе любыть?

Настя. Ов-ва!

№ 6-й.

Мене поправди люблять вси,
И воении, и купци,
И паны не забуваютъ,
Вси на мене поглядаютъ.
Бо бачъ що лычыко румяне,
На що ни подывысь, все гарне,
Якъ очыци поведу,
За живитъ берутся;
Бривонькамы моргону
На стину дерутся.
Або якъ озымуся въ боки
Та пиду у пляски, скоки
Гопъ, Гопъ, Гоцо—цо,
Не всыдты тогди никто!
Писенекъ якъ заспиваю...
Те и чую, похваляютъ.
Таке й мыни выйшло счастытъ,
Якъ бы й самій твоїй Насті.

Потапъ (*присматривається на нее*). Якъ такы такого живчика и не любыты? Щобъ-то було, якъ бы по полкамъ, та половына солдативъ було такихъ, якъ ты?

Настя. Э! Лыхо було бъ! Николы було бъ и воеваться и муштроваться, а всебъ малы женыхатысь.

Потапъ (*все болше присматривается*). Тай наробылыбъ усякого дыва! О що ты, голубчику, здаешся {на мою Настю!.. Я й не думавъ, що й межъ уланами така е.

Настя. Отъже бачъ, ты пробрехався. Ты кажешъ, що твоя Настя? Такъ ты есы Потапъ.

Потапъ. Та цуръ ему видъ мене!.. Я кажу... моя... хозяйка (Въ сторону) Адже и не брешу.

Настя. Веды жъ мене до твоей хозяйки.

Потапъ. Та добре... тилки іи нема дома, а я знаю де вона... я тебе туды направлю.

Настя. А ну, ну, де вона?.. Чы знаешъ?..

Потапъ. Вона?.. Ось тамъ, якъ выйдешъ изъ воритъ, то ійды вулыцею, а тамъ у провулокъ, а тамъ впять пиды вулыцею, та тыць!.. Буде колодязь, а биля его хата безъ синей, тамъ живе глуха Стеха, такъ у неи допытайся де теперь Настя (*Въ сторону смеется*). Л іи и у тыждень не докричышся (*Настя*) Чего жъ задумався? Чы второпавъ?

Настя. Якъ-то не второпаты?.. Якъ разъ усе знаю. Прощай же... (*Настя идетъ къ хатѣ*).

Потапъ. (*Замираетъ отъ смѣха*). Ійды здоровъ.—Направывъ добре; и черезъ рускій мисяцъ не знайде Нasti.

(*Увидя, что Настя идетъ къ хатѣ*) А куды жъ ты, куды?.. Та не туды, ійды у ворота. (*Блажитъ за нею, но Настя вбѣгаєтъ въ хату и запираетъ за собою дверь*). А бодай тебе! Такы й шморгнувъ! Се зовсимъ бида видъ уланивъ! (*Сумасводъ и Настя хохочутъ въ хатѣ*) Бачъ! На заводы регочутся!.. Пропавъ бидный Потапъ! Тамъ ихъ бачу и десятка два. Бачъ який регитъ! Напасть зовсимъ!—Пиду до отамана або що: уланы, скажу, зовсимъ одолили.

Явленіе 7-е.

Потапъ и Сумасводъ (Персодѣтый женщиною).

Потапъ. (*Увидевъ его*) Дывысь, дывысь, що се таке е?..

Сумасводъ. Добрыденъ тоби, дядьку!

Потапъ. Здорова була, титка!.. Скажы ты мыни, що ты таке е?..

Сумасводъ. Адже бачъ, молодыця; колись була дивкою и усе ждала, щобъ ты мене узявъ. Такъ бачъ-бо поквапився на другу. Дарма! Мы й такъ будемо любытыся, мій голубе сызый, (*Хочетъ обнять его*).

Потапъ. Щуръ тоби и зъ тобою.—Колыжъ ты е молодыця, то чому у тебе такы усы, якъ у нашего кота?..

Сумасводъ. Эге!.. Я-бо, безъ сорома кажучи, я соби видьма. У видемъ завсегда усы е.

Потапъ. И не пыката ни трохы.

Сумасводъ. Абыть ты мене полюбывъ, то мыни й дарма.

Потапъ. Не хочу, не хочу. Въ мене жинка сердыта, ревныва дуже. Якъ вздрить тебе, то и попобье, та ще й мыни достанется. (*Въ сторону*) Тилки що на жинку звернуты, абыть якъ видчепытысь.

Сумасводъ. Потурай жинци! Ій теперъ николы: въ неи уланивъ до пропасти. Бачъ якъ регочутся. От-тамечка зъ десятокъ ихъ зибрался.

Потапъ. Не бійсь, воеватысь нейдутъ, а усе то до молодычоекъ. Ой си мыни уланы, ажъ у печинкахъ сидятъ! Паньматко, видьмочки, знахурко, голубочки! Зробы такъ, щобъ воны видсила зчезли, а щобъ жинка мене самого любила.

Сумасводъ. О! якъ разъ зроблю, тилки поцилуй мене трячи, въ смакъ...

Потапъ. Та далеби що не хочу!.. Бачъ, яка ты погана?.. И тварь на тоби не чоловича!..

Сумасводъ. Дарма, дарма вже, тилки поцилуй хочъ разочокъ. (*Приспаетъ къ нему и нусаетъ его за щеку*).

Потапъ. (*Кричитъ*). Ой! Ой! Мовъ укусыла!.. Буду тямиты, якъ зъ видьмамы циловаться! Теперъ же що?..

Сумасводъ. (*ласкань къ нему*). Теперъ мы, душко, зъ тобою....

Потапъ. Не хочу, не хочу ничего!... Прыверны до мене жинку, билшъ мыни ничего и не треба.

Сумасводъ. Попередъ усёго, треба тебе перевернуты у коня....

Потапъ. И сего не хочу! Якъ стану конемъ, то на мыни уланы поидуть, а тутъ дома лыхо буде....

Сумасводъ. Правда твоя. Ну такъ собакою переверну тебе?..

Потапъ. И того не хочу. Захочу що сказаты тай брехатому, якъ та собака.

Сумасводъ. И то правда. Ну такъ сядь же квочкою.

Потапъ. Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Отъ сядь тутъ у куточеку, тай квокчи, покы я зильячка зварю та напою тебе. Чы вміешъ-же кудкудакаты?..

Потапъ. Не хытра штука. Уміемо. Швидко жъ ты вернешся?

Сумасводъ. Та отъ заразъ же и прыбижу. Сидай-же, сидай, та колы хто и прыйде до тебе, и буде говорыты, то не кажы ничего, тилки квокчи, та куткудакай. (*Усаживаетъ его*). Ногыжъ пидберы пидъ себе, щобъ не видно було, що ты е чоловикъ. Квокчыжъ!

Потапъ. (*Успокоился*). Квокъ... квокъ... кудкуда... кудкуда...

Сумасводъ. От—такъ, гараздъ. Такы точнисинъка квочка!. Сыдыжъ такъ, я побижу зильячко варыты. Тилки знай, колы тебе хто зведе, то усе пропало, я вже ничего не зроблю и не прыйду до тебе. (*Уходитъ*).

Потапъ (*одинъ*). Куд — куд — куд — куда!.... Кудкуда!... Квокъ... квокъ... квокъ!...

Явлениe 8-е.

Потапъ (*сидить*) и **Орышка.**

Орышка, (*входя*). Присылала Настя наймычку, що вже, каже, Потапъ зовсимъ одурившъ. Лыха година, тай годи!... Де то винъ, мій сердешний.

Потапъ. Квокъ... квокъ... квокъ!

Орышка. Бачъ де?... Чого ты тамъ сидышъ?

Потапъ. Кудкуда... куд... куд... куд... кудкуда!...

Орышка. Що се зъ тобою сталося?... Чого ты тамъ?...

Потапъ. Кудкуда... кудкуда... квокъ... квокъ... квокъ!...

Орышка. Та що се ты зъ собою робышъ?... Чого ты квокчешъ, мовъ тая квочка?... (*Потапъ продолжаетъ квоктати*). Се лыхо зъ нымъ, тай годи? Устань, кажу тоби, та іайды домене. (*Потапъ опять продолжаетъ квоктати*). Що мыни зъ нымъ па свити робыты?... Пропавъ чоловикъ!... Вже що буде, то буде, а зведу ёго. (*Идетъ къ нему и хочетъ взять его*).

Потапъ (*машетъ руками и кричитъ*). Кудкуда... кудкуда... кудкуда...

Орышка (*насильно сводитъ его*). Та скильки хочъ кричи, а я таки зведу тебе, (*одолеваетъ его, схватываетъ за руки и поднимаетъ*).

Потапъ, (сопротивляясь все кудахталъ, потомъ, когда всталъ, говоритъ съ сердцемъ). А щобъ васъ, мамо! На що вы мене звель? Теперь усе пропало!

Орышка. Якъ-такы не звесты, колы зовсимъ дуріешъ?... И що тамъ таке пропало?

Потапъ. Отъ же пропало, що вже видьма ничего нехоче робыты...

Орышка. Яка видьма?...

Потапъ. От—та погана, пыката, та зъ прездоровенными усами, мовъ нашъ Мурло!... Що мене полюбила, та отъ мене поциловала, що ажъ и доси болыть!

Орышка, (осплеснувъ руками). Охъ моя годыночко лыхая!.. Що се винъ розсказуе?... Та се тоби сыну таєль здається.

Потапъ. Ни, мамо. Се вже не здається; бо я самъ є именно я. Бо якъ впавъ въ тенеты, такъ именно я забывся крипко дуже, а никто другой. Сего вже не скажу, що не я.

Орышка. У яки тенеты?... Де вони тоби узялыша?...

Потапъ. А катъ ихъ зна! Тилки я знаю, що впавъ я и забывся я, а не хто. Спасыби уланъ мене выратовавъ, та вже, мамо, не той, вже другой.

Орышка. Та видкиля узялыша тыи уланы!... То, колы хочешъ знаты....

Потапъ, (перебиваю). Та тутъ ихъ, мамо, до пропасти. Видьма каже, що ихъ ажъ зъ десятокъ. Онъ у хати сидять, та чуешь якъ регочутся зъ Настею.

Орышка. Куды вже ій реготатись!... Слухай сынку, мій Потапочку!... Чы ты мене второпаешъ, якъ що казатыму?...

Потапъ. А якъ же, мамо, я усе знаю, бо се я теперычки, отъ хочъ вщыпны.

Орышка. Винъ усе свое. Слухай сюды: Я пиду на часынку до ликара, а ты сиды тутъ.

Потапъ. Та що?... Хочъ и сидтыму и квоктатыму та ничего не буде, видьма казала.

Орышка. Винъ такы знай свое товче!... Та яка видьма? Се я, я, маты твоя; такъ отъ я пиду на часынку, а тебе прошу и прыказую, якъ маты, сиды тутечка, видыходъ видъ жинки и

видъ усякого, не кажы ничего никому, а пүще усего рукамъ воли не давай. Чы понятно жъ?...

Потапъ. Эге!

Орышка. Чы зробышъ же?...

Потапъ. А тожъ!...

Орышка. Прощай же, сынку. (*Уходитъ*).

Потапъ. Ідитъ здоровы. (*Подумавъ*). Хмъ! Такъ от—се треба матери слухаты? И жинци волю даты? А самому мовчки видыходыть видъ неи?... Хмъ!... Не знаю, мамо, чы гараздъ такъ буде? Эй Потапе, Потапе! Сказано: Людей послухай, а свій розумъ май.

№ 7-й.

Щобъ я мавъ мовчаты?
Волю жинци даты?
Щожъ, якъ тее—то?...
Быты вже не що!

Ой не вирь жинкамъ;
Лыхо зъ ными намъ!
Шморгъ! вона вже й права:
Всяка зъ ныхъ лукава!

Явленіе 9-е.

Потапъ и Настя, (*одѣтая цыпакой*). **Настя** (*поетъ и пляшетъ*).

№ 8-й.

Ой хто хоче грошей,
А хто жиночки хорошей;
Всімъ я ворожыты маю,
Бо все видаю, все знаю,
Кому счастья, диточокъ?

Дай лишь тилки пьятачокъ.
Гей парлости,
Людзни, джости,
На всякую голову дже!

Потапъ. (*удивляясь*). Що се за проява така?

Настя. Чы не треба тоби, человиче добрый, объ чимъ поворожыты?...

Потапъ. Цуръ тоби видъ мене, Мара свитова!

Настя, (*приступая къ нему, говоритъ скоро*). Чи не поворожыты объ тоби, объ жиночи, объ диточкахъ?... Чы поихавъ, чы циповъ хто куды? Або де твій таланъ, де счастья, у чомъ кохатысь, де грошей узяты, де заробыты, де знайты, на чимъ

якъ придобаты?... Або трясцю зыгнаты, лихоманку видшентаты, бешыху, уроки, оступу зняты, соняшныць заварыты, язычокъ пидняты, або чы не хочъ зо мною поскакаты?...

Гей парлости,
Лёдзни, джости,
На твою голову дже!

Потапъ (*отступая отъ нея, машетъ руками*), Кышъ, кышъ, геть видъ мене, геть; чипъ, кажу тоби, чипъ! Аля! колы чести не знаешъ... Противъ ночи у вичи лизе, ажъ страшно!

Настя. (*Такъ же*) Усе—усе зроблю, усего наворожу, усе видверну, усого прыверну...

№ (*тотъ-же*)

Въ мене думка ось така:
Осъ дай мыни пятака,
Тогда то вже я зъ тобою
Здружусь мовъ рыбочки зъ водою
Гей парлости,
Ледзни, джости
На твою голову дже!

Потапъ.

Въ мене думка ось яка:
На тоби пъятака,
Но не хочу я зъ тобою,
Жыты рыба якъ зъ водою
(Дразнить ее) Джости—хвости,
Пидъ парлости,
Нехай тоби дже!

Видчепысь видъ мене, Гаспидське зилья, коноводка! (*При-
сматриваюсь на нее, въ сторону*) Бачу и межъ цыганками е така,
якъ моя жинка. Така, точнисинъко така, тилки поганиша.

Настя. Ой счастливый, уродлыый, у во всимъ тоби таланъ: и у счастьи, у здоровыи, у ходоби... тильки у жинци нема талану.

Потапъ. Щобъ-то якечкы? Ану видгадай, видгадай!

Настя. (*смотря ему на руку*). Ты іи любыши, миры нема;
а вона ще билшъ любыть...

Потапъ. Іо?..

Настя. Любить, та не тебе, а отъ того, что у куцимъ капитани, та зъ черными усами...

Потапъ. Себъ-то, себъ-то...

Настя. Румяного, молодого...

Потапъ. Себъ—то улана?

Настя. Эге! Не що. Іого любить, а тебе обманюе. Ты на верби груши исы, а вона съ нымъ перекидается, обнимается, женыхается.

Потапъ. Бачъ усе зна! Такъ зразу и видгадала. Скажыжъ ты мыни, чы то я бачывъ, чы хто другый?..

Настя. Та тыжъ самъ, самъ бачывъ те усе.

Потапъ. А ну вщепны мене. (*Она его щиплетъ*) Ой! Такы точнисинъко якъ жынка щыпа. Такъ сежъ бачу вже я, певно я.

Настя. Та ты и тогда бувъ ты, тилки вона тебе обманювала.

Потапъ. Здилай милость, цыганочко, голубочко, паньмаченко! Видворожы щобъ вона не любила того мерзеного улана.

Настя. Такъ гарный—бо, якъ его не любыты...

Потапъ. Та нехай буде не гарний, нехай его не любить и никого не любить, тилки мене самого.

Настя. Ворожбы теперь не можно, нехай на молодыку. А ты отъ що зробы: вона каже, що тоби усе здається, такъ ты ничью озымы, тай оstryжи ій голову, якъ долоню. Вона буде на тебе жалковаты, а ты и скажешъ, що тоби такъ здавалось. От—такъ и усе тоби здавалось.

Потапъ. А добрежъ, добре. Зроблюжъ, зроблю. Щобъ пропавъ, колы не обчикрыжу ій уси патлы. От—се такъ. Ой спасыби жъ тоби, цыганочко, моя голубочко!

Настя (*поетъ*).

№ топъ-жс.

Ой кто хоче громей и проч. (Съ пляской уходить).

Потапъ (*одинъ*). Будь я пескій сынъ, колы не обстрыжу!.. А що, скажу, Насте! Се мыни усе здавалося? И уланъ, и заець, и женыхання, и мотовыло здавалося?.. Га?..—О злая гадюко!

Бачъ якъ обманювала!.. Де то мои ножыци. (*Идетъ въ сараи и выноситъ большія ножницы и большой брусъ*) Погострыты бѣтъ ихъ, щобълучче брали.

№ 9 (*остря ножницы*)

А що скажешъ ты, патлата?
 Зо мной не знайсь за панибрата,
 Я буцимъ—то и сплю... лежу...
 А пидкрадусь и обстрижу.
 Тилки чыркъ—чыркъ—чыркъ
 Вона сюды зыркъ—зыркъ—
 Встала въ ранци писля бани
 Обстрижена мовъ та пани. (*Хохочетъ*)
 Вси на неи зыркъ—зыркъ!
 Уси зъ неи кыхъ—кыхъ! (*Сильные хохочетъ*)
 Колыбъ мене не взявъ смихъ,
 Якъ я іи чыркъ—чыркъ!!

(*Острите ножницы*).

Явленіе 10-е.

Потапъ и Настя, потомъ Орышка и Сумасводъ.

Настя (*въ своемъ видѣ*). Здоровъ, Потапе! Що спочивъ ты хоть трошки... я ходила до матери...

Потапъ. Ага! Попалась въ мои руки... Ось я тоби теперь дамъ...

Настя (*блѣгаетъ по сценѣ съ крикомъ, а тутъ за нею гоняется*). Ой лышечко! Ой ратуйте, кто въ Бога вируе...

Орышка и Сумасводъ (*выбѣгаютъ обое*).

Орышка. Що се таке, що се? За вищо ты іи бѣшъ?
Сумасводъ. Что здѣсь за шумъ?

Настя. Охъ Мамочки! Лыха годына прыйшла. Потапъ зовсимъ здуривъ и хоче мыни голову зирваты.

Потапъ. Та я мамо, зовсимъ не зирву, а тилько обстрижу волосъ, та добре побью, щобъ не обманювала мене, та не циловалась зъ уланами...

Орышка. Съ якими уланами? О, дурный та божевильный! Що ты будешъ зъ нымъ робыты. Зовсимъ, обезумивъ. Ой Потапе! якъ же ій братика не циловать?

Потапъ. Якого братика?

Орышка. Ридного своего братика, Ивана, що у уланахъ служыть.

Потапъ. А га—га—га—знаю. Такъ се винъ? здоровъ будь наше брате, господа служба. Скажыть же мыни, що се вы отъ це цилый день зо мною робылы?

Сумасводъ. Это мы тебя обманывали за то, что бы ты не обижаль моей сестры и не ревновавъ ее ко всякому. Колдунья быль я, а другой уланъ и цыганка—была Настя.

Потапъ. А! Э!.. Чы справди такъ?

Настя. Такъ, Потапе! И слухай, що я тоби при матери и при братови скажу: колы ты хоть разъ ще задумаешь мене ревноваты, то я тебе такъ обдурю, що и чортъ не пизна. Тебе не довго у дурни пошыты.

Потапъ. А що жъ, що правда, то правда.

Сумасводъ. А если я услышу, что ты мою сестру обижашъ, такъ я тебя по—солдатски проучу

Потапъ. Братичку, голубчику! И ты жинко моя, любко моя, отъ передъ вами божуся и запрысягаюся: колы я сее, або тее, або онее, або або—що, або не то що, то нехай мыни Богъ зна що, отъ що!—Що не буду іи ревноваты до суду до вику. И якъ тямлю, що я перетерпивъ сегодня, такъ и дитямъ и унучатамъ и усему роду закажу, щобъ не ревновали.

№

Эй ты, Насте, не дрочыся! 2

Пожалій (хочъ на бѣду)

Твого мужа Левурду.

Схаменуся!

Настя.

Не плачь, мужу, не журися! 2

Потапъ.

Не забудьте Ланця,
Потапа поганца,
Покорюся!

Настя.

Будь же, мужу, мни послушнымъ.

Потапъ.

Тоби покоряюсь,
На все соглашаюсь,
Прямодушио.

Всѣ.

Де згода въ семействи, де миръ и тишина,
Счастливи тамъ люди, блаженна сторона,
Ихъ Богъ благословляетъ,
Добро имъ посылаетъ
Изъ ными викъ живетъ!

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Предписанія князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г.

Только что пережитая Киевомъ холерная эпидемія (по крайней мѣрѣ будемъ надѣяться, что она уже миновала) вызываетъ въ памяти воспоминанія о томъ, какъ въ прошлое время переживали такія эпидеміи и какъ къ нимъ относились, въ виду чего, мы полагаемъ, можетъ представить интересъ и сообщаемое ниже предписаніе Малороссійского военного губернатора князя Репнина по Полтавской губерніи, относящееся къ холерной эпидеміи 1830 года; причемъ добавимъ, что дополнительныя свѣдѣнія о развитіи этой эпидеміи читатели могутъ найти въ недавно изданномъ трудѣ г-жи Л. Навловской: «Холерные годы въ Россіи».

Н. Шугуровъ.

Его Императорскаго Величества Генералъ Адъютанта, Малороссійского военного Губернатора Генерала отъ Кавалеріи Князя Репнина.

Открытое предписаніе по Полтавской губерніи.

Дошло до меня съѣденіе, что по случаю появившейся въ смежныхъ Губерніяхъ болѣзни, называемой Холера Морбусъ, многіе жители приходятъ въ уныніе и боятся послѣдствій оной, по слухамъ якобы болѣзнь сія есть прилипчивая и неизлѣчимая; сіе побуждаетъ меня обратиться лично ко всѣмъ жителямъ Полтавской Губерніи, особенно къ простолюдію: козакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, какъ казенными, такъ и помѣщичими, и увѣрить ихъ, что описание сіе совершенно неосновательно, ибо: 1-е, болѣзнь, вблизи наасъ находящаяся, не прилипчива, какъ чума, отъ прикосновенія, слѣдственно и неопасна, какъ моровая язва; 2-е, болѣзнь, вблизи наасъ находящаяся, излѣчивается, коль скоро давать помощь сначала оной.

Удостовѣряя о семъ всѣхъ жителей Полтавской Губерніи, изложу я однакожъ совѣты для предохраненія себя отъ оной, и потому приглашаю всѣхъ и каждого:

1-е. Твердо уповать на милосердіе Божіе и ходатайство за насть Спасителя нашего, отвращающаго отъ прибѣгающихъ къ нему всякия нещастія.

2-е: Вѣрить равномѣрно отеческому попеченію Всемилостивѣшаго Государя нашего, обратившаго уже особенное свое вниманіе на прекращеніе сей болѣзни, также и потому, что я, исполняя высочайшую волю Его Императорскаго Величества, употреблю всѣ мѣры къ недопущенію вторженія оной болѣзни въ Полтавскую Губернію.

3-е. Послѣ сего быть спокойну и заниматься своими обязанностями, дѣлами и работами по прежнему.

4-е. Одѣваться какъ можно теплѣе, особенно же выходя на воздухъ въ сырую погоду; рубахи и портки почаше мыть.

5-е. Хаты содержать въ чистотѣ, опратности и теплотѣ, вынося изъ оныхъ сорь, и вывозя изъ двора навозъ и всякую нечистоту.

6-е. Не ъѣсть сырой и гнилой пищи, особенно арбузовъ, дынь, яблокъ, сливъ, грибовъ и всего, что можетъ производить броженіе и ворчаніе въ желудкѣ.

7-е. Не спать на открытомъ воздухѣ.

8-е. Въ хатахъ излишнему народу не сбиваться и многимъ въ хатѣ не ночевать, особенно если онъ сыры.

9-е. Не употреблять въ излишествѣ шляныхъ напитковъ, но чарка настойки изъ полыни или звѣробоя весьма полезна, невзростымъ давать, смѣшивъ одну чарку настойки съ тремя чарками теплой воды, и давать по одной чаркѣ въ день, а малолѣтнимъ совсѣмъ не нужно.

10-е. Не выходить на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, но съѣсть прежде кусокъ хлѣба съ солью, лукомъ или чеснокомъ.

11-е. Пить дегтярную воду, которая укрѣпляетъ силы и поправляетъ желчь; а составить ее: положить на ведро кипачей воды полкварты дегтя и мѣшай покуда остынетъ; напитокъ сей къ настоящему случаю весьма полезенъ и здоровъ, сырой воды мало пить, а плодовые квасы и сыроецъ вредны, и ихъ совсѣмъ не пить, но если, несмотря на всѣ сіи предосторожности, болѣзнь холера морбусъ, чого Боже сохрани, покажется гдѣ либо, то должны урядники подъ описаніемъ строгаго по законамъ взысканія, тотчасъ донести о семъ

съ варочнымъ Нижнему земскому суду, а буде въ городѣ — доловить полицмейстеру или городничему, которымъ предписаны отъ меня надлежащія мѣры.

Болѣзнь сія узнается слѣдующими признаками.

1-е. Ломота, какъ бы въ лихорадкѣ.

2-е. Часовъ чрезъ шесть судорга въ ногахъ и кружение въ головѣ.

3-е. Потомъ судорга въ желудкѣ, рвота съ пѣной и поносъ.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни должны быть непремѣнно отведены двѣ удобныя просторныя и теплые хаты, одна для женскаго, а другая для мужскаго пола.

Заболѣвшихъ тотчасъ помѣщать въ сіи хаты, на подмосткахъ и на чистой соломѣ до пріѣзда лѣкаря, первымъ же заболѣвшимъ, буде онъ запоздаетъ, пустить изъ руки бутылку крови.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни, я самъ буду объѣзжать селенія, въ коихъ она откроется, и навѣщать лично больныхъ. Слѣдственно ничего не будетъ упущенno къ огражденію здоровыхъ, а страждущимъ оказана будетъ вся возможная помощь. Я оканчивая сіе предписаніе мое, вторично убѣждаю всѣхъ вообще жителей и каждого не вѣрить нелѣпымъ слухамъ и быть, какъ я выше сказалъ, покойными.

Пятнадцатый годъ я уже вашимъ начальникомъ, и вы всѣ знаете, что я боюсь Бога, вѣренъ Государю, и васъ не обижую, слѣдовательно я васъ и нынѣ не обманываю, и вы всѣ должны для собственной пользы вашей исполнить мною вамъ нынѣ предписанное. Городъ Яготинъ, сентября 14-го дня 1830 года.—

Подлинное подписали:

Малороссійскій военный губернаторъ князь Репнинъ.

Вѣрно: земской коммисаръ Коробчевскій.

Холмскій музей церковныхъ древностей. Лѣтъ десять тому назадъ, въ бытность нынѣшняго волынскаго и житомирскаго архіепископа Модеста епископомъ люблінскимъ, викаріемъ холмско варшавской епархіи, основанъ былъ при холмскомъ благородномъ братствѣ музей церковныхъ древностей. Но что находится въ этомъ музѣѣ, — мало кому известно. Музей не имѣеть ни хронологической, ни систематической описей своихъ коллекцій. Поэтому о музѣѣ распространяются иногда самые фантастические слухи, какъ напр. въ родѣ

слуха о томъ, что между древними рукописями музея есть будто бы пергаментная рукопись, никѣмъ не прочитанная и заключающая чутъ ли не древній экземпляръ извѣстнаго «Слова о полку Игоревѣ». Подобные слухи побудили, между прочимъ, и пишущаго эти строки заѣхать нынѣшнімъ лѣтомъ въ г. Холмъ по пути на IX археологической сѣёздѣ въ Вильнѣ и осмотрѣть холмскій музей церковныхъ древностей. Фантастические слухи дѣйствительно и оказались фантастическими, но тѣмъ не менѣе музей все таки представляетъ нѣкоторый интересъ, особенно для такого незначительного города, каковъ Холмъ.

Музей расположенъ въ трехъ свѣтлыхъ комнатахъ братскаго дома и, по своему содержанію можетъ быть раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) церковныхъ и вообще священныхъ древностей; 2) портретовъ духовныхъ лицъ; 3) медалей и монетъ; 4) рукописей; 5) церковно славянскихъ печатныхъ книгъ; 6) книгъ на разныхъ языкахъ и 7) архивныхъ документовъ.

Въ первомъ отдѣлѣ заслуживаютъ преимущественнаго вниманія слѣдующіе предметы: рѣзной деревянный крестъ патріаршой ставропигії Замостськаго Николаевскаго братства (1615—1616 г.); икона св. Троицы въ видѣ трехъ святителей, съ изображеніями солнца и луны на персахъ Бога—Сына и Бога—Духа Святаго, XVII—XVIII в., изъ Сагринской церкви; икона на холстѣ пресв. Богородицы, разверзающей ложесна, XVIII в.; складной рѣзной кипарисный медальонъ XVII—XVIII в. и два бронзовыхъ энколпиона дотатарской эпохи съ изваяніемъ на оборотѣ одного изъ нихъ Богородицы Одигитріи, прикрѣпленнымъ къ кресту спицами, и нѣсколько антиминсъ, изъ коихъ одинъ православный относится къ XVII вѣку, а остальные уніатскіе къ XVIII и XIX вѣку. Второй отдѣлѣ заключаетъ до 20 портретовъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ холмскихъ, находившихся до образования музей въ холмскомъ архіерейскомъ домѣ; изъ нихъ древнѣйшій есть портретъ уніатскаго митрополита Ипатія Ноцѣя († 1613 г.). Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ воспроизведены въ изданіяхъ П. Н. Батюшкова. Третій отдѣлѣ нумизматической не заключаетъ ничего сколько-нибудь интереснаго. Въ четвертомъ отдѣлѣ находится до 20 рукописныхъ богослужебныхъ книгъ и до 5-ти сборниковъ. Изъ богослужебныхъ рукописей три могутъ быть отнесены, по характеру письма, къ XV вѣку, а остальные — къ XVI—XVIII вѣкамъ. Между сборниками интересны: сборникъ отреченныхъ произведеній древне-русской письменности, каковы, на-

примѣръ, Аристотелевы Врата, Шестокрыль и проч., XVI в., и че-
тыре сборника южно русскихъ ироповѣдей, изъ коихъ одинъ писанъ
въ 1599 году, а другой въ 1678 году въ г. Острогѣ. Печатныя
церковно-славянскія книги—большею частію уніатскія, взятыя изъ
мѣстныхъ церквей края; но между ними есть и православныя, какъ
напримѣръ, Апостолъ львовской печати московскаго печатника Ивана
Федорова и Острожская Библія 1581 г. Книги на иностраннѣхъ язы-
кахъ—исключительно польско-католическія, не имѣющія почти ни-
какого значенія. Онѣ недавно поступили въ музей и еще не разо-
бранны и не описаны. Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ му-
зея составляютъ архивныя дѣла, хранящіяся въ особомъ шкафѣ, въ
которыхъ есть документы и на пергаментѣ. Эти дѣла касаются исто-
рии мѣстныхъ монастырей и церквей и вообще епархіи. Во главѣ
ихъ положены документы Холмскаго, Замостскаго и другихъ мона-
стырей, доставившіе главный матеріалъ для статьи «Забытыя иночес-
кія обители», которая напечатана была въ «Кievской Старинѣ» за
июль и августъ 1892 г.

Существенный пробѣлъ въ музѣѣ составляетъ отсутствіе въ
немъ пособій и руководствъ къ опредѣленію его коллекцій, вслѣд-
ствіе чего замедляется и самое описание музея, а музей не поль-
зуется надлежащею популярностію въ краѣ и туда пополняется.
Между тѣмъ въ холмской епархіи, по слухамъ, есть еще, по раз-
нымъ монастырямъ и церквамъ, весьма много предметовъ русской
старинны, которые заслуживаютъ сохраненія и помѣщенія въ музѣѣ.

И. П.

Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. мнѣ уже не разъ приходилось печатно указывать на тотъ огромный интересъ, который представляютъ иѣ-
которые римскія библіотеки для занимающихся нашою исторіею и,
главнымъ образомъ, южно-русской и западно-русской. Особенно были
богаты матеріалами по южно-русской исторіи библіотека, принадлежав-
шая князьямъ Боргезе, изъ рода которыхъ происходилъ наша Павелъ V,
занимавшій римскій престолъ отъ 1605 года по 1621. Понятно, что
вслѣдствіе указанного обстоятельства особенно много документовъ
находится среди рукописей библіотеки Боргезе изъ этой эпохи,
эпохи столь важной и интересной въ русской исторіи. Года два тому
назадъ, при распродажѣ всего имущества князя Боргезе, его библіо-

тека вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей была пріобрѣтена папою Львомъ XIII, и занимающіеся въ ватиканскомъ архивѣ могутъ теперь тамъ ими пользоваться. Образчикомъ того, какіе документы можно совершенно неожиданно найти въ рукописяхъ бывшей библіотеки Боргезе, можетъ послужить приводимый ниже: *Exemplar literarum a Cosacis Zaporiensibus (!)* Это письмо запорожскихъ козаковъ было мною найдено въ рукописи Ser. III, 11 c. d., № 134 (привожу шифръ библіотеки Боргезе, такъ какъ я занимался въ ней еще до перехода ея въ вѣдѣніе Ватиканскаго архива). Оно было приложено съ приведеннымъ выше латинскимъ заголовкомъ къ донесеніямъ въ Римъ папскаго нунція въ Прагѣ.

Magnificis Generosis Dominis Dominis Capitaneis, Vicecapitaneis Serenissimae Regiae Majestatis in confinibus constitutis eorumque locatenentibus obsequia nostra commendamus. Notum sit dominationibus vestris Czarum Precopiensium Tartarorum cum universis copiis suis die decima quarta Iunii hora prandii ad transitum inter Porohy et Tuvolza pervenisse et creditur, quod Boristhenem iam traicerint. Animus ipsis est ditiones Ser-mae Majestatis Regiae omnino invadere et, nisi tam insperate transiissent, reddidissemus singulos de iis Dominos Capitaneos certiores. Sciant iam Dominationes Vestrae et sint cautae aliisque tam Ser-mae Regiae M-tis Domini nostri clementissimi quam ducum et nobilium singulis civitatibus id scire faciant, ne inimicum hunc Sanctae Crucis, qui regnum hoc devastare intendit, floccipendant. Dat. ex Zaporze (!) 15 iunii 1597.

Nullas his de rebus praeterea a nobis expectent DD. V-rae litteras, sufficient istae.

N. Wasselowicz cum universo Zaporierz exercitu suo ^{1).}

Сообщилъ Н. Любовичъ.

¹⁾ Помѣщаемъ переводъ письма:

Выражаемъ наше почтеніе наиаснѣйшимъ и благороднѣйшимъ гг. Капитанамъ Вице-капитанамъ Его свѣтлости королевскаго Величества, состоящимъ въ пограничныхъ владѣяніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ.

Доводимъ до слѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель Переконской татарской орды со всѣми своими войсками явился 14-го юна въ часъ завтрака къ переходу чрезъ пороги и Туволчу, и вполнѣ вѣроятно, что они уже перешли чрезъ Днѣпъ. У нихъ является сильное намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія Его Свѣтлости Королевскаго Величества, и, еслибы они столь неожиданно не переправились, мы бы успѣли увѣ-

Нъ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Среди галицкой интеллигенціи, особенно же шляхетской, очень въ ходу слѣдующій спилогизмъ: мужикъ грубъ и необразованъ, ему слишкомъ рано дали конституцію, слишкомъ рано взяли его изъ опеки «сполечной епархіи», и вотъ почему онъ пропадаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая шляхетская интеллигенція дѣлаетъ все возможное, чтобы мужикъ всегда былъ грубъ и необразованъ: она враждебно или недружелюбно относится къ крестьянскимъ школамъ, къ читальнямъ, къ мужикамъ, вынѣзывающими книги и газеты. Въ шляхетскихъ органахъ, какъ «Czas» и «Przegląd» то и дѣло попадаются корреспонденціи «Z Galicyi wschodniej», полныя самыхъ безщеремонныхъ доносовъ на сельскихъ учителей, священниковъ, на читальни и читателей изъ крестьянъ и даже на книги, прошедшія правительственную цензуру. Галицкія власти очень часто по поводу этихъ корреспонденцій затѣваютъ массовые обыски въ читальняхъ и у отдельныхъ крестьянъ, конфискуютъ цѣлые вороха самыхъ легальныхъ книгъ и брошюръ (главнымъ образомъ потому, что книги печатаны русскимъ шрифтомъ, а ревизующіе чиновники обыкновенно не умѣютъ читать по руски, а о русской популярной или какой бы то ни было литературѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія) и даже арестуютъ мужиковъ или въ лучшемъ случаѣ таскаютъ ихъ за нѣсколько миль въ городъ на протоколы.

Это презрительное или даже враждебное отпошеніе польской интеллигентіи къ просвѣщенію народа началось очень давно и есть одно изъ «культурныхъ переживаній» шляхетско-паническаго стоя старой Польши. Не удивительно, что тамъ, где мужикъ былъ не болѣе якъ рабочій скотъ, сама мысль о его просвѣщеніи должна была казаться дикой и ни съ чѣмъ несообразной. Болѣе удивительнымъ должно казаться то, что почти такою же оставалась мысль эта и тогда, когда сама шляхта считала нужнымъ выдавать себя за друзей просвѣщенія, когда понятіе о мужикѣ, какъ о быдлѣ, ушло

домить о нихъ отдельныхъ господъ капитановъ. Пусть знаютъ обѣ эти власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщать отдельнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ Его Свѣтлости Королевскому Величеству нашему Всемилостивѣйшему Государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегли этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить это царство. Писано изъ Запорожья 15 июня 1597 года.

Пусть они не сжидаютъ отъ насъ сверхъ этого другаго письма, пусть удовлетворить ихъ и это.

Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ Запорожскимъ войскомъ.

безвозвратно въ область истории и когда, главнымъ образомъ, самъ этотъ мужикъ, хотя еще стонущій въ ярмѣ панцины, началъ чувствовать себя человѣкомъ, началъ рваться къ просвѣщенію, добиваться школы. Это было обыкновеннымъ явленіемъ въ началѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія. Положеніе, въ какомъ очутились тогда и мужики и паны-рабовладѣльцы, было поистинѣ трагическое. Мужикамъ правительство приказывало строить школы, духовенство содѣйствовало этому по мѣрѣ возможности, да и сами мужики чувствовали необходимость школы. А между тѣмъ на практикѣ школа была для нихъ почти всегда источникомъ бѣдствій, разорявшихъ иногда всю ихъ жизнь. Съ другой стороны, помѣщики должны были тоже заявлять открыто свои симпатіи дѣлу просвѣщенія, хотя и чувствовали, что просвѣщеніе мужика угрожаетъ имъ руиной, потому что просвѣщенный мужикъ не станетъ покорно и безотвѣтно гнуть шею въ ярмо. Нужно помнить также, что ихъ «патrimonialna» власть давала имъ въ руки множество средствъ, чтобы подавлять въ народѣ рвение къ просвѣщенію, разрушать начатки этого просвѣщенія, не переступая повидимому рамокъ легальности.

Въ подтвержденіе этой характеристики мы приведемъ слѣдующіе два документа. Въ 1842 г. графъ Казимиръ Красицкій предложилъ галицкому шляхетскому (т. назыв. становому или постулаторовому) сейму меморіалъ по дѣламъ крестьянскимъ¹⁾, въ которомъ слегка и въ общихъ чертахъ выражена мысль о нѣкоторыхъ, по мнѣнію автора, нужныхъ реформахъ по крестьянскому дѣлу, но, конечно, не упомянуто ничего объ упраздненіи панцины. Между прочимъ авторъ касается дѣла народнаго образованія и пишетъ вотъ что (переводимъ съ польскаго): «Чтобы однако всѣ эти желанныя перемѣны могли принести хорошия плоды, нужно обратить вниманіе на *моральное* образованіе нашего народа. Не много, даже очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Умственное воспитаніе нашего мужичка (*chłopka*) — это характеристическое уменьшительное до сихъ поръ не вышло изъ употребленія въ устахъ нашей шляхты) предоставлено его темнымъ родителямъ; благо, ежели они научить его молитвѣ и необходимымъ религіознымъ формамъ. Основываемыя школы не оказываютъ хорошаго вліянія на массу. Пусть бы особенно

¹⁾ Memoryał w sprawie stosunków podańczych, przeznaczony dla seymu stanowego w r. 1842 odbytego, przedłożony przez Kazimierza Krasickiego d. 2 Kwietnia 1841. Рукопись Оссолинскихъ 2843.

такантильные пользовались ими и приспособлялись къ высшимъ занятиямъ; для массы довольно будетъ приходскихъ школъ религиозныхъ, гдѣ святой обязанностью духовныхъ будетъ съ-измала прививать народу понятіе религії, морали, обязанностей всякаго человѣка съ точки зрѣнія общества, повинностей, какіе налагаетъ на него его сословіе, любовь къ труду и порядочности. Такимъ образомъ при меньшихъ издержкахъ будетъ болѣе сдѣлано для народа въ странѣ, чѣмъ теперь, когда сельскій дѣти, услышавъ въ школѣ немноожко (coś pie-wiele) науки, наполняются только ненавистью къ своему сословію, считая себя способными къ чему то высшему, но не имѣя достаточно разсудка, чтобы испытать свои силы, бросаются на разныя занятія, въ которыхъ, всякий разъ наталкиваясь на новыя препятствія, ищутъ причины своихъ неудачъ въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ. Отсюда идетъ неудовольствіе, новые вздорныя теоріи, тайныя и гласныя общества, волненія и т. п. Счастливъ тотъ, кто въ пору опомнитъся, отбросить самолюбіе и возвратится къ прежнему своему состоянію».

Чтобы вполнѣ понять весь трагизмъ этой тирады, нужно припомнить, что по тогдашнимъ законамъ австрійскимъ сельская школа, какія бѣ ничтожныя крохи знаній она ни давала мужику, все же была для него единственнымъ легальнымъ исходомъ изъ его жалкаго подчиненнаго положенія. Она открывала ему доступъ къ ремесламъ, къ высшимъ, т. назыв. нормальнымъ, школамъ, а послѣ въ гимназію; то и другое дѣлало мужика свободнымъ¹⁾), давало ему возможность быть священникомъ, учителемъ, лѣкаремъ и проч. Вотъ почему, по мнѣнію гр. Красицкаго, существующія школы не оказывали хорошаго вліянія на массы народа, поселяли въ ученикахъ ненависть и отвращеніе къ своему сословію, т. е. къ панщинѣ, порождали «новыя вздорныя те-

¹⁾ По цесарскому патенту 10 септ. 1787 г. принимать въ ремесленную науку можно было не иначе, какъ только послѣ окончанія двухгодичного курса нормальной школы. Lexikon der politischen Gesetze für Galizien und die Bucowina. Wien, 1842, т. I стр. 409), ремесло же дѣлало свободнымъ бѣзъ отпускной (I. L. Klunker, Die Gezetzliche Unterschannerafassung in Gaeizien, Lemberg 1845, т. I, стр. 4). Что высшее образованіе имѣло то же послѣдствіе, объ этомъ нечего и говорить (Klunker, ibidem). Конечно, правительство съ своей стороны (не говоря уже о помѣщикахъ) само заботилось о томъ, чтобы не слишкомъ много мужиковъ пользовалось этимъ благодѣяніемъ. Постыденіе приходскихъ (тривіальныхъ) школъ въ Галиціи не было обязательнымъ (Klunker, III, 553); кромѣ того изъ учениковъ этихъ школъ только самые способные, да и то ежели они не были единственными сыновьями своихъ отцовъ, могли быть отпускаемы въ нормальную училища и потомъ въ гимназіи.

орін», состоявши въ желанії свободного, человѣческаго существованія. Вѣрнымъ чутъемъ угадывала шляхта, что главнымъ виновникомъ здѣсь было «неможко науки», получаемой молодежью въ школѣ. Это понималъ еще въ 1770 году графъ Пергенъ, одинъ изъ первыхъ организаторовъ школьнаго дѣла въ Австріи, который въ своемъ рефератѣ отъ 26 августа 1770 г. писалъ между прочимъ: «Для самыхъ низкихъ сословій и классовъ жительства, которое предопредѣлено для самой непріятной, а частью грубой работы, не требующей никакой дальнѣйшей умственной способности, нужно ограничить обученіе самыми необходимыми элементами христіанской религіи и гражданскихъ обязанностей, такъ какъ по политическимъ соображеніямъ этотъ, въ государствѣ вирочемъ очень нужный, классъ людей не долженъ видѣть много болѣе, чѣмъ того требуютъ его занятія, потому что иначе они будутъ предаваться тѣмъ же занятіямъ, только съ большимъ раздраженіемъ и почти съ отчаяніемъ и состояніе ихъ такимъ способомъ только ухудшится». И вотъ идеаломъ галицкой шляхты и сдѣлалась школа, которая собственно не учила бы никакимъ знаніямъ, но была бы заведеніемъ для дисциплинированія строитивыхъ крестьянскихъ умовъ и чувствъ, внушала бы «мужичкамъ» любовь къ «канчукѣ» и прочимъ благодѣяніямъ панщины, и приучивала бѣ ихъ къ отреченію отъ всякаго самолюбія, конечно, только затѣмъ, чтобы «освященный вѣкамъ» панцизняный порядокъ никоимъ образомъ не былъ нарушенъ. Всего интереснѣе то, что цитированный мемуаръ гр. Красицкаго новѣйшіе польскіе писатели и публицисты считаютъ началомъ и исходнымъ пунктомъ тѣхъ либеральныхъ усилий, которыхъ будто бы предпринимала галицкая шляхта съ цѣлью освобожденія мужиковъ отъ панщины, въ чемъ будто бы помышдало ей только правительство.

Лучшей характеристикой тѣхъ «либеральныхъ усилий» служить слѣдующій документъ, любезно сообщенный мнѣ о. Гаморакомъ изъ Стецевы, пов. снятинскаго (на Покутѣ). Документъ этотъ—жалоба крестьянъ села Залучья надъ Черемошемъ къ декану городенскому, какъ правительенному надзирателю школьному, противъ притѣсненій, какія допускалъ мѣстный помѣщикъ изъ-за школы. Вотъ копія этого замѣчательнаго документа:

Пречестни уряду памъстничче іреко: като: городенски и назревательню шкѣлний!

Громада наша сама поклада школу и обѣцывала платити оучителеви, и платить, аби нашъ дѣти оучивъ читати, спѣвати, й писати

и 15 лѣтъ ми сами школу будинокъ оутримусмо, й дѣти посылали-
сми і низнати щося значить, же нашъ теперешнѣй дѣдичѣ нилюбить
на нашу школу.

1. Заразъ якъ прийшли В. В. Айвасъ, Григора Воевудку, котрий в Кнажу (село—прим. авт). дякувавъ й дѣти зачавъ оучити, казали зловити з рекрутами хоцъ вѣнъ горбати; кричали на него, же безъ оповѣди панской оучить дѣти; а же вѣнъ казавъ, же тое для того робить, же му Духовни каже, бив го й кайдани вко-
навъ.

2. Сего року нашого очителя Даннила Воевудку, котрій 4-ри роки нашѣ дѣти оучить, иѣславъ Двѣрскихъ слугъ з Вѣтомъ вночи до школи, запровадивъ в дверь, а рано взявъ до арешту, и меже рекрутами окувавъ; а належитъ, аби сесь зоставився в громадѣ и оучивъ дѣти, бо вже трохъ братївъ в жовнѣрахъ; до сего разу таке нивѣрабили пани нашему очителеви, ажъ теперешни панъ, видимо, же ради би, аби школи нибуло.

3. Хлощѣвъ, котрѣ оумѣютъ читати, беруть до плуга, й насмѣ-
ваються, мовять: забудешъ азбуку. Вѣдь плуга піможутъ ходити до церкви, и черезъ тото видять сами пани, же мусять призабувати, и для того такъ говорятъ.

4. Видимо, же ми бѣднѣ простаки, нивмѣлисмо добре отче-
нашу, а хоцъ котрий оумѣвъ, то забувъ, такъ теперъ оучинилисмо школу, (а пани) хочуть, аби котрий оумѣютъ читати, й того забу-
вали.

5. Насъ бѣднихъ простакївъ вѣдавъ нѣколи ни допустить, аби
мо хоцъ тѣлко вмѣли читати, аби смо бога и царя читти знали.

6. Чуемо, же нѣмихъ и глухихъ оучать читати, а ми нѣ глухѣ
нѣ нѣмѣ, й сами платимо за школу. Ни знаемо, щося значить, же
такъ ни любять нашу школу; кождому, котрий до сего разу нав-
чивися, допѣкаютъ, а ми бѣднѣ простаки нѣкому нѣчого никакемо,
що хто вмѣе.

7. Нимаемо пасовиска, до кождопи ходобини дѣти ниволимо,
аби посли, черезъ тото оуривається на лѣто вѣдь школы, й багато
забувають; чи знаемо, що ся значить, же нашъ Духовни й нашъ
намѣсникъ (деканъ—прим. автора) Снятинскій на тое мовчуть. Ми
видимо, же Духовни видять й знаютъ, хто пересказає, аби школи
въ простакївъ нибуло. Для того нѣчого чи кажутъ, ми того ни зна-
емо; намъ ся здає, же нашъ Духовни за нами повиннисе оупѣм-
нути.

Просимо пок рне, будте ласкаве причини тся за нами до Високой
зъ Верхности Духовнои, Ѱби нась поратували, й Ѱбп наша наука
в школѣ нашихъ дѣтей на завше була.

Залуче надъ Черемшовъ дня 29 Окт. 1840 г.

Idor Romanuk	{	
Mytro Kulzenko		Plenipotentes.
Iwan Kulzenko		

Далѣе идуть подписи простыхъ селянъ.

На оборотѣ этого документа въ листъ, ви. адреса читаемъ: До пречестного оўриду Намѣстничого грек: кат: городенскаго й надзирателя школьнаго. Цокорна прозба — вѣдь на низу пѣд писанихъ — Будте ласкави причини тся за нами бѣдними й поратуйте, Ѱби наша наука в школѣ нашихъ дѣтей була — — — якъ въ серединѣ».

Какъ красорѣчивъ и трогателенъ этотъ безграмотный, неуклюжими кириловскими буквами написанный документъ! На сколько яснѣе и недвусмысленнѣе говорить онъ, чѣмъ «либеральный» меморандумъ вельможнаго графа Красицкаго. Чтобы выяснить вполнѣ его содержаніе въ форму, я замѣчу еще слѣдующее. Жалоба крестьянъ залучскихъ направлена къ декану городенскому (въ городкѣ Городенка), а не къ снатинскому, вѣдѣнію котораго подлежало село Залуче, именно потому, что крестьяне не довѣряли своему декану, равно какъ и священнику своего села. Правда, относясь съ своей жалобой къ декану городенскому, они должны были обречь ее на безплодность, такъ какъ сосѣдній деканъ ничего не могъ помочь имъ, даже ежелибы желалъ. Очевидно, жалоба эта была не первая и много ея предшественницъ брошено было подлежащими властями подъ сукно, пока «бѣднѣ простаки» рѣшились обратиться къ декану городенскому, просто для того, чтобы разсказать чистороннему человѣку про свое горе, а, можетъ быть, и въ надеждѣ на какое-нибудь частное личное его вмѣщательство.

Не знающимъ ближе галицкихъ панцизійныхъ отношеній интересно будетъ узнать, кто это такие «*Plenipotentes*», подписанные на документѣ въ началѣ прочихъ подписей «зъ громади», да еще латинскими буквами. Институція крестьянскихъ пленипотентовъ или уполномоченныхъ ходаковъ установлена была цѣсаремъ Іо-
сифомъ II патентомъ отъ 1 сентября 1781 г. Въ патентѣ томъ ска-

зано, что на случай споровъ громады съ помѣщикомъ должна громада первымъ дѣломъ искать справедливости у того же помѣщика; когда же тамъ ее не найдетъ, должна выбрать двухъ уполномоченныхъ, снабдить ихъ надлежащимъ документомъ и отправить ихъ съ жалобой въ «крайсamtъ» (§§ 38, 39, 40) ¹⁾. Слѣдуетъ допотопному канцелярскому судопроизводству австрійскому, эти ходаки дѣлались очень часто «громадскими слугами» на всю жизнь, то и дѣло шлиались то въ округу, то въ губернію, то даже въ Вѣну. Бывали между ними такие, которые на своемъ вѣку по 20 и 30 разъ проходили пѣшкомъ этуто многотрудный, болѣе чѣмъ во сто миль, путь, и, конечно, большей частью напрасно, бросая при томъ на произволъ судьбы свое хозяйство, женъ и дѣтей. Какъ представители громадъ, выбранные свободными голосами своихъ собратьевъ, они имѣли заклятыхъ враговъ въ помѣщикахъ, которые очень часто побоями и вслическими угнетеніями вымѣщали на нихъ свои непріятности и убытки, понесенные изъ за возбужденныхъ ходаками дѣлъ. Зато громада платила имъ симпатіей и довѣріемъ. Ихъ слово значило болѣе, чѣмъ чье бы то ни было. Напротивъ, «війтъ и присяжни», которые составили легальную презентацию громады, были избираемы или помѣщикомъ, или подъ его вліяніемъ и считались не болѣе какъ панскими прислужниками. Вотъ почему на вышеприведенной жалобѣ мы видимъ подписи пленипотентовъ въ самомъ началѣ, но не видимъ подписей «віита» ни «присяжныхъ», а напротивъ, изъ текста жалобы узнаемъ, что «війтъ» этато, конечно, не по своей доброй волѣ, а по панскому принужденію, игралъ роль гонителя излюбленной мужиками школы.

Вотъ среди какихъ плачевыхъ обстоятельствъ зарождалась и росла русская народная школа въ Галиції!

Миронъ.

Строгая генеральша. Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 года № 4 (стр. 817—818) помѣщенъ былъ маленький фактъ, относящийся къ жизни одной богатой помѣщицы прилуцкаго уѣзда, генеральши Сильвановичъ, славившейся въ началѣ текущаго столѣтія на всю округу

¹⁾ Moritz Drdacki Ritter von Ostrow, Lexikon der politischen Gezette, т. I, стр. 311, 312; и егоже: Die Frohnpatente Galiziens. Ein Beitrag zur Kunde des Unthertanswesens. Wien, 1838 стр. 242—243.

своими жестокими расправами съ крѣпостными людьми. Вотъ еще одинъ изъ такихъ анекдотическихъ случаевъ, сообщенныхъ намъ недавно, не столько характерныхъ по свирѣпости расправы, т. к. *сто розогъ* — что за свирѣпость въ тѣ времена? — сколько по выдающемуся хладнокровію генеральши, даже въ моментъ опасности больше думавшей не о томъ, какъ бы самой уцѣлѣть, а о томъ, какъ бы должное возмездіе не пропало.

Однаждыѣхала она со свадьбы. Узкая, скользкая дорога вилась по горѣ. Направо отвѣсная гора, налево — глубокая пропасть. Кучерь, очевидно, въ послѣ свадебномъ состояніи, забылъ затормозить карету, и лошади начали горячиться на самой крутизны. — «Если спустишь благополучно, сказала генеральша кучеру, то получишь сто розогъ!» А что-жъ бы было при неудачномъ спускѣ? Почти вѣрная смерть обоимъ.

Кучерь спустилъ благополучно и получилъ обѣщанное.

Поправки къ надписямъ въ Черниговскомъ соборѣ. Какъ известно читателямъ, въ очень недавнее время реставрированъ Черниговскій Мстиславовъ соборъ, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ бывшаго Черниговскаго губернатора А. К. Анастасьевъ, состоявшаго церковнымъ старостой этого собора. При реставраціи, какъ и подобало, обнаружены были заботы устроителей объ оповѣщеніи во всеобщее свѣдѣніе тѣхъ воспоминаній о выдающихся историческихъ лицахъ, память о которыхъ связана съ этой святыней. Обычный приемъ въ такихъ случаяхъ — сооруженіе досокъ съ надписями, обозначающими, какія личности и связанные съ ними события должны быть воспоминаемы. Такъ и въ данномъ случаѣ поступила администрація собора въ Черниговѣ во главѣ съ своимъ старостой, соорудивъ три доски съ соответствующими надписями, указывающими, какіе князья и духовные іерархи, а также *когда* и *гдѣ* погребены. Очень жаль, что на одной изъ досокъ допущены крупные промахи, изъ которыхъ одинъ, менѣе важный, опредѣляетъ время смерти великаго князя Святослава Ольговича въ 1165 году, тогда какъ въ действительности онъ скончался 15 февраля 1164 года; другой же представляетъ и крупную ошибку, указывая, что великий князь Игорь Ольговичъ умеръ въ 1117 г., тогда какъ онъ скончался въ 1146 г., и странный недосмотръ, т. к. сказано, что этотъ самый Игорь Ольговичъ *убитъ татарами* (*въ 1117-мъ то году?*!).

Ізвѣщеніе о празднованіи пятидесятилѣтія существованія кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. «19 ноября сего года исполнится 50 лѣтъ со времени учрежденія Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Испросивъ надлежащее разрешеніе, комиссія предположила собраться 19-го ноября въ торжественное засѣданіе въ залѣ Кіевской 1-ой гімназіи, о чемъ считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія лицъ и учрежденій, сочувствующихъ ея дѣятельности.

Поправка. Въ сентябрьской книжкѣ, въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ; пропущена нами крупная опечатка, которую мы просимъ поскорѣо исправить, а именно: на стр.: 139-й въ заглавіи замѣтки слѣдуетъ читать: «Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спецавовъ въ Сибирь», а не въ *Соборъ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Іоасафа Горленка, єпископа Білгородськаго старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. «Брань честныхъ седми добродѣтелей З седми прѣхамъ смертными... описанная 1737 года априля 9 днѧ». Іоасафомъ Горленкомъ. Кіевъ. 1892 года. Стр. 24, 31.

Преосвященный Іоасафъ Горленко принадлежитъ къ числу выдающихся іерарховъ русской церкви половины прошлаго вѣка (род. 8 сент. 1705 г., ум. 10 дек. 1754 г.). Потомокъ славной древней малороссійской фамилії, дитя благочестивыхъ родителей, питомецъ старой Кіевской академії, аскетъ съ юныхъ лѣтъ,—онъ былъ назначенъ 2 іюня 1748 года єпископомъ Бѣлоградско-обоянскимъ. Служеніе Іоасафа въ санѣ Бѣлоградского єпископа проходило посреди исключительныхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ значеніе его въ исторіи русской церкви и русского государства еще болѣе замѣчательнымъ. Учрежденная въ 1667 году, на большомъ Московскомъ соборѣ, Бѣлоградская єпархія обнимала весьма обширный край, въ составѣ которого входили двѣ теперешнія губерніи: Курская и Харьковская. Религіозное, нравственное и умственное состояніе жителей этого края было въ высшей степени печальное. Прежде всего, населеніе Бѣлгородской провинціи, какъ смѣшанное, почти на половину состоявшее изъ польскихъ переселенцевъ и удаленное отъ центра русскаго государства, было сравнительно мало еще привязано къ русскому государству и въ особенности къ русской православной церкви. Подъ вліяніемъ священниковъ и мірянъ, переселявшихся въ слободскую Україну изъ польского заднѣпровья, въ богослужебной практикѣ нѣкоторыхъ церквей Бѣлгородской єпархіи начали появляться книги и обряды, заимствованные у католиковъ и чаще всего уніатовъ. Съ другой стороны, обитатели Бѣлгородской окраинной провинціи, насељая мѣстность лѣсистую, отчасти даже пустынную, отличались крайне суро-

выми, грубыми и даже жестокими нравами. Всёмъ известны курскіе придорожники, въ свое время славившіся своими разбоями далеко за предѣлами роднаго края. Наконецъ, умственное сознаніе Бѣлгородской паства находилось всецѣло подъ гнетомъ различныхъ суевѣрій и обрядовъ, бывшихъ наслѣдіемъ древняго язычества, или же обусловленныхъ крайнимъ невѣжествомъ.

Такимъ образомъ, преосв. Іоасафу, 6 авг. 1748 года вступившему въ управлениѣ Бѣлгородскою епархіей, предстояла великая, сложная и трудная задача. Продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ особенную славу и право на благодарную память потомства стяжали себѣ м. Мисаилъ (1672—1684 г.), великий ревнитель христіанского благочестія и правовѣрія, а также еп. Епифаній 1722—1731) и архіеп. Петръ (1736—1742 г.), славные своимъ просвѣтительными дѣяніями и созданіемъ цѣлаго ряда прекрасныхъ школъ въ краѣ, онъ долженъ былъ во 1) содѣйствовать утвержденію Бѣлгородскаго смѣшаннаго, почти на половину иришлага населенія въ догматахъ и правилахъ православной христовой церкви, и во 2) заботиться о смягченіи нравовъ, искорененіи суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, бывшихъ или остаткомъ древняго язычества, или слѣдствіемъ невѣжества.

И должно правду сказать, что преосв. Іоасафъ обладалъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы стоять на высотѣ такого отвѣтственнаго служенія. Съ глубокимъ, искреннимъ благочестіемъ, весьма близкимъ къ аскетизму, онъ соединилъ превосходное образованіе и пастырскую ревнность. Обладая такими качествами, онъ за время своего непродолжительного архіерейскаго служенія успѣлъ сдѣлать весьма много полезнаго для своей епархіи, равно какъ и для всей вообще русской церкви и русскаго государства. Въ лицѣ его Бѣлгородское духовенство имѣло просвѣщенійшаго, дѣятельнаго, гуманнаго, кроткаго, ласковаго, доброго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго тамъ, где дѣло касалось чистоты церковныхъ правилъ и благочинія, начальника, а вся вообще Бѣлгородская паства—неутомимаго и ревностнаго стражи душевно-нравственной жизни. Непрѣвестный авторъ «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», сообщенныхъ В. Н. Горленко, такъ характеризуетъ преосв. Іоасафа: «О христіанской его жизни, о благоговѣніи къ Богу истинное свидѣтельство—лежащее его и по сіе времена нетленное тѣло, также гробъ и одѣянія архіерейскія, не перемѣнившія вида, ни пришедшія въ обветшалость. Жизнь его была основана прямо на правилахъ евангельской добродѣтели; рачителенъ былъ

въ исполненіи званія его и употреблялъ строгость тамъ, гдѣ слѣдовало обуздать подчиненность, приходившую въ неистовые поступки; однимъ словомъ, любилъ и правду, неготовалъ на ложь, прямо добродѣтельнымъ любезенъ, противомудрствующимъ страшенъ, къ піццимъ милостивъ, обиду терпѣвшимъ защитникъ, ревнитель былъ о благочестії, удалялъ отъ взора своего всѣхъ суевѣрныхъ, наконецъ, истинно любящій Бога и послѣдователь святому его закону». Преосв. Іоасафъ былъ всегда внимателенъ и весьма чутко прислушивался къ біенію пульса общественной современной жизни, отвѣчая на всякую вновь назрѣвшую потребность сочувственнымъ словомъ или ободречія, или увѣщанія, или, наконецъ, грязаго обличенія. Не ограничиваясь частными личными посѣщеніями многочисленныхъ (болѣе 1000) церквей своей обширной епархіи, онъ нерѣдко разсыпалъ по епархіи свои пастырскія посланія, которая приказывалъ читать въ слухъ народу при богослуженіи. Въ этихъ посланіяхъ онъ то призывалъ своихъ пасомыхъ къ покаянію въ виду грозныхъ знаменій неба и народныхъ бѣдствій, то бичевалъ различныя произвольныя нововведенія въ богослужебной практикѣ, то обличалъ невѣжество и суевѣріе. Бѣлгородская паства была всегда внимательна къ голосу своего святителя, любила его и эту любовь завѣщала своимъ потомкамъ. Вѣрная этому завѣщанію, нынѣшняя курская епархія доселъ чтить память благочестиваго святителя и съ вѣрою притекаетъ къ его нетѣннымъ мощамъ, открыто почивающимъ въ Бѣлгородскомъ троицкомъ монастырѣ.

Памяти же этого святителя посвящается и та книжка, заглавіе которой мы выписали въ началѣ и которая издана однимъ изъ потомковъ преосв. Іоасафа — В. П. Горленко ¹⁾. Выходъ въ свѣтъ этой книжки, безъ сомнѣнія, будутъ привѣтствовать всѣ почитатели имени приснопамятнаго святителя, въ числѣ коихъ принадлежитъ вся многочисленная паства курской и харьковской епархій. При своемъ краткомъ содержаніи, она заключаетъ въ себѣ весьма цѣнныій материалъ для будущаго полнаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ издатель говорить о происхожденіи сообщаемыхъ имъ документовъ и дѣлаетъ болѣе или менѣе вѣroятное предположеніе объ авторѣ ихъ (стр. 1—4), помѣщены «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ» (стр. 5—16); въ «замѣткахъ» сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о слѣдующихъ предкахъ преосв. Іоасафа:

¹⁾ Издание печаталось сначала на страницахъ „Чтений въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“. (См. вып. VI, отд. III, стр. 83—137).

прадѣдѣ его, полковникѣ прилукскаго полка Лазарѣ Горленко, заживо сожженномъ 2 авг. 1687 года избунтовавшимся козаками, о дѣдѣ его Димитріѣ Горленко и обѣ отцѣ его Андреѣ Горленко, бывшихъ полковниками прилукскаго полка и много потерпѣлихъ, благодаря невольному участію въ дѣлѣ Мазепы, и о братяхъ и сестрахъ преосв. Іоасафа. «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ»¹⁾ оканчиваются краткою характеристикою преосв. Іоасафа, и вслѣдъ за ними издателемъ весьма удачно помѣщена автобіографія преосвященнаго подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ свѣтѣ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго»; въ ней сообщаются краткія и довольно отрывочныя свѣдѣнія о преосв. Іоасафѣ, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ его и оканчивая вступленіемъ его въ должность намѣстника Свято-Троицкія Лавры (въ 1746 г.). Къ автобіографії, въ видѣ заключенія, прибавлено краткое «увѣдомленіе» автора «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», обозрѣвающее жизнь преосв. Іоасафа въ санѣ епископа Бѣлоградскаго до его смерти. Здѣсь же, въ видѣ примѣчанія, помѣщены издателемъ рассматриваемыхъ нами матеріаловъ В. П. Горленко три письма преосвящ. Іоасафа: 1) къ матери отъ 4 янв. 1748 г.; 2) къ брату полковнику Андрею Андреевичу отъ 25 мая 1753 года и 3) къ неизвѣстному лицу отъ 16 іюня 1753 года. Слѣдующая за автобіографіей «брань честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертными, въ человѣцѣ путнику такъ всегда, яко наипаче въ дни с—тии четыре-десятницы резидуюча, по чину седмицѣ ея имагинацію пустическою и риѣмомъ описанная 1737 года априля 9 дня» представляетъ собою пасхальное привѣтствіе іером. Іоасафа кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому отъ лица Кіевской академіи, въ которой Іоасафъ тогда былъ экзаменаторомъ. Мотивъ этого произведенія, безъ сомнѣнія, древній; содержаніе его въ высшей степени интересное.

Вообще говоря, изданіе В. П. Горленко заключаетъ въ себѣ много весьма цѣннаго матеріала для будущаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Считаемъ только необходимымъ сдѣлать одну поправку въ изданіи В. П. Горленко. Выше было сказано, что, въ видѣ дополненія къ автобіографії Іоасафа издатель помѣстилъ три письма преосвященнаго. Послѣднее изъ нихъ въ изданіи В. П. Горленко датировано такъ: «Бѣлоградъ. 1753 года, іюня 16 дня». Но эта дата несогласна съ подлинной. Въ подлинномъ письмѣ, хранящемся въ церковно-

¹⁾ Авторомъ ихъ В. П. Горленко называетъ И. И. Квитку, племянника преосвящ. Іоасафа.

археологическомъ музѣѣ при Кіевской духовной академіи, выставлена такая дата: «Бѣлградъ. 1763 года, іуна 16 днїя». Чѣмъ объяснить такое разногласіе? Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опечаткою? Но не говори уже о томъ, что въ самомъ изданіи нѣть никакого упомянанія объ этой опечаткѣ, дата: «1753 года» не можетъ быть признана за опечатку уже по одному тому, что если бы авторъ вѣстивъ не эту, а другую (дѣйствительную) дату: «1763 года», то онъ, конечно, никогда бы не приписалъ данного письма преосвященному Іоасафу (Горленко), который умеръ 10 дек. 1754 года. Остается, такимъ образомъ, допустить, что издатель намѣренно замѣнилъ цифру «6» цифрою: «5» и поступилъ, какъ увидимъ сейчасъ, совершенно неосновательно. Письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа къ неизвѣстному лицу, помѣщенное въ изданіи В. П. Горленко, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано преосв. Іоасафу Горленко. Во 1-хъ, въ этомъ письмѣ, при всей его краткости, весьма характерномъ, авторъ жалуется своему возможному другу на презрительное отношение Правительства къ архіераемъ изъ малороссовъ («бѣда да горе! всы теперь Малороссіане вездѣ въ крайнемъ презрѣніи. Самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тферь (въ изданіи г. Горленко по ошибкѣ напечатано: «впередъ»), и въ Владимиръ промованы, которіе еще и недавно монахами, съ русскихъ, однако добріе люди и достойные»). Такая жалоба въ устахъ Іоасафа Горленко немыслима, ибо его служеніе совпадало съ самымъ благосклоннымъ отношеніемъ Правительства Императрицы Елизаветы Петровны къ архіераемъ изъ малороссовъ; въ частности, самъ Іоасафъ Горленко пользовался особымъ благоволеніемъ Государыни. Съ другой стороны, въ письмѣ сообщается новость о помилованіи ростовскаго архіерея, подъ которымъ самъ же В. П. Горленко вполнѣ справедливо подразумѣваетъ Арсенія Мацѣевича. Но Арсеній Мацѣевичъ подалъ свой протестъ противъ отобраний церковныхъ имуществъ 6 марта 1763 года; послѣ этого началось его дѣло.

И такъ, письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа, приписанное издателемъ Іоасафу Горленко, не можетъ принадлежать ему. Оно принадлежитъ еп. Іоасафу 2-му (Миткевичу), занимавшему Бѣлгородскую архіерейскую каѳедру съ 26 апр. 1758 г. до 30 іуля 1763 года.

Феодоръ Титовъ.

Кіевъ. 31 августа 1893 года.

Bibliografia Historyi Polskiej. Wspólnie z Dr. Henrykiem Sawssyńskim i członkami koła historycznego uczniów Uniwersytetu lwowskiego zebrał i ułożył Dr. Ludwik Finkel. Część I. We Lwowie, 1891.

Въ польской литературѣ имѣется нѣсколькоъ большихъ бібліографическихъ трудовъ. Не говоря уже о громадной въ обстоятельной бібліографії г. Карла Эстрайхера, которая обнимаетъ всю польскую печатную литературу, еще ранѣе, въ сороковыхъ годахъ, появился трехтомный трудъ г. Іохера: *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie*. Къ этому труду былъ составленъ г. Эстрайхеромъ обстоятельный указатель. Въ послѣднее время профессоръ варшавскаго университета Ф. Ф. Вержбовскій принялъ за изданіе бібліографіи XV и XVI вв. подъ заглавіемъ: *Bibliographia polonica XV ac XVI ss.* Этотъ прилежно и старательно составляемый трудъ, два тома которого уже появились, производить, впрочемъ, нѣсколько странное впечатлѣніе. Каждый томъ (а будетъ ихъ, кажется, не менѣе пяти) является не продолженіемъ предыдущаго въ хронологическомъ порядке, а лишь какъ бы дополненіемъ ко всѣмъ прочимъ. Новая бібліографія, заглавіе которой мы привели въ заголовкѣ нашей замѣтки, задалась иными цѣлями, чѣмъ вышеупомянутыя, и притомъ цѣлями, выполненіе коихъ задумано очень широко. Поставивъ себѣ задачу, какъ указываетъ самое заглавіе труда г. Финкеля, дать бібліографію исторіи Польши, составитель ея хочетъ не только помочь занимающимся польскою исторіею ориентироваться въ ея источникахъ и указать, гдѣ находятся еще новые, неизданные; но онъ старается, кромѣ того, подобрать возможно полнымъ образомъ для отдельныхъ эпохъ и даже отдельныхъ лѣтъ въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядке исторические материалы.

Вышедший пока первый томъ труда г. Финкеля обнимаетъ источники по исторіи Польши, а второй, какъ обѣщаетъ предисловіе, будетъ посвященъ бібліографіи исторической литературы. Подъ именемъ Польши г. Финкель трактуетъ обо всѣхъ земляхъ, входившихъ когда бы то ни было въ составъ этого государства, и предѣльнымъ пунктомъ для своей работы избираетъ 1815 годъ. Располагаетъ онъ свой материалъ самымъ незатѣйливымъ образомъ. Сначала онъ сообщаетъ перечень сочиненій и статей, посвященныхъ описанію архивовъ и бібліотекъ, находившихся въ предѣлахъ бывшаго польского королевства, а затѣмъ указываетъ на описанія всѣхъ прочихъ европе-

пейскихъ бібліотекъ, въ которыхъ находятся материа́лы по исторії Цольши. Удивительно, почему г. Фінкель не упомянуль при этомъ объ изданіи катологовъ вѣнскай и другихъ большихъ бібліотекъ. Указывая на русские труды по описанію иностранныхъ архивовъ, въ которыхъ находятся материа́лы по польской исторії, онъ упустилъ изъ виду очень интересны «Отчеты кандидата степендиата Императорского варшавскаго университета о научныхъ занятіяхъ за границею», которые были напечатаны Ф. Ф. Вержбовскимъ въ варшавск. университетскихъ извѣстіяхъ въ 80-хъ годахъ и вышли отдѣльными оттисками. Упомянута о моихъ статьяхъ, касающихся этого предмета, г. Фінкель, не знакомъ, повидимому, съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о бібліотекахъ и архивахъ очень мало извѣстныхъ его соотечественникамъ, а именно: съ моими отчетами въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1879 годъ, ноябрь), въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1882 годъ, № 6) и также съ брошюрою «Зимлеровское собраніе рукописей».

Отъ архивовъ и бібліотекъ г. Фінкель переходитъ къ бібліографіи отдѣльныхъ историческихъ вспомогательныхъ наукъ: хронологіи дипломатики, сфрагистики, геральдики и генеалогіи, numизматики и энграфіки. Подраздѣленія, сдѣланныя авторомъ въ каждомъ изъ только что приведенныхъ отдѣловъ, свидѣтельствуютъ о неясномъ представлении у него о характерѣ и задачахъ этихъ наукъ. Трудно понять, какъ понали въ эти отдѣлы многія приведенные въ нихъ сочиненія и статьи. Одно несомнѣнно, что польская литература по указаннымъ наукамъ чрезвычайно бѣдна.

Собственно исторические источники г. Фінкель подраздѣляетъ на два отдѣла: первый — документы, акты, рѣчи, донесенія, письма и т. п., и второй — хроники, лѣтоиски, жизнеописанія, мемуары и политическая сочиненія. Первоначально, говорить авторъ въ предисловіи, имѣлось въ виду составить еще третій отдѣлъ, который долженъ былъ заключать въ себѣ собранные отдѣльно манифести, брошюры, поэмы, панегирики, посвященія, однимъ словомъ, по его выраженію, проявленія общественнаго мнѣнія. Но недостатокъ средствъ на изданіе въ такихъ размѣрахъ этой бібліографіи заставилъ отказаться отъ первоначально намѣченного плана, и главнѣйшія произведенія, которыя должны были войти въ составъ третьаго отдѣла были распределены, смотря по содержанію, между первымъ и вторымъ.

Въ свою очередь первый главный отдѣлъ распадается на слѣдующіе четыре: 1) собраніе документовъ 2) собраніе законовъ и судебныхъ па-

мятниковъ 3) собраніе актовъ (собраніе актовъ, писемъ, дневниковъ рѣчей) и 4) документы, акты, письма и рѣчи, расположенные въ хронологическомъ порядке. Что касается этого отдѣла, то въ общемъ и тутъ не замѣтно строго выдержанной и продуманной системы въ распределеніи библіографического материала. Относительно же иностраннѣхъ сочиненій, приводимыхъ въ этомъ отдѣлѣ, нужно замѣтить, что они подобраны какъ бы случайно. Многихъ сочиненій составитель библіографіи, по видимому, не имѣлъ въ рукахъ. Иначе, какъ помѣстить бы онъ въ отдѣлѣ документовъ (№ 999) сочиненіе г. Молчановскаго: Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Вирочемъ, хотя авторъ и предполагаетъ посвятить второй томъ своего труда исторической литературѣ, тѣмъ не менѣе онъ даже при перечисленіи отдѣльныхъ документовъ и актовъ сплошь да рядомъ безъ всякой видимой нужды указываетъ на тѣ или другія историческія изслѣдованія. Въ отдѣлѣ собранія правъ и судебныхъ памятниковъ у него помѣщены изданія списковъ бывшихъ студентовъ краковскаго университета. Но разъ г. Финкель привелъ ихъ хотя бы даже въ этомъ отдѣлѣ, ему слѣдовало бы уже, сообразно съ его системою, указать при этомъ и на изданія такихъ же списковъ различныхъ заграничныхъ университетовъ (итальянскихъ, немецкихъ, швейцарскихъ, голландскихъ), въ которыхъ учились поляки; но онъ этого почему то не сдѣлалъ. Между тѣмъ вышеупомянутые списки немало помогаютъ выясненію многихъ сторонъ умственной жизни польского народа прошлыхъ вѣковъ. Вирочемъ такихъ пропусковъ въ этой библіографіи ловильно много, и особенно сильно бросаются они въ глаза въ хронологическомъ спискѣ документовъ. Укажемъ на нѣкоторые лишь изъ нихъ. Въ спискѣ документовъ XVI вѣка не упомянуто, напр., собраніе сочиненій Йоанна Ласкаго, изданныхъ вмѣстѣ съ его корреспонденціей Клюйнеромъ (Куурег); не видно слѣдовъ пользованія перепискою Кальвина и Меланхтона, изданныхъ въ Corpus Reformatorum, забыты «Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса» Форстена и многія другія новыя изданія писемъ западно-европейскихъ гуманистовъ и реформаторовъ, въ которыхъ находятся и письма поляковъ. Изъ старыхъ изданій не мало интересныхъ документовъ по польской исторіи г. Финкель нашелъ бы въ «Scrinium Antiquarium sive Miscellanea Groningana. Nova ad historiam reformationis ecclesiasticam praecipue inseruntur». Groningae et Brœmae. 1761, въ «Opera Theologica D. Hieronymi Lanchi»; въ Senior Abbes Gabbema. «Illustrum et clarorum virorum Epistolae» и другихъ собраніяхъ писемъ, сочиненій ученыхъ и теологовъ про-

шлыхъ вѣковъ. Упустилъ авторъ изъ виду и документы, приложенные мною къ сочиненію: «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», а также письма іезуитовъ, опубликованныя въ приложеніи къ брошюре: «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в.»

Второй главный отдѣлъ, или отдѣлъ хроникъ, г. Финкель начинаетъ съ перечисленія общихъ сборниковъ (*zbioru powszechnego*); но подъ этой рубрикой онъ приводить, главнымъ образомъ, собранія житій святыхъ, сборники путешествій и даже труды по исторіографіи вообще. Затѣмъ онъ перечисляетъ польскіе сборники средневѣковыхъ хроникъ, равно какъ и изслѣдованія по поводу ихъ; а далѣе указывается на такія же собранія средневѣковыхъ лѣтописей у другихъ народовъ, если въ нихъ встрѣчаются материали по исторіи Польши. Хроники, начиная съ XVI вѣка, выдѣлены въ особое подраздѣленіе и перечисляются вмѣстѣ съ біографическими трудами, путешествіями, различными брошюрами и т. п. Затѣмъ весь материалъ, составляющій предметъ втораго отдѣла, г. Финкель старается расположить въ хронологическомъ порядке, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ отдѣломъ документовъ. Начинаетъ онъ съ эпохи дохристіанской, а именно—съ Геродота, и кончаетъ мемуарами, касающимися первой половины текущаго столѣтія. При всѣхъ приводимыхъ въ бібліографіи сочиненіяхъ и статьяхъ г. Финкель обыкновенно указываетъ на рецензіи по поводу ихъ. Нечего и говорить, что много ихъ ускользнуло отъ его вниманія.

Не смотря на указанные нами недостатки бібліографіи г. Финкеля, не смотря на крайне неудобное и непрактичное расположение материала, къ ней придется однако прибѣгать всѣмъ, которые будутъ заниматься вопросами, находящимися въ связи съ польскою исторіею. Громадное неудобство этого труда составляетъ еще и отсутствіе указателя авторовъ. Хотя г. Финкель обѣщаетъ дать его при второмъ томѣ своей бібліографіи, но этого не слѣдовало откладывать на столь неопределеннное время.

Н. Любовичъ.

Археологическая известія и замѣтки, №№ 1—6, Москва 1893 г.

Съ этого года московскимъ археологическимъ обществомъ началь издаваться ежемѣсячный журналъ, заглавіе котораго приведено выше. Изъ вступительной статьи, помещенной въ 1-мъ номерѣ, мы узнаемъ о причинѣ, вызвавшей это изданіе и о цѣляхъ его, именно: „Въ засѣданіи Московск. Арх. Об., 6 октября 1892 г., товарищъ предсѣдателя, Д. Н. Анушицъ, заявилъ, что въ средѣ нашихъ изслѣдователей и любителей древностей давно уже сознавалась потребность въ периодическомъ органѣ по русской археологии, который, по возможности, частымъ своимъ появлениемъ поддерживалъ бы въ русскомъ обществѣ интересъ къ древностямъ и давалъ бы нѣкоторую возможность слѣдить за успѣхами археологии. Попытка удовлетворить этой потребности была сдѣлана въ 1867 г. Моск. Арх. Общ., начавшимъ издавать, кромѣ безсрочно выходящихъ «Древностей», «Археологический Вѣстникъ», но это изданіе просуществовало только годъ и ограничилось лишь шестью выпусками; такою же неирочною и недолговѣчною оказалась попытка Петерб. Арх. Общ. издавать пе-риодический журналъ въ 60-хъ годахъ. Въ послѣдніе годы мысль объ изданіи подобнаго бюллетеня, или журнала, возникала неоднократно въ средѣ членовъ Моск. Арх. Общ., но всякий разъ была оставляема, главнымъ образомъ, за отсутствиемъ лица, которое бы могло взять на себя редакцію такого органа и было бы расположено посвятить этому дѣлу не малое количество трудовъ и времени».

Лицомъ такимъ явился действительный членъ Общ. А. В. Орѣшниковъ, подъ редакціей котораго и выходитъ журналъ.

О содержаніи журнала въ той же вступительной статьѣ находимъ слѣдующее: «Содержаніе журнала имѣютъ составлять: самостоятельные археологическія статьи, известія о раскопкахъ и болѣе важныхъ находкахъ въ Россіи и о приобрѣтеніяхъ археологическихъ предметовъ музеями; библиографическія замѣтки о новыхъ русскихъ и иностранныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, свѣдѣнія о дѣятельности московскаго и, по мѣрѣ возможности, другихъ русскихъ археологическихъ обществъ; разныя замѣтки, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ археологии. Русскія древности должны занимать первое мѣсто въ журналь, но и важнейшія новости по иностранной археологии не должны быть исключаемы». Далѣе: «Основывая «Арх. Изв.

и Зам., *Общество не ставитъ себѣ задачею, давать отчетъ о движениіи и дѣятельности русской археологии во всѣхъ отрасляхъ ея, а толькъ болѣе о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ археологической науки вообще*¹⁾), но, какъ показываетъ самое заглавіе журнала, имѣть въ виду только содѣйствовать, по мѣрѣ силы и возможности, распросраненію между любителями древностей свѣдѣній о важнѣйшихъ новыхъ фактахъ, касающихся, главнымъ образомъ, нашей бытовой старины и отчасти письменности, и способствовать взаимному обще-нію русскихъ дѣятелей по различнымъ отдѣламъ археологической науки».

Сообразно съ означенной программой и составлены вышедшіе 6 номеровъ; въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ какъ самостоятельную статью, такъ и другіе отдѣлы, и нужно отдать должную справедливость редактору, такъ добросовѣстно ведущему дѣло, несмотря на малое число сотрудниковъ: большая часть работы, какъ видно, падаетъ на самого редактора. Замѣтимъ также, что и съ вѣнчаной стороны журналъ не представляетъ желать ничего лучшаго; каждый номеръ снабженъ иѣсколькими, иногда прекрасно сдѣланными, рисунками.

Выскажемъ иѣсколько соображеній по поводу программы журнала. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на тѣ слова вступительной статьи, которыя нами подчеркнуты. Съ ними нельзя согласиться: намъ кажется, что наоборотъ, въ виду того, что настоящее изданіе какъ можно судить, предназначается для довольно широкаго круга читателей, общіе очерки состоянія науки и были бы самымъ подходящимъ средствомъ возбужденія въ публикѣ интереса къ ней²⁾. Мы, конечно, знаемъ, что дѣло популяризациіи—дѣло трудное, но кому же, какъ ни Московскому археологическому обществу, имѣющему среди своихъ членовъ специалистовъ по разнымъ отдѣламъ археологіи, и приличествуетъ взяться за это дѣло. Но, оставляя въ сторонѣ специально популярная статьи, намъ кажется, что и при существующей программѣ можно сдѣлать многое въ данномъ направленіи, немногого

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Какъ на образецъ такихъ очерковъ, укажемъ на рядъ статей И. С. (проф. Смирнова)—„Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологии въ Европѣ“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Общества Археологии, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Унив.“.

лишь измѣнивъ распределеніе и отчасти составъ содерянія журнала. Во первыхъ, самостоятельная статья,—если темы ихъ будуть касаться предметовъ болѣе или менѣе типичныхъ, и при этомъ, будетъ сдѣлано нѣсколько общихъ замѣчаній, то этимъ самимъ, помимо научной, будетъ достигнута и цѣль популяризациі,—въ вышедшихъ номерахъ мы уже находимъ нѣсколько такихъ статей¹⁾). Далѣе, изъ отдѣла извѣстій о раскопкахъ и находкахъ и разныхъ замѣтокъ, представляющаго теперь иѣчто въ родѣ обширной «смѣси», путемъ болѣе систематического расположенія матеріала можно сдѣлать тотъ отдѣлъ, который и будетъ «давать отчетъ о движениі и дѣятельности русской археологии»; такъ напримѣръ: можно помѣщать подъ отдѣльными рубриками извѣстія, касающіяся систематическихъ раскопокъ, и извѣстія о случайныхъ находкахъ, можно затѣмъ также выдѣлить подъ самостоятельной рубрикой «музеографію». Не лишнимъ былъ бы отдѣлъ, въ которомъ помѣщались бы программы для производства археологическихъ изслѣдований, распоряженія правительства, сообщались бы новые пріемы сохраненія древностей, ихъ реставраціи и т. п. Вмѣстѣ съ существующими отдѣлами бібліографіи и бюллетеней засѣданій археологическихъ обществъ все это, взятое, вполнѣ служило бы цѣлямъ ознакомленія общества съ состояніемъ и движениемъ науки о нашемъ прошломъ. Намъ кажется также, что для журнала съ специальнымъ содержаніемъ, какимъ являются «Археологическая Извѣстія и Замѣтки» мѣсячный срокъ выхода номеровъ черезчуръ коротокъ.

Во всякомъ случаѣ, въ виду тѣхъ полезныхъ задачъ, какія предстоитъ настоящее изданіе, можно лишь пожелать ему возможно широкаго распространенія²⁾.

Изъ помѣщенныхъ въ вышедшихъ номерахъ многочисленныхъ замѣтокъ, касающихся древностей южной Россіи, отмѣтимъ двѣ. Въ № 1 находимъ изображенія золотой привѣски (въ журналѣ она на-

¹⁾ Статьи: И. Е. Забѣлина—„Построеніе первой на Руси первыи въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины“; Д. Айналова—„Пластинка диптиха изъ скелета изъ собрания графа Строганова въ Римѣ“; А. В. Орловникова—„Три памятника времени цара Ивана Васильевича Грознаго“; отчасти статья, М. Сперанскаго—„О сибиревѣкѣ съ семью отроками“.

²⁾ Годовая цѣна журналу—3 рубля; адресъ редакціи: Москва, Исторический музей на Красной площади, Алексѣю Васильевичу Орловникову.

звана пряжкой) кругло-выпуклой формы, украшенной орнаментами въ видѣ трехугольниковъ изъ мелкой зерни съ львиными головками по-срединѣ, и серебряного браслета съ золотыми львиными головками на концахъ; предметы эти составляютъ часть коллекціи древностей, приобрѣтеної историческимъ музеемъ въ Москвѣ, вырыты они, по словамъ продавца, крестьянами въ курганахъ с. Емчехи, въ 2-хъ варстахъ отъ м. Козина, каневскаго уѣзда, при рѣкѣ Россавѣ. Въ № 5 помѣщено изображеніе свинцовой вислой печати, найденной на Княжей горѣ; печать эту, судя по надписи и обстоятельствамъ находки, можно считать принадлежавшей митрополиту Киприлу II Греку (1225—1233 гг.).

Б.

Бібліографіческія замѣтки. I. („Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“ за 1893 г. №№ 1—9).

Въ «Журналѣ М. Н. П.» за первые девять мѣсяцевъ настоящаго года отмѣтимы слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ исторії Юга. Въ 3-мъ № статья г. С. Р—скаго о докторской диссертациі г. Собѣстіанскаго: ученія о національныхъ особенностяхъ характера юридического быта древнихъ славянъ. Работа г. Собѣстіанскаго вызвала горячіе споры въ исторической литературѣ; нѣкоторые рецензенты придавали ей громадное значеніе, другіе отрицали. Въ «Кіев. Старинѣ» былъ помѣщенъ рядъ статей проф. Багалѣя, рѣзко осуждающихъ сочиненіе г. Собѣстіанскаго. Г. С. Р—скій указываетъ въ своей общей оцѣнкѣ труда на существенные промахи харьковскаго профессора. Любопытны, дѣйствительно, могутъ появляться докторскія, якобы строго научныя, сочиненія въ наше время, когда такъ много представляется серьезныхъ требованій отъ историка съ точки зрѣнія и точности опредѣленій, и выводовъ, и научнаго метода, и критики источниковъ!.. Подъ словами заглавія «національные особенности характера древнихъ славянъ» (ужъ не сказать ли еще духа древнихъ славянъ?)—едва ли можно подразумѣвать что нибудь реально существовавшее и опредѣленное; а между тѣмъ половина указаннаго труда посвящена опроверженію мнѣній о прекрасныхъ чертахъ

этого характера. Если на самомъ дѣлѣ книга г. С. можетъ опредѣляющимъ образомъ воздѣйствовать на будущихъ славистовъ (слова проф. Дринова, см. Истор. Обозр. кн V стр. 184), — то это очень печально. «Трезвые» взглѣды г. С., какъ онъ самъ ихъ называетъ, лишены научной отчетливости и серьезной доказательности, особенно, напримѣръ, въ такихъ главахъ, какъ пятая первой части, гдѣ г. С. иноситъ выводы и доказательства Шафарика, изложенные въ «Славянскихъ древностяхъ».

Славяновѣдѣнію посвящена и вступительная лекція покойнаго Срезневскаго (№ 5), сказанная имъ въ харьковскомъ же университѣтѣ 16-го октября 1842 года, тотчасъ по возвращеніи изъ заграницкой командировкіи. Вътомъ же пятомъ № указемъ замѣтки Л. Н. Майкова «Къ вопросу объ исторіи Руссовъ» по поводу брошюры г. Горленка «Изъ сторіи южно-русского общества начала XIX вѣка». Г. Майковъ склоняется къ мнѣнію А. М. Лазаревскаго (Кievская Старина 1891 года. № 4): скорѣе всего авторами «Исторіи Руссовъ» нужно признать Григ. Андр. и Васил. Григ. Полетикъ (стр. 221).

Интересна статья С. Н. Браиловскаго (№ 6-й). Г. Браиловскій опредѣляетъ неизвѣстную доселѣ причину смерти Феофана Прокоповича. До появленія указанной замѣтки извѣстно было только то, что сильное напряженіе душевныхъ силъ изнурили здоровье Ф. П.; умеръ же онъ 8 сентября 1736 г. Замѣствуя свѣдѣнія изъ 2-хъ приводимыхъ г. Браиловскимъ писемъ учениковъ Карловской школы Феофана, мы можемъ опредѣлить, что у Прокоповича «болѣзнь была каменная», которая „въ смертельной Антоновъ огонь превратилася“ (стр. 500).

Обратимъ вниманіе читателей „Кievской Старинѣ“ на продолжающееся печататься въ журналѣ изслѣдованіе Ф. М. Леонтьевича „Очерки исторіи Литовско-русского права“ и съ особыніемъ вниманіемъ остановимся на статьѣ г. Таллоци „Исторія сѣверо-восточной европы и новѣйшая мадьярская исторіографія“ (№ 7). Въ Будапештѣ существуетъ Мадьярское Историческое Общество; тварищемъ предсѣдателя общества состоится директоръ университетской библіотеки г. Силадьи (Skila'gyi). Общество издастъ „мадьярские исторіографические біографіи“. Любопытны для южно-русской исторіи монографіи и архивные материалы, проредактированные г. Силадьи. И монографіи, и материалы касаются, главнымъ образомъ,

отношенній Седьмиградії къ Польшѣ и Малороссії въ XVII в., — особенно при Георгії I и Георгії II Ракоціяхъ. Г. Таллоци въ указанной статьѣ знакомить русскихъ читателей съ изслѣдованіями г. Спіладын. Въ XVII в. „только то государство (Россія, Польша, Турція) могло разсчитывать на окончательную победу, которому бы удалось связать съ собою козаковъ. По этому необходимо должна была возникнуть борьба со съднихъ государствъ изъ-за обладанія Малороссіей, борьба, въ которой дѣятельное участіе приняла и Седьмиградія“ (стр. 190). Козаки въ началѣ XVII в. принимаютъ дѣятельное участіе въ исторіи Австріи и ея войнахъ, особенно въ періодѣ усиленія польского гнета. Въ началѣ тридцатилѣтней войны (1620 г.) козаки дѣлаютъ набѣгъ въ Моравію и распространяютъ тамъ страхъ и трепетъ. Георгій I Ракоцій послѣ смерти короля Польскаго Владислава IV стремится занять польскій престолъ при помощи Б. Хмельницкаго. Гетманъ очень сочувствовалъ планамъ Георгія и обѣщалъ помочь, вспоминая милостивое отношеніе къ козакамъ Стефана Баторія. Произошелъ обмѣнъ посольствъ, но послы казацкіе застали Георгія I мертвымъ. Послѣ зборовскаго договора Б. Хмельницкій „понимая, что съ Польшей полное примиреніе не возможно, взымълъ мысль объ основаніи особаго казацкаго малорусскаго королевства. Сначала его взоры остановились на Сигизмундѣ Ракочіѣ, младшемъ братѣ Георгія II“, который долженъ былъ жениться на дочери Молдавскаго господаря Лупула—Иринѣ. Такимъ образомъ произошло бы единеніе Седьмиградіи, Молдавіи и Малороссіи. Ирина не понравилась Сигизмунду, бракъ разстроился, и Тимофей Хмельницкій женился на Иринѣ. Въ 1651 году Богданъ Хмельницкій колеблется, предлагая корону надъ козаками то Радзивиллу, зятю молдавскаго господаря, то Георгію II. Георгій медлитъ; въ это время происходитъ битва подъ Берестечкомъ, Бѣлоцерковскій договоръ и вмѣшательство Москвы въ малороссійскій дѣла. Смерть Тимофея Хмельницкаго въ борьбѣ съ Ракоціемъ въ качествѣ союзника Лупула оклаиваетъ Богдана къ Ракоцію. 8 февраля 1654 г. совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Но „Хмельницкій, смотрѣвшій на подданство Москвѣ, какъ на палліативную мяру и желавшій сохранить за Малороссіей наибольшую самостоятельность, а также опасавшійся Татарь, отложилъ свое негодованіе на Ракоція. Когда началась русско-польская война, Хмельницкій вступилъ съ Ракоціемъ въ частныя сношенія“ (стр. 197). Ракоцій стремился къ польскому престолу и заключилъ съ Хмельницкимъ союзъ. Гетманъ призналъ Ракоція поль-

скимъ королемъ при гарантії казацкихъ вольностей. При посредствѣ Ракоція заключенъ также союзъ между шведами и казаками. Ракоцій потерпѣлъ неудачу, его оставили и шведы, и казаки; со своимъ разстроеннымъ войскомъ онъ удалился въ іюль 1657 года изъ Польши и книжилъ въ Семиградіи до своей смерти, послѣдовавшей въ 1660 году.

Въ № 8 Ж. М. Н. П. помѣщена статья г. Каринскаго о двухъ памятникахъ старого западно-руссаго нарѣчія,—лютеранскомъ катехизисѣ 1562 г. и католическомъ катехизисѣ 1585 г. Экземпляры указанныхъ книгъ находятся въ Петербургской публичной библіотекѣ. Г. Каринскимъ сдѣланъ фонетический и морфологический разборъ памятниковъ и приложенъ списокъ болѣе рѣдкихъ словъ.

Статья кн. Имеретинскаго „Дворянство Волынской губерніи“ (№ 8) указываетъ на то, какъ польская шляхта избѣгала вносить свои имена въ списки Россійскихъ дворянъ далеко позже жалованной грамоты 1785 г. и присоединенія значительныхъ частей бывшаго польско-литовскаго государства къ государству русскому. Указы 1800 и др. год. много спосабствуютъ такой регистраціи польской шляхты на Волыни. Г. Имеретинскій отмѣчаетъ, однако, уклончивость и неподатливость въ этомъ дѣлѣ волынскихъ дворянъ, но, говорить авторъ статьи, „не-отразимая и беспощадная сила исторического хода событий стала тверже подчинять своему вліянію польское дворянство, никогда добровольно не подчинявшеся ни требованіемъ разума, ни даже указаніямъ Промысла“ (349 стр.). Къ 1829 г. имена уже 7518 шляхетскихъ волынскихъ родовъ, приблизительно 30,000 человѣкъ, благодаря настойчивости правительства, были занесены въ списки Россійскихъ дворянъ. Послѣ такого болѣе или менѣе успѣшного веденія дѣла, намъ кажутся очень странными слѣдующія слова г. Имеретинскаго, полныя негодованія: въ итогѣ (въ 1829 г.) получится 30,072 лица, признанныхъ русскими дворянами, въ дѣйствительности же нисколько не переставшихъ враждебно относиться къ Россіи и всему русскому“ и т. д. (стр. 367). Но, вѣдь, само русское правительство и добивалось возможно полнаго, возможно скораго и правильнаго занесенія всѣхъ шляхетскихъ родовъ въ списки русскихъ дворянскихъ родовъ. Увеличеніе такого списка именно согласно „съ требованіями разума, даже указаніями Промысла“, наконецъ желаніями самаго г. Имеретинскаго, судя по тону его статьи... А тонъ, правду сказать, не научный и не объективный. Укажемъ въ видѣ образца на о бъясненіе, почему въ 1826 г. многие поляки подписывали свои фамиліи при дѣ-

лопроизводствахъ о дворянствѣ то по-польски, то по-русски, едва ли, конечно, скольконибудь освоившись съ русскимъ языкомъ. Г. Имеретинскій, говорить, что они это дѣлали „какъ будто подъ вліяніемъ ребаческаго каприза“. Едва ли тутъ было мѣсто ребаческому капризу...

И.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЫШЕЛЬ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

73-й ВЫПУСКЪ

(НАСОСЫ-НЕРСЕСОВЪ)

НАСТОЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ.

Изд. съ 44-го выпуска, т-ва А. Гранатъ и К°, бывшаго товарищества
А. Гарбелъ и К°.

Всё издање составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ по 13—14 вып. Вышло 72 вып. (5 томовъ и 2 вып. шестаго) до слова Насоновъ. Въ вышедшихъ выпускахъ помещено 59,508 статей и замѣтокъ, текстъ иллюстрированъ 1,090 портретами и рисунками, географическими картами, хромо и олеографіями, и таблицами рисунковъ. Съ пятаго тома для лучшаго ознакомленія съ величими произведеніями искусства прилагаются автотипическіе снимки ст картинахъ классическихъ художниковъ.

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ на обыкновенной бумагѣ 4 руб. 50 коп., на лучшей бумагѣ 6 руб.; цѣна выпуску на обыкновенной бумагѣ 30 коп., на лучшей бумагѣ 40 коп. За пересылку приплачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости. Учащи, учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышенна.

Гг. служаще въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятъ 3 руб. 60 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и 4 руб. 80 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначеемъ въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома изданія; затѣмъ уплачиваются ежемѣсячно, въ течевіе 12 мѣсяцевъ, по 1 руб. 20 коп. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и по 1 руб. 60 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. Расходы по пересылкѣ оплачиваются также ежемѣсячными взносами по 15 коп. для экземпл.

ва обыкновенной бумагѣ и 20 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. На последующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частные лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 вып. съ наложеннымъ платежемъ въ 1 руб. 50 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и въ 2 руб. для экземпляра на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ, или 2) каждые 2 или 3 мѣсяца—по переплетенному тому съ наложеннымъ платежемъ въ 4 руб. 50 коп. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и въ 6 руб. для экземпляра на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

сборника рѣшений Уголовного и Гражданского Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собрания Правительствующаго Сената.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей. Допускается разсрочка платежа въ два срока: 1 руб. при подпискѣ на газету, а остальные 3 руб. до 1-го апрѣля.

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 59, кв. № 1).

Программа: Передовая статья.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановлений отечественного и иностранного законодательства.—Статьи и заметки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Резолюціи кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія Правительствующаго Сената.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительствующаго Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекой, признанныхъ неспособными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣреностяхъ (Соватскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новые книги и отзывы о нихъ (бібліографія).—Объявленія.

Подписчики „Юридической Газеты“ въ 1893 году получаютъ сборники Кассационныхъ рѣшений за 1892 и 1893 года, т. е. всѣ тѣ рѣшения, кои выпускаются Правительствующимъ Сенатомъ въ 1893 году; подписчики же „Юридической Газеты“ въ 1894 году получать сборники Кассационныхъ рѣшений за 1893 и 1894 года.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ редакцію „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнѣмъ, такъ и административнѣмъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимися ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Сообщение справокъ о резолюцияхъ Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собрания Правительства. Сената производится въ „Юридической Газете“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и при томъ не болѣе 4-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдельному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ еще и стоимость телеграммъ.

2) Всевіа иныя справки и порученія должны быть оплачиваемы по взаимно-му соглашенію съ редакціей.

3) Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

4) Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и вѣнь поданы прошвие или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

5) Редакція „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Подписка на «Юридическую Газету» съ приложеніемъ въ 1893 году продолжается.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей сообщеніи и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлечения изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованіе факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книжкахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложения: университетские курсы профессоров и преподавателей; па; матники исторические и литературные съ научными комментариями и памагнини- вимъющіе научное значение и еще не обнародованыи.

Ученые Записки выходятъ периодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложенийъ.

Подписанная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать въ редакцію по 1 руб. 50 коп. Подписка прививается въ Правленіи Университета.

Редакторъ Ф. Мищенко.

Печатается по опредѣлению Совета Императорскаго Казанскаго Университета.

карти и выграль 1 р. зъ чимсъ. Получилъ я писмо зъ Ромна отъ род., что онъ 22-го мая виедеть въ Харковъ зъ Ромна. Вѣдомость подаль ключникъ, что въ пріемѣ его риби вялой было сули 8500, чабака 11300, короповъ 600, сомовъ 300, въ продажѣ сули 5200, чабакъ 10100, короповъ 600, сомовъ 280; принято грошей имъ же ключникомъ, за тууу рибу 73 р. и 10 ал., а на людяхъ неотданнихъ грошей 94 р. и 13 а. съ копѣйкою; въ росходѣ на работниковъ сули 2500, чабака 650, сомовъ 20, въ остатку 2000, подлой самой.

Понеделокъ. 22. Пашпортъ зъ канцелярии енер. получилъ ехать себѣ въ Харковъ, на 4 подводи почтовихъ. Петръ Михайловъ, подканцеляристъ колежскій, былъ у мене и просилъ о коня верхового, гнѣдого, которого оставилъ въ Глуховѣ для отдачи ему только въ той силѣ, чтобы мене взгляномъ Сивака обнадежиль, же ему всякие трудности отбувать, о чомъ къ господару Василеви Новѣцкому листомъ предложилъ. У ключника взялемъ 26 р., въ чомъ и росница на реестрѣ ученилась; зъ тихъ же грошей 10 р. далемъ Вѣживскому на росходъ. Генераль на водцѣ былъ зъ нѣкоторими членами у насъ. Въ інтересѣ род. писалемъ до Шаригина, чтобы забвенію не былъ преданъ. У Кошелева полковника былъ я, а пожекгнавши съ нимъ и Левенцемъ, заехали до сотника глух. и оттуду поехали въ путь свой зъ попомъ Астровскимъ, и пріехали въ Тулиг. на ночь.

Вовтор 23. Тутъ въ дворцѣ, по осмотрѣ, показалось гор. простой 4 куфи, а мешшихъ 6. Василецъ за воровство наказанъ. Господареви пунктовъ 6 далемъ и листъ до Писарева объ очистцѣ склепу; а поехавши зъ Тулиг., пріехали въ Мутинъ, где перевозились черезъ Сеймъ, стали на ночлѣгъ заразъ.

Середа. 24. Сегодня рано писмо отдалемъ перевозникамъ до о. ігумена Петропавловского монастыря зъ прошвиемъ, чтобы на перевозѣ людей моихъ безденежно пропущано. А мы поехавши, уехали миль зъ 4 и стали на обѣдъ при урочищи, называемомъ Кринички, куда пріехалъ къ намъ Несторовичъ зъ женою своею, и оттуду поехавши, прибыли въ Сиѣлое, где и ночовали.

Четвер. 25. Сегодня рано вставши, рушили и пріехали передъ обѣдомъ въ Роменъ, где родителку, братовую и. Андрѣевую, брата

Семена и пріехавшую ахтирскую полковницу застали и тутъ подпі-
якомъ. Карпъ Огіевичъ поехалъ въ Миргородъ сватать себѣ дочери
у Зарудного, которому отъ род. своихъ далемъ два дуката по 2
червонныхъ. Указъ состоялся монаршій въ тайномъ верховномъ со-
вѣтѣ: Петра Толстого, полковника п'єжинского лишить полку и ви-
слать зъ Малой Россіи въ московскіе деревни, его или отцои, зъ
женено и дѣтьми на житло, о чомъ зри юля 2-го числа, 1-го пумера.

Пятокъ. 26. Сего дня рано послалемъ двѣ писмѣ въ Глуховъ.
одно до господара, о присилцѣ гор. 12 куфѣ, такъ же и о томъ,
чтобъ никому въ дворѣ становитись и харчоватись не велѣлъ, развѣ
указъ родителевій албо нашъ привезетъ. Другое до Леонтія о при-
сланю обстоятелной вѣдомости о случаи нинѣшніомъ. Такъ же пи-
салемъ до швакра, Якова Полуботка, о прибитіи его сюда. Обѣ-
далисмо всѣ зъ гостми ахтирскими и капитаномъ Ситинимъ.

Субота. 27. Сего дня ездилемъ зъ Несторовичемъ на Засулле,
где зъ полковницею ахтирскою кушалисмо. На Засуллѣ видѣлемъ
куфи гор. зъ Глухова привезеніе 12, а давнихъ 3 куфи гор.
простой, одна на корхѣ не повна, а другая корховъ на 2 и пал-
цовъ на два, третая повна; оковитой гор. въ куфѣ большой корховъ
на 2 и палцовъ на два. Куфа бузовой не повна на корхѣ, куфа
сливовой повна, куфа вишневой не повна корховъ на 2 и палцовъ на 3.

Неделя. 28. Сего дня обѣдалисмо въ купѣ зъ гостми и п.
Яковъ Полуботокъ, а у вечеру ездилисмо на Засулле, куда и ро-
дитель отъ князя повернулся, где и ночовали.

Понеделокъ. 29. Сего дня рано ходиль я въ лазню, где вий-
шовши вомѣтовалемъ 3 раза, а по обѣдѣ гостѣ ахтирскіе и п.
Яковъ Полуботокъ отехали во свояси, которого опроважалисмо обое
и братовая п. Андрѣева до его квартери. Тамъже ему и табакерку
далемъ.

Вовтор. 30. Сего дня рано уговоръ зъ Засулцами здѣланъ, ко-
торіе мѣютъ гор. куфами отвозить въ Царицынъ, за каждую куфу
брать имъ по 40 каменей вагою, а камень по 7 шаг., которимъ
и деньги отъ мене дани, за 10 куфъ половиніе 140 зол. Двѣ
куфи гор. простой пересипани въ великую куеу, где еще было и

оковитой гор. на 2 корхы. Братовая и. Андреева поехала въ домъ свой въ Суми. У ваннѣ парились муравьями, по чомъ посыпало мене барзо.

Середа. 31. Сегодня рано службы Божой на Засуллѣ вислушавши, переехалисмо въ Роменъ, а родитель тамъ откушавши, поехалъ по футорахъ. Обискалось писмо, данное мнѣ отъ Горошинцовъ на футоръ Криворудскій.

Мѣсяцъ юнь. Четвер. 1. Сегодня явился чернецъ Глинскій, когдась у насть інспекторовавшій, а потомъ школи латинскіе у Бѣлагородѣ учившій. Обѣдалисмо сами и съ нами Несторовичъ зъ женою. Юско Сердюченко, мужикъ сухоносовскій, явился тутъ, которому отпустивші его до середи въ домъ дать казалемъ 1 р., а въ середу сюда явитись. Родитель пріехалъ зъ футоровъ, до которого и я ездилъ на Засулле, где отвечеравши повернулся въ городъ на ночь. Савку Савелієва, бывшаго писарчика при варницѣ, принялъ за слугу.

Пятокъ. 2. Вѣжевскому въ реестрѣ пріемномъ написано 24 р., въ числѣ мая 26-мъ, якіе далемъ ему. Писалемъ до стар. Сухонос., чтобъ Сердюченко не на середу, але на понедельникъ пріездилъ сюда. До Глухова 2 четвер. сули почтаремъ послано, черезъ котораго писалемъ до господара о висилцѣ гор. и о присилцѣ желѣза 3 пуд. До Александровскаго старости тожъ писалъ о присилцѣ желѣза отъ станка каретки, теперь привезенної, оставшагося. Отъ стар. сухонос. получилемъ писмо, что выбралъ въ дорогу подводи воловъ рабочихъ 70, а именно: зъ между купленныхъ 53, а зъ домашнихъ 17, и что человѣку Бѣлоусовскому даль за грунтъ задатку 10 зол.

Субота. 3. Сегодня рано пріехалемъ на Засулле, где и купалисмо всѣ, по обѣдѣ родителка поехала по футорахъ, а родитель и я поехали въ Вовковцѣ до генерала-лейтнанта фонъ деръ Роипа, где до ночи просидѣли, а позно въ ночь пріехали на Засулле; тутъ и почовалисмо.

Неделя. 4. Сегодня обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ пріехали зъ Глухова Галицкій и город. сотникъ. Публѣкація была о смерти

Государинѣ, а на вѣрность его імператорскому величеству присягано въ Глуховѣ.

Понеделокъ. 5. Сего дня полученъ листъ зъ Глухова отъ Янковскаго, въ якомъ означається, что принесені 2 указа монаршіе 17 мая зъ С. П. Бурху, зъ которыхъ въ одномъ написано, что будеть гетманъ и старшина енер. въ нась по прежнему, и збори отставлени будуть, кромѣ тихъ, якіе за Хмелницкаго гетмана и другихъ збырались, а другій обявляющи о преставленії ея величества государинѣ імператрици и чтобы на вѣрность его імператорскому величеству присягу виконали наши знатнѣйшіе въ Глуховѣ, а въ полки о томъ же при манѣфестахъ нарочніе присланни будуть зъ коллегіи малор.—Несторовичъ, сотн. роменскій, повернулся зъ Вовковецъ, оправдавши генерала-порутчика Роппа, который, мовить, сказывалъ о томъ же. Ездилемъ осматривать воловъ моихъ припроваженныхъ зъ Сухонос., которыхъ всѣхъ числомъ 70, а между тими своихъ доморослихъ 17, да потомъ ездилемъ на монастырище, где казалемъ тарадайку додѣлать и каретку новую переправить.

Вовтор. 6. Сего дня въ городѣ Ромнѣ службы Божиѣ слухалисмо; а обѣдали на Засуллѣ. Писалемъ писма до Янковскаго объ увѣдомленіи о тамошнемъ, а до господара о присылцѣ гор. сюда немедленно. Зъ Сухоновскии Юско Сердюченко пріехалъ и писмо отъ стар. далъ, въ якомъ требуетъ присылки грошей 300 зол. на заплаченіе новокупленного грунту у Бѣлоусовскаго человѣка, до которого отписалемъ, отдачу денегъ откладающи до моего пріезду туда.

Середа. 7. Сего дня обѣдалисмо тутъ и съ нами Несторовичъ, братъ Семенъ и проч. Родитель поехалъ въ Андреевку для зближенняся, къ полковой старшинѣ, чинякой разграниченіе токаровцамъ зъ пѣсковцями и футоромъ Галецкого. Милемся въ лазнѣ и кровѣ зашкурную пускалъ.

Четвергъ. 8. Сего дня на службу Божиу и на обѣдъ пріехалисмо въ городъ. Передъ вечеромъ поехалимъ быль въ Глуховъ, але на предмѣстю, стрѣвшиесь зъ капитаномъ гарнизону глух. Михайломъ Чарторийскимъ, посланнымъ въ полкъ лубенскій зъ указами, повернулемся назадъ.

Пятокъ. 9. Родитель повернулся зъ Андреевки и Луки въ Роменъ. Прежде помянутій капитанъ, бувши въ дому род., отдалъ родителю указъ зъ колегіи малор., зъ якихъ въ едномъ о преставленіи государинѣ и о наслѣдіи нынѣшнаго монарха, въ другомъ обѣ отставцѣ зборовъ опредѣленіемъ колегіи малор. по доношенію генерала-маюра Веляминова собиравшихся, а збирать тѣ, которое падлежать по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкого и якіе за бытности другихъ гетмановъ собирались, и что гетманъ и старшина въ Малую Россію вскорѣ мѣютъ быть опредѣлены, какъ въ договорахъ было Богдана Хмельницкого, о чомъ и особливый указъ зъ Сената, къ полковнику и старшинѣ полковой написанный, родителю же вручилъ; въ третемъ, что 12-го мая свѣтлѣйшій князь пожалованъ новимъ чиномъ генералиссимуса. Якіе всѣ указы оголосивши передомъ въ народъ, котлами войсковыми и болшимъ звономъ, читано передъ церквою, а по прочтеніи ввойшли въ церковъ, где родитель, потомъ я и протчіе всѣ присягу на вѣрность его імпер. величеству виконали, по семъ служба Божая совершалась, по службѣ было благодарственное молебствіе зъ трикратною стрѣлбою пушечною. При концу сеей церемонїи пріехаль зъ Глухова Покорскій, старшій канцеляристъ, зъ онор. канцеляріи зъ указомъ, то же самое оглашающимъ. Потомъ довольно персонъ кушали у род. при музыкѣ войсковой. Поехalemъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ у Сухого Ромна. Зъ Сухонос. пригнано 6 воловъ при листѣ старости, зъ якихъ трохъ велѣлемъ удержать и присовокупить до 70, а трехъ отправить назадъ, яко незгодныхъ въ дорогу, а листъ далемъ до стар. о томъ писанный и о боротнѣ и казанахъ на косарѣ потребный отвѣтуючій.

Субота. 10. Сегодня, зъ становиска вчорайшого рушивши, пріехали до кринички, где и обѣдъ кушалемъ, а по обѣдѣ пріехали до перевозу мутинского, где засталемъ капитана Новотроецкого полку Ладина зъ ротами того же полку переправляющагося, где я переправившись, пріехалемъ на ночь до пустинки мутинской.

Неделя. 11. Тутъ же въ пустинцѣ службы слыхалемъ и обѣдалемъ. Отцу Шахомію З р. далемъ и 2 гривни. По обѣдѣ поеха-

лемъ и пріехалемъ зараня до Тулиг., тутъ и почовалъ. Увѣдо-
мился, что въ пятокъ пойшли воловики зъ гор. въ Роменъ, а именно:
5 куфъ простой болшихъ, а шестая у 6 носатокъ, да 2 болихъ
оковитой, а въ Тулиголовахъ тилко въ одной куфѣ гер. 6 носа-
токъ, Стар. говорилъ, что Шрамко въ Сварковѣ купилъ ставокъ
близъ своего двора и на другомъ боцѣ огородъ у мужиковъ, Омел-
ченка и Шевца.

Понеделокъ. 12. Сегодня рано поехалемъ зъ Тулиголовъ и
пріехалемъ до Сваркова на обѣдъ, оттуду на ночь въ Глуховъ.

Вовторокъ. 13 Сегодня службы Божай слухалемъ у ст. Ана-
стасіи, а по службѣ быль у Кондзеровскаго и въ дому кушалъ, по
обѣдѣ были у мене протопопъ Глуховскій о. Свѣтайло и Григор.
Занковскій, потомъ ездилемъ до генерала маюра Веляминова и Ко-
шелеева, где и зъ п. судіною видѣлемся. Передъ смертю блажен-
ной памяти ея величества, за тиждень, Петръ Andr. Толстой и
синъ его старшій Иванъ и прочіе сослани зъ С. П. Бурху въ силку.
У господара отобралемъ купчіе, а одну Ясманскую непорадне со-
ставленную для поправки назадъ ему отдалемъ.

Середа. 14. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Левенецъ.
Господарь и ключникъ дали вѣдомость, что Федоръ, бывшій шин-
каръ, ясманскій остался виноватъ за напитокъ недоплаченыхъ 47
р. 27 а. Приказъ господару и ключнику далемъ меду мѣрницю да-
вать отъ 1-го июля въ шинки по 4 р., а не по 9 копѣкъ. Получи-
лемъ писмо отъ жени, что въ насѣцѣ роменской на Плавиницахъ
пчоли роевъ показалось 5, а старой 23, а такъ всѣхъ 28. Кровъ
зъ головной жили пускалемъ.

Четвер. 15. Сегодня рано господареви приказъ далемъ въ 13
пунктахъ и отехалемъ зъ Глухова, и пріехалемъ въ Мутинъ на
обѣдъ. Зъ Мутина писалемъ до отца протопопи глуховскаго о отцу
Никитѣ, вѣкарію сварковскому, дабы ему владѣть полемъ церков-
нимъ всѣмъ, а не половиною и отцу Гурію, чтобъ не допустить его
до того и тотъ листъ зъ конемъ строкатимъ булано, приставшимъ,
далемъ Валѣцкому, старостѣ мутинскому, отослать въ Глуховъ. Пере-
халемъ черезъ Сеймъ и уехавши миль зъ двѣ, у Кросенъ почовалемъ

Пятокъ. 16. Отъ ночлѣга вчорайшого сегодня поехавши на дорозѣ стрѣтился зъ Галецкимъ, сотникомъ полк. стар., и отъ обѣда становиско имѣль на Ромнѣ, а передъ вечеромъ прѣхалемъ въ Роменъ. Писмо отъ Федора Юрченка марта 12-го, еще зъ Астраханѣ отиравленное, получилемъ, въ якомъ пишеть, что лоцманъ поворовалъ болтовъ 2, кружъ до руля у полъ 3 пуда, дерева половину купленного на бракшиль за 4 р., блоковъ 5, полотна 110 аршинъ, да Гаврило далъ ему 65 р. а потомъ 15 р. денегъ моихъ.

Суббота. 17. Сегодня обѣдалемъ тутъ же и со мною Несторовичъ и Столповскій. Составляли экспедицію виправляющимся до Астраханѣ. Юско Зубко явился и подалъ члобитную, просячись на службу.

Неделя 18 Сегодня переехалемъ на Засулле и тутъ службы Божиѣ слухалемъ зъ судею новимъ луб., Несторовичемъ, Столповскимъ и отцемъ Евстафѣемъ. Писалемъ до Михаила Петрова, чтобы онъ въ С. П. Бурсѣ купилъ мнѣ млинокъ на кагве и табаку ревелскаго. Семенъ Бардакъ. Михайло Гавриленко зъ послушными себѣ Федоромъ Ясманскимъ и Романомъ Лисимъ, тако же и Юско Сердюченко, отправлены въ дорогу, первіе въ Астрахань зъ запасомъ, при которыхъ возокъ конний, а коней рижихъ 2, а 1 чалій, возвозъ воловихъ 15 зъ привоями ременными, воловъ 62, на которыхъ послано въ продажу гор. оковитой куеъ 2, а въ нихъ носат. 24, гор. простой куеъ 20, а въ нихъ носатокъ 262 и квартъ 32, особливѣ бариль 2 гор. простой жъ, носат. 84, масла перетопленнаго кухва неповна, вагою камень 18 безъ 10 фунт. зъ деревомъ, а дерево самое важить 4 пуда, тютюну кулей 25, а папушъ въ нихъ десять тисячъ, горѣлки вишневой переваруваной бариль 2 великихъ, а непереваруваной бариль 2, большое и меншое, дулевой барило великое, сливянной бариль 2, великое и малое. Семену далемъ для експенсовъ денегъ 30 червоннихъ и 10 р., а не въ зачотъ на дорогу далемъ Михаилу Гавриленку 3 р. Федору и Роману по 1 р. Юско Сердюченко посланъ съ ними жъ въ Царицинъ, откуду повернувшись мѣтть въ манычѣ за соллю ехать, на що ему далемъ 10 червоннихъ да 20 р. а ему неизвѣчотъ полъ 2 р., харчи

зъ ними дано: сухарей житнихъ кулей 9, муки гречаной мѣховъ 6, пшона мѣховъ 2, саль 2, до возовъ дано соѣтъ 4, долотъ 3, свердловъ 4, струговъ 2, шворней желѣзныхъ 12, списовъ 3, боклаговъ 7, мазницъ 7, стояновъ 3, и всякому зъ нихъ троихъ особливий приказъ данъ, которихъ екстрактъ на особливомъ паперѣ зде приложенъ. Далемъ Вѣжевскому на расходъ 6 р., что и въ реестрѣ записалемъ.

Понеделокъ. 19. Сего дня обѣдалемъ на Засуллѣ зъ попомъ Евстаѳіемъ, Несторовичомъ и Столпов. По обѣдѣ поехали и прѣехали на ночь въ Луку.

Вовтор. 20. Сего дня рано отправилъ я 2 писмъ въ Роменъ, 1) до Волинского, о его прїездѣ въ Сухоносовку и Перервинцѣ, а другое, до Семена Бардака о пѣвчомъ для Змѣюва невинайденномъ, хочай винайти и было старанне, дабы и онъ такъ ему въ Астраханѣ сказалъ и чтобъ винайшоль купить малчика колмичонка. Поехавши оттуду прїехали о полднѣ до Бѣлоцерковець села, куда будетъ миль зъ 5, откуду до Пѣратина у 2 милѣ отстоящего, оттоль до Короваювъ, у 2 милѣ отстоящего села, где не засталемъ родителя, толко самую родителку и жену.

Середа. 21. Сего дня рано пожеѣгнавши род., поехали и обое и прїехали въ село Перервинцѣ, отъ Короваевъ у 2 милѣ добрихъ отстоящее, где и заночовали и лежаче межи сухою Оржицею и Чумгакомъ. Тутъ воловъ нашихъ рабочихъ 21, назимковъ 2, свиней старихъ 12, малихъ 17, корова дойная зъ телямъ.

Четвер. 22. Сего дня рано ездилемъ до Сухой Оржицѣ, при которой и ставокъ, занятый цокойнимъ суддею дядкомъ, да тамъ же стѣнка ¹⁾ козака Ворони Перервинского: оттуду заездилемъ до яру Мехеевскаго, Худолѣемъ уступленного мнѣ, въ милю оттуду, въ верхъ сухой Оржицѣ и отъ села тако жъ, где молодий ханчикъ ²⁾ пустылься; оттуду прїехали до села, где и обѣдали. Мужикъ мой перервинскій Семенъ Каркушка явился, которому увойти

¹⁾ Небольшой яѣсокъ.

²⁾ Кустарникъ.

въ село строкъ положенъ до Петра святого. Мати Остапа Кучера явилась, которой далемъ полтину грошей. З р. старостѣ перервинскому казалемъ Вѣжевскому дать на расходы

Пятокъ. 23. Сего дня рано службы Божай вислушавши, поехалисмо зъ Перервина и уехавши милю, пріехали въ село Бѣлоусовку, где переехавши черезъ Чумгакъ, на греблю сотника пѣратинского, пріехали до Денисовки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тутъ черезъ ставокъ переехавши Ивановой лубенской, стали на обѣдъ, а по обѣдѣ поехалисмо и миль зъ 4 добрыхъ уехавши, пріехали въ Бурумку, где родителку застали; тутъ и почовалисмо.

Субота. 24. Тутъ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи отправилисмо, куда и братъ Семенъ пріехалъ зъ Кривой Руды, а передъ вечеромъ виехалисмо зъ Кривой Руды, родителка жъ и жена моя поехали на перевозъ Оржицкій, до футорей Криворудскихъ, а я, зъ братомъ Семеномъ, поехалисмо до Оржицѣ, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, где и заночовалисмо въ городка, у человѣка козака Артема тестя Сухомузкого.

Неделя. 25. Сего дня рано перевозясь черезъ рѣчку Оржицу, братъ Семенъ поехалъ въ Лубнѣ, а я до Лукомля, въ 2-хъ же миляхъ отстоящаго, ради видання зъ родителемъ, куда пріехалисмо передъ службою Божою, подчасъ чинившося публѣкацїи; по службѣ, у сотника обѣдалисмо, Мартина Кодинца. Ради великого дежчу, удержалася черезъ сей день тутъ. Козака Ворону перервинского отправилемъ въ домъ зъ листомъ до стар. о томъ, чтобъ увѣдомилъ мене, что по листу до сотен. пѣр. комиссаровъ писанномъ обѣ облегченіи людямъ моимъ учнилось, чтобъ увѣдомилъ же мене, сколько въ футорахъ сотника Кохна и проч., где и людей жилля суть, опредѣлено рацѣй, а Семену Каркушѣ, чтобъ онъ въ семъ мѣсѣцѣ перешоль въ село.

Понеделокъ. 26. Сего дня рано пожекнавши родителя, поехалисмо въ Лукомле и, переехавши черезъ Сулу, поехалисмо степомъ и прибылъ у футоръ род., зовемий Фастѣрскій, где и обѣдалисмо зъ родителкою, женою и братовою; тамъже по обѣдѣ пожекнав-

шись зъ род., розехалисмо, она изволила поехать къ Лубнямъ, а ми у футоръ свой криворудскій, где и заночовалисмо.

Вовтор. 27. Сего дня тутъ же прожилисмо, а на обѣдъ прѣѣхалъ Хоружій къ намъ пол. Жуковскій Василь и атаманъ горашинскій. У футоръ показалось зъ стаднimi коней дригантовъ 9, кобилъ всѣхъ 78, а всего того зъ протчимъ поголовемъ 210, а браку винято надъ сее число 18, товару рогатого бугаевъ 6, коровъ всѣхъ 86, воловъ робочихъ 4, а зъ другимъ поголовемъ будеть всего 216, а браку 13, овецъ всѣхъ 1057, козъ всѣхъ 121, коней ижджалихъ 81 и браку 8, о чомъ зде особливий приложенъ реестръ.

Середа. 28. Сего дня послалемъ Юска машталѣра въ Лубнѣ до родителя, зъ листомъ до доктора въ Гданскъ, о спораженню домовой аптечки писанимъ; до Желязя — о продажѣ 11 воловъ моихъ и о покупцѣ рѣчий, якимъ особливое приложенъ реестрикъ, а 2 въ аптеку о лѣкарствахъ, которихъ всѣхъ коція зде приложена, а до Іосифа Шимка приложенъ въ листѣ облѣкъ купца гданскаго задолжившагося за воли проданніе Яковомъ Дубровою наши на 440 зол. тамошней монети, чтобы онъ тіе деньги по облѣку доуравиль; до тихъ же воловъ На кормъ далемъ Шимкови 4 таляр. бытихъ и 2 р., о полученіи облѣка отвѣтствовалъ Шимко ко мнѣ. Передъ вечеромъ поехалисмо обое до Горошина, где и заночовалисмо у атамана тамошнаго, для вислушанія набоженства завтрашнаго дня праздничнаго.

Четвер. 29. Сего дня по службѣ Божій заездилемъ до гребль Горошинской, на которой клѣтка прадажная Галагана пол. прилуцкого, где только одно коло держится, а другого и третьего ступиного немашь, кромѣ ставидль. Юска Щербака молодика послалемъ до Перорвинець и оттолъ до Василя Тамари зъ листомъ, упоминаючись объ обѣщанную дичину живую и зъ картою объ отобранию должнихъ 18 р. Пріѣхалисмо знову у футоръ Криворудскій, где обѣдалисмо и ночовалисмо.

Пятокъ. 30. Сего дня были у мене горошинскіе жители Ілляшенко, Опанасъ ктиторъ, козакъ, Гарасимъ и проч., упоминаючись

объ учинение межи твердой, которимъ казалемъ, что въ осени учи-
нится заоръ по половинѣ, между новимъ нивѣшнимъ заоромъ и мо-
гилками до могили Столповахи. Поехалисмо зъ футора изъ дороги
писадемъ до Волинскаго в стар. Сухонос., чтобы они о томъ по вис-
шепомянутому учинили межование, а мы пріехалисмо въ Лубнѣ, изъ
Лубенъ въ Александровку, где засталисмо родителя, туда же и
родителка пріехала.

Мѣсяцъ Юль. Субота. 1. Сего дня обѣдалисмо вкупѣ, а по
обѣдѣ родитель поехалъ въ Сенчу за монаршимъ інтересомъ, ради
оконченія присяги, а мы тутъ и ночовалисмо.

Неделя. 2. Сего дня рано получилисмо вѣдомость о состояв-
шихся указахъ его імпер. в—ва, одиомъ 16-го мая, а другомъ
25-го, котоіе въ такой силѣ суть: первый указъ 1727-го году,
мая 12-го, его імператорское величество указали великороссійскимъ
всехихъ чиновъ людямъ въ Малой Россіи земель и грунтовъ не по-
купать, а малороссіанамъ продавать запретить, а котоія зъ вели-
короссійского народа до сего указа такія землѣ и грунта купили,
у тѣхъ взять къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ денги,
тѣбъ оттого Малороссійскому народу обидѣ небыло, а кто впредъ
сего указу изъ великороссійскихъ людей станутъ въ Малой Россіи
земли покупать, у тѣхъ брать безденежно и о томъ въ Малороссій-
скую колегію и къ генералной старшинѣ послать укази изъ сената.
Данъ въ нашомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ мая 9-го 1727 году.
Другій указъ зъ верхового совѣта въ сенатъ. Сего мая 25-го чис-
ла 1727 году, указали мы Петру Толстому въ Нѣжинскомъ полку
подковниковъ не быть и жить ему зъ женою и зъ дѣтьми въ ве-
ликороссійскихъ своихъ или отцовихъ деревняхъ, до нашего указу,
и для того ѿбо зъ женою и зъ дѣтьми изъ Малой Россіи вислать
немедленно и о томъ въ малороссійскую колегію нашъ указъ по-
ланъ и нашему сенату о висипеписсанномъ вѣдать. Данъ въ на-
шомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, мая 24, 1727 року.—Ездилемъ
зъ братомъ п. Семеномъ и Василемъ Глинскимъ до монастыря, где
по службѣ кушалисмо и потомъ отехалемъ и пріехалемъ на ночь въ
Сухоносивку, а ехадемъ кружно зъ монастыря до Тимокъ на Воронки.

Понеделокъ. 3. Сегодня въ Сухоносовцѣ осмотрѣлемъ и чоли своей, якой старой было 70, а роевъ теперь показалось 60 и того 130 чоли всей, да тутъ же корова 1. Орановскому попу 15 рунъ вовни дать казалемъ. Юско молодикъ повернулся зъ Кавраю отъ Тамари и привезъ пару гусей гилянскихъ, чили рачей Китайскихъ и пару курей карловъ персидскихъ. Обѣдалемъ зъ сотникомъ и атаманомъ Чорнускими и проч., а по обѣдѣ отехалемъ, а пріехалемъ къ Лохвицѣ, до гаю, где зъ п. Павловою увидѣвшись, а сокупившись зъ родителкою и женою, пріехалемъ позно въ Луку; тутъ засталисмо родителя и братовъ Луку и Ивана, зъ училищъ кіевскихъ пріехавшихъ.

Вовтор. 4. Где я увѣдомился о бывшой екзекуцїи въ маи и мѣсяцѣ, которую нѣкоторіе персони въ С. П. Бурсѣ понесли, а именно: Антонъ Девіеръ бить кнутомъ и сосланъ въ силку въ Сѣбѣръ, Петръ Толстой зъ синомъ Иваномъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, Иванъ Бутурлинъ лишенъ всѣхъ чиновъ и посланъ въ дальне его деревнѣ на житло, а деревень въ его не отнимать, Григорій Скорняковъ Нисаревъ лишенъ всего чина и чести и данныхъ деревень, бить кнутомъ и посланъ въ силку. Князь Иванъ Долгоруковъ отлученъ отъ двора и написанъ, понизя чиновъ, въ полки цоліовіе, Александръ Наришкинъ лишенъ чина, а жить ему въ деревнѣ безъ виезду. Андрей Ушаковъ опредѣленъ къ другой командѣ, куда належитъ, за тое, что они имѣли нѣкоторій умисль противъ високой персони его величества и хотѣли способъ къ получению наслѣдствія просѣкти и препятствуя сватовству на принцессѣ Меншиковой Обѣдалисмо многое зде, а по обѣдѣ поехали мы обое зъ Луки и пріехали на ночь въ Глинскъ, где и вечоралисмо у сотниковой.

Середа. 5. Сегодня рано родитель пріехалъ въ Глинскъ и присяга отправлена, а мы шожекнавши его и другихъ поехали и пріехали на обѣдъ къ Ромну, и обѣдали на Засуллѣ, зъ Несторовичомъ, а по обѣдѣ пріехалемъ въ городъ. Принесенъ указъ зъ колегіи малор. юна 28-го написанный, въ якомъ означено, что состоялся въ С.П.-Бурсѣ въ тайномъ верховомъ совѣтѣ указъ монаршій мая 26-го у ясневелможной и дѣтей ея отобрать маєтности тіе

которими прежніе владѣли гетманы и якіе вновъ пожалованы покойному гетману, а оставить только собственніе давніе и купленіе.

Четвер. 6. Черезъ Леска сторожа послалемъ до Шимка два дзикгарики, біонцій и другій простій; тогда же и карта покупокъ приложена: протупею и прот., съменъ разныхъ и прошку. Зъ Кривої Руди пригнано овець 60, да товару рогатого поголовя 13, и зъ Сухопосовки конь бѣлоногій, якій данъ быль для поездки старостѣ. Денисъ машталѣръ далъ карту на себѣ на респектъ зидающійся. Адамъ повернулся зъ Астраханѣ мая 28 го и привезлъ риби иголи 4000 и листъ отъ Кулика и Ангона о 50 р., позиченныхъ ими у Жидкова. Реестръ данъ коней продажнихъ Тарасу тако же и товару. Комисару пол. Данилу Савоску говориль обѣ облегченіе Переображенецъ. Писалемъ до родителя о томъ, чтобы написать до Шимка, жебы Желязъ послушенъ быль. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечеромъ, а ночевалемъ у Сухого Ромна.

Пятокъ. 7. Рано поехалемъ отъ ночлѣга и въ обѣда становиско имѣль у криничковъ, оттоль пріехалемъ въ Мутинъ, а ночевалемъ недоеждая Морозовки.

Субота. 8. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Ворголь, где и обѣдалемъ у Стефана Миклашевскаго. Ширай бунчуковый товаришъ Федоръ пріехаль зъ Астраханѣ. По обѣдѣ поехавши, заехалемъ до пасѣки, где засталемъ старой пчоли 162 уллѣ, а молодой 30 роевъ. Оттуду ехалемъ черезъ футерь Калюжновскій до Сваркова и оттоль на ночь въ Глуховъ, а ночевалемъ у ясновелможной зъ п. Михайломъ (Скоропадскимъ).

Неделя. 9. Обѣдалемъ у ясновелможной, по обѣдѣ быль у мене п. Михайло, потомъ ездилемъ до генерала, где позабавившись мало, повернулемся назадъ въ домъ свой. Полковникъ нѣжинскій бывшій Толстой пріехалъ въ Глуховъ. Писалемъ до родителя, обявляючи о себѣ.

Понеделокъ. 10. Гамалѣя сотникъ быль у мене рано. У ясновелможной съ протчими обѣдалемъ. По жито въ хуторѣ послалемъ по картѣ Васила Книша.

Вовтор. 11. Обѣдалъ у ясневел, и съ нами Василій Михайловичъ Иртишевъ. По обѣдѣ ездилемъ на Бѣлополовку и оттоль въ домъ пріехалемъ, где о. Островскій и Чуйкевичъ были и вечериали. Вѣжевскаго въ Сварковъ до господара посыпалемъ взглядомъ жита. Ясневел. подарила зъ Кучеревки жита 43, пополамъ зъ п. Михайломъ.

Середа. 12. Попъ Астровскій поехалъ въ Чернѣговъ, черезъ которого писалемъ до швакгровъ обоихъ зъ цедулою о нашемъ інтересѣ упоминающиє. Попа Сухоносовскаго отца Якима синови Евстафію далемъ писмо до архиерея въ Кіевъ о его посвященіи на тотъ же престолъ, где и отецъ его обрѣтається; черезъ него до род. писалемъ и жени. Полку нѣжинскаго значковіе арестуючіе двора ясневелмож. пріехали въ Глуховъ, а зъ Глухова поехалъ затимъ же Дубневичъ, а Костенецкій остался въ Глуховѣ.

Четвер. 13. Сегодня жидови Юдку далемъ шовку 5 лотовъ и 2 р., чтобъ ему на приидучомъ тижню здѣлать два шнурки зъ тясомками до двоихъ кунтушовъ и до лѣски ¹⁾ тасму зъ китицею и кутасомъ, за что все то есть за сребро и трудъ 5 зъ полтиною. Родитель пріехалъ зъ Ремна въ Глуховъ, быль у ясневел. и чевралисмо тамъже.

Пятокъ. 14. Антипа Соколовскаго сотника бакланскаго быто кнутомъ 63 раза за безчестіе, отъ его яко бы свѣтлѣйшому князю напесенное. Жита тутъ отобрали 48 четвериковъ, а такъ всего 90 четв. и 1 четверть. Получилемъ писмо отъ Юска Шимка о полученному имъ писмѣ моемъ и реестру покупокъ и принятихъ 2-хъ дзицкаркахъ черезъ Лоска сторожа Семен. 6 юл. Писмо получилемъ отъ отца протопопи глуховскаго о отцу Гурію, чтобъ сѣно, покошенное имъ, и житній засѣвъ собравъ въ безпечномъ мѣстѣ закрыть, а ему взять недопустить. Писалемъ въ Роменъ до господара и до Дуброви о посыпцѣ 100 зол. къ старостѣ Сухонос. на сѣно, а 30 зол. удержанцѣ у себѣ и о наймѣ 10 воловиковъ. Зъ С.П. Бурху пріехалъ куріеръ денщикъ свѣтлѣйшаго князя Челищевъ въ коллегію осмимъ днемъ, чтобъ отписаны были на его свѣтлость Шептаки и

¹⁾ Палка, трость.

Коропъ Тотъ же сказивалъ, что сенатъ разрушенъ, а остался толко тайний верховный совѣтъ зъ прибавленіемъ членовъ; тотъ же сказывалъ, что гетманомъ опредѣленъ миргородскій.

Субота. 15. Сего дня у ясневел. обѣдалисмо, по обѣдѣ ясневел. поехала зъ дочерю Уляною въ Гамалѣвку и п. Михайло Скоропадскій въ Сорочинцѣ, а я въ свою квартеру повернулся. Писалемъ въ Роменъ до Якова Дуброви о продажѣ вовни, тютюну и проч. и о покупцѣ юхтѣ, тясомъ тютюну, родзѣвиковъ, киндяковъ 10.

Неделя. Сего дня рано родитель поехалъ въ Гамалѣвскій монастырь, а мы тутъ по службѣ Божой обѣдали. Генералъ маіоръ Веляминовъ выехалъ зъ Глухова въ С.П.-Бурхъ, а ко мнѣ тако жъ и другимъ засядилъ прощаться.

Понеделокъ. 17. Сего дня рано прїехалъ род. зъ Гамалѣвки и обѣдалисмо въ себе. Яковъ пишеть черезъ Волинскаго, что продаль 6 товару рогатого за 18 р. Писалемъ до Якова на листъ его отвѣтующи, дабы онъ осталпий товаръ и конѣ отъ продажи присыпалъ сюда зъ Романомъ, а продалъ бы вовну по 2 а., а бранку и тютюнъ якъ возможна, а купилъ бы тамъ юхтѣ 3, цукру и рыжу. Волинскій прїехалъ и донесъ, что зъ горошинцями не учили помѣрковання, потому что они отложили тое до осени. Стар. Тулиголовскій сказывалъ, что у его роевъ 15, а всей пчоли 25, ему же позволили давать восатку гор. шинкареви тулиг. по 8 зол., а девятій золотий покуховного.

Вовтор. 18. Сего дня обѣдалисмо у ясневел. Писалемъ до Якова о присилцѣ станка до одноколки, якая спалнею здѣланъна. Получилемъ писмо отъ Василя Жуковскаго о его нуждѣ въ кошенню сѣна и на оное отписалемъ, черезъ сторожа глинскаго, что повелено, да чтобъ его же послалъ онъ въ Нѣжинъ, зъ пискомъ моимъ до Грановскаго за садовникомъ писанимъ, да приложиль и то, что онъ опредѣленъ въ товарищахъ Вѣляку до ревизїи сотень лу-комской и лохвицкой и о футоровѣ моемъ Криворудскомъ. Пригнано зъ Ромна непроданныхъ моихъ 3 воли, а четвертую корову. Указъ присланъ въ колегію малор. Коропъ и Шептаковскую во-лость отдать свѣтлѣйшому князю.

Середа. 19. Сего дня господарь доносилъ, что въ Уздецѣ всѣхъ роевъ зъ 50 есть. Боличову корову зъ телямъ отъ родителя отослалемъ, а другая осталась. Вѣдомо учинилось по указахъ зъ колегіи малор. въ полки посланныхъ, что опредѣленіе здѣжалось въ оной збирать зборы по силѣ указу зъ тайного верховнаго совѣту присланного, тѣ которое належатъ по пунктамъ Богдана Хмельницкого гетмана и якіе збыраны при бытности бывшихъ гетмановъ, о которихъ зборщики именно показали въ 722 году, о чомъ и инструкціи вновь до зборщиковъ, же мѣютъ прислатись, въ томъ же належачомъ указѣ означенно. Родитель отехалъ въ Роменъ, а мы у вечернѣ были у церкви судейской, где и ясневелможная была и Уляна Ивановна сестра. Маєтности въ полку кіевскомъ обрѣтаючіеся якими владѣла Мултанская княгиня зъ синами¹⁾, пожалованіи генералу атютанту его імпер. в.-ва Лопухину.

Четвер. 20. Сего дня обѣдалисмо у ясневел., а по обѣдѣ былъ я у Гречаного и Рудановскаго. У Рудановскаго при разговорѣ слизалъ, что въ колегію зборовъ денежныхъ збирается погодно по 90000 р.. по 100, по 110 и по 120 тысячъ р., а зъ хлѣбнимъ зборомъ и другими до 150 тысячъ.

П. Павловой кролевецкой²⁾ далемъ 2 червонныхъ, а 4 прежде Карпу далемъ, всѣхъ 6, оной же ключникъ далъ 5 р., итого 17 р., Указы отправлены въ полки зъ колегіи, чтобы арештъ зъ маєтности монастыря Гамалѣевскаго знято.

Пятокъ. 21. Получилемъ писмо отъ род., въ якомъ обявляеть, что имѣль разговоръ зъ Степаномъ Миклашевскимъ о свойствѣ зъ Андрѣемъ Лизогубомъ. Черезъ сторожа роменского послалемъ до род. указъ о зняттю арешту зъ маєтностей Гамалѣевскихъ и писма отъ ясневел. до род. и до князь Михайла Михайловича Голѣцина, и мои писма 2 до родителей и листъ до Якова Дуброви, о покупцѣ чайника мѣдного болшого и листъ до стар. сухонос. обѣ отданню грошей на церковъ Сухон. за млинъ. Ездилемъ у вечеру въ футоръ Калюжнов. и въ Сварковъ, где и заночовалемъ.

¹⁾ Княгиня Кантакузенъ

²⁾ Женѣ Кролевецкаго сотника Павла Огіевскаго.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(Приложение къ ст. Ю. Тиховскаго).

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(Приложение к ст. Ю. Тиховского).

Не лѣполи (=лѣпо ли) ны башетъ, | братіе, начати
старыми словесы | трудныхъ повѣстій
о пѣлку Игоревѣ, | Игоря Святъславича! [=?]
начати же ся ; тѣй пѣсни

по былинамъ ; сего времени,
а не по замышленію ; Бояню.

Боянъ бо вѣщій, | аще кому хотише | пѣснь творити,
то растѣкаштсѧ | мыслю по древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по земли, | шизымъ орломъ подъ облакы.
Помнашеть бо речь пѣрвыхъ временъ | усобицѣ;
тогда пущашеть | го соколовъ | на стадо лебедѣй,
который [=рѣм.?] дотечаше, | та преди пѣсь пояше, [:]
старому Ярославу, | храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю | предъ пѣлки Касожскими,
красному Романови | Святъславличу.

Боянъ же братіе, | не го соколовъ | на стадо лебедѣй ; вущаше,
и ны своя вѣщія | прѣсты | на живая струны | вѣскладаше;
они же сами | Княземъ славу | рокотаху:

Почнемъ же, братіе, | повѣсть сю
отъ стараго Владимира | до нынѣшняго Игоря;
иже истагнѣ умъ | крѣпостю своею,
и поострѣ | сердца своего мужествомъ,
неплѣнився ; ратнаго духа,
наведе ; своя храбрыя плѣкы
на землю половѣцкую | за землю Русскую.

Тогда Игорь въвѣрѣ | на свѣтлое солнце
 и виде отъ него тьмою | вся свои воя прикрыты,
 и рече Игорь къ дружинѣ своей:
 братіе и лужино! | лупежъ бы потату быти, неже полонену быти:
 а всиademъ, братіе, | на свои брѣзья комони | да позримъ синего Дону.
 Спала Князю умъ | похоти, [=похопи,?]
 и жалость ему | знаменіе заступи,
 искусити : Дону великаго.

Хощу бо, рече, | коніе приломити
 конецъ поля Половецкаго | съ вами Русици,
 хочу главу свою приложити,
 а любо испити | шелемомъ Дону.

О Бояне, | соловію стараго времени!
 абы ты | сїа плькы ущекоталъ,
 скача [славію] | по мыслепу древу,
 летая умомъ | подъ облакы,
 свивая славы [=славью?] | оба полы сего времени,
 рица въ тропу Троюню | чресть поля на горы
 Пѣти было | пѣсь Игореви, | того (Олга) внуку. [:]
 Не буря соколы занесе | чрезъ поля широкал;
 галици стады бѣжать | къ Дону великому;
 чили вѣспѣти было | вѣщей Бояне, | Велесовъ внуче! [:]
 Комони ржуть за Сулою; | звейнить слава въ Кыевѣ;
 трубы трубятъ въ Новѣградѣ; | стоять стязи въ Путивлѣ;
 Игорь ждетъ | мила брата | Всеволода.

И рече ему | Буй Туръ Всеволодъ:
 одинъ братъ, одинъ свѣтъ | свѣтлый ты Игорю,
 оба есвѣ : Свѧтъславичъ;
 сѣдлай, брате, свой | брѣзы комони,
 а мои ти готови, осѣдлани | у Куръска на переди;
 а мои ти Куряни | свѣдоми къ мети, [=къмети]
 подъ трубами новити, | подъ шеломы възлелѣни, конецъ конія
 въскрѣмлені,
 пути имъ вѣдоми, | яругы имъ знаемы,
 луци у нихъ напряжени, | тули отворени, | сабли изъострени,
 сами скачуютъ | акы сѣрыи вѣльзи въ полѣ,
 ищучи себѣ чти, | а Князю славѣ.

Тогда вѣстуши | Игорь князь | въ златъ стремень,
 и поѣха | по чистому | полю.

Солнце ему тъмою | путь застушаше;
нощь стонуща ему грозою | птичъ убуди; [,]
свистъ звѣринъ въ стазби; [=вѣста зби.]
дивъ кличетъ | връху древа,
велитъ послушати | земли незнаемъ,
влѣзъ | и по морю, | и по Сулю, [=и Поморю, и Посулю.]
и Сурожу, | и Корсуню,
и тебѣ; [,] Тынтораканъский блѣванъ;
А Половци неготовами дорогами | побѣгоща къ Дону Великому;
крычать тѣлѣгы полунощи, | рцы лебеди роспущени.
Игорь къ Дону | вои ведеть: [.]
уже бо бѣды его | насѣть итицъ; подобію [=подубію??]
влѣци грозу | вѣсрожатъ, по яругамъ;
орли клектомъ | на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ | на чрѣленыя щиты.
О руская земле! | уже за Шеломянемъ еси.

Дльго. Ночь иркнетъ, заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла, | щекотъ славій успе,
говоръ галичъ | убуди [=убуди. ?]
Русичи великая поля | чрѣлеными щиты прегородиша,
ищуши себѣ чти, | а Князю славы.

Съ заранія въ пятью шотопташа | ноганыи пльки Половецкыи;
и рассущаясь стрѣлами по полю, помчаща | крикныи дѣвки Половецкыи,
а съ ними злато, и шаволоки, | и драгыя оксамиты;
орѣтъями и япончицами, и кожухы | начаша мосты мостити
по болотомъ | и грязивымъ мѣстоимъ, |
и всякими узорчъи | Половѣцкими.
Чрѣленъ стягъ, | бѣла хорюговъ,
чрѣленъ чолка, | сребreno стружie
храброму | свѧтъславличю.

Дремлетъ въ полѣ | Ольгово храброс гнѣздо | далече залетѣло:
небылонъ [=не бы(о) онъ(о)?] | обидѣ порождено, | ни соколу, ни
кречету,
ци тебѣ чрѣный воронъ, | ноганыи Половчине.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ правитъ
къ Дону великому.

Другаго дни | велии рано | кровавыя зори | свѣтъ повѣдаются;
чрѣныя тучи | съ моря идутъ, | хотятъ прикрыти | солнца:

а въ нихъ трепещутъ | синіи млыніи,
быта грому великому, | итти дождю стрѣлами | съ Дону великаго:
ту ся копiemъ 'приламати, | ту ся саблямъ потручили | о шеломы
Половецкія,

на рѣцѣ на Каалѣ, | у Дону Великаго.

О Руская земль! | уже не Шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, | вѣютъ съ моря стрѣлами | на
храбрыя плѣкы Игоревы!
земля тутнетъ, | рѣкы мутно текуть; | пороси поля прикрываютъ;
стязи глаголютъ, | Половци идутъ | отъ Дона, и отъ моря, | и отъ
всѣхъ странъ,

Руския плѣкы : отстушиша.

Дѣти бѣсови кликомъ | поля прегородиша,
а храбрія Русици преградиша | чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ! | стоиши на борони,
прышеши на вои стрѣлами, | гремлеши о шеломы | мечи харалуж-
ными.

Камо Туръ поскочише, | своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежать | поганыя головы Половецкыя;
поскепаны саблями | шеломы Оварьскыя | отъ тебѣ Яръ
Туре Всеволоде.

Как раны [=ра^н=рана?] дорога, братіе, | забывъ чти и живота,
и града Чрънагова, | отня злата стола,
и своя миляя хоти | красныя Глѣбовны | свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, | минули лѣта Ярославля;
были плѣца Олговы, | Ольга Свѧтъславличя.
Тѣй бо Олегъ | мечемъ крамолу коваше, | и стрѣлы по земли сѣяше,
Ступаетъ въ златъ стремень | въ градѣ Тьмутороканѣ.

Тоже [=Тѣ же??] звонъ слыша | давный великий : Ярославъ сынъ
Всеволожъ: [=Всевол^о; ?]

а Владимиру : по вси утра | уши закладаше въ Черниговѣ;
Бориса же Вячеславича | слава на судъ приведе,
и на канину | зелену наполому постла,
за обиду Олгову, | храбра и млада князя.

Съ толже Каалы Святоплькъ | повелѣя отца своего
Междю Угорскыми иноходыцы | ко святѣй Софії къ Кіеву.
Тогда при Олзѣ Гориславличи | сѣяштесь и растиштесь усобицами;
погибащетъ жизнь | Даждь Божа внука,

въ княжихъ крамолахъ | вѣди человѣкомъ скратишасть.
 Тогда по Руской земли | рѣтко ратаевѣ книахутъ,
 нѣ часто враны граихутъ | труніа себѣ дѣляче;
 а галици свою рѣчъ говоряхутъ, | хотятъ полетѣти на уедіе.
 То было въ ты ратѣ, | и въ ты плѣкы; |
 а спѣ и [=сицей] рати | не слышано:
 съ зараніа до вечера, | съ вечера до свѣта | летять стрѣлы
 каленны;

гремлють сабли о шеломы; | трещать коніа харалужныя,
 въ полѣ незнаемѣ | среди земли Половецкыи.
 Чрѣна земля подъ копыты, | костьми была посѣяна, | а кровю польяна
 туюго взыдоша | по Руской земли.

Что ми шумить, | что ми звенить
 давечя рано | предъ зорями?
 Игорь плѣкы | заворочаетъ;
 жаль бо ему мѣла | брата Всеволода.
 Бишася день, | бишася другой:
 третьяго дни | въ полуднію падоша | стази Игоревы.
 Ту ся брата разлучиста | на брезѣ быстрой Камы.
 Ту кроваваго вина | недоста;
 ту пиръ докончаша | храбріи Русичи:
 сваты попоиша, | а сами полегоша | за землю Рускую.
 Ничѣть трава жалощами, | а древо стугою [=с туюго] къ земли
 преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала,
 уже пустыни | силу прикрыла.
 Вѣстала обида | въ силахъ Дажь-Божа внука.
 Вступилъ дѣвою | на землю Троянию | всплескала лебедиными крылы
 на синѣмъ морѣ | у Дону плещущи. | убуди жирни времена.
 Усобица Княземъ | на ноганыя погыбе,
 рекоста бо братъ брату: | се мое, а то моеже;
 и начиша Князи про малое, | се великое млѣвити,
 а сами на себѣ крамолу ковати:
 а ноганіа съ всѣхъ странъ | приходдаху съ побѣдами | на землю
 Рускую.

О! далече зайде соколь, птицъ бяя | къ морю:
 а Игорева храбраго плѣку | не крѣсити.
 За нимъ клику Карна | и Жля, по скоча | [=кар'ва и жла по-
 скочи?] | по Руской земли,

смагу мычючи | въ пламянѣ розѣ.

Жены Рускія | въсплакашась : аркучи: [=а ркучи:]
уже намъ своихъ миныхъ ладъ |

ни мыслю смыслити, | ни думою сдумати, | ни очима съглядати,
а злата и сребра | ни мало того потрепати.

А встона бо, братie, | Кіевъ тугоу, | а Черниговъ напастъмъ;
тоска разліяси | по Руской земли;
печаль жирна тече | средь земли рускыи;
а князи сами на себе | крамолу коваху;
а погані сами : побѣдами нарищуще | на Рускую землю,
емляху дань | по бѣлѣ отъ двора.

Тій бо два храбраи Святъславлича, | Игорь и Всеволодъ | уже лжу убуди,
которую то бяше усилъ | отецъ ихъ Святъславъ | грозный Великий
Кіевский.

Грозою башеть; | (притрепеталъ)
своими сильными плѣви | и харалужными мечи; | наступи на зем-
лю Половецкую;

притопта хлѣми и яругы; | взмути рѣки и озера; | иссухи потоки и
болота,

и поганаго Кобяка | изъ луку моря
отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, | яко вихрь выторже
и падеся Кобякъ : въ градѣ Кіевѣ, |

въ гридници : Святъславли.

Ту Нѣмци и Венедици, | ту Греци и Марава | поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ | во днѣ Канлы рѣки Половецкія,
Рускаго злата насыпаша.

Ту Игорь Князь высѣдѣ | изъ сѣдла злата, | а въ сѣдло Коціево;
уныша бо градомъ забралы, | а веселіе пониче.

А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: | (въ Кіевѣ на горахъ)
си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахуть?] ми, рече, | чръною
наполомою | на кроваты тисовѣ.

Чръпахутъ ми | синее вино | съ трудомъ смѣшено;
сыпахутъ ми | тѣщими тулы | поганихъ тльковинъ | великий жен-
чугъ на лоно,
и нѣгуютъ ми; | [:] уже дѣски безъ виѣса | вмоемъ теремѣ злато-
врѣсѣмъ.
Всю нощь съ вечера | босуви [=бѣсови??] врачи възграяху, | у Плѣснѣска
ва болони

бѣша дѣбрь Кисаню,

и не сошли къ синему морю.

И ркоша бояре Князю: | уже Княже | туга умъ полонила;
се бо два сокола слѣтѣста | съ отня стола злата, | поискати гра-
да : Тымуторокана,

а любо испити | шеломомъ Дону.

Уже соколома | крильца пришѣши | поганыхъ саблями,
а самаю опустоша [=опуташа?] | въ путини желѣзы.

небо бѣ : въ Тамоѣ день | два солнца помѣркоста,
оба багриная стльна | погасоста,

и съ нимъ молодая мѣсаца, | Олегъ и Святъславъ | тѣмою ся по-
волоскоста.

На рѣцѣ на Каилѣ | тьма свѣтъ покрыла:

по Руской земли | прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо | и въ
морѣ погрузиста,

и великое буйство | подастъ Хинови.

Уже снесеся | хула на хвалу;

уже тресну | нужда на волю;

уже врѣжеса | дивъ на землю.

Се бо Готскія ; красныя дѣвы | вѣспѣша на брезѣ | синему морю.
Звона Рускымъ златомъ, | поютъ время Бусово, | маѣютъ месть : Ша-
роканю.

А мы уже дружина | жадни веселія.

Тогда Великій Святъславъ | взрони злато слово | слезами смѣ-
шено, | и рече:

о моя сыновчя | Игорю и Всеволоде!

рано еста начали | Ноловецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ
славы искати.

Пѣ нечестно одолѣсте:

нечестно бо | кровь поганую проліясте.

Ваю храбрай сердца | въ жестоцемъ харалузѣ скована, | а въ буести
закалена.

Се ли створисте | моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти | сильнаго, и богатаго и много вои | брата
моего Ярослава

съ черниговскими былами,

и съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры,

и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.

Ти бо бес щитовъ | съ засапожники | кликомъ плѣкы побѣждайтъ,

звоначи | въ врадѣнью славу.

Нъ рекосте | му же имѣса [=мужаемъся] сами,
преднюю славу | сами похитимъ, | а заднюю [=задаю?] си | сами
подѣлимъ.

А чи диво ся братіе | стару помолодити?

Коли соколь | въ мытехъ бываетъ, | высоко птицъ вѣзбиваетъ;
не дастъ гнѣзда своего | въ обиду.

Нъ се зло | Княже ми не пособie; [=непособie]
на иначе ся | годины обратиша.

Се Уримъ [=у Римъ] кричатъ | подъ саблями Половецкими, | а
Володимиръ подъ ранами.

Туга и тоска | сыну Глѣбову.

Великый Княже Всеволоде! | не мыслю ти прелетѣти издале-
ча, | отня злата | стола ноблюсти? []

Ты бо можешъ Волгу | веслы раскроити, | а Донъ | шеломы выльти.
Аже бы ты былъ, | то была бы Чага по ногатъ, | а кощѣй по резанѣ.
Ты бо можешъ посуху | живыми шереширы стрѣляти | удалими
сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде, | не ваю ли злаченными шеломы | по
крови плаваша?

Не ваю ли храбряя дружины | рыкаютъ акы тури, |
ранены саблями калеными | на полѣ незнаемъ?

Вступита Господина | въ злата стремень | за обиду сего времени,
за землю Русскую, | за раны Игоревы, | буего Святславича!

Галички Осмомыслъ Ярославе | высоко сѣдиши | на своемъ
• | златокованнѣмъ столѣ.

Поднеръ горы Угорьскыи | своими же лѣзными плѣки,
заступинъ Королеви путь, | затвори въ [=затворивъ] Дунаю ворота,
мечи времены | чрезъ облаки, | суды ряда | до Дуная.

Грозы твоя | по землямъ текутъ; | оттвояши | Кіеву врата;
стрѣляши, | съ отня злата стола | Салтани за землями.

Стрѣллай господине Кончака, | поганого Кощея
за землю Русскую, | за раны Игоревы | буего Святславича.

А ты буй Романе и Мстиславе! | храбрая мысль | носить вѣсъ
умъ на дѣло.

Высоко плаваши | на дѣло въ буести,

Яко соколь | на вѣтрехъ ширяся,

хотя птицю | въ буйствѣ одолѣти.

Суги, бо у ваю | же лѣзными панорзи | подъ шеломы латинскими,

Тѣми тресну земля, | и многи страны хинова.
 Литва, Ятвязи | Деремела, и Половци
 сулици своя повръгоша. [=повергоша,] | а главы своя поклони-
 ща | подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже Княже : Игорю, | утрій солнцю свѣтъ,
 а древо не бологемъ | листвѣе срони:
 по Рсіи, | [по Рсіи] по Сули | гради подѣлиша;
 а Игорева храбраго пльку | не крѣсити.
 Донъ ти Княже кличетъ, | и зоветъ кнази : на побѣду.
 Олговичи храбрыи Князи | доспѣли на брань. [=на бранѣ?]
 Иаъгварь и Всеволодъ, | и вси три Мстиславличи, | не худа
 гнѣзда шестокрилци,
 непобѣдными жребіи | собѣ власти расхытисте? [.]
 Кое ваши златыи шеломы | и сулици Лицкіи ; и щиты!
 Загородите полю ворота | своими оstryми стрѣлами
 за землю Русскую, | за раны Игоревы, буего Святъславича.

Уже бо Сула не течеть | сребреными струями | къ граду Пе-
 реяславлю,
 и Двина болотомъ течеть | онимъ грознымъ Полочаномъ | подъ кли-
 комъ поганыхъ.
 Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ | позвони своими оstryми ме-
 чи | о шеломы Литовскія;
 притрепа славу | дѣду своему Всеславу,
 а самъ подъ чрълеными щиты | на кровавѣ травѣ | притрепанъ
 Литовскими мечи.

Искоти ю на кровать, и рекъ:
 дружину твою, Княже, | итицъ крилы пріодѣ, | а звѣри кровь по-
 лизаша.

Це бысь ту брата Брячислава, | ни другаго Всеволода;
 единъ же изрони | жемчюжну душу ; изъ храбра тѣла, | чресъ злато
 ожерелie.

Унылы голоси, | пониче веселie.
 Трубы трубить | городенъскіи.
 Ярославе ; и вси вище Всеславли
 уже понизить ; сязи свои,
 вонзить ; свои мечи вережени;
 ужъ бо высокотисте | изъ дѣней славѣ.
 Вы бо своими крамолами | начисте наводити поганыя | на землю
 Русскую, | на жизнь Всеславлю.

Которое бо бѣше насилие | отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Троини | връже Всеславъ жребій | о дѣвицу
себѣ любу.

Тѣй клюками подиръся о кони, | и скочи къ граду Кыеву,
и дотчеся стружіемъ | злата стола Кіевскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ | въ плѣночи, изъ Бѣла-гра-
да, | обѣсися синѣ мъглѣ,
утръ же возни стрикусы [=вѣ^хнѣк трикусы?] | отвори врата Нову-
граду, разшибе славу Ярославу,

скочи влѣкомъ | до Немиги съ Дудутокъ.

На Немигѣ сноны | стелють головами,

молотятъ чени | харалужными,

на тоцѣ животъ кладуть, | вѣютъ душу отъ тѣла.

Немизѣ кровави брезѣ | не бологомъ бихуть посѣянii,
посѣянii костыми | Рускихъ сыновъ.

Всеславъ Князь людемъ судѧше, | Княземъ грады рядаше,
а самъ въ ночь | влѣкомъ рыскаше;

изъ Кыева дорискаше | до Куръ Тмутороканя;

великому хрѣсови | влѣкомъ путь прерискаше.

Тому въ Полотскѣ позвониша | заутренюю рано | у Святых Софей
въ колоколы:

а онъ въ Кыевѣ | звонъ слыша.

Аще и вѣща душа | въ друзъ тѣлѣ, | и нѣ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщѣй Боянъ | и прѣвое прииѣвку | смысленый рече:

ни хытру, ни горазду, | ни птицю горазду, | суда Божіа не минути.

О! стонати Руской земли, | помянувше прѣвую годину, | и прѣвыхъ
Князей.

Того стараго Владимира | не лѣзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Кіевскимъ:
сего бо нынѣ | сташа стяги Рюриковы, | а друзіи Давидовы;
нѣ рози нося имъ | хоботы нашутъ, | коніа поють | на Дунаи.

Ярославныи : гласъ слышить: [=Ярославны мъ(=ми) гла с(и)
слышитъ?]

зегзацею незнаемъ [=незнаемъ?], | рано кычетъ:

полечю, рече, | зегзацею | по Дунаеви;

омочю | бебринъ рукавъ | въ Каялѣ рѣцѣ,

утру Князю | кровавыя его рабы | на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ | въ Чутивлѣ на забралѣ, | а рѣучи:
о вѣтрѣ! вѣтрило! | чemu Господише | насильно вѣещи?

Чему мычеши | Хиновъскыя стрѣлки | на своею не трудною крилцю, |
на моей лады вои?

Мало ли ти бяшетъ | горъ подъ облакы вѣти, | лелѣючи корабли |
на синѣ морѣ?

Чему Господине | мое веселіе | по ковылію развѣя?

Ярославна рано плачетъ | Путивлю городу на заборолѣ, | аѣркучи:
о Днепре словутцю! | ты пробилъ еси | каменные горы | сквозѣ
землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ | Святославли посады | до плѣку Кобякова:
вѣзлелѣй господине | мою ладу ко мнѣ, | а быхъ неслала къ нему |
слезъ па море рано.

Ярославна рано плачетъ | къ [=вѣ?] Путивль на забралѣ, | аѣркучи:
свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! | всѣмъ тепло | и красно еси:
чему господине простре | горячюю свою лучю | на ладѣ вои?
вѣ полѣ безводѣ | жаждею имъ лучи сѣриже, | тугою имъ тули
затче.

Прысну море полуночи; | идуть сморци мыглами;
Игореви Князю | Богъ путь кажеть
изъ земли Половецкой | на землю Рускую, | къ отню злату столу.

Погасоша | вечеру зари:

Игорь спить, | Игорь блитъ,
Игорь мыслю | поля мѣрить
отъ великаго Дону | до малого Донца. ||

Комонь | вѣ полуночи.

Овлуръ свисну | за рѣкою;
велить Князю | разумѣти.
Князю Игорю | не быть;
кликуну стукну земля; | вѣшумъ трава.

Вежися Половецкіи | подвизашася; [=подвизоша] а Игорь Князь поскочи | горностаемъ къ тростю, | и бѣлымъ гого-
лемъ на воду;

вѣврѣжеся на брѣзъ комонь, | и скочп съ него босымъ влѣкомъ, | и
потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мыглами | избивая гуси и лебеди, | завтраку,
и обѣду и ужинъ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ, | тогда Влуръ влѣкомъ потече, | труся
собою студеную росу;
претрѣгоста бо своя | брѣзая комоня.

Донецъ рече: | Княже Игорю!

не мало ти величія, | а Кончаку нелюбія, | а Руской земли веселія.
Игорь рече, | о Донче!

не мало ти величія, | лелѣявшу Князя на вльвахъ,
стлавшу ему зелїну траву | на своихъ сребрепыхъ брезѣхъ,
одѣявашу его теплыми мъглами | подъ сънію зелену древу;
стрежаше е гоголемъ на водѣ, | чайцами на струяхъ, | Чрънядьми
на ветрѣхъ.

Не тако ли, рече, | рѣка Стугна
худу струю имѣя, | пожръши чужи ручини, и стругы | растре на
кусту? [=рострѣ(на) на кусту, ?]

Уношу Князю Ростиславу | затвори Днѣпръ
темиѣ березѣ. | Плачется мати Ростислава | по уноши Князи :
Ростиславъ.

Уныша цвѣты жалобою, | и древо стугою [=с тѣгою] | къ земли
преклонило, [.]
а [А] не сороки втрескоташа. | На слѣду Игоревѣ | ъздитъ Гзакъ съ
Кончакомъ.

Тогда врани не граахуть, | галици помлѣкоша,
сороки не троскоташа, || и оловію ползоза
только, дятлове тектомъ | путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловіи веселыми иѣсьми | свѣтъ повѣдають.

Млѣвить Гзакъ Кончакови:
аже соволь къ гнѣзу летить, | соколича рострѣляєвѣ | своими зла-
ченными стрѣлами.

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
аже соколь къ гнѣзу летить, | а вѣ соколца опутаевѣ | красною
дѣвицею.

И рече Гзакъ къ Кончакови:
аще его опутаевѣ | красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца, | ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю итици | бити вѣ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на [=годынѣ??] Сватъслава
иѣстворца [=пѣтвѣрѣ а?] старого времени | Ярославля Ольгова |
Коганя хоти:

тяжко ти головы, | кроjѣ плечю;

Зло ти тѣлу, | кромѣ головы:

Руской земли ; безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ, | Игорь Князь вѣ Руской земли. [,] | Дѣ-
вици поютъ на Дунаи.

Въются голоси | чреэть море до Кіева.
Игорь ъдетъ по Боричеву | къ святѣй Богородици Пирогощей.
Страны рады, | гради весели,
пѣвша пѣсни старымъ Княземъ, | а потомъ молодымъ.
Пѣти слава | Игорю Свѧтъславлича.
Буй туре Всеволодъ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи ; и дружина,
поборая ; за христыяны
на поганыя плѣки.
Княземъ слава, | а дружинѣ [.]
Аминь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

1893 г.

НОЯВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1893.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
I. 50-ЛѢТНІЙ ЮВІЛЕЙ КІЕВСКОЇ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЇ КОМІССІІ	III—VI
II. ВОСПОМИНАНІЯ ЙОСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. (Продолженіе слѣдуетъ)	185—213
III. ПІСЬМА Г. Ф. КВІТКИ КЪ А. А. КРАЕВСКОМУ. (Про- долженіе слѣдуетъ)	214—222
IV. МУСИНЪ ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ 1414 г., КАКЪ ИСТОЧ- НИКЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ. А. В. Лонгинова	223—234
V. ТРИ ШЕЛЕСТА. (Изъ исторіи колеивщины). В. Щербины	235—240
VI. НАРОДНАЯ ПѢСНІ ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ ЗМІЙНЫМЪ ЯДОМЪ. Н. Ф. Сумцова	241—261
VII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОМОНА АКИМОВИЧА СОЛ- ТАНОВСКАГО. (Продолженіе слѣдуетъ)	262—279
VIII. ЧЕРНОКНИЖНИКЪ. (Изъ разсказовъ бабушки). К. Ванченко- Писонецкаго	280—297
IX. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПІСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕ- ТИКИ. 1750—1784 г.	298—316
X. КЪ РИСУНКУ. (Даръ гетьмана Мазепы гробу Господню). Князя Александра Дабицкаго	317—321
XI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Троцій. А. Л. б) Къ исторіи культуры. А. Л. в) Договоръ священника съ прихожанами сто лѣть назадъ. В. Г. г) Антифѣевка. Н. П. д) «Stabat mater dolorosa» въ народной поэзіи волынской губерніи. Ф. Кудринскій. е) Къ вопросу о порчѣ малорус- скихъ пѣсенъ. Ф. Кудринскій. ж) Письмо гр Кирилла Ра- зумовскаго къ матери. з) Мѣстечко Острополь Новоградъ- Волынскаго уѣзда Волынской губерніи. Николай Александ- ровичъ Компанскій.	222—242
XII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Жизнь и труды М. И. Погодина. К—цъ. б). Вниманію гг. любителей рыбной ловли. К—цъ. в) Ката- логъ военноучеваго архива главнаго штаба. Д. Багалѣй. г) Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатерино- славѣ, вып. I. Н. Б.	243—252
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. (стр. 161—176).	
2) Бібліографический указатель статей, помѣ- щенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе. 81—96	
3) РИСУНОКЪ: Даръ гетьмана Мазепы гробу Господню.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—16

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЬСЯЧНИЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

— — —

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1893 г.

— · · · —

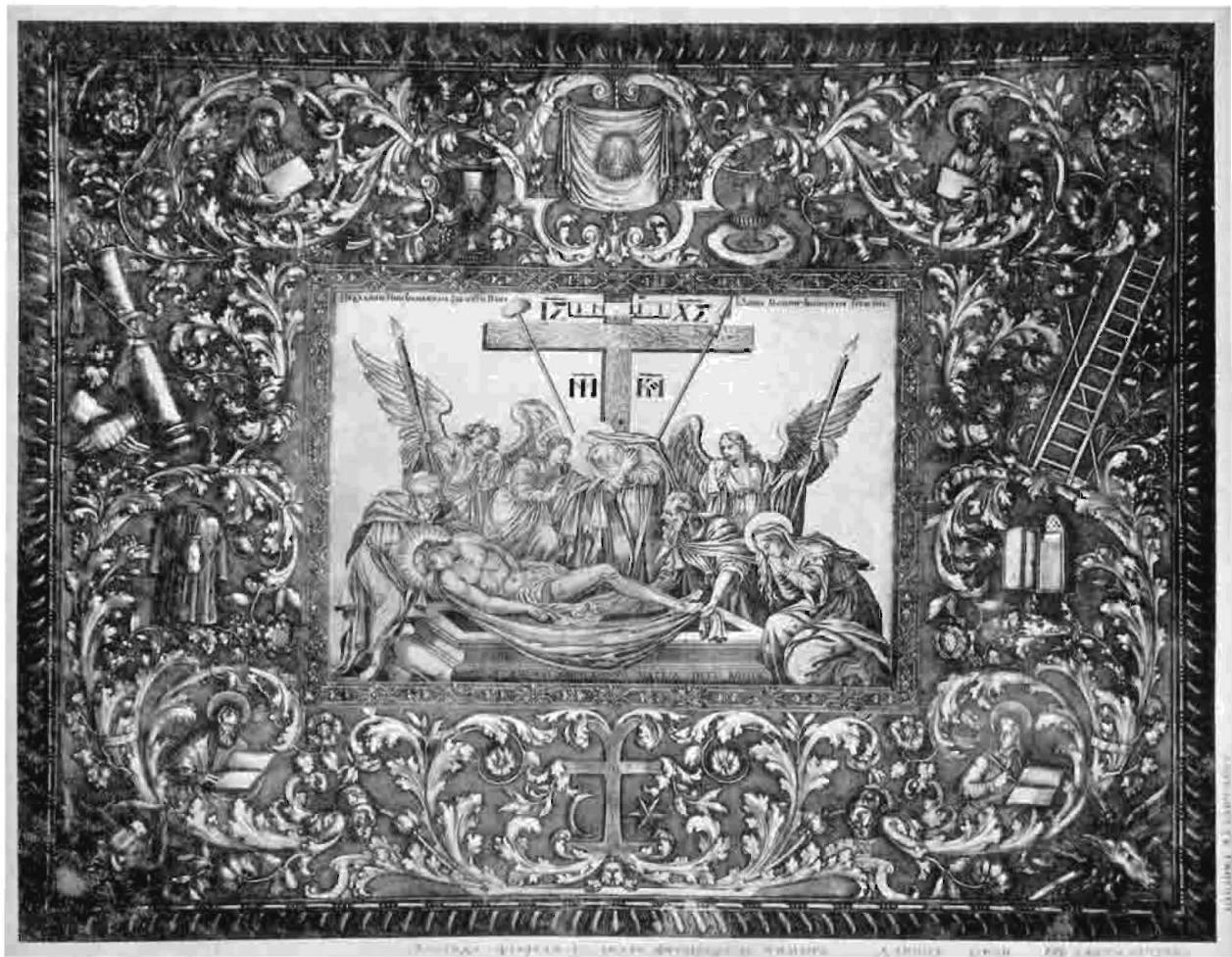
КІЕВЪ.

Гілографія Г. Т. Морчакъ-Новицкаго, Михайлівская улица, д № 4

—

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 ноября 1893 года.

Даро Бенмана и Музена Грабу Геснодомор.

50-ЛѢТНІЙ ЮБІЛЕЙ КІЕВСКОЇ АРХЕОГРАФІЧЕСКОЇ КОМІССІЇ.

19 ноября исполняется 50 лѣтъ со времени открытия въ Киевѣ Археографической Коммиссії. Для нашего южно-русского края юбилей этотъ имѣеть особое значеніе—это юбилей начала серьезной, научной разработки южно-русской исторіи. Только съ основаніемъ комиссії сдѣлались доступными многіе памятники, были привѣдены въ большую или меньшую извѣстность южно-русские архивы, главнымъ образомъ, архивъ правобережной Украины, основанъ въ Киевѣ центральный архивъ, привлечены были люди, которые впослѣдствіи такъ много и такъ плодотворно потрудились надъ изученіемъ судебъ края: съ именемъ, вѣдь, Киевской Археографической Коммиссії связаны и такія имена, какъ Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка, не говоря уже о многихъ другихъ. Поэтому мы съ особымъ чувствомъ глубокой признательности привѣтствуемъ своего старшаго собрата съ наступающимъ полустолѣтнимъ юбилеемъ его, помня хорошо, что и изданіе „Кievской Старины“ явилось необходимостью благодаря, главнымъ образомъ, предшествующей дѣятельности Киевской Археографической Коммиссії въ связи съ Санктпетербургской.

Кievская Археографическая Коммиссія открыта, благодаря стараніямъ генераль-губернатора Д. Г. Бибикова, который горячо принималъ къ сердцу интересъ изученія южнорусской исторіи и вообще южно-русской жизни и ея особенностей. Какъ только она была утверждена, былъ предпринятъ цѣлый рядъ экскурсій, заведена переписка съ присутственными мѣстами съ цѣлью ознакомиться,

какъ съ состояніемъ, такъ и съ содержаніемъ разныхъ архивовъ, казенныхъ и частныхъ; при чёмъ не былъ забытъ и лѣвый берегъ Днѣпра: и здѣсь справлялись объ архивахъ, интересуясь, главнымъ образомъ, архивомъ Румянцева, какъ правителя Малороссіи.

Результатомъ дѣятельности комиссіи было и сосредоточеніе въ Кіевѣ документовъ по исторіи юго-западнаго края въ основанномъ ею же Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Она хорошо понимала, что серьезная научная разработка исторіи возможна тамъ, гдѣ соединено много разнообразнаго матеріала, дающаго возможность къ широкой постановкѣ и къ широкому освѣщенію извѣстнаго вопроса, и она, конечно, не ошиблась: послѣдующіе труды, изданные комиссіей и основанные на документахъ Кіев. Центр. Архива, служать лучшимъ этому доказательствомъ.

Основанная Д. Г. Бибиковымъ комиссія продолжала свое дѣло и послѣ его ухода. Проходили годы, смѣнялись люди, а комиссія продолжала свою трудную работу, и по поводу ея пятидесятилѣтія нельзя не вспомнить добрымъ словомъ какъ ея основателя, такъ и всѣхъ дѣятелей, работавшихъ въ ней или ей помогавшихъ.

Главными дѣятелями комиссіи за все время были: М. А. Максимовичъ, много сдѣлавшій и потрудившійся для комиссіи, какъ членъ учредитель; Н. Д. Иванішевъ, бывшій главнымъ дѣятелемъ въ комиссіи со дня ея основанія по 1865 годъ. Онъ принималъ участіе въ археологическихъ экспедиціяхъ, дѣлалъ археологическія раскопки, принималъ участіе въ разработкѣ и изданіи матеріаловъ Кіевскаго центральнаго архива, считался главнымъ редакторомъ изданій комиссіи. Благодаря его старанію, изданія эти съ 1859 года принимаютъ систематической характеръ въ видѣ Архива юго-западной Россіи, который продолжается и до сихъ поръ. Съ 1863 года начинается дѣятельность въ комиссіи В. Б. Ап-

тоновича, и время его участія тамъ, сначала въ качествѣ сотрудника, затѣмъ въ качествѣ главнаго редактора, было самымъ оживленнымъ и самымъ плодотворнымъ временемъ въ дѣятельности Кіевской археографической комиссіи. Въ 80-хъ годахъ В. Б. Антоновичъ сложилъ съ себя званіе редактора, хотя и до сихъ поръ продолжаетъ принимать участіе въ качествѣ члена комиссіи и сотрудника ея, подготавляя къ изданію новую серію актовъ. Послѣ В. Б. Антоновича редакторомъ изданій сдѣлался проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, и подъ его руководствомъ комиссія продолжаетъ свою плодотворную работу, подготавляя къ изданію нѣсколько серій новыхъ актовъ и привлекая къ сотрудничеству новыхъ работниковъ.

Предсѣдателями Кіевской Археографической комиссіи въ теченіи 50-ти лѣтъ были: Н. Э. Писаревъ (1843—1848), при которомъ предпринимались многочисленныя экскурсіи по краю для собиранія историческихъ материаловъ и археологическія розысканія; М. О. Судіенко (1848—1857), во время предсѣдательствованія котораго былъ выработанъ проектъ учрежденія въ Кіевѣ центрального архива и происходили энергические поиски въ архивѣ черниговскаго губ. правленія; затѣмъ слѣдовало долголѣтнее предсѣдательство М. В. Юзефовича (1857—1889) ознаменованное расширеніемъ и оживленіемъ дѣятельности Комиссіи, выработкою нового, болѣе раціонального плана ея изданій, подъ общимъ названіемъ „Архива Юго-Западной Россіи“, коимъ она руководствуется, и понынѣ увеличеніемъ, по ходатайству М. В. Юзефовича материальныx средствъ и привлечениемъ къ участію въ ея трудахъ новыхъ полезныхъ дѣятелей. Наконецъ съ 1889 г. предсѣдателемъ состоить попечитель Кіевского Учебнаго Округа, почетный членъ Академіи В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, подъ руководствомъ котораго Комиссія съ успѣхомъ продолжаетъ свою плодотворную дѣятельность.

Благодаря трудамъ комиссії появился цѣлый рядъ изданій ея, а именно:

Памятники комиссії—4 тома (изд. 1845, 46, 52 и 59 гг.).

„Древности“, археологич. изд. 1846 г.

Лѣтопись С. Величка, въ 4-хъ томахъ (1848, 1851, 1855, 1864 г.)

Лѣтопись Гр. Грабянки (1853 г.)

Лѣтопись Самовидца (1878 г.)

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторії Южной и Зап. Россіи (1888 г. ред. Антоновича).

Сборникъ матеріаловъ для историч. топографії Киева (1874 г.)

Жизнь кн. А. М. Курбского въ Литвѣ и на Волыни (1849 г.) 2 тома

Архивъ юго-зап. Россіи—до сихъ напечатано 31 томъ.

Указатели къ изданіямъ ком.: т. I (личныя им.), т. II (географ.).

И этого голаго перечня достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о дѣятельности археографической комиссії за 50 лѣтъ ея существованія. Особенно много исторического матеріала даетъ Архивъ юго-западной Россіи, каждый томъ которого сопровождается обширнымъ введеніемъ, являющимся обыкновенно солиднымъ изслѣдованіемъ того или другого вопроса въ области южно-русской исторіи. Благодаря Архиву, мы познакомились съ судьбами православія въ Западной Руси, съ устройствомъ западно-русской церкви; внесены свѣтъ въ вопросъ о казачествѣ, сдѣталось яснымъ явленіе гайдамачества; значительно раскрыта исторія городовъ, юридического и экономического положенія крестьянства; затронута исторія шляхетства, вопросъ о заселеніи юго-западной Россіи—словомъ, затронутъ и, по возможности, освѣщенъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи юго-западного края. Здѣсь, въ Киевской комиссіи, повторяется опять же та же самая история

рія, и на почвѣ, подготовленной ею, создалась и „Киевская Старина“, поставившая себѣ однородная съ комиссіей цѣли: по возможности, содѣйствовать раскрытию прошлой исторіи малорусскаго народа, изученію его особенностей, его міросозерцанія и пр. Оглядываясь на прошлое Киевской Археографической Коммиссіи, „Киевская Старина“ желаетъ ей и въ будущемъ серьезной, спокойной, беспристрастной и плодотворн. дѣятельности на пользу науки...

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Киевская Старина“ позволяетъ себѣ высказать и нѣкоторыя свои желанія, которые стоять въ тѣсной связи съ дѣятельностью археографической комиссії.

1) Мы думаемъ, что комиссії необходимо расширить районъ своихъ изслѣдованій, распространивъ ихъ на весь кіевскій учебный округъ, т. е. включить и лѣвобережную Украину (черниговскую и полтавскую губерніи). Исторія ея, вѣдь, органически связана съ исторіей правобережной Украины: здѣсь находятся ея корни. Населена лѣвобережная Украина выходцами изъ праваго берега, оттуда она заимствовала свои учрежденія, юридические обычаи; подъ вліяніемъ правобережныхъ обычаевъ создавался земельный и экономический строй послѣ Богдана Хмельницкаго. При изслѣдованіи лѣвобережной Украины, многое, можетъ быть, было бы иначе понято и въ исторіи Украины правобережной. Препятствій къ такому расширенію, конечно, встрѣтиться не можетъ.

2) Археографической комиссії, думается намъ, слѣдуетъ возобновить опять собираніе свѣдѣній о южно-русскихъ архивахъ и, по возможности, принимать мѣры къ ихъ сохраненію и, если можно, къ сосредоточиванію ихъ въ Кіевѣ въ центральномъ архивѣ. Назрѣло время расширить этотъ архивъ, обеспечить болѣе прочно его существованіе, устроить самостоятельный кіевскій центральный архивъ, въ родѣ московскаго архива министерства юстиціи, и сосредоточить въ немъ все главнѣйшее, что можетъ имѣть отношеніе къ исторіи Малороссіи и юго-

западнаго края. 50-лѣтній юбилей комиссіи мы считаемъ самыи удобнымъ временемъ, чтобы поднять этотъ во-просъ, и комиссія, какъ кажется, сама близко подходитъ къ нему: благодаря ея просвѣщенному предсѣдателю, воз-бужденъ, напримѣръ, вопросъ о передачѣ въ кіевскій центральный архивъ архивовъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ. Если бы удалось расширить кіевскій центральный архивъ, необходимо было бы употребить все возможныя усилія, чтобы возвратить въ Кіевъ черниговскій отдѣль Румянцевской описи, большую часть до-кументовъ, взятыхъ изъ Малороссіи въ московскій архивъ министерства юстиції, и, главнымъ образомъ, архивъ генеральной канцеляріи, дѣла которой имѣютъ органиче-скую связь со всѣмъ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, ко-торый хранится въ Кіевѣ. Въ Харьковѣ архивъ генераль-ной канцеляріи попалъ случайно, не имѣть съ нимъ органической связи и затѣмъ, будучи разрозненъ съ дру-гими архивами, представляеть большія затрудненія въ разработкѣ вопросовъ исторіи лѣвобережной Малороссіи.

3) Еще одно желаніе, косвенно, правда, касающееся археографической комиссіи, но все же стоящее въ связи съ ея дѣятельностью. Это давно трактуемый въ Кіевѣ вопросъ объ устройствѣ музея на подобіе московскаго Ру-мянцевскаго. Объ этомъ давно уже созрѣла мысль, назрѣла и потребность, изъявляется и готовность отдѣльными ли-цами пожертвовать свои коллекціи, собранія, библіотеки— все дѣло заключается въ средствахъ, въ устройствѣ помѣ-щенія. Желательно, чтобы по поводу 50-лѣтняго юбилея археографической комиссіи опять былъ выведенъ изъ заб-венія этотъ вопросъ. Кто знаетъ, можетъ быть и найдутся меценаты, которые достойнымъ образомъувѣковѣчатъ полуостолѣтній любилей плодотворной дѣятельности кіевской археографической комиссіи и подарятъ музей Кіеву...

ВОСПОМИНАНИЕ ЙОСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

V.

Невская семинария.—Ярофаловъ и Смирновъ.—Мои сочиненія.—Мысль объ увольненіи изъ семинаріи.—Зосича.—Я комнатный старшій.

Когда мы появились на дворѣ Невской семинаріи, настѣ стали распредѣлять по комнатамъ. Меня привели въ комнату, въ которой помѣщались ученики философіи. Она мнѣ показалась какимъ-то темнымъ, нечистымъ сараемъ съ множествомъ учениковъ. Кровать мою поставили у самаго порога, близъ бочки съ водою. „Боже мой! куда я попалъ?“ думалъ я. Но въ тотъ же день явился мнѣ утѣшитель въ лицѣ соученика Ярофалова, знакомаго съ семействомъ Державина, но не знавшаго еще меня; онъ, подговоривъ товарища Смирнова, самъ съ нимъ перенесъ мою кровать въ другую ближайшую комнату, которая была поменьше и посвѣтлѣе, и въ которой помѣщался нашъ комнатный старшій. Въ тотъ же день я былъ въ столовой, еще болѣе обширной и загрязненной палатѣ, гдѣ сидѣло до 300 душъ обѣдавшихъ учениковъ. О пищѣ и говорить нечего,—она была гораздо хуже и скучнѣе нашей. Недаромъ прежде знакомые намъ пучки по праздникамъ приходили къ намъ въ армейскую нашу столовую лакомиться нашими пирогами, которыхъ у нихъ вовсе не бывало.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1893 г., № 10.

На другой день я пришелъ въ философскій классъ, темный и тѣсноватый по числу помѣщавшихся въ немъ учениковъ числомъ до 80. Я стоялъ у порога, пока пришелъ инспекторъ, профессоръ архимандритъ Поликарпъ. Онъ, по какому-то соображенію, велѣлъ мнѣ сѣсть первымъ во второмъ ряду партій. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его лекцію по исторіи философскихъ системъ, съ весьма понятнымъ объясненіемъ, и тогда же узналъ, что Суворовъ преподавалъ намъ философію совсѣмъ не такъ хорошо. Послѣ непріятныхъ впечатлѣній, какія произвела на меня Невская семинарія въ ея спальняхъ, классѣ и столовой, мнѣ вскорѣ пришлось увидѣть и одежду, построенную казеннокоштнымъ ученикамъ, а съ ними и намъ армейцамъ. Это были куртка и панталоны, пошины изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья совсѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣночъ, благо оставалась у меня цѣлою одежда армейской семинаріи.

Горюя о нашемъ переводѣ, мы, армейцы, собирались въ укромное мѣсто и тамъ плакали, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ. Занятія мои по предмету философіи въ Невской семинаріи были для меня трудноваты, потому болѣе, что исполняю текущіе уроки по этому предмету, который читался здѣсь гораздо обширнѣе, я долженъ былъ списывать для себя и заучивать прежде пройденное здѣсь въ продолженіе года. Первое мое сочиненіе, поданное Поликарпу, заслужило его одобрѣніе, вслѣдствіе чего мои соученики стали смотрѣть на солдата повѣжливѣе. Не смотря на это, я продолжалъ скучать въ семинаріи и думалъ, было, подобно моему товарищу Андріанову, поступить въ медицинскую академію, для чего уже выучилъ лобную кость, но, почувствовавъ отвращеніе къ вскрытию труповъ, рѣшился вовсе уволиться изъ семинаріи и поступить писцомъ въ какое-нибудь присутственное учрежденіе. Когда я сказалъ обѣ этомъ моемъ намѣреніи Державину, онъ отвѣчалъ: потерпи, учись—и ты будешь въ духовной академіи. Нечего было дѣлать, я продолжалъ учиться и находилъ себѣ отраду въ дружбѣ Ярофалова и Смирнова. Между тѣмъ мѣсяца черезъ 3

произошла перемѣна въ начальствѣ семинаріи, послужившая къ улучшенію моего положенія. Ректоръ Иннокентій былъ возведенъ въ сань епископа пензенскаго; на мѣсто его ректоромъ поступилъ инспекторъ Поликарпъ, а инспекторомъ сдѣланъ изъ бакалавровъ академіи магистръ Зосима. Послѣдній, не зная различія между невцами и армейцами, относился ко всѣмъ одинаково. Послѣ поданнаго ему мною сочиненія онъ обратилъ на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что при осмотрѣ ученическихъ комнатъ всегда заставалъ меня или за писаньемъ, или за уроками. Можетъ быть, и комнатный старшій хорошо отзывался ему о моемъ поведеніи. Когда бывшій комнатнымъ старшимъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи ученикъ богословія былъ убитъ въ городѣ, Зосима рекомендовалъ меня на его мѣсто, и я сдѣланъ старшимъ. Въ новомъ моемъ помѣщеніи я безпрепятственно могъ заниматься моимъ дѣломъ,—дѣти при мнѣ вели себя тихо. Инспекторъ, часто посѣщая учениковъ, заставалъ меня при моихъ занятіяхъ, входилъ въ мое положеніе и давалъ совѣты, какъ я могу лучше приготовиться къ предстоявшему экзамену.

Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, ревизовалъ въ невской семинаріи окончившихъ курсъ и учениковъ философіи. По окончаніи ревизіи онъ самъ назначилъ къ поступленію въ академію трехъ учениковъ изъ богословія и двухъ изъ философіи; если бъ я не заслуживалъ такого же назначенія, онъ не могъ бы избрать меня, такъ какъ я подлежалъ армейскому вѣдомству. Вакацію я провелъ у Державина, а затѣмъ опять долженъ былъ отправиться въ Невскую семинарію. При прощаніи Державинъ сказалъ мнѣ: „ты уже принять въ академію“. Это ему легко было сдѣлать, стоило только сказать митрополиту Михаилу, и тотъ принялъ меня въ число академистовъ. Самъ секретарь академіи—профессоръ Райковскій пришелъ за мною въ семинарію и провелъ меня въ академію.

VI.

Иннокентій и Филаретъ.—Сказанія о нихъ современниковъ.

Я хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ о бывшемъ ректорѣ, знаменитомъ Иннокентіи. Это тотъ самый Иннокентій,

который былъ ревизоромъ въ армейской семинаріи. Онъ, какъ и Филаретъ, получилъ образованіе въ московской Троицкой семинаріи, а, можетъ быть, былъ и соученикомъ его; какъ Филаретъ, онъ былъ любимцемъ митрополита Платона, который вслѣдъ за Филаретомъ вытребовалъ его въ Петербургъ для занятія должности баккалавра въ 1-мъ курсѣ петербургской академіи. Скоро Иннокентій, въ званіи доктора богословія, сдѣланъ былъ ректоромъ Невской семинаріи, которой управлялъ съ большимъ достоинствомъ и съ пользою для заведенія. Богословіе онъ преподавалъ, какъ говорили въ то время, съ великою ученостью и имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Я не имѣлъ счастія слушать его, но два армейскіе ученика, бывшіе тогда въ богословіи, говорили мнѣ, что ученики съ благоговѣніемъ слушаютъ его лекціи и наставленія о пастырскомъ поведеніи, и что ученики въ классѣ иногда плакали, слушая его благочестивыя и пламенные рѣчи. Трогательно намъ было слушать его, когда онъ въ церкви совершалъ божественную литургію; обладая симпатичнымъ теноровымъ голосомъ, онъ какъ то особенно выразительно и торжественно произносилъ слова: „право правящихъ слово твоєа истины“. Въ то время въ Петербургѣ сильно распространилось масонство; директоры масонскихъ ложъ, особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны церкви. Статскій совѣтникъ Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ масонства: „Плачъ матери на гробѣ младенца“. Ректоръ Иннокентій, будучи вмѣстѣ съ цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ ее и одобрилъ къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску, въ которой говорилось, что какая-то масонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Массоны ухватились за эту выноску и черезъ придворныхъ довели до слуха государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну Его Величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ уфимской епархіи, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-прокурора св. синода—князя Мещерского и представительству императрицы Маріи Іоанновны, вмѣсто Уфы

Иннокентію назначена была Пенза. Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество постороннихъ лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощального поклоненія святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди и книги, благословлялъ ихъ и со слезами говорилъ: „учитесь, дѣти! вотъ и я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей“. Зимній возокъ уже былъ поданъ, Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулуپѣ, который князь Мещерскій снялъ и надѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій, прощааясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія. Иннокентій поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ и уѣхалъ.

Запишу теперь и то, что я слышалъ отъ лицъ, бывшихъ студентами 1-го выпуска академіи, какъ о самой академіи, такъ и о преподавателяхъ ея, Филаретѣ и Иннокентіи. Духовная петербургская академія учреждена была въ 1809 году. Первymi ея основателями были: Сперанскій, А. Н. Голицынъ и митрополитъ Амвросій. Государь Александръ Павловичъ изъявлялъ особенное свое благоволеніе къ этому новому учрежденію. Собраны были со всей Россіи лучшіе ученики семинарій числомъ до 100 для составленія первого курса. Но въ первомъ году студенты этого курса произвели нѣкоторое волненіе, именно: будучи недовольны пищею, они въ столовой забросали эконома кусками хлѣба. Когда обѣ этомъ доложено было государю, онъ повелѣлъ немедленно исключить виновныхъ изъ академіи и однихъ изъ нихъ отдать въ причетники, а другихъ, кто пожелаетъ, въ солдаты; одинъ изъ послѣднихъ, Страховъ, бывшій ученикъ армейской семинаріи, отличный математикъ, дослужился впослѣдствіи до генеральского чина.

Филаретъ и Иннокентій,—оба ректора и друзья между собою,—были любимцами петербургскаго митрополита Амвросія, который имъ любовался при ихъ богословскихъ спорахъ. Когда бывали экзамены въ академіи, онъ имѣлъ подлѣ себя ассистентомъ Иннокентія, а въ семинаріи на экзаменахъ ассистентомъ бывалъ Филаретъ. Однажды на экзаменахъ шла рѣчъ

о недостаточности естественной религії. Амвросій возразилъ, что она совершенно достаточна, и велътъ Иннокентію поддерживать это возраженіе; послѣдній, искусный въ діалектизѣ, сталъ оправдывать мнѣніе митрополита; Филаретъ сперва съ нѣкоторою небрежностью отвѣчалъ Иннокентію, но когда этотъ съ горячностью продолжалъ свои аргументы, Филаретъ отвѣчалъ серьезнѣе, приводя уже вѣскія доказательства. Тогда Иннокентій, видя свое пораженіе, спросилъ: „да что жъ такое естественная религія?“ Филаретъ, всегда сдержаный, съ улыбкой отвѣчалъ: „вотъ прекрасно! мы такъ долго споримъ, не зная о чёмъ; вы, какъ оппонентъ, съ самаго начала диспута должны были знать опредѣленіе предмета, о которомъ спорите“. Митрополитъ захочоталъ, и тѣмъ диспутъ кончился.—Бывшій инспекторъ черниговской семинаріи Філадельфъ, воспитанникъ 1-го выпуска петербургской академіи, говорилъ мнѣ, что когда Филаретъ былъ сдѣланъ бакалавромъ и въ первый разъ взошелъ на каѳедру преподавателя, то студенты оскорбились, что такой молодой человѣкъ будетъ учить ихъ, тогда какъ между ними многіе были годами старше его, а нѣкоторые поступили въ академію изъ учителей семинаріи. Но когда Филаретъ, прочитавши лекцію, ушелъ, студенты остались въ изумленіи, подъ впечатлѣніемъ превосходной, неслыханной ими до тол്യ лекціи. Тотъ же Філадельфъ говорилъ мнѣ, что Филаретъ одно время, за болѣзнью глазами, не могъ самъ писать лекцій по церковной исторіи, вслѣдствіе сего призывалъ къ себѣ студентовъ, и тѣ писали подъ его диктовку. Впослѣдствіи лекціи эти были напечатаны безъ всякихъ поправокъ. Філадельфъ еще говорилъ, что Филаретъ проводилъ почти весь день за своимъ письменнымъ столомъ, а ночью выходилъ на лаврскій дворъ и для моніона лопатою разгребалъ снѣгъ. Отъ студентовъ 2-го курса я слышалъ, что двое изъ первыхъ товарищей ихъ, сдѣленные бакалаврами академіи,—Филаретовъ и Рябчиковъ, въ самомъ началѣ своей службы стали вести нетрезвую жизнь, часто пропускали уроки и не подавали надежды къ исправленію. Филаретъ, бывшій уже тогда ректоромъ академіи, прійдя однажды на квартиру одного изъ нихъ, засталъ обоихъ бакка-

лавровъ за столомъ, на которомъ стоялъ штофъ водки. „Гдѣ здѣсь живутъ бакалавры?“ спросилъ ректоръ. Застигнутые вра-сплохъ, гуляки молчали. „Ихъ здѣсь нѣтъ, такъ и не будетъ“, сказалъ Филаретъ и ушелъ. На другой день ихъ исключили изъ академіи. Филаретовъ уѣхалъ на свою родину, въ тверскую губернію, чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ оставилъ свою дурную привычку и подальше прошеніе на священническое мѣсто. Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, положилъ на про-шеніи его такую резолюцію: „произвести просителю въ конси-сторіи надлежащее испытаніе“. Когда Филаретовъ явился, члены консисторіи сказали ему: „что же мы будемъ васъ спраши-вать?“—Что знаете,—отвѣталъ онъ, и тѣмъ испытаніе кончи-лось. Филаретовъ получилъ приходъ, впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а Рябчиковъ въ наше время бро-дилъ еще по городу въ самомъ безобразномъ видѣ.

По сказанію тѣхъ же студентовъ 2-го курса, ректоръ Филаретъ часто посѣщалъ академіческія аудиторіи и слушалъ преподаваніе профессоровъ, сидя на скамьѣ со студентами. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній ординарный профессоръ Вѣт-ринскій читалъ лекцію о неоплатоникахъ и о самомъ Платонѣ; Филаретъ, прослушавши нѣкоторую часть лекціи, спросилъ сту-дента Колоколова (бывшаго послѣ бакалавромъ кіевской духов-ной академіи): „г. Колоколовъ, какъ вы поняли преподанное профессоромъ?“—Колоколовъ отвѣталъ:—Я ничего не понялъ.—Филаретъ просилъ Вѣтринскаго лучше объяснить; когда же и послѣ того Колоколовъ на вопросъ Филарета отвѣталъ:—„не понимаю“,—Филаретъ сказалъ: „я учился философіи по Баумейстеру; не знаю, будетъ ли понятно мое объясненіе“, и, въ самыхъ понятныхъ словахъ объяснивъ читанное, спросилъ Ко-локолова: „а теперь понимаете-ли?“—Понимаю,—отвѣталъ онъ. Вѣтринскій всталъ и поклонился Филарету.

Объ Иннокентіи студенты 1-го курса говорили вотъ что. Когда Филаретъ окончилъ съ ними священно-біблейскую исто-рию, Иннокентію поручено было преподавать имъ цер-ковную исторію, по которой тогда не было еще никакого руководства; Иннокентій самъ долженъ былъ сочинять его, оты-

скивая и подбирая источники, составляя по нимъ для лекціі, спѣша при этомъ пройти всю эту часть исторіі въ непродолжительное, назначенное для того время, и, дѣйствительно, въ это время онъ написалъ и издалъ два большиe тома церковной исторіі. Говорили, что онъ тогда проводилъ дни и цѣлныe ночи за письменнымъ столомъ или надъ аналоемъ, надъ которымъ отъ изнеможенія къ утру засыпалъ.

VII.

Пребываніе мое въ петербургской духовной академії.—Содержаніе въ ней.—Товарищи.—Бакалавръ Оржевскій.—Мое первое сочиненіе.—Профессоръ Кочетовъ.—Назоровъ—знатицъ и мой испугъ.—Напрасное на меня нареканіе.—Товарищъ Козловскій.—Поздній приходъ мой изъ города.—Соловскій.—Старшій Бодянскій.—Марковъ.—Мой легкомысленный поступокъ.—Смерть товарищѣй.—Лебедевъ.

Теперь приступаю къ воспоминаніямъ о моемъ пребываніи въ петербургской духовной академії. Вступалъ я въ этотъ храмъ высшаго образованія съ робостью и смущеніемъ, сознавая, что въ этому образованію я недостаточно приготовленъ. Величественное, только что отстроенное, на подобіе дворца, зданіе академіи было ограждено чугунною рѣшеткою и украшено колоннами съ фронтомъ и двумя надъ нимъ изваянными ангелами; одинъ изъ нихъ держалъ большой позлащенный крестъ, указывая на него другому, пролѣнопреклоненному ангелу.

Меня помѣстили на 4-мъ этажѣ академіи, въ № 27, состоящемъ изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ уже поставлена была для меня желѣзная кровать со всѣми новыми постельными принадлежностями; это были: мягкий волосяной тюфякъ, бумажное теплое одѣяло, три простыни, двѣ подушки и четыре наволочки. Все это, кромѣ кровати, отдавалось студентамъ въ неотъемлемую собственность. Мне указали ющи въ комодѣ и табуретъ за письменнымъ столомъ съ 4-мя откосными досками.

Носильного бѣлья изъ довольно тонкаго холста студентамъ давалось по три пары на годъ, изъ платья—суконный сюртукъ, жилетъ и панталоны темно-сераго цвѣта давались на два года, а лѣтній мухояровый сюртукъ, три пары сапогъ, круглая пу-

ховая черная шляпа и лосиные перчатки на годъ. Шинели намъ не полагалось, да я и прежде ее не имѣлъ. Пища наша была довольно питательная и вкусная, состояла въ будни изъ двухъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ. Чаю намъ не давали, да къ нему я и не привыкъ. На завтракъ давали хороший хлѣбъ съ квасомъ, который всегда подавался въ столовой и выставлялся въ бутыляхъ на коридорахъ. Всѣ помѣщенія студентовъ были просторны, теплы, свѣтлы и чисты. Всѣ части академіи были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: церковь, библіотека, классы, спальни, въ которыхъ мы приготавляли и свои уроки, столовая, квартиры начальниковъ и служителей, кухни и ретирады, такъ что студентъ могъ вовсе не выходить изъ зданія академіи, развѣ только въ баню, находившуюся въ академической оградѣ въ саду. Академическая усадьба имѣла чистый, хороший воздухъ; она стояла въ концѣ Петербурга за Лаврою, фасадомъ на протекающую передъ нею Неву, и позади себя имѣла садъ. Такимъ образомъ академія предоставляла всѣ необходимыя условія для удобной жизни и для занятій студентовъ.

Академический курсъ продолжался 4 года два года въ низшемъ отдѣленіи и два года въ высшемъ. Въ нашъ курсъ, по числу пятый, поступило 55 человѣкъ. Всѣ поступившіе, кроме меня и товарищѣ моихъ Аминицкаго и Каменскаго, кончили полный семинарскій курсъ, всѣ были лучшіе изъ своихъ сокогарищѣй и присланы по выбору семинарскихъ правленій подъ отвѣтственностью сихъ послѣднихъ, изъ опасенія получить отъ академического правленія строгое замѣчаніе и уплатить обратныя прогоны, если бы на пріемномъ экзаменѣ въ академіи они оказались недостаточно подготовленными.

Когда я въ первый разъ побылъ на лекціяхъ и послушалъ отвѣты и разсужденія новыхъ моихъ товарищѣй, то уразумѣлъ что мнѣ придется употребить много трудовъ и усилий, чтобы не отстать отъ нихъ. По философіи я могъ довольно легко готовить свои уроки, потому что въ академіи только обширнѣе преподавалось то же, что вкратцѣ изучаемо было мною въ семинаріи, но не легко было для меня готовить уроки по чтенію св. писанія, для чего нужно было знать еврейскій языкъ,

которому я въ семинаріи не учился и теперь долженъ былъ начинать съ азбуки. Нужно было мнѣ изучить и англійскій языкъ, съ котораго въ скоромъ времени началъ переводить, хотя читать правильно по англійски совсѣмъ не научился отъ нашего бакалавра, такъ какъ тотъ и самъ не умѣлъ правильно читать. Легче всѣхъ предметовъ мнѣ давалась исторія: древнюю и среднюю я, благодаря Орлову, хорошо изучилъ еще въ армейской семинаріи. Всеобщую намъ преподавалъ молодой, только что кончившій курсъ академіи бакалавръ Оржевскій, человѣкъ энергической, хорошо знавшій предметъ и излагавшій его въ прекрасной формѣ. Прошедшіи съ нами исторію Греціи, онъ зелѣлъ намъ написать сочиненіе на тему: какова была система Ликургова законодательства? Я написалъ, какъ умѣлъ, и подалъ. Оржевскій читалъ наши сочиненія въ классѣ, не объявляя имени автора, разбиралъ ихъ по правиламъ академической критики и требовалъ отъ студентовъ ихъ мнѣній о достоинствахъ и недостаткахъ читанного имъ сочиненія. Если нетерпѣливый авторъ самъ вызывался защищать свое произведеніе, то получалъ отъ бакалавра и отъ товарищей должныхъ замѣчаній и вразумленій. Когда стали читать и разбирать мое сочиненіе, я сидѣлъ молча, ожидая суда и приговора. Къ моей радости бакалавръ и товарищи нашли его удовлетворительнымъ. Поощренный такимъ одобрениемъ, я сталъ еще ревностнѣе заниматься исторіей. Оржевскій давалъ намъ на бумагѣ только краткій конспектъ своихъ лекцій. Я записывалъ ихъ во время самого чтенія и при пособіи этихъ бѣглыхъ записокъ, вмѣстѣ съ приходившими ко мнѣ товарищами, занимался репетиціей. Оржевскій часто меня спрашивалъ въ классѣ, одобрялъ мои отвѣты и рекомендовалъ ординарному профессору исторіи А. С. Кочетову, который, приходя къ намъ на репетицію, также спрашивалъ меня и, когда послѣ самъ преподавалъ намъ русскую исторію, то обращалъ на меня вниманіе, которымъ я пользовался отъ него и въ высшемъ отдѣленіи, гдѣ онъ читалъ намъ церковную исторію. При усиленныхъ моихъ занятіяхъ много времени отнимало у меня переписываніе лекцій, которые тогда почти всѣ читались по запискамъ,

для чего я долженъ бытъ сидѣть по ночамъ; но эти ночные работы мнѣ пришлось прекратить по случаю одного со мною приключенія, о которомъ и теперь вспоминаю съ неудовольствиемъ.

Помѣщеніе наше подъ № 27 состояло изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ жило 8 студентовъ, по 4 человѣка въ каждой. Въ передней комнатѣ, въ которой и я находился были: костромичъ Назаровъ и два ярославца: Вязнинъ и Головщиковъ; а въ другой—комнатный старшій Бодянскій, студентъ высшаго отдѣленія, москвичъ Озеровъ, тулякъ В. Б. Бажановъ и псковичъ Соловскій. Назаровъ, одаренный счастливой памятью, въ досужіе часы сообщалъ намъ любопытные разсказы изъ прочитанныхъ имъ книгъ, а Вязнинъ потѣшалъ насъ своими страннымисужденіями, съ которыми иногда не кстати выхватывался и въ классѣ во время лекцій. Однажды во время нашего собесѣданія Назаровъ, всегда разговорчивый, задумчиво молчалъ и потомъ съ какимъ-то смущеніемъ сказалъ намъ: „братьцы, я долженъ открыть вамъ, что я лунатикъ; не бойтесь меня, когда я въ моемъ припадкѣ буду ночью вставать и ходить; вы только назовите меня по имени, и я буду опять засыпать“. Можетъ быть, онъ и прежде вставалъ и ходилъ, но я не обращалъ на то никакого вниманія, не зная о его болѣзни; но когда услыхалъ о ней отъ него самого, сталъ наблюдать за нимъ, и всякий разъ, когда онъ вставалъ, я называлъ его по имени, и онъ, почесавши голову, дѣйствительно ложился на кровать. Но мы еще не знали, что припадки болѣзни у него были гораздо сильнѣе, когда онъ засыпалъ въ возбужденномъ состояніи духа. Надобно сказать, что Назаровъ, при непріятной своей физіономіи, высматривалъ сердито, былъ чрезвычайно раздражителенъ и злопамятенъ, а Вязнинъ любилъ во всемъ спорить и былъ неуступчивъ. Послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли еще за нашимъ столомъ, приготавляя уроки по философіи, Вязнинъ вслухъ началъ по своему толковать нѣкотороя положенія великаго Платона; Назаровъ назвалъ его сужденіе глупымъ, Вязнинъ разсердился, дѣло дошло между ними до ^{ти} мностей и брані; Вязнинъ перебранилъ Назарова, который замолчалъ и

въ злобномъ настроеніи легъ спать. Во второмъ часу ночи, когда всѣ уже въ комнатѣ нашей спали, а я занимался еще писаньемъ, Назаровъ съ необыкновеннымъ порывомъ вскочилъ и сѣлъ на кровати. Я сталъ громко называть его по имени, но онъ вмѣсто пробужденія устремилъ на меня какой-то необыкновенно страшный взглядъ, и когда я еще громче назвалъ его, онъ поднялся съ кровати, притянувъ одѣяло къ своему лицу и съ шипѣнiemъ бросился на меня; я въ испугѣ съ крикомъ побѣжалъ въ другую комнату, гдѣ студентъ В. Б. Бажановъ, тоже испугавшись, перебѣжалъ къ другому товарищу: мнѣ показалось, что Назаровъ гонится за мной, и я въ страхѣ кинулся къ студенту Озерову, читавшему книгу, который, думая, что я сошелъ съ ума, отбросилъ меня отъ себя, и я очутился подъ его кроватю. Крикъ мой и бѣготня такъ были сильны, что не только всѣ сожители мои проснулись, но и жившіе подъ нами въ низшемъ этажѣ прибѣжали къ намъ, думая, что случился пожаръ; пришелъ и Назаровъ съ Вязнимъ, къ которому онъ прилегъ, вѣроятно, проснувшись отъ столкновенія со мною, и спрашивалъ у него что такое случилось. Озеровъ рассказалъ о томъ, какъ я прибѣжалъ; меня вытянули изъ-подъ кровати, но на вопросы мнѣ предложенные, я, какъ бы онѣмѣвшій, ничего не отвѣчалъ. Меня посадили на табуретъ, напоили водою, и тогда только нѣсколько прияя въ чувство, но заикаясь, я кое-какъ могъ разсказать о моемъ испугѣ. Поутру обѣ этомъ проишествіи доложено было инспектору и ректору. Я просилъ начальство перемѣстить меня въ другой номеръ, а Назаровъ хотѣлъ совсѣмъ увольниться изъ академіи, но насы обоихъ оставили по прежнему на своихъ мѣстахъ. Послѣ описанного испуга моего я долго еще заикался и съ того времени при какомъ-нибудь внезапномъ стукѣ, чувствовалъ, что у меня отъ ступней ногъ подымается кровь, вкусъ которой ячу вствовалъ на языкѣ. Этотъ припадокъ много лѣтъ потомъ случался со мной при сильномъ возбужденіи духа. Со временемъ моего испуга я пересталъ заниматься по ночамъ и ложился въ одно время съ Назаровымъ, но изъ предосторожности, чтобы онъ не испугалъ меня на моей кровати, стоявшей близъ его кровати, я перенесъ свою къ противоположной стѣнѣ за

нашъ письменный столъ. Вязнинъ смеялся надо мною, говоря: „Эко, братецъ, ты испугался, какъ мальчишка.“ Я по годамъ былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей. Я молчалъ, а землякъ его Головщиковъ при этомъ сказалъ ему: „смотри Балда, (такъ мы звали его по причинѣ его привычки повторять это слово) чтобы съ тобою несталось то же“,—что дѣйствительно вскорѣ и случилось. Вязнинъ опять вечеромъ раздразнилъ Назарова, и этотъ разсерженный легъ спать. Всѣ мы трое были въ постели одинъ только Вязнинъ сидѣлъ у стола спиною къ нему. Въ часъ ночи Назаровъ съ азартомъ вскочилъ съ постели; Вязнинъ отъ страха упалъ съ табурета на полъ, отчего тотъ пробудился. „А что, Балда, вотъ и ты испугался,“ сказалъ ему Головщиковъ. „Да что-жъ, братецъ ты мой, съ нимъ подѣлаешь, это не человѣкъ, а звѣрь.“

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего испуга мнѣ суждено было еще претерпѣть тѣжкое и нисколько не заслуженное мною нареканіе. Въ одну субботу вечеромъ, когда мои товарищи ушли въ церковь ко всенощной, комнатный старшій Бодянскій подошелъ ко мнѣ и вручилъ мнѣ написанную имъ записку слѣдующаго содержанія: „вы, господинъ Самчевскій, должны быть благодарны начальству Академіи за то, что оно приняло васъ въ нее изъ посторонняго вѣдомства не кончившимъ курса семинаріи; вмѣсто благодарности, вы въ одномъ домѣ хулили начальство Академіи и профессоровъ ея.“ Пораженный такимъ обвиненіемъ, я возвратилъ ему его записку, сказавъ, что она принадлежитъ не мнѣ, что я нигдѣ, никогда, никому, ничего дурного не говорилъ объ Академіи. „Да вы-же бываете у придворнаго протоіерея?“ спросилъ онъ.—„Бываю“,—отвѣчалъ я. „Ну, такъ этого и довольно,“ сказалъ Бодянскій. Я ничего не могъ говорить, не спросилъ даже, откуда пошло такое нареканіе на меня, и по какому поводу Бодянскій обратился съ нимъ ко мнѣ. Въ мучительномъ томлѣніи духа я пошелъ въ церковь, гдѣ вмѣсто молитвы думалъ и передумывалъ о постигшемъ меня наговорѣ, всю ночь почти не спалъ, пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, ходилъ, какъ присужденный къ казни преступникъ, думая, что меня скоро исключатъ изъ Академіи, доходилъ до

отчаянія и не знаю, что было бы со мной, если бы добрый другъ мой, товарищъ изъ другого номера Петръ Козловскій теплымъ участіемъ своимъ не вывелъ меня изъ этого томительного положенія. „Если ты,“ говорилъ онъ, „по совѣсти твоей не чувствуешь за собой виновности въ приписываемомъ тебѣ поступкѣ, то нечего унывать и беспокоиться: не могутъ же тебя напрасно исключить.“ Я хотѣлъ, было, идти къ инспектору и ректору объясниться, но Козловскій удержалъ меня отъ того, сказавъ, что объясненіемъ своимъ я могу возбудить только подозрѣніе. Я началъ успокаиваться, тѣмъ болѣе, что никто мнѣ не повторялъ нареканія, и что изъ Академіи меня не исключали. Въ послѣдствіи времени открылась моя невинность; Бодянскій, прощаюсь со мною, при отѣзѣ изъ Петербурга, по окончаніи своего курса, извинился предо мною и говорилъ, что хулилъ начальство и профессоровъ студентъ Архангельскій въ домѣ придворнаго протоіерея Веселовскаго, съ которымъ я совсѣмъ не былъ знакомъ.

Въ праздничные дни послѣ обѣдни и въ будни послѣ классовъ мы могли свободно уходить въ городъ, но непремѣнно должны были возвратиться въ Академію къ ужину. Я вообще, находясь въ Академіи, рѣдко ходилъ въ городъ, но однажды, пошедшіи къ оберъ-священнику Державину, домъ котораго находился въ весьма далекомъ разстояніи отъ Академіи, какъ-то запоздалъ и воротился уже тогда, когда ужинъ кончился. Нашъ комнатный старшій послалъ меня къ инспектору, отъ котораго я получилъ внушительное замѣчаніе. Нисколько не оправдываясь, я просилъ прощенія, говоря, что впередъ я никогда не буду такъ опаздывать. „Когда такъ, сказалъ инспекторъ, то хорошо, стучайте и будьте спокойны.“ Не то случилось съ жившимъ въ одномъ номерѣ товарищемъ моимъ Соловскимъ. Соловскій въ воскресный день зимио пошелъ въ Медицинскую Академію къ землякамъ своимъ и оттуда не возвращался двое сутокъ; на третыи ректоръ приказалъ, чтобы всѣ живущіе въ № 27 студенты разошлись въ разныя стороны Петербурга и справлялись на съѣзжихъ дворахъ, не содергится ли гдѣ Соловскій. Всѣ наши поиски были напрасны. На чет-

вертый уже день Соловской былъ приведенъ въ Академію изъ Ордонансъ-Гауза (место заключенія важнѣйшихъ нарушителей порядка въ городѣ), въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей съ обнаженными саблями и чиновника съ книгою и отношеніемъ, въ которомъ было написано, что студентъ Соловской ночью пьяный ударилъ часового и потому препровождается въ Академію для поступленія съ нимъ по закону. Соловской былъ принятъ инспекторомъ и по приказанію ректора былъ посаженъ въ отдаленную отъ студентовъ комнату (карцера у насъ не было). Отъ него потребовали объясненія на бумагѣ. Онъ показалъ, что на возвратномъ пути изъ Медицинской Академіи онъ заходилъ къ переплетчику за своими книгами и, взявши ихъ, въ 7 часовъ вечера шелъ по Невскому Проспекту; на одномъ изъ перекрестковъ какой-то человѣкъ выхватилъ у него сзади изъ-подъ мышки узель съ книгами; Соловской, оборотившись назадъ, увидѣлъ человѣка въ простой черной шубѣ, и, считая его за того самаго, который выхватилъ у него книги, ударилъ его по лицу; на крикъ этого человѣка прибѣжали съ гауптвахты солдаты, схватили его, Соловского, и отвели въ Ордонансъ-Гаузъ. Начальство не довѣряло показанію Соловского и нѣсколько разъ его переспрашивало. Одинъ изъ студентовъ высшаго отдѣленія, проникнувъ къ Соловскому, говорилъ ему, что, если онъ въ гостяхъ выпилъ хоть одну рюмку и признается, то погибнетъ. Соловской оставался при первомъ своемъ показаніи. У него потребовали списокъ книгъ, которыхъ онъ несъ собою. Ректоръ съ этимъ спискомъ и собственноручнымъ показаніемъ Соловского на предложенные ему при слѣдствіи вопросы и съ вымѣтками обѣ его успѣхахъ и поведеніи отправился къ министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, который сдѣлалъ докладъ Государю. Его Величество благоволилъ повелѣть оберъ-полицеймейстеру сдѣлать разысканіе на рынкахъ, не будутъ ли гдѣ продаваться отнятые у Соловского книги. Книгъ не отыскали, и Соловской тогда остался безъ взысканія. Осталось неизвѣстнымъ, былъ ли Соловской виновенъ въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ,—однако жъ ему эта исторія не обошласъ даромъ. Во время нахожденія его

въ Академіи его не понижали въ спискахъ ни по успѣхамъ, ни по поведенію, но когда, по окончаніи нашего курса, назначали намъ мѣста службы въ семинаріяхъ, его поставили въ спискахъ послѣднимъ и отправили на его родину, безъ назначенія учебной должности, въ епархіальное вѣдомство.

Приключилось неблагополучіе и нашему комнатному старшему Бодянскому при самомъ окончаніи его курса. Онъ состоялъ по списку въ числѣ лучшихъ студентовъ, и можно было думать, что онъ будетъ оставленъ бакалавромъ при академії, но вышло иначе. Въ первый день окончательного испытанія студенты обоихъ курсовъ собрали были въ торжественную залу, куда въ 8 часовъ утра прибылъ ревизоръ, московскій архіепископъ Филаретъ. Назначивъ намъ тему для сочиненія, онъ сталъ экзаменовать изъ богословія. Онъ вызвалъ къ столу трехъ студентовъ. Первымъ изъ вызванныхъ долженъ былъ отвѣтить тотъ, кто первый взялъ билетъ, а прочие два должны были обдумывать свои вопросы. Пока ректоръ записывалъ взятые билеты, Филаретъ сказалъ, что такъ какъ Бодянскому выпалъ вопросъ, близкій къ началу предмета, то онъ пусть отвѣтаетъ первымъ. Бодянскій сталъ отвѣтывать сбивчиво, часто останавливаясь. Вопросы, предлагаемые Филаретомъ, рѣшалъ не впопадъ; взявши другой билетъ, онъ также отвѣталъ неудачно, и когда Филаретъ спросилъ его, почему освященіе мура совершаются только архіереями, а не священниками, Бодянскій молчалъ; тогда Филаретъ сказалъ: „да это знаютъ порядочные причетники!“ затѣмъ долго что-то говорилъ съ ректоромъ. Неизвѣстно, каковы были сочиненія Бодянскаго, писанныя имъ на экзаменѣ, но при назначеніи степени онъ едва былъ поставленъ въ спискѣ послѣднимъ магистромъ, и то по настоянію ректора Григорія; тогда какъ студентъ Марковъ, не выдававшійся прежде изъ числа своихъ товарищей, выпущенъ былъ первымъ магистромъ за отличныя его сочиненія, изъ которыхъ одна его проповѣдь была напечатана въ книгѣ опытовъ, обыкновенно раздававшейся на публичномъ экзаменѣ посѣтителямъ, и сверхъ того былъ оставленъ бакалавромъ при Академіи.

Приводя себѣ на память разныя замѣчательныя для меня обстоятельства, изъ времени нахожденія моего въ низшемъ отдѣленіи, я запишу и то, какъ по легкомыслію моему я принималъ участіе въ несогласіи моихъ сотоварищѣй исполнить просьбу бакалавра Оржевскаго. Въ первый годъ службы своей при академіи онъ проходилъ съ нами всеобщую исторію весьма тщательно и неупустительно, но, принявши на себя обязанность воспитанія сына князя Кочубея, сталъ пропускать лекціи, а лѣтомъ, живя въ Царскомъ селѣ, рѣдко прїѣзжалъ оттуда въ академію и такимъ образомъ не прошелъ съ нами всей Новой Исторіи. Желая показать въ конспектѣ всѣ отдѣлы исторіи преподанными, онъ въ классѣ просилъ насъ, чтобы мы сами приготовили непройденное имъ по новой исторіи къ экзамену, но мы на то не согласились. Оржевскій обѣщалъ предъ экзаменомъ изъять вопросы по Новой Исторіи, но мы не были увѣрены въ возможности такого изъятія и опять-таки не согласились. Большая часть товарищѣй моихъ при этомъ преніи молчали въ надеждѣ, что говоруны отстоятъ желаемое всѣми. Въ числѣ оппонентовъ всталъ и я съ моимъ отрицательнымъ голосомъ. Побужденіемъ къ отрицанію была моя боязнь обрѣзаться на экзаменѣ, если бы мнѣ попался вопросъ изъ Новой Исторіи, которой я никогда не изучалъ; но и теперь не могу простить себѣ такой глупой выходки противъ моего наставника, къ которому я питалъ и теперь пытаю чувство живой моей признательности за то вниманіе, какимъ онъ поддержалъ и ободрилъ меня на первыхъ порахъ труднаго для меня академического ученія. Пока мы находились въ низшемъ отдѣленіи, значительное число нашихъ товарищѣй, чувствуя слабость силъ своихъ, увольнилось изъ академіи, а по переходѣ въ высшее отдѣленіе въ одинъ годъ умерло четверо отъ чахотки, и въ числѣ ихъ нашъ первый товарищъ Звѣревъ, поступившій въ академію уже съ слабымъ здоровьемъ. По слуху смерти студента Лебедева, изъ тверскихъ, пронесся въ академіи слухъ невѣроятный, но встревожившій почти всѣхъ въ академіи. Лебедевъ чрезвычайно былъ прилеженъ, но какъ-то все безъ желаемаго имъ успѣха, тоско-

валъ и хирѣль. Въ воскресеніе утромъ я видѣлъ его въ больнице нашей съ лицомъ, покрытымъ какою-то сильною сыпью, которая, по словамъ его, вдругъ появилась на всемъ его тѣлѣ; на вопросъ мой: что съ нимъ? онъ отвѣчалъ: „умираю!“ Постѣ обѣдни я ушелъ въ городъ, и, когда въ 7 часовъ вечера возвратился въ академію, мнѣ сказали, что Лебедевъ отнесенъ уже на Волковское кладбище. Такъ поспѣшно хоронили обыкновенно умиравшихъ отъ чахотки. На другой день поутру стали говорить, что въ день погребенія Лебедева, ночью, когда въ одномъ номерѣ студенты еще не спали, одинъ изъ жившихъ тамъ же товарищѣй, изъ тверскихъ, лежалъ на кровати еще не раздѣвшись, можетъ быть, дремалъ; вдругъ онъ въ страшномъ испугѣ всталъ и сказалъ товарищамъ, что сю минуту видѣлъ Лебедева, явившагося ему и сказавшаго, что его похоронили живого; говорили, что тогда же Лебедевъ являлся экзаменому академіи и ректору, видѣвшему его въ своей передней комнатѣ и чрезвычайно испугавшемуся, и что, когда дежурный старшій поутру приходилъ къ ректору, онъ спрашивалъ у него, что у васъ тамъ говорятъ о явленіи Лебедева, и прибавилъ: „если еще кто увидитъ Лебедева, то пусть скажетъ ему: запрещаю тебѣ именемъ Господа Иисуса Христа являться“.

VIII.

Первая моя проповѣдь и моя болѣзнь.—Павскій.—Ректоръ Григорій.—Кочетовъ.—Марковъ.—Назаровъ.—Іоаннъ.—Смарагдъ.—Ігнатій.—Лепитскій.

На первой трети богословскаго курса намъ назначили писать проповѣдь. Я только что сталъ знакомиться съ богословскими предметами; въ семинаріи же не слушалъ еще Гомилетики, и потому для меня труденъ былъ этотъ родъ сочиненія; притомъ товарищи смущали меня, говоря, что написать академическую проповѣдь и для нихъ нелегко по причинѣ строгой критики профессора. Предварительно требовалось составить планъ проповѣди и представить его на исправленіе инспектору, что я, поломавши голову, исполнилъ, какъ умѣлъ. По исправ-

леніи плана, я составилъ и самую проповѣдь и началъ уже ее переписывать, какъ вдругъ почувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ и пошелъ въ больницу, гдѣ открылась у меня первная горячка столь сильная, что академической врачъ не надѣялся, чтобы я ее перенесъ; но Богъ меня помиловалъ: кризисъ совершился благополучно, я сталъ мало-по-малу поправляться, но оглохъ и долго не могъ подняться на ноги. Ректоръ приказалъ старшему номерному не принимать меня изъ больницы, пока я не выздоровѣю совершенно. Такимъ образомъ, я пробылъ въ больницѣ девять недѣль, чрезъ что пропустилъ не мало лекцій; пришлось опять много трудиться, но укрѣпившіяся мои силы позволили мнѣ переносить эти труды. Вторая моя проповѣдь далась мнѣ легче. Перешагнувъ этотъ камень преткновенія, мнѣ легче стало проходить курсъ академическихъ наукъ, и жизнь моя въ академії текла благополучно безъ всякихъ непріятныхъ для меня приключений до самого окончанія моего курса. Теперь запишу мои воспоминанія о нѣкоторыхъ моихъ наставникахъ.

Цремьеръ первого курса петербургской духовной академіи знаменитый Герасимъ Петровичъ Павскій, получившій уже докторскій крестъ, къ сожалѣнію, не читалъ намъ ни одного изъ богословскихъ предметовъ, а преподавалъ только еврейскій языкъ, толкуя о халдеизмахъ, часто встрѣчающихся въ книгахъ ветхаго завѣта; но изъ этой премудрости я ровно ничего не могъ понимать. Впрочемъ, мы читали нѣкоторыя богословскія лекціи Павскаго, составленныя для студентовъ петербургскаго университета, и увлекались новизною его взглядовъ въ прекрасной статьѣ о религії. Говорили, что, когда по окончаніи первого курса, начальство академіи и самъ митрополитъ уговаривали Павскаго вступить въ монашество, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что хочетъ обабиться, и вскорѣ женился на дочери бѣднаго старообрядческаго священника, съ которою былъ счастливъ, хотя не на долго; имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, которыхъ самъ воспитывалъ. Одинъ мой товарищъ бывалъ въ домѣ Павскаго и говорилъ о немъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, довольно веселомъ, общительномъ и простосердечномъ до наив-

ности. Будучи уже священникомъ съ магистерскимъ крестомъ, Павскій, пріѣхавъ однажды въ гости къ одному гвардейскому священнику и увидѣвъ на дворѣ снѣжную горку, съ которой дѣти катались на подушкѣ отъ кресла, всталъ съ саней и не заходя еще въ домъ, побѣжалъ на горку и съ нея скатился.

Ректоръ нашъ, Григорій Постниковъ, по академіи былъ товарищемъ Павскаго и по списку выпущенъ третьимъ; вступивъ въ монашество, онъ назначенъ былъ бакалавромъ по каѳедрѣ богословія и инспекторомъ академіи и въ этомъ званіи прежде всѣхъ своихъ товарищей получилъ степень доктора богословія за свои обширныя и глубокія познанія. Въ наше время онъ былъ уже викарнымъ епископомъ ревельскимъ и въ этомъ санѣ преподавалъ намъ догматическое богословіе. Долго онъ читалъ намъ введеніе въ эту науку, излагая ходъ ея развитія на востокѣ и западѣ; къ отцамъ церкви онъ выражалъ благоговѣйную вѣру; изъ западныхъ богослововъ онъ предпочиталъ англійскихъ. Хорошо зная англійскій языкъ, перевелъ съ него на русскій известную книгу „Христіанскія изысканія въ Азії“. Догматику онъ читалъ намъ по своимъ запискамъ, изъ которыхъ двѣ полныя и превосходныя статьи о свойствахъ Божіихъ и о трехъ лицахъ Божества напечатаны были въ Христіанскомъ чтеніи. Это былъ первый въ Россіи духовный журналъ, которому Григорій положилъ основаніе и въ которомъ много писалъ. Въ лекціяхъ рѣчъ Григорія была проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣлительна. Онъ говорилъ медленно, устремляя глаза на слушающихъ. Прослушавъ его лекцію, продолжавшуюся до тогдашнему 2 часа, мы, выходя изъ класса, такъ хорошо знали ее наизусть, что не находили надобности изучать ее впослѣдствії. Григорій не любилъ витѣватости и краснорѣчія въ сочиненіяхъ, требуя только ясности и основательности. Онъ однажды сказалъ намъ: „слава Богу, что знаменитый нашъ проповѣдникъ сталъ писать проще“.

Я помню, какъ въ рѣчи своей при гробѣ митрополита Михаила Григорій въ самыхъ простыхъ, но сильныхъ и трогательныхъ словахъ выразилъ глубокую скорбь объ утратѣ этого святителя, котораго онъ душевно чтилъ и уважалъ. Оригинально

было его слово въ храмовой академической празднике въ день двѣнадцати апостоловъ. Въ концѣ литургіи, вышедши изъ царскихъ вратъ съ посохомъ къ аналою, на которомъ лежало евангелие, онъ раскрылъ его и прочиталъ слова: „вы есте соль земли“ и проч.; потомъ, обратившись къ студентамъ, окончившимъ курсъ, сказалъ имъ, что и они подобно апостоламъ посылаются на проповѣдь просвѣщать духовное юношество; что и имъ на этомъ поприщѣ предлежатъ свои труды и подвиги; что на нихъ возлагаются великия обязанности и надежды. „Какія это обязанности и какъ онъ должны быть вами исполнены— сказалъ онъ, о томъ довольно вамъ преподано. Исполните ваши обязанности и наши надежды словомъ и дѣломъ“,—и тѣмъ заключилъ свое поученіе, которое по формѣ могло быть только приступомъ къ проповѣди. Григорій, какъ въ жизни своей, такъ и въ обращеніи съ людьми, какого бы состоянія они ни были, былъ одинаково простъ. Извѣстнаго, знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, прибывшаго, кажется, въ Москву на коронацію, онъ при встрѣчѣ спросилъ: „а вы зачѣмъ прѣѣхали?“ Когда Іосифъ передалъ этотъ вопросъ Филарету, послѣдній сказалъ: „Григорій хотѣлъ выразиться какъ можно проще, а вышло грубо“. Съ простотою и прямотою характера у Григорія соединялась какая-то безыскусственная, какъ бы прирожденная его личности, важность: важенъ онъ былъ и передъ студентами и въ кругу профессоровъ, между которыми были соученики его по первому курсу; впрочемъ, къ Павскому, премьеру своего курса, онъ относился съ нѣкоторымъ почтѣмъ: во время экзаменовъ по языкамъ онъ сажалъ его подъ себя, поручая ему спрашивать студентовъ и оцѣнивать ихъ отвѣты. Всегда важный и всѣми уважаемый, епископъ Григорій былъ величественъ, когда въ церкви совершалъ священнодѣйствіе. Бывшій въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректоръ черниговской духовной семинаріи архимандритъ Іеронимъ, сказывалъ мнѣ, что когда ему случалось служить съ Григоріемъ литургію, ему представлялось, будто онъ видитъ предъ собой священнодѣйствующаго Василія Великаго. Серезный и величавый по виду, Григорій чуждъ былъ холоднаго эгоизма и мел-

кой взыскательности; къ намъ онъ былъ снисходителенъ безъ потакти, ко всѣмъ былъ добръ не на словахъ, а на дѣлѣ; со-страдателенъ къ страждущимъ: студентамъ, обращавшимся къ нему за помощью, ихъ роднымъ, потерпѣвшимъ то или другое несчастіе, онъ помогалъ изъ своего кармана; одному студенту по случаю выдачи сестры за мужъ онъ оказалъ отъ себя щед-рыя пожертвованія; иногда ходатайствовалъ за студентовъ у ministra духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына и получалъ отъ него для нихъ вспоможеніе. И моей матери, по случаю чрезвычайного голода въ нашей черниговской губерніи, онъ исходатайствовалъ у него сто рублей. Когда Гри-горій, будучи уже архіереемъ, на выносѣ одного важнаго по-коиника получилъ за погребеніе деньги, то возвратившись въ ака-демію, тотчасъ призвавъ къ себѣ дежурнаго старшаго и вру-чивъ ему тѣ деньги, велѣлъ купить въ библейскомъ обще-ствѣ для всѣхъ студентовъ по экземпляру библіи. Подъ ректурою Григорія, благодаря его гуманности и благо-творному вліянію, жизнь наша въ академіи текла тихо и спокойно. Не чувствуя надъ собою стѣсняющаго давленія отъ начальства, какъ бы предоставленные самимъ себѣ, подъ на-блюдениемъ только комнатныхъ старшихъ за порядкомъ, мы вели себя благопристойно, потому что не знали праздности, постоянно занимаясь своимъ дѣломъ, соревнуя другъ другу и думая только о благоуспѣшномъ продолженіи и окончаніи на-шего курса. Мы боялись какими-нибудь неприличными выход-ками огорчить нашего ректора, цѣня его отеческое о насъ по-печеніе. Мы никогда не жаловались на приготовляемую для насъ въ академіи пищу. Григорій самъ посыпалъ дежурнаго старшаго по комнатамъ напимъ узнавать, какого мы желаемъ улучшенія въ столѣ нашемъ.

Держась строго охранительного начала касательно цер-ковныхъ постановленій, онъ однако же по докладу нашего врача о томъ, что студенты при усиленныхъ занятіяхъ заболѣ-ваются отъ постной пищи, испросилъ у митрополита разрѣше-ніе слабосильнымъ студентамъ давать во время постовъ скром-ную пищу, разумѣется, исключая первой и послѣдней недѣли

великаго поста. Но въ доктринахъ своихъ убѣжденияхъ касательно вѣры и православія, Григорій былъ стоецъ, непреклоненъ и неуступчивъ предъ кѣмъ бы то ни было. Было обстоятельство, когда онъ, будучи уже петербургскимъ митрополитомъ, въ синодѣ безбоязненно противился незаконнымъ притязаніямъ оберъ-прокурора. Сколько достопочтеннѣа была личность Григорія, показываетъ отзывъ Филарета, который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ: „хотя Григорій и ученикъ мой, но и мнѣ есть чему отъ него поучиться“. Вообще, будучи строгъ болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, желая всѣмъ дѣлать добро и во всѣхъ видѣть доброе, Григорій во взглядахъ своихъ бывалъ одностороненъ и довѣрчивъ, отчего иногда ошибался въ людяхъ и ошибки свои самъ сознавалъ.

Соученикъ Павскаго, протоіерей Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, ординарный профессоръ исторіи, преподавалъ намъ, въ низшемъ отдѣленіи, русскую исторію по своимъ запискамъ, а въ высшемъ отдѣленіи церковную исторію по печатному руководству, составленному Иннокентіемъ Пензенскимъ, исправленному и дополненному имъ самимъ. Это былъ напѣрвъ самый любимый профессоръ. Мы съ особеннымъ удовольствиемъ слушали превосходныя лекціи его, особенно, когда онъ съ нами проходилъ эпоху папъ, тогда онъ былъ особенно краснорѣчивъ и увлекателенъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ я пользовался его особыннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ, за что питаю къ нему въ душѣ моей живѣйшую признательность. Служа при академіи, Кочетовъ одновременно преподавалъ богословіе въ царско-сельскомъ лицѣ и тамошнія свои лекціи напечаталъ подъ заглавиемъ: „черты дѣятельнаго христіанскаго ученія“, за которыя получилъ степень доктора богословія.

Гомилетику намъ читалъ молодой бакалавръ іеромонахъ магистръ Павелъ Марковъ. Не смотря на то, что со студенческой скамьи онъ недавно пересѣлъ на каѳедру преподавателя, тѣмъ не менѣе онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Лекціи, имъ составляемыя, были разумны и поучительны и излагались въ строгомъ порядкѣ, ясно и послѣдовательно. На немъ лежала обязанность исправлять составляемыя нами расположенія мыс-

лей для сочиненія по нимъ проповѣдей. Эту облзанность онъ исполнялъ съ строгою критикой. Самонадѣянный и раздражительный товарищъ нашъ Назоровъ, будучи недоволенъ замѣчаніями бакалавра, пришелъ въ его квартиру и началъ съ нимъ спорить, вѣроятно, дерзко; бакалавръ разсердился и разорвалъ его тетрадь. Назоровъ побѣжалъ къ ректору, не говоря ни слова подальше ему клочки тетради и не вдругъ отъ злости могъ высказать свою жалобу. Ректоръ успокоилъ его, а бакалавру сдѣлалъ замѣчаніе. Продолжу мои воспоминанія о Назоровѣ, чтобы уже болѣе къ нему не возвращаться. Назоровъ по характеру своему былъ чрезвычайно самолюбивъ, самоувѣренъ и, при раздражительности своей, злопамятенъ; при малѣйшей непріятности, полученной имъ отъ товарища, онъ злостно отъ него отворачивался и долго съ нимъ не говорилъ. Такія нравственныя качества его извѣстны были только намъ, а предъ начальствомъ онъ всегда велъ себя сдержанно, исключая вышеизложенной его выходки противъ бакалавра. Отличная его способности и успѣхи особенно выдвинули его на окончательномъ испытаніи, послѣ котораго онъ выпущенъ вторымъ магистромъ и назначенъ инспекторомъ и профессоромъ въ какую-то семинарію. Это еще болѣе усилило его самолюбіе. На службѣ онъ повелъ себя гордо и своевольно, надѣлалъ дерзостей мѣстному архіерею и, самовольно оставивъ должность свою, уѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь приняли его снисходительно и даже съ участіемъ, остали при академіи, давъ ему какое-то порученіе, и, можетъ быть, сдѣлали бы бакалавромъ, но онъ и здѣсь долго не удержался; по какому-то капрizu, не сказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою родную Кострому, гдѣ, не имѣя никакой службы, сталъ пить и потомъ бродить съ мѣста на мѣсто; претерпѣвая нищету, просилъ денегъ у земляка своего и товарища архіепископа Арсенія, котораго въ академіи часто огорчалъ и даже презиралъ. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ моей съ нимъ разлуки онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на несчастную судьбу свою, говоря, что термометръ его жизни дошелъ до точки замерзанія, что съ горя хотѣль было поступить въ монахи, чemu что-то помѣшало, въ заключеніе просилъ и у меня денегъ.

При одномъ взглѣдѣ на конвертъ письма, адресованный его рукою, мнѣ вспомнился испугъ, причиненный имъ мнѣ въ академіи. Но какъ я былъ пораженъ, когда дней чрезъ 10, по полученіи письма, онъ самъ лично явился ко мнѣ! Взглянувъ на него, я въ ту же минуту почувствовалъ припадокъ, прежде повторявшійся вслѣдствіе моего испуга. Онъ предсталъ предо мною въ самомъ жалкомъ видѣ, почти въ рубищѣ. Принявъ его, какъ товарища, я сталъ разспрашивать о его несчастіи, а онъ умолялъ меня не любопытствовать и ничего не говорить съ нимъ объ академіи, прибавивъ, что онъ теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ пришелъ ко мнѣ за тѣмъ, чтобы я посодѣйствовалъ ему въ какомъ-нибудь домѣ сдѣлаться учителемъ дѣтей. На другой день послѣ его прибытія, я снабдилъ его кой-какой одеждой, предлагалъ деньги, но онъ отъ нихъ отказался, вѣроятно, боясь распиться. Я отправилъ его къ одному знакомому помѣщику, къ которому онъ пошелъ пѣшкомъ и у котораго нѣсколько времени училъ дѣтей такъ, что имъ были очень довольны, но распившись, потерялъ и это мѣсто; отсюда Назоровъ куда-то побрелъ, и что съ нимъ потомъ стались—не извѣстно. Такъ погубилъ самъ себя человѣкъ, щедро надѣленный дарами природы, но несчастный по своему характеру.

Самую большую и существенную пользу въ составленіи нами проповѣдей оказалъ намъ инспекторъ академіи архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ новочеркасскій, докторъ богословія Іоаннъ Доброзраковъ, отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи, занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ герменевтики, логики и словесности, порицая излишнее риторство и фразерство, въ особенности игру размашистой фантазіи, и требуя порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе.

Для слушанія лекцій по предмету чтенія священнаго писанія всѣ студенты обоихъ отдѣленій собирались въ одинъ

классъ. Этотъ предметъ со времени поступленія моего въ академію читалъ бакаларъ іеромонахъ Смарагдъ, который впослѣствіи занималъ архієпископскія каѳедры въ разныхъ епархіяхъ и наконецъ былъ архієпископомъ рязанскимъ. Дѣльными его лекціями мы всеѣ были довольны. Разсказывали о его странныхъ, причудливыхъ поступкахъ, когда онъ былъ архипастыремъ, но мы знали его только какъ доброго человѣка и разумнаго преподавателя; намъ не нравилось только его особенное пристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищѣй студентовъ. Одному изъ любимыхъ имъ студентовъ IV курса, посредственному по успѣхамъ, онъ написалъ проповѣдь, которая, конечно, была очень хороша и назначена для напечатанія въ опытѣ студенческихъ сочиненій. Товарищи, не любившіе этого студента, отыскали собственноручную рукопись Смарагда и представили ректору Григорію, который тотчасъ велѣлъ взять проповѣдь изъ типографіи, а Смарагду даль такую головомойку, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ помѣшанный.

Былъ у насъ еще одинъ бакалавръ, іеромонахъ Игнатій, впослѣствіи архієпископъ Воронежскій, который по своимъ знаніямъ могъ бы принести студентамъ дѣйствительную пользу, но вместо того онъ только возбудилъ противъ себя ихъ нерасположеніе. Изъ этого вышла цѣлая исторія. Игнатій не получилъ академического образованія, окончилъ только курсъ въ архангельской семинаріи и тамъ былъ учителемъ греческаго языка, который онъ зналъ основательно. Когда въ академіи потребовался особый преподаватель греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, то бывшій, прежде Іоанна, инспекторъ Нафанаилъ рекомендовалъ земляка своего Игнатія и онъ былъ вызванъ въ академію преподавать греческій языкъ. Въ скоромъ времени онъ былъ сдѣланъ магистромъ по экзамену въ закрытой конференції. Затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Игнатій, какъ магистръ, сдѣланъ бакалавромъ по предмету чтенія священнаго писанія.

Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность. Когда онъ началъ составлять и читать свои лекціи студентамъ, лекціи были не что иное какъ беспорядочныя выписки изъ тол-

ковниковъ священнаго писанія, изложенный какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, который мы назвали языкомъ Телемахиды. Къ счастію, Игнатій недолго томилъ настъ своими наставленіями; вскорѣ вызванъ былъ изъ московской академіи отличный бакалавръ Азбукинъ, въ которомъ мы имѣли преподавателя, достойнаго всякаго уваженія. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ Григорій, много занятый своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ комиссіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ догматического богословія и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было-бы для насъ непріятнаго, еслибы Игнатій былъ только чтеніемъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыхъ были для насъ не нужны, многіе изъ насъ лучше его знали догматику; болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ опровергнуть, горячился и приходилъ вступицъ. Но среди товарищѣ нашихъ оказался его горячій защитникъ, студентъ Левицкій, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи онъ былъ замѣченъ въ вольномысліи, за что мы и называли его внукомъ Марфы Посадницы. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левицкій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположениемъ Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.

Послѣ чтенія догматики намъ положено было слушать каноническое право, которое въ академіи до того времени не преподавалось. Вѣроятно, между бакалаврами не было специалиста преподавателя этой науки, Игнатій же не имѣлъ тогда определенного занятія, и Григорій поручилъ ему читать намъ каноническое право. Такимъ образомъ Игнатій явился уже самостоятельнымъ между бакалаврами преподавателемъ, яко Саулъ во пророцѣхъ. Опять, только еще съ большею ревностью, сталъ онъ морочить наши головы своими лекціями; лекціи эти наполнены были длинными выписками изъ отцевъ церкви безъ всякаго систематического порядка и украшены фразеологіею.

Мы пытались было приводить въ порядокъ эти несвязные отрывки, но такъ какъ изъ нихъ не выходило ничего путнаго, то согласились между собою выучивать Игнатіевскія лекціи слово въ слово, что и нетрудно было сдѣлать намъ, потому что, часто глумясь надъ ними, мы ихъ затверживали. Цѣлью нашего умысла было то, чтобы на ревизорскомъ экзаменѣ показать Филарету нелѣпость лекцій Игнатія. Но прежде нежели пришло время, когда мы могли сдѣлать такую непріятность Игнатію, ему представился удобный случай и онъ имъ воспользовался, чтобы причинить намъ досаду. Междудъ тѣмъ Левицкій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ у Игнатія, а этотъ рекомендаціями своими поселялъ въ Григорії лучшее обѣ мнѣніе. Время приближалось къ окончанію нашего курса; нужно было выбрать изъ студенческихъ сочиненій лучшее для напечатанія въ опытахъ. Григорій въ это время заболѣлъ и не могъ сдѣлать выборъ, а потому поручилъ его Игнатію съ тѣмъ, чтобы онъ выбранное сочиненіе исправилъ. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левицкаго обѣ Ангелѣ Хранителѣ, тогда какъ были другія сочиненія лучшихъ студентовъ превосходнѣе. Игнатій, исправляя трудъ Левицкаго, совсѣмъ его испортилъ.

Тогда Григорій увидѣлъ свою ошибку и упросилъ инспектора Іоанна какъ нибудь исправить испорченное дѣло. Іоаннъ раздѣлялъ вполнѣ наше негодованіе на Игнатія. Три товарища наши, посвященные въ монашество, обѣдавши вмѣстѣ съ инспекторомъ и другими монашествующими бакалаврами, говорили намъ, что за столомъ Іоаннъ часто вступалъ въ богословскіе споры съ Игнатиемъ и, какъ *philosophus in utramque partem*, сбивая его съ толку, то заставляя его согласиться съ своимъ мнѣніемъ, то доказывая несправедливость этого мнѣнія, котораго Игнатій не умѣлъ опровергнуть. Получивъ отъ Григорія сочиненіе Левицкаго для исправленія, онъ разсердился на Игнатія и спрашивалъ его: зачѣмъ онъ взялся не за свое дѣло, котораго совсѣмъ не разумѣеть? Игнатій въ защиту свою только очвѣчалъ ему: „всکую совѣсть моя судится отъ иныхъ совѣстей.“ За всѣмъ тѣмъ Іоаннъ поправилъ разсужденіе Левицкаго

и оно было напечатано и читано самимъ Левицкимъ на публичномъ экзаменѣ предъ многочисленною публикою, что пріобрѣло ему карьеру. Но этою карьерою Левицкій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степеню магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Орловскую Семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего Вязнина и въ бѣлой отъ пьянства горячкѣ зажегъ Семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно, несчастный не подумалъ объ ангелѣ хранителѣ, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи. Но обращусь послѣ этого непріятнаго эпизода къ воспоминаніямъ о напіемъ окончательномъ экзаменѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому.

Въ августовской книжкѣ нашего журнала было высказано нами желаніе, чтобы поступившія въ 1889 г. въ собственность Императорской Публичной Библіотеки 14 писемъ Григ. Федор. Квитки къ А. А. Краевскому были опубликованы, какъ имъ ющія значеніе біографическое и историко-литературное. Въ отвѣтъ на это наше желаніе, мы получили отъ директора Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасія Федоровича Бычкова, копіи этихъ 14 писемъ съ любезно предоставленнымъ намъ правомъ помѣстить ихъ на страницахъ „Кievской Старинѣ“, за что считаемъ долгомъ своимъ принести ему сердечную нашу благодарность.

Письма эти, писанныя въ промежутокъ времени между 21-мъ октября 1839 г. и 13 іюня 1843 года, представляютъ интересъ, какъ увидятъ читатели, не только потому, что ими кое-что дополняется и освѣщается въ жизни и дѣятельности самого Г. Ф. Квитки, но еще болѣе потому, что въ нихъ затрагиваются многія стороны въ издательствѣ „Отечественныхъ Записокъ“ А. А. Краевскаго, равно какъ и вообще въ жизни русской журналистики и разныхъ литературныхъ партій съ ихъ направленіями. Оставляя пока въ сторонѣ заботу о всевозможныхъ выводахъ и обобщеніяхъ изъ этихъ писемъ, что можетъ составить предметъ особой статьи,—мы ограничимся теперь опубликованіемъ этого материала, очень интереснаго и безъ комментаріевъ, и только снабжаемъ его ближайшими біблиографическими справками.

1.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ за все лестное, изложенное въ письмѣ, коимъ вы почили меня. Отзыромъ своимъ вы предупредили меня, чего мнѣ не хотѣлось, и я все собирался благодарить васъ за всѣ ваши труды и за доставляемое намъ удовольствіе; но на сборахъ и сѣль, а вы меня и предупредили. Какъ понялъ сначала и какъ нашелъ вашъ журналъ, подробно излагалъ въ письмѣ когда то къ Евгенію Павловичу¹⁾. И теперь чѣмъ далѣе идетъ дѣло, тѣмъ болѣе вижу, что вы ни на шагъ отъ цѣли своей. Да укрѣпить васъ Богъ! „слѣдуя достигнешь“, а благодарности вамъ отъ такого рода людей, отъ коихъ вы ожидаете ее—навсегда останется. Жалкіе писки нетопырей, прозирающіе отблескъ свѣта и отъ того предвидящіе, что уродливость ихъ обнаружится, конечно должны усиливаться, въ надеждѣ, что они могутъ заглушить проявляющійся свѣтъ. Жалки они, но несносны своимъ пискомъ и (тѣмъ) болѣе, что ожидаешь услышать среди тишины—ну хоть чириканіе воробушка, какъ вдругъ слухъ поражается кваканіемъ лягушекъ, карканіемъ воронъ, старающихсяувѣрить, что они то и есть соловьи и канарейки; силятся заглушить визгомъ, пискомъ, кваканіемъ настоящихъ пѣвчихъ птицъ, коихъ слушалъ бы съ удовольствіемъ. Несносно! Вы скажете, „пускай себѣ визжать, они не заглушатъ пѣнія“. Такъ точно, но каково слушателямъ, коихъ уши страдаютъ? Благая цѣль ваша авось либо загонить ихъ въ болото. Общее желаніе.

Благодарю за устроеніе моихъ счетовъ. Бывъ въ другихъ обстоятельствахъ, мои условія были бы другого рода.

Я пишу всегда прямо и черноваго нѣть у меня, я его высылаю, какъ вы и видите изъ моихъ тетрадокъ; рѣдко перечитываю. „Головатаго“²⁾ не имѣль времени пересмотрѣть и потому боюсь, чтобы въ именахъ не надѣлалъ путаницы. Въ статьѣ другого рода оно бы ничего, а тутъ жаль мнѣ будеть самому

¹⁾ Гребенігъ.

²⁾ Головатый (материалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія напечатанная въ Отечеств. Зап. 1839 г. т. 6.

на себя. Узнавъ, что статья поступила къ вамъ, я тотъ же часъ писалъ къ Евгению Павловичу, прося его провѣрить имена, но, кажется, опоздалъ. Если съ сей стороны что мною наврано, по-трудитесь, гдѣ при случаѣ, оговорить. Желая изобличить кривыя сужденія, я со всею готовностью, доставлялъ бы вамъ статьи, но все то, что во время досуговъ написалось, все то отправилъ на дружеское, безпристрастное разсмотрѣніе и обсужденіе. Теперь, увлекаемый одобрительными отзывами вашими и другихъ, пишу Халявскаго ¹⁾, всю жизнь или эпохи жизни его сравниваю съ теперешними обычаями. Но за всѣмъ тѣмъ, буду урывать время, написать что и особенное для вашего журнала по желанію вашему. Не однимъ исполненіемъ обязанности своеї, гг. сотрудники ваши должны заграждать уста дерзко квакающихъ на нихъ, но пора бы всѣмъ имъ (или значительному числу и полновѣснымъ изъ нихъ) шикнуть на нихъ серьезно, какъ на шалостливыхъ уличныхъ ребятишекъ, авось-либо унялись-бы? Дерзость выше мѣры, затрогивать такъ людей съ именемъ, съ известностію, съ славою, и кому же? По крайней мѣрѣ я такъ понимаю это дѣло и полагаю, что грубая дерзость ихъ требуетъ уженаконецъ ускромленія. Я не читаю ихъ выходокъ равнодушно; сильное негодованіе овладѣваетъ мною за всѣхъ, кого они смѣютъ затрогивать—и все жду имъ урока, жду тщетно, къ прискорбію! В. А. Владиславлевъ просилъ у меня статьи именно для Лит. прибавленій. Я предназначалъ туда: „Вотъ тебѣ и кладъ ²⁾), потому что г. Луганскій въ первомъ № прибавленій помѣстилъ сказку о кладѣ, разсказываемую у нихъ и сходную съ разсказомъ Основьяненка. Я полагалъ, что въ тѣхъ же листахъ прилично было бы и мой разсказъ, на который онъ ссыпался, помѣстить; но это совершенно остается въ вашей волѣ, гдѣ угодно будетъ вамъ его помѣстить. Пріймите повтореніеувѣренія о большой къ вамъ благодарности за полезные

¹⁾ Павъ Халявскій. Романъ въ 2 хъ томахъ; напечатанъ въ Отчествѣ. Зап. 1839 г. т. 4-й только 1-й томъ, а 2-й вошелъ въ отдѣльное изданіе, вышедшее въ 1840 г.

²⁾ Малорусскій подлинникъ напечатанъ въ собраніи повѣстей (1834—37 гг.), а русскій переводъ—въ Литературной Газетѣ 1839 г.

труды ваши и увѣренія, что я всегда и всѣмъ готовъ содѣйствовать имъ и что ни въ какомъ случаѣ не уклоняюсь отъ обязанности моей, высылая, по мѣрѣ возможности, что напишется и будетъгодно для такого журнала. Вѣрьте также и душевному уваженію, питаемому къ вамъ съ душевной преданностью покорнѣйшаго вашего слуги Григорія Квитки.

21 октября 1839. Харьковъ.

Г-нъ Гамазовъ уладилъ меня бесѣдою въ теченіе только нѣсколькихъ часовъ, сообщая мнѣ, что у васъ въ Петербургѣ подѣлывается *по нашей* части. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ, но я долго времени продержалъ его. Изъ Одессы располагалъ писать къ вамъ, а здѣсь не успѣвалъ.

2.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Съ сею почтою получилъ я письмо отъ И. А. Плетнева; къ величайшему удивленію моему, онъ пишетъ, что не имѣеть еще отъ васъ денегъ, слѣдовавшихъ мнѣ. Это меня много разстроиваетъ. Убѣдительнѣйше прошу успокоить меня съ сей стороны. Затѣмъ если угодно вамъ цомѣщать мои статьи въ журналахъ вашихъ, скажите со всею откровенностью, съ какою я и мыслю объ васъ и отношусь къ вамъ: какую цѣну вы полагаете за мои піески? Отъ листа-ли это печатнаго будетъ, или отъ *штуки*; что мнѣ кажется не удобно: однимъ словомъ, скажите рѣшиительно и я доставлю вамъ что нибудь, чѣмъ, быть можетъ, понравимся читателямъ вашимъ. Двѣ, три готовы. И для какого именно журнала? Прямоты, чистосердечія, искренности и добраго расположенія вашего проситъ уважающій васъ и благодарный за труды ваши Григ. Квитка.

Если не въ тягость вамъ передать Евгенію Павловичу мой поклонъ. Молчаніе его поселяетъ мысль, не въ Малороссію-ли укатилъ? Да не забудетъ-же Основьяненка. Борщъ, вишневка, вареники и панночки—всѣ прелести наши—ожидаютъ его.

28 февраля. 40. Харьковъ.

3.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! За различiemъ водъ и безпутицею, письмо ваше отъ 17 марта получилъ

я только 31-го и скорблю, что отвѣтъ мой замедлится. Все по-вѣренное вами принялъ съ искреннимъ участіемъ, душею болѣзнуя читаль и скрою его навсегда отъ всѣхъ и каждого. Горько положеніе ваше! Неумѣстны будутъ всѣ мои „зачѣмъ“... коими, платя за откровенность вашу, имѣль бы право осыпать васъ—и потому лучше молчать о томъ, что случилось, и болѣе потому, что нечѣмъ исправить. Самое полновѣсное изъ всѣхъ „зачѣмъ“ было бы „зачѣмъ довѣрять подпискамъ безъ существеннаго? Но о всѣхъ судить каждый по себѣ... и не допускаетъ никакой недовѣрчивости, не постигая о возможности уклониться отъ слова. Конечно, тяжелъ вамъ этотъ годъ, но какъ високосный, какъ 40-й унесеть съ собою все непріятное навсегда! Да успокойтъ васъ Богъ и да подкрѣпить силы ваши пройти бодро чрезъ всѣ непріятности! Трудно, тяжело вамъ! Вижу васъ, слышу что вы, въ горькіе часы, думаете. Положеніе ваше очень знакомо. И на мнѣ лежала обязанность устроить и вести публичное заведеніе, съ шумомъ и блескомъ основанное обществомъ, члены коего на другой день забыли обѣщаніе платить деньги, а между тѣмъ не оставляли наблюдать за ходомъ дѣла. Все ваше мнѣ знакомо; а потому если не удивляюсь, какъ у васъ постоянно идутъ занятія, такъ скорблю, что, не смотря на состояніе духа и души, вы не можете, хотя на короткое время, оставить, отстранить ихъ и отдохнуть, поразмысливъ, запастись новыми силами. А что было бы, еслибы этотъ духъ и эта душашли на распашку, не стѣсняемые посторонностями и еще горькими?. . Хорошо еслибы начальствующіе взялись предложить подпиську по своимъ мѣстамъ, все было бы хоть что нибудь, но незначительное; вижу здѣсь на мѣстѣ, какъ это все идетъ и къ сожалѣнію кредитъ къ подпискамъ (хотя бы и по такой формѣ) портится всеусерднѣйше, благодаря некоторымъ продолжающимъ усиливать недовѣренность. Почти ни о чѣмъ уже предлагать не можно. Но попробуйте. Не можно-ли еще прибѣгнуть къ испрошенню помощи свыше, на поддержку, на основаніе, на что знаете и какъ знаете. Лишь бы помогли вамъ выйти изъ теперешняго непріятнаго положенія.—Удивительное дѣло, какъ другимъ сходитъ все съ рукъ! Не далѣе

какъ въ 4-й кн. Сынъ От., сегодня здѣсь полученной, читаю выходку противъ неисправнаго изданія Библ. ром.—и кто же шумитъ? Полевой, грѣшный за исторію, Телеграфъ и, свѣжо, за прошлогодній Сынъ Отеч. и проч. и проч. и проч. кругомъ обмарашился. Мѣдный лобъ! Я не торгашь писаньями, что вы могли замѣтить по Халявскому и Головатому. Кромѣ первого, о второмъ слышу самые лестные отзывы, получаю безыменные письма изъ Петерб.; говорятъ, что Головатый перль журнала и проч., между нами говоря; и я за эти статьи не придерживался постановленныхъ цѣнъ, а безъ всякаго разсчета бывъ обязанъ заплатить 700 р. тамъ на мѣстѣ,—почитая что это не будетъ для васъ обременительно, просилъ уплатить. Надѣясь на очищеніе того долга, я вошелъ въ новые счеты; а когда уже и новаго перешло гораздо, тогда узнаю, что еще и старое лежитъ на мнѣ... Съ тою же откровенностю скажу, что это меня, ну, поставило въ непрѣятное положеніе въ моихъ отношеніяхъ къ человѣку, съ которымъ до того шло все чисто. Вотъ почему, все мое у него и я не имѣю права располагать уженичѣмъ. Не для меня, а сякъ-такъ очищу свои счеты съ П. А. Плетневымъ, но для полученія статьи въ журналъ, если бы вы могли ему уплатить, тогда бы все пошло чисто и гладко. Теперь могу-ли я потребовать отъ него какой статьи для васъ, когда онъ ни отъ васъ, ни отъ меня (чего я никакъ не могу сдѣлать) не получитъ уплаты и въ правѣ заключить обо мнѣ, что на мысль придетъ. Согласитесь, что предположеніе мое справедливо и даже въ такомъ случаѣ, когда бы я выслалъ прямо къ вамъ статью. Согласившись на это, видите-ли, въ какомъ я стѣснительномъ положеніи по пламенному желанію сдѣлываться вашему прекрасному, благородному, полезнѣйшему дѣлу!—Въ новыхъ счетахъ у насъ пошло бы чище и гладже. Наприм., можетъ для васъ не такъ тягостно будетъ, современемъ уже, уплачивать мнѣ высылкою періодическихъ изданій на 1841 годъ, книгъ достойныхъ, портретовъ и тому под.? Можетъ у васъ идетъ это обмѣномъ или другимъ неотяготительнымъ счетомъ? О чемъ прошу при случаѣ, чтобы было заблаговременно, сказать мнѣ откровенно. Не знаю, какъ при-

няты *Украинские дипломаты*¹⁾, но эту статью предполагалъ для васъ; теперь припасаю въ родѣ такомъ же, авось кончится между нами эта непріятность, связавшая меня совершенно въ отношеніи къ Отеч. Записк., всѣми единогласно признаннымъ за журналъ полезнѣйшій, благородный, умный, дѣлающій честь времени—и какому? Искренно желаю, всѣми способами, только возможными для меня, содѣйствовать такой единственной цѣли. Пусть и моя лепта послужила къ составленію богатаго капитала на будущее время; и моя песчинка вошла въ составъ огромной колонны, и теперь постыжающей дѣтскія кучки, и чуть ли еще не навозныя... Благое намѣреніе всегда вѣнчается успѣхомъ. Я на себѣ испыталъ и вижу мое дитя въ блескѣ, въ извѣстности, хотя оно при проходѣ моемъ, не протягиваетъ ко мнѣ руки, не улыбается даже, но я имъ въ себѣ тѣшусь, горжусь... такъ и вы будете вознаграждены и утѣшены. Только мужайтесь, бодрствуйте. Искренно желаю вамъ и твердости, и самой скорой перемѣны на самое лучшее уважающій васъ, благодарный и не лестно преданнѣйшій Григорий Квитка.

3 апрѣля 40. Основа.

4.

16 октября 40. Основа.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Страховое ваше письмо я получилъ не такъ скоро, какъ бы слѣдовало, по причинѣ формъ. Благодарю васъ, что вы не измѣнили ко мнѣ доброго своего расположенія. Письмо ваше точно не дошло ко мнѣ, къ моему сожалѣнію. Это и не новость при здѣшнихъ порядкахъ. Благодарю васъ за успокоеніе меня въ счетахъ моихъ съ П. А. Плетневымъ. Теперь я почитаю это дѣло рѣшеннымъ, которое и должно поступить въ архивъ. О новомъ препорученіи вами мнѣ сдѣланномъ, т. е. о написаніи чего-либо въ Отеч. Записки, не знаю какъ быть. Оконченного нѣть ничего а написать не знаю какъ удосужусь. У насъ были выборы, слѣд. было много заботъ и частые выѣзды, при чемъ я простудился и до сего времени не приду въ силы. Когда соберусь со всѣми

¹⁾ Повѣсть, напечатан. въ Сояременникѣ 1840 г. № 18-й.

силами, приступлю дописывать вамъ повѣсть. О чёмъ тотъ-же день васъ извѣщу и буду просить о высылкѣ газетъ и журналовъ, разсчитывая, что повѣсть—чонка (sic) будетъ объемиста. Она будетъ въ особомъ родѣ. Халявскаго-же не могъ вамъ передать, потому что онъ уже выходитъ цѣлый, какъ видно по объявленіямъ. Попадется на зубки ваши, пощадите его по сердечушку! Позабочусь, чтобы и для вашего журнала написалось бы что интересное, да пора и забастовать. При выборахъ на меня пала должность предсѣдателя уголовной палаты. Тутъ уже не до повѣстей. Писать бы, какъ и хотѣль большие, но рука не служитъ. Слабъ еще. Все-таки подтверждаю: какъ расположуся, немедленно извѣщу васъ. Не откажите только въ высылкѣ изданій по запискѣ, которую пришлю. А что статья удовлетворить васъ въ объемѣ и можетъ быть въ чёмъ другомъ, въ томъ надѣюсь.

Будьте одинаковы къ искренно преданнѣйшему Григор. Квитеѣ.

Къ добруму Е. П. Гребенкѣ, уже было и перо взялъ, чтобы писать, но не здужаю. Съ нетерпѣніемъ жду его Альманаха.—Пусть потрудится спытать Ф. А. Кони: „А що добродію! Чи не забули ви що є на свитѣ Основьяненко, може бѣ дали яку звистку?“ Буду писать къ Евг. Навл. особо, укрѣпляся въ силахъ.

5.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Прочитавъ въ VI кн. Отеч. Записокъ выходки противъ меня, долженъ былъ бы печатно отвѣтить, но найдя въ ней же возраженія противъ написанного, улыбнулся и отложилъ, подумавъ, что вы, конечно, не перечитывали всего наполнившаго эту книжку. Въ одной статьѣ (говоря о Ластовкѣ) кричать объ открытии моего настоящаго имени. Оно и не было секретомъ и неоднократно было напечатано; при томъ же это у насъ вообще: коренное прозваніе—одно и рѣдко употребляемое, а другое, данное по отцу, мѣсту жительства или по какому случаю, то остается его собствен. Начавши писать Малорос. повѣсти, все требовало подписать приданное прозваніе, а не собственное, которое противно

нашимъ обычаемъ и многому. Оно употребляется только въ актахъ. Ну, оно бы и ничего, но прочитавши въ той же кн. въ смѣси о *Перепемскомъ* (?) ¹⁾, послѣднія слова, я покраснѣлъ и уже не придумалъ сильнѣе что отвѣтить.

2-е) Пеняя зачѣмъ пишутъ по малорос. и выставляютъ мужиковъ (это въ разборѣ тоже Ластовки), въ другомъ мѣстѣ при разборѣ соч. Жоржъ-Занда хвалять ее, что она не избираетъ состояній, а отыскиваетъ человѣка и описываетъ его и проч. Все это прочитавши, согласитесь, мнѣ нечего было возражать; но при всемъ этомъ мнѣ стало жаль, что вы не имѣете досуга перечитывать мелкихъ статей въ вашихъ книжкахъ. На томъ дѣло у меня по этимъ предметамъ и кончилось. Поговоримъ о другомъ. Что бы намъ уже покончить старые счеты, одолжите меня высылкою книгъ по приложенной запискѣ. Тѣмъ смѣлѣе прошу васъ обѣ этомъ, видя изъ письма вашего, что вы брались удовлетворить меня такого рода предметами. Пересылка книгъ чрезъ почту будетъ не удобна и отяготительна для васъ. Можно отправить чрезъ *контору транспорта*, отъ коей исправно все доставляется сюда. Нужно только выслать на мое имя квитанцію конторы, по коей здѣсь выдадутъ мнѣ посылку. Въ сокращеніе переписки по этому предмету скажу вамъ, что г. Плетневъ писалъ ко мнѣ, что денегъ отъ васъ не получилъ. Будьте здоровы. Подвизайтесь на общую пользу. Съ удовольствіемъ слышу, что Отеч. Записк. имѣютъ все больше и больше подписчиковъ. Онѣ того стоятъ.

Преданный вамъ Григорій Квитка.

11 іюля 41. Основа.

Комедія Шельменко-деньщикъ цензурвана 1838 года, что ясно видно на книжкѣ, а повѣсть въ 1840-мъ. Слѣд. изъ комедіи сдѣлана повѣсть, а не комедія изъ повѣсти. Опять ошибочное замѣчаніе въ От. Зап. ²⁾.

(*Окончаніе слѣдуєтъ*).

¹⁾) Вѣроятно, слово не разобрано при перепискѣ; не идеть ли тутъ рѣчь о повѣсти Квитки „Перекоптоле?”

²⁾) Идеть рѣчь о повѣсти „Украинскіе дипломаты”, которую считали первоизданиемъ для комедіи „Шельменко-деньщикъ” (см. соч. Гр. Данилевскаго „Основы-менко”, стр. 124).

Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г., какъ источ- никъ для изученія Слова о полку Игоревѣ.

Недавно изданный Вс. Срезневскимъ Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. въ исправной копіи начала XIX в. (прилож. къ LXXII т. Зап. Имп. Ак. Н.) даетъ намъ поводъ сдѣлать нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній относительно характеристическихъ особенностей творческихъ приемовъ и языка включенныхъ въ него произведеній, постольку, поскольку это можетъ имѣть связь съ поэтическимъ складомъ, символикой и формами Слова о полку Игоревѣ.

Параллельное ему изученіе сборниковъ, подобныхъ Мусинъ-Пушкинскому, крайне необходимо уже потому, что они пользовались громадною популярностью въ древней Руси, преимущественно у лицъ „преизлиха насыщшемся сладости книжныя“ (Сб. стр. 36), отличались выдающимися достоинствами и появились, въ начальной редакціи, ранѣе Слова, а потому, естественно, должны были оказать на него большее вліяніе¹⁾.

Сборникъ Мусинъ-Пушкинскій заключаетъ въ себѣ матеріаль для сравненія особенно драгоценный, ибо въ основу его легли капитальный творенія митрополита Иларіона и мниха Іакова, опередившихъ на цѣлое столѣтіе автора Слова о полку Игоревѣ.

Въ составъ Мусинъ-Пушкинского Сборника, переписанного съ древнѣйшаго списка Матвѣемъ Кусовымъ для Новгородской

¹⁾ Еще большую долю вліянія внесли они въ наши лѣтописи. Напр., описывая построеніе новой церкви св. Богородицы во Владимірѣ-Волынскомъ Мстиславомъ Даниловичемъ, лѣтописецъ повторяетъ буквально слова Иларіона (Ипат. изд. 1871 г., стр. 606).

Софіі въ 1414 г., вошли: 1) „Похвала князю рускому Володимиру“, соч. Іаковомъ мнихомъ, съ прибавленіемъ похвалы св. Ольгѣ и молитвы князя Владимира; 2) Слово Иларіона о второмъ законѣ, и о благодати и истинѣ, съ добавленіемъ Слова о Христѣ и Адамѣ, и др.; 3) Церковныя пѣснопѣнія: Тропарь св. Владиміру, „Канонъ св. Кюрика и Улиты матере его“ и пр. 4) „Житие блаженнаго Володимера“; 5) „Мученіе св. Куріка и матери его Улиты“.

Мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе состава изданного Вс. Срезневскимъ сборника, содержащаго статьи, которая составитель его счель умѣстнымъ пріурочить къ 15 іюля; для настъ важны запечатлѣнныя въ немъ древне-русскіе литературные обычай, равно какъ отдельные обороты, выраженія и слова.

Въ древне-русской литературѣ ярко отражаются впечатлѣнія, производимыя разнообразными явленіями природы; но ни одно изъ этихъ явленій не оставило въ ней такого глубокаго следа, какъ „Солнцю-свѣтъ“, т. е. солнечный свѣтъ.

„Игорю оутрѣпѣ¹⁾ Солнцио свѣтъ“. Сынъ Божій „яко же солнцю свѣтъ снیدѣ на землю“,—говорится въ Словѣ о Христѣ и Адамѣ (стр. 43). Героическая тема Слова о полку Игоревѣ—одуванченная борьба тьмы со свѣтомъ; представители солнечной стихіи—князья русскіе, представители мрака—князя половецкіе. Святозарное начало, воплощаюся въ князьяхъ русскихъ, даетъ имъ божественные свойства, перешедшія по наслѣдству отъ краснаго солнышка Владимира Святого. Этой солнечной натурой одаренъ былъ и главный герой похода на половцевъ Игорь Святославичъ, „внукъ великаго Трояна“. Тѣсное общеніе Игоря съ солнцемъ видно, между прочимъ, и изъ приведенного стиха²⁾—Когда солнце затмилось на небѣ,бросивъ зловѣщую тьнь на дружины сѣверского князя, то тотчасъ-же воспрянулъ дьяволъ (дивъ) и поднялъ кличъ, созывая полчища своихъ исчадій—бѣсовъ, которые въ образѣ половцевъ бросились Игорю на встрѣчу со всѣхъ концовъ

¹⁾ Ср. „Возложи оторонъ на Адама и у спячего выни ребро“. (Сб. стр. 34).

²⁾ Въ другихъ стихахъ Игорь прямо уподобляется солнцу.

обширной половецкой земли. Авторъ поэтической повѣсти переноситъ на дѣйствующихъ въ ней лицъ задолго уже до него сложившееся на Руси и развившееся въ міѳологическую теорію представлѣніе о свойствахъ солнца, какъ силы благотворной, живительной, созидающей и господствующей надъ міромъ, первенствующей по степени своей власти. Образуя зерно языческаго культа, оно, при насажденіи въ Руси христіанской вѣры, пустило новые ростки, приняло библейскую окраску, но въ корнѣ осталось незыблѣмымъ. Такъ какъ и мниху Іакову, и Иларіону, и инымъ писателямъ, учителямъ и проповѣдникамъ приходилось вести упорную борьбу съ милліонами „невѣгласовъ“, — „страхомъ повелѣвшаго крестившихся“ (Сб. стр. 61), то весьма понятно, что, при сочиненіи своихъ похвальныхъ словъ, назидательныхъ проповѣдей, тропарей и каноновъ, они, силою обстоятельствъ, вынуждены были примѣняться къ уровню умственного развитія народныхъ массъ, къ ихъ міровоззрѣнію и вообще внутреннимъ условіямъ быта, чтобы облегчить воспринятіе ими христіанскихъ истинъ, а потому рѣчь свою уснащали уподобленіями, примиряющими, съ богословской точки зрењія, древне-руssкія міѳологическія идеи съ христіанской моралью¹⁾. Однаковая черта проглядываетъ въ словахъ Кирилла Туровскаго и позднѣйшихъ проповѣдниковъ, также какъ и въ благочестивыхъ разглагольствованіяхъ нашихъ лѣтописцевъ.

Наиболѣе благопріятную сферу для превращенія языческихъ вѣрованій въ христіанскія представляли восходъ и закатъ солнца и производимыя ими измѣненія свѣтowychъ волнъ, начиная отъ появленія ранней зари до полнаго сгущенія ночного мрака. „Солнцю восиявшю,—тако и законъ благодати явивши и студеньство нощное погибѣ, солнцѣй теплотѣ землю согрѣвшю“

¹⁾ По словамъ А. С. Петрушевича, праздникомъ Рождества Христова греческая церковь нарочно покрыла языческій праздникъ Солнца (*diem natalem invicti Solis*), падающій на 25 декабря, и потому Христа называетъ Солнцемъ правды въ троарѣ, сочиненномъ на праздникъ Рождества.—Каракунъ-Крокъ, 1876, стр. 11, 33. Статья о Каракунѣ перепечатаана въ Литературномъ Сборникеъ 1887 г., стр. 82—199.

(стр. 40). „Владиміръ, служившій прежде дьяволу и бѣсомъ, отвержеся дьявола и бѣсовъ и всяя службы его“ (стр. 27, 31), приде отъ тмы дьявола на севтѣ... всю землю русскую исторже изъ устъ дьяволъ и къ Богу приведе и къ севту истинному... Нача мракъ идолскі и отъ насъ отходити и заря благовѣрья явися, тогда тма бѣсослуженія погибе и солнце еоуангельское землю нашю осиа“... „Отъ тмы къ севту приближающеся“... „Темна бѣху дѣла ихъ, не вѣзлюбиша севтѣ“ (стр. 51). Царство небесное противополагается тьмъ кромешной (стр. 53).

Въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ Владиміру язычнику приписываютя усвоенныя имъ отъ дьявола звѣрскія, скотскія склонности: „акы звѣрь бяхъ, много зла творяхъ и живяхъ акы скотина“. Въ Словѣ о полку Игоревѣ духъ тьмы дивъ—дьяволъ является также источникамъ зла (обиды, охватившей русскую землю) съ звѣрскими качествами, присущими и бѣсовымъ дѣтямъ, кощемъ (кощунникамъ), деремемъ (дерѣму), хиновѣ¹⁾—половцамъ. Поднятый дивомъ „свистъ звѣринѣ“ (т. е. звѣрскій) послужилъ сигналомъ для ихъ соединенія. Просвѣтивъ крещенiemъ и себя и русскую землю, Владиміръ святой сталъ на высоту недосягаемую,—и вотъ сочинитель Слова о Христѣ и Адамѣ обращается къ „внуку Игореву и Ольгину съ такимъ вопросомъ: „Не видѣвъ еси Христа, не ходиль еси по немъ, како оунукъ его обрѣтеся?! Въ житіи Владимира, правнука Рюрикова“ (стр. 74), останавливаетъ наше вниманіе слѣдующее моленіе, хотя по формѣ далеко не исключительное, но потому, что посвящено первому христіанскому князю:—„Дажъ, Господи по сердцю твоему и вся прощенія твоя исполни, дажъ ты, Господи, вѣнечъ съ праведными“. Коль скоро Ярославна величала солнце тресвѣтлымъ, къ имени Владимира св. присоединяется въ сборникѣ эпитетъ „треблаженныи: „О, блаженный и треблаженныи княже Володиміре!“—Треблаженныи отецъ и учитель“. (стр. 21, 68),—то несомнѣнно, что Дажъбожий внукъ, в. кн. Всеволодъ Яро-

¹⁾ „Cumani dicti vulgariter Cunove“ .(Rocznik Miechowski, подъ 1300 г.) У Тимора Симані—Суїї. Если чтеніе правильно, то получило бы еще бѣльшій, вѣсъ двусмысленное выраженіе: „Дорыскаше (Веселовъ) до куръ Тмуторокана“.

славичъ, и его сынъ Троянъ Слова о полку Игоревѣ, выступающіе на ряду съ великимъ Хорсомъ Изяславомъ Ярославичемъ и Ярославомъ Осмомысломъ Галицкимъ, метавшимъ подобно Перуну, громозди чрезъ облака и грозы по землямъ, сидѣвшему высоко на златокованномъ столѣ, какъ и славнодержавный Володимеръ, уподобившійся купчю, ищущю добраго бисера, *на высотѣ стола сѣдя матерѣ градовомъ богоспасеннаго Киева* (стр. 68, 69), суть міѳологическіе потомки оунука Христова,— „подобника Христа“ (стр. 67), краснаго солнышка русскихъ былинъ—Владиміра Святославича, отожествленнаго, по моему мнѣнію, съ Дажьбогомъ въ повѣсти объ Игоревомъ походѣ. Правда, Владиміръ св. въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ не называется прямо Дажьбогомъ, но, по свидѣтельству лѣтописца Малалы, приведенному въ Ипатской лѣтописи, „Солнце нарываютъ Дажьбогъ... Солнце—царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ“ (стр. 200), а въ былинахъ и Мусинъ-Цушкинскомъ сборникѣ качества Владимира, какъ подателя благъ, откуда, вѣроятно, и происходит слово Дажьбогъ, приравниваются къ солнечнымъ:—„Боль же всего бяше милостыню творя... *всѧку потребу даяше...* Блаженный князь Володимеръ имяше сокровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлами... милости гнѣздо... Кто исповѣсть многая твои нощныя милостыни и дивныя щедроты.... Бѣ велми милостивъ, многи створи добродѣтели“ (стр. 28, 31, 62, 77). Воинскія доблести Владимира св., побѣдителя радими-чей, вятичей, ятвяговъ, серебряныхъ болгаръ, козаръ и печенѣговъ, отодвигаются былинными пѣвцами и книжниками на второй планъ, тогда какъ славные походы Дажьбож്�яго правнука, Владимира Мономаха, составляютъ главное содержаніе народныхъ о немъ преданій, его собственного поученія и лѣтописныхъ разсказовъ о его княженіи. „Его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ“. Отъ него, какъ отъ солнца, падали лучи на русскую землю:— „акы солнце луча пущая“ (Ип. 208). Принося преславному *калану* Владиміру св. „похвалная вѣнча“, витіи восхищались не столько его ролю собирателя, устроителя и охранителя русской земли,

сколько ролью ея просвітителя, ихъ умъ поражали не столько успѣхи его на поприщѣ ратномъ, сколько успѣхи въ борьбѣ, направленной противъ идолопоклонства, съ того момента, когда къ нему „припахне воня св. Духа“, когда онъ, войдя въ св. купѣль, „отрясь слѣпоту душевную вкупѣ и телесную“ (стр. 69) и когда удалось ему „попрать языческіе куміры Перуна, Хороса и ины многи“. Завязкою всѣхъ похвальныхъ вѣнцовъ, каскіе свивались Владиміру св., представляются въ Мусинѣ-Пушкинскомъ сборникѣ дѣянія „великаго Костянтина“,—слава же Игоря Святославича сплетается со славою стараго) Владимира Мономаха, прозваннаго Троюномъ, именемъ языческаго божества, поклоненіе которому повидимому очень было распространено въ русскомъ народѣ въ XI и XII вѣкахъ.

„Того стараго Владимира нелзѣ бѣ *пригвоздити* къ горамъ Кыевскимъ“. Въ этомъ превосходномъ стихѣ величавый образъ неутомимаго подвижника, „доброго страдальца за русскую землю“, по выражению лѣтописи, возникнетъ передъ нами съ такими божественными свойствами, какими только и могла одарить его простодушная полуязычная фантазія благодарнаго народа въ воздаяніе за *спасеніе* отечества отъ разоренія, вслѣдствіе внутреннихъ княжескихъ смутъ, и отъ полнаго порабощенія погаными половцами. Страданія Мономаха отъ гула княжескихъ крамолъ выражены въ стихахъ:

„Сынъ Всеволожъ Владимиръ
По вся утра уши залладаше въ Черниговѣ“¹⁾).

Глаголъ „пригвоздити“ пѣвецъ, кажется мнѣ, заимствовалъ изъ церковныхъ тропарей, гдѣ онъ встречается весьма часто.

Чѣмъ ближе знакомимся мы съ литературными особенностями вошедшихъ въ Мусинѣ-Пушкинскій сборникъ статей, тѣмъ болѣе обнаруживаемъ аналогіи со вѣшними признаками излюбленныхъ пѣвцомъ образовъ и уподобленій. Христіанскія

¹⁾ Такъ въ Сборнику Владимира Святославовича—вакъ *стараго* Игоря (стр. 59).

²⁾ Стихъ моего чтенія: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на ка(з)нь ину“, обнаруживаетъ, что пѣвецъ считалъ крамолы казнью (наказаніемъ) для Мономаха (Ср. объясн. св. Феодосія о казняхъ Божіихъ).

идеи, проникшія въ Русь чрезъ Византію, зачастую облекались талантливыми писателями изъ среды русского духовенства, при литературной обработкѣ ихъ для русского народа, въ гимнографическую форму, и потому, по введеніи христіанства, охотно и легко усваивались народными пѣвцами. Послѣдніе пользовались книжной символикой въ переложеніи на живой народный языкъ, какъ художественнымъ элементомъ для героической обстановки своихъ славныхъ пѣсенъ въ честь обожаемыхъ князей, не пренебрегая при томъ, судя по проникнутому отъ начала до конца христіанскимъ настроениемъ Слову о полку Игоревѣ, национальными преданіями и нравами языческаго культа. Въ краткомъ сравнительномъ очеркѣ мы постараемся наглядно показать эту аналогію, отмѣтчив выраженія Мусинъ-Пушкинского сборника, способствующія пониманію языка древнѣйшаго нашего памятника пѣсенного творчества.

И въ Сборникѣ и въ Сказаніи о походѣ Игоря страстное желаніе получаетъ огненный характеръ:— „Владиміръ вжела сердцемъ и возгорѣлся духомъ“. У мниха Іакова (по списку, напечат. Голубинскимъ въ Ист. Рус. цер. I, 1, 280): *разгорается святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещенія*¹⁾. *Пылъ души Игоря* при видѣ солнечнаго затмѣнія такъ изображаетъ пѣвецъ:

„*Спала князю умы по хоти и жалость,—
(Оже) знаменіе ему заступи искусити Дону великого*“.

Въ изображеніи пѣвцомъ состоянія русской земли послѣ Каляльской битвы какъ бы отражаются послѣдствія грѣхопаденія съ его адскими муками:— „Постави въ вратахъ Едему хѣровимъ съ пламянѣннымъ копьемъ, браняще Адаму входа“ (стр. Сб. 34).

„*Въ пламянѣ роза жены русскія всплакашась*“...

Здѣсь пламенная разлука *роза* или *розы* русскихъ женъ съ погибшими мужьями намекаетъ на огненную геену, въ которую пошла вся Русь, ибо ранѣе пѣвецъ говоритъ:

¹⁾ Ср: Андрей Богоявленский духомъ разгореся божественнымъ (Ил. 397). — „Дьяволъ разжегъ сердце Игореви Ольговичу“ (Лавр. подъ 1142 г.).

„За нимъ (т. е. Игоремъ) клику карна (сѣтованье)
И жла (горесть) поскочи по русской земли,
Смагу (пекло) людемъ мычючи“.

Многіе смагу считаютъ смолою, но едва-ли позволительно съживать очень широкое понятіе смаги, какъ *жара*, хоть подъ смагу, конечно, подходитъ и горящая смола, названная въ сборникѣ пекломъ („пеколь“): „Изъ коноба почерплюще *пеколъ* кло-
кочущъ поливати ю“ (стр. 85).

Въ одномъ стихѣ Слова мыкавшай смагу желя разливается печалью, соотвѣтствуя *юдои плачевной* („дебрь кисаня“) въ Святославовомъ сновидѣніи:

„Печаль жира тече среди земли русской“.

Сходный по внѣшности, но противоположный по содержанию образъ находимъ и въ Сборнику: — „По земли нашей внезапу *потече* источникъ евангельскій“. — Адское положеніе русской земли совпадаетъ съ ликованиемъ готскихъ красныхъ дѣвъ, воспѣвавшихъ, на берегу синяго моря, время бусово, т. е. смурое, пасмурное отъ набѣжавшихъ съ моря черныхъ тучъ, и торжество самого Дива, повергавшагося на русскую землю посредствомъ своихъ исчадій-половцевъ.

„По русской земли *прострошася* половци“. Въ Сборнику читаемъ: — «По всей земли вѣра *простреся*... „Вѣра благодатная по всей земли *распростреся* и до нашего языка русского дойде“ (стр. 41—53).

Мнихъ Іаковъ, собирая по слуху отъ многихъ лицъ свѣдѣнія о Владимірѣ Святославичѣ, приводитъ письмо апостола Луки къ Феофилу со ссылкою на то, что „*мнози начаша повѣсти* дѣти о извѣстныхъ венцахъ, бывшихъ въ насъ“. Нѣвецъ вопрошаетъ:

„Не лѣпо ли ии башеть, братія, *начати* старыми словесы
Трудныхъ *повѣстей* (т. е. повѣствованія) о пѣву Игоревѣ“.

„Владиміръ заповѣда въ церквахъ *памяти* святыхъ *творити пѣнья* на славу и на хвалу Богу“ (стр. Сб. 22).

„Боять бо вѣщій, аще кому хотяще *пѣсь творити*“...

„По выраженію сборника: — „И мѣзда имъ (праведнымъ) отъ Господа и *строенѣе* имъ отъ Вышняго“ (стр. 30¹⁾). Здѣсь

¹⁾ Эти слова Соломона повторяетъ и лѣтописецъ (Ил. 44).

строенъе, какъ и въ лѣтописи *строй* земскій, о коемъ думалъ Владіміръ св. со своей дружиной,—сионимъ поэтическаго древа; когда это слово употребляется пѣвцомъ въ переносномъ значеніи на живомъ языке:

„Растѣкашется мыслию по древу“...
—„Скача, славію, по мыслену древу“...

Владіміръ народъ свой пашь правою:—„землю свою *пасущю* правою“ (стр. Сб. 59). Когда, послѣ солнечнаго затмѣнія, Игорь двинулся въ половецкія степи, то угрожавшая ему бѣда питала (надеждою), пробавляла птицъ—половцевъ, служила имъ кор-миломъ:

„Уже бо бѣды его *пасеть* птицъ“...

Приведенное въ Сборникѣ выраженіе пророка Исаіи: „горы и холмы смирятся“ (стр. 57). помогло пѣвцу сложить стихи обѣ успокоеніи половецкой земли Святославомъ Кіевскимъ:—

„Наступи на землю половецкую...
Притопта холми и яруги“...

Въ книжной литературѣ въ большомъ ходу было уподобленіе людей птицамъ, напр:—„Вѣсхотѣ собрати чада своя, яко же сбираетъ кокошь итенца подъ крілѣ свои (стр. 52). Въ Словѣ о полку Игоревѣ уподобленіе людей пернатымъ существамъ—на первомъ планѣ, причемъ соколы князья русскіе добраго гнѣзда принимаютъ однажды образъ серафимовъ-шестокрыльцевъ.

Сборникъ свидѣтельствуетъ о крайней растяжимости „формы „ваю“¹⁾ (двойств. число, именит. *ва*):—„память *ваю*,—„помогайта сродникомъ *ваю*“, „да спасуся *ваю* молитвами“—„похвалия *ваю*“,—святую *ваю* сыну Бориса и Глѣба“ (стр. 73, 80 и др.). Поэтому предложенный мною переводъ стиха:—

„Не *ваю* ли злаченными шеломы по крови плаваша“—не *за вашиими ли* и т. д. не требуетъ исправленія, тѣмъ болѣе, что сами шеломы не плаваютъ, золоченые шеломы носили только князья, а опущеніе предлоговъ въ пѣснѣ, какъ и во всей древнерусской письменности, есть явленіе заурядное.

Въ Сборникѣ:—мучити *нежрущая* кумиромъ“,—„пожри богомъ“,—„бѣсомъ не *жру*“ (стр. 82, 84, 85). Слѣдовательно,

¹⁾ По теоріи, она употребляется только въ родит. и мѣстн. падежахъ.

смиренная или тощая р. Стугна, поглотившая („пожрьши“) юного брата Мономахова Ростислава, вмѣстѣ съ тѣмъ принесла его въ жертву.—Форма Днѣпра:

....,князю Ростиславу затвори Днѣпры-темнѣ березѣ“ (при темномъ берегѣ) встречается въ Минѣ XVI в. и многихъ другихъ памятникахъ (стр. Сб. 107).

Въ Сборниکѣ:—, *То же блаженый Давидъ глаголаше*;— „Сего бо память держать“ (стр. 21 и 80). Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Сего бо¹⁾“ (старого Владимира Мономаха) нынѣ стали стязи“...—, *То же (также) звонъ слыша давній великий Всеходоль*“

Этотъ звонъ раздавался отъ крамольныхъ ратей Олега Святославича, отъ посѣянныхъ имъ распрай и жоторы (ср. Сб. стр. 39). Кромѣ приведенныхъ мною въ историческомъ изслѣдованіи Слова о полку Игоревѣ доказательствъ тождества коняна Олегова и „начальника державы Рускыя“ (Сб. стр. 69) Всеходолода Ярославича съ Дажь-божимъ внукомъ, а Изяслава Ярославича съ Хорсомъ, можно замѣтить, что божественная природа и того, и другого поэтически объединяется авторомъ Слова указаніемъ на одинаковый способъ достиженія до упомянутыхъ князей извѣстій о совершившихъ тревожныхъ событияхъ—посредствомъ звона. Слышалъ мятежный звонъ Дажь-божій внукъ, слышалъ въ Кіевѣ подобный же звонъ великій Хорсъ, когда его призывали полочане на вѣчѣ у св. Софії, въ разгарѣ борьбы его съ волкообразнымъ оборотнемъ Всеславомъ Брячискавичемъ.

Заключительные стихи Слова напоминаютъ церковныя похвальные пѣспопѣнія. Сказавъ, что Игорь ёдетъ къ св. Богородицѣ Пирогощей „по Боричеву“;—откуда свергнуть былъ Перунище (стр. Сб. 107),—пѣвецъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное возвратомъ Игоря на родину:—

,Страны ради, грады весели... и предлагаетъ пѣть князьямъ славу, провозглашай заздравный тостъ:—

„Зірави князи и дружина,
Прбарај за христьянъ на поганыя пльки!“

¹⁾ Ср. подобную форму „оуже бо“, неоднократно встречающуюся и въ Словѣ о полку Игоревѣ, и въ Сборниکѣ (напр. стр. 66).

Въ Сборни^{къ}—. Вся *Страны и градъ* и людіе чтутъ и славятъ когождо ихъ учителя;—похвалимъ же и мы... великаго кагана нашей земли... похвальными гласы... Израсти намъ свои пестнѣй лѣторасли Романа и Давида¹⁾, да молятся о нась къ Господу *княземъ нашимъ подати побѣду на поганые враги*“.

Универсальной школой, въ которой вырабатывались древнерусскія похвальные пѣснопѣнія, были столь обычные въ Руси пиры и братчины (см. Ип. стр. 340, 458 и др.). Вліяніе ихъ отразилось и на безподобномъ Словѣ Иларіона:—„Откуду испи память будущая жизни *сладкую чашю?*“ (стр. 63). Наоборотъ, Святославу Кіевскому довелось испить (во снѣ) *горькую чашу*, знаменовавшую попойку кровавымъ виномъ на берегахъ р. Каялы.

„Сватовъ попоша а сами полегота“..

Если при параллельномъ изученіи статей Мусинъ-Пушкинскаго Сборника и пѣсенного сказанія о походѣ Игоря бросаются въ глаза преобладаніе въ первомъ радостныхъ, а во второмъ скорбныхъ мотивовъ, то такое рѣзкое различіе обусловливается органическою болѣзнью Руси, поразившей ее въ княженіе Ярослава 1-го и принявшей во второй половинѣ XI вѣка столь острый характеръ, что пѣснотворецъ старой поры Боянъ сравнивалъ русскую землю съ тѣломъ, лишеннымъ головы. Вотъ почему авторъ издданаго X. Лопаревымъ „Слова о погибели русскихъ земли“ относитъ начало этого гибельного процесса къ Ярославу 1-му, какъ значится и въ заголовкѣ Слова и какъ явствуетъ изъ указанія его на продолжительность недуга:—„А въ ты дни болѣзни крестяномъ отъ великаю Ярослава и до Володимера, и до нынѣшия Ярослава и до брата его Юрья князя Володи мірскаго“. Коль скоро пѣсенный разсказъ о походѣ Игоря начинается

„Отъ старао Владвмера до нынѣшия Игоря“,—

то очевидно, что современный жившему въ XIII в. автору Слова о погибели Русскихъ земли Ярославъ названъ нынѣшимъ въ отличіе отъ *старао* Ярослава Слова о полк. Игоревѣ.—Теченіе болѣзни въ среднемъ своемъ фазизѣ совпадаетъ съ эпохой

¹⁾ Крестныя имена Глѣба и Бориса.

Владиміра Мономаха доказательствомъ чего служить помѣщенная въ томъ же Словѣ о погибели слѣдующая былинная характеристика Владимира:

... „Покорено было Богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны... Володимеру и Мона(ма)ху, которымъ то половци дѣти своя ношаху въ колыбѣли, а Литва изъ болота на свѣтъ не выникаху, аougры твердяху каменныи города желѣзными вороты, абы на нихъ великий Володимеръ тамо не въсѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече боудоуче за синимъ моремъ; боуртаси, черемиси, вяди и морѣдва бортъ вичахоу на князя великаго Володимера и жюръ Мануилъ (т. е. богачъ Мануиль?) царегородскій опасъ имъя, поне и великия дары посылаша къ немоу, абы под нимъ великий князь Владимириъ Царя-города не взялъ“.

А. В. Лонгиновъ

ТРИ ШЕЛЕСТА.

(Изъ исторіи колеивщины).

Въ гайдамацкомъ движениі 1768 г. принимали участіе три лица, носивші фамилію Шелестъ. Мы не знаемъ, были-ли это родственники или только однофамильцы; правдоподобнѣе послѣднее, потому что фамилія Шелестъ была довольно распространеною среди крестьянского населенія южной Россіи: въ актахъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, упоминаются крестьяне съ этою фамиліею и въ Смѣлянщинѣ, и въ Бѣлоцерковщинѣ, и на Волыни. Въ документахъ, относящихся къ эпохѣ колеивщины, упоминаются Еско (Іосифъ), Василій и Кондрать Шелесты. Ни одинъ изъ нихъ не игралъ особенно выдающейся роли въ движениі; но при детальномъ изученіи эпохи представляютъ интересъ и личности второстепенные. Кромѣ того, сообщаемые ниже факты могутъ представить тотъ интересъ, что даютъ нѣсколько новыхъ подробностей для исторіи колеивщины и заключаютъ нѣкоторыя характерныя черты эпохи. Наконецъ, сообщаемыя подробности могутъ предупредить возможность смѣшать три лица, носившихъ одну и ту же фамилію, но совершенно различныхъ по своей дѣятельности.

Еско Шелестъ былъ однимъ изъ первыхъ организаторовъ возстанія 1768 г. Краткія, но весьма интересныя свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ показаніи, данномъ Максимомъ Желѣзнякомъ на допросѣ въ русской слѣдственной комиссії¹⁾. Желѣз-

¹⁾ Слѣдственное дѣло о гайдамакахъ найдено въ К. Цеатр. Архивѣ И. М. Каманинымъ, которому мы обязаны приводимыми ниже подробностями изъ показавшій Желѣзняка.

някъ показалъ, что въ 1767 г. онъ вышелъ изъ Запорожья съ цѣлью провести нѣкоторое время въ монастырскомъ послушаніи. До конца года онъ прожилъ въ Жаботинскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ, а въ началѣ слѣдующаго 1768 г. перешелъ въ монастырь Мотронинскій. Весною 1768 г. явилось въ этотъ монастырь семь запорожцевъ, изъ которыхъ одинъ—Еско Шелестъ—называлъ себя атаманомъ. Онъ показывалъ и читалъ письмо кошевого Калишевскаго, въ которомъ указывалось на необходимость стать на защиту гонимаго въ Польшѣ православія и угнетаемаго крестьянства и съ этой цѣлью начать истребленіе поляковъ и жидовъ и разграбленіе ихъ имущества. Въ ссорѣ съ однимъ изъ своихъ товарищѣй-запорожцевъ Шелестъ былъ убитъ, и тогда-то Желѣзнякъ почелъ себя обязаннымъ стать во главѣ задуманнаго движенія.

Къ этому Шелесту относится, конечно, записанный Кулишемъ изъ вторыхъ рукъ разсказъ о началѣ гайдамацкаго движенія ¹⁾), хотя нѣкоторыя подробности этого разсказа, и въ особенности извѣстіе о смерти Шелеста, не согласны съ показаніемъ Желѣзняка. У Кулиша *Шелестъ съ двумя своими товарищами* Лусконогомъ и Гнидою поселились въ трехъ монастыряхъ—Мотронинскомъ, Мошенскомъ и Лебединскомъ—и собирали тамъ гайдамаковъ. Когда собралось по 300 человѣкъ въ каждомъ монастырѣ, пріѣхалъ изъ Запорожья Желѣзнякъ и повелъ ихъ всѣхъ на м. Тальное, а потомъ въ Умань. Послѣ Уманской рѣзни начались преслѣдованія и казни гайдамаковъ. Въ числѣ казненныхъ были и первые предводители гайдамаковъ—Шелестъ, Лусконогъ и Гнида: ихъ разстрѣляли близъ м. Монастырища. Сравнивая этотъ разсказъ съ показаніемъ Желѣзняка, мы видимъ, что у Кулиша Шелестъ представленъ однимъ изъ соображенниковъ Желѣзняка, участвовавшимъ во всѣхъ его предпріятіяхъ и казненнымъ уже послѣ окончательного подавленія восстанія; въ показаніи Желѣзняка онъ является иниціаторомъ восстанія и умираетъ, не доживъ до осуществленія своихъ плановъ. Въ разсказѣ Кулиша онъ представленъ дѣяте-

¹⁾ „Записки о южной Руси,” т. I, стр. 293—302: „Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 г.“.

лемъ второстепеннымъ; въ показаніи Желѣзняка—однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей восстанія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ разногласіяхъ предпочтеніе должно быть отдано безусловно показанію Желѣзняка, тѣмъ болѣе, что разсказъ, записанный Кулишемъ, какъ можно видѣть изъ самаго содер-жанія его, имѣть характеръ поэтическаго преданія, а не достовѣрнаго изложенія фактovъ¹⁾.

Vасилій Шелестъ былъ одинъ изъ ватажковъ гайдамац-кихъ въ юго - западной части Кіевщины. Свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ книги Кодненской военно-судной комиссіи, сообщены Я. Н. Шульгинымъ въ его „Очеркѣ Коліивщины“²⁾. Въ актахъ кодненской комиссіи упоминается девять его сообщ-никовъ; изъ нихъ семь казнены смертью, и только два отѣбла-лись розгами. „О ватажкѣ этомъ, говоритъ г. Шульгинъ, въ кодненской книжѣ есть только отдѣльная упоминанія въ судебн-ыхъ отмѣткахъ, но нѣтъ о немъ ни одного цѣльного доку-мента. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ“. Очевидно это былъ ватажокъ второстепенный. Г. Шульгинъ относитъ къ нему приведенный выше разсказъ Кулиша, въ которомъ имя Шелеста не названо; но мы видѣли уже, что разсказъ этотъ можетъ относиться только къ Еску Шелесту.

Совершенно иную роль въ томъ же гайдамацкомъ движе-ніи игралъ *Кондратъ Шелестъ*, свѣдѣнія о которомъ встрѣти-лись намъ въ одной изъ актовыхъ книгъ К. Центр. Архива³⁾. Это былъ типъ ренегата, ради личныхъ выгодъ, „для лакомства несчастнаго,“ измѣнившаго своимъ единоплеменникамъ и еди-новѣрцамъ. Онъ былъ козакъ изъ Кейдановки, Богуславскаго

¹⁾ Въ осѣнности разсказъ о казни гайдамаковъ: „Бувъ я разъ у Монасты-рище; а за Монастырищемъ есть ямы глыбки; то я ставъ да й дивлюсь: щобъ се за ями були? Колыжъ вде старый чоловикъ. „Лидусо!“ кажу, „що сде за ями таки?“ „А ты“, каже, „хіба не тутешній?“ „Ни“, кажу. „я здалеса, ажъ изъ Чигиринсь-кого повиту.“ „Оце жъ,“ каже, „ваша Чигиринськи гайдамаки лежать. Тугъ ихъ порубано ажъ девятьсотъ; и якъ павалызы землею, то кровь изъ ямъ свистала вгору завышки съ чоловика. А чи бачишъ три хреста гень—гень стоять? Ото лежать ихъ ватажки. Тамъ порозстрлювали Шелеста, Лусконога и Гніду“.

²⁾ „Кіевская Старина“ 1890, № 4, стр. 43—44. Отдѣльный оттискъ стр. 94—95.

³⁾ Книга № 93, акты № 204—209, листы 352—357.

староства. Мы не знаемъ его прежней службы, но изъ документовъ видно, что въ 1768 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи гайдамацкаго движенія, за что и получилъ отъ старости Богуславскаго гр. Яна Клеменса Браницкаго первую милость—увольненіе отъ уплаты „податковъ скарбовыхъ.“ Въ „привилѣѣ,“ данномъ ему по этому случаю Браницкимъ, заслуги его опредѣляются такимъ образомъ: „*Nie tylko miasto Bohusław z całym starostwem od irrupsyi haydamackiej uwolnił, buntow między pospolstwem żadnych nie dopuścił, ale też u transporta moje wszystkie, niemniej u intraty ocalił*“ (актъ № 208). Г. Шульгинъ, на основаніи кодненской книги, сообщаетъ иѣ-которыя подробности борьбы К. Шелеста съ гайдамаками. Шелестъ захватилъ въ плѣнъ скрывавшагося въ лѣсу вблизи г. Богуслава гайдамацкаго ватажка Грицька Волка, который передъ тѣмъ ограбилъ с. Погибляки (Звенигор. у.). Вскорѣ Богуславскіе козаки вмѣстѣ съ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьевъ, дѣйствовавшаго противъ Неживого и Швачки. Въ отсутствіе Шелеста другой ватажокъ Савечка ограбилъ Богуславскій замокъ и завладѣлъ хранившимъ тамъ добычею Волка. Шелестъ, возвратившись въ Богуславъ, не рѣшился преслѣдовать Савечка, въ виду разсказовъ о численности его загона, и уже Протасьевъ съ своею командою настигъ Савечка у м. Мощень и разсѣялъ его ватагу ¹⁾). Въ приведенномъ разсказѣ Шелестъ названъ, конечно на основаніи кодненской книги, сотникомъ Богуславскимъ; хотя, какъ увидимъ дальше, онъ утвержденъ былъ въ этомъ званіи только въ 1770 г., но весьма вѣроятно, что и въ 1768 г. онъ исполнялъ уже обязанности сотника.

Въ слѣдующемъ 1769 г. К. Шелестъ съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ борьбу со своими единоплеменниками. Отъ этого времени сохранился данный ему „*Ordynans na palenie futorow haydamackich*“. Приводимъ этотъ документъ въ подлиннике.

„Die decima nona decembris, millesimo septingessimo sexagesimo nono anno, w Horodyszczu, daie ten ordynans panu

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1890 стр. 49—50. Отд. оттискъ стр. 100—101.

Szelestowi, сотнику J. O. Hetmana Koronnego, ażeby za odebraniem onego spalnidował (?) wszystkie lasy nad Kozacką Doliną¹⁾ będące y gdzie kolwiek zastanie futory, co iest przechowaniem haydamakow y wszystkiego hultaystwa, wszystkie generalnie popalił, żadnego nie zostawując, co serio zalecam y podpisuję się. Datum ut supra. R. Z. Skrzynca Dzierżek, chorągwia znaku pancernego, komendant podjazdów ukrainskich generalny. L. S.²⁾ (aktъ № 204).

Вѣроятно и это порученіе было исполнено въ точности, потому что въ послѣдующіе годы Кондратъ Шелестъ получилъ рядъ новыхъ милостей. Въ 1770 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи сотника. Въ „патентѣ“, данномъ тѣмъ же гр. Браницкимъ, Шелестъ признается за „aktualnego сотника u kommandanta ludzi gruntowych Bohusławskich do służby kozackiey obowiązanych“, при чёмъ на него возлагается обязанность „porządek nalezyty w tey że milicyi kozackiey Bohusławskiey utrzymywać, wiernosci onejże... pilnie przestrzegać“ (актъ № 209).

Въ слѣдующемъ 1771 г. Шелестъ получилъ отъ гр. Браницкаго право построить мельницу на р. Россавѣ (актъ № 205); а еще черезъ нѣсколько лѣтъ ему дано было во владѣніе („держаніе“) селеніе Юхны²⁾, входившее въ составъ Богуславскаго староства. Въ актовой книжѣ не сохранилось акта первоначальнаго пожалованія, а записаны только двѣ подтверждительныя грамоты—1775 г., данная Ю. Ржевускою (актъ № 206) и 1778 г. гр. Браницкимъ (актъ № 207). Въ послѣдней грамотѣ послѣ указанія на заслуги Шелеста, которое представляетъ буквальное повтореніе приведенного выше отрывка изъ грамоты 1768 года, самое пожалованіе формулировано слѣдующимъ образомъ:

„Umysliłem mu dać wieś Juchny z poddanstwem, arędą, czyszami, ląkami, lasami, jak iest w swoim o brębie, oraz wszelkimi prowentami z niej pochodzającemi, jakoż niniejszym przywilejem moim tak iemu samom jako u żenie jego Chwesce Cioropownie

¹⁾ Село Казацкая Долина, теперь Козацкое, близь города Звенигородки.

²⁾ С. Юхны находится близь г. Богуслава. По современнымъ люстрациямъ въ немъ числилось отъ 10 до 13 дворовъ; годовой доходъ опредѣлялся въ 150—200 злотыхъ.

y ich successorom do dalszey woli y łaski mojej nadaię y wszelkiego rządzenia się jako swoją wsią własną dopuszczam y pozwalam“.

Этимъ оканчивается рядъ документовъ Кондрата Шелеста, занесенныхъ въ актовую книгу. Документы эти достаточно ясно рисуютъ личность Шелеста, очень напоминающую своею дѣятельностью одного изъ его предшественниковъ—извѣстнаго Савву Чаленка. Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ этого человѣка, но едва-ли и она не была сходна съ судьбою Чаленка. Въ одномъ документѣ 1792 г., въ напечатанномъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи“¹⁾ встрѣчается случайное упоминаніе о могилѣ какого-то полковника Шелеста,—именно положеніе одного земельнаго участка опредѣлено слѣдующими словами: „prosto Buteni, na gruntach Tunickich, koło szlachu Pustowoytowskiego, gdzie krzyż Szelesty pułkownika był leżącego“ Весьмаѣмѣроятно, что упоминаемый здѣсь „полковникъ“ есть бывшій сотникъ Кондратъ Шелестъ, тѣмъ болѣе, что мѣстность, где похороненъ этотъ полковникъ, находится вблизи владѣній Кондрата Шелеста: с. Туники лежитъ верстахъ въ 2-3 отъ с. Юхны. Самый же способъ погребенія—не на кладбищѣ, а на большой дорогѣ наводитъ на предположеніе о насильственной смерти...

В. Щербина.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Россіи. ч. VI, томъ 2, стр. 466.

НАРОДНЫЯ ПІСНІ ОБЪ ОТРАВЛЕНИИ ЗМІЙНИМЪ ЯДОМЪ.

Содер жаніе.

Предисловіе.—Варіанты малорусские, великорусские, бѣлоруссіе, польскіе, чехо-моравскіе, сербскіе, болгарскіе, литовско-латынскіе, мадьярскіе, албанскій, румынскій, нѣмецкіе, англійскіе и італіанскіе.—Обзоръ мотивовъ.—Предположеніе о происхождении нѣкоторыхъ галицко-русскихъ и малорусскихъ варіантовъ.—Предположеніе о происхождении всего цикла пѣсенъ.

Въ устной словесности западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ существуетъ обширный циклъ пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ. Эти пѣсни и являются предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія. Мы дали имъ другое оглавление на слѣдующемъ основаніи: отравленіе змѣйнимъ ядомъ составляетъ самую характерную черту этихъ пѣсенъ. Сестра отравительница выступаетъ въ большинствѣ варіантовъ славянскихъ; но въ западно-европейскихъ и, главное, въ старинныхъ італіанскихъ варіантахъ отравительницей является дѣвушка или вдова, а жертвой ея—невѣрный любовникъ. Такимъ образомъ, терминъ „сестра отравительница“ не обнимаетъ всего цикла пѣсенъ. Въ виду большого количества малорусскихъ варіантовъ—мы настоящее изслѣдованіе начнемъ съ ихъ разсмотрѣнія и на нихъ преимущественно сосредоточимъ наше вниманіе. Несомнѣнно, что въ народѣ циркулируетъ много незаписанныхъ еще пѣсенъ этого разряда; затѣмъ, мы должны оговориться, что изъ записанныхъ, вѣроятно, многія ускользнули отъ нашего вниманія; при всемъ томъ, многочисленность и сходство изданныхъ варіантовъ даютъ намъ поводъ предполагать о сходствѣ неизданныхъ и открывать возможность приступать къ научному ихъ обзору, систематизаціи и, если не къ рѣшенню, то, по крайней мѣрѣ, къ

постановѣ вопросовъ объ ихъ происхожденіи и путяхъ распространенія.

№ 1—2. Двѣ пѣсни изъ Литинскаго уѣзда Подольской губ.:

Ой у поли кирнеченька,
Тамъ дивчина воду брала
Съ козаченкомъ размовляла ..

Она предлагаетъ козаку посватать ее; козакъ предлагаетъ ей отравить сначала брата. Дѣвушка говоритъ, что мать не научила ее чаровать. Козакъ тогда говоритъ:

Ой у лиси на ялни	Пидставъ дивча коновочку
Ой тамъ высѣть три гадыни;	Щидъ гадячу головочку,
На гадыну сонце пече	Ясь прыйде братъ зь дороги,
А зъ гадыны ропа тече.	То ты чары приготовышъ...

Дѣвушка предлагаетъ брату „цѣго пыва“; братъ хочетъ, чтобы она сначала выпила; но она говоритъ, что уже пила.

Ясь братъ пыва да и напився,
По коныку повотився,
По коныку вороному,
По сидельца золотому.

Дѣвушка возобновляетъ свое предложеніе о сватовствѣ и получаетъ отказъ: счарувала брата, говоритъ козакъ, счаруешь и меня (*Чубин. V.* стр. 432, 433).

№ 3. Въ варіантѣ изъ Балтскаго уѣзда начало: „Ой у поли два тополя.“ Армяне (вармяне) подговариваютъ дѣвушку уйти съ ними. Дѣвушка боится брата и, по совѣту армянъ, отравляетъ его. Змѣя одна, виситъ на калинѣ; „болить іи головочка“; армяне отказались взять отравительницу,—„ни брата, ни вермана.“ Вышла она за жебрака, носила за нимъ торбу и часто получала отъ него удары „въ морду“ (*Чуб. V.* 433).

№№ 4—6. Въ трехъ варіантахъ изъ галицкаго Покутья, почти тождественныхъ съ №№ 1—2, въ концѣ пѣсни соблазнитель названъ „сербиномъ“; отравительница выходитъ замужъ за нищаго и также получаетъ отъ него удары „въ морду“ (*Kolberg, Pokucie II.* 44—46).

№ 7. Въ вар. изъ стрійскаго округа (въ Галиції) сербъ выступаетъ уже въ самомъ началѣ пѣсни:

Ходить Сербинъ по надъ рѣку,
За иѣмъ бѣжать дѣвка въ вѣнку.
„Ой сербине, сербино тку,
Возьми меня дѣ-чивочку.

Сербинъ говоритъ, что боится ея брата. Дѣвушка предлагаетъ отравить брата и при этомъ сама объясняетъ, что ядъ достанетъ изъ змѣиной головы. По возвращеніи брата съ охоты, сестра подноситъ ему отраву въ черномъ пивѣ. Пѣсня оканчивается отказомъ серба жениться на отравительницѣ брата (*Голос. I 207*),

№ 8. Близкій варіантъ изъ Липовецкаго у. Кіев. губ. „Ой Свербыно, Свербыночку“ изданъ въ *Zbiór wiadomości* t. VIII 169.

№ 9. Въ галицко-рус. варіантѣ первый стихъ оригиналенъ: „Сѣдять ткачи на варштатѣ, звѣдуются о своемъ братѣ.“ Воевода проситъ у дѣвушки вѣнокъ (символъ цѣломудрія). Опасаясь противодѣйствія со стороны старшаго брата, дѣвушка отравляетъ его. Въ этомъ вар. подробно описано приготовленіе яда; по совѣту воеводы:

Идь до саду вишнѣваго,
Ламай гинча зеленого,
Частуй брата при сѣдѣ;
Готуй же го подъ пециами,
Уваръ же го въ зинней водѣ,
Наиочь же го до склянici,
Та го вынесъ до свѣтицы.

Пѣсня оканчивается такъ: братъ отравленъ, а сестра отравительница закована въ цѣпи и осуждена на висѣлицу (*Голос. I 207—208*).

№ 10. Въ близкомъ галицкомъ вар. дѣвушка отравляетъ брата по совѣту „чуджоземца.“ Отравой служить зѣлье. По смерти брата сестра раскаивается и просить сжечь ее, пепель развеять по полю; „най зъ мя росте бѣлый квѣтъ, най то знае цилый свѣтъ“—такъ кончается этотъ варіантъ (*Голос. I 208*).

№ 11. Въ вар. изъ Галиціи начало: „Ой ты зъ-за горы, а я зъ-за другой.“ Здѣсь развитъ способъ приготовленія яда изъ гада рябенькаго и ящерицы. Особенностью представляется еще то, что у брата послѣ первой ложки „одно личко слѣзло,“

послѣ второй—другое лицо, а послѣ третьей „цѣла тварь облѣзла“ (*Голов.* I 209).

№ 12. Малор. вар. (изъ Залеванщины), изд. въ сборникѣ г. Поповскаго въ „*Zbiór wiadomości*“ VIII стр. 8, представляеть повтореніе вар. № 1—2, 7 и 8. Начало: „Ой Сердене, Серденочку, сватай мене дивчиночку“. Сердене, очевидно, народно-этимологическое толкованіе слово „сербинъ“. Пѣсня оканчивается, какъ №№ 3, 4, 5, 6.

№№ 13—14. Два варіанта изъ Угорской Руси говорятъ вообще объ отравленіи молодца дѣвицей за невѣрность. они близки извѣстной малор. пѣснѣ „Ой не ходы, Грыцю“. Брата нѣтъ. Способъ приготовленія ядовитаго зелья изъ кореньевъ напоминаетъ великорусскія пѣсни (*Де-Волланъ*, Угро-рус. вар. пѣс. 40—41).

№ 15. Въ вар. изъ Ушицкаго у. дивчина Настя отравляеть парубка перепелкой на маслѣ и смѣется надъ нимъ во время его мученій (*Чубин.* V 434).

№ 16. Въ одномъ вар. (безъ обозначенія мѣста) начало: „Жене Василь волы съ поля, въ сопилочку грае...“ Дѣвушка у криницы приглашаетъ Василя къ себѣ; ея мать даетъ ему сначала пирогъ съ шалфеемъ и мятоj, чтобы вызвать любовь; потомъ пирогъ со змѣй. Василь пришелъ домой и проситъ у матери совѣта (*Чуб.* V 434).

№№ 17—19. Къ этому варіанту близко стоятъ три галицкихъ, изъ Покутья. Отравительницей является въ двухъ Парася, въ одномъ Одокія; жертва во всѣхъ трехъ вар. названа Иваномъ. Начало 1-го „Иванъ коне наповайе, а въ сопивку грае“, во 2-мъ также упоминается сопилка. Отрава поднесена въ пирогъ и въ яблокахъ. Дано отрава дѣвушкѣ ея матерью (*Kolberg*, *Pokucie II*, 42—44).

№ 20. Буковинскій вар. у *Купчанка* 141 очень близокъ къ помѣщеннымъ у Кольберга изъ Покутья. Соблазнитель—Иванъ, отравительница—Парася. Отрава упоминается мимоходомъ. При смерти Ивана присутствуютъ односельчане.

№ 21. Въ вар. изъ Харьковской губ. „Ой дивчино чернобрыва“ дѣвушка накопала въ лѣсу ядовитаго кореня, вымыла

его въ Дунаѣ, положила въ стаканъ меду и отравила своего брата. Она спрашиваетъ, какъ онъ чувствуетъ у себя на сердцѣ. Козакъ отвѣчаетъ, что у него на сердцѣ „черви камушки лежать“ (Чуб. № 435)—пѣсня краткая и испорченная.

№ 22. Въ другомъ вар. Харьковской губ. („ой, сонъ, маты, ой, сонъ, маты, головоньку клонитъ“) дѣвушка кладетъ отраву въ пирогъ. Она говоритъ, что отрава тогда пройдетъ, когда въ полѣ ири дорогѣ разовьется сухой дубъ (Чуб. V 436).

№ 23. Въ третьемъ вар. изъ Харьковской губ. „Маты сына научала“ не ходить на вечерницы. Дѣвушка его напоила отравленнымъ медомъ. Парубокъ идетъ домой и просить мать послать за ворожкой. Пѣсня оканчивается сожалѣніемъ парубка, что ему болѣе нельзя ходить на улицу (Чуб. № 436).

№ 24. Въ вар. изъ Полтавской губ. („Ой дивчино, дивчинонько“), мужчина просить дѣвушку полюбить его и, чтобы братъ не побилъ ее, отравить его. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ достать ядъ изъ змѣи—почти дословное повтореніе вар. № 1—2. Отрава положена въ пиво. Отравительница выходитъ замужъ за нищаго и получаетъ отъ него побои (Чуб. V 915).

№ 25. Весьма замѣчательенъ слѣдующій галицко-русскій варіантъ, по близости къ западно-европейскимъ. Это соединительное звено между восточно-малорусскими и западно-европейскими пѣснями о сестрѣ отравительницѣ:

Сынку Васильку, жалости мол!
Ой цы ходывъ ты до вдовы на вечерини.
Ходывъ я, ненько, щаре серденько,
До той чаровницы.

Мать спрашиваетъ, что вдова варила? Сынъ отвѣчаетъ, что варила рыбку зъ лабочками (?). Мать спрашиваетъ, гдѣ она ее поймала? О.—Въ огородѣ въ лободѣ. Вопросъ: Гдѣ она ее вправляла? О.—Ожогомъ подъ порогомъ. Вопросъ: Цы вдова еи ила? О.—Не ъла, говорила, что у нея голова болить. Вопросъ: Ъли ли дѣти ея? О.—Не ъли, бо спатоньки хотѣли. Этими словами и оканчивается пѣсня. Смыслъ ея ясный—отравленіе парубка. (Голов. II 584). Въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія его діалогическая форма.

Отъ объемистаго ствала пѣсень о сестрѣ отравительницѣ пошло нѣсколько могучихъ вѣтвей. Первой такой вѣтвию представляются пѣсни обѣ отравлениіи дѣвицей невѣрнаго любовника на мотивъ весьма популярной пѣсни „Ой не ходы, Грыцю, на вечерныцї“. Пѣсни этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ малорусскихъ пѣсень. Извѣстны онѣ и въ Бѣлоруссіи (*Шейнз*, стр. 235). Второй вѣтвию, повидимому, являются тѣ также весьма многочисленныя пѣсни, въ которыхъ отравленіе молодца дѣвушкой является не какъ фактъ, а какъ уподобленіе, сравненіе, напримѣръ—слѣдующая угорско-русская пѣсня;

На дворѣ хмарно и вѣтеръ вѣе,
Самъ я не зналъ, что ми ся дѣе,
Дѣвчина любила, серденько авила,
И приваду дала, та и зачаровала.
„Ей такъ бы ты звалъ изъ сѣни до хати“,
Якъ я тебе знала да чимъ чаровати;
У мене чароньки черныи бровеньки
И приваду доньки румянини личоньки“.
О якъ болитъ, кедъ укусить
Лята гадиновъка;
Еще лучше, кедъ счаруетъ
Люба дѣвчинонъка.
Кедъ укусить гадиновъка,
Найдешь земли лѣки;
Кедъ счаруетъ дѣвчинонъка—
Шрапалъ есь на вѣки (*Де-Волланъ*, 42).

№ 26. Въ Великороссіи пѣсня о сестрѣ отравительницѣ хорошо извѣстна.

Стругаль стружки добрый молодецъ,
Брая стружки красна дѣвица,
Браѧши стружки на огонь клала
Все змѣй пекла, зѣлье дѣлала.
Сестра брата известь думала,
Выходила посередъ двора,
Наливала чашу прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
„Пила, братецъ, наливаючи,
Тебя, братецъ, поздравляючи.

Канула канула коню на гризу
У коня гриза загоргласа...

Братъ срубилъ сестрѣ голову.

И онъ скжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самого до пепла;
Онъ развѣялъ пухъ (*sic!*) по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати (*Сахаровъ, Сказанія*
рус. н.р. III 202).

Этотъ варіантъ, самый грубый и жестокій изъ известныхъ мнѣ варіантовъ, записанъ до 1841 г., года изданія Сказаній Р. Н. Подобная суровость могла существовать и въ инородческихъ варіантахъ; въ италіанскомъ братъ грозитъ убить.

№ 27. Свообразная версія у Сахарова *ib.* стр. 206: Дѣвушкакопаетъ ядовитые коренья и отравляетъ милаго дружка (не брата). Умирающій проситъ похоронить его на распутьѣ, посадить въ головахъ дерево и т. д.

№ 28—29. Два близкихъ великорусскихъ варіанта въ сборнике П. В. Шеина 327 № 56 и 57. Что пѣсни эти представляютъ великорусскую передѣлку пѣсень о сестрѣ отравительницѣ, видно изъ 57 № сб. Шеина „Разногодная дѣвчинка“ по лугу гуляла, накопала ядовитыхъ кореньевъ, наварила и поднесла ихъ „братьцу родному“. Къ вечеру братъ „поразохался“, и въ полночь „попа спросилъ“, а къ бѣлу свѣту умеръ. завѣщавъ похоронить его межъ трехъ дорогъ (петербургской, московской и тверской“). Проѣзжающіе Богу молятся (за брата) и проклинаютъ сестру. Варіанты Шеина записаны № 56 въ Рязанской, № 57 въ Тверской губ.

№ 30. Въ Терской области записанъ великорусскій варіантъ „Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ“. Дѣвица поднесла молодцу стекляницу“ вина съ отравой. Молодецъ просить дѣвицу выпить, получаетъ отказъ; онъ вылилъ вино на землю:

Маѣ сырья-то земля, она загорласа,
А людая змѣя, она взвиваласа,
А красная-то дѣвица, она испугаласа,
И доброму то молодцу на щечкѣ бросаласа.

Этими словами и заканчивается вся пѣсня (*Сборн. матер.* для изуч. Кавказа VII 83)¹⁾.

¹⁾ Въ сборнике „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова, составленномъ, вѣроятно, въ началѣ XVIII ст., а впервые изданномъ въ 1804 г.,

№№ 31—32. Бѣлорусскіе варіанты въ сборникахъ Шеина стр. 234, № 409 и Романова I, 48 представляютъ почти буквальное повтореніе великорусскихъ Сахарова (безъ убийства отравительницы) и Шеина (подъ № 57). Въ обоихъ бѣлорусскихъ варіантахъ сестрѣ не удается отравить брата: она выливаетъ вино на гриву коня, грива загорается и братъ бранитъ сестру.

№ 33. У поляковъ циркулируетъ много пѣсень о сестрѣ-отравительницѣ, и значительная часть ихъ вошла въ I т. Lud Kольберга (стр. 115). Въ однѣхъ пѣсняхъ отравительницей является краковянка (Krakowianka, otrѣj brata etc.), въ другихъ подолянка. Приведемъ здѣсь варіантъ изъ Прасныша, написанного Хелюховскимъ въ Вислѣ 1888 II 139. „Na Podoli bialy kamien“; на камнѣ сидитъ подолянка; къ ней подходитъ подо-

находится любопытный великорус. варіантъ пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ, при чемъ вместо змѣинаго яда отрава приготавливается изъ кореньевъ. Въ этомъ варіанте сніманіе пѣвца сосредоточено на приготовлении отравы. Пѣсня краткая

Кабы по горамъ, горамъ, высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и покрай было моѧ синяго,
И по тѣмъ хорошиимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица.
А копала она коренья, зѣлье лютое.
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растриала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсыпала коренья бѣлыи сахаромъ —
И хотѣла извести своего недруга;
Не взначае извела своего друга милаго
Она по роду братца юдимаго.
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убивающи,
Она жалобно, дѣвица, причитаюти:
„Запапрасно головушка погибнула“.

Пѣсня эта—искаженіе пѣсень о сестрѣ-отравительницѣ, Ошибка встречается въ болгарскомъ вар.; но ошибка какъ разъ обратная: сестра вместо брата отравила любовника. Варіантъ Кирши Данилова представляетъ интересъ въ томъ отношении, что указываетъ на распространение пѣсень о сестрѣ-отравительницахъ въ Великороссіи въ началѣ XVIII в.

лявецъ и просить у ней вѣнокъ. „Я дала бы, да боюсь брата, говоритъ она. Отрави брата, совѣтуетъ подолянецъ. Подолянка говоритъ, что не знаетъ чѣмъ. „Отыщи змѣиныхъ листьевъ, свари ихъ и напой брата“. Братъ возвратился съ похода, привезъ сестрѣ подарки (sukienecki). Сестра потчиваєтъ его отравленнымъ виномъ. Братъ падаетъ съ коня и проситъ сестру позаботиться о его дѣтяхъ. Колоколъ звонитъ о смерти брата, а сестру ведутъ въ тюрьму. Пѣсня оканчивается раскаяніемъ отравительницы. Любопытно, что конецъ этого польского варианта совпадаетъ съ началомъ галицко-русской пѣсни, отмѣченной выше подъ № 9.

Siedzo siewcy na warstacie
Spivajo piešú o ju bracie,
Okujciez me w bialy kamien,
Niech nie slyse piešni o niem.

№№ 34—35. Съ этимъ вариантомъ почти дословно сходны два польскихъ вар. въ сб. *Kozlowskiego*, Lud (piešni, podania etc. z Mazowsza Czerskiego) стр. 52—53. Начало тожественное „Na podolu bioły kamien“. Подолянку къ отравѣ склоняетъ подолянецъ. Послѣднихъ 4 строкъ (Siedzo...) нѣтъ. Эти варианты оканчиваются просьбой брата, обращенной къ сестрѣ отравительницѣ, позаботиться о его дѣтяхъ. Отрава обычная—змѣя. Въ одномъ изъ вариантовъ братъ названъ Ясей. Козловскій въ примѣчаніи говоритъ, что такого рода пѣсни распространены у поляковъ, чеховъ и венгерскихъ словаковъ. Указаны польские вар. у Кольберга, Войцицкаго, Конопки и Жег. Паули.

№ 36. Чехамъ и моравцамъ пѣсня о сестрѣ-отравительницѣ хорошо известна (сборники Кукулевича, Эрбена, Сушила). Моравскіе варианты отличаются полнотой; въ нихъ какъ-бы сведены мотивы пѣсни. Таковъ, напр., слѣдующій вариантъ, который приводимъ вполнѣ:

Ulianka čista panna	Možeš s nami předcajeti.
U Dunaja šaty prala.	Jak bych ja ho otravila?
Dojeli tam tře husaři,	Temu sem sa neučila.
Pod' Uliško pojed' s nami.	Boz do lesa dobovoho,
Ja bych s wami ráda jela,	Najdeš hada jedoveho.
Dybych tu bratra nemela.	Uvař mu hozsnidaničku,
Bratra možeš otraviti,	Jak rybičku s černu mäčku.

Už Janiček z hory jedo,
Malované dřevo veze.
Hned mu wrata otvírala
Vrane koně vyprahala.
Uliancko, co noveho,
Ze vypřáhaš kona meho?
Pod' Janičku k snidaničku,
Maš přichystann rybičku.
A co suto za rybičky
Dyt' nema žadna hlavičky.
Hlavičky sem urubala
Pod okenko zakopala.
Jak ten první kusek zedl
Hned na leve ličko zbledl.
Jak ten druhý kuzek zedl
Hned na obě lička zbledl.
Jak ten třetí kusek zedl,
Hned nacele tělo zbledl.
Bež Uliško pro pivečko
At si ovlažím srdečko
Donesla mu lužovice:

Pij, Janičku, pij velice.
Bež, Uliško, pro perinku,
Nech položim svu hlavenku.
Donesla mu tvrdý kamen'
Ostavaj tu s panem Bohem
Bojanovské zvony zvoňa,
Ulianku drabi hoňa.
Ty Mutenske zezwanaju,
Ulianku dohaňaju.
A Hodonske dožvonily,
Ulianku dohonili.
Janička na krchyn nesu,
Ulianku kati vezu.
Zazdite mia do kamen'
Nech o mne pesničky není.
Zednici ju zazdivali
Panny pesničku skladaly.
Ulianku už zazdili
Panny pesničku složily.
Sušil, Moral. národ. písne, II, 167—
168.

Въ варіантахъ ничтожныя особенности. Вездѣ братъ жалуется, что у него заболѣло сердце. Способъ приготовленія яда не сложный.

№ 37. Въ сербской пѣснѣ: „Сунце са ће ме ћу две плавине“; парубокъ лежитъ между двумя дѣвицами; одну любить, другую не любить.

Ая' говори лепота девојка:
„Љуб' и мене, момче исженено!“
Нъј говори момче неженено:
„Љубно б'те, лепото довојко!
Али не смем од брата твојега:
У тебе је братак кавгација¹⁾,
Кудгод иде, онъ замеће кавгу“.
Кад то чула лепота девојка,
Она иде у гору зелену,
Те премеће дрвље и камене.
Док је напала гују²⁾ отравницу.
Заклала је зла ћевим прстеном,
Уточила по кондира³⁾ једа,

¹⁾ Спорщикъ, кавга—споръ, скора.

²⁾ Гуја—змѣя.

³⁾ Кондира—сажа.

Оно друго вином доточила,
Па га дала свом брату роћеномъ,
Те је свого брата отровала;
Па отиде момку неженъену;
„Лъуби мене, момче неженъено,
Ја сам мого брата отровала“.
Аи' говори момче неженъено:
„Ид' одатле, једна отровница!
Кад си свога брата отровала,
Отроваћеш и мено јунака (Караджичъ, Срп. нар.
пјесме I, 215 № 302).

№ 38. Въ сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсень *Райковича* подъ № 251 (стр. 221) находится краткій варіантъ „Шо-кица“: начало обычное у сербовъ (сунце дало мећу горицата). Молодецъ Јово предлагаетъ дѣвушкѣ отравить брата; дѣвица говоритъ, что она попросить вилу собрать ядовитаго зѣлья:

Іа ѣ у ређи погоркини вили
Да сабере од отрава билья,
Па ѣ у свога брата отровати—
—Курво, кучко, бијела Шо-кица...
Кад би свога брата отровала
И мене би млађака јунана.

Отравлениe не происходит. Пѣсня очень краткая и, несомнѣнно, выродилась изъ пѣсень съ отравленiemъ.

№ 39. Въ сборникѣ *Мажуранича* „Hrvatske narodne pjesme“ I, стр. 152: „Солнце между горами, Юро между дѣвицами“ и пр.—сходно съ сербскими. Въ половину сосуда налитъ змѣиный ядъ; долить виномъ. Брать возвращается съ охоты. „Junak piјe na zemplju se sruši“. Юро отвергаетъ отательницу:

Odi z Bogom mlajahna divojko,
Kad si svoga brata otrovala,
Kormo l'nebiš tuđjega junaka.

Сербскіе варіанты, сравнительно съ моравскими, польскими и малорусскими, отличаются краткостью.

№ 40. Въ болгарской пѣснѣ—передаю ее въ переводѣ—Стоянъ склоняетъ красавицу Бояну къ уходу; но братъ не даетъ ее. Стоянъ совѣтуетъ Боянѣ отравить брата. „Я отравила бы, отвѣчаетъ Бояна, но нечѣмъ“. Пойди въ глухое мѣ-

сто (осой), возьми двѣ змѣи, свяжи ихъ зеленымъ снуркомъ (гайтаномъ, собств. кантомъ) и повѣсь на зеленый яворъ: Яворъ будетъ двѣсти, а ядъ капать. Нацѣди его въ чашку и дай брату напиться. Бояна такъ и поступила. Напился братъ яду (люта ракіа), упалъ съ коня (отъ коня падна) и ударился объ остріе сабли (*Миладиновъ* Бѣлг. нар. пѣс. 363—364).

№ 41. Въ другой болгарской пѣснѣ, неизданной въ печати, мотивъ о сестрѣ отравительницѣ получилъ такую своеобразную обработку: Турукъ хочетъ увезти дѣвицу: отецъ и мать ея согласны: братъ не согласенъ. Турукъ предлагаетъ отравить брата змѣинымъ ядомъ. По ошибкѣ дѣвица поднесла ядъ своему любовнику и горько о томъ сожалѣетъ.

№ 42. Въ сборниѣ македонскихъ болгарскихъ пѣсень *Верковича* (№ 317) родные мужа приготовляютъ ядовитое кушенье изъ двухъ змѣй и отравляютъ молодую и прекрасную замужнюю женщину Стану.

№№ 43—44. Пѣсни о сестрѣ отравительницѣ извѣстны латышамъ и литовцамъ. Въ литовской пѣснѣ изъ Трокскаго уѣзда Виленской губ.: “Ой на горѣ на высокой Аленушка ленъ таскала. Генераль предлагаетъ А. уйти съ нимъ. А. говорить, что братъ не позволить. Генераль предлагаетъ отравить брата. А. говорить, что у ней нѣтъ такого зѣлья. Генераль совѣтуетъ сорвать въ саду ядовитую траву, сварить ее съ чаемъ, слить въ стаканъ и отнести въ свѣтлицу. Братъ умеръ. Генераль побоялся жениться на отравительницѣ. Пѣсня оканчивается словами сестры: “нужно и мнѣ теперь нищенствовать и за братца молиться”. (*Перетицѣ* въ Кіев. Стар. 1892, VI, 466). Въ близкомъ литовскомъ варіантѣ братъ возвращается съ охоты; приготовленіе отравы буквально сходное. Упавъ съ коня, братъ просить сестру приготовить ему постельку; генераль отказывается отъ женитьбы, и отравительница рада выйти и за нищаго (*Kolberg*, въ *Zbiór wiadomości* III 208—209). Послѣдняя подробность о нищенствѣ отвѣчаетъ тѣмъ малорусскимъ варіантамъ, гдѣ отравительница идетъ замужъ за нищаго. По описанію приготовленія яда, эта литовская пѣсня представляетъ очень близкій, мѣстами дословный варіантъ галицко-русской пѣсни № 9.

№ 45. Въ албанской пѣснѣ мужчина подговариваетъ дѣвушку извлечь изъ головы змѣи ядъ и въ смѣси съ виномъ отравить брата.

№ 46. Въ румынской пѣснѣ свекруха приказываетъ повару сварить три змѣиныхъ головы и отравить невѣстку; существуютъ сходныя новогреческія и италіанскія пѣсни (*Child I. 156*).

№ 47. Пѣсни о сестрѣ, отравившей брата, распространены и среди мадьяръ. Братья носить има Ивана. Отравительницей является не родная сестра, а золовка. Мать спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ? О.—у золовки! В. Что ъль? О.—Пятнистую жабу (въ вар. рака). Умирающей (Иванъ) оставляетъ матери горе, братьямъ быковъ и лошадей, сестрамъ домашнія вещи, золовкѣ—вѣчное проклятие (*Child I 154, II 499*).

№№ 48—50. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о „Schlangenkochin“ сынъ (Генрихъ) на вопросы матери отвѣтаетъ, что онъ былъ у своей любовницы, ъль пеструю рыбу (=змѣю), остатки которой далъ собакѣ, и собака издохла. Умирая, Генрихъ желаетъ своимъ родителямъ всего хорошаго, а отравительницѣ адскія мученія. Въ одномъ нѣмецкомъ вар. мать спрашиваетъ у сына, гдѣ постлать ему постель и получаетъ, отвѣтъ: на кладбищѣ. Въ варіантахъ отравительницей является бабушка или тетка. Подобного рода пѣсни записаны въ Швеціи и Даніи. Отравительницей является въ нихъ мачиха или тетка, жертвой—дѣвушка. Въ концѣ пѣсень обычныя благопожеланія роднымъ и проклятие отравительницѣ (*Child I 152—154*).

№ 51. Сербо-лузицкая пѣсня объ отравленіи молодаго человѣка въ сборникѣ *Гаупта и Шмалера* (I, 110) представляетъ передѣлку германскихъ пѣсень и сходна съ ними даже въ мелочахъ.

№ 52. Уже въ концѣ XVIIIв. въ Англіи были распространены баллады объ отравленіи брата. Около 20 варіантовъ издано въ послѣднее время въ превосходномъ сборнике Чайлда. Въ одномъ изъ лучшихъ варіантовъ фигурируетъ лордъ Рандаль и по его имени названы другія англійскія и шотландскія баллады этого рода. Всѣ баллады изложены въ діалогической

формъ. Гдѣ ты былъ, мой сынъ?—спрашиваетъ мать. О. Въ лѣсу зеленомъ. В. Кого тамъ встрѣтилъ? О. Любовницу мою. В. Что она дала тебѣ? О. Зажаренную змѣю. В. Кому бросилъ остатки? О. Моимъ собакамъ. В. Что съ ними сдѣлалось? Поздѣхали. Мать: Ты отравленъ, мой сынъ. Сынъ: Сердце болитъ. Далѣе идутъ вопросы матери, что сынъ завѣщаетъ своимъ роднымъ, и отвѣты, что онъ оставляетъ братьямъ и сестрамъ коней, быковъ, родителямъ горе и бѣдность, своей возлюбленной адской огонь. Всѣ англійскіе и шотландскіе варіанты начинаются съ вопроса матери:

O where have you been, Lord Ronald, my son?... т. е. гдѣ ты былъ, мой сынъ (имя рекъ), далѣе съ повтореніемъ, гдѣ ты былъ мой красавчикъ? и затѣмъ слѣдуютъ отвѣты сына (*Child 157—166, II 498, IV 498, VI 499 и VIII 449*).

№ № 53—54. Существуетъ много італіанскихъ варіантовъ разбираемой пѣсни, причемъ древнѣйшіе слѣды ихъ восходятъ къ 1629 и 1656 годамъ. Мать спрашиваетъ сына, гдѣ онъ былъ? Онъ былъ у милой, отравленъ угремъ (змѣей), посылаетъ за врачомъ, умирая, оставляетъ матери дворецъ, братьямъ лошадей, сестрамъ приданное, любовницѣ висѣлицу (*Child I 153*). Встрѣчаются буквальныя совпаденія съ малорусскими пѣснями, напр. „el mio cuor sta mal“, „e la n'a dato m'anguila zostita“... Въ нѣкоторыхъ варіантахъ жена добываетъ изъ змѣи ядъ и пытается отравить мужа, по возвращенію его съ охоты; но мужъ заставляетъ ее выпить отраву. Между нѣкоторыми італіанскими и галицко-руссскими пѣснями обнаруживается замѣчательное, совпаденіе, на примѣръ:

Dove si st  jersira.
Xiglinol mio caro, fiorito e gentil?
Dove si st  jersir?
Son st  dalla mia dama;
Signora Mama, mio core sta mal¹⁾) (*Child I 153*).

Съ этимъ началомъ італіанской пѣсни совпадаетъ слѣд.:

Сыну Васильку, жалости мои,
Ой цы ходывь ты єтъ вдовы на вечерници,

¹⁾ Буквальный переводъ: Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ, мой милый дорогой сынъ? Гдѣ ты быть вчера вечеромъ? Я былъ у моей дамы, матушка, и мое сердце, болить...

Хедынъ я, венъкъ, щире серденько. (Голос. II 584).

Братъ ся пива напивае
За сердце ся истискае (Голос. I 207).

Италіанскія пѣсни этого рода называются L' Avvelenato, т. е. отравленный. Любопытно совпаденіе по діалогической формѣ и по содержанію, доходящее до мелочей, напр. jersira (вчера вечеромъ) вполнѣ отвѣчаетъ лалорусскимъ вечернимъ.

Вообще, италіанскіе варіанты имѣютъ замѣчательно большое сходство съ славянскими, напр., слѣдующій (Donna Lombarda) изъ Шіемонта, напечатанный въ "Canti popolari del Piemonte" (1888 г.) Ниагры (передаю въ переводѣ на рус-языкъ). Полюби меня, милая ломбардка; "какъ мнѣ любить тебя, когда у меня мужъ"; отрави мужа; "укажи, какъ это сдѣлать".—Въ саду за домомъ есть змѣя, поймай ее, столчи и брось въ окно; когда мужъ возвратится съ охоты, дай ему вина. "Отчего, милая ломбардка, такое мутное вино?" (спрашиваетъ мужъ).—Вѣтеръ съ моря его помутилъ. Далѣе мужъ заставляетъ ее выпить вино, угрожая мечомъ. За первымъ глоткомъ у ломбардки измѣнился цвѣтъ лица, за вторымъ она позвала священника, а за третьимъ могильщика. Этотъ италіанскій варіантъ почти буквально совпадаетъ съ галицко-руссскимъ подъ № 11.

Сравненіе варіантовъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одной пѣснью. Сходство варіантовъ настолько велико, что не представляется достаточнаго основанія для постановки теоріи о версіяхъ пѣсни. Можно намѣтить только такія особенности: въ западно-европейскихъ варіантахъ болѣе выдержана діалогическая форма пѣсни, въ славянскихъ она выдержана лишь въ весьма немногихъ варіантахъ, сохранена еще кое-гдѣ въ началѣ пѣсенъ и совсѣмъ потеряна въ концѣ. Крупнѣе другая особенность: въ европейскихъ варіантахъ обычны пожеланія умирающаго и роздача роднымъ имущества, въ славянскихъ—нѣтъ ни пожеланій, ни просьбъ, ни завѣщаній, если не считать проскальзывающей въ нѣкоторыхъ варіантахъ просьбы умирающаго позаботиться о его дѣтяхъ.

Обратимся къ болѣе детальному обзору мотивовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Относительно запѣва нужно сказать, что въ славянскихъ варіантахъ нѣтъ опредѣленнаго запѣва, а въ западно-европейскихъ установившимся цріемомъ начала пѣсенъ этого рода оказывается обращенный къ сыну вопросъ матери, гдѣ онъ былъ. Изъ славянскихъ варіантовъ сходство по запѣву обнаруживается лишь въ сербскихъ (молодецъ между двумя дѣвицами) и отчасти великорусскихъ (струганье стружекъ, какъ символъ любви, на основѣ материального характера).

Славянскіе варіанты начинаются съ того мотива, что дѣвица проситъ мужчину жениться на ней. Мѣсто дѣйствія первой ихъ встрѣчи—криптицы въ полѣ, поле, лугъ, берегъ рѣки (Дувая въ № 21), во многихъ варіантахъ совсѣмъ не обозначается.

Соблазнитель въ малорусскихъ пѣсняхъ сербъ, армянинъ, вообще чужестранецъ или инородецъ; въ моравскихъ—гусары, вообще сторонніе люди; въ болгарскихъ и польскихъ также замѣтно такое обособленіе (турокъ № 41, подолянецъ №№ 33—34).

Отравительницей является въ западно-европейскихъ варіантахъ большею частью любовница, въ славянскихъ сестра; жертвой—любовникъ или братъ. Въ древнѣйшемъ италіянскомъ варіантѣ дѣвушка отравляетъ своего возлюбленнаго. Въ малорусскихъ, великор. и бѣлор. варіантахъ собственныя имена встрѣчаются рѣдко; въ галицко-русскихъ отравительница названа Параской, а жертва Иваномъ. Послѣднее имя усвоено моравскими и мадьярскими пѣснями. Въ западно-европейскихъ пѣсняхъ личныя имена обычны (Генрихъ, лордъ Рандаль, Тиранти).

Въ малор. вар. (№№ 16—19) обнаруживается тенденція вину преступленія перенести на мать дѣвушки; она дала яду.

Въ отраву въ громадномъ большинствѣ западно-европейскихъ и славянскихъ варіантовъ идетъ змѣя, иногда двѣ или три змѣи; въ одномъ галиц.-рус. съ добавленіемъ ящерицы; въ многихъ варіантахъ змѣя прямо не названа, а лишь подразумѣвается подъ „пестрой рыбой“; изрѣдка она замѣнена

жабой (мадьярскій варіантъ), иногда (вар. малор., англ.) упоминается отрава, безъ указанія, изъ чего она составлена. Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (№ 3) у змѣи болить голова, что отвѣчаетъ народному повѣрю, будто у змѣй всегда болить голова, вѣроятно, отъ присутствія въ ней яда. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№ 26 и др.) сила яда характеризуется тѣмъ, что отъ капли загорается у коня грива.

Повѣрье о возможности отравленія змѣинымъ ядомъ раздѣляютъ многие народы. Въ русской сказкѣ, записанной въ Терской области, колдунья даетъ такой совѣтъ: „пусть царица испечетъ хлѣбъ на змѣиномъ салѣ и дастъ его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его и разорветъ на нѣсколько частей“ (Сборн. матер. для изуч. Кавказа VII, 144). Это повѣрье прочно держалось въ древней Россіи. Такъ, лѣтописецъ по поводу эпидеміи 1286 г. говоритъ слѣдующее: „Татаре многа зла сотвориша Русской землѣ, а же не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо серце человѣческое мочаху въ ядѣ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вся въ ядѣ обратиша и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ!“ Въ кабардинской сказкѣ про Шебадиноко всѣ наарты съ богатыремъ Сосруко во главѣ совѣщаются, какъ погубить Шебадиноко: они налили въ чашу бѣлаго сане (вина?) и опустили туда три ядовитыхъ змѣи (Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII, 34).

Весьма интересна одна подробность въ малор. (№№ 1—2) и болгар. (40) вар.: змѣю вѣшаютъ на дерево, чтобы ядъ стекалъ въ поставленный внизу сосудъ. У Лопарей существуетъ обычай вѣшать убитыхъ змѣй на дерево (Харузинъ 206). Въ дѣтствѣ я живалъ въ Малороссіи, въ мѣстности очень низменной и обильной змѣями. Припоминаю, что деревенскіе ребятишки за лѣто убивали много змѣй и почему-то вѣшали ихъ на деревѣ лентами. Случайная ли это игра дѣтей, или она вызвана какимъ-нибудь повѣремъ, отвѣчаетъ лопарскому обычая и, быть можетъ, стоитъ въ связи съ разобраннымъ пѣсеннымъ мотивомъ—судить не берусь.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ обозначена посуда, въ малор. (1—2) коновочка, въ сербскихъ (37) кондиръ (т. е. чаша или бокалъ), большою частью склянка (10, 30, 43).

Приготовленіе яда въ іншихъ пѣсняхъ обойдено молчаніемъ, въ другихъ объяснено: простое извлеченіе изъ змѣиной головы (1—2), настой на хододной водѣ и пр. (9, 11). Тенденція въ объясненію приготовленія яда обнаруживается почти исключительно въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Ядъ большою частью смѣшиваются съ другимъ напиткомъ, чаще всего съ пивомъ (1—2, 7, 24), изрѣдка виномъ (30, 33), медомъ (23) или преподносится въ пирогѣ (11).

Братъ возвращается обыкновенно съ охоты (7, 34, 44, 53, 54), иногда съ дороги (1), чаще всего безъ обозначенія. Такъ какъ возврашеніе съ охоты встрѣчается въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (малоруссовъ, поляковъ, латышей, италіанцевъ), то эту подробность нужно признать одной изъ наиболѣе древнихъ.

Въ одномъ малорусскомъ вар. (16) обнаруживается сначала любовная приворожба и потомъ слѣдуетъ отравленіе—очевидная амплификація, плохо мотивированная.

Дѣйствіе яда обнаруживается въ томъ, что братъ падаетъ съ коня (1, 33, 39, 40, 44), жалуется на боль въ сердцѣ (21, 36, 62, 53), измѣняется въ лицѣ (11, 36, 54).

Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (22) встрѣчается описательное выражение „никогда“, взятое изъ другихъ пѣсень, вероятно, изъ цикла пѣсень о смерти солдата (см. мою ст. въ Этнограф. Обозр. 1893, II).

Умирающій въ западно-европейскихъ варіантахъ высказываетъ послѣднюю свою волю; въ малорусскихъ удержанлось (въ № 9) пожеланіе для отравительницы висѣлицы. Такое пожеланіе встрѣчается въ италіанскихъ и англійскихъ вар. Въ нѣмецкихъ, англійскихъ, шведскихъ и датскихъ для отравительницы оставлены адскія мученія.

Въ одномъ болгарскомъ вар. девушка по ошибкѣ подносить ядъ любовнику (41).

Въпольской пѣснѣ (33) преступность сестры усиlena той чертой, что братъ привезъ ей подарки.

Въ англійскихъ, германскихъ (и отрасли ихъ сербо-лу-жицкомъ) вар. умирающій просить мать постлать ему постель. Въ славянскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ встрѣчается изрѣдка (въ моравскихъ). Обращеніе умирающаго къ матери довольно обычно въ малорусскихъ пѣсняхъ (23).

Въ малор. вар. при смерти брата присутствуютъ односельчане (20)—оригинальная черта.

Отравительница въ немногихъ пѣсняхъ (10, 33) обнаруживаетъ расказаніе.

Почти во всѣхъ варіантахъ соблазнитель отказывается отъ женитьбы на отправительницѣ.

Отравительница выходитъ замужъ за нищаго въ малор. и латышскихъ пѣсняхъ (3, 4, 5, 24, 43, 44), въ послѣднихъ, вѣроятно, въ зависимости отъ малорусскихъ.

Казнь отправительницы встречается въ славяпскихъ и западно-европейскихъ пѣсняхъ (9, 26, 33, 36, 53, 54): ее сажаютъ въ тюрьму, вѣшаютъ; братъ обезглавливаетъ ее (26) или только грозитъ казнью (53); сожигаютъ (10, 26).

Умершаго брата хоронятъ со звономъ въ нѣкоторыхъ польскихъ и моравскихъ варіантахъ (33, 36).

Есть намеки (напр. въ № 9) на пѣсни, сложенные о сестрѣ отправительницы.

Пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ издавна были популярны въ Европѣ. Онѣ легко переходили отъ одного народа къ другому. Шаги ихъ движенія и распространенія переплетались, и определить ихъ въ настоящее время весьма затруднительно. Пѣсня первоначально возникла гдѣ-то въ западной Европѣ, быть можетъ, въ Италіи, гдѣ она циркулировала уже въ началѣ XVII в. Въ Малороссию пѣсни этого рода проникли, повидимому, разными путями и въ разное время. Самый интересный галицко-русскій варіантъ (№ 25) несомнѣнно идетъ прямо съ запада; онъ стоитъ въ близайшемъ родствѣ съ мадьярскими, нѣмеckими и италіанскими пѣснями этого рода. Сходство простирается даже на мелочи. Другой любопытный галицко-русскій варіантъ (№ 9) стоитъ въ близкомъ родствѣ съ польскимъ (33) и моравскимъ (36). Третій галицко-русскій вар-

ріантъ (№ 11) вмѣстѣ съ моравскимъ (36) прямо примыкаетъ къ італіанскому (54). Въ виду того, что во многихъ малорусскихъ варіантахъ упоминается сербинъ, можно думать о посредствующемъ значеніи для нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ сербскихъ варіантовъ, хотя въ извѣстныхъ въ печати сербскихъ пѣсняхъ этого рода не обнаруживается большого сходства съ малорусскими. Возможно, что „сербинъ“ попалъ случайно въ значеніе чужеземца вообще. Изъ Малороссіи пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ легко могли проникнуть въ Великороссію, гдѣ къ нимъ приросъ новый запѣвъ, въ Бѣлоруссію, въ Литву. Великорусскія обработки въ искаженіи могли возвращаться въ Малороссію, и такимъ выродкомъ можно считать харьковской варіантъ (№ 21). Въ малорусскихъ варіантахъ (№ 1—2) можно усмотреть вліяніе болгарскаго (40), по большому сходству полученнія яда. Главный токъ шелъ, повидимому, съ запада чрезъ Чехію и Моравію южнымъ и восточнымъ славянамъ.

Вопросъ о происхожденіи цикла пѣсенъ объ отравленіи брата сестрой—вопросъ темный. Можетъ быть, мы подойдемъ къ его разрѣшенію, если пріймемъ во вниманіе, что въ сказкахъ разныхъ народовъ, сказкахъ весьма распространенныхъ, извѣстныхъ уже съ давнаго времени, встрѣчается попытка матери отравить сына. Мать влюбляется въ великанъ, чудовище, чародѣя или просто сосѣднаго царя, убиваетъ мужа и хочетъ извести своего сына, который оказывается обыкновенно богатыремъ и мстить потомъ матери и ея любовнику. Изъ сказокъ этотъ мотивъ проникъ въ повѣсти, напр., въ сѣверо-французскій романъ о Бовѣ Королевичѣ и его многочисленныя італіанская передѣлки (*Веселовскій*, въ Ист. литер. Галахова, 453), равно какъ и въ russkіе переводы. Въ старинномъ russкомъ переводѣ „прекрасная королева Милитриса, вшедъ въ королевскія палаты, начала мѣстить два хлѣбца своими руками на змѣиномъ салѣ въ пшеничномъ тѣстѣ“. Она послала эти хлѣбцы съ дѣвкой Бовѣ въ темницу; но дѣвушка пожалѣла Бову, бросила хлѣбы собакамъ; „и сколь скоро выжлецы хлѣбцы сѣбли и скоряя того ихъ разорвало по макову зерну (*Памятн. древн.*

писъм. 1879 I, 58). Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ варіантахъ братъ бросаетъ хлѣбъ собакамъ, которыя издыхаютъ. Извѣстно, что пѣсни жили въ тѣсномъ общеніи со сказками. Легко могло случиться, что сказочный или даже повѣствовательный мотивъ о матери отравительницѣ въ XIV или XV вѣкѣ получилъ въ западной Европѣ во Франціи и въ Италіи пѣсенную обработку съ замѣной сына и матери братомъ и сестрой. Этотъ мотивъ могъ распространяться въ устной словесности европейскихъ народовъ параллельно съ распространениемъ сказки о Бовѣ Королевичѣ.

Н. Ф. Сумцовъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.¹⁾

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Печатая отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго уже второй годъ и почти подходи къ окончанию ихъ, мы вынуждены теперь, благодаря некоторымъ обстоятельствамъ, объясняться передъ читателями по поводу этихъ записокъ, или—лучше сказать—повторить въ цѣльномъ объясненіи то, что разновременно указано было нами въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время мы получили по поводу этихъ записокъ пѣсколько писемъ, упрекающихъ наше въ печатаніи материала, неправильно освѣщающаго теченіе событій и характеристику выводимыхъ лицъ. Упреки эти, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ неосновательного смѣшанія воззрѣній редакціи съ возврѣніями автора записокъ. Между тѣмъ мы имѣли случай опредѣленно высказаться по этому вопросу, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ А. Солтановскаго (№ 6-й 1892 г., стр. 424) сказали: „мемуары—это такой материалъ, который имѣеть цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служить характеристикой и мемуариста, и—еще болѣе—того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до известной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній“. Въ виду этого мы всегда помѣщаемъ тѣ факты, которые имѣются въ

¹⁾ См. „Киевская Старина“ 1893 г. № 9.

мемуарахъ, не измѣняя ихъ и только дѣлая поправки въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ возможно провѣрить фактическую сторону сообщаемаго, а также оговаривая общія положенія, если чувствуемъ, что авторъ одностороненъ и своеобразенъ въ своихъ взглядахъ. И то, и другое нами было постоянно дѣлало при печатаніи мемуаровъ А. Солтановскаго. Такъ, по поводу стремленій его почти всѣ бѣды сваливать на польскую интригу, мы сдѣлали совершенно опредѣленную оговорку, сказавши, что это у автора составляетъ какую-то болѣзненную особенность (см. № 6, 1892 г., стр. 422 и 426; въ № 11-мъ 1892 г. стр. 235). Равнымъ образомъ, нами дѣлались всѣ фактическія поправки въ тѣхъ случаяхъ, которые мы могли провѣрить, какъ напр.: кіевскій и ровенскій періоды его воспоминаній. Поэтому, повторяя еще разъ, что редакція не можетъ отвѣтствовать за направление печатаемыхъ въ изданіи мемуаровъ такъ, какъ она должна отвѣтствовать за помѣщаемыя оригиналныя статьи, мы просимъ только всѣхъ интересующихся возстановленіемъ истинной передачи фактовъ сообщать намъ свои дополненія и поправки, особенно если окажется что-либо извращеннымъ у автора мемуаровъ.

Городъ Маріамполь находится по перворазрядному петербургско-варшавскому шоссе отъ Сувалокъ въ 60 верстахъ. Первая почтовая станція—около колоніальной деревни Шиплишки, вторая почтовая станція—уѣздный городъ Кальварія и третья—уѣздный городъ Маріамполь. Кальварія и Маріамполь переполнены жидами, ведущими съ Пруссіей оживленную контрабанду. Въ Кальваріи имѣеть свое мѣстопребываніе протестантскій Суперъ-Интендантъ. Я сказалъ, что Шиплишки колоніальная деревня. Сувалкскій, Кальварійскій, Маріампольскій и Владиславовскій уѣзды сувалкской губерніи наполнены такими деревнями и селеніями. Домы въ этихъ колоніяхъ тянутся по обѣ стороны дороги, по прямой линіи на три, четыре версты. Около каждого дома все его хозяйство: и токъ, и садъ, и огородъ, и пахотное поле, и сѣнокосъ. Было время, когда предполагалось такимъ

образомъ заселить все царство Польское. Опять начать съ сувалкской губерніи: но почему-то, все дѣло пріостановилось, хотя колоніальное устройство крестьянского хозяйства имѣетъ за собою всѣ преимущества. Все у хозяина подъ рукою; за всѣмъ наблюдать легко, и не теряется попусту время на переходы къ пахотнымъ полямъ и сѣнокосамъ, часто отстоящимъ отъ усадьбы въ нѣсколькихъ верстахъ. Я прибылъ въ Маріамполь часа въ четыре. Остановился въ еврейской гостиницѣ и отправился пообѣдать въ кондитерскую. Начальнику Дирекціи Высочайшимъ указомъ предоставлены были обширныя права. Поэтому меня ожидали въ Маріампольской прогимназіи съ порядочнымъ страхомъ. Инспекторъ гимназіи старикъ Лянгри, человѣкъ умный и практическій, поручилъ знакомымъ телеграфировать о выѣздѣ моемъ изъ Сувалокъ въ Маріамполь, но никто не зналъ, куда я направлюсь, почему Лянгри не извѣстили телеграммой. Лянгри поручилъ мишуресамъ (прислужникамъ) во всѣхъ заѣзжихъ домахъ сейчасъ извѣстить его въ случаѣ моего пріѣзда. Когда занялъ квартиру въ гостиницѣ, мишуресь сейчасъ явился ко мнѣ съ записною книгой, требуя, чтобы по военному положенію, я внесъ въ книгу указанія: кто я? откуда и куда єду? Я отвѣчалъ ему по польски, что ночую у нихъ и завтра утромъ распишусь. Едва я расположился обѣдать за столомъ, вошелъ молодой человѣкъ высокаго роста, брюнетъ, съ усиками и сѣль противъ меня за столомъ обѣдать. Кондитерская стала пополняться офицерами, гренадерами Астраханскаго полка. Всѣ они оказались знакомыми брюнета. Завязался разговоръ. Вдругъ одинъ изъ офицеровъ спрашиваетъ брюнета: „Что же вашъ сатрапъ еще къ вамъ не собрался?“—Ждемъ съ трепетомъ каждую минуту.—Зачѣмъ же такъ трепетать?“—замѣтилъ другой офицеръ.—Какъ зачѣмъ?—возразилъ брюнетъ:—его права надъ нами таковы: войдетъ въ классъ, окинетъ тебя взглядомъ; не понравилась физіономія—и убирайся вонъ!—„Это уже слишкомъ“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: „этого и у насъ не водится“. Изъ кондитерской я отправился посмотреть зданіе прогимназіи. Въ открытыя на площади двери входили и выходили ученики. Вопелъ и я. Пропелъ коридоромъ и вмѣстѣ съ учениками сталъ подыматься по лѣстницѣ на вто-

рой этажъ, откуда слышалось пѣніе костельныхъ пѣсень. Ученики торопливо стали сторониться, давая дорогу какому-то толстому старику, сходившему внизъ по лѣстницѣ. Посторонился и я. Старикъ, окинувъ меня глазами, и, видимо, принимал за кого-нибудь изъ родственниковъ одного изъ учениковъ, важно прошелъ мимо меня. На второмъ этажѣ происходили классы церковнаго пѣнія. Разспросивъ учениковъ о времени начала занятій въ классахъ и узнавъ отъ нихъ, что проходившій мимо меня старики—инспекторъ Лянгри, я въ сумерки возвратился на свою квартиру въ гостиницу. Подавая мнѣ самоваръ, мишурись опять сталъ меня допрашивать: „панъ у насъ еще никогда не останавливался, вѣрно ѳдетъ издалека“. Я отвѣтилъ, что живу въ сейненскомъ уѣздѣ. „Панъ тамъ имѣеть тайник?“— Да.—Жидъ успокоился. Значить, не начальникъ, не москаль. Утромъ, едва стало разсвѣтать, какъ зазвонили въ монастырь Маріановъ, а вслѣдъ за тѣмъ сталъ звонить гимназической колокольчикъ. Мишурись принесъ самоваръ. Я сталъ одѣваться и видѣлъ черезъ площадь, какъ со всѣхъ сторонъ къ дверямъ прогимназіи потянулись ученики. Прибыли учителя и стали на площади строить въ рядъ учениковъ по классамъ. Наконецъ вышелъ Лянгри, и ученики потянулись мимо гостиницы въ направлѣніи къ волковишско-кабартскому шоссе. Вошедший мишурись объяснилъ мнѣ, что они идутъ на мшу въ монастырь Маріановъ, который расположенъ далеко отъ прогимназіи на концѣ города; что ходятъ туда каждое утро молиться, не смотря ни на какую погоду. Я вручилъ мишурису записку и поручилъ ему догнать инспектора и передать ее ему. Мишурись сказалъ, что сейчасъ нельзя, что это можно сдѣлать, когда будутъ возвращаться изъ костела. Тогда я объявилъ мишурису, что я начальникъ дирекціи. Мишурись бросился съ запискою со всѣхъ ногъ. Вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ, и ученики бѣглымъ шагомъ, имѣя впереди тучнаго Лянгри, пронеслись въ зданіе прогимназіи. Минутъ черезъ пять уже представлялся мнѣ въ мундирѣ, весь запыхавшійся и раскрасневшійся, Лянгри. Я его обласкалъ, и спросилъ обо всѣхъ ихнихъ порядкахъ, и мы отправились въ прогимназію. На ниж-

немъ этажъ направо дверь вела въ 3-ій классъ. Мы вошли. Передъ нами, у доски, назначая урокъ, стоялъ вчерашній брюнетъ. Онъ узналъ меня, поблѣднѣлъ, затрясся и выпустилъ изъ рукъ мѣль. Я подошелъ къ нему, подалъ ему руку, сталъ ласково его спрашивать, и, занявши па ученической скамьѣ мѣсто, просилъ его продолжать урокъ. Онъ скоро оправился и очень толково назначилъ урокъ и затѣмъ сталъ спрашивать учениковъ. Прежде всего онъ заставилъ двухъ или трехъ передѣлать назначенный имъ урокъ. Это мнѣ очень понравилось, я изъявилъ ему свое удовольствіе. Учитель весь просіялъ. Это былъ учитель математики Ч—ъ, получившій воспитаніе въ Царствѣ Польскомъ, но хорошо усвоившій себѣ русскій языкъ, на которомъ онъ разговаривалъ съ офицерами въ кондитерской. Около десяти часовъ явился въ прогимназію законоучитель ксендзъ Ч—ъ, монахъ—генералъ ордена Маріановъ. Ему было не болѣе 28 лѣтъ. Онъ изъ крестьянской литовской семьи. Родители его живутъ въ одномъ изъ селеній маріампольскаго уѣзда. Ч—ъ окончилъ академію, весьма умный и симпатичный человѣкъ. Послѣ смерти генерала, опѣ единогласно избранъ быль на мѣсто по-коинаго капитуломъ, въ которомъ было нѣсколько старыхъ монаховъ изъ важныхъ титулованныхъ польскихъ фамилій. Это лучше всего рекомендуется умъ и характеръ Ч—а. Въ инспек-торской Лянгри и Ч—у я заявилъ, что прогимназія—заведеніе свѣтское, и потому, достаточно ученикамъ посѣщать костель въ воскресные и праздничные дни. Что ежедневное посѣщеніе костела, отстоящаго отъ прогимназіи далеко, въ зимнее время можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье учениковъ и, сверхъ того, обременяя дѣтей, можетъ сдѣлать ихъ равнодушными къ религії. Ч—ъ возразилъ, что это такой издавна обычай; что въ прогимназіи большинство—дѣти литвиновъ крестьянъ, и что многіе изъ нихъ по желанію родителей изъ 7-го класса поступаютъ въ сей-ненскую духовную семинарію. Я отвѣчалъ, что имъ тогда и время и необходимость будетъ въ посѣщеніи частомъ костела, такъ какъ семинарія—духовно-учебное заведеніе, спеціально приготавляющее однихъ пастырей. Ч—ъ объявилъ: я согласенъ, пусть ограничатся праздничными и воскресными днями. Я за-

мѣтиль, что вполнѣ увѣренъ, что Ч—ъ мое предложеніе не смишаетъ съ пополновеніемъ на притѣсненіе католической религіи, чего у меня и въ умѣ не можетъ быть, и что противорѣчило бы требованіямъ правительства. Онъ заявлениемъ моимъ остался доволенъ. Впослѣдствіи, при содѣйствіи инспектора Терновскаго, когда прогимназія была преобразована въ гимназію, мнѣ удалось убѣдить Ч—а читать З. Божій или на языкѣ большинства учениковъ—литовскомъ, или на языкѣ государственномъ. Ч—ъ сначала сталъ читать по литовски, производя объясненія на русскомъ языке, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что литовскій языкъ понятенъ не для всѣхъ учениковъ, продолжалъ чтеніе на языке русскомъ. Примѣръ его далъ мнѣ возможность ввести чтеніе З. Божія на русскомъ языкѣ. Литовскіе крестьяне охотно опредѣляютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. У нихъ существуетъ родъ майоратства. Старшій сынъ наслѣдуетъ отъ отца все наслѣдство. Другое, если имѣютъ охоту и способности, поступаютъ въ учебныя заведенія, затѣмъ нѣкоторые въ семинарію и служатъ чиновниками или пастырями. Неспособные же просто служатъ или у старшаго брата или у чужихъ батраками. Успѣхи въ маріампольской гимназіи были выше успѣховъ въ Сувалкской гимназіи. Это произошло отъ незначительного участія маріампольской прогимназіи въ революціи. Въ банды пошло только нѣсколько поляковъ, дѣтей служащихъ правительству чиновниковъ, и то они были взяты поголовно жандармами-вѣшателями. Литовскіе крестьяне своихъ дѣтей не пускали въ лѣсъ, и Лянгри имъ въ этомъ содѣйствовалъ всѣми мѣрами. Когда въ Маріамполь являлись вербовщики, побуждая молодежь пистолетами и кинжалами идти въ банды, Лянгри болѣе взрослыхъ учениковъ пряталъ на гимназическомъ чердакѣ, въ голубятнике, и по ночамъ только самъ приносилъ имъ пищу, боясь довѣрять сторожамъ, чтобы не выдали. Лянгри былъ хороший патріотъ; но, во первыхъ, не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, во вторыхъ, полагалъ, что грѣшно втягивать въ такое дѣло учащуюся молодежь. Онъ самъ разсказывалъ, что не столько боялся кинжалщиковъ, которые на часъ только налетали на городъ,

сколько начальниковъ уѣзднаго и особенно жандармскаго, которые главенствовали въ революціонной организаціи маріампольскаго уѣзда. Не только литовскіе крестьяне, но вообще крестьяне всего Царства Польскаго, и поляки и русины-уніаты, не сочувствовали возстанію. Ихъ гнали насильно. Добровольно поступала только панская и ксендзовская прислуга. Литовскіе крестьяне, весьма зажиточные, вслѣдствіе маіоратной системы, имѣютъ прекрасныхъ, рослыхъ лошадей, весьма дорого стоющіхъ. Они закапывали свои деньги и цѣнности въ землю, а лошадей прятали, пересыпая съ мѣста на мѣсто, при приближеніи банды. Одни только евреи, ловя рыбу въ мутной водѣ, вполнѣ сочувствовали революціі. Въ бандахъ они по своей трусости не участвовали, но давали повстанцамъ деньги, шпіонили, доставляли изъ-за границы контрабандой оружіе, свинецъ и порохъ. Были между ними такие артисты, которые въ одно и то же время служили шпіонами и полякамъ, и русскимъ. Много ихъ за свои продѣлки попало на висѣлицу. По разсказамъ жандармскіе уѣздные начальники-поляки и нижніе жандармскіе чины-поляки знали о долженствовавшей произойти рѣзнь русскихъ съ 10-го на 11 января 1863 года. Жандармы пѣли въ костелахъ, лежали крѣзыжемъ, а нижніе чины передали при разныхъ случаяхъ свое оружіе повстанцамъ. Правительство въ нѣсколькихъ случаяхъ заподозрило жандармовъ-поляковъ и послѣшло замѣнить ихъ русскими, предоставивъувольненнымъ и офицерамъ и нижнимъ чинамъ пансіонъ. Я засталъ курьера въ Плоцкой Дирекціи, отставнаго жандарма-поляка. Онъ получалъ пенсію въ треть 12 р. и жалованье по своей должностіи. Уволенъ онъ послѣ того, какъ, объѣзжая свой участокъ, былъ въ одномъ мѣстѣ окружено повстанцами, которые отняли у него коня и оружіе, а самого, какъ поляка, отпустили во-свойси. Общій голосъ указывалъ, что бойкая, молодая жена его, посѣщавшая на разсвѣтѣ ежедневно монастырь, съ согласія мужа предупредила ксендзовъ о его выѣздѣ изъ Плоцка и договорилась о порядкѣ его обезоруженія. Муравьевъ поручилъ генералу, Никол. Степ. Ганецкому, пройтись по лѣсамъ сувалкской губерніи и выбить оттуда банды, крывающейся черезъ Нѣманъ

въ съверозападный край. Небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пѣхоты, козаковъ и одной пушки, провѣдалъ о бандѣ, скрывавшейся въ лѣсахъ помѣщика Годлевскаго, расположенныхъ между Ковно и Мариамполемъ. Эта банда такъ ловко увиливала отъ русскихъ, имѣя повсюду шпіоновъ, что отрядъ дня три шуталъ напрасно по лѣсу. Молодой лѣсной сторожъ нѣмецъ предложилъ свои услуги указать мѣстопребываніе банды. Онъ просилъ только, чтобы его одѣли по военному, вооружили и помѣстили въ ряды солдатъ, и затѣмъ, чтобы онъ до окончанія восстанія съ молодой женой у двумя дѣтьми могъ оставаться и питаться при отрядѣ. (Цивилизованные нѣмцы: помѣщики, пасторы, купцы, фабриканты были на сторонѣ повстанцевъ; но простонародіе, съ которымъ повстанцы обращались жестоко,—при случаѣ женщинамъ обрѣзывали носъ, груди, уши, а мужчинъ насильно брали въ банды,—было на сторонѣ правительства). Одну изъ родственницъ жены лѣснаго сторожа въ ковенской губерніи повстанцы изнасиловали, повыдергали косы, обрѣзали груди и нагую повѣсили за ноги внизъ головою на деревѣ. Она была своевременно снята родными съ дерева и осталась въ живыхъ. Но лѣсной сторожъ поклялся мстить повстанцамъ. Онъ навелъ русскій отрядъ на банду такъ неожиданно, что банда была моментально разбита и разсѣяна. Нѣмца въ рядахъ солдатъ никто не узналъ. Но маріампольскій жандармскій начальникъ скоро открылъ виновника пораженія банды. Жондъ приговорилъ его къ смерти. Нужно было только достать его изъ русскаго отряда. И вотъ кальварійскій судъ прислалъ въ отрядъ повѣстку нѣмцу, чтобы онъ въ назначенный срокъ явился въ означенный судъ въ качествѣ свидѣтеля о порубкѣ кѣмъ-то лѣса у помѣщика Годлевскаго. Нѣмецъ, конечно, не явился. Судъ посредствомъ уѣзднаго маріампольскаго начальника требуетъ его выдачи и отправки въ судъ. Начальникъ отряда отказался выдать полиціи нѣмца. Тогда въ отрядѣ является съ двумя жандармами жандармскій уѣздный маріампольскій начальникъ и убѣждаетъ начальника отряда не противиться закону, отпустить съ нимъ нѣмца въ судъ. Жандармскимъ честнымъ словомъ онъ ручается возвратить его въ от-

рядъ послѣ трехъ сутокъ невредимымъ. Нѣмца, не смотря на него и жены его слезы, передали жандармамъ. Жандармскій начальникъ при отношеніи передалъ его уѣздному начальнику, указавъ въ отношеніи, что такъ какъ повстанцы готовы покуситься на жизнь нѣмца, а между тѣмъ онъ на честное жандармское слово отпущенъ изъ отряда, то въ Кальварію нѣмца слѣдуетъ отпустить не иначе, какъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ. Въ сумерки шесть человѣкъ караульныхъ, вооруженныхъ палками, повели нѣмца въ кальварію. На дорогѣ есть небольшая липовая рощица, а близъ нея корчма. Караульные пожелали зайти въ корчму. Нѣмецъ настаивалъ продолжать путь; но его не послушали. Нѣмецъ едва вошелъ въ корчму, какъ изъ другой горенки вышли шесть жандармовъ-вѣшателей. Оторопѣвшій и обезумѣвшій отъ страха нѣмецъ бросился въ топившуюся печь. Его удержали, раздѣли до нага, истязали, сняли съ плечъ кожу, вынули сердце и понесли въ липовую рощу, где и повѣсили на деревѣ, прибивъ гвоздями къ спинѣ повѣщенаго декретъ народового жонда. Уѣздный и Жандармскій начальникъ поспѣшили по своему донести объ этомъ проишествіи. Но военное вѣдомство подняло слѣдствіе, и жандармскій и уѣздный начальники переведены были въ другія мѣста Царства Польскаго. Слѣдствіе продолжалось до самой смерти обоихъ этихъ начальниковъ, и за ихъ смертью было прекращено.

Законоучитель начальн. католич. сувалк. училища, молоденький викарій Ф—ій и учит. этого училища, пожилой человѣкъ С—ій, по отзыву начальства, считались неблагонадежными. С—ій былъ однимъ изъ сборщиковъ податей для Жонда, и нажилъ себѣ деньги и порядочный домъ. Подати собиралъ со всѣхъ, и даже съ евреевъ. С—ій мнѣ прямо заявилъ, что онъ никогда не училъ дѣтей русскому языку и учить не будетъ. Польскимъ дѣтямъ этотъ языкъ чужой и совсѣмъ не нужный. Конечно, я его постарался скоро удалить отъ должности. Онъ въ городѣ пользовался между поляками всѣхъ слоевъ большими значені-

емъ. Совѣтники губернскаго правленія и члены гражданскаго трибунала были съ нимъ за панибрата. При новомъ учителѣ, который изъявилъ готовность преподавать всѣ предметы на русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и З. Божій, мнѣ удалось наконецъ удалить изъ этого училища и викарія Ф—аго. Разъ послѣ обѣда я зашелъ въ училище, желая послушать его преподаваніе. Въ училищѣ стоялъ страшный шумъ. Учитель, воспользовавшись приходомъ на урокъ Ф—аго, вышелъ по своимъ дѣламъ. Ф—ій же, указавъ ученикамъ по книжкѣ къ слѣдующему уроку, тоже вышелъ. Ученики, оставшись безъ надзора, зашумѣли. На вопросъ—гдѣ ксендзъ, одинъ бойкій десятилѣтній мальчуганъ брякнулъ: пошелъ до „паненокъ“. И всѣ ученики, подмигивая одинъ другому, стали улыбаться. „До какихъ паненокъ?“ спросилъ я.—А вотъ живутъ рядомъ, во второмъ этажѣ.—„Онъ каждый урокъ ходитъ къ нимъ?“—Каждый, отвѣчали ученики; назначить по книжкѣ, что выучить, да и идетъ до паненокъ.—Я послалъ за Ф—имъ. Онъ прибѣжалъ весь красный, распотѣвшій, съ волосами, прилипшими къ вискамъ, и стала извиняться, что на минуту только забѣжалъ къ кузинѣ отдать письмо. Я предложилъ ему слушать урокъ. Онъ взялъ въ руки книжку и, читая вопросъ то тому, то другому ученику, слѣдилъ за его отвѣтомъ по книжкѣ. Если ученикъ передавалъ ему отвѣтъ вполнѣ вѣрно своими словами, Ф—ій говорилъ ему: Не!—и читалъ отвѣтъ изъ книжки. На предложеніе мое назначить слѣдующій урокъ, онъ прочиталъ его изъ книжки и не прибавилъ ни одного объясняющаго слова. Между тѣмъ явился учитель и сказалъ мнѣ, что въ сосѣдствѣ съ училищемъ помѣщается публичный домъ. На другой день я уволилъ Ф—скаго отъ должности и о его поведеніи и преподаваніи сообщилъ епископу Г—фу Лубенскому, а при содѣйствіи военнаго начальника Август. Отдѣла успѣль удалить публичный домъ.

Въ Волковышск. уѣздѣ я засталъ слѣд. училища: 1) Волковышск. католич. (1802), 2) Волковышск. Еванг. (1833 г.) 3)

Вержболов. католич. (1807) 4) Вержболов. Еванг. (1850 г.) 5)
Выштинецкое католич. (1552) 6) Посвонское католич. (1839) и
7) Посвон. Еванг. (1850).

Я первый разъ обѣзжалъ началь ния училища въ сопровож-
деніи бухгалтера дирекціи, литвина, который служилъ мнѣ пере-
водчикомъ въ литовской мѣстности. Часа въ 3 послѣ обѣда весною
1865 г. мы подѣзжали въ селенію-колоніи—Посвонь. Солнце ярко
свѣтило, и было до вольно тепло. Далеко вдали потянулась колонія
Посвонь, а предъ нами съ правой стороны на большомъ холмѣ, по-
росшемъ соснами, стоялъ костель на самомъ верху, а кругомъ его
между сосенъ виднѣлись кресты—это было приходское кладбище.
Во всей литовской мѣстности мнѣ весьма часто встрѣчались
костели и вокругъ нихъ кладбища на холмахъ, поросшихъ со-
снами. У подошвы холма въ Посвони стоялъ порядочный до-
микъ. Налѣво отъ дороги, саженяхъ во ста отъ костела и клад-
бища, ближе къ колоніи, виднѣлся большой фольварокъ. Людей
нигдѣ никого не было видно, и потому не у кого было спро-
сить, гдѣ училищный домъ. Бухгалтеръ побѣжалъ къ домику у
подошвы холма, полагая найти тамъ костельного сторожа. Но
сейчасъ-же воротился и доложилъ, что это и есть училищный домъ.
Я отправился туда. Когда мы отперли дверь въ теплый сѣни, то
оттуда понесло вонью свинаго хлѣба и послышалось хрюканье.
Бухгалтеръ, ступившій въ сѣни ногою, загрязъ почти по колѣни въ
вонючей грязи. Въ середину оказалось проникнуть весьма труд-
нымъ. Я обошелъ кругомъ домъ. На одной его половинѣ я
сквозь окна увидѣлъ скамейки, классную доску, распятіе на
стѣнѣ и штуку сорокъ индѣекъ, а также множество гусей и
гусенятъ. На другой его половинѣ, вѣреято служившей нѣ-
когда жилищемъ учителю, помѣщался курятникъ, гдѣ, кромѣ
множества куръ, цыплятъ, были утки. Въ спискѣ училищъ,
полученномъ мною изъ Правит. комиссіи, въ Посвони зна-
чился попечителемъ, законоучителемъ и учителемъ мѣст-
ный администраторъ ксендзъ Игнатій Бучневскій. Повсе-
мѣстно почетителями и законоучителями начальныхъ учи-
лищъ были мѣстные ксендзы. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ
въ одномъ ксендзѣ сбредочивались всѣ три должностіи: и по-

печительская, и законоучительская, и учительская. За каждую изъ этихъ должностей полагалось денежное вознагражденіе, которое, по раскладкамъ, утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ, собиралось со всѣхъ жителей города, мѣстечка или гмины безъ исключенія. Въ раскладку включались всѣ гражданскіе чиновники, въ томъ числѣ и губернаторы. Иногда пробоющъ или администраторъ считался только попечителемъ, а законъ Божій преподавалъ викарный ксендзъ. Гимназіи и прогимназіи были вполнѣ въ рукахъ своихъ капеллановъ, начальныя училища—въ рукахъ прочаго духовенства. На должности капеллановъ назначались лица образованныя и по большей части принадлежавшія къ ордену іезуитовъ. Они сдѣлали свое дѣло. Цѣлый поколѣнія, прошедшія черезъ стѣны гимназій и прогимназій, навсегда остались врагами русскаго правительства, русскаго народа, православія и всего русскаго. Во время повстанія эти заведенія послали много бойцовъ въ ряды бандъ, главный контингентъ которыхъ состоялъ изъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ. Прочее же духовенство, по разнымъ причинамъ, по своей распущенности, лѣни, малообразованности, жадности, пренебреженію къ простому народу и дружбѣ съ панами, притѣснявшими музыковыхъ,—не съумѣло воспользоваться тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него руками русскаго правительства, служившаго въ этомъ случаѣ орудіемъ ловкой польской интриги. Духовенство не успѣло внушить народу посредствомъ воспитанія вражды къ русскому правительству. Наканунѣ самой революціи оно спохватилось; но для пропаганды избрали не школу хлопскую, а таинство исповѣди, и старались особенно действовать на женщины, запугивая ихъ, что москали хотятъ всѣхъ католиковъ обратить въ схизму и дѣтей ихъ забрать въ солдаты и загнать въ Сибирь. Не знаю, какъ могъ терпѣть такой порядокъ воспитательного дѣла въ царствѣ его строгій намѣстникъ князь Варшавскій Паскевичъ. Или онъ не придавалъ этому никакого значенія, разсчитывая усмирить силою всякую революціонную попытку, или онъ былъ въведенъ въ обманъ недалекими лицами, занимавшими мѣста попечителей Варшавскаго учебнаго округа, а также іезуитскими приемами ксендзовъ.

Каждый ученикъ гимназіи, прогимназіи и начального училища долженъ былъ также твердо, какъ *Отие Нашъ*, знать катехизисъ о сгсі *Cesarza*. Визитатору сейчасъ же тыкали въ носъ отвѣтъ учениковъ изъ этого катехизиса и пускали въ ходъ увѣренія о своей преданности и преданности учащихся *Najjaśniejszemu Panu*. Русскій недалекій визитаторъ удовлетворялся этимъ, находилъ, что духовенство хорошо руководить школами, и въ такомъ духѣ писалъ отчетъ о своихъ визитаціяхъ. Полякъ же визитаторъ видѣлъ все въ настоящемъ свѣтѣ и по мѣрѣ силъ старался заставить лѣнивое духовенство усерднѣе приняться за дѣло. Разсказывали мнѣ, что попечителя Варшавскаго округа, Муханова, на всѣ манеры обманывали. Такъ какъ ему частѣ приходилось, благодаря довѣрчивости, попадать въ просакъ и получать нахлобучки, то онъ пересталъ, наконецъ, довѣрять окружавшимъ его чиновникамъ полякамъ. Когда ему докладывали о чёмъ нибудь съ указаниемъ рѣшенія дѣла, то онъ сталъ класть резолюціи, прямо противоположныя докладу. Чиновники сейчасъ смекнули въ чёмъ дѣло и стали ему докладывать какъ разъ наоборотъ желаемому. Мухановъ, оставаясь вѣрнымъ принятой имъ методѣ, клалъ резолюціи согласно съ настоящими цѣлями поляковъ.

Отыскавши училищный домъ, мы двинулись далѣе искать учителя, ксендза Бученевскаго. Остановившись у воротъ фольварка, мы подозревали проходившаго мимо батрака, и мой спутникъ спросилъ его, гдѣ живетъ пробоющъ, гдѣ пробоство. Это и есть пробоство, отвѣтилъ батракъ. Оставивъ бухгалтера у повозки, я пошелъ съ батракомъ въ главный домъ. Предъ домомъ стоялъ изящный фаэтонъ, запряженный четверней. Кучерь и лакей въ ливреѣ. Около дома стоялъ флигель. Далѣе еще какія то службы, далѣе сараи и амбары, гумна и, наконецъ, огородъ и садъ. По двору сновала прислуга, мужчины и женщины. Оставивъ въ прихожей пальто верхнее, я въ легкомъ пальто, которое закрывало вицмундиръ, вошелъ въ гостинную направо. Въ передней изъ-за дверей нальво слышались женскіе голоса и смѣхъ. Минуты черезъ три въ гостинную вбѣжалъ раскраснѣвшійся молодой ксендзъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что

имъю дѣло къ пробоющу. Подождите, пробоющъ теперь прочитываетъ вечернія молитвы; и ему скажу о васъ. Минутъ черезъ десять въ передней послышались шаги, женскіе и мужскіе голоса и смѣхъ. Я догадался, что уѣзжаютъ гости, вѣроятно посѣщавшіе какую -нибудь сестру или родственницу ксендза, и подошелъ къ окну, уставленному горшками съ цветами. Изъ передней выпорхнули двѣ элегантныя молодыя дамы. Около одной бочкомъ семенилъ и смѣялся ксендзъ, лѣтъ за 50; а около другой — уже видѣнныи мною молодой ксендзъ. Не допустивъ лакея, ксендзы усадили дамъ въ экипажъ и отошли на крыльцо. Дамы, уѣзжая, оглядывались и посылали ксендзамъ воздушные поцѣлуи. Старикъ ксендзъ махалъ имъ темнымъ клѣтчатымъ платкомъ. Сдѣлавъ какія то распоряженія прислужникамъ, старикъ вошелъ въ гостинную, имѣя въ одной руцѣ серебрянную табакерку, а въ другой темный носовой платокъ. Какъ то стороною взглянувъ на мое старое пальтишко, Бученевскій прошелъ къ столу и, не оглядываясь, спросилъ пренебрежительно: *czego pan potrzebuje?* — Я начальникъ Учебной Дирекціи, прибыть ревизовать вѣренное вамъ училище. — При этомъ я разстегнулъ пальто и обнаружилъ вицмундиръ. Какъ на винтѣ повернулся Бученевскій и, отвѣшивая низкіе поклоны, приблизился ко мнѣ и поклонился низко еще разъ, хватая руками мое колѣно: *Ach jaśnu rani!* Какъ я счастливъ васъ видѣть. Мы и ждали и не ждали васть. Думалось, послѣ праздниковъ. Я и дѣтей уже распустилъ по домамъ; но ихъ можно будетъ къ завтрему собрать. Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій, заоралъ онъ, бросаясь въ боковую дверь. Скорѣе зовите Шимона, скорѣе подавать самоваръ. Я объявилъ Бученевскому, что ночевать не имѣю времени, что за чай благодарю — не буду пить; что онъ не вправѣ былъ такъ рано отпустить на праздники учениковъ; что нечего дѣлать, въ другой разъ познакомлюсь съ его учениками, а теперь желаю осмотрѣть училищное помѣщеніе. Оно очень далеко отсюда, возлѣ кладбища! отвѣчала Бученевскій. Ничего, — пойдемъ! —

Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій! опять заметался Бученевскій: Шимона! ключъ отъ училища. Бученевскій, наконецъ, самъ побѣжалъ искать ключъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ

заявилъ, что ключъ гдѣ то запряталъ органистъ, а самъ пошелъ провожать учениковъ въ колонію. Я настоялъ, чтобы осмотрѣть хоть снаружи училище. Бученевскій первый подскочилъ къ дверямъ училищнаго дома и, будто силясь ихъ отпереть, заявилъ: авось не заперты! Нѣтъ, нѣтъ! нельзя отпереть! Я подошелъ къ окну и сказалъ ему: смотрите, да вѣдь училище полно учащимися, все скамейки ими заняты".—Не можетъ быть! сказалъ Бученевскій, смотря въ окно. Какъ же это ихъ заперъ органистъ! Правда, правда, много народа! продолжалъ Бученевскій, считая меня близорукимъ, и думая какъ-нибудь извернуться, хотя уже два раза солгалъ, заявивъ разъ, что ученики распущены на праздники, а другой разъ—будто органистъ пошелъ ихъ провожать въ колонію. А знаете, Господинъ Начальникъ, залебезилъ онъ около меня. У насъ есть ученики, которые хорошо читаютъ по русски. Я всегда въ училищѣ придавалъ большое значеніе русскому языку. Но бухгалтеръ, которому я подмигнулъ, прервалъ рѣчъ Бученевскаго, сказавъ, что дѣйствительно весь классъ наполненъ народомъ, но только индючымъ. А, такъ вы опекаете индюковъ и ихъ обучаете! замѣтилъ я. Наперемѣнно Бученевскій то блѣднѣлъ, то багровѣлъ и сдѣлался молчаливымъ. Бухгалтеръ отперъ дверь въ сѣни. „Вѣдь дверь не заперта”—сказалъ я. Оттуда выскочили нѣсколько свиней. „Г. Бученевскій, прошу вѣсть въ теченіе недѣли убрать изъ училища свиней, индюковъ, куръ и утокъ, училищный домъ вычистить и выбѣлить и по исполненіи этого донести мнѣ рапортомъ. Не прощаюсь съ Бученевскимъ, я сѣялъ въ подъѣхавшую нейтъянку и уѣхалъ. Къ пасхѣ я освободилъ Бученевскаго отъ всѣхъ трехъ его должностей и назначилъ туда особаго учителя, который обязанъ былъ преподавать и З. Божій. Отъ него я послѣ узналъ, что въ училищномъ домѣ никогда не происходило ученія; что нѣсколько дѣтей обучалось за условленную плату въ квартирѣ органиста, и, что въ случаѣ визитаций, а визитаторы обыкновенно ночевали у Бученевскаго, изъ колоніи приглашали нѣсколько юношей, учившихся въ Мариампольской прогимназіи, и заставляли ихъ читать по-русски и решать ариѳметическія задачи. Вотъ вслѣдствіе какихъ

причинъ училище Бученевскаго въ глазахъ визитаторовъ стояло выше другихъ училищъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ я нашелъ слѣдующія 11 училищъ: 1) Владислав. Католич. (1802); Владисл. Еванг. (1802); 3) Шаки Еванг. (1802); Судорга Кат. (1847); 5) Судорга Еванг. (1859); 6) Гришкибуда Катол. (1840); 7) Лукшѣ Катол. (1816); 8) Сынтовты Кат. (1839); 9) Гелгудышки Кат. (1833); 10) Гелгудышки Еванг. (1833) и 11) Словики Кат. (1846). Словики—колоніальная колонія въ зонѣ самой прусской границы. Костель съ кладбищемъ на холмѣ, покрытомъ соснами, и у подножья холма училищный домъ, а по другую сторону холма плебанія, т. е. обширный, прекрасно обставленный фольварокъ, все это саженяхъ въ 60-ти отъ пограничного столба и рва, по дну которого сочится какая-то рѣченка. Подъѣзжая, мы сей-часъ же признали училищный домъ; но были удивлены тѣмъ, что крыша его не была ничѣмъ запищена отъ дождей и снѣга. Заглянувъ я въ окно—классная пустая комната. Входимъ въ сѣни. Входная дверь сорвана съ петель и только приставлена къ дверямъ. Отворяю дверь нальво, гдѣ должна быть квартира учителя, мнѣ представляется слѣдующее зрѣлище: довольно просторная комната съ развалившимся очагомъ безъ всякой утвари и рухляди. Посрединѣ комнаты тлѣеть костеръ на камennомъ полу. Вокругъ костра сѣмь душъ: высокая женщина въ одной грязной рубахѣ съ распущенными по плечамъ черными косами, и шестеро совершенно нагихъ дѣтей, въ числѣ ихъ красавица дѣвушка брюнетка лѣтъ 15-ти или 16-ти. Завидѣвъ меня, она съ крикомъ бросилась въ уголъ комнаты, присѣла на корточки ко мнѣ спиной и закрыла лицо руками. На костре, въ котелкѣ грѣлась вода, въ которую старая женщина бросала кусочки свѣжаго картофеля, вырѣзанные изъ гнилыхъ картофельныхъ обрѣзковъ, лежавшихъ тутъ-же въ кучѣ. На крикъ дочери старуха поднялась и грозно меня спросила: за чѣмъ я пожаловалъ? Я объявилъ ей зачѣмъ. Нужны намъ ваши визитатели! я жена учителя, а это мои дѣти! любуйтесь! Всѣ какъ

Богъ создалъ. Двоє зімою опухли і умерли оть холода і голоду. Ксендзъ пробоющъ, опекунъ училища, зімою всю солому стянуль съ крыши на подстилку своєму скоту. Ми не можемъ впросити у него куска хлѣба; все продала, даже дѣтскія рубахи. Толькъ єще на мнѣ осталась одна дырявая рубаха, за нее никто ничего не дастъ. Мужъ три года каждый день ходить къ войту гмины за жалованьемъ, но войти три года смѣется,—говорить: прїди завтра! а завтра повторяется тоже самое. Прежде войтомъ былъ панъ, то не диво, что мужу не хотѣлъ платить жалованья, а теперь крестьянинъ, человѣкъ добрый, оть души радъ бы помочь; не смѣю, говоритъ, противиться ксендзу опекуну и паничу писарю! „За что же на васъ озлился ксендзъ?“.—Какъ за что? Онъ мужа силою отдалъ въ банду, а мужъ бѣжалъ і скрывался за границей, пока не пришли москали и не побили повстанцевъ.—„Чѣмъ же вы питаетесь съ семьей?“—Теперь ничего не имѣемъ. Вотъ вчера экономка ксендза сажала картофель и гнилые обрѣзки выкинула на улицу за заборъ. Мои голыя дѣтки пригоршнями подобрали ихъ. Попадаются между ними не совсѣмъ сгнившіе кусочки; ихъ мы обрѣзываемъ и вотъ сегодня полакомимся картофельнымъ супомъ. Я послалъ бухгалтера за ксендзомъ. Онъ его зналъ лично и засталъ его на гумнѣ, но тотъ отказался явиться ко мнѣ, ссылаясь на нездоровье. Я далъ несчастному семейству своихъ десять рублей. Жена учителя, которая была еще далеко не стара, а казалась старушкою оть голода, бросилась цѣловать мои ноги и звать дѣтей благодарить благодѣтеля. На зовъ ея и взрослая красавица, закрываясь руками, подбѣжала и упала у моихъ ногъ. Я обѣщалъ учителю, что если ей въ теченіе мѣсяца не уплатятъ за три года всего жалованья и не доставятъ за эти же годы топлива, то я изъ своего жалованья удовлетворю ихъ. Послѣ я узналъ, что пробоющъ, притѣсняя это семейство, руководствовался не одними патріотическими побужденіями. Онъ надѣялся, что заставитъ родителей отдать ему на поруганіе свою красавицу дочь. Онъ вель переговоры черезъ свою экономку, а разъ, въ отсутствіе учителя, самъ явился въ его семейство и предлагалъ золотыхъ

горы, чтобы сейчасъ только отпустили къ нему красавицу дочь. Учительша стала бранить и клясть его. Но пробоющъ, не обращая на это вниманія, распаленный страстью, схватилъ нагую красавицу на руки и хотѣлъ ее унести силою. Мать оборвала съдому селадону ухо и вырвала клокъ съдыхъ волосъ, исцарапала ему лицо и руки и таки отстояла свою дочь. Побѣжденный и поруганный, онъ выскочилъ изъ комнаты, крича: постой подлая, ты сама приведешь ко мнѣ свою дочь. Съ этого времени учитель, учительша и дочь лишены были права пользоваться таинствомъ исповѣди и евхаристіи. Конечно, все это не безъизвѣстно было мѣстнымъ властямъ; но ксендзъ засыпалъ ихъ подарками, давалъ деньги и угождалъ ихъ на славу. Воротившись въ Сувалки, я сейчасъ же обо всёмъ этомъ сообщилъ, и письменно и изустно, начальнику августовского военного отдѣла, Николаю Степановичу Ганецкому. Онъ былъ страшно возмущенъ и при мнѣ составилъ и послалъ военному владиславовскому начальнику грозную телеграмму. Сдѣлавъ ему угрожающій выговоръ, Ганецкій предписалъ объявить пробоющу арестъ, приставить къ нему стражника, изъ средствъ ксендза въ теченіе пяти дней покрыть училищную крышу, починить мебель, двери, окна, печи, выбѣлить весь домъ, за три года удовлетворить учителя жалованьемъ и топливомъ, и обѣ исполненіи телеграммой донести. Въ случаѣ сопротивленія ксендза, заковать его и прислать въ военно-судную комиссию въ Сувалки; а предписаніе выполнить на счетъ всего имущества ксендза. Въ пять дней все было исполнено. Посѣща вторично Сувалки, я уже не засталъ этого ксендза.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ЧЕРНОКНИЖНИКЪ“

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БАБУШКИ).

Хорошая, добрая старуха была покойная моя бабушка Елена Петровна Бурчемуха... Давно уже отошла она въ вѣчность, и вѣроятно давно уже и косточки ея въ гробу превратились въ прахъ, а воспоминанія о пей, связанныя съ воспоминаніями невозвратнаго счастливаго дѣтства, никогда не изгладятся изъ моей памяти!...

Ея согбенная фигурка, ея симпатичное покрытое морщинами, блѣдное лицо съ сѣдыми завитушками на вискахъ, впалые благородные глаза, торопливая чопорная походка; всегда озабоченный видъ въ хлопотахъ по хозяйству, не смотря на свои 80 съ лишнимъ лѣтъ... мягкий, ласкающій голосъ, когда она уговаривала насъ не падить, а заниматься уроками съ старымъ типичнымъ „метромъ“ учителемъ, прозваннымъ нами въ наслѣдку „Ромбамбулею“... — все это и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами и не забудется никогда.

Да и не у однихъ настѣ родныхъ образъ этого милого человѣка запечатлѣлся навсегда: ее и до сихъ поръ помнятъ старики с. Пятыгорки, кіевской губерніи, где мы жили тогда и где она такъ много помогала бѣдному, крѣпостному люду своими советами, помошью въ несчастныхъ случаяхъ и „ликамъ“... Чего, чего только она не знала и отъ какой болѣзни не было у нея снадобьевъ или „зилля“!..

— „Хороша, прѣста була людина, хай надъ нею земля перомъ... А що то за мягкое сердце и сколько намъ, биднымъ,

допомагала у всякой прыгоди и нужди"...—Такъ ее поминаютъ крестьяне старожилы с. Пятыгорки.

Сколько страшныхъ сказокъ, рассказовъ и воспоминаній о глубокой старинѣ передали намъ ея уста.... Съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ мы, дѣтвора, да и не только дѣтвора, а и всѣ присутствовавшиѣ тогда въ нашемъ дому, выслушивали ея интересныя повѣстованія, когда она, бывало, въ длинные, зимніе вечера, торжественно усѣвшись съ работой у камина, начнетъ своимъ симпатичнымъ голосомъ передавать какую нибудь быль или преданіе... Ея украинская, смѣшанная съ польской, рѣчъ звучала какъ-то монотонно, придавая еще болѣе таинственности ея разсказу и перенося насть въ далекую, невозвратную пору...

Какъ трепетно бились наши юныя сердца, какимъ суевѣрнымъ страхомъ проникались мы, какъ живо рисовались въ нашемъ воображеніи образы разныхъ „видѣмъ“, „упырей“, „колдуновъ“, „заколдованные замки“, „средневѣковые польские рыцари“ и всѣ несчастныя жертвы дьявольского наважденія!...

Много она пережила, много и перестрадала на своемъ вѣку... Многому сама была свидѣтельницей, многое слышала отъ старыхъ людей... О многомъ рассказывала и отецъ ея, а нашъ прадѣдъ, блаженной памяти, униатскій священникъ Петро Бурчемуха... А онъ былъ человѣкъ бывалый, жилъ во времена старой Польши, былъ родомъ изъ древней украинской шляхты, и потому на его глазахъ творилось не мало чудесъ и дѣлъ кровавыхъ, когда „крында побывала правду“...

Отъ тѣхъ разсказовъ и страшно становилось и хорошо, да такъ хорошо, что слушаль-бы и не послушался!...

— „Еще во времена владычества надъ нами Польши“...— такъ начала бабушка свой новый разсказъ, въ одинъ скучный зимній вечеръ, усаживаясь по обыкновенію въ мягкому креслѣ, у камина, съ неизбѣжнымъ вязаньемъ въ рукахъ...— „поселился тутъ, недалеко отъ насть, въ своемъ богатомъ помѣстии-мѣстечкѣ около Бердичева, знатный польскій панъ, Столъникъ Королев-

скій, Янъ Сангайло... Прибылъ онъ въ наши края съ многочисленной дворней прямо изъ Варшавы, а имѣніе это получилъ въ даръ отъ короля за особыя заслуги и отличіе при дворѣ...

Надо вамъ знать, что имѣніе это принадлежало раньше другому великому польскому, графу какому-то, фамилію его, хотя мнѣ и называли, но теперь я забыла,—давно это было... Графъ за какую-то провинность былъ казненъ въ Варшавѣ, а имѣніе его конфисковано въ королевскую казну и впослѣдствіи уже подарено Стольнику Яну Сангайло.

Пріѣздъ пана Стольника надѣлалъ много шуму... И действительно, явился онъ къ намъ съ особенной пышностью и окружилъ дворъ свой неслыханной роскошью.. О его позолоченныхъ экипажахъ, лошадяхъ арабской крови, внутренней обстановкѣ и убранствѣ „палаца“, о широкой жизни, рассказывали просто чудеса; хотя знакомства онъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей-помѣщиковъ не заводилъ, т. к. считалъ всѣхъ недостойными его особы.

Къ нему только изрѣдка пѣзжали гости, по все больше разные магнаты изъ Варшавы, и тогда у Стольника въ палацѣ происходили балы, маскарады и разныя увеселенія, рассказы о которыхъ съ завистью выслушивала наша „шлихта окolinaя“, но проникнуть туда имъ не удавалось,—панъ Стольникъ всегда грубо ихъ выпроваживалъ, гвушаясь такимъ знакомствомъ.

Стольникъ Янъ Сангайло, не смотря на свои уже немолодыя лѣта, былъ еще очень красивъ и статенъ. Высокій ростъ, атлетическое сложеніе, орлиный взглядъ темныхъ очей, громадная съ просѣдью усы, подбитая съ чубомъ голова—все въ немъ было эффектно. Да и вообще вся его мощная фигура дышала жизнью и здоровьемъ... Но было что-то несимпатичное въ его лицѣ,—оно какъ-то сразу поражало своею гордостью и надменностью, такъ что безъ страха нельзя было на него смотрѣть.

Нрава онъ былъ самого крутого, съ подданными обращался строго и деспотически. На его конюшняхъ по цѣлымъ днямъ раздавались душу раздирающіе крики несчастныхъ, наказуемыхъ „хлоповъ“. А наказывалъ онъ праваго и виноватаго одинаково и такимъ образомъ вселялъ въ своихъ крѣпостныхъ—холоповъ неимовѣрный страхъ и рабское повиновеніе..

Часто уѣзжалъ онъ надолго въ Варшаву ко двору и тамъ тратилъ безумно громадныя средства на разныя забавы и удовольствія, и поэтому обложилъ своихъ крѣпостныхъ двойными поборами и налогами.

Стольникъ былъ вдовъ и имѣлъ единственную дочь, панну Казимиру, которая воспитывалась въ Варшавѣ, въ монастырѣ Кармелитокъ, и только по достижениіи совершеннолѣтія была имъ привезена сюда въ имѣніе.

Панна Казимира красавица была неописанная... Стройна какъ тополь, глаза небеснаго цвѣта; золотистые роскошные волосы и вся ея нѣжная фигура, въ противоположность отцу, напоминала что-то ангельское, неземное... Когда она иногда появлялась въ ближайшемъ костелѣ, всѣ окрестные обыватели съѣзжались посмотреть и полюбоваться на нее... Но панъ Сан-гайло держалъ ее взаперти, никуда, кромѣ костела, и то очень рѣдко, не пускалъ и ни съ кѣмъ не знакомилъ. Оставалась она на попеченіи старухи-няни, на видъ очень сердитой женщины, и кромѣ этой няни, въ домѣ у нихъ никого не было—ни родственниковъ, ни близкихъ друзей.

Такъ прожилъ панъ стольникъ въ нашихъ краяхъ нѣсколько лѣтъ, окруживъ свой палацъ какой-то таинственностью и недоступностью. Возвращался онъ изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Варшаву все какимъ-то болѣе и болѣе раздраженнымъ и злымъ, что, конечно, отражалось на его подданныхъ, съ которыми онъ обращался еще строже. А однажды, по возвращеніи его изъ столицы, всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ постарѣлъ, сгорбился, опустился, потерялъ свой прежній надменный видъ и какъ будто сталъ мягче и ласковѣй... Поселился въ имѣніи навсегда и положительно никуда уже не выѣзжалъ.

Рассказывали, что за какую-то вину онъ былъ лишенъ королевскихъ милостей и водворенъ на безвыѣздное проживание въ своемъ имѣніи.

Понемногу онъ совсѣмъ смирился и зажилъ уединенной, замкнутой жизнью, предаваясь иногда чрезмѣрному употребленію разныхъ „старокъ“ и „наливокъ“, которыхъ у него было

неистощимый запасъ въ громадныхъ подвалахъ и погребахъ палаца.

Панна Казимира, между тѣмъ, пышно разцвѣтала... Но жизнь ея молодая была куда какъ неприглядна!.. Лишенная подругъ, свѣта и людей, постоянно замкнутая въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ она видѣла только пьяного-деспота отца, да злую старуху няню, сварливую, вѣчноничѣмъ недовольную особу,— породили въ красавицѣ-дѣвшіи какую-то апатію ко всему. Она была постоянно грустна, задумчива,ничѣмъ особенно не интересовалась, да и не было къ тому никакой возможности... Пань Стольникъ, по прежнему, не принималъ никого изъ со-сѣдей, хотя сначала многіе добивались знакомства съ нимъ, но послѣ неудачныхъ попытокъ, понемногу совсѣмъ какъ-будто и забыли о его существованії.

Страшная буря и ураганъ разразились надъ помѣстьемъ пана Стольника въ одну изъ майскихъ ночей... Вѣтеръ неистово ревѣлъ и завывалъ, ломая и вырывая съ корнемъ старыя деревья въ заглохшемъ панскомъ саду Сангайлы.... Молнія безпрерывно сверкала и освѣщала бушующую стихію, частые раскаты грома съ страшнымъ грохотомъ поминутно раздавались и заставляли трепетать все живущее... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и стучалъ безпрерывной дробью въ окна жилищъ... Сорванныя вѣтромъ листья съ деревьевъ и солома съ крыши сельскихъ хатокъ носились и кружились въ воздухѣ.... Вѣтряные мельницы съ трескомъ замахали крыльями, будто руками, взывая о помощи... Скотъ въ хлѣвахъ ревѣлъ... Воробыи беспокойно чирикали подъ крышами, пробужденные разбушевавшейся природой.... Вороны каркали, перелетая съ мѣста на мѣсто, уносимые сильными порывами вѣтра.... Домашняя птица тоже пробудилась, повыползала на необыкновенный свѣтъ молніи и оглашала воздухъ беспокойнымъ крикомъ, точно воплями отчаянія... А молнія все сверкала и уже сливалась въ одинъ общій, какой-то зловѣщій, матовый свѣтъ.... Происходило въ природѣ по истинѣ свѣтопредставленіе.... Такую ночь у насъ называютъ „воробѣиной“...

Во многихъ хатахъ селяне позажигали передъ св. иконами „громницы“¹⁾ и со страхомъ и трепетомъ прислушивались къ неистовому грохоту бури... Раздавался плачъ испуганныхъ дѣтей и громкая молитва стариковъ...

А буря все бушуетъ съ новой силой... Раскаты грома не замолкаютъ... Ливень разражается потоками, потоки, шумя съ горъ, затопляютъ улицы, площади и дворы... Небольшая рѣченка Гнилопята выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ ближайшіе сѣнокосы и огороды!..

Въ такую-то ночь, къ парадному подъѣзду палаца пана Стольника, подъѣзжала, запряженная четверкой-цугомъ устальныхъ коней, элегантная карета... Раздались три удара „бича“, и карета остановилась у подъѣзда... Изъ нея поспѣшно выскочилъ закутанный въ плащъ человѣкъ и нетерпѣливо схватился за ручку звонка.

Стольникъ въ это время сидѣлъ задумчиво въ своемъ кабинетѣ, прислушиваясь къ завыванію бури и понемногу тянулъ изъ небольшого серебрянаго кубка старый медъ... А панна Казимира въ своей комнатѣ тихо молилась у образа Богоматери...

Вдругъ раздался давно наслыханный звонокъ... Это всѣхъ переполошило...

Панъ стольникъ вздрогнулъ и громко окликнулъ слугу-камердинера.

— Эй, Вавжыне, что это значить?..

— Не могу знать, ясновельможный пане—со страхомъ отвѣтилъ старый слуга,—кажется кто-то къ намъ пріѣхалъ?..

— Какого это черта могло принести въ такую непогоду?... Пойди, узнай!...

Слуга схватилъ свѣчу и побѣжалъ отворять заржавѣвшую дверь параднаго подъѣзда...

Дверь со скрипомъ отворилась—и въ коридоръ вошелъ незнакомецъ въ плащѣ.

— Чей это палацъ?... спросилъ онъ.

— Ясновельможного пана стольника, Яна Сангайло.

¹⁾ Страстныя свѣчи.

— А-а, слыхалъ... Передай ясновельможному пану Столынику, что сбившійся съ дороги по случаю непогоды родовитый шляхтичъ просить его пріюта на эту ночь..

— Заразъ, вельможный пане...

И слуга, оставивши въ коридорѣ зажженную свѣчу, бросился вверхъ по лѣстницѣ въ кабинетъ Столыника доложить, какъ ему передалъ незнакомецъ.

— Пусть войдетъ. Приготовить комнату и взять на конюшню его лошадей!..—сь неохотой отдалъ приказаніе панъ Столыникъ... И въ это время подумалъ: „вѣроятно, какой нибудь захудалый шляхтичъ-сосѣдъ“...

Незнакомецъ вошелъ въ переднюю, и пока козачекъ снималъ съ него плащъ, самъ панъ Столыникъ вышелъ навстрѣчу съ зажженной канделябромъ въ рукахъ...

— Имѣю честь видѣть пана Столыника?.. спросилъ незнакомецъ.

— Да, я самъ... А кого имѣю честь принимать въ свое мѣсто?

— Родовитый шляхтичъ Юзефъ Вишневскій; єду изъ Варшавы къ себѣ въ имѣніе, на Украину; застигла непогода, прошу пріюта!..

— Изъ Варшавы?.. удивился панъ Столыникъ и, уже любезнѣе прибавивъ „прошу“..., ввелъ гостя въ парадную гостиную и молча указалъ на кресло... Шляхтичъ, поклонившиесь, сѣлъ

Это былъ молодой, красивый человѣкъ, довольно большого роста, курчавый брюнетъ, съ черными какъ смоль волосами и такими же громадными усами, молодцово закрученными вверхъ... Блѣдно-матовый цвѣтъ лица и большие, круглые, каріе глаза, съ какимъ-то быстрымъ, пронизывающимъ взглядомъ... Одѣтъ онъ былъ въ роскошный „кунтушъ“, шитый золотомъ и украшенный драгоцѣнными каменями.

Послѣ небольшой паузы, во время которой они оглядывали другъ друга, панъ Столыникъ началъ разговоръ.

— Что новаго въ Варшавѣ?..

— Да все по старому... Недавно былъ сеймъ... шумѣли... Иностранцы одолѣваютъ... Скоро нашей шляхтѣ родовитой, кажется, не будетъ мѣста при дворѣ...

Такой отвѣтъ пана Юзефа сразу понравился Сольнику.

— Охъ, правда, правда... Я вотъ давно не былъ въ Варшавѣ, да и не поѣду... Обидно...

— Поговариваютъ о новомъ раздѣлѣ...

— Даигрались!.. Впрочемъ, оно иначе и быть не можетъ...

Мы стали посмѣшищемъ всего цивилизованнаго міра...

И разговоръ на эту тему продолжался еще долго.

Стольникъ воодушевлялся давно имъ забытыми политическими вопросами, а панъ Юзефъ по многимъ вопросамъ сходился и соглашался съ мнѣніемъ Столъника,—это ему даже льстило... Такъ что въ концѣ концовъ Столъникъ положительно увлекся замѣчательнымъ умомъ и краснорѣчіемъ молодого человѣка, повесельѣ и быть въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго знакомства.

Къ ужину была вызвана и представлена новому гостю панна Казимира.

Панъ Вишневскій былъ пораженъ необыкновенной красотой панны.... Онъ въ продолженіе всего ужина не сводилъ съ нея глазъ, а панна Казимира дрожала отъ его взгляда, и ей, не привыкшей къ обществу постороннихъ, становилось неловко и даже какъ-то страшно.... Все время она сидѣла потупившись и съ нетерпѣніемъ ждала окончанія ужина, чтобы скорѣе удалиться въ свою комнату... Панъ Вишневскій, повидимому, произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе...

Наконецъ, ужинъ кончился... Столъникъ совсѣмъ повеселѣлъ, острѣлѣ, смѣялся, шутилъ и таки изрядно хватилъ разныхъ наливокъ, старокъ и венгерскаго...

Я благословляю непогоду!... воскликнулъ онъ,—такъ какъ, благодаря ей, въ моей замкнутой, одинокой жизни появился свѣтлый лучъ, и я могу душу отвѣсть интереснымъ разговоромъ съ такимъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и умнымъ себесѣдникомъ!...

— И я въ свою очередь въ восторгѣ, во первыхъ потому, что мнѣ привелось свестъ столь пріятное знакомство съ такимъ именитымъ шляхтичемъ, какъ шановный панъ Столъникъ Крулевскій Янъ Сангалю, а во вторыхъ,—я здѣсь встрѣтилъ диво-

красоту и очарованъ прелестями божественной дочери его, панны Казимиры!...

При этомъ Вишневскій съ чувствомъ поцѣловалъ руку панны.

Казимира отъ такихъ похвалъ покраснѣла и молча удалилась къ себѣ. Стольникъ-же съ паномъ Юзефомъ еще долго бесѣдовали и разошлись положительно друзьями, а прощаюсь, даже заключили другъ друга въ крѣпкія объятія.

Буря и непогода на дворѣ стихли... И скоро все замолкло и погрузилось въ сладкій сонъ....

Недѣля на исходѣ, а панъ Вишневскій все еще гостить въ палацѣ Стольника, и панъ Сангайло отъ него въ восторгѣ, ни за что не отпускаетъ, все проситъ еще погостить.

Какъ вдругъ, въ одну ночь въ палацѣ поднялась страшная тревога... Поднято на ноги все населеніе мѣстечка, собранъ народъ и изъ окрестныхъ сель; гонцы отправлены въ разныя стороны на розыски!...

Разнеслась по окрестностямъ неслыханная вѣсть... Таинственный незнакомецъ, гостиившій у пана Стольника, тайно бѣжалъ изъ палаца и увезъ съ собой его единственную дочь, панну Казимиру!... Самые тщательные розыски и погоня ни къ чему не привели... Всѣ гонцы возвращались съ недоброї вѣстью: „ни слуху, ни духу... пропали, какъ въ воду канули!...“

Панъ Стольникъ съ горя сошелъ съ ума... Онъ въ припадкѣ отчаянія бросился изъ окна верхняго этажа своего палаца и скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Этотъ, по истинѣ, ужасный случай произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе...

Было наряжено самое строгое слѣдствіе и отъ „жонду“, но тоже ни къ какимъ результатамъ не привело...

Пана Стольника похоронили съ особенной торжественностью въ Бердичевскомъ кляшторѣ, а имѣніе, впредь до возвращенія наследницы, опять поступило въ королевскую казну.

Долго еще обѣ этомъ выдающемся случаѣ судила и толковала окolinaя шляхта. Одни говорили, что неблагодарная

дочь сама бѣжала съ любовникомъ, другіе, что насильно увѣзена,—словомъ всякой на свой ладъ, т. к. дѣйствительной причины никто не зналъ... Но понемногу случай этотъ сталъ забываться, какъ и все на свѣтѣ забывается скоро...

Прошло много лѣтъ...

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много во всемъ и церемониѣ произошло.

Къ отцу моему, а вашему прадѣду, блаженной памяти священнику уніатскому, Петру Бурчемухѣ, однажды пришла, неизвѣстно откуда, и попросила, пріюта какая-то старуха-странница.

По симпатичнымъ чертамъ лица и хорошему обращенію, можно было заключить, что она не простого, а шляхетскаго происхожденія. Замѣчательно тихаго права, добрая, простая, ласковая, она сразу заслужила общую симпатію семьи.

Прожила она у насъ нѣсколько времени и хотѣла было удалиться, но мы ее всѣ такъ полюбили и привыкли къ ней, что, какъ родную, пріютили и оставили жить до самой смерти.

Все время она была молчалива, никому ничего не рассказывала о себѣ и о своей жизни. Кто она и откуда, такъ и оставалось для всѣхъ тайной.... Вѣры она была католической и почти ежедневно посѣщала ближайшій костель, гдѣ усердно молилась Богу.

Хотя мы и интересовались ея прошлымъ, однако она объ этомъ никогда не заводила рѣчи и даже словомъ не обмолвилась.

Такъ прожила она у насъ нѣсколько лѣтъ.

Возвращалась какъ то изъ бердичевскаго костела, куда ходила „на отпустъ“, она простудилась въ ненастную погоду, заболѣла, слегла въ постель и уже больше не вставала.

Передъ смертью подозвала къ себѣ отца и мать моихъ и покѣдала имъ свою печальную повѣсть.

Тутъ только обнаружилось, что она была несчастная Казимира Сангайло.

Разказала она следующее.

„Я еще не очень стара, но горе и страданія, какія я пережила въ своей жизни, меня преждевременно состарили. Отецъ мой былъ родовитый шляхтичъ, стольникъ при дворѣ польского короля. Жили мы роскошно и богато, а мать я потеряла, когда еще была малымъ ребенкомъ и почти совсѣмъ не помню.. Воспитаніе получила хорошее, въ Варшавѣ... Отецъ мой, когда я достигла совершеннолѣтія, увезъ меня въ деревню, и я тамъ жила одинокой безъ родныхъ и друзей. По придворнымъ интригамъ отецъ скоро попалъ въ немилость короля, ему запретили вѣзѣздъ въ Варшаву, и мы съ тѣхъ поръ поселились навсегда въ деревнѣ...

Скучно и однообразно тянулась наша жизнь. Озлобленный на всѣхъ отецъ удалялся отъ людей, жилъ отшельникомъ, былъ характера грубаго, притомъ часто напивался и со мной обращался строго. Но все таки онъ любилъ меня...

Однажды, въ темную, бурную ночь, къ намъ неожиданно заѣхалъ неизвѣстный молодой человѣкъ и попросилъ пріюта отъ непогоды..

Отецъ мой принялъ его ласково, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Разговорились—и Юзефъ Вишневскій (такъ назывался онъ), понравился старику въ особенности за то, что тоже былъ недоволенъ и озлобленъ на несправедливости тогдашняго „жонда“... Панъ Вишневскій, удерживаемый отцомъ, прогости у насъ довольно долго.. Онъ былъ красивъ и статенъ, но мнѣ не понравился... Я помню, когда впервые меня отецъ съ пимъ познакомилъ, я потупилась, испугалась и не могла выносить демонического взгляда его темныхъ, какъ ночь, очей. Вѣроятно, у меня было и тогда предчувствіе чего-то недоброго... Онъ говорилъ мнѣ всегда массу любезностей, отъ которыхъ я только краснѣла и молчала. Кромѣ неподѣльного страха, онъ мнѣ ничего не вѣщалъ, и какъ ни старался быть любезнымъ, я боялась его все болѣе и болѣе... И неудивительно, я тогда была еще очень молода и людей не знала совсѣмъ...

Прожилъ онъ у насъ больше недѣли.. Была чудная лунная лѣтняя ночь... Соловьи въ нашемъ паркѣ, неумолкая перекликались своей чарующей трелью... Ароматъ цвѣтущей сирени

и жасмина благоухалъ повсюду... Мне вдругъ пришла охота выйти въ паркъ и насладиться этой дивной ночью... Я вышла и незамѣтно, увлекаемая волшебнымъ пѣнiemъ соловья, зашла далеко въ глубину сада, почти къ самому пруду... Прислоняясь къ стволу высокой липы и глядя въ прозрачныя, блестѣвшія серебромъ при лунномъ свѣтѣ струи пруда, я прислушивалась къ тихому плеску волнъ и невольно задумалась о своемъ одиночествѣ и жизни непривольной...

Вдругъ, точно изъ земли, передо мною выросла фигура нашего таинственнаго гостя съ его демоническимъ взглядомъ.. Я обмерла, вскрикнула и со страха не могла произнести ни одного слова!...

— Не бойся, панна, я тебѣ зла не сдѣлаю никакого; а что случится съ тобой, такъ знай — это предопредѣленіе судьбы!

Я еще больше испугалась и только почувствовала, что силы меня оставляютъ и я падаю... Заѣмъ чувствовала его прикосновеніе; помню, какъ онъ схватилъ меня за руки и несъ. Что же дальше было, и не помню...

Не знаю, долго-ли я пролежала въ обморокѣ, но очнулась я уже въ каретѣ, которая наскочила съ страшной силой... Я стала звать на помощь, рвалась выскочить изъ кареты, но онъ взялъ меня за руку, усадилъ опять на мѣсто и твердо сказалъ:

— Напрасны, панна, твои усилія: тебя никто здѣсь не услышитъ, т. к. мы далеко отъ твоего дома!... Покорись своей судьбѣ, такъ видно ей угодно...

И дѣйствительно, усилия къ освобожденію были напрасны. Мы проѣзжали темнымъ, дремучимъ лѣсомъ, и никто не могъ слышать моихъ криковъ и воплей. Я рыдала, просила, умоляла отпустить, но онъ оставался непоколебимъ...

Наконецъ, выбившись изъ силъ, въ безполезныхъ попыткахъ освободить себя, я умолкла... Со мной случился опять обморокъ, въ которомъ я пролежала вѣроятно очень долго...

Сознаніе вернулось... Я оглянулась и увидѣла, что лежу на роскошной постели, окруженнай заботливымъ уходомъ молчаливыхъ слугъ... Мой похититель сидѣлъ у изголовья...

— Гдѣ я и что со мной?...

— Успокойся, милая панна, ты теперь въ моемъ замкѣ, тутъ тебя никто не обидить, и ты найдешь здѣсь довольство и любовь.

— Гдѣ же отецъ мой?

— О, его уже нѣть на свѣтѣ...

— Какъ нѣть?

— Онъ не перенесъ разлуки съ тобой!...

— Боже мой!... воскликнула я и зарыдала.

— О, злодѣй! Что ты сдѣлалъ съ нами?... Зачѣмъ похитилъ мой покой?... Чего ты хочешь отъ меня?...

— Любви твоей, панна!... Тихо сказалъ онъ и началъ страстно цѣловать мою руку.

— Ты ея никогда не получишь,—я могу только презирать и проекливать тебя!...

— Перестань, вѣдь это все равно ни къ чему не приведеть... Тебѣ нѣть возврата... А лучше покорись своей участи, полюби меня!... Я окружу тебя довольствомъ и всѣми прелестями жизни... Я богатъ, знатенъ... Чего же тебѣ желать лучшаго?...

— Я боюсь тебя!...

— Привыкнешь—и, повѣрь, скоро вся ненависть забудется.

Да, мнѣ несчастной оставалось только покориться своей судьбѣ и переносить все безропотно... Вѣдь никто не спасетъ меня... я сама, беспомощна, одинока...

И я покорилась.

Юзефъ, такъ его дѣйствительно звали, окружилъ меня неслыханной роскошью... Его чудный домикъ, поражалъ богатствомъ и блескомъ... Громадныя залы были отдѣланы дорогими тканями, рѣдкія картины въ золоченныхъ рамкахъ, чудная заграничная мебель, статуи, зеркала и все вообще убранство и обстановка осыпляла пышностью и заключала несмѣтное багатство.

А все таки я чувствовала себя одинокой, точно въ тюрьмѣ, въ этихъ пышныхъ хоромахъ и не разъ проливала слезы о судьбѣ своей злосчастной!

Панъ Юзефъ часто выѣзжалъ куда-то и пропадалъ по нѣсколько дній и недѣль сряду.

Я все его еще боялась и никакъ не могла свыкнуться со своимъ положеніемъ. Юзефъ обращался со мной необыкновенно ласково и ни словомъ, ни жестомъ не позволялъ оскорбить меня. По временамъ ласкалъ, завѣялъ въ любви, но все это мнѣ не нравилось, и душа моя не лежала къ нему... Я во страхомъ принимала его ласки и тогда только отдыхала свободно, когда оставалась одинокой въ своей комнатѣ, гдѣ я долго и усердно молилась Пресвятой Дѣвѣ, изливала передъ Ней всѣ свои душевныя страданія и муки!...

Что особенно непріятно поражало меня въ замкѣ, это какая-то таинственность и тишина, въ которую все было облечено. Никто посторонній къ намъ никогда не показывался. Слуги молча исполняли приказанія и отличались какою-то угрюмостью и несловоохотливостью... Вообще мы жили точно отшельники на необитаемомъ островѣ, что еще больше нагоняло на меня тоску и отчаяніе.

Юзефъ, когда бывалъ дома, по цѣлымъ дніямъ и ночамъ занимался въ своемъ кабинетѣ, входъ въ который былъ всѣмъ безусловно воспрещенъ. Чѣмъ онъ тамъ занимался, никто не зналъ. Меня вначалѣ это и не интересовало, но съ течениемъ времени явилось невольное любопытство узнать, по крайней мѣрѣ, чѣмъ онъ занимается и что за человѣкъ такой. Главное—почему самъ онъ никогда и словомъ не обмолвился о себѣ и вообще о своей таинственной жизни! Я уже говорила, что онъ часто уѣзжалъ изъ дому неизвѣстно куда и зачѣмъ... Уѣзжая, онъ всякий разъ приходилъ ко мнѣ, пожалѣвалъ въ голову и говорилъ:

— Я уѣзжаю, мой другъ! Будь умница и не скучай безъ меня, я скоро вернусь...

И за тѣмъ удалялся... Мнѣ, впрочемъ, было тогда все равно, есть ли онъ дома или нѣть.

Я запиралась въ своей комнатѣ, которую очень полюбила, и тамъ просиживала по цѣлымъ днямъ. Я даже боялась выходить изъ замка въ садъ. Хотя садъ былъ прекрасный, съ густой тѣнистой зеленью: массой цветовъ и всякихъ рѣдкихъ тропическихъ растеній. Замокъ и садъ обнесены были громадной каменной стѣной, а за стѣной виднѣлись верхушки густого, темнаго лѣса, и никакихъ признаковъ посторонняго жилья не доносилось изъ-за стѣнъ высокихъ. Не слышно было ни лая дворовыхъ псовъ, ни крика домашней птицы,—значитъ, за стѣнами былъ одинъ дремучій лѣсъ, который шумѣлъ и напоминалъ тоску... Мне становилось еще страшнѣе въ этомъ саду, я убѣгала и опять пряталась въ своей комнатѣ.

Теперь любопытство узнать, чѣмъ онъ занимается и кто онъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ.

Я часто рѣшалась подходить къ его таинственному кабинету, прислушивалась и даже заглядывала въ отверстіе замка когда олѣ занимался тамъ, но никогда ничего не могла разсмотретьъ.

Однажды онъ засталъ меня за этимъ... Я смущилась, покраснѣла... Но онъ кротко замѣтилъ мнѣ:

— Дитя мое, никогда не старайся проникнуть въ эту дверь; я тебѣ запрещаю, иначе ты дорого можешь поплатиться за свое любопытство.

Мнѣ показалось такое его замѣчаніе очень обиднымъ, Я ушла въ свою комнату и долго проплакала....

Однако, съ тѣхъ поръ любопытство мое еще болѣе увеличилось, и теперь у меня было только одно желаніе, которое не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью: во что-бы то ни стало прослѣдить за нимъ и узнать все.

Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Царь Юзефъ уѣхалъ куда-то. Онъ по обыкновенію простился со мной и сказалъ, что вернется не скоро....

Я заперлась было въ своей комнатѣ, съ намѣреніемъ никакуда не выходить, т. к. уже ночь наступила, по подстрекаемая любопытствомъ, я не утерпѣла, взяла свѣчу и потихоньку отправилась взглянуть хоть издали па эту таинственную дверь, такъ тщательно оберегаемую моимъ сожителемъ.

Каково же было мое удивлениe и радость, когда я замѣтила, что ключъ въ дверяхъ оставленъ!.. Вѣроятно, Юзефъ второпяхъ забылъ его вынуть и взять со собой?..

Я замерла отъ восторга.... Теперь-то я непремѣнно узнаю все!...

Тихонько, на цыпочкахъ, я обошла кругомъ всѣ комнаты и, убѣдившись, что всѣ слуги спятъ, съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, приблизилась къ дверямъ кабинета и схватилась дрожащею рукою за ключъ.... Повернула два раза.... Раздался металлический звонъ пружины и эхомъ понесся по пустымъ комнатамъ.. Я испугалась этого зловѣщаго звука и со страхомъ отскочила отъ двери... Но почемногу овладѣла собою... Еще разъ прислушалась.... все было тихо, какъ въ могилѣ....

Войти или нѣтъ?...

Я рванула за ручку двери и... вопла!...

Въ это время миѣ послышался какъ-будто тяжелый стонъ, отъ котораго мурашки пробѣжали по тѣлу! .. Свѣча, которую я трепетно сжимала въ рукахъ, озарила все своимъ дрожавшимъ свѣтомъ... И когда я рѣшилась взглянуть, я обмерла отъ ужаса и едва удержалась на ногахъ, что-бы не упасть!...

Глазамъ моимъ представилась необычайная обстановка!...

Всѣ комнаты были обиты чернымъ сукномъ съ какими то бѣлыми изображеніями и фигурами--не то буквы, не то знаки .. Кругомъ невообразимый беспорядокъ и хаосъ, такъ что вначалѣ нельзя было ничего разобрать... Все было разбросано по полу или развѣшано по стѣнамъ... Я замѣтила между прочими предметами много поломанныхъ металлическихъ крестовъ и какихъ-то символическихъ изображеній, попранныхъ подъ ноги... По полу, тутъ и тамъ, валялась масса человѣческихъ череповъ, отъ которыхъ изъ впадинъ отъ глазъ исходилъ фосфорической свѣтъ... Въ разныхъ мѣстахъ и по угламъ комнаты стояло несколько скелетовъ въ бѣлыхъ покрываляхъ, въ разныхъ причудливыхъ позахъ, и я замѣтила даже какъ-будто выраженіе ужаса на ихъ постоянныхъ лицахъ со всклоченными волосами.... Свѣтильникъ на подставкѣ съ шестью потухшими сажеными черными восковыми свѣчами возвышался чуть-ли не до потолка

лка.... На полкахъ стояло нѣсколько большихъ стеклянныхъ шаровъ и банокъ, соединенныхъ между собою стеклянными же трубками, и въ нихъ бурлила, клокотала и переливалась какал то жидкость, издававшая трупный запахъ.... Валялись въ безпорядкѣ изломанные гроба съ остатками человѣческихъ костей... Это былъ по истинѣ кабинетъ смерти!... А по срединѣ комнаты возвышался громадный траурный аналой и на немъ лежала раскрытая большая черная книга, черные же пергаментные листы съ бѣлыми по нимъ выпуклыми непонятными буквами, гіероліфами и изображеніями....

Въ ужасѣ я тогда поняла все!... Юзефъ былъ „чернокнижникъ“!...

Непомня себя отъ страха, я схватила съ аналоя эту дьявольскую книгу, уѣждала съ ней въ свою комнату и бросила въ горѣвшій каминъ.... Пламя сразу ее охватило.... Пергаментные листы затрещали, свернулись, покоробились.... раздался душу раздирающій крикъ, за тѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ, точно ударъ грома!... Изъ камина хлынулъ потокъ краснаго пламени и искръ и охватилъ всю комнату.... Въ пламени копошились и высакивали какія-то невиданныя безобразныя фигуры не то людей, не то звѣрей съ искаженными лицами,—все это издавало нечеловѣческій плачъ и визгъ!...

Не знаю, какъ я выбѣжала изъ замка и очутилась на дворѣ и стала звать на помощь... Но никто не являлся ко мнѣ... Я осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и начала громко читать молитвы....

Моментально весь замокъ обратился въ бушующее море пламени, громадные языки котораго доходили подъ самое небо!... Изъ пламени все еще высакивали нечеловѣческие образы съ искаженными лицами... Все это производило невообразимый трескъ, шумъ, адскій крикъ и визгъ!... Поднялся страшный ураганъ, молнія пронизывала небо и раздавались частые раскаты грома!... А пламя разгоралось и разгоралось, казалось—горѣли даже камни и земля, издавая смрадный запахъ!...

Вдругъ послышался стукъ копыть.... Я оглянулась.... То мчался на конѣ Юзефъ.... Лицо его было искажено ужасомъ,

глаза налиты кровью.... Онъ соскочилъ съ коня, который тутъ же палъ, и бросился ко мнѣ съ крикомъ:

— „Казимира, Казимира!.. Что ты надѣлала?“

Онъ хотѣлъ вѣроятно убить меня, но кровь хлынула у него изо рта и глазъ, и онъ грохнулся замертво на землю... Пламя въ отвратительномъ образѣ человѣческомъ съ страшнымъ хохотомъ простерло къ нему свои огненные руки и пожрало его!...

Я бросилась бѣжать!...

Меня нашелъ лежавшей безъ чувствъ, въ лѣсу одинъ бѣдный крестьянинъ и привезъ къ себѣ въ хижину... Долго я у него пролежала въ горячкѣ и бреду.... Однако начала понемногу поправляться, выздоравливать, и наконецъ оправилась и совсѣмъ.... Съ тѣхъ поръ я посвятила себя Богу.... Много святыхъ мѣстъ я обошла и горячо молилась Господу Вседержителю о прощеніи грѣховъ моихъ и раба Божьяго Юзефа.... Я никогда никому не рассказывала о произшедшемъ со мною.... Теперь, почуявъ близкій часъ смерти, я исповѣдываюсь передъ вами.... Никого небыло у меня на свѣтѣ ближнихъ, а вы призрѣли, пріютили меня несчастную—и Богъ васъ за это не оставитъ.... Я благословляю небо, что умираю здѣсь, гдѣ когда-то жилъ мой несчастный отецъ.... А теперь прошу ко мнѣ отца духовнаго!...

Къ утру старушки не стало....

Вотъ что творилось когда-то на свѣтѣ Божьемъ!.. Такъ окончила бабушка свой печальный разсказъ.

К. Ванченко-Писанецкій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.¹⁾

(1750—1784 г.).

- 46) *Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г.,
21 октября.*

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною сего октября 21 числа, чрезъ Матвія Можневскаго писмо, симъ отвѣтствую. О хлѣбѣ коровинскомъ нѣкакого слѣдствія, какъ въ представленіи генералной войсковой канцеляріи написано, не было, но генералнаа канцелярія утверждясь толко на поданномъ въ 1749 году отъ умершаго Семена Полуботка доношеніи о томъ къ гетману, змислила представление сама собою, оной же хлѣбѣ зъ сѣмянъ при селѣ Коровинцахъ находящихся приобрѣтенъ биль, а не зъ его собственныхъ, какъ подданніе показуютъ; сю крайную обиду намъ первоначально началъ, здесь обрѣтаючійся плутъ Туманскій, которой за брата своего, по Крижановскому, и на мене весма золь, и всяkie дѣлаетъ здесь интриги къ обидѣ моей, при чемъ и представленіе о хлѣбѣ онъ змислилъ, нарушивъ всѣ бывшія определенія генералной канцеляріи, чтобы оному бить при наслѣдникахъ максимовскихъ, какъ вы можете усмотрѣть зъ сообщающагося при семъ къ вамъ генералной войсковой канцеляріи представленія къ гетману, при которомъ и дополненіе посыпалъ умершаго Павла Ласкевича; сія лихая искра хотѣла поле спа-

¹⁾ См. „Киевская Старина“ 1893 г., № 10.

лить, но сама первіе погибла. О хлѣбѣ всемъ перемолоченномъ вѣдомость посылаю и при томъ покорно прошу совѣта, ежели отъ генералной войсковой канцеляріи пришлютъ отбѣратъ хлѣба, отдавать ли оной? Притомъ же Полуботокъ претентуетъ двѣ тисячѣ копѣйки оного и болѣе, но того по вимолоту не явилось на десятой долѣ, едно что его столько и не было, а другое за гнилостью много пропало; ежели будуть усилять добавать до претендуюмаго числа, то и на сie вздумавъ проектъ сей, чимъ сie дѣло до получения вами резолюціи въ сенатѣ на аппеляцію (которую вы какъ найскорѣйше подавайте) проволочить и отдачи не учинить, и вамъ въ разсмотрѣніе пишу. Теперь я напряженъ на шесть мѣсяцей въ походѣ къ Богу рѣки, куда сего числа и виижжаю, где потомъ буду жить безотлучно поколь отъ васъ отвѣтъ получу, а отецъ имъ отказать можетъ, что какъ дѣло, такъ и хлѣбѣ въ моемъ вѣдомствѣ, и онъ де за поворотомъ съ походу рощитатся и возвратить можетъ, а вы между тѣмъ обѣ указѣ можете постараться. Я безмѣрно удивляюсь о нечаянной перемѣнѣ сребролюбивой души, которой видимо по всему, что совѣсть и постоянство держитъ въ сребрѣ, и людямъ дѣлаетъ что либо за тоже, еднакъ ему заслужить обѣщался какъ за свое, такъ и за сые Антонъ Стефановичъ, которой такожъ его превознѣсь похвалами, вашимъ ровними. Я зъ своимъ лубенскимъ вертопрахомъ¹⁾ уже примирился, когда былъ онъ въ Антона Стефановича; теперь, какъ сказуютъ, хочъ въ ухо вбгай, за то, что всѣмъ его дурачествамъ я даль мѣсто. О сервѣзѣ я намѣренія не оставилъ, но что присилка денегъ на оной промедлѣлась, то причиною сему плутъ мой debtоръ Собецкій, которой будучи мнѣ полтори тысячи рублей виноватъ, просрочилъ, и понынѣ не отдалъ; я зъ другой стороны поисправившись денгами, буду просить васъ, милостиваго г—ря братца, по замѣтки мною данной, заказать оной зделать, а теперича по написаніи сего виежжаю въ походѣ, и желаю васъ и протчихъ братей моихъ, которымъ отъ мене нижайшій поклонъ, выдѣль по веснѣ, ежели буду живъ, въ Пѣтербурги.

¹⁾ И. И. Кулабка, полковникъ лубенский.

Впрочемъ есмъ съ моимъ усердіемъ вашъ всего добра жела-
тельный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

47) *Брата Степана Андреевича, (изъ Коровинецъ?), 1759 г.,
23 января.*

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною
сего генваря 17 числа писмо, при взаимномъ моемъ новимъ
годомъ поздравленіи, зъ желаніемъ въ ономъ всѣхъ вамъ, ми-
лостивому государю, братцу, благочастніхъ прогрессовъ, симъ
въ отвѣтъ доношу, что я сего на датѣ положенного числа
отежжаю въ Глинскъ, къ Антону Стѣфановичу, где исполнить
всѣ ваши приказанія долженъ, и по полученіи потребного вамъ
сообщить и о всемъ увѣдомить не оставлю. О хлѣбѣ коровин-
скомъ я уповаю, что вы въ полученныхъ письмахъ отъ мене
получили всему хлѣбу сколько оного вимолочено вѣдомость, и
для того теперича не сообщаю оной; о послѣдовавшихъ отъ
лубенского вѣтрогона¹⁾ мнѣ обидахъ, я васъ тогда за печаллю
мою и за своримъ отездомъ куріера, обстоятельно увѣдомить
не могъ, для того, что его безчеловѣчнихъ поступокъ неможно
описать и на десяти листахъ, еднакъ слава Богу, что онъ, якъ
плутъ остался зъ своими намѣреніями, а я при моемъ преж-
немъ состояніи зостаюсь; вы за обозного²⁾ очень угадали, что
сухая безъстия много наврала, которая за мои немаліе одол-
женія горше всѣхъ повредила, ввявиши мзду сребролюбивой
и безсовѣстной своей души отъ противной мнѣ стороны. За
рекомендациіи я васъ покорно прошу, а о писемъ къ вѣтрогону
архипастыра³⁾ и нетрудѣте, якоjkъ я ихъ обоихъ держу еди-
накового сложенія, и въ томъ мнѣ нынѣ и нужди не состоить,
объ архіереѣ въ Петербурги пущай не просить Бога, лубен-
скій полкъ за его умолитъ, что намъ такого полководца схो-
датайствовалъ, которой разоривши людей въ полку, долженъ и
себѣ зъ дѣтми ожидать погибели, чрезъ свои сверхъ натурал-

¹⁾ Дубенскій полковникъ Кулаковъ

²⁾ Иванъ Андреевичъ Марковичъ?

³⁾ Сильвестръ Кулаковъ. См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 1, стр. 171.

ніе и всей Малой Россіи удивителніе поступки. Я напослѣдовъ, милостивый государь, братецъ, и сего не пропущаю за куріозъ донесть, что его шатость¹⁾) засваталъ билъ умершаго сотника лохвицкого Коченовскаго жену за себя, и сего генваря 14 числа, великолѣпною и шестинадцатилѣтъ притметру приличною церемониєю и щеголствомъ, состоящою со всего полку, приехаль билъ для полученія своего желанія въ Лохвицу, гдѣ въ еи домѣ, въ избахъ, приборъ засталъ, еи-же не получилъ, которая уехавши къ дѣверу своему маюру Качановскому, въ Паражвѣевку, звѣнчалась съ полковникомъ компанійскимъ Игнатомъ Часникомъ. Его же шатость съ превеликимъ стидомъ и присутствующіе ему въ Лубни обратно возвратились. Протокольстъ Дергунъ, которій къ дому нашему пріятель и человѣкъ добрій, писалъ ко мнѣ чрезъ нарочного, чтобъ я, милостивый государь, братецъ, вамъ рекомендовалъ съ прозбою о неоставленіи его въ слѣдующей къ вамъ его прозбѣ, и я обѣ немъ, яко добромъ и въ интересахъ нашихъ услужномъ человѣку, васъ покорно прошу, въ прозбахъ его возможныхъ не оставить, чемъ его поощрите къ должностямъ услугамъ. А я напослѣдокъ остаюсь зъ должностимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелательній братъ и покорній стуга Стефанъ Полѣтика.

48) Брата Степана Андреевича, 1760 г.—мая.

Милостивый государь, братецъ, Григорій Андреевичъ. На писмо ваше прошлого генваря отъ 22 отпущенное, чрезъ служителя Антона Стефановича, я и понынѣ не могъ отвѣтствовать за всегдашними моими, по нынѣшнему моего наряду въ Пруссію, отъ дома отлучками, а нынѣ при вѣздѣ туда, какъ на оное въ отвѣтъ донесть, такъ и о обращеніяхъ домовыхъ обявить имѣю. По прописанному въ писмѣ вашемъ приказанію обѣ распоряженіи насъ и обѣ удовольствіи сестеръ, я всемѣрно отъ батюшки старался, о чемъ обстоятельно вамъ швагерь Афанасій Прокофьевичъ²⁾), который сихъ чиселъ къ вамъ въ Пе-

¹⁾ Такъ называетъ П—ка своего полковника Кулабку, иронизируя надъ его легкомысліемъ. Шатость значитъ собственно непостоянство.

²⁾ Шваревичъ.

тербургъ намѣренъ зъ дрома сыновями виѣздить, можетъ обя-
вить, но вмѣсто того, чтобы всѣмъ зделать тишину и удовол-
ство, получилъ крайнюю себѣ обиду, ибо батюшка не токмо
по писму вашему ничего учинить не похогѣлъ, но и остатнюю
мелницу аксютинскую, мною владѣемую, отнялъ отъ мене, чѣмъ
мене, при нынѣшнемъ моемъ походѣ, такъ несносно обидилъ
и разорилъ, что я ей, братецъ, оставляю жену съ такимъ по-
рядкомъ, что и каши нѣ ішего зварить, а причина сему—лугъ,
купленный мною у козаковъ коровинскихъ Савченковъ, который
батюшка, не імѣя никакой правилности, началъ биль пусто-
шить, за что отъ гетмана по козачей жалобѣ велѣно козаковъ
совсѣмъ удоволствовать и не интересоватса, а притомъ и гвалти
пополнить; я изъ сего видячи батюшкину обиду по инстинку
(sic) нашихъ недоброхотовъ, чтобы чемъ дѣло прекратить, ста-
рался о куплѣ онаго, но зато, вмѣсто благодаренія, несносную
претерїваю обиду. Хочай же я о возвращеніи оной мелницѣ
нѣсколко разъ просилъ, но онъ потому отъ мене требуетъ,
чтобы я ему купленний лугъ уступилъ и деньги бы мною дан-
ные отъ него принялъ, съ чего, милостивый государь, братецъ,
можете отческое милосердіе признать, ибо вмѣсто того, чтобы
еще своимъ добромъ долженъ бы наградить всѣхъ равно, а не
отнимать отъ дѣтей и собственное нажитое, мнѣ не жаль было,
ежели бъ онъ, кромѣ нась, имѣлъ бы другихъ дѣтей, да такъ
несправедливо поступалъ, я въ семъ случаѣ иного средства не
изобралъ, кромѣ, о семъ обявивъ, просить васъ, чтобы вы къ
нему писали о возвращеніи зъ забратимъ хлѣбомъ десять лѣтъ
уже мною владѣемой мелницѣ, чтобы моей женѣ не довелось
бы по-подъ-окнами хлѣба просить, а о прѣтемъ роздѣлѣ, ко-
торый батюшка намѣреваетъ безъ меня, васъ всѣхъ созвавъ въ
домъ, зделать, я не согласую и моей части принять никому
не повѣрю, яко жъ со всего видимо, что батюшка, (имѣя предъ
симъ къ роздѣлу намъ всѣмъ наслѣднихъ частей довольноное время
и при битности вашей не единожды въ домѣ, ничего порядоч-
наго не сдѣлалъ, нынѣча избираетъ оному время въ отлучку
мою въ отдаленный походъ), желаетъ мене вовся обидить, ед-
накъ я всѣ сіи несправедливие предпріятия оставилъ на совѣст-

ное въсѧ благоразсмотрѣніе и братерскую любовь, и поручаю жену и дитину мою подъ собственное, милостивый государь, братецъ, ваше призрѣніе, которой въ отлучку мою въ сей отдаленный и опасный походъ, буди доведется мнѣ и жизнь тамо окончить, прошу нажайше не оставить и содержать то, что я за то при жизни и по жизни вашъ непрестанный благодарникъ вашъ покорнѣйший слуга Стефанъ Полѣтика.

Съ Ласкевичами дѣло я пріостановилъ до возвращенія моего зъ походу и полученія отъ васъ резолюціи за хлѣбъ. Петро, послыхавши объ отдаче Полуботчихъ хлѣба, вѣсма началъ биль старатись, чтобы дѣло рѣшено было въ гадяцкой полковой канцеляріи скорѣе по резону, что и онъ его не мало захватилъ, еднакъ въ семъ ему не удалось. Я особливо еще вздумалъ сie, чтобы свои съ ними дѣла зачать вмѣстѣ зъ Можневскими, которые согласились со мною искать на нихъ за неотдачу денегъ и такъ стараться буду, чтобы всѣ вмѣстѣ рѣшени били, какъ и ордеромъ генералной войсковой канцеляріи, которой я испросилъ, велѣно, дабы ихъ симъ скорѣе принудить до крайнего окончанія и миру. Петро Васильевичъ будучи вмѣстѣ со мною въ Гадячѣ въ августѣ мѣсяцѣ сходился на миръ, но я съ миру усмотрѣлъ его плутовство: мирится не похотѣль, ибо онъ желалъ отдачи имъ всѣхъ купленныхъ дворовъ у Радченковой, въ Гадячѣ же мы съѣхались были для начатія дѣла, но не зачали затѣмъ, что Павелъ Ласкевичъ на повѣренного не давши полной вѣрующей, умеръ, а по одной Петровой вѣрующей я вступать въ дѣла не похотѣль, ибо жена бѣ Павлова или дѣти могли бѣ за другое на насъ искать; и такъ я требую, чтобы была вѣрующая и отъ Павловой жены, которая когда подастъ, то въ тѣ поры и въ дѣло вступить имѣю.

49) Луки Татищева, изъ Лондона, 1761 г., 14 декабря.

Милостивый государь мой Григорій Андреевичъ! Какъ я не сумнѣваюсь о вашего высокоблагородія въ С.-П.-Бурхѣ, до полученіи сего моего писма, изъ Малороссіи возвращеніи, такъ и не хочу болше медлить васъ, прежде всего съ тѣмъ усердно поздравля, въ протчемъ честь имѣть (sic) служить моимъ долж-

нымъ отвѣтомъ на ваше ко мнѣ почтенное послѣднее (письмо?) отъ 8 минувшого октября, принося вамъ, милостивому государю, моему во первыхъ покорнѣйшее благодареніе мое за столь благосклонной вашѣ мнѣ подарокъ, которой я чрезъ шкипера Андерсона, якоже и послѣднія три книги, чрезъ обратно отѣхавшаго сюды капитана Ганакта, съ покорною благодарностю мою, изъ здѣшней таможни получилъ. Я оныя принималъ съ обязательнѣйшимъ признаніемъ повиновенія моего ко всемъ вашимъ повеленіямъ, которыя всегда съ особливою охотою исполнять обязуюсь, прошу въ протчемъ быть совершенно удостовѣрену о продолжительномъ раченіи моемъ къ соблюденію вашей дражайшей дружбы. Безъ сомнѣнія вы уже изволили осмотреть посланные мною съ шкиперомъ Галакомъ разныя вещи; а нынѣ прилагая при семъ щетъ издержаннмъ мною при томъ случае отъ васъ, въ два раза, полученнымъ денгамъ, изъ онаго явствуетъ, коликое число по уплаченніи послѣдней Вистону суммы 12 фунтовъ и 18 шиллинговъ, у меня дѣйствительно остается; сожалѣю при томъ, что при такихъ весма трудныхъ обстоятельствахъ, я никакъ не могъ книгъ мимо таможни къ вамъ отправить. Мнѣ самому желателно было во угощенніе ваше извѣстную желаемую вами карету, купивъ съ прочими вещми, къ вамъ отправить, но къ моему сожалѣнію еще по нынѣ я оной не отыскалъ по причине: 1-е, что сумма у меня оставшая на то совсѣмъ не доволна, а 2-е, что здѣсь не принимаютъ кромѣ совершеннаго уплаченнія, никакихъ задатковъ; и такъ я долженъ обжидать, пока оная сумма по вашему обѣщанію на то дополнится. Что жъ до посланныхъ мною къ вамъ золотыхъ часовъ касается, я не сумнѣваюсь, что оныя вамъ совсѣмъ понравятся, лаская себя, что тожъ самое и съ брилиантовымъ перстнемъ воспослѣдовать можетъ. О чемъ всемъ ожидаю вашего скораго увѣдомленія. За купленныя вами на мой щетъ вещи, какъ книги и мѣхъ, покорное мое благодареніе вамъ, милостивый государь мой, принося, издержаннне вами на оные денги 31 р. $36\frac{1}{4}$ к. при семъ съ добримъ усердиемъ имѣю честь уплатить, сравнивъ оные съ тѣми 6-ю фунтами, которые я при расщете полученной мною въ начале сего года

отъ васъ суммы 800 р. и при уплатеніи Маршу 16 фунтовъ изъ оной за книги, изъ своихъ собственныхъ недостающия заплатилъ, ссылаясь о семъ на писмо мое отъ вамъ отъ 26 генваря сего истекающаго года, якоже и на предъ тѣмъ отправленной щетъ. Сверхъ же сего доведется вамъ еще отъ того около 5-ти шил. по курсу въ доплату имѣть, кои я на щетъ при семъ приложенной поставляю. Что же до ассюранціи касается, то я послѣдня въ томъ поступкамъ всѣхъ торговыхъ людей, принужденъ былъ ассюровать при этомъ опасномъ времени почти весь капиталъ мною къ вамъ отправленной, то есть книги, перстень и часы, хотя правда не такъ еще дорого, какъ то я послѣ оныхъ въ отправлениіи къ ихъ преосвященствамъ новгородскому и нынѣшнему с.-п. бургскому архиепископамъ ихъ часовъ, а именно по 8 процентовъ учинить принужденъ былъ.—Столь великия издержки здѣсь въ таможнѣ платимыя мнѣ весма скучны, ибо я самъ такожде принужденъ былъ заплатить въ оной за посланныя отъ васъ ко мнѣ двѣ небольшія связки около 10 рублей, не смотря на то, что въ томъ я еще по рекомендациіи княжеской доноленіемъ въ оную представлялъ. Господинъ Осборнъ въ прочемъ съ великимъ желаніемъ ожидаетъ, и чаятельно такъ, какъ жиды своего мессию, прислания отъ васъ должной ему суммы, въ чемъ я его и увѣрить не преминулъ. Я съ особливою радостию увѣдомляюсь чрезъ писмо его высокородия Якова Алексѣевича о ея импер. велич. высочайшей къ вамъ довѣренности и милости, пожаловавъ васъ въ надворные совѣтники, съ чемъ ваше высокородие вседушно отъ сердца моего поздравляю, желая при томъ при наступлениіи новаго года паки скораго возобновленія ея высочайшихъ знаковъ къ вамъ милостей, съ препровождениемъ всякаго пожеланного доброго благосостоянія здравия, въ чемъ я принимаю истинное участіе, имѣю честь въ прочемъ пребыть съ обыкновеннымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, вашего высокородия, всепокорнѣйшій слуга Лука Татищевъ.

*Роспись издержанныхъ денъемъ на ниже писанныя вещи комиссии мнъ
отъ васъ данныя, изъ присланныхъ въ два разные времена, суммъ 1200
и 325 рублей, а именно:*

	ФУН. ШИЛ. ПИС.
Вистону въ уплату по реестру заплачено	70 — 0 — 0
Особорну по реестру, и за ящики и веревки,	29 — 5 — 6
Его расходы въ отправлении книгъ на корабль.	0 — 7 — 0
Давису по реестру	27 — 15 — 0
Его ящики и веревки	0 — 17 — 6
Въ отправлении оныхъ на корабль	0 — 12 — 0
Athanasius	0 — 8 — 0
Вилькоху по реестру	3 — 8 — 6
Бекеру по реестру за книги	9 — 10 — 0
Ящики, веревки и при отправлении оныхъ на корабль.	0 — 12 — 6
За объявку въ таможию вышеозначенныхъ книгъ и протчнѣ тамъже по сему дѣлу издержки	5 — 6 — 6
Мною особливо всего издержао	1 — 7 — 0
Ассюранція за 220 фунтовъ стерлинговъ по 5-ти процентовъ.	11 — 11 — 0
Перстень бриллиантовой.	60 — 60
Часы золотые	20 — 20
Три пары шелковыхъ сѣрыхъ наилучшихъ чулковъ, по 15-ти шил. каждая пара	2 — 5 — 0
Две пары черныхъ по 13-ти шил. пара	<u>1 — 6 — 0</u>
	Итого.
	248 — 11 — 6
Въ первый разъ полученные мною 1200 рублей по курсу учи- нили.	235 — 10 — 0
Въ другой разъ 300 рублей учинили	<u>60 — 0 — 0</u>
	Въ два раза переводъ 195 — 10 — 0
	Сумма
	248 — 11 — 6
	Въ остаткѣ
	46 — 18 — 6

Издержки на Якова Алексеевича.

Охотничья фузя	3 — 0 — 0
12 паръ витяжныхъ исподнихъ чулковъ по 4 шил. и 2 пенса пара .	<u>2 — 10 — 0</u>
	Итого.
	5 — 10 — 0
Полученные мною вышеупомянутыя на его собственные издережки сверхъ 1500 р. 25 рублей учинили по курсу	5 — 0 — 0
Слѣдовательно отъ сего щета остается вамъ получить	0 — 10 — 0
	46 — 18 — 6
	Вычетъ
	46 — 8 — 6
Вистону по реестру	80 — 2 — 6
а 6 ящиковъ	1 — 16 — 0
Веревки, перевозъ, ботъ, выгрузку и проч.	<u>0 — 19 — 6</u>
	82 — 18 — "

Уплачено ему какъ выше показано	% — 0 — 0
Слѣдовательно теперь еще доплатить ему	12 — 18 — 0
	46 — 8 — 6
	Фунтовъ стерл. 34 — 9 — 6
Упоминаемыя въ выше реченному писмѣ моемъ известныя въ до- плату вамъ надлежащия деньги.	0 — 5 — 0
	Всего у меня остается 34 — 14 — 6

50. Отца Андрея Павловича Полетики, изъ Хмѣлова, 1762 г.,
12 декабря.

Любезнѣйшій сынъ мой Григорій Андреевичъ! Писмо
ваше отъ 25 ноября съ Москвы пущенное, получилъ я
исправно декабря 10-го. За присланнія отъ васъ при-
томъ своихъ трудовъ двѣ книжки много вамъ благодарствую.
Объявляете, что подали въ сенатъ апелляціонную челобитную
и копію оной ко мнѣ прислали и стараться будете до отъѣзду
своего исходатайствовать резолюцію о перенесеніи дѣла въ се-
натъ, а пока того не получите, выѣзжать оттуда не намѣрены,
тако жъ о дѣлѣ берестовскомъ¹⁾, заводномъ съ графомъ Гаври-
лою Ивановичемъ Головкінымъ и о протчемъ; на что вамъ по-
разны въ отвѣтъ пишу: 1) челобитная, кажется, написана по-
рядочно и, какъ знаете, такъ и старайтесь; оное дѣло, ежели
(Богъ дастъ) рѣшено будетъ въ ползу, больше нужно для
vasъ, а не для меня, и пріѣздъ вашъ сюда зависитъ на волѣ
вашей, когда управитесь, тогда и пріѣзжайте, желаю здорово-
выхъ васъ видѣть; 2) кареты и хомутовъ уже не покупайте,
ибо они нужны были для свадбы Андреевой, которая обошлась
и въ здѣшнихъ, каковы есть, коляскахъ; ему же въ каретѣ не
ѣздить, а кромѣ того, хотя старого манеру, такая какъ за Тать-
яною Павловною, однакъ красивая, трипомъ выбитая, карета
ему за женою придана; я же кромѣ обыкновенной моей тара-
дайки, въ другой єздить не привыкну; 3) что же касается до наг-
лостей прикащика берестовскаго, то можете увидѣть обстоятель-
нѣйше съ приложенными при семъ копій, какова мнѣ невинно-

¹⁾ За село Берестовку.

отъ его послѣдовала обида: Стефанъ задрался съ нимъ не напрасно, но потому, что онъ точно поля коровинскія пооралъ, пашни на нихъ насѣялъ, которыя Стефанъ велѣль выбить скотомъ козачимъ, а прикащикъ заграбилъ за то козачихъ болѣе ста лошадей; Стефану жъ разсудилось поступить иначе нельзя, не допуская своего поля нагло завладѣть, а прикащику не должно было грабить, но розвестись, чье окажется поле, графское-ли или наше; но онъ, того не дѣлая, не токмо козачія заграбилъ лошади, но и мое стадо, которое отъ того мѣста въ нѣсколько десятъ верстъ было, и ни малѣйшей причины не было такой, за чтобы меня онъ могъ грабить; съ Стефаномъ задрался, съ нимъ же было ему и росправится, а меня не зацепать невинного; я писалъ къ ему и биль челомъ въ полковую лубенскую канцелярію, откуда предлагано ему тотъ скотъ возвратить, но онъ не послушалъ; теперь хотя я въ генералную войсковую канцелярію послалъ чрезъ Андрея доношеніе, однакъ не уповаю, чтобы и оттуда съ пользою что послѣдовало, потому что крайне ослушенъ является, колми паче можетъ отказаться, когда уже своему господину даль знать. Приложно прошу о семъ доложить графу Гаврилѣ Ивановичу и просить о возвращеніи хотя моего скота, а съ Стефаномъ пускай розвѣдуются какъ хотятъ; ежели не скочетъ графъ безъ суда опредѣлить отъ себя депутатовъ о разборѣ между Берестовкою и Коровинцами границы, во пресѣченіе таковыхъ споровъ, когда жъ ни на то, ни на другое не согласится, то написавъ отъ меня и подписавъ мое имя, подать самому его ясневелможности доношеніе съ крайнимъ прошеніемъ о возвращеніи грабежей и о разборѣ, ежели не возможно комиссіею безъ суда, то хотя и судомъ. Когда бъ то можно такую милость сыскать у его ясневелможности, чтобы не судомъ, но нарочно опредѣлить комиссию разобрать границу, весьма бъ хорошо, и такой волокиты какъ по судамъ не было бъ, о чмъ пожалуйте постарайтесь, и графъ Гаврила Ивановичъ конечно на сіе пристать не откажется; пртчее припосылая отеческого моего вами благословенія, пребываю вашъ доброжелателный отецъ Андрей Полѣтика.

51) *Брату Степану Андреевичу, 1762 г.,—декабря.*

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевич! Двѣ книжечки переводу и составу вашего я отъ батюшки получилъ, за коихъ одолженіе и въ оныхъ за доброе нравоученіе покорнѣйше благодарю. Я уповаю, что вы уже чрезъ письма батюшкины довольно извѣстни о происходимыхъ обидахъ отъ приказчика берестовскаго¹⁾), который столь началъ усилововаться, что уже добрался и до опредѣленныхъ вамъ и мнѣ въ степѣ частей. Я, не могучи ракалѣи попустить себе въ обиду, мало его понудилъ, чтобъ подалъ отсунулся, и то самимъ дѣломъ уже доказалъ, что мужики комличанскіе²⁾ бросили братъ захваченную землю. Еднакъ лучше всего бы, милостивый государь братецъ, ежели бы вы постарались въ графа Головкина, чтобъ онъ съ нами сдѣлалъ границю для общего покою, дабы въ слѣдующее лѣто прикажчикъ съ мужиками чего еще новаго не вздумали. Я васъ, уже другой годъ наступаетъ, ожидаю, какъ Израиль мес-сіи очей, и я получу обѣтованіе отче, еднакъ не дождусь вижу скоро, а остаюсь, какъ и сами знаете, милостивый государь, братецъ, противъ денежныхъ заборовъ, безъ владѣнія настояще мою наслѣдною частию въ обидѣ; я бы съ оной уповаю также (нажиль) пятсотъ рублей своими трудами, какъ хто батюшкиными користуется, моглъ, который въ ту сумму изъ моей части людей владѣя оными собираетъ прибыли. Я тѣмъ будучи обиженъ, смѣю вамъ доложить, что я по той роспискѣ, на якой подписался доволеннымъ, въ разсужденіи отдачи по веснѣ дворовъ коровинскихъ и части всей мнѣ, когда ей не имѣю во владѣніи, не доволенъ, и хочу получить равную часть и въ заборѣ денежному противъ прочихъ браттей моихъ. Впрочемъ все предавъ въ ваше справедливое разсужденіе, въ ожиданіи вашего скораго пріѣзду, есмь съ моимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

¹⁾ См. выше письмо № 50.²⁾ Жители поселеній недалеко отъ Коровинецъ слободы Комлычки.

52) *Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 24 февраля.*

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ!

Росписку на взятие въ отдѣлку кровати хорошимъ мастерствомъ тулскаго ружейного мастерства Тихономъ Крижовыемъ десять рублей деньги при семъ къ вамъ, милостивому государю, моему братцу, посылаю, по которой покорнѣйше прошу, въ проѣздѣ чрезъ Тулу, приказать объ ономъ мастерѣ справится и ежели есть кровать сдѣланы, то оную взять или деньги въ задатокъ имъ забратие отобрать. При томъ же мнѣ довелось теперича знать, что аптекарь Нейдгардъ визичиль жителствующему въ городѣ Ромнѣ (кой уже умре) Якубовичу тридцать рублей денегъ, которыхъ въ закладѣ взялъ у оного Якубовича на Собецкого добра всѣ крѣпости, мнѣ же съ тѣхъ Собецкого добръ дворъ въ городѣ Ромнѣ съ лавками и лугъ надъ селомъ Волковцями состоящихъ, по куплѣ достались, почему и тѣ крѣпости мнѣ весма нужны, покорнѣйше прошу васъ, милостивого государя, моего братца, какъ я слыхалъ, что оного аптекаря Нейдгарда по умертвіи его жена нишъ въ Москвѣ находится, приказать объ оной справится, и ежели по справкѣ сыщутся подлѣянніе въ оной крѣпости, то тѣ крѣпости, что ей подлежатиметъ заплативъ, выкупить, я вамъ, милостивому государю, моему братцу, зъ особливимъ благодаренiemъ данныхъ за оные деньги возвратить имъ, въ чемъ отъ васъ и увѣдомленія скорого ожидать буду. О семъ же я пишу и къ Ивану Андреевичу, къ которому при семъ и конвертъ прилагаю, покорнѣйше прошу чрезъ певную и вѣрную окказію къ нему сослать. Я же есмь съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Польтика.

53) *Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 9 декабря.*

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! На писмо ваше, со многими запросами ко мнѣ присланное, я какъ за недосужествомъ своимъ, а особливо за многими по тому дѣлу справками, иного вамъ чрезъ сіе отвѣта предписать

не могу, кроме слѣдующего: о требуемыхъ вами справкахъ вы иначе отъ меня не можете быть завѣрены, буди вамъ того потребно, какъ при персональномъ свиданіѣ, а чтобы вы иногда въ надобности вашей могли знать и о дѣлѣ съ Ласкевичами и прочими гдѣ оно, то оное все подлинное (вамъ объявляю) содержится у батюшки нашего, которое мною, по стужателному его приказу, давно уже препоручено, о чёмъ можете быть отъ него удостовѣрены; о хлѣбѣ же общемъ коровинскомъ увѣдомляю васъ, что осталной отъ согнитія и перемолоченный чрезъ нарочно присланного отъ суда полкового гадяцкого, содержится по порученію онаго нарочного въ моемъ присмотрѣ и понынѣ въ цѣлости, которой буди вамъ по какимъ-либо вашимъ утвержденіямъ нынѣ надобенъ, вы можете чрезъ тотъ приказъ перемолоченный получить отъ мене, которой и молотить велѣлъ, я же вамъ, милостивому государю, братцу, открываюсь, что какъ не былъ вашимъ рабомъ, такъ и впредь, нѣчемъ отъ васъ будучи не одолженъ и вашего собственнаго ничего же не занивши, и по обявленному вами съ Ласкевичами дѣлу служить не желаю, и предъ вами какъ претензію вашу всю, такъ и поступление вами на бумажки пятисотные деньги въ цѣлости оставляю, по коему вы отвѣтчикамъ равного себѣ и прокуратора сыскать можете. Впротчемъ, восписавши мой отвѣтъ, пребываю васъ, милостивого государя, братца, доброжелательный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

54) Графа Владимира Григорьевича Орлова, изъ Москвы, 1767 г.,
23 июля.

Государь мой Григорій Андреевичъ! Я конечно не думалъ, чтобы то, о чёмъ вы ко мнѣ пишете, такъ мѣдленно списовалось. Когда вы съ своей стороны пищиковъ, какъ вы обещаете, найгти можете, то тѣмъ и поспѣшнѣе сіе дѣло пойдетъ, которихъ прошу и прискать. А то, что вы переслать сюда намѣрены были, прошу оное на нѣсколько времени удержать у себя. Братъ Федоръ Григорьевичъ доволенъ очень, что онъ былъ виною радости причиненной отцу вашему; благодарить васъ за писаніе и кланяется вамъ. Желая вамъ

всякаго благополучія, пребываю съ искреннимъ почтеніемъ, го-
сударь мой, вашъ покорный слуга г. Володимеръ Орловъ.
(Собственноручное).

55) *Брату Козьмы Андреевича¹⁾, изъ Ромна, 1768 г., 2 июня.*

Милостивый государь, братецъ, Григорей Андрѣевичъ!
При отъездѣ Елены Ивановны, любезной супруги вашей, взялъ
я на откупъ Педковщину и Бардаковщину, въ такихъ обяза-
телствахъ, которые изъяснены у контрактахъ нашихъ. Мы
какъ договоръ дѣлали горячо, то и теперь оной меня сжѣть,
ибо Андрѣй Андрѣевичъ и Петръ Афанасьевичъ¹⁾, будучи при
договорѣ нашемъ, увѣряли меня, будто Бардаковщина вся за-
сѣяна рожью, а я на слова ихъ увѣряясь, заключилъ контрактъ,
а послѣ увидѣлъ, что ржи на всемъ томъ полѣ ни зерна не
посѣяно, кромѣ яриннаго хлѣба, которымъ по справедливости
и слѣдовало бы мнѣ договоренную въ контрактѣ сумму хлѣба
вамъ дать; и такъ въ разсужденіе и рѣшеніе ваше отдаю сю
задачу, что ежели я принужденъ буду отдавать рожью, какъ
я обязался, а не яриннымъ хлѣбомъ, то будущаго лѣта у васъ
вся корысть можетъ пропасть, въ разсужденіи того, что я хотя
купивши рожь за чистыя денги, или изъ другого моего хозяй-
ства собравши, вамъ отдать долженъ, а убытокъ мой возвра-
щать буду нанимая все поле на пастьбу во время ярмарковъ,
ежели вамъ злагоразсудится, оставить оную Бардаковщину при
мнѣ и на будущее лѣто, то есть до того же срока, какъ на-
нята Педковщина, то я выполню за сей годъ все по контракту;
оное лѣто соглашусь держать изъ половины дохода съемаго
хлѣба, о которомъ вашемъ согласіи прошу немедленно мнѣ
дать знать, ибо люди начинаютъ уже просить поля подъ рожь,
а я не дождавшись отъ васъ отвѣта, того учинить не могу,
равнымъ образомъ и будущею весною подъ засѣвъ ярин-
наго хлѣба, безъ крайнаго моего убытка, дать не можно, а для
увѣренія можетъ служить и одно ваше писмо, не перемѣня

¹⁾ Козьма Андрѣевичъ Полетика, майоръ, род. 1737 † 1771. Былъ женатъ
на Настасіѣ Ивановнѣ Марковичъ. Дѣтей не оставилъ.

²⁾ Шиларевичъ.

контракта. Въ протчемъ увѣдомляю васъ, милостивого государя! братца, что въ фамиліи нашей все идетъ благополучно, кромъ того, что братъ Стافанъ Андрѣевичъ, какъ то и неудивительно, безпрестанно всѣхъ безсовѣстiemъ своимъ беспокоитъ, и теперь чрезъ нахалной его грабежъ, на великомъ степу, у Чесночки и Телесницкого стада, наварилъ такого пива, которое со временемъ весма твердо ему покажется. Въ протчемъ съ должностнымъ моимъ пребываю почтенiemъ, вашъ, милостивого государя, братца, покорнѣйшій братъ и слуга Козма Полѣтика. Р. С. Прошу покорно не забыть о печаткѣ, о которой словесно я просилъ.

56) *Брата Козьмы Андреевича, изъ Ромна, 1770 г., 1 февраля.*

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андрѣевичъ! Новымъ годомъ васъ, милостиваго государя. съ фамиліею Вашею поздравляю, желаю во всякомъ благополучіи оной проводить. За календарь покорнѣйше благодарствую. При семъ доношу, что безпутное наше въ Коровинцахъ владѣніе отчасу насъ разоряетъ за неучиненiemъ общаго и вѣчнаго раздѣла, котораго дѣйствіе нами каждую весну полагается, но, за не-присутствіемъ вашимъ или повѣренного вашего, безъ дѣйствія остается. Повѣрьте, милостивый государь, братецъ, что Стеванъ Андрѣевичъ, показывая видъ только одинъ, что желаетъ скоро вѣчнаго раздѣла, тѣмъ временемъ ползуется самъ почти всѣми невроздѣль находящимися землями, къ крайнему нашему убытку. Дуброва почти въ пень вырубана для новозавоютої его въ Коровинцахъ плотины; того ради просимъ всѣ здѣлать сему безпорядку конецъ. Ежели вы намѣрены сѣно ваше продать, то прошу скоро меня увѣдомить и объявить цѣну, или положится на томъ, что сторонніе люди за скітду будуть давать, вы теперь сходною цѣною можете ихъ продать, ежели до лѣта онѣ не останутся. Я васъ, милосивый государь мой, братецъ, много-кратно просилъ и теперь покорнѣйше прошу о печаткѣ, кото-рой у себя не имѣю; ежели оная здѣлана будетъ и прислана, то деньги тотъ же часть съ благодаренiemъ отданы будутъ кому отъ васъ приказано будетъ. Въ протчемъ объявляю, что въ

домъ отческомъ все кажется благополучно, и пребываю съ должнымъ почтеніемъ вашъ, милостивого государя моего, покорнѣйшій слуга и братъ Козма Полѣтика.

*57) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1768 г.,
30 сентября.*

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ! Съ писма вашего, опущенного прошлого іюля отъ 27 числа, я увѣренъ, что отъ васъ повѣрено быть при роздѣлѣ принадлежащихъ до села Коровинецъ угодій Петру Афанасьевичу ¹⁾), а сверхъ того, естьли ему не возможно будетъ при ономъ быть, то посыпаете другую вѣрующую къ Василю Василіевичу Янжулу, но по выправки моей, объявиль мнѣ Афанасій Прокофьевичъ, что ни Петръ Афанасьевичъ, ниже Янжулъ, который съ нимъ видѣвшись въ Ромнѣ объявляль, таковыхъ вѣрующихъ они не имѣютъ, съ чего видно, что вамъ, милостивый государь братецъ, продажа моего степу, о когоромъ я къ вамъ предъ симъ писалъ не нужна, ибо чрезъ неприсылку отъ васъ вѣрующей проходитъ уже время и нашей роздѣлки, а наступаетъ зѣма; оная жъ продажа отъ меня вамъ объявлена для той крайней причины, что батюшка мнѣ за подлежащую ему тысячу рублей денги отыху не даетъ, и въ силу моглъ до нового году, давъ процентъ, упросить обождать; и такъ, я чрезъ сіе еще принужденъ къ вамъ адресовать, прося отъ васъ конечного объявленія о вашемъ желаніи, которое буди вы совершенно содержите, то прошу прислать кого, или кому повѣрите, для договору и для заплаты, не дожидая нашего роздѣлу, которой уже въ вашемъ волѣ останется, а я оного степу часть, на меня надлежащую, иамѣренъ для васъ уступить за двѣ тысячи рублей, хочай то мнѣ присланній отъ графа Головкина повѣренный сулитъ то, что я пожелаю, только бъ въ торгъ ишоль, но я не дождавшися отъ васъ отвѣта конечного, ниже слова съ нимъ о семъ не говорилъ; опасаться же вамъ Полуботковъ иску, по моему мнѣнію, недлячего, для того, что ихъ доискъ по всѣмъ

¹⁾ Шваревичъ.

законамъ сумнительній, другое что вы продавца имѣете такого, въ которого собственникъ имѣній на большую сумму, не дай Богъ хочай бы и то собилось, останется. Въ ожиданіи отъ васъ скорѣйшаго увѣдомленія, есмь зъ всегдашимъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь, братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

КЪ РИСУНКУ

(ДАРЪ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ ГРОБУ ГОСПОДНЮ).

Въ алтарѣ церкви Воскресенія, въ Іерусалимѣ, въ храмѣ гроба Господня, съ давнихъ временъ сохраняется художествен-наго чекана массивная серебряная доска, въ особо торжествен-ныхъ случаяхъ возлагаемая на престолъ во время литургіи и служащая подножіемъ для Св. Даровъ.

Драгоцѣнная доска эта, съ изображеніемъ плащаницы, принадлежитъ Сокровищницѣ Св. Гроба. Мало кому известно, что это—одно изъ приношеній Гетмана Мазепы Патріархіи Іеру-салимской.

При отсутствії правильнаго веденія записей вкладамъ Свято-гробской ризницы, довольно трудно опредѣлить время принесе-нія этого дара. По всему вѣроятію, оно относится къ послѣд-нимъ годамъ патріаршества Блаженнѣйшаго Досиоэя (1669—1707), или же къ самому началу патріаршества Хрисаноеа (1707—1731). На самой же доскѣ не обозначено ни года че-кана, ни времени вклада.

Доска эта, или, какъ называютъ ее въ Іерусалимѣ, ан-тиминъ, изображеніе коей прилагается ¹⁾ укрѣплена на дере-вянномъ основаніи и имѣеть 106 сантиметровъ длины при 83 ширинѣ. Посреди ея, въ широкой рамкѣ богатаго орнамента,

¹⁾ Фотографическій снимокъ былъ впервые сдѣланъ по моему заказу въ на-чалѣ текущаго года, съ разрешенія патріарха Герасима іеромонахомъ русской миссіи.

серебряного по золоченному фону,—тонкая, художественная гравюра по металлу, повидимому, чужеземной работы¹⁾. Вся композиция ея отличается итальянскимъ характеромъ во вкусѣ старыхъ мастеровъ.

У подножія креста, предъ отверстымъ гробомъ, изнемогающую отъ скорби Богоматерь поддерживаетъ и утѣшаетъ любимый ученикъ Спасителя, Иоаннъ, заступившій Ей мѣсто сына. Іосифъ изъ Аримаѳеи и Никодимъ благоговѣйно опускаютъ въ гробъ обернутое пеленою тѣло Великаго Страдальца. У ногъ Его колѣнопреклоненная Марія Магдалина. Позади—два Ангела, съ погребальными факелами въ рукахъ, проливающими слезы²⁾. По сторонамъ креста—копіе и губа, сверху—доска съ начальными буквами I. H. I. I. S. X. I. N. K. A., а надъ нею вырѣзана надпись:

„Подающіемъ Ясневелможнаго Его Мѣти Пана Іоанна
Мазепи Россійскаго Гетмана“.

То-же награвировано по латыни внизу, подъ изображеніемъ гроба:

„Sumptu illustrissimi Domini Ioannis Mazefa (sic) Ducis Rossiae“.

Широкій, около 20 сантиметровъ, бортъ, окаймляетъ гравюру. Среди богатаго, рельефнаго орнамента изъ сплетающихся по золотому фону серебряныхъ цвѣтовъ, листьевъ и плодовъ, въ стилѣ возрожденія, помѣщены предметы, напоминающіе Страсті Христовы: чаша искупленія, сосудъ съ водой, колонна и орудія бичеванія, нарукавники, хитонъ, кошель съ 30 серебрянниками, лѣстница, копіе, губа съ оцтомъ, терновый

¹⁾ Не русское происхожденіе этого произведения искусства обличается уже одно ошибкою въ имени жертвователя, которого граверъ назвалъ Mazef. вѣсто Masepa.

²⁾ Въ собраніи южнорусскихъ гравированныхъ антиминсовъ церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академіи находится полотняный антиминсъ, освященный Черниговскимъ архіепископомъ Иоанномъ Максимовичемъ, въ 1697 г. для храма Св. Тройцы, во градѣ (мѣстечкѣ) Пакули. Этотъ антиминсъ, № 2145, весьма сходенъ съ описываемой гравюрой.

вънедъ и фонарь; въ углахъ рамки—изображенія четырехъ Евангелистовъ; въ верхней ея части, надъ крестомъ, нерукотворный ликъ Спасителя, а въ нижней—родовой гербъ Мазепы, т. е. крестъ, сопровождаемый полумъсяцемъ и шестиугольною звѣздой. На крестѣ буквы: М(азепа) Іѡа Г(етманъ). Гербъ этотъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ изображеніемъ его, которое было помѣщено мною въ „Кievск. Стар.“ за 1886 г. ¹⁾.

Даръ этотъ не былъ, конечно, единственнымъ. Въ богатой сокровищницѣ Святогробской Общины найдется еще, безъ сомнѣнія, не мало другихъ цѣнныхъ вкладовъ той же эпохи и того же происхожденія—благочестивыя приношенія отъ Малороссии, разсыпанныя по православнымъ храмамъ и обителямъ мусульманского востока.

При посѣщенії ризницы древне-православнаго храма во имя Св. Архангеловъ, въ Босніи, въ Сараевѣ, минувшимъ лѣтомъ, вниманіе мое было привлечено старинною церковною утварью несомнѣнно русскаго происхожденія ²⁾. Массивнаго, вызолоченнаго серебра потиръ, дискось, звѣздица, лжица и конie, работы прошлаго вѣка, невѣдомыми путями попали изъ Малороссии въ самое сердце Боснійской земли.

Потиръ, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, въ верхней части своей украшенъ медальонами изъ финифти. Въ нихъ, по матово-золотому фону, находятся изображенія Распятія Христа, Дѣви Маріи и Иоанна Предтечи. На подножіи сосуда, среди рельефнаго орнамента помѣщены; „Моленіе о чашѣ“, „бичеваніе“, „возложеніе терноваго вѣнца“ и „перенесеніе креста“. Средняя часть украшена изображеніями шестикрылыхъ серафимовъ. По верхнему краю чаші надпись: „Ядый Мою плоть и піай Мою кровь во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“, а на днѣ ея вырѣзано:

„Сія чаша л. і. ч. принесена ї малороссіи тѣдомъ и иждивеніемъ того м: Нгччиномъ Никодимомъ а вкладчики во-

¹⁾ См. мою замѣтку: „Мазепа—князь и его шляхетскій и княжескій гербъ“

²⁾ Пробирные знаки 1782 г., съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и буквами: С. П. С. Б. Д. О. К. Л:

оной бывшаго Запорожія козакъ ілья Феодоровичъ и воной іо-
сиповичъ; 1786: мѣдя й гвєста 1. чл.“. Далѣе, другимъ шриф-
томъ, по сербски, прибавлено:

„Сек8 чаш8 приложилъ Х. лазарь Х. манойловичъ 8 цв8
Сараевску на 1804“.

Въ срединѣ массивнаго вызолоченаго (1½ фунта) дискоса
находится гравированное изображеніе Предвѣчнаго Младенца,
покоящагося въ сіяніи и окруженнаго Ангелами; надъ Нимъ
Богъ Отецъ и Духъ Святой. Вокругъ надпись: „Се агнецъ
Божій вземляй грѣхи всего мира“, а подъ дискосомъ:

„Сіи Дискосъ М С Т. съ чашею и со ѿборомъ равно при-
несеній игѹменомъ Никодимом Борисовичемъ з Здиміровії 1786
мѣдя ав. I. чл.“ и далѣе:

„Секи дискосъ приложилъ хаћи Лазарь хаћи Манойловичъ
8 церкв8 Сараевск8 на 1804“.

На звѣзды (1½ фунта вѣсу), съ изображеніемъ Бога
Саваоева въ центрѣ и Иоанна Златоуста съ Василіемъ Великимъ
по краямъ, вырѣзано:

Сія звезда М. С. Т. и ложда и копіе и блюдце съ чашею
и дискосомъ равно принесени 1786“ и опять:

„Сек8 звезд8 приложилъ Хаћи Лазарь Хаћи Манойловичъ
8 церкв8 Сараевск8 на 1804“.

Какимъ обазомъ очутилась эта утварь въ столицѣ Босніи
и кто такой былъ Лазарь Манойловичъ, пожертвовавшій ее въ
церковь своего роднаго города—рѣшить мудрено. Званіе хад-
жи“, т. е. поклонника, бывшаго у Св. мѣстъ, заимствованное
и перенятое у мусульманъ, совершившихъ паломничество въ
Мекку, пріобрѣло издавна права гражданства среди православ-
наго населенія Босніи и Герцеговины ¹⁾.

Вывезъ-ли боснякъ Манойловичъ малорусскую церковную
утварь изъ Новой Сѣчи, возникшой послѣ разгрома Запорожья,
гдѣ, быть можетъ, самъ находился въ числѣ иноземныхъ „брат-

¹⁾ Такъ, напр. бывшій Митрополитъ Боснійскій и известный Славинскій лат-
ріотъ, Савва Косановичъ, именуется и подписывается этимъ званіемъ.

чиковъ,—пріобрѣлъ-ли случайо ее изъ третьихъ рукъ, во время своихъ странствованій по Св. Землѣ, или же добылъ ее съ боя у турокъ, ограбившихъ православный храмъ—вотъ рядъ предположеній, которымъ, по всему вѣроятію, такъ и суждено остаться догадками.

Князь Александръ Дабижъ.

Іерусалимъ—Восна-Сарай 1892—1893.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Троцины. (*Къ исторіи малорусскаго шляхетства*). Троцины происходят изъ с. Переялочны, прилуцкаго уѣзда. Въ полов. XVII вѣка, тамъ жилъ козакъ Василій, у которого было два сына Трофимъ и Степанъ. Старшій—Трофимъ выдвинулся изъ рядового козачества, благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который его взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ. По представительству сына—пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ; кромѣ уряда, тотъ же сынъ выхлощоталъ отцу позволеніе заселить свободою разоренное татарами село Охоньки¹⁾. На Срѣбринскомъ урядѣ Трофимъ оставилъ до 1707 г., когда повышенъ былъ на урядѣ полковаго судьи. Занимая уряды сотника, а потомъ полковаго судьи, Трофимъ повидимому стѣснялся называться тѣмъ «суличнымъ» прозвищемъ, которое занимъ усвоено было въ это время и въ публичныхъ актахъ писался по имени отца—Васильевичемъ. Васильевичемъ звался и младшій братъ Трофима—Степанъ. Такъ братья названы,—только по имени отца,—въ декретѣ прилуцкаго полковаго суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ братьевъ объ общей ихъ мельнице на р. Удаѣ, въ с. Переялочной. Но въ народѣ Трофимъ Васильевичъ слылъ подъ именемъ Троцы (уменьшительное отъ имени Трофимъ). Троцы оставался полковымъ прилуцкимъ судью и въ изиѣну Мазепы. Тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ измѣнившаго гетмана, пошелъ за нимъ къ шведамъ; но прилуцкая полковая

¹⁾ „С. Охоньки здавна было татарами забранное и спустошенное и когда сотникъ срѣбринскій Антонъ Троцина, еще не бывши сотникомъ, при двору государыни Софии Алексѣевнѣ служилъ, тогда получиль отъ гетмана Мазепы указъ, дабы отцу его сотниковому вольно было тое пустое селище осадить.“ Генер. слѣдствіе о мастиностяхъ прилуцкаго полка, рукопись Румянцевскаго Музея.

старшина, обозный Носъ и судья Троць,—за своимъ полковникомъ не пошли. Вскорѣ послѣ этого Троць оставилъ войсковую службу, вѣроятно по старости. Не смотря однако на свою старость, Троць не избѣгъ одного изъ тѣхъ доносовъ, которыми нѣсколько лѣтъ послѣ измѣны Мазепы разныя темныя личности старались выслуживаться, и вытребованъ былъ въ Петербургъ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія сына его Антона, написаннаго къ гетману въ 1718 году.—«По неволѣ отецъ мой, за ненавистныхъ людей неправеднымъ уданьемъ (доносомъ), взять по указу въ С.-Петербургъ, где при своей старости и остатной на здоровью слабости, претруженный на дорозѣ, будучи, скончилъ судьбами Божими животъ свой, теды я, упадающи до ногъ вельможности вашей, прошу подтвердить мнѣ тое сельце Охоньки, которымъ отецъ мой по грамотѣ монаршой и по поважному вельможности вашей унѣверсалу, владѣль.» На прошеніи этомъ Антонъ Трофимовичъ подписался *Троциномъ*. Такимъ образомъ сынъ Троця сталъ писаться по имени отца, но только въ малорусской формѣ этого имени: вместо Трофимова явилось Троцинъ, которое затѣмъ было передѣлано въ часто встрѣчающуюся форму малорусскихъ личныхъ прозвищъ—Троцина.

Антонъ Троцина покинулъ Москву или за потерю голоса или, быть можетъ, послѣ того, какъ царевна Софья лишилась возможности имѣть свой «дворъ». Возвратившись на родину, онъ поступилъ на службу въ генеральную канцелярію и служилъ здѣсь около девяти лѣтъ, какъ самъ говорить въ своемъ завѣщаніи. Служба въ гетманской канцеляріи дала возможность сыну и здѣсь помочь своему отцу: въ 1695 г. Мазепа отправилъ въ Москву илѣнныхъ турковъ, добытыхъ при взятіи Кизикермена, и нарядилъ при этомъ для представленія плѣнниковъ царю полковниковъ Бороховича, Мировича и Мокіевскаго.—Антонъ Троцина выпросилъ у гетмана, чтобы съ этими посланцами отправленъ былъ въ Москву и его отецъ, такъ какъ посланцы непремѣнно должны были получить при этомъ разныя милости. Расчеты сына Троцины оправдались, такъ какъ за эту поѣздку отецъ получилъ царскую грамоту на Охоньки.

Изъ гетманской канцеляріи Антону Троцину уже нетрудно было занять Срѣбрянскій сотничій урядъ, когда отецъ повышенъ былъ урядомъ судейства. На сотничемъ урядѣ Троцина выпросилъ у своего полковника Носа разоренное татарами «селище» Карпиловку (при рѣкѣ Галкѣ), которое онъ затѣмъ «осадилъ» свободою. А послѣ смерти отца, Антону Тр—и достались и Охоньки. Не смотря на свой

незначительный урядъ, Антонъ Троцина пользовался не малымъ значенiemъ не только межъ своими полчанами но и у гетмана Скоропадского. Троцина былъ хорошо грамотнымъ человѣкомъ и слылъ за дѣльца, совѣтомъ котораго дорожили. Кромѣ того онъ былъ горячимъ защитникомъ мѣстной старшины отъ тѣхъ обидъ и стѣсненій которые послѣдней пришлось терпѣть отъ новопоставленного въ 1715 году полковника извѣстнаго Игната Галагана. Сотникомъ Троцина оставался не менѣе тридцати лѣтъ и оставилъ срѣбринскій урядъ только за старостью, въ 1739 г., имѣя въ то время болѣе 75 лѣтъ отъ роду. За время такой долгой службы Троцина нажилъ значительныя земельныя имѣнія, которыми и распорядился въ своемъ завѣщаніи, написанномъ въ 1741 г.—Троцина былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, и его завѣщаніе, написанное какъ видно самимъ завѣщателемъ, представляетъ нѣкоторый бытовой интересъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка. «Разсмотря отверстима очима довольное продолженіе, по волѣ Божией, въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую мою глубокую старость (въ это время Троцинѣ было около 78 лѣтъ), которая не къ чему пному меня изневоляеть, какъ только ленино и иощно памятовать, разсуждать и мыслить о конечномъ терминѣ жизни моей, коего по состоянію лѣтъ моихъ и слабости здоровья моего, уже безмѣдлительно чаю. А понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе (могъ усмотрѣть), что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, разрѣзь (сейчасъ) за позасталые отческіе движимыя и недвижимыя добра (имѣнія) въ великие позвы (тяжбы) и ростырки (споры) входять и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ; а чтобъ родителей своихъ по христіанску, по должности, отпоминать, того иже въ мысли имѣютъ. Къ тому же тѣ же чада, слѣдя непостоянству вѣка сего, къ оному—забывши Бога и его спасительныя заповѣди, вместо должной родителямъ своимъ почести, во всемъ противятся и благословеніе ихъ за ничто имѣютъ; безъ благословенія—родительскія добра движимыя забираютъ, недвижимыя разоряютъ и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сына моего Николая, сотника срѣбринскаго, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забывши сыновнюю должность, великія мнѣ противности и укоризны дѣлаетъ насильнымъ забратіемъ въ обиду мою, собственнаго имѣнія, которое я не съ отчизны, ни съ дѣдизны имѣю, но власнимъ моимъ трудамъ набытыя (пріобрѣтенныя), а иные отца моего, а его

Николая дѣда, у разныхъ владѣльцевъ чрезъ трудность великую, откупленные...»

Непріязненные отношения между отцемъ и сыномъ повели къ тому, что Т—на имѣнія свои завѣщалъ второбрачной своей женѣ и прижитымъ съ нею дѣтямъ. Затѣмъ, Т—на завѣщаніе свое заключаєтъ такимъ образомъ: «а если бы кто изъ дѣтей моихъ (отъ первой жены у Антона Т—ны, кроме сына Николая, были еще и дочери) сей послѣдней воли моей тестаментъ имѣлъ перемѣнить и касовать, то на такового родительское мое покладаю неблагословеніе въ сей вѣкъ и въ будущій, и таковой будетъ со мною судиться предъ нелѣпѣмѣрнымъ судьею во второмъ пришествіи, когда прійдетъ судити живыхъ и мертвыхъ и воздать комуждо по дѣламъ его». Послѣ написанія этого завѣщанія Антонъ Т—на прожилъ еще восемь лѣтъ и умеръ въ 1746 г., имѣя отъ рода болѣе 85 лѣтъ.

А. Л.

Къ исторіи культуры (*латинская надпись на киевской біблії 1758 г.*). Въ небольшомъ собраніи южнорусскихъ старопечатныхъ книгъ В. В. Тарновскаго есть, между прочимъ, превосходный экземпляръ такъ называемой елизаветинской бібліи киевской печати (1758 г., *in-folio*), замѣчательной по роскоши своего изданія и до сихъ поръ къ сожалѣнію подробно неописанной.—(Такое описание дало бы цѣнныій материалъ для исторіи южно-русскаго типографскаго искусства). На этомъ экземпляре бібліи по листамъ прописана слѣдующая небезинтересная замѣтка одного изъ бывшихъ владѣльцевъ книги. «Священнаго 1752 года, м-ца сентябрія 12 дня, куплена бунчуковыемъ товарищемъ Петромъ Чарнолускимъ для домашней его потребы. Куплена у моляра ропскаго (изъ м. Ропска) Фоми за двадцать рублей денегъ, въ дому его хвоенскомъ (въ с. Хвосви- чахъ). *Ex libris Petri Ciołek Czarnołuski. Hic liber meus taestis est Deus quis illum querit. Hoc nomen erit nominatus Ciołek Czarnołuski, vocatus ad majorem Dei gloriam, beatissimam Virginis Mariae et omnium sanctorum.*» „Упоминаемый здѣсь Петръ Чарнолузскій былъ сынъ стародубскаго сотника Ивана Чарнолузскаго. См. опис. Ст. Малор., I, 138).

А. Л.

**Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ на-
задъ.** Предлагаемый документъ заимствованъ изъ архива церкви
села Юрковецъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Это одинъ
изъ договоровъ священниковъ съ прихожанами, устанавливающій раз-
мѣръ платы за церковныя требы и службы. Документы, подобные этому,
появлялись уже въ нашей исторической печати. Настоящее усло-
віе относится къ числу позднѣйшихъ по времени изъ памъ извѣст-
ныхъ и утверждено ближайшею духовною властью. Бумаги, подобныя
этой, встречаются не во всѣхъ южно-русскихъ церковныхъ архивахъ,
а только въ нѣкоторыхъ. Объяснить ли это общею участью архив-
ныхъ документовъ, исчезающихъ въ такомъ числѣ, или тѣмъ, что по-
добные договоры не были явленіемъ общимъ, а предоставлялись до-
брой волѣ прихожанъ? Болѣе близкое познаніе старыхъ южно-ру-
сскихъ церковно общественныхъ порядковъ должно разъяснить этотъ
вопросъ, какъ и подобные ему другіе, къ выясненію которыхъ жела-
тельно видѣть собранными поболѣе материалями. «Вынись изъ Чер-
ниговской духовной дивастеріи, села Юрковецъ новорукоположенному
цѣлопарохіальному священнику, Федору Липицкому, въ томъ, что по
положенію между имъ и прихожанами того села при промоції его во
священство учиненному, имѣеть онъ Липицкій получать отъ нихъ
прихожанъ за дѣло служенія своего, какъ то: за крещеніе младенца и
за нареченіе имени пять копѣекъ, за обвѣнчаніе своихъ прихожанъ
десять копѣекъ, а изъ стороннаго имущественнаго два рубля, зъ не-
имущаго стороннаго пятьдесятъ копѣекъ, за освященіе дому десять
копѣекъ, за отправленіе обѣда десять копѣекъ, за похороны—великій
десять копѣекъ, малый пять копѣекъ, за евангеліе пять копѣекъ, за
сорокоустъ два рубля, за субботникъ пятьдесятъ копѣекъ, на отира-
леніе сорокоуста пшеницы чистой митой одну мѣрку, за исповѣдь
отъ старыхъ по копейки, а отъ малыхъ по денежкамъ, за освященіе
пасокъ по 1 коп., за маслосвятіе одинъ рубль, роковицы, въ годъ
отъ каждого вола, по одной осминѣ, а отъ непашущихъ по пять ко-
пѣекъ; чѣмъ онъ Липицкій и доволенъ быть долженъ, не вымагай
болѣе отнюдь ничего, а если кто и болѣе дать добровольно что
либо пожелаетъ, то ему тѣмъ пользоваться свободно; за силу учинен-
наго его преосвященства опредѣленія, при печати, дана 1793 года
апрѣля 18 дня. Черниговскаго Преображенскаго собора ключарь про-
тоіерей Григорій и другія подпіси.

Сообщ. В. Г.

Антифьевка. Въ фельетонѣ «Киевскаго Слова», за 1893 годъ № 2062, напечатано слѣдующее преданіе: «Въ былые годы жилъ въ Киевѣ околодочный надзиратель Антифьевъ, избравшій резиденціей Лукьяновку и командовавшій «Полянкой» и «Волчимъ Яромъ». Г. околодочный былъ поклонникъ культурныхъ центровъ и терпѣть не могъ пустырей. Не желая, чтобы «Волчій яръ» оправдывалъ свое название, надзиратель шепнулъ окрестнымъ обывателямъ: «селитесь здѣсь, обстраивайтесь, благоденствуйте и... меня не забывайте». Обыватели послѣдовали благому совѣту, начали обстраиваться и вознаградили благодѣтельного надзирателя не только при жизни, но даже послѣ его смерти: многіе старожилы называютъ эту мѣстность Антифьевкой».

Мы слышали это преданіе о происхожденіи названія Антифьевки въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, отъ одного киевскаго ста-
рожила, покойнаго Ильи Ищенка, который разсказывалъ намъ слѣ-
дующее. Послѣ Севастопольской войны, участвовавшіе въ ней отстав-
ные офицеры пользовались привилегіей занимать полицейскія долж-
ности преимущественно предъ другими лицами. Изъ числа такихъ
офицеровъ былъ и квартальный надзиратель Антифьевъ. По словамъ
Ищенка, это былъ человѣкъ безкорыстный, но вмѣстѣ съ тѣмъ,
какъ человѣкъ военный, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о пра-
вахъ квартального надзирателя. По добротѣ сердечной, онъ безпреко-
словно разрѣщалъ киевскому бѣдному люду строить хижини и землянки
въ необитаемыхъ дотолѣ «Полянкѣ» и «Волчимъ Яру». Образова-
лось такимъ образомъ значительное поселеніе въ этихъ трущобахъ,
кроторомъ дошло, наконецъ, свѣдѣніе и до высшаго начальства въ
о аѣ. Тогдашній киевскій генераль-губернаторъ, князь Васильчиковъ,
съ большимъ удивленіемъ узналъ о существованіи въ Киевѣ какого-то
поселенія, невѣдомаго начальству, и немедленно отправился на мѣсто
открытія. Генераль-губернатору сопутствовала его супруга, въ свою
очередь весьма заинтересовавшаяся удивительнымъ открытиемъ. Убѣ-
дившись воочію въ незаконномъ основаніи и существованіи Анти-
фьевки, генераль-губернаторъ тутъ-же на мѣстѣ распекъ кварталь-
ного надзирателя Антифьева за его проступокъ и обѣцталъ послать
его туда, «куда Макарь телятъ не гоняеть». Но жители Антифьевки,
видя собиравшуюся грозу надъ головой своего отца и благодѣтеля,
т. е. Антифьева, схватились за колеса генераль-губернаторскаго эки-
пажа и слезно умоляли его пощадить Антифьева. Ихъ просьбу под-
держала и генераль-губернаторша, княгиня Васильчикова, и убѣдила

своего мужа простить Антифѣева, а жителямъ Антифѣевки выдать надлежашіе документы на владѣніе заселеною ими землю.

И. И.

„Stabat mater dolorosa“ въ народной поэзіи волынской губерніи. Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русской Старинѣ» г. Н. Финдейзенъ привелъ подстрочный переводъ средневѣковой католической піессы *«Stabat mater»*, послужившій темою для оригинальной музыкальной композиціи извѣстнаго композитора А. Н. Сѣрова. Ария *«Stabat mater»* — одно изъ выдающихся произведеній Сѣрова.

Въ ровенскомъ уѣздѣ, волынскай губерніи, народная память хранить въ числѣ многихъ религіозно-мистическихъ произведений стихи, сродные по своему характеру съ *«Stabat mater»*. Чтобы видѣть сродство, слѣдуетъ только сличить переводъ піессы, помѣщенный въ «Русской Старинѣ», съ текстомъ волынскихъ стиховъ. Приведемъ сначала переводъ Финдейзена:

Стояла Матерь Скорбящая
Возлѣ креста, вся въ слезахъ—
Пока висѣлъ на крестѣ Сынъ.
Душу скорбной, душу стенающу,
Горько болѣшую
Насквозь пронзилъ мечъ.
О, какъ печальна и огорчена
Была она, благословенная
Матерь Единороднаго!
Она скорбѣла и плакала
И дрожала при видѣ
Сына страданій избраннаго!
Есть-ли чловѣкъ, который бы не заплакалъ,
Христову Матерь видѣвъ,
Въ такой мукѣ!
За грѣхъ людей
Увидѣла (она) Иисуса въ страданіяхъ
И бичеванію преданнаго!
Видѣла своего возлюбленнаго Сына
Умирающаго, безутѣшнаго,
Пока въ мукахъ испустилъ духъ ¹⁾).

По словамъ автора, «поэзія эта сложена чуть ли не въ IX в. монахами».

¹⁾ Русс. Стар. 1893 г. IV стр. 84 и 85.

Малорусский текстъ:

Тамъ на гори монастырь,
 А коло нёго—церква,
 Коло церкви—хрестъ святый,
 А на хресте—Сынъ возлюбленный.
 Копіемъ груди прободены,
 Ребра на боку избычованы,
 Оцтомъ губы напоены,
 Свата голова на бикъ нахиляна...
 Мати Божая сревае,
 Въ пречисты груды ударяе.
 — „Матойко моя, возлюбленная,
 „Не плачь, не стенай,
 „Великого жалю не май;
 „Бо воскресну на третю зорю,
 „Буде радость велика на всому миру!
 — „Ой, синойку май, возлюбленный,
 „Хочъ хожу, хочъ сижу,—
 „Все на тебе гляжу:
 „Биле тило на крести простираецца,
 „Слёзойки изъ очей выльваюцца.
 „Руки й ноги гвоздемъ прибываюцца,
 „Терпимый винецъ на голову набываецца,
 „Копіемъ боки пробождаюцца,
 „Губы оцтомъ напояюцца,
 „За когти шпыци забываюцца;
 „Пренасвятіша кровь розливаецца,
 „Пречестніаша головойко нахиляецца,
 „Животворящій духъ испускаецца....
 „Хто мое горе може знати,
 „Хто може знати, та не взыхати?
 „Ой, чи хутко та третя зора на світъ зайде?
 „Ой, чи хутко май Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ выйде“?
 Вже третя зоря на неби блыскае,
 Вже Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ воскресае! ¹⁾)

Сходство содержаній замѣтно. Разница въ томъ, что латинская піесса заключаетъ описание внутренняго состоянія Божіей Матери, при видѣ своего Сына на крестѣ, въ объективно-монологической формѣ; а малорусская—изображаетъ тоже состояніе въ формѣ діалогической, въ формѣ разговора между Іисусомъ Христомъ и Божіей Матерью,—при чемъ внутреннее состояніе ея изображается субъективнѣе, въ болѣе сильныхъ душевныхъ волненіяхъ. Въ первой—о настроеніи скор-

¹⁾) Записано въ м. Березно, ровенского уѣзда.

бящей Божией Матери говорить зрители, посторонние свидетели драмы; во второй—она сама говорит о своем горе. Вследствие этого малорусская пьеса больше выигрывает в смысле драматизма, психологической яркости и пластичности. Последние стихи обе ожиданий «третей зори» имают трогательно-поэтический оттенок.

Кроме вышеупомянутых стихов, в народе известны другие стихи в таком же роде, но менее складные и менее содержательные. Например:

Тамъ на горѣ церквека стояла,
Тамъ Божа Матійка спочивочень мала,
Пришовъ до неи синъ іа:
— „Матійко мол, возлюбленная,
„Чи ты спиши, чи лежишь, чи започиваешь“?
— „Сыну мій, возлюбленный,
Була я заснула,
„Лице твое бачила:
„На крести прибыто,
„Руки—нози гвоздями пробыто,
„Терновый винцемъ забыто“,
„Копіемъ бока пробыто,
„За когти шпилки забыто
„Пренасвятійшу кровь разлыто.“¹⁾

Сравнимъ съ «Snem Przenajswiêtszej Panny» въ «Памятн. Русс. Стар.»:

Zasnęła byla przenajswiêtsza Panta Boga. Rodzica w Brytanii na górze Oliwnej i przyszedl do niej Pan Chrystus Iesus, syn onej najmileszy i mówi: matka moja najmilsza. spisz li albo-li slyszysz?— I mówi: spałam, alem się ocknęła i śnił mi się dziwny sen o Tobie: widziałam cię w ogrojcu pojmanego i związanego, przed Annasza, Kajfasza, Pilata, Heroda przywedzionnego, u słupa przywiezanego, z twej świętey głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajswiêtsze ciało jak skorupa się padało». ²⁾

¹⁾ Записано въ м. Степани, ровенского уѣзда.

²⁾ Памятн. стар. русс. лит. вып. III. С.П.Б. 1862 г. стр. 128. Въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и рассказахъ“ Драгоманова (1867 г., Кіевъ) въ числѣ „лиштвъ“, какіе носять на тѣлѣ, записанъ такой „Сонъ пресвятой Богородицы“: „колы йидного часу заснула була пресвятая Дѣва Богородица на горѣ Оливѣ прыйшовъ до неи Іисусъ Христосъ и сказалъ:“ матынко моя мыла, чи ты спиши, чи ты чуешь? „Умовила до него Пресвятая Богородица:“ спала сину мій миліцій та збудилась і спися мині страшный та дивный сонъ о теби. Выдѣла я, що ты у саду молилася Богу отцеви, що یуда жидањъ продавъ тебе и тебе спіймано и до Кайафи

Къ тому же циклу духовныхъ стиховъ, имѣющихъ своею темою сонъ Богородицы или «*stabat mater*», слѣдуетъ отнести слѣдующія народныя стихотворенія,—записанныя въ волынс. губерніи.

У недилю ранейко—
 Сходило сонейко;
 Божая Матеїка
 Свого сыноїка
 За ручейку водить;
 Повела его зъ рання на пузне,
 Зъ пузнёго на море,
 Зъ моря на камень.
 На камени монастырь стоявъ,
 Въ монастыри престолы стояли,
 На престолахъ свичи горили
 Передъ свичами книги лежали
 Коло хреста Божа маты стала.
 Вышовъ до неи Петро—Павло.
 Исусть Христосъ каже:
 — „Петре, Петре!...
 „Не вважай ты на мою муку,
 „Визьми ты хреста въ руку,
 „Понеси ты ёго по всинъ свити,
 Дай-же ты старому и малому
 „И бидному и богатому“.
 А хто буде сю молитовку читаты,
 Той не буде нагдои смерти маты¹⁾.

Варіантъ того же, записанный изъ устъ другаго лица въ м. Березномъ, ровенскаго уѣзда:

приведено и до стопна привязано и збито и сплювано и терновимъ винкомъ короновано; а твое пречистое тило якъ кора видъ дерева видпадано, изъ твоей святои головы кровь риками плынула... А потому на хрести на гори Голгофи гвоздямытило твое прыбылы и кошемъ ребро твое пробылы и уси безъ мылосердія надъ тобою булы” (стр. 167—168). Въ числѣ „духовныхъ стиховъ“, собранныхъ Варенцовимъ, находимъ „Сонъ Мати Маріи“ съ такими стихами, записанными въ архангельской губерніи:

Въ нозѣ мои гвозди забиша,
 Копіемъ боя у меня прободоша,
 Желчью исца напоиша.. и пр.

(„Сборн. русс. дух. Стих.“ Варенц. Слб. 1860 г. стр. 49). Варіантовъ „Сна Богородицы“ много. Ихъ можно встрѣтить въ каждомъ почти сборникѣ этнографическихъ произведений какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ.—

¹⁾ Записано въ м. Степани.

Пришовъ до Христа Павель и Петро:
— „Ой, Господи Боже нашъ,
,,Терпншь муки за насъ“!
— „Павле, Петре! Не дивиця вы на мои муки,
,,Да берите-жъ вы Христа въ руки,
,,Да пойдите по всѣму свити,
,,Да закажите й малому, й старому,
,,Й вбогому, й багатому“.
А хто сю молитву взмолить,
Тому Богъ царство небесное втворить;
Хто сю молитву рано й вечеръ гадаты-ме,—
Той не буде нагомъ смерти маты-ме.

Сравн. въ «Памятн. стар. русск. литер.» великорусскій варіантъ:

Пресвятая Богородица,
Гдѣ спала, почиваю?
Въ городѣ Ерусалимѣ
За Божіимъ престоломъ....
Кто эту молитву знаетъ,
Трижды въ день читаетъ,—
Спасенъ бываетъ!).

Въ этихъ повѣствованіяхъ о разныхъ путешествіяхъ Пресвятой Богородицы и ея встрѣчахъ сказалось, кажется, вліяніе средневѣковой католической мистики, богатой различными необыкновенными приключеніями библейскихъ лицъ и широкимъ полетомъ религіозной фантазіи. Упоминаніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ-молитвахъ католическихъ святыхъ и польскихъ-спеціальныхъ терминовъ говорятъ за несомнѣнность этого вліянія. Жаль, что многія изъ произведеній въ этомъ родѣ въ устахъ народа въ настоящее время совершенно потеряли свой смыслъ и представляютъ по мѣстамъ несвязный наборъ отрывочныхъ фразъ, какъ обѣ этомъ можно судить по слѣдующимъ религіознымъ стихамъ:

Пришовъ, растворылся
На гробъ оглянувся:
Господъ Богъ и духъ мой!
Кости мои смиренны!
Сталу я въ порога,
Якъ Ангелъ у Бога.
Яне! Яне!
Божій каплане!
Стережа души и тѣла.

¹⁾ Памятн. стар. русск. литер. т. III, стр. 128.

Или:

Утворыся Христовъ гробъ,
Затворылося пекло,
Возрадовався Господь Богъ и духъ мой.
Кости же мои супречныя
И три речя Господнія..

Или:

Господь ручейки згорнувъ,
И ножейки стулыть,
И свои ранойки растворывъ.
Пришовъ до ёго Петро-Павло.
Каже имъ Господь-Богъ,
Наказауе имъ пресвятый Янъ:
— „Стережить вѣ души и тила
„Зъ вечера до пувночи,
„Зъ пувночи до свитання,
„Зъ свитання до змеркання,
„А зъ змеркання до чистого кавання,
„Во вѣки вѣковъ. Аминъ“¹).

Трудно сказать что либо определенное объ этихъ отрывкахъ въ такомъ видѣ... Отрывки-ли это какойнибудь одной религіозной пѣсни, потерявшіе свое начало и конецъ? или перепутанные стихи различныхъ пѣсенъ? въ какой степени сказалось на композиціи этихъ стиховъ католическое вліяніе?

Кромѣ вліянія польской религіозной литературы, на образование малорусскихъ религіозныхъ пѣсень имѣла вліяніе еще апокрифическая византійская литература, проникавшая въ Малороссію чрезъ посредство южнорусскихъ славянъ. Быть можетъ, и она оставила тутъ свои слѣды?

Ф. Кудринскій.

Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсень. Ив. Сер. Аксаковъ во время своей поѣздки по Малороссіи слушалъ малорусскія народныя пѣсни и восторгался ихъ прелестью. «Вообще (малорусская) пѣсня въ народѣ хорошо сохранилась, и писать онъ въ своихъ письмахъ изъ Малороссіи, и я не думаю, чтобы онъ могли дойти до такой степени пуганицы и нелѣницы, какъ большая часть пѣсень, которая поетъ великорусскій народъ»²). Къ сожалѣнію, слова Аксакова

¹) Записано въ мѣст. Степани.

²) Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ III ч. I томъ м. 1892 г. См. реценз. въ „Вѣст. Евр.“ 1893 г. V кн. стр. 300.

кова не оправдываются, и въ настоящее время уже явился вопросъ о «Порчѣ украинскихъ народныхъ пѣсень»¹⁾ и о вліяніи на характеръ современной малорусской пѣсни пѣсенъ великорусскихъ.

Пѣсни великорусскія идутъ въ Малороссію разными путами, но, главнымъ образомъ, заносятся на родину солдатами. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи слышится или солдатскій напѣвъ малорусской пѣсни, или настоящая солдатская пѣсня. Въ житомирскомъ уѣздахъ членцы проносятъ великорусскую пѣсню не хуже «москалей». Чисто-народная украинская пѣсня иногда оканчивается совершенно безсмысленнымъ великорусскимъ концомъ. Напримеръ:

Ой не ходы, бородатый,	Молодого хлонца»,
Коло моїй хаты,	Молодого не простого,
Ой не точчи, бородатый,	Бровы на шурочку»...
Зеленои мяги.	— „Промовъ, промовъ, девчинонько,
Не 'для тебе, бородатый,	Ласкове словечко,
Я ияту садыла,	Бо поиду въ Петербургъ
Для того іи садыла,	Куплю три пакунки (sic!)
Кого я любила.	Куплю шубку, куплю юбку,
Не для тебе, бородатый,	Куплю душевреньку (душегрѣйку?)
Мяту подымала,	Кому юбка, кому шубка,
А для того подавала,	Кому душевренька,
Кого циловала.	Молодому баринови
Циловала — мыловала	Молодая дѣфка (sic!)».

(Записана 1892 года въ м. Степани, ровенского уѣзда, волынс. губ.).

— Де ты навчилася такои писни? спрашиваю молодыцю, которая шла ей.

— Ой, чи я знаю... Хлонцы спиваютъ часомъ на выгони, той навчилася...

— Щожъ то тае «душевренька»?

— Ой, чи я знаю... Такъ спиваютъ...

«Душевренька» кажется—душегрѣйка. Какъ могла попасть «душевренька», «пакунка» и «дѣфка» въ малорусскую пѣсню и составить ея конецъ? Несомнѣнно, тутъ сказалось эстетическое вліяніе великороссовъ солдатъ, вызванныхъ для разныхъ работъ (рубки лѣса, проведенія желѣзныхъ дорогъ) на полѣсы.

Или вотъ еще пѣсня, которую поютъ, «кѣтъ калора бьють», т. е. бьють сваи въ водѣ для моста. Это великорусская «дубинушка», принявшая вовсе не свойственные ей малорусскія формы.

¹⁾ Кіевс. Стар. 1893 г. и. юнь.

Когда подымаютъ канатами «бабу» вверхъ, то поютъ такъ:

А на первую залогу
Помолимся хлопцы богу...
Якъ дубинушка стукне,
Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И бьють «залогу», опускаютъ «бабу» на сваи. Потомъ снова начинаютъ:

А вы хлопцы налягайте,	На роботу гонять рано,
За канатики запайте,	За роботу платить мало...
А канатики гныли,	Якъ дубинушка стукне,
А хозяинъ скучны,	Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И опять — «залога»... и т. д.

Напѣвъ обмалоросившійся дубинушки потерялъ живость и энергичность переходовъ. Пѣсня поется растянуто, томно, плаксиво.

Ф. Кудринскій.

Письмо гр. Кирилла Разумовского къ матери¹⁾. Извѣстно, какимъ вліяніемъ на сына пользовалась мать всемогущаго гетмана Кирила Разумовскаго, особенно въ вопросахъ, касавшихся округленія своихъ маєтностей. Въ изслѣдованіи А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» т. I можно найти много любопытныхъ фактовъ, относящихся къ тому періоду, когда графъ К. Разумовскій жилъ по-царски въ своемъ глуховскомъ дворцѣ, разсыпая оттуда свои «милостивые универсалы» и между прочимъ преподнося въ нихъ разныя имѣнія какъ матери своей, такъ и ея дочерямъ. Къ этому-же періоду относится одно маленькое письмо графа къ матери, изъ Глухова отъ 18 октября 1751 года, не вошедшее въ указанное изслѣдованіе А. А. Васильчикова и хранящееся у А. Ф. Бадрова, тещерешняго владѣльца той самой Алексѣевщины (подлѣ г. Козельца, Черниг. губ.), гдѣ любила жить старушка-матерь гетмана. Письмо написано на полулистѣ, сложенномъ вдвое.

Милостивая государыня матушка! Увѣдомившись черезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ іѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради хотя вы на іѣкоторое только время просили, однако-жъ я изъ почтенія къ вамъ сыновнаго опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе въ полку Киевскомъ мѣс-

¹⁾ За сообщеніе этого письма приносимъ глубочую благодарность А. Ф. Бадрову.

течко Носовку и Кобыжчу со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми и съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами и угодьями и всѣми принадлежностями, на что вамъ государыня матушка и универсаль при семъ посылаю, желая отъ всего серца оными маєтностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ послушній синъ графъ К. Разумовскій.

Глуховъ, октября 18 дня 1751 году.

Къ этимъ-же дѣламъ о подаркахъ относится и маленькое письмо правителя гетманской канцеляріи, вліятельного человѣка при графѣ, Григорія Николаевича Теплова къ матери гетмана. Это письмо въ подлиннике хранится тамъ-же.

Милостивая государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему чрезъ господина Пустоту какъ о дворахъ, такъ и о Иvasѣ я Его Ясневельможности того-жъ часу доложилъ. На что и резолюція воснослѣдовала, вашему сіятельству угодная. И такъ, я ваше сіятельство всенижайше поздравляю введеніемъ новыхъ маєтностей, который собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежать, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможного Гетмана и вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостю къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость есь со всегдашимъ высокоочітаніемъ вашего сіятельства милостивой государыни всенижайшій слуга Григорій Тепловъ.

Глуховъ октября 18 дня 1751 году.

Р. С. Дѣвушку Надежду его сіятельство приказавъ просить прислать, а для взятія братъ ея родной посланъ.

Мѣстечко Острополь Новоградъ-Волынскаго уѣзда Волын-ской губерніи. Острополь расположенъ при рекѣ Случи, новоградъ-волынскаго уѣзда, 5 стана, волости остропольской. Грязное мѣстечко на половину переполненное нечистоплотными евреями. Въ Острополѣ 2 православные каменные церкви, 1 каменный римско-католический костель и 1 деревянная еврейская синагога. Въ мѣстечкѣ состоять: волостное правленіе, народное одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, почтовое отдѣленіе, аптека. Въ

году бываетъ 12 ярмарокъ; торгуютъ скотомъ и хозяйственными произведеніями. Народонаселеніе около 10 000 д. об. пола.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду дать послѣдовательный исторический очеркъ исторіи мѣстечка, т. к. подробный исторический очеркъ данъ нами въ № 29 «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1891 годъ. Здѣсь мы собственно скажемъ о тѣхъ остаткахъ старины, которые могутъ внушать ученово-археологический интересъ и подробное описание которыхъ и слово о нихъ не вошли въ нашу статью объ Острополѣ. Къ таковымъ относятся: замокъ, нѣкоторыя церковища, 2 урочища, носящія название «Кибала», и нѣсколько кургановъ-могилъ. Чтобъ указать на важное значеніе такихъ памятниковъ, какъ историко-вспомогательныхъ источниковъ, достаточно будетъ сослаться на статью профессора Д. Я. Самоквасова: «Древнія земляные насыпи и ихъ значеніе для науки», («Древняя и Новая Россія», № 3, 1876 г., стр. 262).

1. **Замокъ.** Древніе остропольское замчище, гдѣ въ старину была крѣпость-замокъ, представляетъ собою обширную и высокую площадь, спланированную искусствомъ человѣка и ограниченную на южной сторонѣ крѣпкими валами. Она простирается до вала, который, какъ мы упомянули, служилъ на сѣверѣ города сухонутною крѣпостною границею. Въ этомъ валу, по преданію, была «желѣзная брама» или главныя входныя крѣпостныя ворота замка, зарытыя будто бы въ землю неподалеку отъ теперешней Преображенской церкви. Теперь главную, серединную, часть замчища занимаетъ помѣщичья усадьба со службами; южная, главно-укрѣпленная часть—остается открытою, т. е. незастроенной; тутъ расположены хорошо сохранившіеся высокіе валы. Сюда въ замокъ бѣжало въ тревожныя годы вражескихъ набѣговъ и пожаровъ все мѣстное и окрестное населеніе. Конечно, тутъ въ свое время были палисады, городни, бойницы, стрѣльницы и тому подобная приспособленія; но отъ нихъ теперь и слѣда не осталось. Вся южная и восточная стороны замчища омываются Случью; сторона восточная представляетъ довольно высокую отвесную природную скалистую стѣну, на которую взобраться не вездѣ можно. Руслло рѣки съ этой стороны усѣяно громадными глыбами гранита; вода здѣсь, встрѣчая въ камни препятствіе и прорываясь въ тысячу проходовъ, шумитъ, бурлитъ, пѣнится и ключетъ, отчего въ этомъ мѣстѣ часть рѣки получила въ устахъ народа поэтическое название «шумъ»; противоположный берегъ весь въ

скалахъ. Въ общемъ, съ этой стороны замчище представляетъ грандіозный видъ, полный поэтической прелести, и особенно обаятеленъ въ тихій лѣтній вечеръ, когда выходящій на небесный просторъ полныи мѣсяцъ озаряетъ своимъ мягкимъ палевымъ свѣтомъ всю округу и все тонеть и выступаетъ, какъ очарованное, въ голубомъ блескѣ воскресающей ночи. Съ владной стороны замчище омываетъ рѣчка «Бѣлка», которая у южной стороны укрѣпленія сливается съ водами Случи и образуетъ въ этомъ мѣстѣ широкое водное пространство, замыкаемое шлюзами красиваго шестиаркаднаго, сложеннаго изъ тесаннаго гранита, моста, составляющаго замѣчательную постройкумагнатовъ-владѣльцевъ Острополя въ прошломъ столѣтіи—князей Любомірскихъ. Вся западная сторона замчища незначительно выступаетъ надъ уровнемъ протекающей воды и, вообще, можетъ называться слабою по отношенію укрѣпленности; но есть основаніе предполагать, что въ этомъ мѣстѣ замокъ былъ защищенъ особымъ укрѣпленіемъ. Такимъ укрѣпленіемъ могъ служить католический «кляшторъ», или монастырь, который именно здѣсь, по народному преданію, существовалъ. Существование здѣсь въ старину зданія доказывается присутствиемъ въ этомъ мѣстѣ ломаннаго кирпича, кусками кафель и изразцовъ, грубыхъ, перержавѣвшихъ гвоздей и скобъ, кусками листового желѣза, массою грубої битой обожженой посуды. Во времена польского владычества здѣсь, въ крѣпости, очень умѣсто допустить существование католической святыни, которая, служа мѣстомъ моленія, могла въ то же время выполнять и стратегическое назначеніе. Само преданіе народное о существованіи здѣсь «кляштора», какъ таковое, уже можетъ носить въ своей основѣ долю правды. И именно въ этомъ мѣстѣ, какъ бы въ оправданіе высказаннаго нами предположенія о существованіи здѣсь особаго, вспомогательнаго укрѣпленія, нерѣдко образуются провалы, обнаруживающіе существование здѣсь глубокаго и, вѣроятно, обширнаго подземелья, какія обыкновенно въ укрѣпленіяхъ, но, къ сожалѣнію, мѣсто это никѣмъ не изслѣдовано и провалы каждый разъ засыпаются землею и навозомъ. Народная молва пріурочиваетъ въ этомъ мѣстѣ сокрытіе клада. Мѣсто это служитъ лѣтомъ подъ выгонъ овецъ и называется «пастивныкъ». Оно представляетъ особую площадь, такъ какъ отдѣляется отъ главнаго замчища проселочною дорогой сравнительно недавнаго происхожденія; въ старину же, конечно и несомнѣнно, составляло нераздѣльное цѣлое со всей замковою площадью по своей очевидной общеродности и топографической сличности. Уро-

чище это приходится противъ вѣзьдныхъ воротъ въ усадьбу помѣщика, занимающую главную часть замчища. Черезъ Бѣлку тутъ для соединенія съ западною частью города въ старину былъ перекинутъ висячій мостъ. Устои его сохранились донынѣ.

Какъ разъ противъ этого мѣста, на востокѣ, приходясь посреди главной замковой площади, откуда начинается теперь усадьба помѣщика, въ тѣни куны молодыхъ елей, убого стоитъ грубый сѣрий каменный крестъ, безъ надписи. Это церковище—мѣсто, гдѣ существовалъ храмъ. Здѣсь была церковь, которая, вѣроятно, въ свое время называлась замковою по причинѣ существованія своего въ чертѣ крѣпостной площади. Церковь эта была православная, деревянная, во имя Преображенія Господня, извѣстная въ народѣ больше подъ названіемъ Спасской. Приходомъ она очень древня. Она существовала уже въ 1596 году, при Остропольской протопопії, когда Острополь составлялъ маетность древнаго православнаго рода князей Острожскихъ, которымъ можно приписывать и ея заложеніе, а также укрѣпленіе или возобновленіе, если даже не основаніе самого замка Остропольского. Такъ, протопопъ ея Кириллъ подписался на протестѣ Брестскаго собора противъ унії и на обязательствѣ всѣми силами противодѣйствовать ея распространенію, въ 1596 году 9 октября, а также на синодальномъ универсалѣ, изображающемъ события на Брестскомъ соборѣ, предложенія присланныхъ на соборъ депутатовъ отъ духовенства и дворянства, переговоры съ послами королевскими и торжественный обѣтъ стоять за вѣру православную¹⁾). Церковь эта существовала здѣсь еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда сгорѣла. Въ виду указанія устнымъ преданіемъ на существованіе въ старину въ мѣстѣ, что напротивъ нея, на западѣ надъ рѣчкою Бѣлкою, католическаго храма-кляштора, церковь эта, слѣдуетъ думать, далеко позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ самъ допускаемый католическій кляшторъ, кончившій, въ такомъ случаѣ свое существованіе несомнѣнно до ея заложенія и до водворенія здѣсь православнаго элемента. Тѣмъ серьезнѣе вниманія заслуживаетъ мѣсто послѣднаго, гдѣ образуются оговоренные нами провалы. Какъ подъ польскимъ монастыремъ, такъ и подъ церковищемъ здѣсь слѣдуетъ предполагать существованіе подземелій или усыпальницъ, въ которыхъ по обыкновенію опускались гробы храмосоздателей и лицъ почетныхъ въ приходѣ. Оба эти мѣста, какъ весьма древнія

¹⁾ Архивъ, ч. 1, стр. 529.

по происхождению и по исключительному своему положению въ замковой площади, заслуживають особенного вниманія. Но помимо этого еще, надо думать, и само замчище таитъ въ себѣ погреба и подземелья.

2. *Кибала*. Изъ другихъ памятниковъ старины въ Острополѣ заслуживаются вниманія два урочища «Кабала», — 2 холма, служившіе въ старицу конечными укрѣпленными пунктами сухопутной крѣпостной линіи города съ сѣверной стороны и ставившей рѣчную дугу Случи, которая омываетъ территорію поселенія; находятся каждый въ полуверстѣ отъ теперешнаго мѣстечка, оба надъ Случью: одинъ на западѣ, у помѣщицкой рощи «березина», другой на востокѣ — въ урочищѣ «Луговщина». Разстояніе между обоими пунктами по прямой линіи — около 2—хъ верстъ. Что это за слово «Кибала», а равно значеніе его — собственное это названіе, или нарицательное въ малорусской устной терминологіи всякаго подобнаго возвышенного пункта — объяснять не беремся. Первая насыпь, что на западѣ, стоящая надъ Случью, у помѣщицкой рощи «березина», представляетъ высокій крутой холмъ. Въ устахъ народа онъ извѣстенъ также, кромѣ собственнаго своего названія «Кибала», еще подъ именемъ *замчища*. Вся юго-западная сторона его представляетъ отвесную сторону. Тутъ, внизу, тихо протекаетъ Случь. Съ трехъ сторонъ — южной, восточной и западной, опоясываютъ и облегаютъ холмъ три концентрическихъ ряда валовъ, постепенно понижающихся по мѣрѣ уклоненія къ конечной сѣверной части холма и на южной фронтовой сторонѣ достигающихъ высшей своей точки, образующихъ здѣсь какъ-бы гребень. Съ трехъ сторонъ холма по правильному бугру — какъ-бы подъ пушечные лафеты. По всему вѣроятію это основанія бывшихъ тутъ когда-то бойницъ, или башенъ. Бугры эти находятся въ защищѣ валовъ. Съ восточной стороны укрѣпленія проходитъ русло и журчитъ тутъ чуть-чуть замѣтный ручеекъ, который въ старицу, благодаря приспособленію, составлялъ, вѣроятно, съ этой стороны укрѣпленія глубокую канаву. На верху «кибалы», въ краевомъ поясѣ ея площади, недѣ неглубокимъ слоемъ земли, лежитъ кирпичный фундаментъ. Изъ этого надо заключать, что «кибала» эта не есть случайный оконъ какого-нибудь преслѣдуемаго и поставленного въ необходимость обороняться военнаго отряда, какъ, напр., оконъ Шереметьева подъ м. Чудновымъ, житомірскаго уѣзда волынской губерніи, а съ восточной другой «кибалой», такимъ образомъ, она составляла сооруженія, имѣвшія цѣлью болѣе постоянное на-

значеніе. Тогда устное преданіе, что на съверной сторонѣ города крѣпостные валъ и ровъ проходили «отъ Случи до Случи», находить себѣ подтвержденіе, и въ обѣихъ «Кибалахъ» можно усматривать конечные укрѣпленные пункты этого вала. Камни на камнѣ не осталось здѣсь отъ существовавшихъ построекъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онѣ были деревянныя на кирпичномъ фундаментѣ, или древность ихъ такъ глубока, что само время, наконецъ, изгладило всякие слѣды ихъ бытности. Во всякомъ случаѣ, это глубокая, незапамятная древность. Кирпичъ фундамента совершенно перегнилъ и разсыпается въ пыль при прикосновеніи. На самой «Кибалѣ» и кругомъ здѣсь попадается множество черепковъ чрезвычайно грубой и толстой первобытной обожженной посуды. Самимъ намъ приходилось находить по близости отсюда 2 раза обожженныя глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей, какія теперЬ не употребляются уже. Все это говорить объ осѣдлости здѣсь людей въ старину. По народному преданію здѣсь, на «кибалѣ», тоже была и церковь. Здѣсь очень вѣроятно предполагать существование погребовъ, или подземелій, не тронутыхъ, очевидно, рукою искателя клада, такъ какъ нигдѣ на поверхности не замѣтно попытокъ въ этомъ родѣ, или слѣдовъ, чтобы раскопки когда-либо были производимы. Если допускать здѣсь, по народному преданію, еще и существованіе въ старину храма, то тутъ необходимо должно предполагать мѣсто усыпленія разныхъ лицъ, удостоенныхъ погребенія здѣсь. По преданію здѣсь закопанъ кладъ. Площадь этой «кибалы» представляетъ пространство приблизительно въ 30×13 сажень. Составляетъ она участокъ одного мѣстнаго крестьянина; какъ мѣсто неудобное для обработки, стоитъ порожнякомъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ «кибалы», всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, протекающая здѣсь Случь носитъ название «переправы», куда народное преданіе пріурочиваетъ переходъ какого-то непріятеля. Съ вершины «кибалы», на юго-западѣ, за Случью, на помѣщицкихъ поляхъ, принадлежащихъ къ предмѣстію Острополя «Калиновка», можно еще различить едва уже замѣтные 2 кургана; ежегодно проходящій по нимъ плугъ успѣлъ сравнить ихъ почти съ лицемъ земли, и скоро они совсѣмъ исчезнутъ. Сейчасъ на съверѣ отъ «кибалы» находится «селисько», занимающее крестьянскія поля. По преданію, здѣсь было село, быть можетъ, одно изъ предмѣстій стараго Острополя. Очень возможно, что «переправа», «кибала», «селисько» и курганы, имѣютъ между собою тѣсную фактическую связь, не оставшуюся безъ послѣдствій и на судьбу самого Острополя.—Другая «кибала» на

противоположной сторонѣ мѣстечка, съверо-восточной, въ урочищѣ «Луговщина»,—тоже надъ Случью. Окружностью она значительно меньше первой, описанной. Здѣсь валы едва замѣтны; но сама «кибала» представляетъ высокій пунктъ, обращенный утесомъ, какъ и первый, къ югу. И здѣсь попадаются остатки грубой битой глиняной посуды, а равно и эта насыпь заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, подземелья и можетъ интересовать археолога.—Вообще, ученая раскопка «костелища» на «частивнику», древняго церковища на «замчищѣ» въ усадьбѣ помѣщика, обѣихъ «кибалъ» и упомянутыхъ кургановъ была бы не лишна и желательна въ интересахъ научныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что въ остропольской главной еврейской синагогѣ сохраняется на еврейскомъ языке подробное описание нападенія на Острополь *Шевчика* (Швачки вѣроятно). Въ мѣстечкѣ, сей часъ за еврейскими лавками, указываютъ мѣсто, где, по преданію, былъ убитъ *Шевчикомъ* и похороненъ тутъ-же остропольскій еврейскій раввинъ, вышедшій во главѣ депутаціи отъ мѣстныхъ евреевъ съ хлѣбомъ-солью и предложеніемъ выкупа за оставленіе мѣстечка въ покоѣ. Когда здѣсь бываетъ еврейская свадьба, молодые обязательно танцуютъ здѣсь подъ музыку и пьютъ вино въ память этого раввина.

Николай Александровичъ Компанскій.

Намъ сообщаютъ, что юбилейное торжество пятидесятилѣтія кіевской археографической комиссіи состоится въ слѣдующемъ порядкѣ: 19-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ залѣ I-ой гимназіи будетъ отслужено старѣйшимъ членомъ комиссіи прот. П. Г. Лебединцевымъ молебствіе, по окончаніи котораго откроется публичное торжественное собраніе членовъ комиссіи, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, почетныхъ гостей и всѣхъ, кто желаетъ явиться на это торжество. Собраніе начнется чтеніемъ записки о дѣятельности комиссіи въ истекшее пятидесятилѣтіе, послѣ чего послѣдуетъ пріемъ депутатацій и чтеніе адресовъ и привѣтствій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

*Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая.
Спб. 1893.*

Несмотря на архаический языкъ и излишнее нагроможденіе фактovъ, трудъ г. Барсукова, по окончаніи его, представить необходиmyю книгу при изученіи исторіи нашего просвѣщенія въ первой полов. XIX в. Разнообразіе свѣдѣній, даваемыхъ книгою г. Барсукова, очень велико и находится въ прямомъ отношеніи съ живымъ характеромъ Погодина, дневникъ котораго положенъ въ основу неутомимо продолжаемаго г. Барсуковымъ труда. Седьмая книга «Жизни и Трудовъ» П—на обнимаетъ собою 1842 и 1843 гг.—Лѣтомъ 1842 г. Ц—нъ, ѿдучи за границу, посѣтилъ между прочимъ и Малороссію, о которой отзываются съ немалою долею сентимента. Видъ малороссійскихъ селъ, встрѣченныхъ путешественникомъ подъ Харьковомъ, вызываетъ у него такое сравненіе: «какъ я люблю эти села съ шоколатными кровлями», восторгается П—нъ, «что за прелестъ эти бѣлыя хаты въ тѣни зеленыхъ разсыпистыхъ деревьевъ... Видно съ первого взгляда, что обитатель ихъ въ дружбѣ съ природою, что онъ любитъ свой домашній кровъ и не покидаетъ его безъ крайней нужды. Совсѣмъ не то въ Великой Россіи: деревца вы не увидите часто подлѣ избы, и рѣдко сидѣть дома заботливый хозяинъ; онъ спѣшишь съ промысла на промыселъ. У него изба—только ночлегъ». Но Малороссія встрѣтила путешественника не совсѣмъ ласково. Пріѣхавъ въ Харьковъ около полуночи, П—нъ направился прямо въ архіерейскій домъ, къ его хозяину, знаменитому Иннокентію, но оказалось, что преосвященный живетъ на дачѣ; П—нъ отправился на дачу и хотя владыку засталъ еще гуляющимъ въ саду, но дорожную усталость путника подкрѣпить было почти что

нечѣмъ: у хозяина монаха нашлись только «огурцы и нѣсколько яицъ».—«При прощаніи преосвященный Ионакентій выразилъ П—ну желаніе, чтобы онъ посѣтилъ ихъ общаго пріятелия М. А. Максимовича, уединившагося на свою Михайлову Гору». П—нъ и самъ желаъ повидаться съ старымъ товарищемъ и побѣхъ къ пріятелю, по золотоношской дорогѣ. Й здѣсь Малороссія снова вызвала у путешественника сентиментальное воскликаніе: «что за милыя, простодушныя лица встрѣчались мнѣ на станціяхъ!» записываетъ П—нъ въ своемъ дневнику; но за то, увы, оказалось, что—«ѣсть нигдѣ нечего»! У одного сторожа на (станції) спросилъ путешественникъ яицъ и получиль въ отвѣтъ: «нѣть, ненесутся проклятыя!» Въ довершеніе неудачи—и Максимовича не оказалось дома... Въ числѣ писемъ, которыя приведены г. Барсуковымъ въ этой книжѣ изъ обширной переписки П—на, приведено и письмо г. Кулиша, писанное имъ вскорѣ послѣ напечатанія его романа «Михайло Чарнышенко». Прочитавъ этотъ романъ, Шевыревъ писалъ къ П—нѣ: „хорошо бы Кулѣша завербовать (въ Москвитянинъ), въ повѣстствователи.“ «Москвитянинъ» сотрудниками былъ небогатъ, а потому П—нъ тогда же обратилъ къ молодому писателю, приглашая его къ сотрудничеству. Г. Кулишъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1843 г.) пространными письмами, отрывки изъ которыхъ приводимъ здѣсь.—«Замышляю я» пишетъ г. Кулишъ, «такъ много, что иногда боюсь, не слишкомъ ли я самонадѣянъ? Во первыхъ, я хочу издать (съ помощью нѣкоторыхъ особъ) всѣ малороссійскія лѣтописи съ возможно полными комментаріями; во вторыхъ, издать малороссійскія пѣсни, которыхъ много собрано лично мною въ народѣ; въ третьихъ, издать народныя преданія, легенды, мифологію, пословицы и всякую мелочь; въ четвертыхъ, издать исторію малороссійскихъ фамилій, какъ огромный сборникъ матеріаловъ для исторіи; и наконецъ, въ пятыхъ, написать на основаніи все:о этого, исторію Малороссіи, если почувствую, что буду къ тому годенъ. Молю васъ осчастливить меня присланіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, о которыхъ вы изволили писать. Я продержу ихъ у себя такой срокъ, какой вы сами назначите.... Воспитывался я въ Кіевскомъ университетѣ, на сватой же Руси до сихъ поръ не сподобился еще бывать, и потому я почти брежу вашею Москвіею, изучая русскую старину. Вѣрю, что... я облетаю современемъ тѣ страны, по которымъ тоскуетъ душа моя, и нагляжу и на Русь безпредѣльную, и на всю словенскую нашу родину». Въ другомъ своемъ письмѣ г. Кулишъ просить

Ц—на напечатать въ Москвитянинѣ его критическую статью противъ Сенковскаго. «Объ этомъ», пишетъ Кулишъ, — «смѣстѣ со мною просить васъ и мой добрый благодѣтель, помощникъ почечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичъ, который сожалѣтъ, что случай не позволилъ ему имѣть удовольствіе познакомиться съ вами во время проѣзда вашего черезъ Кіевъ. Въ рецензіи моего романа Сенковскій еще безсознательно уродуетъ исторію Малороссіи и безъ церемоніи дѣлаетъ насъ, поляками, чѣмъ мы ни въ какомъ случаѣ быть не желаемъ, и молчать на его выходки значило бы соглашаться съ его сужденіями». Черезъ нѣкоторое время г. Кулишъ сдѣлалъ П—ну слѣдующее предложеніе: «Уже съ гдѣ» пишетъ г. К. «сидѣть у меня въ головѣ романъ, почти совсѣмъ готовый, но я не хочу писать его, во первыхъ, потому, что въ Кіевѣ большой книги печатать не стоитъ, а во вторыхъ, потому, что хотѣлось бы глубже изучить историческую эпоху, а материаловъ для изученія нѣтъ. Еслибъ кто купилъ его на наличныя деньги, то я, пожалуй написалъ бы. Но для этого нужно имѣть великій авторитетъ. Пожалуй, купите вы, я напишу для вашего журнала, если ему нужно порядочное литературное произведеніе, ябо, судя по тѣмъ статьямъ, какія до сихъ поръ въ немъ помѣщались, опѣ, кажется, не слишкомъ объ этомъ хлопочетъ, а этого то и не достаетъ ему для ходкости.... Имя моего романа: *Сотникъ Шрамко и его сыновья*¹⁾, картина того чуднаго и загадочнаго времени, которое наступило по смерти Богдана Хмельницкаго. На сценѣ будутъ дѣйствовать Брюховецкій и Самко.... Этимъ романомъ, кажется, я нѣчто сдѣлаю для исторіи Малороссіи. Если вы въ самомъ дѣлѣ захотѣли бы его пріобрѣсть, то вотъ условія: 1) отъ печатнаго листа по пятнадцати рублей серебромъ; 2) никакихъ перемѣнъ и пропусковъ не дѣлать; за все отвѣтчаетъ мое имя, о которомъ я долженъ заботиться больше, чѣмъ кто либо; 3) деньги за десять листовъ выслать впередъ и съ того только времени начнется изложеніе его на бумагѣ; 4) право отдѣльнаго изданія остается за мною....»

Есть въ книгѣ г. Барсукова не безъинтересныя свѣдѣнія о возникновеніи харьковскаго *«Молодика»*. Вотъ что писалъ извѣстный Каразинъ по этому поводу къ П—ну: «предложеніе Бецкаго о харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно усівшно, вотъ и я уже усіѣль роздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки,

¹⁾ Это конечно—будущая *Черная Рада*. Пишѣтъ ред.

противъ моего совѣта. Это има (Молодикъ), заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесь, кои уже всѣмъ надобили, и которыми, вѣрте, меныше всѣхъ дорожатъ харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливаютъ....».

К—цъ.

Вниманію и. любителей рыбной ловли. Киевъ 1892. 16°. 16 стр.

Въ этой маленькой книжкѣ съ такимъ неопределѣннымъ названіемъ, собраны чрезвычайно интересныя свѣдѣнія объ оскудѣніи Днѣпра рыбой. «На уменьшеніе количества рыбы въ Днѣпре, особенно въ послѣдніе года, имѣли вліяніе слѣдующія причины: развитіе пароходства, уничтоженіе по лугамъ лозы и вообще растительности, ловъ рыбы промышленниками во время ея переста, очистка русла Днѣпра отъ корчей, сборъ икры весною, отравленіе рыбы кукольваномъ, постепенное уменьшеніе ячеекъ рыболовныхъ снастей, употребляемыхъ промышленниками и уничтоженіе рыбы во время ея переста стрѣльбою изъ ружей и острогами». Авторъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу рыболововъ-любителей и хорошо знаетъ то, о чёмъ говорить. Пароходство вредно вліяетъ на размноженіе рыбы, и. ч. волны расходящіяся отъ пароходовъ, постоянно размываютъ песчаные берега Днѣпра... Отмытый отъ береговъ песокъ засыпаетъ глубокія мѣста и омыты, которые представляютъ любимыя убѣжища рыбы». На протяженіи 200 верстъ Днѣпра, вверхъ и внизъ отъ Киева, уцѣлѣли отъ размывовъ берега и остались глубокія мѣста только въ Завихѣ, Чернинѣ, Троецкомъ, Осетровой Лукѣ, Ковтебахѣ, Кошанкахѣ и Молодецкомъ. Къ числу убѣжищъ для рыбы относятся завалы, т. е. мѣста, въ которыхъ Днѣпру съ очень мелкаго и быстрого (глубиною не болѣе $1-1\frac{1}{2}$ арш.) переходитъ сразу въ тихій и очень глубокій (отъ 3-хъ до 7 саж.). Въ завалахъ держится всегда крупная рыба, особенно хищная (бѣлуга, судакъ, сомъ). Въ осенне время рыба собирается (гуртуется) на зиму исключительно только въ этихъ завалахъ. Но большиe пароходы, проходя по мели т. е. по гребню завала, вздымаютъ колесами воду и песокъ, и этимъ самымъ засыпаютъ завалы. Теперь остались хорошиe завалы около Глѣбовки, Троецкаго, Лящевки, Осетровой, Шипяговки, Молодецкаго и Романыхи....» Какъ видно, Днѣпру хорошо знакомъ автору, и онъ, «какъ любитель, занимающійся рыбною охотою 19 лѣтъ», несомнѣнно

принесъ посильную пользу сообщеніемъ своихъ наблюдений надъ уменьшениемъ рыбы въ Днѣпрѣ. Къ сожалѣнію, замѣченное явленіе въ Днѣпрѣ, относительно сильного уменьшенія рыбы, повторяется и въ другихъ сосѣднихъ рѣкахъ. Рассказъ о томъ — какъ много рыбы было въ Деснѣ еще въ 60-хъ годахъ и какъ мало ее осталось черезъ 25 лѣтъ, см. въ журн. «Прир. и Охота», 1888 г., № 10, стр. 1—52, — «по Деснѣ», Н. Вербицкаго.—А въ нач. XVIII в. не только въ Днѣпрѣ и Деснѣ, но и въ Сеймѣ — водилась еще и бѣла, т. е. одна изъ наибольшихъ рѣчныхъ рыбъ. Васька Годунъ, «рыбалка двору рейментарского, житель с. Пекарева» жаловался въ 1725 г. на своего сотника Троцкаго, что когда онъ, Годунъ, началъ устраивать на Сейму для себя «пазъ» (загородъ въ рѣкѣ для ловли рыбы), то и Троцкій «привязался къ нему сполникомъ быти и успевшиль его не привидти и кошть по половинѣ ложити....». Но кончилось тѣмъ, что кромѣ половины, сотникъ забралъ еще «двѣ билуги и осетровъ 12...»¹⁾.

К — цъ.

*Каталогъ военноученаго архива главнаго штаба. Выпускъ V-й.
С. И. Б. 1893 г., 132.*

Нельзя не отмѣтить за послѣднее время крайне симпатичнаго явленія, относящагося къ дѣятельности нашихъ русскихъ архивовъ: многие изъ нихъ стараются сдѣлать известными свои рукописныя богатства публикѣ и съ этого цѣлью издаются «описанія», «обозрѣнія», «каталоги» и т. п. Всѣмъ известно, какую огромную пользу приносятъ специалистамъ описанія дѣлъ Московскаго архива мин. юстиціи, Святѣйшаго Синода, морскаго министерства. Въ настоящее время это движение захватило даже и провинціальные архивы — мы имѣемъ уже цѣлый рядъ описаній, дающихъ отчетливое понятіе о содержащихся въ нихъ документахъ.

На этотъ же путь вступилъ и главный военный штабъ, начавшій недавно издавать описи своего богатаго архивнаго хранилища. Теперь передъ нами лежитъ уже 5-й выпускъ этого каталога, состоящей изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-мъ помѣщается перечень статистическихъ материаловъ, хранящихся въ архивѣ Главнаго штаба, во 2-мъ — астрономическихъ и геодезическихъ работъ, въ 3-мъ — генеральныхъ картъ

¹⁾ Изъ архивныхъ свѣдѣній.

Россії. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ мы найдемъ не мало документовъ, заключающихъ весьма важныя данныя для исторіи, географії этнографіи и статистики южной Россії—Малороссійскихъ губерній, югозападного края, Новороссії и Харковщины.

Въ виду специального характера «Кievской старины» мы отмѣтили только эти данныя, но прибавимъ при этомъ, что аналогичные источники здѣсь можно отыскать и для всѣхъ остальныхъ областей Россіи.

Въ первомъ отдѣлѣ къ *территоріи нын. черниговской и полтавской губ. относятся слѣдующія материалы:* 1) Топографическое описание Новгородъ-Сѣверского Нам. 1787 г. 2) Топографическое описание Малороссійской губ. 3) Вѣдомость о селеніяхъ малорос. губ. съ указаніемъ числа жителей, уплачивающихъ подати; 4) Краткая выписка о малороссійскихъ народахъ и о запорожцахъ, 5) Статистическое описание б. Українскай линії въ предѣлахъ полт. губ., 6) Подробное описание малор. полт. губ. съ приложеніемъ письма гражданскаго губ. Казаневича гр. Аракчееву 1808 г. 7). Топографическое описание полт. губ. 1818 и 1819 г., 8) Военно статистическое описание полт. губ. (Облеухова), 9) Военно топогр., статистическое описание полт. губ. (и вѣк. др. менѣе важныя рукописи, относящіяся къ полт. губ.), 10) Черниговскаго Намѣстн. топограф. опис. съ краткимъ географ. и истор. опис. Малая Россія 1786 г. 11) особое или топографическое описание Новгородъ Сѣверска 1781 г. 12) Краткая исторія о г. Старицѣ 1785 г., 13) Сокращенное историческое описание черниговской губ. вообще и всякаго города въ особенности 1787 г., 14) Записка о Слободскихъ раскольникахъ черн. губ. 1839 г. 15) Военно-топогр., статист. описание Черниг. губ.; 16) Материалы къ составленію топогр. и стат. опис. Черн. губ.; 17) Описание городамъ, посаламъ Черн. губ. 1809 г. и др.

Къ Юго-Зап. краю относятся: 1) Оффіціальное обозрѣніе имѣнія Синявскихъ въ воеводствѣ русскомъ и Подольской землѣ 1568 г. (на польскомъ яз.), 2) Топогр. опис. Киевск. намѣстн. 1785 г. 3) Тоже 1786 г.; 3) Сокращенное геогр. опис. Киев. губ. 1787 г., 4) Военно топогр. статист. описание Кіев. губ., 5) Топогр. опис. губ. г. Кієва и его повѣта и пѣк. др. 6) Люстрація Летичевскаго староства 1765 г. (на польскомъ яз.), 7) Исторические очерки городовъ Под. губ. 8) Вѣдомость о населенныхъ мѣстахъ Под. губ. 1803 г. 9) Военно топогр. и стат. описание Под. губ. и др. 10) Историческія записки о древней Волыни (Безкорниловича) 1845 г.,

11) Географ. и экономич. опис. городовъ Вол. губ. 1798 г. 12) Вѣдомость о населеніи, евреяхъ, городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ Волын. воеводства 1789 г. (на польскомъ яз.) и др.

Къ Новороссіи—1) Вѣдомости къ атласу Вознесенскаго нам. 2) Описаніе атласа Новорос. губ. 1799 г., 3) Чланъ о Новорос. и Азовской губ., 4) Рапортъ о благосостоянії Вознес. губ. съ извѣщеніемъ о внутреннихъ по губерніи и заграничныхъ происшествіяхъ, 5) Описаніе Екатеринославскаго нам. 1793 г., 6) Тоже 1795 г., 7) Военно топогр., стат. описание Екат. губ., 8) Опис. Екат. губ. 1808 г. и др. 9) Карта Новорос. губ. Елисаветградской пров. съ показаніемъ вновь поселенныхъ въ оной запорожцами слободъ 1773 г. и др. 10) Генеральная карта Тавр. губ., представляющая древнія именованія мѣстъ, городовъ, рѣкъ и пр. 1791 г.; 11) Записка о крымскихъ татарахъ, 12) Топографическое описание Таврическаго нам., 13) Описаніе Таврич. губ. 1807 г., 14) Описаніе Козлова, Маріуполя и т. д.

Къ Харьковщинѣ: 1) Цѣлый рядъ описаний бывшей Українскай линіи, 2) Два топогр. опис. Харьковскаго нам., 3) Вѣдомости по Харьк. нам. о числѣ народа, о суммахъ, 4) Атласъ геометр. планамъ 15 уѣздамъ Харьк. нам. 1790 г., 5) Опис. Слоб. Укр. губ., 6) Описаніе г. Ахтырки съ уѣздомъ и др.

Изъ генеральныхъ картъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) Карту Україны 1650 г. (Бонгана), 2) Собраніе картъ Западной Россіи 1665—70 г. (на франц. яз.), 3) Генеральную карту трехъ малорос. губ. 1782 г., 4) Географ. карту польской Україны 1788 г. (на польскомъ яз.), 5) Карту Малорос. губ., раздѣленной на 20 почтовъ, 6) Карту Новгородъ Сѣвер. губ. съ планами городовъ, 7) Карту Кіев. губ 1797 г., 8) Генеральную карту Кіев. губ., раздѣленную на 10 почтовъ, 9) Атласъ Кіев. губ 1800 г., 10) Карту Под. губ. 1797 г. и 1798 г., 11) Нѣсколько картъ Полт. губ., 12) Атласъ Черниговскаго нам. 1787 со специальными картами каждого уѣзда, 13) Два атласа Новгородъ Сѣверскаго нам., 14) Карту Новгородъ Сѣверской губ. съ раздѣлениемъ уѣзовъ, 15) Атласъ Харьк. нам. 1787 г., 16) Геометрическую карту Слоб. Укр. губ. 1797 г., 17) Карту Слоб. нам., раздѣленную по Выс. учрежденію о губерніяхъ на 15 округовъ, 18) Геометр. карту Харьк. нам., 19) Карту Слоб. Укр. губ. 1802 г., 20) Карту Слоб. Укр. губ. 1794 г., 21) Карту Вознесенской губ., 22) Атласъ Екатериносл. нам. 1790 г., 23) Тоже 1793 г., 24) Карту Екатер. губ. 1808 г., 25) Атласъ Таврич. обл. 1787 г., 26) Тоже

1793 г., 27) Карту части Кубанской степи 1772—1774 г., 28) Карту Азовской и Новорос. губ. 1775 г., 29) Тоже 1778 г. (двѣ), 30) Генер. геометр. карту Азов. губ. 1779 г., 31) Генер. карту Азов. губ. 1782 г., 32) Генер. карту Новорос. губ. 1782 г., 33) Карту, представляющую полуденную страну Рос. Ими. 1783 г., 34) Карту Екатер. и Тавр. обл. 1786 г., (на франц. яз.). 35) Генер. карту Екатерин. пам. 1786 г., 36) Атласъ, изображающій область Озу или Единъ—Очаковскую землю 1791 г., 37) Карту полуденной границы Рос. Ими. 1792 г., 38) Генер. карту Новороссійской губ. 1797 г., 39) Атласъ Новорос. губ. 1799 г., 40) Атласъ новоуріобрѣтенной области отъ Порты Оттоманской и присоединенной къ Екатерин. им., 41) Общую карту губерній и областей, состоящихъ подъ начальствомъ гр. П. А. Зубова, 42) Карту отъ устья р. Днѣстра, по берегу Чернаго моря до замка Гаджибека и по польской границѣ до вершины р. Тилигула, 43) Карту Кубанской степи и Новорос. губ. 1778 г. и мн. др.

Уже изъ этого перечня—а онъ далеко не полонъ—видно, какое огромное количество историко-географического материала для южно-русского края заключается въ Архивѣ Главнаго Военнаго Штаба. Правда, свѣдѣнія о рукописяхъ въ каталогѣ столь кратки и подчасъ неопределены, что по нимъ нельзя составить себѣ ясного понятія о содержаніи документовъ; мы не знаемъ, напримѣръ, ничего объ объемѣ ихъ; во многихъ случаяхъ не указано даже время, къ которому относится памятникъ; но нельзя все таки не выразить глубокой признательности лицамъ, завѣдующимъ военно-ученымъ архивомъ главнаго штаба за изданіе настоящаго выпуска ихъ каталога. Съ появлениемъ его въ свѣтѣ, сдѣжалось ясно, что при серьезной историко-географической работе по истории Малороссіи, Новороссіи и Слободской Україны невозможно обойтись безъ справокъ въ этомъ богатомъ хранилищѣ. Пожелаемъ же, что бы вслѣдъ за 5-мъ выш. послѣдовали и другие.

Д. Багалій.

Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославъ, вѣт. I, составила К. Мельникъ. Кіевъ, 1893 г., V+217 стр., портретъ и XIV табл. снимковъ.

А. Н. Поль (+1890 г.), оцінь изъ видныхъ общественныхъ деятелей нашего юга, среди разнообразной практической дѣятель-

ности, посвящалъ не мало времени и средствъ на собираніе древностей, преимущественно мѣстныхъ. Въ резулѣтатѣ образовалось обширное собраніе, характеризующее прошлую жизнь края въ различныя эпохи. Коллекціи касаются, главнымъ образомъ, южной Россіи и Новороссійскаго края и по нѣкоторымъ отдѣламъ представляютъ довольно полные подборы предметовъ. Въ настоящемъ выпускѣ каталога, послѣ краткаго біографическаго очерка А. Н. Поля, помѣщено описание IX отдѣловъ собранія. Замѣтимъ, что это не каталогъ въ общепринятомъ смыслѣ, а вполнѣ научное описание, составленное съ полнымъ знаніемъ дѣла, со всѣми научными пріемами. Не многія частныя собранія въ Россіи описаны такимъ образомъ, а собраній древностей частныхъ лицъ, если взять даже только южную Россію, найдется не мало; составленіе такого рода научныхъ каталоговъ и можно рекомендовать владѣльцамъ коллекцій, такъ какъ въ виду частныхъ случаевъ уничтоженія послѣднихъ (распродажи послѣ смерти владѣльцевъ, разнаго рода несчастные случаи и т. п.), только такимъ путемъ и можетъ быть, хотя отчасти, сохранено ихъ значеніе для науки.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на каждомъ отдѣлѣ каталога, одни изъ нихъ болѣе обильны и интересны, другіе менѣе; сдѣлаемъ лишь бѣглый очеркъ ихъ.

Первый отдѣлъ занимаютъ древности каменнаго вѣка; предметы, сюда относящіеся, раздѣляются на двѣ группы: кремневыя отбивныя и полированныя каменные орудія; первыя составляютъ нѣсколько отдѣльныхъ коллекцій, набранныхъ на мѣстахъ стоянокъ и мастерскихъ первобытнаго человѣка, между ними есть коллекція предметовъ т. н. древнекаменнаго вѣка, вторыи найдены спорадически. Интереснѣйшая часть собранія описана во второмъ отдѣлѣ—это бронзовый вѣкъ; бронзовые предметы найдены всѣ въ басейнѣ Днѣпра, преимущественно въ Екатеринославской губ., поступали они въ коллекцію иногда цѣлыми кладами; тутъ есть формы для отливки орудій, указывающія на мѣстное приготовленіе ихъ; вообще этотъ отдѣлъ по своей полнотѣ представляетъ рѣдкій подборъ предметовъ. Слѣдующіе затѣмъ отдѣлы расположены въ такомъ порядке: отдѣлъ III—древности греческихъ колоній, главнымъ образомъ, изъ Керчи и Херсонеса. Отдѣлъ IV—скифскія древности; предметы этого отдѣла добыты изъ новороссійскихъ скифскихъ кургановъ, къ сожалѣнію, прежнія записи запутаны, и составительницѣ каталога не всегда можно было точно восстановить мѣсто находки.

Отдѣлъ V—древности книжескаго періода; онъ могутъ быть распределены на три группы: а) предметы съ книжей горы (городище на Днѣпрѣ, близъ г. Канева¹⁾), б) изъ курганаовъ у с. Любомировки екатеринославск., г., верхнеднѣпровск. у., в) предметы, найденныя въ окрестности м. Никополя; кромѣ того, много вещей найдено спорадически. Отдѣлъ VI—предметы запорожской и южно-русской старины; многие изъ предметовъ найдены на мѣстѣ Запорожской Сѣчи. Отдѣлъ VII—предметы, относящіеся къ сравнительной этнографіи; вещи добыты у инородцевъ съверо восточной Россіи, въ Области Войска Донскаго, у Мариупольскихъ грековъ и т. п. Отдѣлъ VIII—оружіе, отд. IX—монеты и медали.

Къ каталогу приложенъ географическій указатель. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ описанными предметами, типичные изъ нихъ помѣщены въ снимкахъ на XIV таблицахъ, сдѣланыхъ фототипіей²⁾. Какъ рисунки, такъ и вообще все изданіе и съ вѣшней стороны исполнено превосходно.

Коллекція А. Н. Поль предназначены къ продажѣ; настоящій каталогъ, благодаря своимъ научнымъ достоинствамъ, дасть возможность пользоваться ими не только теперь, когда онъ еще цѣлы, но и на будущее время; но, во всякомъ случаѣ, желательно было бы, чтобы это богатое собраніе не ушло изъ Россіи, и даже осталось именно на югѣ, какъ собраніе чисто мѣстное; и намъ кажется, что городу Екатеринославу болѣе всего прилично почтить память А. Н. Поля, такъ много сдѣлавшаго для края, пріобрѣтеніемъ его коллекцій въ общественную собственность.

Н. В.

¹⁾ Въ общемъ очеркѣ древностей Книжей горы сказано (стр. 105), что предметы этого городища, начиная съ каменного вѣка, простираются до времеѧ козацкихъ,—насколько намъ известно, послѣдняго рода предметовъ на Книжей Горѣ найдено не было.

²⁾ Укажемъ на опечатки, которыя могутъ затруднить пользованіе таблицами въ IV отдѣлѣ (скифскія древности), предметы за №№ 180, 195, 196, 199, 207, 222, 225, 227, 237, 238, 240, 241, 242, 244 и 245 изображены не на VIII табл., какъ указано въ каталогѣ, а на IX.

шой романъ изъ области будущаго А. Лемана; „Ариасмаги“—фантастический романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничного разбойника)—рассказъ Ф. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ средніазіатскихъ окраинъ)—рассказъ В. Губаревича; „Морфинистка“—рассказъ А. Зарина; „Мірська дівочанка“—рядъ рассказовъ В. Желиховской; „Ліаллапуты“ (тайны микроскопического мира)—научный романъ А. Бленара; рассказы проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (рассказы изъ исторіи крушений судовъ нашего военного флота)—Мораки (псевд.); „Тайны алхимія“—Очерки Н. Цавловича; „Письма изъ Африки“—Г. Сенкевича; „Сграна чудесъ“ и „Въ царства Рулетки“—рассказы изъ путешествій С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“—очеркъ С. Донского; „Оорочоян“ (вымирающее пламя)—этнографический очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“—очерки послѣдняго путешествія д-ра А. Елисеева; „Очерки изъ путешествій по Абиссиніи“—известнаго путешественника В. Машкова; „Семь церквей Апокалипсиса“—В. Желиховской; „Столицы міра“—рассказы С. Доуссаго; „Пляцы“ и „Сатурнъ“, его кольца и спутники—очки проф. С. Глазенапа; „Другъ человѣка“—большой очеркъ д-ра зоологии А. Никольского; „Ящерицы, плачущія кровавыми слезами“—В. Максимова; „Чтевіе мыслей“—П. Соловьевъ; „Воля“—П. Успенскаго; „Черезъ сто лѣтъ“—очеркъ Б. Биттера; „Живая машина“—очеркъ И. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метерсологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, хімії, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйству, по отданью „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытияхъ; полезные советы и рецепты; фокусы и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимають участіе художники: Казанцевъ В., Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Ціотровичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. И., Соколовскій Э. К. и друг.

Подписанная цѣна на ежемісячный журналъ „Природа и Люди“ съ приложениемъ 12 книгъ „Полезной бібліотеки“:

Безъ доставки 4 руб., съ оставкой и пересылкой 5 руб., заграницу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остатки.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ виѣ, со всѣми приложеніями, — 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплѣтѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подпись принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздовъ—Издатель П. Сойкинъ.

Доставившему подпиську на десять экземпляровъ 11-ый безплатно.

1—3.

Субота. 22. Сего дня рано выехали зъ Сваркова и пріехали до города на службу, и у ясневельмож обѣдали. У господаря отобрали купчую отъ полковника Оболдуева данную, тако же купчую отъ Коваленка на поле и третью отъ есманского чловѣка на дворъ, а ему далъ розискъ въ Сварковѣ чинившійся 1719-го году о Клевенѣ, Яремою Омеляновимъ бурмистромъ и Савою Матвѣевимъ, для индукования до книгъ. Ездилъ до Количова и оттоль до церкви Михайловской на вечерню. Буцилисмо дворъ у ІІїевчиhi, близъ лазнѣ нашей городовой, за 14 р. и 50 копѣекъ.

Неделя. 23. Срѣбрнскій сотникъ¹⁾ сказывалъ о нашемъ нещастію нѣякомъ. У подполковника Количова были крестини сынови его новорождшагося. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, преставился подъ карауломъ. Полковникъ бувшій нѣжинскій Петъръ Толстой зъ женою своею Уляною Ивановною, зъ синами Александромъ и Иваномъ и дочерю Настасіею, выехали зъ Глухова по указу, которихъ зъ ясневел. опроважали до Толстодубова, а ночевали отъ Глухова верстъ за 7. Войть глуховскій Александръ Иванов. женился на Карписѣ пороховничцѣ.

Понеделокъ. 24. Тамже на вчорайшомъ ночлѣзѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ переехавши Есманъ, отъ Глухова въ 14 верстахъ отстоящее село, пріехали до Толстодубова, где и заночевалисмо, а Толстодубовъ отъ Есманѣ въ 13 верстахъ отстоитъ. Войть Александръ вчора женившійся, померъ нечаянно.

Вовтор. 25. Сей день тутъ же простоялисмо увесь и съ нами капитанъ Петъръ Михайл. Чертозскій, которому велено Толстого до границы опроводить и вислатъ, и тамъ же заночевалисмо.

Середа. 26. Сего дня на томъ же ночлѣгу обѣдалисмо. Простились зъ Толстимъ и его женою, они поехали въ свой путь, а мы все возвратились домой, въ разлученіи ясневолможная омѣла была, заледво водкою тунгарскою (венгерскою) оную посилили. За поворотомъ моинъ, увѣдомилъ я, что куріоръ былъ въ Глуховѣ зъ С.-П.-бурху, чрезъ которого вѣстно учнилось, что дѣла мало-

¹⁾ Троцкя.

российские перенесены въ колегію иностранныхъ дѣлъ и что для избранія гетмана едеть Салтиковъ сенаторъ сюда, а въ резиденти Наумовъ.

Четвер, 27. Лозовскому на покупку 100 дощокъ и 50 куфъ въ 10 носатокъ мѣрою далъ 4 р. и ему же купить 50 квартъ алѣи на постъ Спасовъ казалъ. Юдко жидъ принюсь потребки до двохъ кунтушовъ и тясму зъ кутаси де трости, за что ему даль 5 р. съ полтиною Вѣжевской. Писалъ до родителя о тутейшомъ поваженню и опредѣленіи порутчика Щоголева въ Шабалиновъ для слѣдствія о перевозѣ Указъ зъ тайного верхового совѣта въ колегію малор. принесенъ отобрать отъ ясневелможной диплонъ и привилея. Обѣдалисмо у ясневел. и съ нами Миклашевскій зъ панею своею Степанъ. По обѣдѣ ездилъ до степана Миклашевского, а потомъ зъ ясневел. былъ у Копелева и оттолъ у брекадира и у ясневел. вечераль. Купилъ на мѣстѣ кляпсидру за 5 а., спальню лазобную за 4 гривни, зеркало за полкопи. Романъ не молодикъ пріехалъ зъ Ромна, зъ котораго донесенья такожъ и зъ листу Якова Дуброви увѣдомилъ, что 1) въ Плавиницахъ медвѣдь убилъ 5 чолов., а осталось цѣлой зъ роями 40; 2) о шинкарѣ Денису Роменскому который хочетъ зъ двора нашего вийти, а погодно платить по 6 р.; 3) коней прислано сюда 12 непродажныхъ, а опрочъ тихъ два воронихъ бѣлоногихъ; 4) а продали 5 коней, а товару 6, вовни рунъ 550, за все взято грошай 388 зол. и полъ 9 шаг., у господара роменского было 130 зол. Архицомъ данныхъ, итого всѣхъ тамъ въ Ромнѣ пріемныхъ грошей нашихъ было 518 зол. и полъ 9 шаг. зъ того числа послалъ Яковъ до стар. Сухонос. на сѣно 300 зол., а на покупки розійшлось 68 шаг.; 5) господарь тамъ удержалъ у себѣ 30 зол. для найму воловиковъ до двора годовихъ, а решту 120 зол. привезъ сюда Романъ и покупки: юхъ 2, кагвеполь 2 фунта, родзѣночь полъ пуда, паперу полъ рази, киндяковъ зеленихъ 5, рижу фунт. 15, цукру голову, тютюну тур. око, имбрисъ вел. на чай мѣдній 6) зъ Сухоносовки прислано вовни въ Ромнѣ, по ищисленію Романа, 624 рунъ, а бранки 150; по писму Плетюнки недолѣчились

простой 6, а бранки 18 рунъ. Вѣжевскому ключнику дасть 10 р. рибнихъ, що и въ его реестрѣ прописано. Астровскій пошъ пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листомъ отвѣтнимъ до мене п. Якова Полуботка, до которого знову писалемъ.

Пятокъ. 28. Сего дня ездилемъ рано до ясневел., а оттуду знову назадъ повернулся. Вѣжевскому Романъ 24 р. отдалъ, которіе зъ собою привезъ.

Субота. 29. Сего дня рано ездилемъ до правителей, оттолъ у церкви ст. Анастасіи службы Божіи вислушавши, обѣдалемъ у ясневел. Куріеръ зъ повѣсти г. Волкова пріехалъ сего дня, чтобъ генераль маюръ Веляминовъ съ поспѣщеніемъ ехалъ въ С. П—бурхъ. Ассесоръ коллежскій Волковъ приходилъ къ ясневелможной передъ обѣдомъ отъ коллегіи зъ таковимъ предложеніемъ, чтобъ не требуя къ себѣ зъ коллегіи указу, выдала грамоту на маєтности всѣ жалованную и того же часу выдала, якую при немъ, Волкову. Яснополскій и отнесъ въ колегію, и отдалъ. Капитанъ Бранчанинъ здешнего гвардізону по указу отписалъ домъ гетманскій, а другую половину того же двора, купленную отъ ясневелможной, оставилъ при ней. Милемъся въ лазнѣ, а потомъ вечералемъ у п. судіїной, зъ ясневелможною.

Неделя. 30. Сего дня кушалемъ у ясневел. Волинскій и Романъ отправлени въ Ромент; Волинскому дапъ приказъ въ 17 пунктахъ, о устроеніи шинковъ, побытту почли самой подлой, виготованію поля, большого противъ прежнега, на жито и сѣна, та-жѣ везде по футорахъ и винравѣ гротей зъ шинкарей, а осо-бливе въ Лохвицѣ, о млинѣ подолянчиномъ, чтобъ оний быль стор-гованъ, о спробованію умолоту пашнѣ и о протчемъ, а черезъ Романа до родителки при письмѣ посланы 10 кущиковъ лілѣи и бандура для направки. Лизогубъ Семенъ присилалъ къ ясневел. сотника срѣбранскаго зъ объявленіемъ своеї поволности съ проше-ніемъ кулбаки и шаблѣ, що ему черезъ Кондзеровскаго и отослано.

Понеделокъ. 31. Сего дня кушалисмо у ясневел., куда и о. Мойсій явился, оправдавшій сестру Уляну Івановну за Сѣвскъ. У Шевчихи Алексѣихи, близъ солодовника Степана, купилисмо домъ

за 14 р.; на что и купчая зъ ураду тутейшого за подписаніемъ атамана и бурмистра дана. Ходилемъ зъ Яснополскимъ господаремъ и Александромъ вина вендерскаго у Щибулскаго осматривать, которое по 20 р. анталь продавался.

Мѣсяцъ августъ. Вовторникъ. 1. Сего дня швабскаго полотна на 2 касани купилъ Вѣжевскій мнѣ 13 аришинъ, по 13 шаг. Писма зъ Ромна принесени отъ князь Мих. Михай. Голѣцина до ясневел. и до род. зъ обѣщаніемъ показованія благодѣянія писанніе, отъ род. ко мнѣ о томъ же. Архипъ явился и показалъ о себѣ, что отъ его по облѣкахъ всѣхъ данныхъ ему 4 великихъ, а пятымъ малимъ доводилось всѣхъ грошей 204 р. и 20 к., а отдалъ Вѣжевскому 54 р. съ полтиною, Кулику 40 р., господареви Роменскому 20 р. да другимъ разомъ 26 зъ полтиною, итого въ отдачи 150 р. а доводится еще отдать 51 р. да 20 а.

Середа. 2. Сего дня ездилъ я до млина Радионовскаго, где собранной видѣль пшеницѣ полубочковъ 6, да жита около четверика и болше. Сторговалъ господарь лѣсъ на вирубъ за 7 р. зъ 10 а. у мужички баницкой вдови и задатку Вѣжевскій далъ оной 4 р. и 10 а. $\frac{1}{4}$, а 3 р. потомъ мѣютъ отдатись безъ 2 гривенъ. У вечеру былемъ у ясневел., где тако жъ были генералша Веляминова зъ дочерю и Семенъ Лизогубъ.

Четвер. 3. Службы Божиѣ слухалемъ у ст—ихъ Анастасій, а обѣдалъ у дворѣ и зъ Александромъ виторговалемъ вина вендерскаго столового анталь за 8 червонихъ и рубля. Романъ, стар. тулиголов., пріехалъ и сказалъ, что нажалъ жита 180 коп., а умоловно такъ зъ 7 копъ взялъ 5 четвертей; а пчоли всеей 34. У вечеру повернулась зъ двора жена моя. Х. получили 7 р. бы.

Пятокъ. 4. Сего дня протопопъ глух. приходилъ о Гурію и поповичу разговаривать.

Субота. 5. Коммунѣковалемъ сегодня, а обѣдалемъ у себѣ. Писмо отъ п. Михайла зъ Сорочинецъ получилемъ зъ требованіемъ присилки дѣнегъ и баранковъ. Писмо получилемъ отъ родителя, что родителка вчорась виехала зъ Ромна къ Глухову, а будетъ завтра у мутинской

пустинцѣ, куди и я, зъ Глухова поехавши, пріехалъ на ночь въ Ярославець, где и ночовалемъ.

Преображеніе. Неделя. 6. Сего дня рано зъ Ярославца поехавши, пріехалъ передъ службою Божою въ пустинку Мутинскую, где и родителку засталемъ. Пообѣдавши тутъ и до вечора забавивши, пріехали на ночь въ Камень. Получилемъ писмо отъ стар. перер., что неучинено комисаровъ полегки жадной въ тяжести за неизмѣрно наложеніе порцви чинячойся и что збѣгшій мужикъ Коркушка не повернулся до сихъ часъ въ село.

Понеделокъ. 7. Сего дня отправилисмо писма въ Роменъ до род.. зъ вѣдомостми, о которихъ ниже будеть и до сотника роменского, чтобъ онъ переслалъ листъ до Волинскаго писаннаго о частомъ его отзываніи, о нарванню орѣховъ доволнаго числа на олѣй и чтобъ старался полегку учинить въ Перервинцахъ. Обѣдалисмо тутъ же и съ нами Іваниха лубенская и тютка Огіенкова а по обѣдѣ, поехавши черезъ Ворголь, пріехалемъ въ Глуховъ и былъ у ясневелможной, и позно уже въ свой домъ пріехалемъ. У Ворглѣ видѣль я слугу Степана Миклашевскаго повернувшагося зъ Гиляни, который въ юнѣ м-цѣ виехалъ зъ Астраханѣ, где еще людей моихъ оставилъ зъ судномъ. Увѣдомился я, что Семенъ Лизогубъ писалъ до ясневелможной, упоминаючись подѣлу поровной половиной части зъ сестрою Уляною.

Вовтор. 8. Сего дня рано ездилъ я до Семена Лизогуба зъ Кондзевскимъ для разговору въ інтересѣ ясневел., а потомъ и въ другій разъ по обѣдѣ зъ таковимъ приговоромъ, чтобъ его женѣ третая чаетъ по смерти ясневел. недвижимаго имѣнія была выдѣленна, а о движимомъ имѣніи, далъ бы онъ реестръ чого требуетъ, а такъ онъ подаль реестръ зъ запросомъ липнаго, а надъ все червонныхъ 10000, чего ради ему ясневелможная отказалася. Помянутый Семенъ Лизогубъ, тако жъ сотникъ срѣбранскій Троцина и стародубовскій Галецкій поехали въ С.-П.-бурхъ зъ чоловитними отъ полковъ благодарственными до двору монаршаго. Левенецъ пріехалъ и сказалъ, что князь Михайло Михайловичъ Кголѣціанъ поехалъ въ С.-П.-Бурхъ прошедшаго юля 30-го числа почтою. Роди-

телка пріехала въ Глуховъ и купио всѣ обѣдалисмо у ясневел. Принялъ до себе на службу поляка, прозиваемаго Зеленскаго.

Середа. 9. Сего дня получиль я писмо отъ Василя Дорошенка зъ Астрах., 16-го апр. писанное, о тамошнемъ ихъ новоженню. Въ присланныхъ зъ С.П.Бурху газетъ отъ 23-го июня вѣдомо учинилось, что его императорское величество, подъ часъ первого своего присутствія въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, показалъ общенародно милосердіе свое въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) положеніе за прописку при переписи людей и крестьянъ мужеска полу душъ денги сложить; 2) въ Малой Россіи ко удовольству тамошнаго народа учинить, по прежнему обыкновенію, гетмана и прочіихъ генеральну старшину, во всемъ по содержанію пунктовъ, на которыхъ сей народъ отъ начала въ подданство россійской имперіи пришелъ; 3) соль, которая чрезъ нѣкоторое года въ Россіи продавалась ись казни императорской, отдать для всенародной ползи въ волний торгъ по прежнему, со взятиемъ пошлины; 4) вотчинной коллегіи со всѣми дѣлами быть въ Москвѣ; 5) торгъ сѣбирскій соболѣной и другихъ заповѣдныхъ товаровъ, которое прежде сего ись казни императорской продавались для всенародной ползи, отдать въ волную торговлю съ платежемъ пошлины. Юля отъ 7-го дня его цесарскаго величества римского полномочнаго министръ и посолъ графъ Рабутинъ, обрѣтающійся въ С.П.Бургѣ, свѣтлѣйшому герцогу, генералиссимусу, реихсмаршалу и многихъ орденовъ кавалеру князю Александру Даниловичу Меншикову объявилъ: получилъ де онъ отъ его цесарскаго величества римского своего государя указъ, чтобы его свѣтлости донести, что его цесарское величество римское его свѣтлѣйшаго князя пожаловалъ въ Силезіи лежащее герцогство Козель съ принадлежащими и на оное герцогство потребный дипломъ пріится въ скорости; а въ писмѣ его цесарскаго величества римскаго къ свѣтлости написано: высокорождennий любезный дядя и князь. Любовь ваша маѣ черезъ своего аютанта въ своемъ присланномъ писмѣ писанномъ въ С.П.Бурхе мая 8-го, печальнуу о временномъ отшествіи блаженной всероссійской самодержицы Екатерини Алексеевни моей во время жизни дружболябезнай сестри, тако жъ и bla-

гопріятную вѣдомость о восприятіи по ея любвѣ послѣдней диспозиції россійскаго престола моего любезнаго племянника и родственника нинѣ государствующаго любвѣ обявилъ, и яко первій случай мнѣ дѣйствително къ сердечной печали побудилъ, тако о другомъ полное имѣю доволствованіе, ибо чрезъ то не только наслѣдіе въ Россіи къ радости увеселенію и удоволствованію всѣхъ обивателей наступилъ, но и между нами предъ краткимъ временемъ учиненій союзъ въ прежнемъ своемъ существѣ истинно сохранено и укрѣплено, о чомъ мнѣ тамо обрѣтающійся мой полномочній министръ и посолъ графъ Рабутинъ доносилъ, что сіе дѣйство предъ многими временемъ отъ любвѣ вашей происходило, за что вся Россія къ вѣчному благодаренію вамъ обязана пребынаетъ, а я также чувственное причастіе въ семъ восприемлю, чего для любовь ваша отъ сего времени во всемъ, что къ удоволствованію и возвишенію вашему къ фамилїи вашей быть можетъ, на мене изволте быть благонадежни, яко же графъ Рабутинъ о семъ пространно изяснилъ, а я дядевскою склонностію, імператорскою милостію и желаніемъ вамъ всего благаго постоянно благосклоннимъ пребываю. Данъ въ Вѣнѣ. юня 1727-го году. Карлъ.

Принялъ на службу молодика, родомъ зъ Воронѣжа, Василя Басѣтенка. Писалъ писма: 1 до род. и указъ въ дѣлѣ ясневел. приложенъ, а 2 писмъ до Несторовича и до господара ромен. о зѣбѣшомъ служцѣ Савцѣ, чтобы его зъ Ромна въ колодкахъ прислали сюда.

Четвер. 10. Сегодня службы Божій у ст. Анастасіи слыхалъ и тамъ же во дворѣ обѣдалъ. По обѣдѣ ездилъ до Сваркова, где будиноекъ обмазованъ и имбаръ глиною намазованъ былъ зъ середини, а пріехалъ оттуду позно въ Глуховъ. Получилъ писмо отъ швакгра и. Якова Полуботка и цедулу, что Андрѣй швакгеръ въ Чернѣговѣ къ ему брату своему пріехалъ на ночь, а не увидѣвшись, скоро свѣтъ, знову отехалъ въ Кувѣгичи и что къ нему очинъ досадно писаль и же поехалъ въ Кіевъ сказиваль его слуга либо отдавца.

Пятокъ. 11. Сегодня писалъ въ отвѣтъ до и. Якова Полуботка на дѣстъ его, обявляя и свой жаль, что ко мнѣ швакгеръ

п. Андрѣй ничего не писалъ отвѣтно, до которого я отзывался въ моемъ интересѣ и жени моей.

Субота. 12. Сего дня службы Божіи слухалисмо въ Анастасіи и во дворѣ обѣдалисмо. Жену мою въ колясцѣ кони носили, а машталѣра побыли велми. Былъ у мене Кутневскій, а потомъ почепскій и ямпольскіе управители.

Неделя. 13. Сего дня службы Божіи слухали у ст. Анастасіи и тамъ обѣдали во дворѣ. Писалемъ писмо до архиеря бѣлагор. Тихорского, которій сюда до ясновел. писаль пастирско утѣшающи. У вечеру просидѣль у Кошелева, куда Количовъ и Волковъ прѣехали.

Понедѣлокъ. 14. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до ясневел. брегад. и въ лазнѣ Кондзеровскаго мился. Архину положилемъ строкъ до 1-го ноевр. всѣ гроши стягнуть, который въ разговорѣ обявилъ, что Гаврило принялъ грошай 184 р., 8 гривень и 5 копѣекъ.

Успеніе. Вовтор. 15. Сего дня службы Божіи слухалисмо у ст. Анастасіи, а у насъ обѣдалисмо и яsn. Александръ Левицкій поехалъ въ С.П.Бурхъ, черезъ котораго писалемъ до проосвященнаго архиеря Новогор. и ему же далемъ 7 р., на покупку млинка на кофѣ, чаю фунта самого доброго и замочки круглого маленького.

Середа. 16. Церковь бѣлоноловская Покровъ Пресвятой Богородицы згорѣла. Куріоръ зъ С.П.Бурху прїехалъ и привезль писма отъ старшини енер. до правителей о состоявшемся милосердіи его императ. в-ва надъ Малою Россіею обявляючое, да онъ же сказывалъ, что обехалъ г-на Наумова у Вишнаго Волочка, сюда єду-гого для избранія гетмана. Получилъ я писма зъ Ромна отъ род. и брата Марка, зъ приложомъ писма Грановскаго, писара пол. нѣжинскаго, взгляdomъ садовника писанний, чтобы по оного подводу послать для подняття его.

Четвр. 17. Сего дня купила род. анталь вина за 25 р. Висхала род. зъ Глухова, которую мы обою опровожалисмо и недоежджаючи Ярославца заночовали.

Пятокъ. 18. Сего дня разлучился я рано зъ родителкою, а жена моя при оной осталась и поехали они до Каменя, а я про-

брался черезъ Дунаецъ до пасѣкъ уздицкой. Въ пасѣцѣ всея, ичоли по осмотру показалось 224, убыть приказаль я 36, а подрѣзать 80, а въ рештѣ остается на зиму ичоли 188. Оттуду поехалъ я до фуртора Калюжновскаго, где увѣдомился о накошенныхъ 50 возахъ сѣна тамъ же и 406 копахъ жита нажатихъ. Пріехалъ на ночь въ Сварковъ, когда конь п. Михайла носилъ мене, и нечовакъ тамъ.

Субота. 19. Сегодня рано пріехалъ я зъ Сваркова въ Глуховъ быль у церкви ст. Анастасии и во дворѣ обѣдалъ. Савку младика зѣвшаго моего привезено зъ Ромна въ Глуховъ, которому за зѣбгъ учинено наказаніе. Да получилъ я писма зъ Ромна отъ род., отъ брата Марка и Несторовича повѣхно писаніе и писмо отъ Волинскаго о его бытности въ Перервинцахъ и проч.

Неделя. 20. Сегодня службы Божиѣ слыхалъ у Михайла, а обѣдалъ во дворѣ. Хлопецъ мой Василецъ ушоль въ ночь до Гудовича, за которимъ всю ночь ездили Вѣжевскій, Тарасъ и Петро Кухтикъ, а зде ходили клюпникъ Климъ зъ Кухтиками. Быль я рано у брегадира; по обѣдѣ у Попова, Количова и и. Федоровой Савичевой и у Кошелева. Слуга п. Михайла Процко пріехалъ зъ Сорочинецъ отъ пана своего зъ родиннѣмъ зваромъ, что Богъ ему далъ сына Ивана, который родился 9-го августа. Онъ же привезъ писмо отъ брата Семена, что родитель на спину и бокъ правий боленъ на колку. Вѣжевскій осталніе 11 р. взялъ у брата Федора Юрченка.

Понеделокъ. 21. Сегодня рано быль я у брегадира, где и зъ Гудовичемъ видѣлся и говорилъ о хлопцю, которого онъ видать не хочетъ. По обѣдѣ быль у генералшѣ и сотнички глуховской, которыхъ именинницами Васси поздравлялъ.

Вовтор. 22. Сегодня обѣдалъ я у себѣ, а со мною Холодовичъ, сотникъ воронежскій, Ударъ, Карпъ Огіевичъ и дѣти. По обѣдѣ виправилъ Удара въ Роменъ и черезъ него писалемъ до род. о повоженю и хлопцю Гудовучомъ отнятому, до родителки о заплаченномъ мною анталѣ за 25 р., до братовъ Семена объ Удару, а Марка—о Савцѣ и чтобы озвѣмилъ о здоровью родителскомъ.

Вечоромъ ездилемъ до брехадира, где у Гудовича упоминалемся объ хлопцю. Пріехалъ канцеляристъ Романовичъ зъ С.П.Бурху, обехавшій г. Наумова въ Москвѣ, который сказивалъ, что Наумовъ будетъ сюда жъ въ сентябрѣ и гетманомъ устроенъ будетъ въ Глуховѣ панъ полковникъ миргородскій и старшина вся; онъ же говорилъ, что въ Сенчѣ сотникомъ устроенъ Милорадовичъ, синь полковничий. Далемъ Вѣжевскому грошей 30 р., зъ которыхъ даль и эть давнѣйшихъ господару 25 р.

Середа. 23. Сего дня быль я у ясневелъ, а по обѣдѣ быль у мене Романовичъ, тако жъ Левенецъ и сотникъ глух. Романовичеви далемъ въ позику будку свою зехать до Сорочинецъ, черезъ кото-рого писалемъ до родителя и пана Михайла Скоропадского. Получилемъ зъ Ромна писма отъ брата Марка, Романа Волинскаго, а отъ Котлубая о томъ, что 40 таларовъ не доправилъ только на должникахъ, неимѣющихъ що отдать.

Четвер. 24. Сего дня быль я у церкви с. Анастасіи на службѣ Божій и въ дворѣ обѣдалъ. Посланы дѣвка Прюска и Тарасъ до Ромна для забраття иѣкоторихъ рѣчій. Ей же и не-чатка моя сталная дана и черезъ ихъ писалемъ до род. и Волин-скаго о господарскихъ дѣлехъ. Потомъ писалемъ до Котлубая, от-вѣтуючи на листъ его писанній (что виправилъ онъ всѣ гроши, только 40 талар. недоправилъ), же должниковъ самихъ на отслугу озметь, только бы на ратушу приговорено годъ почему имъ служить, о томъ же и чтобы увѣдомилъ, почему тамъ пашня и медь про-дается, и о наймѣ паробокъ писалемъ до Романа.

Пятокъ. 25. Сего дня быль у мене Кутневскій, Федоръ Са-вичъ, сотникъ Холодовичъ, Заруцкій попъ. По рощоту показалось зъ родителскихъ реестровъ: оставленного въ Астраханѣ 1724-го году, тютюну пашушъ 16605, а по реестру Демяна продажномъ напушъ 10800, недостаетъ до полного числа 5805, винявши зась кромѣ продажи розийшовшійся тютюнъ 270 напушъ, останется 5535, По порахунку Якова Дуброви, въ семъ году мартѣ м-цѣ бывшомъ, показались шинкари въ долгахъ, а именно: роменскій шинкарь Денисъ виненъ 357 зод, и йшаговъ, лохвицкій шинкарь

Петро Тихоновъ 217 зол. шаг. 6 и надъ тою 15 коп., итого всѣхъ 255 зол. и 2 шаг., лубенскій шинкарь Артемъ виноватъ 129 зол. и шаг. 8. Summa 742 зол. и 5 шаг. Забара войть и шинкарь сварковскій виноватъ 24 р. и 4 гривни.

Субота. 26. Сего дня рано были мы зъ Левенцемъ у брегадира и поздравляли его имениницею Наталіею Алексіевною, сестрою его величества, потомъ на службѣ Божой у Николая и на молебнѣ, гдѣ и съ пушекъ стреляно. Обѣдалемъ у дворѣ. Хлопецъ мой другій Федорецъ ушолъ.

Неделя. 27. Сего дня службы Божой слухалемъ у сг. Анастасіи, а обѣдали во дворѣ, где у ясновел. обѣдали генералша, Количова, Кошелева, Волкова Василиса. Хлоцца привель Климъ ключникъ Федорця знову.

Понеделокъ. 28. Сего дня въ дому кушалъ. З т. зложилемъ въ библіотеку въ едень взялемъ; зъ мѣшка вилѣчилемъ 30 р. Вѣжевскому на заплатку господареви, 20 р. за медъ, пудъ по 40 а., а пудовъ 13. Былъ у мене Милорадовичъ, зъ С.П.Бурху прѣхавшій въ сотники въ Сенчу. У вечеру начала быть во мнѣ алтерація и черезъ всю ночь держала мене.

Вовтор. 29. Сего дня зъ дому никуда новиездилъ. Подалемъ явочное чолобитте въ вой. енер. канцелярію за хлоцца моего Василца, которого Гудовичъ принялъ, невидаль, а въ немъ убитку мнѣ учинившагося въ оной чолобитной прописанного, именно: за убійство отцемъ его учинившееся 24 р., за учение 15 р., да захваталь хлопецъ утекомъ своимъ вещей на 10 р., неотшукано 30 чет., а кромѣ тихъ 49 р., всѣхъ 109 р.

Середа. 30. Былъ на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а кушалъ въ дворѣ. Повернулся Ударъ зъ Ромна и привезль писмо ко мнѣ отъ родителя зъ приложеніемъ писомъ урадовимъ на хлоцца Василца давнимъ 721-го году, сент. 4-го дня; за нимъ же и дѣвка Проска прїехала въ Ромны зъ вещми. По реестру войта свар. Забари показалось, что новогребелскіе люде полемъ сварковскими завладѣвшіе, того жъ поля большую часть другимъ людямъ на сторону заставили, а нѣкоторимъ продали, а именно: 1) Івана

Халка новогреблскаго поле, подъ Черневомъ на 50 копъ, подъ попомъ Страфаномъ нива копъ у 30, у козака Медведя Ивана нива копъ на 20, за 9 копъ заставлена, у винника гетманскаго Дениса подъ Хомомъ копъ на 50, Федоръ Юрченко купилъ ниву зъ цѣлиною на 100 копъ, за 8 р. Якубъ подъ мѣстомъ заставлена за 8 копъ, подъ Сухимъ Дубомъ на 40 копъ, въ той же руцѣ заставлена виннику гет. Денису нива за 5 р., еще ему жъ заставлена нива за 9 копъ. У Тума Оробенка у середной руцѣ на 50 копъ, въ его жъ въ третой руцѣ, подъ Черневомъ, на 80 копъ, 2 нивы заставлени, една Оробенку Василю, другая Ігнату Сердюченку за 5 коп., у Василя Оробенка, Сипливого новогребелскаго, поля подъ Заруцкаго рукою, копъ на 40, у середней руцѣ также на 40 копъ, того жъ Сипливого подъ Черневомъ на 50 копъ. Лоевскій, атаманъ сорочинскій, отъ пана полковника мир. пріехалъ для квартери его персони, а негде инде только зде у нась. Королевецъ городокъ, въ которомъ о 1-мъ сентябрѣ. большій отъ всѣхъ бываетъ ярмарокъ, кгорѣль, церковь храмъ Богоматере згорѣла жъ, кромѣ святителя Николая, въnochъ пожаръ быль.

Четвер. 31. Князь Иванъ Юревичъ Трубецкій, зъ Киева въ С.П.Бурхъ слѣдующій, пріехалъ въ Глухонъ. Сторожъ роменскій пріехалъ зъ Ромна отъ род. и привезъ писмо и 25 р. за вина анталь, и на кафанъ мнѣ матеріи б локоть, чтобъ еще столко жъ въ Королевцѣ прикупить. Да тотъ же сторожъ привезъ мнѣ писмо отъ Волинскаго зъ Лохвицѣ, 29-го август. пущенное, въ якомъ пишетъ, что на Кривой Рудѣ по 20-е число августа сѣна было скирть 55, а въ въ Перервинцахъ 40, гдѣ еще готовится, жита занято въ Сухонос. 105 копъ, у Перер. 150, на Кривой Рудѣ 78, въ Сухоносовкѣ на степку жъ сѣна стало скирть 18. У князя Трубецкаго была ясновел. и я при ней, который стоялъ наметами въ полѣ, передъ дворомъ п. Федора Савича Писаревича. Отъ Петра Петровича Толстого пріехали до ясновел. Сенковъ да Алексѣй Михайловъ, людѣ его.

Мѣсяцъ Сентябрь. Пятокъ. 1. Сего дня принималъ я лѣкарство пургуюче и vomitorium зъ немалимъ дѣйствiемъ. Вина лутшаго уже 16 бутылокъ взялъсмо зъ антала.

Субота. 2. Сего дня рано зъ отцемъ Никифоромъ булисмо въ церквѣ святого Михайла и виняли депозитъ зовсѣмъ згнилий. Вѣжевскій и Петро кухарь, имъ Вѣжевскому 2 р. и гусарку астраханскую легкую далъ я, такъже 2 р. и Петру. Обѣдали у мене Левенецъ, Лоевскій, Романовичъ канцеляристъ По обѣдѣ ездили я въ городъ и былъ у ясневел. и господара Яснополскаго, а передъ вечоромъ поехалъ на ночь въ Тулиголови.

Неделя. 3. Сего дня поехалемъ рано зъ Тулиголовъ и пріехалимъ на обѣдѣ въ Кролевецъ, где и обѣдалемъ зъ п. Павловою и Іванихою Радионенковою; по обѣдѣ ходилимъ по ярмарку и видѣлемъ погорѣлое мѣстечко едва не все.

Понеделокъ. 4. Сего дня тутъ въ Кролевцу пробавилемъ, покупки нѣкоторіе споражающи, которихъ особливий приложенъ реестрикъ.

Вовтор. 5. Сего дня виехалемъ рано и пріехалимъ до Тулиголовъ на обѣдѣ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалимъ на ночь въ Глуховъ, где Бурковскаго у себѣ засталемъ. Получилемъ писма чрезъ Тараса зъ Ромна отъ Романа, что зъ шинкаремъ роменскимъ Денисомъ, задолжившимся намъ на 70 р., поручилась августъ 31-го Марія Хиросяха зъ синомъ своимъ Гавриломъ, теща его, что онъ Денисъ на каждый ярмарокъ виплачиватись будетъ въ Ромнѣ по 6 р., а еслиби где онъ ушолъ неуплати, то за то тое они отбувать повинни. Онъ же Романъ пишетъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ убилъ ичоль 16 и взялъ толко одно вѣдерко меду, а оставилъ на зиму ичоль 22. Другое писмо получилемъ отъ Якова, что писалъ къ нему стар. Сунонос., жебы онъ приславъ грошай 20 р. косарамъ за сѣно, якого уже готоваго 80 скиртъ, а на 20 кошнаго. Пріехалъ Соколенко отъ родителя зъ нѣкоторими рѣчами для обсилки.

Середа. 6. Сего дня службы Божіи слухалисмо у судейской церквѣ и у судіной по службѣ были, а обѣдалисмо у себѣ и съ нами сотникъ глух. Левенецъ, Добронизкій, Лоевскій, Пироцкій, судіна, сотничка. Отправилемъ Данила Соколенка въ Ромень зъ писмомъ до род., до Зaborовскаго объ увѣдомленїи мене о людяхъ моихъ, до

Романа о посылающихъ З-хъ куфахъ гор., якую ему Соколенку, заехавши въ Тулиголови, взять належить, о чомъ и до стар. Тулиголов. писано. Еще жъ писалемъ до Никити Плетюнки, ганячи ему, что онъ мимо Волинскаго описалъся ко мнѣ, требуючи 100 зол. на сѣно. Отъ п. Михайла Скор. получилемъ писмо вчора писанное зъ Ромна Сухого, где онъ зъ тестемъ свомъ п. полковникомъ миргородскимъ обрѣтается. Слугѣ п. судіной далисмо копу на купленне ганишу въ Кролевцѣ.

Четвер. 7. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилъ до Борковскаго, а жена моя зъ судіною поехали въ монастырь Гамалѣевскій на праздникъ.

Пятокъ. 8. Сегодня у церкви ст. Анастасіи службы Божіи слухалъ. Петру Греку глуховскому отдалемъ деньги, якіе доводились отъ мене Шереметцеву да Димитрію Греку, за которое поручился Стеріевичъ, тоесть 30 р. и 35 копѣекъ, лѣчишь Климъ ключникъ.

Субота. 9. Сегодня рано были у мене Квасовскій, отецъ Никифоръ, Бурковскій, Милорадовичъ Гаврило, гадяцкій полковникъ, а обѣдалъ самъ я и со мною Левенецъ. Получилъ я писмо отъ род. черезъ козака роменскаго Панченка о томъ, что ездилъ въ Вовковцѣ и видѣлся зъ п. полковникомъ миргородскимъ.

Неделя. 10. Сегодня рано быль я у брегадира, а слухаль службы Божіи у ст. Анастасіи и обѣдалъ у Кондзеровскаго зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ, на обѣдѣ пріехавшимъ. Послалемъ того жъ козака Панченка до род. зъ извѣстіемъ о пріездѣ г-на министра, завтра надѣючися. Жена моя пріехала зъ Гамалѣевки и Ляхъ явился. Князь свѣтлѣйший, герцогъ, генерал-ескімусъ, рейхсъ маршаль, фелтмаршаль, многихъ ординовъ кавалеръ и проч. Александръ Даниловичъ Меншиковъ сидѣ съ толь високаго степени и ви-сланъ указомъ зъ С.П.Бурху со всѣмъ домомъ.

Понеделокъ. 11. Сегодня обѣдалъ у мене п. Михайло м Кутневскій. Пріехалъ въ Глуховъ наименованій рейтментаръ, п. полковникъ миргородскій и, недоижджающи Глухова, сталъ наметами у ставка, при селцѣ Слѣпороду, куда и я зъ п. Михайломъ ездилъ,

и оттуду на ночь пріехалъ въ домъ свой. Черезъ Бузинскаго полу-
чилъ я писмо отъ род., чтобъ ему стоять у мищанскомъ дворѣ.

Вовтор. 12. Сего дня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездилемъ вечоромъ уже до Количова, где посидѣвшіи мало приехалиемъ до своей квартери чи дому. Получилемъ писмо отъ род. о зближен-
ніи его къ Сейму. Отправилемъ Бузинскаго до род., ознаймуючи
о себѣ и что нѣтъ министра.

Середа. 13. Пріехали ко мнѣ швакгеръ Яковъ Полуботокъ,
Шавель Апостолъ наименованій пол. мир. и п. Михайло Скор., и
обѣдали у мене, а швакгеръ и ночовалъ со мною. Коня ступака у
Опанаса Шостака виминялемъ гнѣдого, лѣтми 10, на своего си-
вострокатого и въ додатку ему 2 р. денегъ далемъ.

Четвер. 14. Сего дня зъ швакгеромъ ездилисмо до церкви ст.
Анастасіи на службу, а по службѣ були зъ Иваномъ Максимовичемъ
у Кондзеровскаго, и поехалисмо оба до себе, где и обѣдалисмо, и
съ нами попъ Астровскій; по обѣдѣ поехалисмо до обоза и бувши
у п. полковника миргор., назадъ позно пріехалемъ. Минѣцкій, сот-
никъ іваницкій, пріехалъ въ Глуховъ зъ С.П.Бурху, который ска-
зовалъ, что г-на Наумова развѣ за неделю надѣялись въ Глуховъ
прибитія и оний едетъ въ великой силѣ въ інтересахъ малор.
стягающейся. Лаврентій Гурка, бывшій архиерей астраханскій, опре-
дѣленъ архиереемъ устюжскимъ, а въ Астрахань Варлаамъ Лен-
нѣцкій.

Пятокъ. 15. Сего дня поехалисмо обое зъ женою до футора
Калюжновскаго и въ Сварковъ, а зъ Сваркова къ Глухову, куда не
доѣзджающи, поехалиемъ самъ въ Гамалѣевку и заночовалъ въ
Словутѣ.

Субота. 16. Сего дня рано вставши, зъ ночлѣга пріехалемъ на
службу Божью въ монастырь Гамалѣевскій, где засталемъ и п. Ми-
хайла Скор. и отца Кирила, бывшаго въ Греклиме (?) Мы оба
обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ п. Михайло поехалъ въ Глуховъ, а я
остался, и въ банѣ мился. Получилемъ листъ род. зъ приложен-
ніемъ реестромъ, который данъ зъ колегіи зборщикомъ о зборахъ,
чтобъ онѣ збирани были по силѣ указу нинѣшнаго, а именно: збирать

всѣ тіе збори въ казну, которое по пунктамъ Богдана Хмельницкого, при бытности другихъ гетмановъ, збиривались на гетмановъ, полковниковъ, старшину, церкви и проч. навѣтъ якіе и на слуги войсковіе збиривались, то есть именно; торговое, ковшики, ваговое, вѣдерковое, кромѣ старшинъ и знатного товариства. такъ же и ярмарковое, стацію зъ ратушнихъ посполитихъ людей, поводное, скутное дюгтевое, отъ вина волоского, отъ ташъ¹⁾), покуховнєе показанщину, ралцѣ, поколющину, тютюнную десятину, пчолянную десятину, зъ посполитихъ на слуги войсковіе.

Неделя. 17. Сего дня по службѣ Божой, якой вислухалемъ въ монастирѣ, обѣдалемъ купно зъ ясневелъ, а по обѣдѣ поехавши, вріехалемъ въ Глуховъ и видѣлся зъ п. Федоромъ.

Понеделокъ. 18. Сего дня рано ездилъ я до обозу, купно при п. полковнику миргородскому, ездилемъ и противъ минѣстра, которого уже въ ночь споткалисмо, недоежджающи Есманъ и зъ нимъ повернулись ноччу жъ въ Глуховъ, где оного стрѣлбою пушечною привитано, и сталъ квартирю въ дворѣ загорбдномъ, где генераль мазоръ Веллминовъ жилъ, а помянутій минѣстръ называется Федоръ Василіевичъ Наумовъ, достоинствомъ тайний совѣтникъ дѣйствителній, малороссійскій минѣстръ и сенаторъ.

Вовтор. 19. Сего дня рано ездилъ я зъ правителями до г-на минѣстра, который мнѣ приказалъ послать по родителя о его скоромъ прїездѣ и я повернувшись отъ оного, послалъ сторожа чорнуского. Произишло слово, что отъ родителя моего взята будетъ команда полку луб. Посланы указы отъ г-на минѣстра во всѣ полки къ полковникамъ зъ оберъ офицерами о скоромъ ихъ въ Глуховъ прїездѣ. Пріехалъ родитель въ Глуховъ передъ свѣтомъ въ ночь.

Среда. 20. Сего дня рано былъ родитель у минѣстра Наумова, который сказалъ, что указъ къ нему на отездѣ его зъ С.П.Бурху присланъ отлучить родителя отъ команди безъ показанія явной причини. П. Федоръ дядко поѣхалъ въ Прилуку для того, что жена его велми слаба. Вѣжевскій доправилъ деньги позичченіе Раковичу п. Федору 9 р.

¹⁾ т. е. палатокъ.

1852. **Бенефісъ для малороссійскаго дворянства.** (1882, № 4, 173—175).
1853. **Береза К.** Выборные священники. (1882, № 4, 166—168).
1854. **Бібліографіческий указатель книгъ, касающихся юга Россіи.** (1888, № 1—6, 8—12; 1889, № 1—9, 11; 1890, № 1, 2, 4).
1855. **Борковский Іоаннъ.** Исповѣдь Маргаса. (1886, № 3, 625—634).
1856. **Бучневичъ В. Е.** Колоколь «Кизикерменъ». (1886, № 12, 747—749).
1857. **Бучневичъ В. Е.** Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ. (1889, № 8, 550).
1858. **Бѣлинскій С.** Нѣмецкій трингельдъ на южно - russkoy почвѣ. (1885, № 1, 191—196).
1859. **В. Н.** Изъ записной книжки. (1886, № 2, 3, 4, 398—402, 621—625, 814—818).
1860. **В. Н.** Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. (1891, № 7, 148—151).
1861. **Василенко В.** «Пам'ятковый прочуханъ» или примѣненіе писанного закона съ сферъ обычнаго права. (1885, № 5, 170—172).
1862. **Васильевъ М.** Изъ письма въ редакцію. (1885, № 1, 205).
1863. **Г.** Съ дороги. (1889, № 4, 206—213).
1864. **Г.** Бѣгуны отъ науки. (1890, № 4, 153—155).
1865. **Г. В.** Картички старины. Киевскій спектакль начала XVIII вѣка. (1887, № 4, 681—692).
1866. **Г. В.** Добрый починъ. (1887, № 10, 379—381).
1867. **Галагановский** фамильный архивъ. (1883, № 11, 452—469).
1868. **Гатцуцъ А.** Письмо въ редакцію. (1883, № 11, 516—518).
1869. **Гильфердингъ А. Ф.** Конкурсъ на соисканіе преміи его имени въ 1000 р. (1889, № 4, 216).
1870. **Гоголь Н. В.** Сборъ по жертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника ему. (1888, № 11, 99—100).
1871. **Годичное собраніе общества пр. Нестора** и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. (1885, № 11, 562—566).
1872. **Горленко В.** Распродаажа въ Вишневецкомъ замкѣ. (Корреспонденц. «К. Ст.»). (1884, № 10, 136—366).
1873. **Дашневичъ Н.** Историческое общество Нестора Лѣтописца въ 1881 г. (1882, № 3, 581—592).
1874. **Два слова о цыганахъ** въ предѣлахъ бывшей гетманщины (1886, № 10, 401—402).
1875. **Для справокъ.** (1888, № 1—3, 39—40, № 40, 31, № 5, 66—68, № 6, 90—92, № 9, 78—82, № 7, 24—26, № 10, 45—50, № 12, 150—152, № 11, 96—97, 97—99, 99—100. 1889, № 2—3, 506—512, 746—751, № 1, 248—249, № 4, 216, 215—216, 214—215, № 5—6, 638—639, № 6, 361—292, № 8, 550—552, № 9, 780, № 10, 197, № 11, 96—97, 97—99, 99—100).
1876. **Добротворскій Н.** Курскіе и орловскіе кудеары. (1888, № 12, 117—123).
1877. **Дорошенко П.** Служебная отписка по поводу рожденія урода. (1886, № 7, 562—563).
1878. **Древность** малороссийскаго табаководства. (1890, № 6, 549—551).
1879. **Е. А.** Архіерейскій подарокъ. (1888, № 12, 129—135).
1880. **Е. А.** Два намѣстника. (1889, № 7, 221—231).
1881. **Е. Александра** Конные суды въ лѣвобережной Украинѣ. (1885, № 10, 189—203).
1882. **Е. И.** Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-

русскихъ дѣятелей и вѣселько словъ о его программѣ. (1886, № 4, 805—809).

1883. Е. П. Окодованіе начальства. (1886, № 5, 175—178).

1884. Еф. П. Послѣдствіе клятвопреступленія. (1884, № 3, 510—511).

1885. Е-ко. П. Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. (1886, № 7, 575—576).

1886. Ефименко И. Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. (1883, № 7, 583—585).

1887. Ефименко П. Одинъ изъ протестовавшихъ. (1882, № 3, 602—608).

1888. Ефименко П. Подозрѣніе взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. (1883, № 7, 573—582).

1889. Ефименко П. Библіографический указатель трудовъ И. И. Чубинскаго. (1884, № 5, 138—142).

1890. Ж. И. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. (1889, № 5, 6, 631—632).

1891. З. И. По поводу слова «перемотъ». (1889, № 10, 197).

1892. Зиньковскій Т. Зазывашее сообщеніе. (1883, № 8, 773).

1893. И. С. Н. Вулканъ въ Таврідѣ въ концѣ XVIII стол. (1885, № 3, 580—581).

1894. Изъ литературныхъ правовъ. (1889, № 9, 780).

1895. К. Осиrotѣльные колокола. (1882, № 1, 218—220).

1896. К. А. Судьба одного кievскаго сооруженія. (1884, № 6, 344—353).

1897. К. Д. Для сираковъ. (1888, № 6, 90—92).

1898. К. О. «Писанный крестъ». (1887, № 11, 585—586).

1899. К-ко. Шанъ Янъ Монастырскій, (раціональный хо-

зинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). (1883, № 1, 185—193).

1900. К-шъ В. Давнишная сираква о крестномъ ходѣ въ г. Березѣ. (1887, № 3, 581—583).

1901. К-шъ В. Малорусская «Шаленица». (1897, № 9, 196—197).

1902. Козаки въ партикулярной надобности. (1882, № 4, 171—172).

1903. Каманинъ И. Послѣдняя самозащита г. Кієва. (1882, № 7, 186—188).

1904. Каминскій О. Еще щепотка на могилу Шевченка. (1885, № 3, 519—530).

1905. Каразинъ В. Н. Объ открытии подиумки на памятникъ ему. (1889, № 7, 291—292).

1906. Карповъ Г. О. Премія его имени. (1891, № 1, 184—185).

1907. Комаровъ М. Изъ записной книжки. (1887, № 3, 579—581).

1908. Компанейскія иголки. (1882, № 2, 425—426).

1909. Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. (1889, № 4, 215—216).

1910. Костомаровъ И. Изъ прожитыхъ на Волыни дней. (1884, № 2, 325—332).

1911. Кулишъ П. Брошенный изъ-за угла камень. (1885, № 9, 184).

1912. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ. (1891, № 10, 136—137).

1913. Къ исторіи театра въ Юго-Западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-Подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воскрешенія послѣднею спектаклей во время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). (1885, № 7, 458—476).

1914. Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. (1891, № 4, 167—168).
1915. Л. Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. (1889, № 10, 183—184).
1916. Л. Объ имени святителя, нетлѣнико почижающаго въ Иѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. (1887, № 5, 185—189).
1917. Л*** Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ разсказчика). (1889, № 8, 527—531).
1918. Л*** Изъ прошлой жизни. (1888, № 12, 135—142).
1919. Л. А. Сабля Мазепы. (1883, № 1, 213).
1920. Л. А. Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. (1890, № 3, 532—533).
1921. Л. А. Мамаевъ дубъ. (1891, № 4, 163—164).
1922. Л. А. «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» (1883, № 4, 893—895).
1923. Л. А. Полковничы чиншевинки. (1891, № 4, 161, 162—163).
1924. Л. А. Предположеніе объ открытии французского пансіона для дѣтей въ Ромиѣ, въ 1781 г. (1890, № 9, 494—495).
1925. Л. А. Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. (1889, № 1, 224—225).
1926. Л. А. Еще свѣдѣнія о «дикомъ поющѣ». (1887, № 11, 577—580). (см. № 1948).
1927. Л. А. Глѣ и какъ прдавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. (1889, № 4, 199—200).
1928. Л. И. Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. (1883, № 5, 181—184).
1929. Л. О. Указатель къ изданіямъ кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II.
- Имена географическихъ К. 1883. Сост. И. Новицкій. (1884, 509—511). (рецензія).
1930. Л. О. Слезно-рыдающее доношение малороссійскаго дидаскала. (1891, № 9, 489—491).
1931. Л. О. Панская «пыха». (1887, № 9, 195—196).
1932. Л. О. Необычная застава. (1882, № 7, 192—194).
1933. Л. П. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныи изображенія? (1888, № 5, 259—264).
1934. Л—ій А. Гетманские клейноды (1758 г.) (1882, № 5, 343—344).
1932. Л—въ П. Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божіей Матери. (1883, № 6, 385—387).
1936. Л—въ П. Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. (1884, № 7, 545—546).
1937. Левицкій О. «Пророкъ» — Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). (1885, № 5, 79—106).
1938. Левицкій О. Необыкновенная ярмарка. (Корреспонденція «Кіев. Старина»). (1883, № 9—10, 301—309).
1939. Левченко М. Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животные. (1882, № 8, 373—379).
1940. Леонидъ Архим. Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго. (1890, № 11, 326).
1941. Линниченко И. А. Замѣтка о старыхъ и новыхъ скопичахъ. (1888, № 12, 149—150).
1942. Литвинова Н. Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. (1883, № 3, 682—683).

1943. **Любичъ А.** Отпустъ. (1890, № 10, 134—143).
1944. **Малоруссій** ізданія 1882 г. (1883, № 6, 11, 353—366; 484—493).
1945. **Маркевичъ А.** Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одесѣ). (1889, № 2, 3, 506—512; 746—751).
1946. **Маркевичъ А. О.** варванскої иконѣ. (1888, № 11, 96—97).
1947. **Мацѣевичъ Л.** Процессъ старинаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ. (1882, № 1, 222—223).
1948. **Мацѣевичъ Л.** «Что о дикомъ попѣ». (1886, № 4, 821—826). (см. № 1926).
1949. **Миллеръ О.** Дарь пятьдесятницы и наши первоучители. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянского общества 13 мая 1885 г.). (1885, № 9, 31—50).
1950. **Милорадовичъ графъ.** Неизданная рукопись. (По поводу статьи: «Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.», помещенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1883 г.). (1884, № 2, 351—352).
1951. **Н. Волынская бывальщина** (2 случаи изъ недавняго прошлого). (1886, № 6, 368—371).
1952. **Н. Ф. Журнально-газетные** статьи и материалы по Южно-Русской истории. (1885, № 1, 3, 206—214, 597—612).
1953. **Ни—къ Ф.** Не привившійся на Полтавской почвѣ ревень. (1883, № 8, 764—767).
1954. **Науменко В.** Маленькое разъясненіе. (1889, № 5—6, 666—669).
1955. **Науменко В.** Къ исторіи газетно-журнальц. дѣла въ Кіевѣ. (1884, № 11, 529—534).
1956. **Николайчикъ Ф.** Библіографіческій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. (1885, № 5, IX—XXV).
1957. **Новицкій И.** Древній способъ цупликаціи. (1882, № 3, 597—601).
1958. **фонъ-Нось Степанъ. Курта.** (1882, № 8, 385—387).
1959. **фонъ-Нось Ст.** Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное ч у в с т в о. (1882, № 7, 189—190).
1960. **фонъ-Нось Ст.** Українскій Соломонъ. (Его кейфъ и судъ). (По фамильнымъ воспоминаніямъ). (1883, № 7, 492—505).
1961. **Notus.** Курьезный бракъ. (1882, № 5, 349—352).
1962. **Notus.** Скоромная водка. (1882, № 1, 220—222).
1963. **О. В.** Ребяческая забава въ серьезную минуту. (1884, № 5, 168—169).
1964. **О. И.** Волынская бывальщина. (1884, № 1, 165—168).
1965. **О—въ И.** Волынская бывальщина. (1886, № 4, 818—821).
1966. **О—сій И.** Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиції. (1883, № 2, 473—476).
1967. **Образчинъ Малорусской шокоременной.** (1884, № 1, 171—173).
1968. **Общество «Бѣлаго креста».** (1889, № 1, 248—249).
1969. **Объясненіе виньетки.** (1883, № 1, I—VI).
1970. **Отчетъ комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ—май мѣсяцы 1889 г.** (1889, № 8, 550—552).
1971. **Отчетъ гласнаго 1865 г.** (1886, № 2, 414—419).
1972. **Отъ редакціи.** (1888, № 10, I—IV).

1973. П. В. Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. (1885, № 10, 367—370).
1974. П. М. Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей. (1883, № 9, 10, 325—326).
1975. П. Н. Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. (1882, № 3, 616—618).
1976. П—нъ Ф. Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. (1885, № 1, 200—205).
1977. Панская находчивость. (1889, № 5, 6, 637—638).
1978. Петровъ Н. Библіотека барона Шодуара и вновь открытое дрсннее изображеніе свв. Бориса и Глѣба и, можетъ быть, св. Владимира. (1888, № 8, 33—39).
1979. Печать на югѣ Россіи. (1889, № 4, 214—215).
1980. Письмо въ редакцію. (1889, № 5, 6, 639—639).
1981. Плотниковъ И. Любечъ, 27 іюля 1887 г. (1887, № 9, 197—198).
1982. Познанскій Борисъ. Разбойникъ Тараненко. (1890, № 7, 123—128).
1983. Польскій театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг. (1889, № 9, 774—776).
1984. Пономаревъ С. Изъ письма въ редакцію и по поводу его. (1886, № 2, 409—410—414).
1985. Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. (1889, № 3, 739).
1986. Равита Ф. Омара Падурра. (Критический очеркъ). (1889, № 9, 727—751).
1987. Разновидности марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. (1883, № 9, 10, 12, 237—253, 637—651).
1988. Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ государственного совѣта. (1888, № 6, 409—458).
1989. Рудновскій А. О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. (1882, № 11, 391—393).
1990. Руссетъ Елпавета. Высшие женские курсы въ бывшей гетманщинѣ. (1884, № 1, 173—174).
1991. Русская святыня на Западѣ Европы. (1885, № 2, 377—381).
1992. С—ко. Изъ фамильныхъ преданій. (1885, № 4, 782—783).
1993. С—чъ А. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ обожжитіяхъ при сельскихъ училищахъ). (1889, № 3, 744—746).
1994. Саббатовскій П. Записавшийся во власть помѣщика священникъ. (1883, № 5, 184—185).
1995. Савченко Ив. П. Ура безъ двухъ буквъ. (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго). (1884, № 12, 749—750).
1996. Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случалъ бывали. (1882, № 10, 180—183).
1997. Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у которого въ пьянной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и добродой славы». (1890, № 4, 163).
1998. Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 года. (1888, № 10, 35—44).
1999. Синицкій Д. А. Любопытные рукописи одной частной библиотеки. (1885, № 10, 338—342).
2000. Содержаніе одного изъ Чешинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. (1891, № 1, 174—176).
2001. Справочный указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кievская Старина» за 1882—1887 гг. (1888, № 1, 2, 3, I—LXXX).

2002. **Старинные тракты, влп дороги въ Южной Россія.** (1882, № 6, 543—546).
2003. **Сумцовъ Н.** Шпиталь въ м. Боромль. (1883, № 9—10, 309—312).
2004. **Суплинка, або замисль на попа.** (1885, № 3, 543—550).
2005. **Т. А.** Традиціонный про- мысль харьковскихъ коцарей. (1886, № 6, 364—368).
2006. **Тындитниковъ Семенъ.** Безсоновское турантство Малорос- сіянъ. (1886, № 2, 394—398).
2007. **У. О. К. Ф.** Коленская книга и три бандуриста. (1882, № 4, 161—166).
2008. **Указатель книгъ и статей по истории Южной Россіи за 1881 г.** (1882, № 1, 2, 199—203, 396—401).
2009. **Указатель личныхъ имень- къ «Наказамъ малороссійскихъ депутатовъ.** (1889, № 8, I—XX).
2010. **Успенский Ф.** Отвѣтъ па полемическую замѣтку В. Г. Ва- сильевскаго. (1889, № 12, 604—621).
2011. **Церкви старинной по- стройки въ полтавской епархії.** (1888, № 11, 97—99).
2012. **Цыбульский К.** Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «спу- деевъ»). (1884, № 2, 336—342).
2013. **Цыбульский К.** Ненауч- ные пріемы въ научномъ дѣлѣ (По поводу одного газетного извѣ- стія о рѣдкомъ дѣлѣ). (1887, № 2, 377—383).
2014. **Черняевъ Н.** Справка объ авторѣ стопографического описа- нія харковскаго намѣстничества. (1886, № 3, 601—602).
2015. **Шеболдаевъ Ш.** Воль- ныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. (1885, № 11, 558—561).
2016. **Шевченко Т. Г.** Библіо- графич. указатель материаловъ для изученія жизни и произведеній его. М. Комарова. (1886, № 3, 4, 570—571, 778—786).
2017. **Шугуровъ Н.** Невольная ошибка. (Письмо къ редакцію). (По поводу портрета И. О. Тим- ковскаго, помещеннаго въ № 9 «К. Ст.» 1891 г.). (1891, № 12, 472—473).
2018. **Ястребовъ В.** Еще от- писка о рождениі урода. (1886, № 8, 756—758).
2019. **Экстренные расходы изъ суммъ Малороссійской Коллегії.** (1882, № 5, 312—315).
2020. **Федотовъ Чеховскій А. А.** Бракоразводный казусъ конца XVI ст (1887, № 1, 177—180).

Алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ.

А.

- А. № 1292, 1805.
А. А. № 82, 194, 253, 278, 283,
309, 605, 1291, 1292, 1293.
А—въ № 1.
А—въ С. № 1536.
А. В. №№ 2, 3, 4, 5, 115, 138,
154, 210, 220, 311, 606, 1108,
1124, 1153, 1304, 1308, 1309,
1332, 1336, 1337, 1352, 1360,
1400, 1409, 1435, 1445, 1458,
1466, 1467, 1468, 1471, 1472,
1473, 1485, 1490, 1511, 1519,
1591, 1639, 1647, 1661, 1723,
1730, 1804, 1806, 1807, 1820,
1842, 1844, 1845.
А. Г. № 800.
Андр. Ал. № 152, 175, 313,
314.
А—скій Л. № 81, 1846.
Андр—скій Ал. № 312.
Abel Karl д-р. № 1294.
Абрамовъ Я. В. № 1295.
Августъ II. № 223.
Авенариусъ Н. № 845.
Абраамка (лѣтоис.). № 1644.
Адріанъ патріархъ № 93.
Азовъ № 402, 923, 979, 1042.
Акинфіевъ Ив. Як. № 1297.
Аксаковъ С. Т. № 1074, 1298.
Александровъ В. № 1307.
Александровичъ М. Н. № 6.
210, 1306.
Александровскъ. № 178.
Александръ I. № 246, 386,
414, 515.
Алексѣй Михайловичъ (царь).
№ 281.
Алексѣй Поповичъ: № 1024.
Амар tolъ. № 1319, 1442, 1491,
1757.
Анастасій, архієп. могилевскій.
№ 132.
Анатолій, архієп. № 1075.
Андріевскій А. А. №№ 74, 122,
125, 166, 255, 282, 290, 315,
316, 667, 846, 1308, 1309, 1310,
1311, 1312, 1313, 1314, 1315,
1316.
Андріевскій М. А. № 247, 608,
609, 610.
Андріяшевъ А. № 1318, 1319.
Андуши (село). № 1282.
Анна-Алоиза, відужна Острож-
ская. № 447.
Анна Ярославна № 1237.
Анонімъ. № 217.
Антоній I. д-ръ № 317, 694,
695, 696, 697, 698, 1471, 1472,
1473, 1474.
Антоновъ В. свящ. № 1390.
Антоновичъ В. Б. №№ 7, 8, 9,
10, 11, 114, 181, 193, 250, 318,
319, 320, 321, 322, 611, 1127,
1320, 1321, 1322, 1371, 1848.
Антоновичъ П. А. № 1192.

Апостолъ Даніалъ. № 126, 265,
1985.
Аракчеевъ, графъ. № 226.
Арсеній, архимандр. № 323,
1705.
Артемовскій-Гулакъ П. П. № 699,
100, 1100.

Архангельскій А. № 324.
Архангельскъ. № 374.
Археол. съѣзды. № 13, 62, 66.
Аскоченскій В. И. № 1076.
Афендини № 436.
Ахтырка. № 686.
Афонскій П. № 1330.

Б.

Б. В. № 1849.
Б. И. № 325.
Б. Н. № 12, 612, 613, 847,
1248, 1286, 1399, 1412, 1539,
1540, 1541, 1649, 1790.
Бар – вскій Н. Я. № 1850.
Ба – скій Г. № 848, 849,
Б – скій И. Ф. № 850.
Бабичъ А. № 1287
Багалтъ Д. И. №№ 13, 118,
242, 280, 326, 327, 328, 329,
330, 614, 1251, 1295, 1303, 1324,
1331, 1332, 1333, 1334, 1408,
1423, 1424, 1506, 1531, 1549,
1550, 1685, 1690, 1770, 1783,
1851.
Банай Николай. № 182, 297.
331, 332, 333, 851, 1645.
Бакотскій скальный монастырь.
№ 5.
Балабушевичъ В. № 1169.
Банатъ. № 311.
Барабашъ. № 884.
Baranowicz Lazarz. № 1338.
Барбашевъ А. № 1335.
Барвінокъ Ганна. № 701, 702,
703.
Барвінскій О. № 1336, 1337.
Barącz Sadok. № 1678.
Барскій Вас. Григ. № 169.
Барсовъ Е. № 1339.
Барсовъ Н. И. № 852.
Барсуковъ А. № 334, 1186, 1340,
1341, 1342.
Барыковъ А. № 335.
Баторій Стефанъ № 334.
Батуринъ. № 332, 644.
Батюшковъ П. Н. № 1343,
1344, 1345, 1346, 1347.

Бахталовскій Георгій. № 1348.
Безбородко Андрей. № 1238.
Безсоновъ. № 2006.
Беклешевъ А. А. № 710, 1077.
Бендеры. № 476, 973.
Береза К. № 132, 156, 336,
1853.
Березенская Вознесенская цер-
ковь. № 683.
Березна Г. № 1900.
Беренштамъ В. № 1129.
Беретти А. № 1349.
Беркутъ И. № 1345.
Берхинъ Іона № 123, 1350.
Бершадскій С. А. № 337, 1352,
1353.
Бестужевъ-Рюминъ К. № 1351.
Бецъ В. А. № 1320.
Біберштейнъ Гр. № 1354.
Бібиковъ Д. Г. № 248, 267,
1078.
Биłyнъ И. № 1218.
Бны—нь. № 14.
Бобринскій графъ Алекс. № 1356,
1357.
Бобровскій П. О. № 1358.
Богданъ Хмельницкій. № 103,
105, 201, 281, 295, 299, 341, 346,
391, 467, 560, 586, 763, 883,
1200, 1201, 1279, 1280, 1920.
Богдановичъ И. О. № 1079.
Богдановичъ. П. И. № 1080.
Богдановичъ (Дворжецкій). №
1102.
Бодянскій О. М. № 236, 307.
Божеряновъ И. Н. № 1083,
1094, 1241. 1355.
Бонко-Балыка. № 139.
Бонкачъ № 826.

Болгары № 358.
 Болсуновский К. В. № 727.
 Bołsunovski. № 1359.
 Бондаренко № 1016, 1058.
 Boniecki Adam № 1361.
 Bonnel Ernst. № 1360.
 Боржковский Валеріанъ. № 853,
 854, 978.
 Борисъ св. № 1978.
 Борисовъ В. В. № 248.
 Борковский Ioannъ свящ. №
 1855.
 Боровиновский № 1239, 1081,
 1082, 1083, 1084.
 Бороздна. № 209, 437.
 Боромля м. № 2003.
 Бороховичъ Михайло. № 1240.
 Бортнянскій Д. С. № 1241.
 Боцяновскій Вл. № 615.
 фонъ-Брадке Е. О. № 110.
 Брайловский С. № 855.
 Бразоль Григорій. № 1362.
 Браниціе. № 515, 1995.
 Братства. № 117, 339, 377,
 408, 410, 647.
 Братскій монастырь № 183.
 Брацлавъ. № 164, 318, 470,
 493.
 Бринковъ село. № 850.
 Бродскій Е. К. № 1423, 1424.

Брюховецкій № 367.
 Бубликъ В. Д. № 1363.
 Бугъ. № 80, 513, 531, 543,
 660.
 Будиловичъ А. № 1364, 1285.
 Буковина. № 785.
 Булашевъ Г. № 1196.
 Булгаковъ Ф. И. № 1368, 1369.
 Булгаковскій Д. Г. № 1367.
 Буняка. № 845, 929, 971.
 Бурачковъ П. № 616, 626.
 Бучневичъ В. Е. № 15, 617,
 1139, 1372, 1856, 1857.
 Буцинскій И. И. № 1370, 1371.
 Быковскій Ivanъ № 220, 290.
 Бычковъ А. О. № 1729.
 Бѣлая церковь № 515, 640.
 Бѣлгородщина. № 61.
 Бѣлецкіе-Носенки. № 439.
 Бѣлинскій С. № 1858.
 Бѣлогородская епархія. № 443.
 Бѣлогрицъ-Котляревскій Л. №
 1123.
 Бѣлозерскій Н. № 1208, 1373.
 Бѣлозерское городище № 52.
 Бѣлоруссія № 244, 1066, 1119,
 Бѣляшевскій II. №№ 16, 17,
 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 1374,
 Бѣлюговъ Алекс. Ив. № 661,
 Бѣньковскій И. № 857, 858.

B.

В. № 1816.
 В № 618, 1142, 1152, 1244,
 1376, 1411, 1457, 1544, 1560,
 1751.
 В.—Б. М. № 196.
 В. М. № 859.
 В. Н. № 288, 743, 1185, 1375,
 1395, 1437, 1530, 1599, 1621,
 1627, 1655, 1717, 1720, 1775,
 1801, 1822, 1859, 1860.
 В—новъ А. № 1390.
 В—о. № 1385.
 Вагилевичъ И. Н. № 802, 1085,
 Вакуленко Семенъ. № 1086.
 Варвинская икона № 1946.
 Варшава. № 230.

Василенко. № 147.
 Василенко В. № 338, 339, 861,
 1375, 1861.
 Васильевъ Мих. № 25, 619
 862, 863, 864, 865, 866, 867,
 868, 1862.
 Васильевскій В. Г. № 2010.
 Васильковъ. № 81.
 Васильковскій С. И. № 1242.
 Васильчиковъ А. А. № 1087,
 1376.
 Де-Ватте Е. № 1431.
 Великороссія. № 758, 759, 937,
 1020.
 Вельяминовъ. № 371.
 Венгеровъ С. А. № 1377.

Венгрженовскій С. № 340, 869.
 Вересай Остапъ. № 912, 1047,
 1088.
 Вержбицкій Т. І. № 1378.
 Вероника Крепсъ. № 95.
 Вертеръ. № 335.
 Верхній Дувавецъ. № 401.
 Веселовскій Алексѣй № 1137,
 Византія. № 479, 579.
 Виноградовъ В. Є. № 1383.
 Витте Глявоне Потоцкая Софія.
 № 697.
 Вишенскій Іоаннъ № 707, 708,
 837, 810, 819.
 Вишневецкіе. № 527.
 Вишневецкая княгиня. № 1243.
 Вишневецкій замокъ. № 1872.
 Вишневскіе. № 441.
 Владими́ръ св. № 123, 275, 358,
 419, 420, 693, 700, 755, 933,
 1978.
 Владими́ръ-Волынскій. № 31, 46,
 Владими́ро - Волынское братство.
 № 647.
 Владими́ро-Волын. Мстиславовскій
 соборъ. № 629.

Владиміровъ П. В. № 709, 784,
 1386.
 Владиміровъ М. М. № 1385,
 Владими́рскій - Будановъ М. Ф.
 № 259, 341, 870, 1388, 1389,
 1801.
 Воєнныя поселенія № 151, 153,
 Волновъ. № 1693.
 де-Волланъ № 1391.
 Wolff Josef. № 1392.
 Волынь. № 84, 137, 360, 408,
 449, 450, 453, 530, 584, 769,
 858, 901, 1056, 1910, 1951, 1964
 1965.
 Вороная. (дерев.) № 70.
 Воронежъ. № 225, 997, 1885,
 Ворохта № 783.
 Воскресенскій Н. В. № 1395.
 Востоковъ А. №№ 73, 127, 342,
 343, 344, 345, 346, 347, 348,
 349, 1203, 1233.
 Выговскій № 228, 349.
 Вѣна. № 1966.
 Вяземскій А. А. (князь). №
 227.

ІІ.

Г. № 27, 871, 1087, 1270,
 1274, 1377, 1397, 1495, 1590,
 1634, 1664, 1765, 1863, 1864.
 Г. Б. № 1769.
 Г. В. № 28, 350, 351, 352,
 620, 801, 1099, 1143, 1148, 1187,
 1268, 1289, 1499, 1564, 1750,
 1784, 1813, 1815, 1839, 1865,
 1866.
 Г. М. № 1474, 1764.
 Г. Н. № 821, 622, 1251, 1415,
 1416, 1450, 1613, 1641, 1644,
 1713, 1774, 1838.
 Г. О. № 29.
 Г. Я. № 802, 1836.
 Г-їй В. № 1512.
 Г-ко В. № 353, 872, 873,
 1097, 1209, 1288, 1454, 1517,
 1620, 1696, 1721, 1810, 1827.
 Г-овъ М. № 879.

Гаврилозъ М. № 30, 1504.
 Гавриловъ Ал. Ии. № 1089.
 Гаврышъ В. № 623.
 Гадячъ. № 182, 468, 510,
 1240.
 Гайдамачина № 187, 189, 204,
 217, 261, 317, 455, 519, 589,
 820, 894, 1062, 1063.
 Галаганъ Гр. Навл. № 803,
 1090.
 Галаганы. № 1867.
 Галиція. № 460, 720, 733, 802,
 804, 871 1085, 1966.
 Галятовскій Іоанниковій. № 833,
 Hammard. № 1398.
 Гамченко Сергій. № 1399.
 Гарнуша. № 518, 568, 1091.
 Гатцуцъ Алекс. 1092, 1868.
 Hauser Leopold № 1400.
 Ге Г. Н. № 1401.

- Герасимъ** козакъ. № 1042.
Геродотъ № 483.
Герцыкъ Григорій. № 119.
Гетманъ, Гетманцы, Гетманщи-
 на. №№ 87, 89, 90, 94, 152,
 162, 173, 176, 210, 228, 243,
 247, 254, 281, 292, 299, 319,
 332, 341, 346, 348, 354, 367,
 376, 389, 391, 407, 415, 416,
 424, 466, 617, 763, 745, 815,
 960, 1145, 1874, 1934, 1990.
Гизель Иннокентій. № 835.
Гильфердингъ А. Ф. № 1869.
Гилляревскій А. свящ. № 1402.
Гинцбургъ А. Б. № 1403.
Гладкой Осипъ. № 234, 338,
 1014.
Глоба. № 1093.
Гловачевскій Кир. Ив. № 1094.
Глуховъ. № 211, 241.
Глушковская фабріка. № 633,
 634.
Глявоне Витте-Потоцкая Софія.
 № 697.
Глѣбъ св. № 1978.
Гоголь Н. В. № 468, 801, 1095,
 1096, 1097, 1870.
Голицынъ Н. Н. князь. № 1264
Голицынъ Н. С. князь. № 624.
Головатый Антонъ. № 314, 394,
 1051,
Головатый Иванъ. № 1098.
Головацкій Яковъ. № 1405.
Голубевъ С. № 356, 357, 625,
 652, 1406, 1407, 1633.
Голубовскій П. № 358, 626,
 806, 1265, 1489, 1318, 1322,
 1331, 1350, 1374, 1387, 1403,
 1408, 1409, 1410, 1422, 1430,
 1431, 1456, 1484, 1489, 1509,
 1527, 1542, 1547, 1561, 1562,
- 1565, 1567, 1574, 1582, 1583,
 1629, 1646, 1657, 1662, 1665,
 1668, 1671, 1674, 1686, 1702,
 1703, 1712, 1755, 1768.
Голубы № 433.
Голый Игнатъ. № 596.
Гомель. № 47.
Гонта. № 217, 322, 1245, 1246,
Горбачевскій А. д-ръ. № 1789.
Горленко В. № 627, 874, 875,
 876, 908, 1084, 1132, 1138, 1171,
 1217, 1271, 1391, 1580, 1752,
 1766, 1872,
Горленко Дмитрій. № 507.
Горленки. № 361, 362.
Городня. № 628.
Горчаковъ Е. князъ. № 1411.
Гошкевичъ В. № 1412.
Грабина А. № 877, 878.
Грайворонъ. № 364.
Грановщина. № 318.
Граховъ Я. № 1413.
Гребенка Е. П. № 714.
Греки. № 562, 602, 1028.
Гретцъ. № 372.
Греція. № 1247.
Гриценко. № 1099.
Гродецкій Д. № 359.
Гротъ К. Я. № 1414, 1415.
Грушевскій М. № 360, 1416.
Ge-Gubernatis, № 1417, 1418.
Грубчицъ Григорій. № 161.
Гулакъ-Артемовскій П. П. №
 666, 700, 1100.
Гульдманъ В. К. № 1420, 1421,
Hunvalffy Paul № 1422
Гуровъ В. В. № 1423, 1424.
Górski Konstanty. № 1425.
Густынск. монастырь. № 1283.
Гуцулы. № 783, 785, 1048.

Д.

- Д.** Е. № 629.
Д. Н. № 1432, 1659.
Д—ицъ Гр. № 1348.
Д—ръ Б. № 1159.

- Дабижка** А. В. князъ № 361,
 362, 1156.
Даніїль Апостолъ. № 162, 526,
 1985.

Данилевський Г. П. № 1101,
 1294, 1426, 1798, 1800, 1873.
 Дверницький Е. № 31, 1429.
 Дворецький Василій. № 294.
 Дворицький-Богдановичъ II. В.
 № 1102.
 Дебольський Г. С. протоієрей. №
 1430.
 Дебоскеть. № 675.
 Дейнеки № 1844.
 Демидовъ-Санъ Донато. № 1433.
 Денъ. № 1102.
 Десятинна церковь. № 649,
 612.
 Десятина Г. № 881.
 Дешко А. Н. № 363.
 Diebold Wladimir. № 1435.
 Диковъ І. № 1436.
 Димитрій Ростовський. № 109,
 1104.
 Димитрій, архієп. Херс. № 1103,
 Дмитровський А. № 1437.
 Дмитровна. № 1020.
 Дніпръ № 3, 22, 24, 52, 68,
 44, 600, 646, 995.

Дністръ. № 663, 796.
 Добрашевичъ Софроній, № 1105,
 Добротворський Н. № 364, 631,
 632, 633, 634, 882, 1245, 1438,
 1876.
 Добрянський Ф. № 1439.
 Добруджа. № 465.
 Довнаръ-Запольський М. № 1436,
 1628, 1767.
 Докучаевъ В. В. № 1440.
 Долопчевъ В. № 1441.
 Доминикъ-Заславський князь. №
 1012.
 Дорошенко П. № 106, 1877.
 Досинчукъ О. И. № 1442.
 Дренякинъ. № 1445.
 Дружининъ В. Г. № 1446.
 Дубровинъ Н. № 1685.
 Думитрашко К. Д. № 1106.
 Дунавець верхній. № 401.
 Дунай и Дунайцы. № 898,
 544.
 Dunin-Karwicki Josef. № 1447.
 Духовщина городъ. № 839.
 Дѣдицкій В. № 1544

E.

E. А. № 365, 1879, 1880, 1881 E. ІІ. № 128, 289, 366, 756, 884, 885, 886, 1882, 1883. E. С. № 134, 367, 1398, 1401. E—ko II. № 887, 1885. Eф. II. № 888, 889, 1884. Eвгений митрополитъ. № 304, 306. Eвшашевскій Феодоръ, Новгород- скій подсудокъ. № 114. Evrei . № 32, 123, 368, 372, 403, 500, 539, 540, 628, 812, 1044. Eвропа Западнаа № 1991. Eгоровъ Александъръ. № 1448. Eдлинскій М. № 1449. Eкатерина II. № 116, 185, 524	287, 334, 370, 385, 494, 499, 1051, 1270. Eкатеринославъ № 153, 178, 499, 955. Eлецкій Черниговскій монастырь № 109. Eлисаветградъ № 174, 603, 1976. Eлпатьевскій К. № 1450. Eрмиловъ Владимиrъ. № 1235. Eсиповъ Г. В. № 370, Eфименко А. № 371, 372, 373, Eфименко II. № 77, 252, 374. 375, 376, 377, 378, 379, 807, 890, 891, 892, 1092, 1161, 1769, 1770, 1771, 1772, 1886, 1887, 1888, 1889.
--	---

Ж.

Ж. И. № 1363, 1369, 1494,
1533, 1630, 1636, 1663, 1785,
1786, 1820, 1830, 1890.
Ж. Ир. № 1496.
Ж. Ир. № 1256, 1710.
Желеховский Евг. № 1107.
Жедъзякъ. № 1108, 1109.
Житецкий И. № 1673, 1735,
1828.
Житецкий Игн. № 707, 810.

Житецкий Иродионъ № 893, 1451.
Житецкий П. И. № 773, 803,
808, 809.
Житомиръ. № 615.
Жуки с. № 15.
Жуковский В. Н. № 1454.
Жураковские. № 439.
Журило. № 1027.
Журинъ Г. № 894.

З.

З. № 380.
З. № 33, 1307.
З. Г. № 1297, 1413, 1448.
З. И. № 1891.
Заборовский Рафаилъ. № 224.
Забѣла Ив. Н. № 1110.
Забѣла. № 289.
Забѣла В. Н. № 718, 1111.
Завадовский П. В. гр. № 286.
Завитневичъ В. З. № 34, 1455,
1456.
Загоровский № 289.
Загоскинъ Н. Ш. № 1457
Задунайскій. № 1051.
Задунайская Сѣчь. № 401.
Займанщина № 327.
Занлинскій Корнило. № 1458.
Залѣсній Бр. № 1210.
Залюбовский Г. № 635.
Залѣскій Ап. № 35, 381, 895,
Замостье. № 117.
Замостьевскій монастырь №
668.
Западная Русь. 132, 448, 461,
567.

Запольскій М. № 1462, 1463.
Запорожье, Запорожцы, Запо-
рожск. Старшина. №№ 1, 14, 45,
56, 68, 75, 92, 143, 144, 188,
274, 276, 298, 300, 311, 312,
314, 330, 338, 382, 384, 387,
425, 454, 456, 485, 522, 540,
541, 542, 544, 547, 549, 570,
587, 594, 598, 599, 600, 604,
621, 691, 719, 849, 890, 894,
897, 898, 945, 960, 983, 1002,
1093, 1098, 1250, 1925, 1997.
Запровскій Василій. № 164.
Зарьцкій И. А. № 1251.
Зарянко Н. № 1222.
Заславскій Доминикъ князь.
№ 1012.
Zacharjewicz Jzydor № 1806.
Захарченко М. М. № 1464,
1465.
Zwygrodzki (von) Michael № 1469.
Зиньковичъ Т. № 1892.
Знаменка. № 174.
Зозуля И. № 636.
Зуйченко П. И. № 747, 898.

И.

И. В. № 1299, 1414, 1584,
6181, 1658.
И. Н. № 383, 900
И. О. № 901.
И. С. Н. № 244, 711, 777, 1893.

И — въ П. № 899.
И — й. № 1227.
Иванишевъ Н. Д. № 39, 648,
1112.
Ивановъ Д. Л. № 1476.

Ивановъ II. № 384, 385, 902, 1475.	Илляшевичъ Л. № 1486, 1487.
Jwanowiez J. № 1477.	Илляшенко Макс. № 1252.
Ивановка. № 1009.	Иловайский Д. № 1488, 1489.
Игнатъ Голый. № 596	Ильинская церковь. № 146.
Jelinek E. № 1478.	Ильницкий Л. В. № 1490.
Ерусалимъ. № 618.	Иннокентій. № 659.
Извѣтий Н. свящ. № 1479.	Исаевичъ С. Н. № 907, 908,
Измайлъ № 848	Искорость. № 637.
Иконниковъ В. С. № 239, 1077.	Искра. № 1113.
Иличъ-Шишацкій. № 236.	Ищенко Андрей. № 767.
	Истоминъ М. № 1684.

I.

Higowski. № 1485,	Іудеи. см. Евреи.
Iогансонъ. № 1491.	Іустинъ еписк. Владимірський. №
Iосифъ, митр. литов. № 1492.	661.
Iosse Генрихъ № 720.	

E.

K. № 1895,	1362, 1364, 1383, 1392, 1407,
K. A. № 1349. 1492, 1896.	1426, 1429, 1461, 1475, 1479,
K. B. № 909.	1480, 1482, 1487, 1493, 1522, 1528,
K. D. № 1897	1536, 1554, 1568, 1585, 1593
K. И. № 1654.	1603, 1608, 1615, 1682, 1684,
K. O. № 1898.	1687, 1688, 1695, 1699, 1700,
K. П. № 910.	1705, 1706, 1707, 1722, 1732,
K—а Е. Н. № 1632.	1733, 1745, 1748, 1749, 1773,
K—й О. Р. № 911.	1777, 1780, 1781, 1797, 1798
K—їй П. № 1452, 1753.	1799, 1826, 1840, 1843, 1903'
K—ко. № 1899	Каменецъ, № 1983.
K—къ К. № 400.	Каменецъ-Подольскъ № 1913.
K—шъ В. № 236, 913, 1470.	Каминский О. № 914, 1114,
1814, 1900, 1901.	1904.
K—чъ С. I. № 1104.	Каневъ. № 623.
K—сній А. № 912.	Каневский. № 982, 1973.
Кр. С. № 641.	Капнистъ В. В. № 266.
K—ъ И. № 753.	Каразинъ В. Н. № 1905.
Кавказъ Сѣверный. № 551.	Каргопольцевъ И. № 1199,
Каллашъ В. № 811.	1494.
Кальникъ (село). № 9.	Карль XII. № 476.
Каманинъ №№ 201, 388, 389, 390, 391, 392, 1150, 1165, 1188, 1300, 1301, 1302, 1312, 1315, 1321, 1323, 1326, 1327, 1330, 1333, 1334, 1335, 1336, 1341, 1342, 1344, 1351, 1353, 1359,	Кармелюкъ. № 860, 869, 872, 915, 942, 990, 991, 1005, 1018.
	Карнєевъ З. Я. № 242.
	Каро Я. № 721.
	Карпаты № 363.
	Карпенко-Карый. № 1495, 1496.

Карпинський И. № 638.
Карповъ Г. О. № 1115, 1906.
Касперовъ В. И. № 1773, 1774,
 1775, 1776.
Катрановъ П. И. № 237.
Катрухинъ А. № 393, 916, 917.
Качала Страфанъ. № 1116.
Квитка Илья Ивановичъ, № 1118,
Квитка - Основяненко. № 722,
 818, 834, 1117, 1498, 1499, 1611.
Квітко № 1693.
Кибальчичъ Н. М. № 1219,
 1228.
Кибальчичъ Т. В. № 976.
Кизикерменъ № 1856.
Кирилль, просвѣтитель славянъ.
 № 813, 841.
Кириловка. № 1226.
Кирицъ Н. № 394.
Киркоръ. № 1500.
Киркоръ А.-Г. К. № 1119.
Кисилевка, гора. № 18, 19.
Кисель Адамъ. № 1120, 1121,
 1255.
Кисилевъ Лука протоіер. № 918.
Кистяковский А. О. № 116, 919,
 1204, 1122, 1123, 1851.
Китицинъ II № 395, 396, 397,
 398.
Киевъ, кіевская губ. и уѣздъ.
 № 7, 22, 37, 74, 100, 122, 125,
 131, 139, 145, 146, 155, 165,
 166, 167, 168, 169, 183, 194,
 196, 197, 203, 206, 218, 235,
 245, 246, 247, 248, 249, 255,
 265, 275, 278, 282, 283, 288,
 290, 294, 296, 301, 304,
 306, 309, 313, 314, 315, 316,
 320, 342, 356, 390, 391, 399,
 413, 418, 419, 420, 421,
 423, 451, 484, 489, 491, 505,
 506, 516, 525, 536, 552, 565,
 569, 597, 601, 608, 611, 620,
 627, 630, 653, 654, 657, 662,
 666, 667, 670, 673, 674, 677,
 688, 757, 772, 827, 992, 1055,
 1076, 1077, 1120, 1121, 1163,
 1179, 1196, 1244, 1269, 1846,
 1850, 1865, 1896, 1903, 1929,
 1936, 1937, 1955, 1974, 2012.

Кіевская археограф. комміссія.
 № 648.
Кіевскія братскія школы. № 498.
Кіево - Выдубецкій перевозъ № 646.
Кіевская Духовная Академія. № 16, 28, 50, 51, 224, 304, 306,
 357, 625, 652, 661, 659, 666,
 805, 1254.
Кіевскія золотыя ворота. № 60,
 674.
Кіево Кириловская церковь. № 55).
Кіево-Межигорскій монастырь. № 607.
Кіево-Печерская Лавра. № 622,
 639,
Кіево-Софійскій соборъ. № 26,
 42.
Кіев. Центр. Архивъ. № 487.
Княжа Гора. № 23.
Кобеляки. № 689.
Новальєнський М. И. № 1181.
Ковальський Ант. свящ. № 423.
Новалько П. № 812.
Козаки и козацкая древности.
 №№ 12, 36, 80, 99, 103, 118,
 172, 177, 202, 205, 212, 308,
 412, 414, 469, 522, 531, 543,
 573, 591, 595, 598, 774, 848,
 1145, 1902.
Козелецъ. № 332, 343.
Козловский Мартинъ № 1501.
Holberg Oskar. № 1502.
Коліївщина см. Гайдамачина.
Коломецъ Ан. Ив. № 401.
Комаръ протопопъ. № 523,
 582.
Комаровъ М. № 714, 718, 1111,
 1195, 1225, 1503, 1504, 1505
 1812, 1907, 2016.
Кондаковъ Н. № 1741, 1742.
Кондратовичъ О. № 401.
Короленко П. И. № 402.
Константиновичъ Н. № 1506,
Константиноградъ. № 690.
Конфедераты № 83.
Коперницкій И. Ст. № 1124,
 1507.

Корвинъ-Пітровський К. В. № 1508, 1509.
Корольковъ Конст. № 1510.
Короловъ хуторъ № 636.
Коростень. № 637.
Корсакъ Флоріанъ, архімандр. жидичинській. № 160.
Корсунь. № 53.
Корсунъ Ал. Ал. № 1125.
Косачъ О. № 1693.
Костомаровъ І. И. № 189, 403, 404, 640, 923, 1126, 1127, 1128, 1129, 1130, 1131, 1132, 1133, 1134, 1135, 1136, 1144, 1511, 1512, 1724 1513, 1910, 1915, 1949, 1956.
Котляревскій А. А. № 1137, 1694.
Котляревскій И. П. № 1138, 1139, 1140, 1141, 1857,
Кочубеи. № 480, 744.
Кочубей В. Л. № 1950.
Кошка Самуїль № 824.
Кошовинъ К. 924, 1091.
Кощаковскій Ілья. № 139.
Кравченко Д. № 405, 925.
Краковъ. № 233.
Крашановскій М. № 926.
Крешевскій Йосифъ Ігнатій. № 1142, 1514.
Кременчугъ № 478, 494,
Креминскій А. Я. № 766.
Крепсъ Вероника № 95.

Кречетниковъ. № 713.
Кричевецъ Кузьма. № 290.
Кромвель. № 299.
Крымъ. № 175, 344, 442, 456,
Крыжановскіе. № 434.
Крыжановскій Е. № 406, 642.
Крюковскій Иванъ. № 874, 1143.
Ксендзенко Александръ. № 407.
Ксендзовка. № 727.
Кубань. № 591, 593
Кудеяровъ курганъ. № 632.
Кудинка с. № 38.
Кудлаевичъ Петръ. № 38.
Кудринскій ј. ю. № 408.
Кузьмичевскій ІІ. № 814, 927, 928, 929.
Кулишъ П. А. № 1130, 1144, 1232, 1515, 1516, 1911.
Кулюмбашъ И. № 409.
Кулябка С. Н. № 1517.
Кулябки. № 435.
Купа (помѣстье) № 514.
Купянскъ. № 832, 902.
Куранинъ Б. І., князь. № 277.
Кураковскій договоръ. № 172, 202.
Куриловъ И. А. № 1518.
Курскъ № 364, 641, 1079, 1102, 1876.
Курта № 1958.
Кушниръ Даніилъ. № 705.
Куциевичъ Іванъ. № 1145.

ІІ.

Л. № 158.
Л*** № 1917, 1918.
Л. № 39, 1791, 1915, 1916.
Л. А. № 104, 107, 133, 143, 173, 180, 209, 225, 262, 274, 305, 307, 308, 413, 414, 415, 416, 643, 644, 645, 713, 815, 1109, 1154, 1175, 1178, 1201, 1238, 1240, 1252, 1428, 1497, 1556, 1579, 1642, 1738, 1739, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927.
Л. А. С. № 122.

Л. И. № 1459, 1545, 1778, 1928.
Л. К. № 1313.
Л. О. № 103, 231, 417, 646, 647, 648, 746, 816, 1361, 1667, 1676, 1929, 1830, 1931, 1932.
Л. О. № 930.
Л П. № 40, 41, 197, 275, 418, 419, 420, 649, 650, 652, 1406, 1432, 1522, 1588, 1933,
Л. П. Г. № 1521.
Л—въ П. № 42, 43, 186, 421, 423, 653, 654, 760, 1207, 1936.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдований по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляеть принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIII.

1893 г.

ДЕКАВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1893.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНИЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. <i>(Продолжение)</i>	353—375
II. ПИСЬМА Г. Ф. КВИТКИ КЪ А. А. КРАЕВСКОМУ <i>(Окончание)</i>	376—384
III. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО <i>(Продолжение)</i>	385—407
IV. КУЛЬТЬ ХЛѢБА ВЪ МАЛОУРУССКИХЪ КОЛЯДКАХЪ. Хр. Ящуржинского	408—416
V. СТАРЦЫ. Полѣсская легенда Ф. Нудринскаго	417—426
VI. АВТОБИОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО. (1813—1862 г.). <i>(Продолжение)</i>	427—443
VII. МАЛОУРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА. Козелецкій уѣздъ. <i>(Съ рисункомъ) Н. Степоваго</i>	444—450
VIII. ВОПРОСЪ О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ИСТОЧНИКѢ УКРАИНСКОЙ ОПЕРЫ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО МОСКАЛЬ ЧАРИВНЫКЪ. Н. П. Дашибевича <i>(Съ приложениемъ)</i>	451—482
IX. ЛЕОНІДЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛѢБОВЪ. Некрологъ. В. Науменка.	482—486
. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) М. М. Макаровский. Глаголя. б) Къ исторіи Киевской Археографической Комміssіи. в) Полтавские цехи въ концѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка. В. М. г) Раздѣль посполитыхъ въ 1774 году. В. Г. д) Оригинальное вѣнчаніе (1766). А. А. е) Отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійск. ж) Замѣтка.	487—512
XI. БІБЛІОГРАФІЯ: I. Кіево-Подольская Успенская церковь. А. Л. II. Исторический очеркъ Милеевской св. Параскевиевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Заветрянскай Руси. А. Л. III. Charles Burnier. En Russie. В. Г. IV. Этнографическое обозрѣніе. В. Я. V. Бібліографическая замѣтка: а) Русскій Архивъ 1893 г. б) Русская Старина 1893 г. г) Книги, вышедшия въ теченіе 1893 г. 513—539	
XII. ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) . Дневникъ генеральшаго подскарбія Якова Марковича (177—192).	
2) Бібліографіческий указатель статей, помещенныхъ въ «Кіев.Стар.» за первое десятилѣтіе. 97—108	
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1— 28

Дозволено Цензурою Кіевъ 4 Декабря 1893 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

IX.

Филаретъ ревизоръ.—Публичный экзаменъ.—Подписька студентовъ.—Архіерей изъ моихъ товарищъ.—Присуждение степеней.—Назначеніе мѣстъ службы.

Филаретъ, въ санѣ іеромонаха, архимандрита, епископа ревельского, архіепископа тверского, ярославского и московского, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, отъ 1809—1823, трудился на пользу петербургской духовной академіи въ званіи бакалавра, профессора, ректора и ревизора. Мы видѣли его в продолженіе четырехъ лѣтъ нашего курса ревизоромъ по два раза въ годъ, передъ праздникомъ Рождества Христова и передъ вакаціею. Хотя мы съ нимъ въ это время довольно ознакомились и притомъ знали, что онъ имѣть хорошее мнѣніе о нашемъ курсѣ, однакожъ готовились къ окончательному экзамену съ особенною заботливостью и не безъ боязни.

Наружностю своею онъ никого не озадачивалъ: ростомъ онъ былъ ниже средняго, тѣломъ худощавъ, лицомъ благовиднѣй, съ нѣкоторою улыбкою на устахъ, съ окладистой черной бородой; голость его былъ благозвученъ и всегда спокоенъ; рѣчь его была правильна, какъ-бы отчеканена въ форму готовую въ печать въ моментъ ея произнесенія. Но въ искрившихся его глазахъ проявлялась проницающая, испытывающая сила: мы не могли смотрѣть на него прямо, когда передъ нимъ отвѣ-

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 11.

чали. Ни одного студента онъ не оставлялъ безъ возраженій, которыя сперва казались легкими, но потомъ изъ нихъ онъ развивалъ многіе вопросы, касавшіеся всѣхъ отдѣловъ науки. Если кто на всѣ его вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, онъ обыкновенно ставилъ въ списокъ своею единицу, высшій баллъ въ то время, а за отличный отвѣтъ писалъ 1². На экзаменъ онъ всегда прѣѣзжалъ ровно въ восемь часовъ утра и продолжалъ его до двухъ часовъ по полудни, успѣвая въ это время спросить человѣка пять или шесть. Испытаніе обыкновенно начиналось съ богословскихъ предметовъ; билеты по нимъ были смѣшаны; каждый студентъ бралъ по два билета. Когда кому изъ студентовъ выпадалъ билетъ изъ канонического права, Филаретъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ часто заставлялъ отвѣчающаго повторять одно и тоже, но видя, что студентъ отвѣчаетъ бойко и твердо, наконецъ, спрашивалъ: такъ у васъ написано въ лекціяхъ, что-ли? Студентъ отвѣчалъ, что такъ точно. Игнатій однажды не утерпѣлъ при этомъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: „приведите, господинъ, свидѣтельство изъ Тертуліана“.—„Да развѣ въ канонахъ можно приводить свидѣтельство изъ Тертуліана, который не чистъ по Церкви?“ сказалъ Филаретъ и затѣмъ долго что-то говорилъ ректору Григорію, который молчалъ.

Замыселъ нашъ удался: Игнатій на слѣдующій учебный годъ въ академіи не былъ оставленъ, а посланъ ректоромъ въ Новгородъ. Когда устные экзамены кончились, Филаретъ сказалъ намъ: „Отвѣчали всѣ хорошо, посмотримъ каковы будутъ сочиненія?“ Онъ далъ двѣ темы, изъ которыхъ помню одну: „Что значитъ сердце по разуму священнаго писанія“. Сочиненіе мы писали въ его присутствіи въ то время, когда производилось испытаніе студентовъ низшаго отдѣленія, а когда испытаніе оканчивалось, сочиненія собирали и представляли Филарету, который, засунувъ ихъ за кожанный свой поясъ, уходилъ изъ зала: Однажды во время частныхъ нашихъ испытаній прѣѣхалъ въ академію изъ Царскаго села самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, который прежде при такихъ испытаніяхъ никогда

не бывалъ у насть, и, сѣвши на кресло, сказалъ намъ: „вотъ я, госиода, отпросился у Государя Императора, чтобы имѣть удовольствіе послушать васъ“. Мы встали и поклонились ему. По окончаніи частныхъ испытаній былъ у насть публичный экзаменъ или торжественный актъ, на которомъ присутствовали: министръ Голицынъ, всѣ члены св. синода, главнѣйшее столичное духовенство и многія знатныя особы другихъ вѣдомствъ, въ числѣ ихъ Сперанскій и уважаемый всѣми ирестарѣлый митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи—Богутъ Сестренцевичъ въ пышномъ кардинальскомъ одѣяніи съ андреевской лентой на шеѣ. Выпускные студенты читали избранные трактаты по разнымъ предметамъ академического ученія. Болѣе всѣхъ при испытаніи говорилъ Филаретъ, котораго присутствующіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы своего наставника. Вмѣшивался и петербургскій митрополитъ Серафимъ при богословскихъ преніяхъ, сыпалъ текстами изъ священнаго писанія и, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него Филарету, спрашивалъ: „вѣдь такъ, преосвященный?“ Филаретъ давалъ свои объясненія, въ которыхъ бывалъ иногда другой смыслъ, а Серафимъ говорилъ: „вотъ такъ точно и я думалъ“. Сперанскій молча слушалъ собесѣданія, только разъ потребовалъ себѣ еврейскую біблію и показывалъ въ ней что-то Филарету. Сестренцевичъ тоже молчалъ, закрывъ глаза, какъ будто спалъ, но послѣ экзамена на закускѣ у ректора разсуждалъ о бывшихъ на экзаменѣ преніяхъ. По окончаніи акта ректоръ раздавалъ главнѣйшимъ лицамъ изъ присутствовавшихъ экземпляры опытовъ студенческихъ сочиненій. Актъ, начавшійся молитвою „Царю Небесному“, заключенъ былъ молитвою „Достойно есть“; пѣли студенты. Въ тотъ же день взяли отъ всѣхъ студентовъ по двѣ подписки: одну въ томъ, что они даютъ обѣщаніе не принадлежать ни къ какому тайному (кружку) обществу, а въ другой они должны были написать, въ какое званіе они намѣрены поступить по выходѣ изъ академіи. Разумѣется, всѣ студенты росписались, что поступятъ въ духовное званіе, потому что въ противномъ случаѣ имѣть не давали бы магистерскихъ и кандидатскихъ денежныхъ окладовъ. Одинъ только студентъ

Видякинъ изъявилъ желаніе поступить въ свѣтское званіе. Въ монашество изъ нашего курса пошло шесть человѣкъ. Изъ этого числа Арсеній Москвинъ былъ митрополитомъ кіевскимъ, двое архіепископами: Гедеонъ Вишиевскій въ Полтавѣ, Феодосій Озеровъ въ Симбирскѣ, и одинъ—викаріемъ московскимъ, Виталій Щепетевъ—одинъ изъ даровитѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ въ нашемъ курсѣ, умеръ въ молодости. Вообще надо сказать, что самые даровитые изъ моихъ товарищѣй были недолговѣчны; долье всѣхъ жили и далѣе всѣхъ пошли по службѣ: митрополитъ Арсеній, поступившій въ академію съ большимъ запасомъ знаній и много въ ней трудившійся; и В. Б. Барановъ въ продолженіе курса не выдававшійся особенно изъ своихъ сотоварищѣй, которому безпримѣрно посчастливилося въ званіи царскаго духовника получить ордена св. Владимира первой степени и Андрея Первозваннаго. На другой день послѣ акта собралась подъ предсѣдательствомъ Филарета конференція для присужденія намъ, окончившимъ курсъ, магистерскихъ и кандидатскихъ степеней. Филаретъ вручилъ секретарю конференціи привезенные имъ наши әкзаменаціонныя сочиненія съ собственноручными на нихъ отмѣтками. Сочиненія эти онъ приказывалъ секретарю читать, когда возникали между членами конференціи разногласія, и, если отмѣтки показывали, что разсужденіе автора было удовлетворительно, онъ говорилъ: по моему мнѣнію такой-то магистръ, на что всѣ соглашались. Всѣхъ удостоенныхъ степени магистра въ нашемъ курсѣ было 25-ть, въ число ихъ включенъ былъ и я. Хотѣли было сдѣлать магистромъ одного іеромонаха, слушавшаго съ нами только половину курса, но Павскій, обыкновенно не противорѣчивающій при назначеніи степеней, сказалъ: „слишкомъ дешевы будутъ у насъ магистры, если будемъ давать эту степень лицамъ, не прослушавшимъ полнаго академического курса и не оказавшимъ достаточныхъ успѣховъ“. Возраженіе Павскаго имѣло рѣшающую силу. Товарищи мои, не получившиє степени магистра, вышли младшими кандидатами. Старшихъ кандидатовъ, съ правомъ полученія магистерской степени черезъ годъ на службѣ, въ нашемъ курсѣ не было; не было ни одного выпущеннаго изъ

академіи съ званіемъ студента, которое не считалось академической степенью. Вскорѣ послѣ конференціи комиссіи духовныхъ училищъ послѣдовало назначеніе намъ мѣстъ службы. Мнѣ съ товарищемъ моимъ Охотиномъ назначено служить профессорами черниговской семинаріи. Двумъ товарищамъ моимъ, Видякину и Соловскому, не дали мѣстъ по духовной службѣ; Видякину, какъ поступающему въ свѣтское званіе, а Соловскому, потому что онъ попалъ въ Ордонанзъ-Гаусъ; онъ поставленъ былъ въ списокъ кандидатовъ послѣднимъ и поступилъ въ епархіальное вѣдомство.

И таѢ, я благополучно окончилъ многотрудный для меня курсъ, который легче и успѣшнѣе я проходилъ бы, если бы имѣлъ терпѣніе прослушать богословскій курсъ въ Невской семинаріи. Благодарю Бога, что Онъ, въ лицѣ Державина и митрополита Михаила, послалъ мнѣ благодѣтелей, помѣстившихъ меня въ академію и тѣмъ отклонившихъ мое стремленіе къ вольной жизни. Въ академіи я находился въ средѣ избраннаго товарищества, въ ней я имѣлъ лучшихъ наставниковъ, ободрявшихъ меня своимъ вниманіемъ; въ ней я получилъ образованіе по моимъ силамъ; они вывели меня на дорогу къ честной службѣ и на прощаніи благословили меня напутствіемъ, послужившимъ мнѣ въ благо на всѣхъ путяхъ моей жизни и службы, Что было бы со мною, если бы я, безпріютный, въ раннемъ возрастѣ, по легкомыслію своему попалъ въ толпу жалкихъ канцеляристовъ того времени, въ эту юдоль нравственнаго мрака и пороковъ! Куда бы привела меня вольная воля, губящая юношей! Благословляю промыслъ Божій, спасшій меня отъ погибели.

X.

Состояніе академіи во времена шестаго выпуска.—Серафимъ, Григорій, Филаретъ

Прежде нежели стану описывать обстоятельства моей жизни на службѣ, я хочу поразсказать о томъ, что стало съ мою *alma mater*—петербургской духовной академіей по выбытии моемъ изъ ея незабвеннаго для меня пріюта. Здѣсь я уже буду

описывать событія не какъ очевидецъ, а по разсказамъ людей, бывшихъ свидѣтелями тѣхъ событій. Окончаніемъ нашего курса заключился счастливый періодъ жизни петербургской духовной академіи. Студентамъ шестаго выпуска пришлось потерпѣть невзгоду, совсѣмъ ими незаслуженную. Всѣмъ известно, какую безграничную власть въ старые годы имѣли епархіальные архіереи надъ состоявшими въ ихъ вѣдомствѣ семинаріями; бывали случаи, что они самовольно, отдавали учениковъ старшихъ классовъ въ солдаты. Когда въ 1809 году послѣдовало преобразованіе духовной учебной части, власть епархіальныхъ архіереевъ надъ училищами была значительно ограничена: учреждена была комиссія духовныхъ училищъ для поднятія духовно-учебной части въ Россіи. Въ томъ же году она открыла первый курсъ въ петербургской духовной академіи и впослѣдствіи по образцу ея въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани.

Въ этихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ приготавляемы были лучшіе наставники, получавшіе въ нихъ званіе магистровъ и кандидатовъ. Когда эти наставники заняли мѣста преподавателей въ семинаріяхъ, то послѣднія стали пользоваться нѣкоторымъ самоуправлениемъ подъ наблюденіемъ архіереевъ и подъ высшимъ надзоромъ комиссіи духовныхъ училищъ, которая распредѣляла и увольняла преподавателей, не сносясь съ архіереями, а иногда и противъ ихъ воли. Такими новыми порядками по духовно-учебной части епархіальные архіереи, тогда еще не имѣвшіе ученыхъ степеней, были недовольны и непріязненно относились къ магистрамъ, кандидатамъ и къ самому академическому образованію. Но академіи были обеспечены въ своихъ правахъ, пока князь Голіцинъ оставался министромъ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія и пока Филаретъ лично присутствовалъ въ св. Синодѣ и въ комиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ онъ имѣлъ сильный и часто рѣшающій голосъ. Въ 1824 и 1825 годахъ обстоятельства перемѣнились. Министерствомъ народного просвѣщенія пропущена была изъ-за границы въ Россію какая то книга, противная христіанскому вѣроученію. Извѣстный архимандритъ Фотій, имѣв-

шій громадное вліяніе на Императора Александра Павловича, заставилъ митрополита Серафима отправиться прямо во дворецъ съ означеніою книгою и умолять Его Величество о защите вѣры и церкви. Государь, незадолго передъ тѣмъ повелѣвшій закрыть всѣ масонскія ложи въ Петербургѣ и во всей Россіи, уволилъ князя Голицына отъ обоихъ министерствъ. Митрополитъ Серафимъ, нерасположенный къ новому образованію, сдѣлался тогда первоприсутствующимъ въ святѣйшемъ синодѣ, где съ нимъ засѣдали въ то время кіевскій митрополитъ Евгеній и ярославскій архіепископъ Авраамій, пенавистникъ академії. Филаретъ находился въ то время въ Москвѣ и терпѣлъ огорченія отъ своихъ завистниковъ, успѣвшихъ въ томъ, что повелѣно было пріостановить печатаніе его катехизиса, за сочиненіе котораго Филаретъ получилъ высочайшую награду и грамоту отъ Синода. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ студенты шестаго выпуска оканчивали свое ученіе въ академії. Въ Петербургѣ защитникомъ ихъ оставался одинъ только ректоръ Григорій, но онъ былъ тогда только викаремъ, подвластнымъ митрополиту Серафиму, и ему то первому, а потомъ и студентамъ нанесенъ былъ ударъ отъ противниковъ новаго образованія. За нѣсколько времени до окончанія курса нужно было по положенію шить выпускнымъ студентамъ фраки. Когда Григорій доложилъ о томъ комиссіи духовныхъ училищъ, митрополитъ Серафимъ сказалъ, что при этомъ случаѣ нужно посудить о самой академіи, и, обратясь къ митрополиту Евгенію, спросилъ его, какъ онъ о ней думаетъ. Евгеній отвѣчалъ, что онъ недавно сдѣлался членомъ комиссіи и потому не можетъ сказать своего мнѣнія. „Я васъ уполномачиваю“, сказалъ Серафимъ. Тогда Евгеній началъ спрашивать Григорія: „сколько въ прошедшемъ курсѣ выпущено магистровъ?“— „25-ть“, отвѣчалъ Григорій.— „Сколько напечатано было большихъ студенческихъ сочиненій?“— „Одно“.— „Почему не 25?“— „Потомучто въ опытахъ печатались только немногія написанныя при экзаменахъ сочиненія, а на изданіе нѣсколькихъ томовъ студенческихъ сочиненій академія не имѣла средствъ“.— „Слѣдовало бы обратиться къ комиссіи, которая

не пожалѣла бы на то денегъ". Далѣе Евгеній спрашивалъ: „по какому печатному руководству читалось догматическое богословіе?" Григорій отвѣчалъ, что печатнаго удовлетворительного по этому предмету руководства не имѣется, и что онъ читалъ богословіе по своимъ запискамъ, изъ которыхъ напечаталъ два трактата въ христіанскомъ чтеніи.—„Почему же Вами до сихъ поръ не составлено и не напечатано полное руководство?" — „Потому что такой трудъ потребовалъ бы много досужаго времени, а я былъ занятъ многими другими должностями".—„Вамъ бы слѣдовало отъ нихъ отказаться".—„Я повиновался волѣ начальства, возлагавшаго на меня эти обязанности, и теперь готовъ исполнить, что ему касательно меня будетъ угодно.

Огорченный такими укоризненными притязаніями, Григорій возвратился въ академію и на другой день въ классѣ сказалъ студентамъ, оканчивающимъ курсъ: „Коммісія духовныхъ училищъ на насъ нападаетъ, требуя, чтобы все студенты представили къ экзамену свои большія разсужденія; объявляю вамъ, что кто изъ васъ не напишетъ такого сочиненія, не получитъ академической степени. Студенты сильно встревожились и начали усиленно работать надъ сочиненіями и въ то же время приготовляться къ самому строгому испытанію. Большинія разсужденія ими были написаны и отпечатаны въ пяти большихъ томахъ.

Не известно, былъ-ли кто назначенъ ревизоромъ при частныхъ испытаніяхъ. Когда насталъ день публичнаго экзамена, Григорій самъ во время испытанія по богословскимъ предметамъ стоялъ предъ посѣтителями около первой партіи студентовъ, приказавъ своимъ баккалаврамъ сидѣть на своихъ мѣстахъ. Экзаменъ длился при молчаніи первенствующихъ посѣтителей, молчалъ и Евгеній, отъ котораго студенты ожидали возраженій. Наконецъ, митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ выходку, совсѣмъ ему не удавшуюся. Когда одинъ студентъ, произнося трактатъ изъ гомилетики, сказалъ, что изъ словъ Моисея и апостола Павла, въ которыхъ они молятъ Господа Бога изгладить ихъ изъ книги живота, только бы онъ пощадилъ вѣрующихъ, можно выводить для проповѣди такую тему, что христіане должны жер-

твовать общему благу своимъ частнымъ благополучiemъ, Серафимъ сказалъ, что такихъ словъ Моисея и апостола Павла нельзя брать въ основаніе проповѣди, потому что они сказали ихъ въ нѣкоторомъ изступленіи. Григорій, выслушавъ это возраженіе, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли первоприсутствующіе, и, поклонившись митрополиту, твердымъ голосомъ сказалъ: „простите меня ваше высокопреосвященство, я привыкъ вѣровать и вѣрю, что богодохновенные мужи всегда говорили по духу Божию и никогда ничего не говорили въ изступленіи разума“. Серафимъ замолчалъ—и испытаніе по богословію кончилось. Григорій сталъ подносить членамъ синода и другимъ важнѣйшимъ лицамъ экземпляры пятитомныхъ студенческихъ сочиненій, лежавшихъ передъ ними на столѣ. Когда посѣтители стали выходить изъ залы, Сперанскій подошелъ къ студентамъ, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ курса и сказалъ, что онъ съ особеннымъ удовольствиемъ слушалъ ихъ испытаніе. Не смотря однakoжъ на то, что затребованныя отъ студентовъ сочиненія были поданы, и на то, что успѣхи ихъ по испытанію оказались достаточными, комиссія духовныхъ училищъ опредѣлила никому изъ нихъ при выпускѣ изъ академіи не давать степени магистра и удостоивать ею только черезъ два года тѣхъ, которые при отличныхъ аттестаціяхъ академіи будутъ представлены епархиальными архіереями съ одобрительными отзывами объ ихъ службѣ.—Григорій оставилъ академію, будучи посланъ епископомъ въ Калугу.

Черезъ годъ послѣ выпуска шестаго курса Петербургской академіи, въ Москвѣ студенты оканчивали свой курсъ. Остававшемуся тамъ Филарету комиссія назначила быть ревизоромъ при испытаніи. Произведши это испытаніе самымъ строгимъ образомъ, Филаретъ въ представленіи своемъ комиссіи написалъ, что онъ признаетъ семь студентовъ вполнѣ достойныхъ получить степени магистра при самомъ выпускѣ изъ академіи на основаніи положенія академического устава, утвержденного высочайшею властью. Послѣ такого представленія члены комиссіи не могли уже не утвердить его признанія. Впослѣдствіи, когда Филаретъ пріобрѣль особенное расположение государя,

стали по прежнему давать студентамъ магистерскую степень при самомъ ихъ выпускѣ. По кончинѣ Александра Благословенного всѣмъ стало извѣстно, что, кромѣ императрицы Маріи Феодоровны и князя Голицына, одному только Филарету покойный Государь благоволилъ открыть государственную тайну и повелѣлъ ему хранить ее въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ и обнародовалъ ее, когда наступило къ тому время. Вышедъ изъ алтаря и держа надъ своею головою ковчегъ, въ которомъ находился пакетъ съ этой тайной, Филаретъ сказалъ предстоявшимъ сановникамъ: „внимайте, Россіяне, въ семь гробѣ скрывается послѣдняя воля Александра Благословленнаго; 25 лѣтъ вы исполняли ее и были счастливы, исполните ее въ послѣдній разъ... и прочее...; послѣ того поставилъ ковчегъ на приготовленномъ среди храма столѣ, отперъ его находившимся у него ключемъ, вынулъ пакетъ и, показавъ присутствующимъ нетронутую на пакетѣ печать и надпись покойнаго государя: „вскрыть послѣ моей смерти“, взломалъ печать; вынулъ изъ пакета вложенные въ него документы и далъ сенатскому прокурору, чтобы онъ ихъ прочелъ. Въ числѣ документовъ находился и манифестъ, написанный по порученію государя Филаретомъ. По прочтениі всѣхъ бумагъ началась въ соборѣ присяга Императору Николаю Павловичу, затѣмъ присягнула и вся Москва безъ всякаго волненія въ народѣ, который вѣрилъ, что владыка разрѣшилъ ему первую присягу и благословилъ на вторую. Когда впослѣдствіи времени спрашивали Филарета, правда-ли, что онъ предъ присягою сказалъ: „разрѣшаю и благословляю“— онъ отвѣчалъ, что такихъ словъ тогда онъ не говорилъ и не могъ говорить, а сказалъ только, что какъ первая присяга отвергнута тѣмъ самымъ лицомъ, которому она была сдѣлана, то мы должны присягнуть законно-унаслѣдовавшему Государю Императору Николаю Павловичу. О такомъ совершеніи присяги Филаретъ увѣдомилъ Государя въ письмѣ своемъ къ нему, на которое Его Величество отвѣчалъ рескриптомъ, изъявившимъ Филарету его особенное благоволеніе и при томъ присланъ ему въ награду брилліантовый крестъ на клобукъ. Послѣ коронаціи, предъ которойю Филаретъ встрѣтилъ Государя съ своею

многознаменательною рѣчью, онъ былъ возведенъ въ сань митрополита Московскаго. Восходя на высшую іерархическую ступень, Филаретъ не забылъ поднять оставшагося въ Калугѣ ученика своего Григорія, котораго забыли или, лучше сказать, не хотѣли включить въ сань архіереевъ, предстоявшихъ при коронації. Рассказывали, что во время обѣда, которымъ Филаретъ угощалъ прибывшихъ въ Москву архіереевъ, прискакалъ отъ Государя курьеръ съ повелѣніемъ, чтобы Филаретъ явился къ Его Величеству въ петровскій дворецъ, поручивъ своему викарію вмѣсто себя быть хозяиномъ за столомъ. Государь спрашивалъ Филарета, сдѣлано-ли надлежащее распоряженіе относительно церковнаго церемоніала при коронованії? Филаретъ отвѣталъ, что при составленіи церемоніала въ синодѣ онъ не присутствовалъ, и что по разсмотрѣнію такового онъ находить одну только несоответственность, заключающуюся въ томъ что въ порядкѣ предстоянія архіереевъ противъ одного изъ нихъ будетъ стоять духовникъ Его Величества, а не архіерей. „Что-жъ, теперь уже нельзя поправить эту несоответственность?“ спросилъ Государь. Филаретъ отвѣталъ, что если Его Величеству угодно будетъ, можно еще вызвать изъ Калуги епископа Григорія. „Это тотъ Григорій, который былъ ректоромъ петербургской духовной академіи?“ — спросилъ Государь. — „Тотъ самый“ — сказалъ Филаретъ. „Такъ поспѣшите его вызвать“, — сказалъ Государь. Филаретъ, возвратившись на свое подворье, засталъ у себя гостей и объявилъ имъ, что Его Величеству угодно, чтобы Григорій присутствовалъ при коронації, что не по сердцу пришлося его недоброжелателямъ, да нечего уже было дѣлать.

Григорій послѣ коронаціи былъ награжденъ орденомъ Владимира второй степени.

Послѣ этого Григорій, отличенный вниманіемъ Государя, сталъ восходить на высшія іерархіческія ступени и въ сань тверского архіепископа вмѣстѣ съ Филаретомъ засѣдалъ въ синодѣ, съ нимъ же вмѣстѣ священнодѣйствовалъ и при коронованіи Императора Александра II, надъ которымъ Филаретъ, какъ первенствующій іерархъ, совершилъ священное миропомазаніе. Въ то-же время Григорій былъ возвведенъ Государемъ

въ санъ Петербургскаго митрополита. Учитель семью годами пережилъ своего ученика, и оставаясь въ Москвѣ, несмотря на случавшіяся неблагопріятныя для него обстоятельства, сохранилъ за собою великое значеніе для церкви и отечества до самой кончины своей, послѣдовавшей на 86-мъ году его жизни.

XI.

Предсказанія обо мнѣ.—Оберъ-священникъ Державинъ.—Отъездъ мой изъ Петербурга.—Пановъ.—Станція Долгово.—Г. Луга.—Г. Велижъ.—Станція Паноровка.—Священникъ Антовій.—Свиданіе съ матерью въ селѣ Колпнянкѣ. Село Лисковоги и свиданіе съ братомъ.—Протоіерей Ленковскій.—Прибытіе въ Черниговъ.

Приступая съ изложенію моихъ воспоминаній о служебной моей жизни, раскажу прежде, какъ, сверхъ моего чаинія и желанія, случайно исполнилось надо мною предсказаніе, которому не хотѣлось вѣрить. Передъ окончаніемъ академического курса, праздникъ Пасхи я проводилъ въ домѣ оберъ-священника Державина. Вечеромъ вся семья его уѣхала въ гости, и я остался въ домѣ только со старушкою ключницей. Напоивъ меня чаемъ, она стала раскладывать карты и спросила меня, не хочу-ли я, чтобы она обо мнѣ загадала. Я отвѣчалъ, что никакому гаданію не вѣрю. Она все-таки продолжала перекладывать карты и говорила мнѣ: 1-е, что я получу то, чего желаю и въ чемъ сомнѣваюсь, второе, что мнѣ предстоитъ далекое путешествіе; третье, что на пути моемъ въ чужомъ домѣ я увижу пожилую женщину, очень мнѣ близкую, можетъ быть, мать; четвертое, что въ своемъ домѣ я увижу молодого человѣка, также мнѣ близкаго, можетъ быть, брата; пятое, что эта пожилая женщина и этотъ молодой человѣкъ будутъ мнѣ рекомендовать одну дѣвицу, можетъ быть, въ невѣсты, но что я буду отъ нея отворачиваться; шестое, что не смотря на то, я на ней женюсь. Первые два пункта этого предсказанія, гадальщица могла сказать мнѣ, зная изъ моихъ разсказовъ что я желалъ и сомнѣвался получить степень магистра и что меня пошлютъ на службу въ какую нибудь другую губернію; но послѣдніе четыре пункта заключали въ себѣ такія обстоятельства, которыхъ ни мнѣ, ни ей ни по какому случаю не могли быть известны.

Предъ окончаніемъ моего курса я просилъ Державина, что-бы въ комиссіи духовныхъ училищъ мнѣ не назначали слишкомъ отдаленного мѣста службы, и притомъ говорилъ ему, что я желалъ бы получить мѣсто въ губерніяхъ Петербургскаго учебнаго округа, особенно Могилевской и Орловской, какъ близайшихъ къ Чернигову, который принадлежалъ къ Киевскому округу и въ которомъ потому я уже не надѣялся получить мѣсто въ семинаріи; но духовная комиссія сверхъ моего чаянія назначила меня и товарища моего Охотина профессорами въ Черниговскую семинарію.

Приближалось время моего отправленія на мѣсто службы. Я какъ-то медлилъ отъѣздомъ. Во 1-хъ, необходимо было окопироваться, а во 2-хъ, и главнымъ образомъ—потому, что мнѣ тяжело было разстаться съ Петербургомъ, съ которымъ за пятнадцать лѣтъ моего въ немъ пребыванія я сроднился, и въ которомъ долженъ былъ навсегда оставить людей привязавшихъ къ себѣ мое сердце.

Таковъ былъ, во-первыхъ, незабвенный мой благодѣтель оберъ-священникъ Иванъ Степановичъ Державинъ. Онъ по смерти родителя моего сталъ самымъ попечительнымъ отцомъ для нашего осиротѣлого семейства; вытребовалъ изъ полка, въ которомъ отецъ мой былъ священникомъ, оставшуюся тамъ небольшую сумму денегъ отца моего и сохранилъ до совершеннолѣтія моего и брата Николая; для матери моей исходатайствовалъ положенную пенсию; для обученія меньшаго моего брата Николая въ Новгородѣ—Сѣверскомъ духовномъ училищѣ и потомъ въ черниговской семинаріи высыпалъ армейскую сумму; меня въ армейской семинаріи приблизилъ къ своему семейству, среди котораго я находилъ всегда себѣ отраду; безъ моей просьбы удержалъ меня въ Петербургѣ, дабы я получилъ академическое образованіе и имѣлъ право на лучшую участъ по службѣ, и мѣсто для этой службы открылъ мнѣ на моей родинѣ; въ довершеніе всѣхъ своихъ благодѣяній при моемъ съ нимъ прощаніи указалъ мнѣ еще путь, по которому, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія, я могъ скоро прибыть на мою родину и увидѣть родныхъ, которыхъ пятнадцать лѣтъ я не видѣлъ.

Державинъ сказаъ мнѣ, что когда-то онъ былъ командированъ синодомъ, вмѣстѣ съ черниговскимъ архіепископомъ Михаиломъ, (впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ), на слѣдствіе надъ Сѣвскимъ архіереемъ Досифеемъ, что во время этой командировкіи онъ проѣзжалъ черезъ родной мой городъ Новгородъ-Сѣверскъ и совѣтовалъ мнѣ со станціи Усвятъ повернуть на смоленскій трактъ, который чрезъ Стародубъ прямо приведетъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ, отъ котораго въ 12-ти верстахъ находится село Лисконоги, гдѣ жила моя мать и находился во время ваканцій братъ мой.

Могъ-ли бы самъ покойный отецъ мой такъ устроить судьбу мою? Не милость ли промысла Божія послала мнѣ въ лицѣ Державина такого многопечателльнаго благодѣтеля? Въ избыткѣ чувствъ моей къ нему благодарности и скорби о разлукѣ съ нимъ, при прощаніи, когда онъ благословлялъ меня, я могъ только пасть предъ нимъ на колѣни и одними слезами выражать мою къ нему признательность, навсегда запечатлѣвшуюся на моей памяти и сердцѣ—это замое утѣшительное изъ моихъ воспоминаній. Простившись съ Державинымъ, я долженъ былъ проститься съ семействомъ священника Петрова, въ которомъ я всегда былъ радушно принятъ. Здѣсь опять не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ. Въ академіи меня съ нетерпѣніемъ ожидалъ товарищъ мой Охотинъ; онъ побуждалъ меня скорѣе выѣзжать изъ Петербурга, такъ какъ всѣ поочурсники наши уже разѣхались. Мы вдвоемъ пошли проститься съ инспекторомъ академіи Іоапномъ, который сказалъ намъ, что онъ самъ былъ профессоромъ черниговской семинаріи, что сначала ему Черниговъ не понравился; но что потомъ онъ оставилъ его съ сожалѣніемъ; думаю,—сказалъ онъ,—что и вамъ послѣ Петербурга Черниговъ покажется непригляднымъ и скучнымъ, но когда вамъ придется разставаться съ нимъ, вы будете также жалѣть о разлукѣ съ добрыми черниговцами, какъ нѣкогда жалѣль и я. Выѣзжая изъ Петербурга, я долженъ былъ перенести еще одну горестную разлуку съ лицомъ, о которомъ еще не говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Это былъ студентъ шестаго курса, кроткій, чувствительный и добросердечный Михаиль

Ивановичъ Пановъ, землякъ пріятеля моего Козловскаго, который меня съ нимъ познакомилъ. Въ самомъ скромъ времени мы такъ подружились, что насъ называли братьями. Въ свободное время мы всегда почти сходились другъ съ другомъ и часто вмѣстѣ занимались своими предметами. Я по силамъ моимъ помогалъ Панову въ его учебныхъ занятіяхъ, а онъ дѣлился со мною тѣми лакомствами и пищей, которая онъ покупалъ на деньги, присылаемыхъ ему родными. Расскажу здѣсь одинъ смѣшной съ нами случай. Передъ праздникомъ Рождества Христова въ Петербургѣ на конной площади собираются изъ разныхъ мѣстъ торговцы съ рѣзанною живностію. Пановъ повелъ меня на эту площадь, чтобы купить тамъ что-нибудь для нашей скромной пищи. Купивъ двѣ утки, мы увидѣли въ мѣшкѣ что-то похожее на большие орѣхи или мерзлые яблоки. Что это такое? спросилъ Пановъ. Куриные пупки—отвѣчалъ продавецъ. Купили мы и ихъ. Пришедши съ нашими покупками въ больничную кухню, мы сами стали стряпать; обмыли пупки налили въ кастрюлю воды и когда она закипѣла, положили въ нее пупки и насыпали рису. Пришелъ больничный сторожъ и, увидѣвъ наше поварское занятіе, спросилъ: что это вы, господа, варите?—Супъ съ куриными пупками.—А разрѣзывали-ли вы ихъ и очистили-ли ихъ внутренность?—Нѣтъ.—Такъ вылейте же вашъ супъ въ помои, посмотрите на его желтый цвѣтъ и понюхайте чѣмъ онъ пахнетъ. Дѣло кончилось нашимъ общимъ хохотомъ, и потомъ товарищи, узнавши о нашей стряпнѣ, долго смеялись надъ нами.

Отъ смѣшнаго опять перехожу къ печальному. Пановъ провожалъ меня до первой станціи Софія, что близъ Царскаго села. Здѣсь мы должны были разстаться, долго мы съ нимъ обнимались и плакали, пока Охотинъ не заставилъ меня садиться въ повозку. Пановъ поѣхалъ со слезами; со слезами понесся и я по пустынному тракту, скорбя о томъ, что разстался съ Петербургомъ, Державинымъ и Пановымъ. Охотинъ былъ молчаливъ, серьезенъ и, кажется, недоволенъ мою плаксивостью, но я былъ счастливъ что имѣлъ спутника; не говоря уже о печальномъ настроеніи моего духа, я къ тому же не имѣлъ ни-

какого понятія о почтовой ъездѣ, и Охотинъ всѣмъ распоряжался по своему усмотрѣнію, часто противъ моего желанія. Онъ могъ днемъ и ночью спать на тѣсной и тряской телѣгѣ, катившейся по вымощенной тогда бревнами дорогѣ, и потому приказывалъ ямщикамъ закладывать для насъ лошадей и ночью, что для меня было непріятно. Со станціи Домовка два обратные ямщика уговорили насъ сѣсть поодиночкѣ на ихъ телѣгахъ. Охотинъ тому и обрадовался, что могъ одинъ на просторѣ спать. Я, изнемогая отъ тряски, тоже задремалъ, но проснувшись ночью увидѣлъ, что повозка моя стоитъ на мѣстѣ и на ней не было ямщика; я сталъ кричать, но отвѣта не было; страхъ напалъ на меня,—я опасался, что лопади отъ какого нибудь испуга могутъ понести меня или случится со мною какая нибудь напасть отъ человѣка или звѣра; и въ такомъ опасеніи пробылъ, пока не услышалъ звяканья колокольчика; оказалось, что ямщикъ мой ходилъ отыскивать своего сонливаго товарища и нашелъ ту телѣгу также стоящую на мѣстѣ, а сѣдока и возницу спящими.—Въ гор. Лугѣ намъ не дали лошадей, потому что всѣ были забраны подъ военный обозъ. Поневолѣ пришлось ночевать. Не вынося нашей поклажи, мы рѣшились спать въ телѣгѣ. Еще вечеромъ мы видѣли на станціонномъ дворѣ большаго привязанного къ колесу медвѣдя, съ которымъ забавлялись ямщики. Ночью Охотинъ заблагоразсудилъ пойти спать въ станціонную комнату, а я вскорѣ увидѣлъ того медвѣдя, сорвавшагося съ веревки и бѣгающаго по двору; въ страшномъ испугѣ я прибѣжалъ въ комнату и, разбудивъ Охотина, укорилъ его за то, что онъ оставилъ меня одного, а онъ только посмѣялся надо мною. Когда медвѣдь былъ опять привязанъ, мы оба уже ночевали на телѣгѣ. Въ городѣ Велижѣ, на западной Двинѣ, намъ отказали въ лошадяхъ. Хозяйка гостинницы, жидовка, предложила намъ обѣдъ, и мы, забывши совѣтъ академического доктора—не ъсть въ дорогѣ жидкой и жирной пищи, съ большимъ аппетитомъ по обѣдали, за что я поплатился въ дорогѣ сильною рѣзью въ животѣ и около получаса пролежалъ на землѣ. Охотинъ не испыталъ подобной болѣзни, потому что при обѣдѣ пилъ водку, которой

я еще не пробовалъ, и которую послѣ, по его настоянію, сталъ понемногу употреблять. Со станціи Усвятъ, мы по совѣту Державина поворотили на смоленскій трактъ. Въ Смоленскѣ мы провели сутки у нашихъ товарищѣй Козловскаго и Глухарева, которые прибыли туда недѣли за двѣ до насъ; отдохнувши у нихъ, мы продолжали путь по ровной дорогѣ, проѣхали Стародубъ и прибыли на станцію Паноровку, отстоящую въ 50-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, въ который думали въ тотъ-же день отправиться, но тутъ представилось намъ неожиданное препятствіе. Станціонный смотритель объявилъ намъ, что какъ мы два раза измѣнили законный маршрутъ, по которому изъ станціи Усвятъ намъ должно былоѣхать на Могилевъ, а изъ Стародуба прямо на Черниговъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ не давать намъ лошадей, пока мы не заплатимъ ему двойныхъ прогоновъ. Мы долго съ нимъ спорили, но онъ оставался непреклоненъ. Предполагая, что упрямецъ одумается, мы пошли прогуляться по берегу рѣки Ревны, протекающей чрезъ селеніе Паноровку, и видѣли на другой сторонѣ этой рѣки много каменныхъ строеній и между ними прекрасную церковь и большою домъ, на балконѣ котораго находилось много господъ обоего пола и разнаго возраста. Въ этомъ домѣ черезъ двадцать лѣтъ я радушно былъ принимаемъ за гостя. Возвратившись на станцію и не видя въ смотрителѣ ни малѣйшей уступчивости въ его требованіи, ночевали тамъ, а поутру разсудили удовлетворить его корыстолюбіе и получили лошадей. Отѣхавъ отъ Паноровки верстъ десять, я увидѣлъ съ моей стороны стоявшій близъ дороги хуторъ и выходившаго изъ него блокураго священника безъ шапки; онъ направлялся къ нашей повозкѣ и просилъ остановиться; подошедши къ ней, онъ спросилъ: „Откуда господаѣхете?“—Изъ Петербурга—отвѣчалъ я.—Нѣть ли между вали Самчевскаго?—Я обозвался, и тогда онъ сказалъ, что мать давнѣмъ давно меня ожидаетъ и сильно беспокоится, что доселе я не прибылъ, что онъ тотъ самый бывшій въ селѣ Роговкѣ дьячекъ Антонъ, который по порученію отца моего меня высѣкъ розгою, что онъ гоститъ теперь у своего родственника въ этомъ ~~дворѣ~~ и предложилъ намъ остановиться въ

немъ съ тѣмъ, что онъ съ своими родственниками проселочнымъ путемъ привезетъ насъ прямо въ село Лисконоги. Я обрадовался такому благопріятному предложению; перенесли наши чемоданы въ хуторъ и отпустили лошадей. Насъ угостили завтракомъ, за которымъ я въ первый разъ увидѣлъ женщинъ, пьющихъ водку. Когда мы проѣзжали село Колпинку, отстоявшую отъ Лисконогъ верстахъ въ пятнадцати, отъ Антонъ, сидѣвшій со мной на одной повозкѣ, остановилъ лошадей у одного дома и сказалъ мнѣ: „Здѣсь живетъ вашъ родной по матери дядя отецъ Стефанъ Калиновскій, не угодно ли вамъ зайти къ нему.“ Я рѣшительно отказывался, спѣша скорѣе увидѣть мать свою. „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, я забѣгу въ домъ узнать—живѣли ваши дядя, такъ какъ онъ былъ очень боленъ“. Минутъ черезъ пять онъ возвратился и сказалъ: „Здѣсь ваша матушка!“ Эта неожиданная вѣсть такъ меня поразила, что я нѣсколько времени не могъ прийти въ себя. Когда мы съ нимъ вошли въ дворъ, онъ указалъ мнѣ мою мать, отправившую тогда амбаръ. Съ волненiemъ я подошелъ къ ней и вскричалъ: „Матушка!“ Она съ изумленiemъ взглянула на меня и думая, что надѣю шутить, сказала: „Я сына здѣсь не ожидаю.“—Да вѣдь я сынъ вашъ Іосифъ,—сказалъ я!—„А покажи мнѣ свою лѣвую руку,—и съ этими словами она отвернула рукавъ моего сюртука и рубахи и, увидѣвъ шрамъ на рукѣ моей, со слезами бросилась обнимать меня.

Такимъ образомъ исполнился третій пунктъ моего петербургскаго гаданія. Я видѣлъ мать мою на пути моемъ въ чужомъ домѣ. Повидавшись съ больнымъ дядей, я на одной повозкѣ съ матушкой поѣхалъ въ Лисконоги; за нами вслѣдъ, хали другія двѣ повозки; на одной изъ нихъ былъ Охотинъ. Въ дорогѣ матушка моя, безпрестанно обнимая меня, говорила о своемъ житьѣ-бытьѣ во время пребыванія моего въ Петербургѣ, говорила, что меньшой братъ мой Левъ умеръ въ младенчествѣ, что братъ мой Николай, бывшій въ риторическомъ классѣ семинаріи, вздумалъ отнажды съ однимъ своимъ товарищемъ передъ праздникомъ Рождества Христова изъ Чернигова пѣшкомъ отправиться въ Лисконоги, что на пути своемъ при сильномъ

морозъ они слишкомъ озябли, сѣли отдохнуть въ лѣсу подъ сосною и уже начали было засыпать, но спасены были отъ смерти проѣзжавшими людьми, которые взяли ихъ къ себѣ на сани и довезли до ближайшаго села; что братъ Николай переведенъ теперь изъ риторического класса въ философскій и находится па вакаціяхъ въ нашемъ домѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая моего прїѣзда и горюя, что я до сихъ поръ еще не прїѣхалъ. Мы подѣхали къ Лисконогамъ, и я съ восторгомъ увидѣлъ родныя, незабвенные для меня мѣста. Вотъ тѣ вербы, подъ которыми я гулялъ съ мальчишками; вотъ то озеро, въ которомъ я съ ними украдкой купался, и за что былъ наказываемъ матерью; а вотъ па горѣ и домѣ нашѣ, въ которомъ я провелъ мое дѣтство. Когда мы подѣхали къ воротамъ дома, мать сказала мнѣ, что хочетъ обмануть брата, будто къ нему прїѣхалъ его товарищъ, и чтобы я подалъ ему свою подорожную. Вошедши во дворъ, матушка закричала: Николаша! къ тебѣ прїѣхалъ изъ Чернигова панычъ съ какимъ-то письмомъ.

Братъ, бывшій въ это время въ огородѣ, въ отвѣтъ на это закричалъ: „мнѣ теперь не до панычей и не до писемъ, когда Богъ знаетъ, живѣли братъ мой.“—Да иди-же скорѣе, говорила мать,—панычъ дожидается. Когда братъ сталъ подходить, я хотѣлъ было подать ему подорожную, но мать, не выдергавши, закричала: „это братъ твой Іосифъ!“ Мы обнялись въ слезахъ. Въ это время вышелъ изъ комнаты другой дядя мой, отецъ Симеонъ Калиновскій, заступившій послѣ отца моего его мѣсто и жившій въ нашемъ домѣ. Мы вошли въ домъ, братъ занялся раскуноркою моего чемодана, а мать повела меня по комнатамъ, указывая мнѣ диванъ, па которомъ я родился, и ту кровать, на которой я заваленъ былъ шубами; въ саду она указала ту яблоню, подъ которой отецъ меня высѣкъ за похищеніе яблокъ; указала мнѣ и тотъ коноплянникъ, въ которомъ я заблудился, и прочее. Вотъ исполнился и четвертый пунктъ предсказанія—я видѣлъ брата въ собственномъ домѣ, и мы плакали.

На другой день послѣ моего прїѣзда, во время нашего завтрака, прїѣхалъ изъ Новгородъ-Сѣверска дьячекъ съ пись-

момъ къ дядѣ отъ соборнаго протоіеря Стефана Яковлевича Ленковскаго, который просилъ дядю познакомить съ нимъ прибывшихъ изъ Петербурга профессоровъ. Я отказывался отъ этой поѣздки, желая короткое время провести въ родномъ домѣ, но дядя, мать и братъ усиленно начали просить меня побывать у Ленковскаго, говоря, что онъ всегда имѣлъ благодѣтельствовалъ, особенно, когда братъ мой учился въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ подъ его начальствомъ, какъ смотрителя этого училища; что Ленковскаго во всемъ уѣздѣ всѣ уважаютъ и любятъ, какъ добраго человѣка и начальника духовнаго управлениія. Нечего было дѣлать, нужно было согласиться, и я на другой день отправился въ Новгородъ-Сѣверскъ съ моимъ братомъ. Охотинъ не могъ намъ сопутствовать, потому что у него въ дорогѣ сдѣлалась на лицѣ сыпь. При отъѣздѣ нашемъ матушка говорила мнѣ, что я въ домѣ Ленковскаго увижу хорошенѣкую дочь его, на что я не обратилъ вниманія. По прїѣздѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ мы остановились сперва въ домѣ родной тетки моей, младшей сестры моей матери, по фамиліи Нюховой, гдѣ также мнѣ говорили о дочери Ленковскаго.

Когда мы пришли въ домъ послѣдняго, онъ чрезвычайно привѣтливо принялъ насъ и съ первого взгляда мнѣ очень понравился своею сановитостью и добрымъ лицемъ. Вскорѣ появилась жена его, Евдокія Федоровна, а за нею и дочь ихъ, Варвара Степановна; мнѣ она нисколько не показалась хорошенькою или, лучше сказать, просто не понравилась. Въ небольшомъ домѣ Ленковскаго была необыкновенная чистота и порядокъ. Угощеніе за обѣдомъ было весьма обильное, пища вкусная, было и вино, котораго я пилъ немного, а водки совсѣмъ не употреблялъ, что, какъ я послѣ узналъ, хожевамъ очень понравилось. При прощаніи моемъ съ отцемъ Ленковскимъ, онъ просилъ меня познакомить его съ моимъ товарищемъ Охотиномъ и назначилъ день нашего прїѣзда—30-е августа, день тезоименитства Императора. По возвращеніи домой матушка спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковскаго. Я отвѣчалъ, что не нахожу въ ней ничего хорошаго и

что вообще не хочу думать ни о какихъ барышняхъ. И такъ, исполнился пятый пунктъ предсказанія—мнѣ дочь Ленковскаго не понравилась.

30-го августа я съ братомъ и съ Охотинымъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ прямо въ соборъ, гдѣ тогда отецъ Ленковскій съ духовенствомъ отправлялъ торжественное молебствіе. Здѣсь онъ мнѣ еще болѣе понравился, когда я увидѣлъ его въ облаченіи. По окончаніи молебствія, протоіерей Ленковскій самъ повелъ насъ въ домъ свой, весьма близко отстоящій отъ собора; въ домѣ было уже довольно гостей и въ числѣ ихъ бывшій студентъ четвертаго выпуска петербургской духовной академіи—Лукашевичъ, учитель новгородъ-сѣверскаго духовнаго училища. Въ академіи я былъ съ нимъ мало знакомъ, зналъ только, что онъ выпущенъ послѣднимъ кандидатомъ, что ему за какую-то провинность въ поведеніи не дали учительскаго мѣста въ семинаріи, и назначили учителемъ новгородъ-сѣверскаго духовнаго уѣзднаго училища только потому, что онъ въ академіи далъ обѣтъ поступить въ монахи. Во время обѣда, когда вся компанія весело болтала, Лукашевичъ, непомѣрно угостившись водкой и виномъ, ни съ того, ни съ сего обратился ко мнѣ съ такими словами: „Помните-ли, Иосифъ Акимовичъ, какъ мы съ вами погуливали въ Петербургѣ?“ Озадаченный такимъ наглымъ обращеніемъ, я отвѣчалъ, что не знаю, гулялъ-ли онъ, бывши студентомъ академіи, а мнѣ было не до гулянья, что можетъ подтвердить мой товарищъ. Яковъ Ивановичъ Охотинъ, бывшій самъ павеселъ, защищалъ меня, сильно колпунъ Лукашевича, сказавъ, что если-бы мы погуливали въ академіи, то не кончили бы курса магистрами и профессорами семинаріи, а попали-бы развѣ только въ уѣздные учителя. Ленковскій при этомъ сказалъ, что и онъ такъ думаетъ. По окончаніи обѣда, когда гости разошлись, Ленковскій просилъ у настѣ извиненія, что пьяный Лукашевичъ сдѣлалъ такую непріятную для него, для настѣ и для всѣхъ присутствующихъ выходку; при этомъ онъ рассказалъ намъ о Лукашевичѣ слѣдующее. Когда въ черниговскомъ семинарскомъ правленіи было получено извѣстіе о назначеніи Лукашевича учителемъ и

исправляющимъ должностъ инспектора въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ, то черниговскому архіерею въ то же время сообщено было объ обѣщаніи Лукашевича поступить въ монашество и поручено наблюдать за его поведеніемъ. Лукашевичъ, поступивъ на службу, сталъ вести нетрезвую жизнь и при такомъ поведеніи вздумалъ сдѣлать предложеніе дочери Ленковскаго, но получивъ рѣшительный отказъ, женился на дочери другаго протоіерея, Васильковскаго, находившагося съ Ленковскимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ со стороны тестя и зятя начались интриги и потомъ отъ послѣдняго доносы на Ленковскаго въ семинарское правленіе, въ которыхъ Лукашевичъ между прочимъ писалъ, что будто Ленковскій навязывалъ ему въ певѣсты дочь свою и теперь мститъ ему за то, что онъ не согласился взять ее по причинѣ ея болѣзнина состоянія и дурнаго характера. Отъ Ленковскаго семинарское правленіе требовало объясненія на такіе доносы. Изъ этихъ взаимныхъ пререканій составилось большое дѣло, которое впослѣдствіи я самъ читалъ въ семинарскомъ правленіи. Рѣшительному окончанію этого дѣла послужило представленное Ленковскимъ въ семинарское правленіе собственноручное письмо Лукашевича, въ которомъ онъ, сватаясь на дочери Ленковскаго, выхвалилъ ея качества и изъяснялъ къ ней свою любовь. Архіерей на протоколѣ семинарского правленія положилъ такую резолюцію: для возстановленія въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ прежняго въ немъ порядка и тишины поручить инспекторскую въ немъ должностъ благонадежнѣйшему учителю, а Лукашевичу объявить, что если онъ не исправится въ своемъ поведеніи, то будетъ удаленъ и отъ учительской должности. Окончивъ весь этотъ разсказъ, Ленковскій опять извинялся предъ нами въ томъ, что онъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ Лукашевича, какъ человѣка намъ знакомаго по Петербургу, желая тѣмъ доставить намъ удовольствіе. Когда мы прощались съ Ленковскимъ, онъ убѣдительно просилъ насъ не прерывать знакомства съ нимъ и не оставлять его нашиими отвѣтными письмами, такъ какъ онъ по должностіи смотрителя духовнаго училища зависѣлъ отъ семинарскаго

правленія и нуждался въ нашей къ нему пріязни. Мы разстались съ нимъ какъ гости пріятные всему семейству; жена и дочь его выражали надежду на продолженіе нашего знакомства и надавали на дорогу въ Черниговъ много разныхъ печеній, которыми сама дочь поручила брату моему угощать насъ во время путешествія. По возвращеніи въ домъ нашъ, матушка опять спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковскаго. Я отвѣчалъ то же, что и прежде говорилъ о ней. Черезъ два дня мы выѣхали изъ Лисконогъ въ Черниговъ на двухъ сельскихъ подводахъ, изъ которыхъ на одной сидѣль я съ братомъ, а на другой Охотинъ со всѣмъ нашимъ багажемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому.

(ОКОНЧАНИЕ¹).

6²).

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Вы обращали меня вашимъ письмомъ. Я полагалъ, что вы уже оставили,—если не забыли меня. Мнѣ бы это было прискорбно тѣмъ болѣе, что все то дѣло выходило изъ пустяковъ. Съ такою же прямотою и откровенностью скажу вамъ и увѣряю въ томъ, что никто рѣшительно не стоитъ и не стоялъ между нами, чтобы поселить во мнѣ какіе либо толки и превратныя сужденія. Прочтя Отеч-хъ Зап-къ извѣстн. книгу и выходки противъ меня, я принялъ ихъ въ настоящемъ смыслѣ, коего и вы не отринете, и при случайѣ сказалъ вамъ, что запало въ душѣ моей, удивлялся противорѣчіямъ, въ той же книгѣ встрѣчавшимся, и не зналъ, чему все это приписать. Потомъ, какъ уже высказавши все, я забылъ и оставилъ какъ минувшее—до слуха—дѣло. Принимаю ваши извѣясненія и, соглашался съ ними, молчу и васъ прошу оставить все безъ вниманія, полагая что подобнаго между нами никогда болѣе не произойдетъ. Но долженъ вамъ сказать, что при появлениі у насъ той кн. От. Зап. здѣсь все взбунтовалось противъ вашего журнала (не о мнѣ рѣчь, это частное, а вообще о духѣ журнала), чрезъ нѣсколько дней измѣнившемъ сужденія свои на счетъ Малор. ли-

¹) См. № 11.

²) Шестое и седьмое письма печатаются съ пропусками.

тературы. Евгений Павловичъ, бывъ здѣсь, самъ слышалъ нѣкоторыя слабыя выходки; были громче, разительнѣе. Жаль очень, что онъ не засталъ того *pана*, гдѣ пилъ вонючую воду, онъ бы услышалъ еще болѣе. Но и это дѣло кончено..... Чужбинскій (въ 10 кн. Москвитянина) началъ хорошо, но не дописалъ. Мы просили-бы рецензентовъ оставить настѣ въ покой, а заниматься разборомъ своихъ. *Салдацкій патретъ*¹⁾ намекалъ имъ о томъ, но они за незнаніемъ языка, пропустили безъ вниманія.

Все въ сторону, вашу руку—и опять по прежнему. Чего убѣдительно прошу.

Благодарю васъ за приступъ къ исполненію моихъ просьбъ.

Посылки еще не получилъ, но она придетъ на дняхъ. Обыкновенно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія получается здѣсь. Теперь прошу обѣ исполненіи и послѣдней просьбы: по прилагаемой запискѣ подписать по адресу на полученіе французскихъ журналовъ и, если можно, съ первою почтою выслать билеты, чтобы подписавшаяся была обеспечена и не упустила-бы срока для подписки. Еслибы я зналъ, что не отягощу васъ издержками сверхъ нашего счета, въ надеждѣ удовлетворить васъ, то я просилъ бы и еще нѣкоторыхъ изданій, за что и поспѣшилъ бы расплатиться одною—другою статьею, но безъ вашего объясненія не говорю ничего.....

NB. Не смотрите на языкъ, на изложеніе, на удачное или на ловкое спѣщеніе приключеній, но главное смотрите на цѣль и въ какой степени она достигнута.

Обѣ этомъ прошу Васъ вспомните скоро—скоро.

Овому талантъ, овому ничего. Какъ не разсказано, по для чего размазано, и отъ чего *такъ* разсказано, пожалуйста вникните; это рѣдко наблюдаютъ всѣ гг. судьи. И вамъ некогда до будущей бесѣды.

Какъ былъ таковъ и всегда преданный Григорій Квитка.

25 октября 41. Основа.

Обѣ удержаніи имени Основьяненка скажу при случаѣ.

¹⁾ Повѣсть, напечатанная въ альманахѣ „Утренняя Звезда“ 1833 г.

7.

28 до кабра, 41. Основа.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Отъ души благодарю васъ за все беспокойство къ очищенню счетовъ пашихъ, и чрезъ то моя жена снабжена на цѣлый годъ свѣдѣніями о французской литературѣ. Въ долгъ не остануся у васъ, вышлю вамъ—не знаю когда за отвлеченіями—я не знаю еще что. Вы желали бы чего изъ исторіи нашей; мы, слобожане, не составляемъ Малороссіи. Еще они, малороссіянине, судили, да рядили, какъ бы отстать отъ нечистыхъ ляховъ и къ кому бы *выгоднѣе* пристать, какъ предки наши не долго думавши, поднялись и пошли къ родному Батюшкѣ, Царю Русскому, сѣли по Украинѣ слободами (селеніями по границѣ) и давай отбиваться отъ татаръ и заслонять собой Россію. И этому едва 200 лѣтъ. Раздумщиковъ между нашими не было, слѣдовательно, все шло тихо и чинно. Только и дѣйствій, что поколотить татаръ и усмирять ихъ на сколько времени. Тутъ не разгуляешься воображеніемъ, не отыщешь характера особенного, всѣ были на одну стать, исторіи поживы никакой. Случались только смуты отъ Татаръ, не найду ли тамъ чего стоящаго Отеч. Записокъ—и скажу вамъ, что обѣ этомъ хлопочу не лѣниво. Лишь бы попалось что подъ руку, тотчасъ передамъ вамъ. А въ случаѣ повѣсть пригодная слѣпится (у меня онѣ часто набѣгаютъ, потому что этотъ народъ прекурьезный съ своими понятіями, чувствами, какихъ, право, не найдешь въ гостинныхъ), доставлю вамъ.....

Будьте здоровы въ новомъ годѣ и да исполняется все по желанію вашему. Не перемѣняйте расположенія къ уважающему васъ и преданному Григорію Квиткѣ.

.....

8.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Благодаря вашему старанію, всѣ выписанные Вами французскіе журналы на имя жены моей получаются исправно, выключая *Jurnal g  eneral de la litt  rature de France*, котораго и до сего времени неѣть въ полученіи, а можетъ быть по какимъ-нибудь разсче-

тамъ, не нашимъ, они и не будутъ высылаемы; въ ~~такомъ~~ слу-
чаѣ я просилъ бы, если только можно сдѣлать эту перемѣну,
чтобы вмѣсто того Journal de la littér. etc. выписать для нась
же на имя жены моей Отечественныя записки 42 года. Повто-
ряю—если это не затруднитъ васъ. Journal—съ пересылкою
стоитъ 24 серебр. „Отечественныя Записки съ пересылкою 15 р.
80 к. Остатокъ очистить передержанное Вами. Покоряѣшій
Григорій Квитка. ..

7 февраля 42. Основа.

9.

17 октября 42. Харьковъ.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Есть у
меня статья подъ названіемъ „1812-й годъ въ провин-
ціи“ ¹⁾). Въ ней изложено все, начиная отъ первыхъ извѣстій о
вторженіи непріятеля, собранія ополченія, вѣстей о Смоленскѣ,
Бородинской битвѣ, занятія Москвы, изгнаніи и истребленіи
злодѣевъ. Все это изложено въ дѣйствіи, разсказы, толки, по-
нятія, дѣйствія сословій, кое-какіе эпизоды—и проч. и проч.
Статья будетъ изъ 50-ти или болѣе страницъ моего мелкаго и
тѣснаго письма. Слѣдовательно, въ печатномъ займетъ листа
четыре, когда не болѣе. Скажите со свойственною вамъ откро-
венностью, пригодна ли она для вашихъ От. Зап. За недосу-
гомъ по занятіямъ служебнымъ, не могу ранѣе окончить какъ
въ декабрѣ или январѣ къ концу. Можете-ли вы, за нее, або-
нироваться для меня на иѣкоторые журналы русскіе и ино-
странные, на какую сумму, и чтобы я уже съ новаго года по-
лучалъ ихъ? Если согласитесь, то вслѣдъ доставлю вамъ за-
писку о журналахъ и сколько будетъ написано статьи, вѣрно
половина. Изъ начала вы посудите о послѣдующемъ и тогда рѣ-
шительно скажете, пригодна ли она вамъ и снабдите меня
журналами (къ чему время не уйдетъ), а если не понравится,
то возвратите мнѣ ее, или передадите, куда буду просить васъ
тогда. Ожидая незамедлительного вашего рѣшенія и поздрав-

¹⁾ Повѣсть, начата мною въ От. Зап. 1843 г., т. 27.

ляю васъ съ возрастающимъ успѣхомъ вашихъ Отеч. Записокъ. Новый годъ да исполнитъ всѣ ваши желанія.

Не перемѣняйте расположенія къ преданнou Григорію Квит.

И здѣсь что-то начинаютъ пошевеливаться. Кажется скоро выйдетъ что-нибудь и наше—цѣлое. Наше, не пугайтесь, *не хохлацкое*, а мѣстное, людское¹⁾).

10.

Съ 1843-мъ новымъ годомъ, будьте здоровы, милостивый государь Андрей Александровичъ, благополучны во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ и все да будетъ по желанію вашему! Въ первый день года первое письмо пишу къ вамъ и спѣшу препроводить послѣдній кусокъ моей статьи. Хотя и увѣренъ, что вы скажете мнѣ, но убѣдительнѣйше прошу, со всею откровенностью сказать, какъ вы находите ее и что будутъ судить и рядить о ней. Предметъ то интересный, но выполнено-ли желаніе. Прикажете въ наборѣ смотрѣть внимательно за прибавленіями отъ 64-й страницы. Знаки, кажется, ясны, но бѣда если перепутаютъ.

Выходкою противъ честныхъ журналистовъ, ей Богу, не воздержался, пусть идетъ; впрочемъ ваша воля, не моя.

И какъ кстати вы доставили удовольствіе моей Аннѣ Григорьевнѣ, присылкою книгъ и болѣе миленькою шляпкою, очень ей поправившуюся. Къ самому празднику все пришло. Извините за хлопоты, если онѣ были вамъ не по рукѣ, и скажите откровенно, не отяготимъ-ли васъ на будущее время?—Не получая отъ васъ извѣстія долго, я было посомнілся на счетъ достоинства статьи, но вижу, что она принятa. И такъ теперь, пока только двѣ просьбы: о высылкѣ Рындину (моему доктору, который меня держитъ на свѣтѣ) кн. От. Зап. и о подписи подъ моими статьями только: „Основьяненко“ и больше ничего. Грицка прочь. Извините, оканчиваю. Щду идолопоклонствовать. Всегда одинаковой къ вамъ Григорій Квитка.

¹⁾ Вероятно, имѣется въ виду „Молодикъ“, альманахъ, вышедший въ Харьковѣ въ 1843 году.

11.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ много и очень много за удовольствіе, доставляемое и на сей годъ вашими „Отечеств. Записками“. Первую книгу съ наслажденiemъ прочелъ и снова благодарилъ, равно и за будущее наслажденіе въ слѣдующихъ книжкахъ, въ коихъ постараюсь быть вкладчикомъ, хотя къ концу года, чѣмъ нибудь. Также всѣ изданія русскія, очень исправно получаются. Вотъ французскія не идутъ въ ладъ. Прилагаю у сего записочку, что еще не получено ни одного №. Въ прошломъ годѣ также все исправно получалось, выключая одной книж., какъ гласить записочка съ подробнымъ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ ней, какъ видно изъ извѣстія въ послѣдней. Не пособить ли газетн. экспедиція, отыскавъ ее у себя или дополнивъ изъ лишнихъ, можетъ у ней имѣющихъ.

Не найдете ли лишнимъ сказать въ От. З. такъ, гдѣ нибудь, въ уголкѣ, въ извѣстіяхъ, чтобы дополнить страницу, что „Молодикъ“, литературный сборникъ, составляемый въ Харьковѣ Г. Бецкимъ, уже печатается съ генваря сего года и наконецъ выйдетъ. Многіе подписчики сѣтуютъ за невыдачу его и ведутъ толки о Бецкомъ а la Полевой, такъ хотѣлось бы оправдать его.

Будьте здоровы и не ослабѣвайте въ трудахъ на пользу и удовольствіе общее.

Искренно преданный и уважающій васъ Григор. Квитка

10 февраля 43 Харьковъ

Журналовъ и книгъ получено и получается на 537. 83

По разсчету что за кѣмъ будетъ?

Изъ высылаемыхъ фр. журналовъ, С. Петербургская газетная Экспедиція пишеть, что 2-й и 4-й №№ Magasin pittoresque не высланы. Можетъ до сихъ поръ и Revue de Paris не досланный кн., о которыхъ я писалъ прежде, получены, то просимъ о высылкѣ.

5 № Revue Etranger-не высланъ еще. Одолжили бы высыпкою, что бы изданіе было вполнѣ.

12.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Изъ Лит. Газеты увидѣлъ, что мой „1812 годъ“ помѣщенъ въ журналѣ Вашемъ. Книги самой еще не получилъ за неприходомъ тяжелой почты, съ которою, не знаю отъ чего, разсылается журналъ Вашъ. По моему предположенію статья моя заняла у васъ 8-9 листовъ. Прежде нежели сообщите вы мнѣ обѣщанный разсчетъ, обстоятельства требуютъ беспокоить васъ покорнѣйшею просьбою о высылкѣ по прилагаемой запискѣ. Не вмѣстно вамъ такое порученіе, но вы избаловали насъ, угодивъ очень зимнею шляпкою. Полагаю, что денегъ у васъ достаточно для того будеть, а высылка нужна непремѣнно скорѣе, если бы можно, что бы къ празднику здѣсь было. Если же почему либо невозможно этого сдѣлать, по разсчетамъ, или по неудобству вамъ, въ такомъ случаѣ убѣдительно прошу васъ потрудиться и отложить всѣ заботы, съ первою почтою увѣдомить, что бы мы могли распорядиться, или не накупить здѣсь того же, по дряннаго.

Къ осени прислать вамъ что нибудь придумаю и озабочусь.

Искренно преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга Григорій Квитка.

20 Марта 1843 Харьковъ.

13.

25 Апрѣля 43 Харьковъ.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ чувствительно за все ваше одолженіе въ присылкѣ по запискѣ моей. Скоро и все прекрасное, выключая шляпки. Она какъ то найдена не такъ изящною, какъ прочее все; и матерія, изъ коей она сдѣлана, простовата, и чепчика подъ ней нѣтъ, и вообще не удовлетворительна, полагаю, что мы причиною, назначивъ цѣну сообразно съ здѣшними, слѣдовало бы написать просто шляпку *такую-то*, во что обойдется. Впередъ наука, полагая, что вы не откажете въ просьбѣ нашей, когда доставлю вамъ статью, которую припасать приступаю. Времени мало. №№ Magasin pittoresque не получены и по нынѣ (2-й и 4-й). Весьма бы интересно получить, чтобъ вполнѣ было изданіе.

Каковы отзывы о моей статьѣ? Хотѣлось бы знать. Кромѣ нелѣнаго моего почерка, отчего нѣкоторыя слова измѣнены въ смыслѣ, есть пропуски въ словахъ и даже въ строчкахъ. Примѣчаю, что и *Пчелъ* понравилась цѣль; если припомните, вызываетъ современниковъ описывать старину и былое въ ихъ времѧ и помѣщая въ журналахъ. Подавилась Пчела въ словѣ, хотѣвши сказать, что какъ сдѣлано въ Отечествѣ. Запискахъ. Будьте здоровы—главное для васъ и любящихъ васъ. Не ослабѣвайте на подвигѣ—нужное для всѣхъ насъ, любящихъ истину и русское слово.

Преданный вамъ и искренно благодарящій васъ, почитающій и покорнѣйшій слуга Григорій Квитка.

14

Милостивый Государь Андрей Александрович! Благодарю, искренно, отъ всей души благодарю за все присланное вами, за всѣ ваши труды и хлопоты. Все прекрасно, какъ только желать было можно. Долгъ по счету вѣрному не на долго останется за мной, постараюсь, чтобъ статья была пригодна для Отеч. Записокъ. Іюньской книжки нѣтъ еще у насъ; жду съ нетерпѣніемъ суда о „Молодикѣ“. Ваше замѣчаніе, что внутренность не отвѣчаетъ заглавію: за чѣмъ статьи—и о чёмъ?—не Украинецъ?—не только драть за уши, не знаю какъ здѣшнимъ стихотворцамъ и намекнуть о ихъ произведеніяхъ? Вѣдь то стихотворцы. Вотъ вамъ одного изъ нашихъ произведенія. Коли пригодны, удостойте чести стать въ вашемъ журнале, а если заслуживають вознагражденіе, то сочинитель просить экземпл. вашего журнала на сей годъ. Адресъ хотя на мое имя. Если видно въ сочинителѣ дарованіе, то я и еще буду его поджигать, чтобъ высыпалъ вамъ.

П. И. Григорьевъ, веселившій нашъ Харьковъ своею отличною игрою, доставитъ вамъ это письмо и разскажетъ вамъ о личности моей и о моихъ обстоятельствахъ, гнетущихъ меня.

Будьте здоровы и успѣвайте въ благихъ трудахъ и намѣреніяхъ вашихъ. Вашъ искренно преданный Григорій Квитка.

13 іюня 43. Харьковъ.

Никогда не должно основываться на первыхъ мысляхъ, измѣняемыхъ по разсмотрѣнію обстоятельствъ. Шляпка вышла въ послѣдствіи больше чѣмъ хороша—прелестна, какъ разсмотрѣлись да попріглядѣлись на здѣшнія выписныя.

Замѣтивъ на пакетѣ вашемъ черную печать, я погрустилъ о горѣ вашемъ, а узнавъ о причинѣ, принимаю искреннее участіе. Знаю и испытываю, какое благо добрая жена!

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.¹⁾

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

У каждого уѣзднаго военнаго начальника были еще участковые военные начальники: поручики, штабсъ-капитаны. Скоро ихъ испортила большая власть и угодничество пановъ и ксендзовъ. Они зазнались и стали во всемъ потакать панамъ и ксендзамъ. Конечно, между ними были исключения, но довольно рѣдкія. Я сразу замѣтилъ, что мнѣ много будетъ съ ними хлопотъ по училищному дѣлу. Я рѣшился расположить ихъ къ себѣ своимъ авторитетомъ и ласковымъ обхожденiemъ. Но это рѣдко пособляло. Пришлось ихъ гнуть. Нѣкоторые изъ этихъ господъ успѣли жениться на полькахъ, помѣщичихъ дочкахъ, и зажили барами на ихъ приданое.

Въ мѣстечкѣ Шакахъ вла диславовскаго уѣзда учителя жаловались, что имъ неисправно выплачивается содержавіе. Бургомистръ сознался, что складку училищную жители вносятъ неохотно, и часто участковый начальникъ простоянавливаетъ сборъ таковой. Учителя прибавили, что участковый въ большой дружбѣ съ пробоющемъ, а пробоющъ злится за устраненіе его отъ должности попечителя училища. „Почему вы сами не просите участковаго начальника?“—Къ нему нѣтъ доступа: онъ сдѣлался большой баринъ!—отвѣчали учи-

¹⁾ См. „Киев. спб.“ 1893 г., № 11.

теля. „Кто онъ?“—Поручикъ N.—Я думалъ, что если я, вмѣсто того чтобы пригласить его къ себѣ для объясненій, сдѣдаю ему визитъ, то N охотно исполнитъ мое требованіе, и мнѣ не прійдется беспокоить генерала Ганецкаго. Часовъ въ 11 утра, оставляя Шаки, я подѣхалъ къ квартирѣ N. Долго я напрасно звонилъ съ параднаго хода. Мнѣ не отпирали. Думая что никого нѣтъ дома, я направился уже къ экипажу. Но вдругъ изъ-за забора слышу: тебѣ, панъ, что нужно? Вижу стоитъ солдатикъ съ щеткой въ рукахъ. „Начальникъ дома?“—Дома!—„Отопри мнѣ входъ!“—Туда нельзя—отѣхнешь солдатикъ: идите черезъ дворъ.—Онъ ввелъ меня въ кухню, а затѣмъ въ свою лакейскую комнату и понесъ мою карточку барину. Входя, солдатикъ не заперъ за собою двери, и начальникъ и я очутились лицомъ къ лицу: онъ—на креслѣ у самовара, я—въ лакейской. N былъ въ рубахѣ и въ персидскомъ халатѣ въ накидку, въ туфляхѣ на босую ногу. Онъ окинулъ меня юпитерскимъ окомъ, посмотрѣлъ карточку и сказалъ громко, чтобы я слышалъ; „Что за невѣжливость беспокоить въ такую раннюю пору! Скажи этому начальнику Дирекціи, что раньшѣ часу я его не приму. Пусть явится въ часъ!“ Не дожидалась передачи этихъ словъ, я вышелъ и уѣхалъ изъ Шакъ. Пришло обѣ всемъ передать Начальнику Военнаго Отдѣла. Спустя нѣсколько дней генераль Ганецкій сообщилъ мнѣ, что училищная складка во всемъ участкѣ N собрана вполнѣ, и учителя исправно получаютъ жалованье. При этомъ Ганецкій сказалъ, что участковому N предписано строжайше, при проѣздѣ моемъ черезъ его участокъ, встрѣтить меня на границѣ участка въ полной формѣ, рапортовать обѣ исправномъ сборѣ складки и исправной выдачѣ учителямъ жалованья и топлива, провожать меня отъ училища къ училищу и въ мѣстахъ отдыха и ночлега отводить мнѣ приличныя и удобныя квартиры. Квартира въ обѣзѣдѣ не полагалась. При этомъ Ганецкій просилъ меня держать себя съ участковымъ начальникомъ N по-начальнически. При первомъ обѣзѣдѣ я встрѣтилъ N на границѣ его участка и выслушалъ отъ него рапортъ. N скакалъ двое сутокъ впереди моего экипажа. Въ училищныхъ комнатахъ держался у порога, а въ

ночлежной квартирѣ стоялъ у порога до тѣхъ поръ, пока я не опустилъ его, все спрашивая, не будетъ ли какихъ приказаний. Это хорошо подействовало и на другихъ участковыхъ. Они стали являться во время моихъ объездовъ ко мнѣ; исполняли мои требованія и просили въ случаѣ надобности присыпать прямо къ нимъ требованія, не обращаясь къ начальнику Отдѣла. Требованія эти будутъ исполняться безъ замедленія. Такимъ образомъ, благодаря Ганецкому учителю стали исправно получать свое содержаніе, а при обезпеченнемъ ихъ состояніи уже не такъ трудно было, какъ слѣдуетъ, вести учебную часть.

Въ Мариампольскомъ уѣздѣ я нашелъ слѣдующія 8 училищъ: 1) Мариамп. Катол. (1808); 2) Мариамп. Еванг. (1840); 3) Пильвишки Катол. (1833); 4) Пильвишки Еванг. (1833); 5) Бальвержишки Кат. (1844); 6) Прены Кат. (1802); 7) Прены Еван. (1849) и 8) Годлево Еван. (1846).

Въ Августовскомъ уѣздѣ были слѣд. училища: 1) Август. Кат. (1806 г.); 2) Ракки Кат. (1834); 3) Гутта Штабинская Кат. (1859); 4) Штабинъ (1859); 5) Липскъ Кат. (1812) и 6) Сопоцкинъ Кат. (1850). И такъ во всей губерніи я нашелъ 48 начальныхъ училищъ, которыхъ учреждались въ разное время. Филипповское въ XVI столѣтіи, Виштинецкое тоже въ XVI столѣтіи; всѣ прочія въ XIX столѣтіи; начиная съ 1800 и по 1864 годъ. Липскъ и Сопоцкинъ находятся въ мѣстности, сплошь и рядомъ населенной русскими уніатами, которые въ домашнемъ обиходѣ, несмотря на знаніе польского языка, употребляютъ между собою русскій языкъ. Въ Сопоцкинскомъ и Липскомъ училицахъ русскій языкъ вовсе не преподается; З. Божій читали для уніатскихъ дѣтей католическіе ксендзы. Уніатскіе священники были всѣ шляхетскаго католического происхожденія; они получили воспитаніе въ базиліанской школѣ. Они носили костюмъ католическихъ ксендзовъ. Въ обращеніи съ народомъ употребляли польскій языкъ. Хотя богослуженіе совершалось на церковно-славянскомъ; но разныя *литанія* и *гимны* пѣлись на польскомъ языкѣ въ сопровожденіи органа. При богослуженіи употреблялись колокольчики, какъ это имѣетъ мѣсто въ костеляхъ. Эти священники внушали народу, что

уніаты, им'я своїмъ главою римського папу, составляють осо-
бий видъ католиковъ и поляковъ, и потому они им'ють право
совершать таинства и требы и въ своихъ храмахъ, и въ католи-
ческихъ костелахъ. Вся разница въ томъ, что католики, даже
хлопы католики—шляхетскаго происхожденія, а уніаты всѣ
хлопскаго происхожденія. Богатые уніаты, особенно уніатки,
чтобы причислить себя къ шляхетскому польскому про-
исхожденію, переставали мало по малу посѣщать свои
церкви, а ходили въ костели, исполняли тамъ таин-
ства и требы и заносились въ костельные списки въ число
католическихъ прихожанъ. Такимъ образомъ много уніатскихъ
семействъ числились и въ церковныхъ уніатскихъ спискахъ,
какъ уніаты, и въ костельныхъ спискахъ, какъ католики. Уніат-
ские священники во всемъ подражали католическимъ ксендзамъ
и тоже, какъ послѣдніе, братались съ панами и держали ихъ
руку. Все различіе отъ ксендзовъ состояло только въ томъ,
что уніатские священники были женаты. Но семейства ихъ сты-
дились посѣщать хлопскія уніатскія церкви. Они посѣщали ко-
стелы и въ нихъ исповѣдавались, считая себя настоящими ка-
толиками. Семейства этихъ священниковъ въ религіи и въ по-
литикѣ были фанатичнѣе самихъ поляковъ-католиковъ, и въ
революції 1863 г. принимали очень дѣятельное участіе.

Оставляя Сувалкскую учебную Дирекцію въ 1871 году, я
оставилъ въ ней слѣдующія учебныя заведенія, снабженныя въ
достаточномъ количествѣ учебными пособіями, въ томъ числѣ
для наглядного обученія, и во всѣхъ этихъ училищахъ препо-
даваніе всѣхъ предметовъ происходило на русскомъ языкѣ:
1) Сувалкская семивласнаа мужская гимназія, 2) Сувалкская
шестивласнаа женская гимназія; 3) Маріампольская семивлас-
наа гимназія, 4) Вейверскіе Педагогическіе трехвласные
курсы и 5) Начальныя училища: въ Августовскомъ уѣздѣ—34;
въ Маріамп. уѣздѣ—19; въ Владиславовскомъ уѣздѣ—13; въ Вол-
ковышскомъ уѣздѣ—21; въ Калварійскомъ уѣздѣ—16; въ Сейн-
скомъ уѣздѣ—15; въ Сувалкскомъ уѣздѣ—23. Въ теченіе 64-хъ
лѣтъ въ Сувалкской, прежде Августовской губерніи, устроено
было всего 46 училищъ, т. ч. со старыми двумя (XVI вѣка) я

засталь 48 училищъ. Въ теченіе пяти лѣтъ я успѣлъ вновь открыть *девяносто три* училища, подготовилъ учителей для нихъ, завелъ въ нихъ библіотеки, снабдилъ всѣми учебными пособіями, въ томъ числѣ наглядными, прочно вдоворилъ въ нихъ государственный языкъ. Для православныхъ дѣтей, оставшихся сиротами послѣ православной солдатки матери или послѣ православнаго солдата отца, открылъ училища въ Сувалкахъ, Мариамполѣ и Кибортахъ. Для единовѣрцевъ, которымъ предстояло тоже, въ виду необходимости грамотности, посыпать дѣтей въ польскія училища, открылъ четыре училища. Для ста-рообрядцевъ открылъ три училища и для русскаго населенія грекоуніатской мѣстности тринацдцать училищъ. Евреи тоже получили свои самостоятельныя училища, въ которыхъ всѣ предметы и религія преподавались на русскомъ языкѣ. Нѣмцы волей неволей должны были учиться по-русски. Правда, за нихъ мнѣ пришлось вытерпѣть и много униженій и сдѣлать своимъ врагомъ сенатора Витте, который пригласилъ меня въ Царство Польское. Онъ принялъ сторону Жерве; приписалъ ему почти весь успѣхъ учебнаго дѣла; мнѣ надѣлалъ грубостей; но какъ порядочный и при томъ осторожный человѣкъ, сознавая, съ одной стороны, свою несправедливость, съ другой, опасаясь компрометировать себя въ сочувствіи нѣмецкимъ стремленіямъ, онъ выражалъ въ одно и то же время одобреніе моимъ дѣйствіямъ, особенно послѣ министерской ревизіи, и старался ко-свенно препятствовать мнѣ въ принимаемыхъ мною мѣрахъ и обходить меня наградами; онъ называлъ меня въ лицо своимъ другомъ, говорилъ, что высоко цѣнитъ мою дѣятельность, а за глаза представлялъ меня человѣкомъ грубымъ, упрямымъ, без-тактнымъ и немножко краснымъ.

Я лично познакомился съ каждой гувернанткой и гувернеромъ, съ каждой содергательницей ученической картиры, предварительно забравъ справки о ихъ нравственномъ и политическомъ поведеніи и у жандармскаго, и у военнаго начальства, и такъ ихъ направилъ, что въ 1870 году они все шли указаннмъ мною путемъ.

Всѣ города, мѣстечки и посады переполнены были еврейскими религіозными школами (хедерами), въ которыхъ учили

меламеды, религіозные учителя, большою частью фанатики, внушиавшіе дѣтямъ ненависть вообще къ христіанамъ и въ особенности къ русскимъ. Я назначилъ меламедамъ годичный срокъ для выдержанія испытанія въ Дирекціи въ толковомъ чтеніи и письмѣ по-русски, и тѣхъ только допускалъ къ преподаванію въ хедерахъ, которые выдержали удовлетворительно это испытаніе. Такимъ образомъ чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ проникло и въ эти училища. Чтобы не произвести волненія между еврейскимъ населеніемъ, я предварительно пригласилъ къ себѣ изъ всей губерніи раввиновъ на совѣщаніе и объяснилъ имъ необходимость евреямъ знать государственный языкъ, сказавъ, что кроме этой цѣли у меня нѣть другой, и что преподаваніе религіи останется неприкосновеннымъ. Они обѣщали обратиться во время богослуженія въ синагогахъ къ евреямъ и успокоить ихъ. Дѣйствуя такъ, я имѣлъ основаніе въ какомъ-то постановленіи совѣта Царства Польскаго, по которому тѣ только меламеды должны были допускаться къ преподаванію, которые получали номинацію отъ училищной власти. Хедеровъ въ губерніи оказалось до 500, а учащихся въ нихъ дѣтей болѣе 10,000.

Католическое духовенство относилось къ учебному дѣлу съ крайней беспечностью и равнодушіемъ, пока всѣ училища состояли въ полномъ его распоряженіи. Они обращали вниманіе на училища настолько, насколько они доставляли духовенству доходную статью. Теперь же, когда училища не только стали рости, какъ грибы послѣ дождя, но и получили русскую окраску, и не только въ ихъ стѣнахъ, но и на поляхъ, и въ лѣсахъ, при работахъ и пасеніи скота, послышалась русская пѣсня, духовенство вдругъ обнаружило интересъ къ учебному дѣлу. Съ одной стороны, ложными слухами и предсказаніями оно старалось поселить въ народѣ нелюбовь къ училищамъ, руководимымъ властью; съ другой—оно стало учреждать секретныя училища для мальчиковъ и девочекъ по плебаніямъ, гдѣ преподавателями явились органисты, а также дьячки и пономари, и снарядило множество странствующихъ учителей, которые за ничтожное вознагражденіе, переходя изъ селенія въ

селеніе, обучали дѣтей, согласно указанію ксендзовъ. Эти учителя состояли изъ разнаго сброва: изъ семинаристовъ, гимназистовъ, удаленныхъ за дурное поведеніе и неуспѣшность изъ заведеній; изъ панской прислуги, изъ грамотной монастырской прислуги и прислуги католического духовенства; изъ изгнанныхъ изъ службы чиновниковъ и официалистовъ. Всѣ эти люди заявили себя добрыми патріотами, побывавши въ повстанскихъ бандахъ и подравшись съ москалями. Исполняя волю ксендзовъ, они, приходя въ деревню или селеніе, внушали матерямъ, что въ руководимыхъ правительствомъ училищахъ ихъ дѣти погибнутъ. Тамъ ихъ учатъ по-русски для того, чтобы послѣ забрать всѣхъ въ москали и приготовить къ принятію московской схизматицкой вѣры; что дѣвочки тоже отступятъ отъ польской вѣры и сдѣлаются московками. Мужиковъ они подговаривали не платить училищной складки, извиняясь бѣдностью и тѣмъ, что дѣды и прадѣды ихъ счастливо жили, не учась русской грамотѣ. Явились даже попытки организовать правильныя учебныя заведенія. Такихъ попытокъ было двѣ: одна—въ селеніи Вейверы, лежащемъ на перворазрядномъ шоссе изъ Ковно въ Маріамполь; другая—въ стѣнахъ духовной семинаріи въ Сейнахъ. Съ открытиемъ желѣзныхъ дорогъ перворазрядное шоссе потеряло свое значеніе. Почто-содержатели помѣстились въ собственныхъ домахъ, а двухъ-этажныя зданія почтовыхъ станцій со всѣми хозяйственными постройками остались безъ употребленія. Въ Вейверахъ подлѣ самаго шоссе стояло пустымъ такое зданіе. Въ немъ произвольно помѣстились какія то три монахини подъ видомъ сестеръ милосердія и открыли пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Во время революціи пріютъ этотъ служилъ ширмою для сокрытія депо военныхъ припасовъ для банды. Въ хозяйственныхъ постройкахъ складывалось сѣно, овесъ, мука, полотна, сукна, сухари, которые со всѣхъ помѣщичьихъ фольварковъ присылали сборщики податей, адресуя предметы эти для надобностей пріюта. Въ подвалахъ же зданія хранилось оружіе, порохъ, свинецъ; точили палаши, ковали пики; шили рубахи, штаны, шапки, мундиры и шинели для повстанцевъ. Жандармы и военная власти постоянно шмыгали

по шоссе около зданія, знали, что тамъ благочестивый пріютъ; но никому не приходило въ голову искать въ такомъ видномъ, бойкомъ мѣстѣ склады всевозможныхъ повстанскихъ принадлежностей. Когда повстанье стало затихать, и депо исчерпало свои запасы, благочестивыя монахини организовали вольное училище для дѣтей всѣхъ сословій. Боясь однакожъ, чтобы учебное вѣдомство ихъ не накрыло въ большомъ зданіи почтовой станціи, пріискали для училища помѣщеніе въ глухой части селенія. Обѣзжая дирекцію на нанятыхъ лошадяхъ, взятыхъ на биржѣ, я останавливался для корма лошадей въ корчмахъ на большихъ и проселочныхъ дорогахъ. Съ извощиками и хозяевами корчемъ говорилъ по-польски. Взятый съ биржи извощикъ вовсе не зналъ, кого онъ везетъ. На вопросъ хозяевъ онъ обыкновенно отвѣчалъ: пана изъ Сувалокъ! Канцелярія моя тоже не знала, куда я отправляюсь. Пока кормили лошадей, я сидѣлъ въ общей комнатѣ въ корчмѣ и курилъ трубку. Меня не стѣснялись посѣтители корчмы и разговаривали обо всемъ свободно. Тутъ-то я узналъ о существованіи въ Вейверахъ и Сейнахъ секретныхъ училищъ; объ учреждаемыхъ училищахъ въ плебаніяхъ и мѣстоудѣбываніи многихъ странствующихъ учителей, и кто они такие. Ксендзы, обѣзжая свои парохіи во время рожденіи скинъ праздниковъ, посѣщали школы странствующихъ учителей, производили дѣтямъ исптанія и награждали ихъ крестиками, молитвенниками на польскомъ языкѣ и разными изображеніями святыхъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ я напрасно обращался къ губернатору, прося его содѣйствія въ искорененіи незаконныхъ учителей и учительницъ среди народа, заводимыхъ съ вредною для правительства цѣлью польскимъ духовенствомъ. Указывалъ я въ своихъ отношеніяхъ тѣ плебаніи, где ксендзы, и кто именно, открыли училища; называлъ фамиліи странствующихъ учителей и мѣста ихъ дѣятельности. Губернаторъ не отвѣчалъ мнѣ. Но, когда, вслѣдствіе заявленія Предсѣдателя Комиссіи по крестьянскихъ дѣламъ въ Учредительный комитетъ данъ былъ губернатору Высочайшій выговоръ,—тогда только онъ сочинилъ, литографировалъ и разославъ уѣзднымъ начальникамъ

секретный циркуляръ, въ которомъ въ общихъ выраженияхъ приглашалъ ихъ содѣйствовать распространенію законныхъ училищъ, противодѣйствовать интригамъ пановъ и духовенства и обратить вниманіе на незаконныхъ учителей. Этотъ циркуляръ впрочемъ остался безъ всякихъ послѣдствій для учебнаго дѣла. На Крестьянскую Комиссію возложено было Учредительнымъ Комитетомъ не только содѣйствовать учебному дѣлу, но принимать всѣ зависящія мѣры къ открытію училищъ среди народа. Въ Сувалкской губерніи Комиссары за все время до 1870 г. и пальцемъ не шевельнули для содѣйствія Дирекціи. Напротивъ, часто они мѣшали, состоя въ весьма интимныхъ отношеніяхъ съ панами и ксендзами. Комиссары и не въ состояніи были по своему образованію помочь учебному дѣлу. Сенаторъ Соловьевъ, при закрытіи Учредительного Комитета, напечаталъ брошюру, въ которой весь успѣхъ учебнаго дѣла въ Царствѣ и открытіе и организованіе всѣхъ народныхъ училищъ приписалъ комиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Это—крупная ошибка Соловьева, вѣроятно, введенаго въ обманъ ложными отчетами предсѣдателей Комиссій по крестьянскимъ дѣламъ.

Вейверское училище монахинь представляло не столько опасности для учебнаго дѣла, сколько училище, организованное епископомъ, графомъ Лубенскимъ, въ стѣнахъ Сейнскай Семинаріи. Къ монахинямъ я боялся самъ проникнуть, опасаясь, чтобы онѣ не обвинили меня въ какомънибудь насилии; но, посѣща Сейнскую Семинарію, я рѣшился посѣтить Епископское училище. Вскорѣ послѣ прибытія въ Сувалки, я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ Епископу, графу Лубенскому, въ его резиденціи въ Сейнахъ. Я прїѣхалъ въ Сейны поздно вечеромъ, остановился въ заѣзжемъ еврейскомъ домѣ. Съ мишурисомъ заговорилъ по-польски и обѣщалъ на слѣдующій день расписаться въ домовой книгѣ. Извощикъ мой не зналъ, кого онъ привезъ. Между тѣмъ ксендзъ какимъ-то чудомъ провѣдалъ о моемъ прїѣздѣ. Епископа не было дома; но онъ ожидалъ моего визита, и, отлучаясь изъ Сейнъ, приказалъ немедленно дать ему

знатъ въ случаѣ моего прїѣзда. Онъ гостилъ у какой то графини. Ксендзъ послалъ къ нему гонца. Когда я взошелъ на крыльцо епископскаго палаца и спросилъ швейцара, дома ли епископъ,—онъ, не отвѣчая на мой вопросъ, отперъ передо мною дверь и пригласилъ меня въ переднюю. Два лакея раздѣли меня и пригласили подняться вверхъ по парадной лѣстницѣ. На площадкѣ меня привѣтствовали два ксендза низкими поклонами и повели выше. Другіе два лакея раскрыли передо мною дверь въ гостинную. Меня встрѣтили два прелата низкими поклонами и просили присѣсть на диванъ. Я спросилъ: могу-ли видѣть епископа. Они отвѣчали, что его нѣтъ дома, но къ нему еще утромъ посланъ гонецъ, и онъ не позже, какъ черезъ часъ будетъ дома. Оффіциантъ открылъ дверь въ столовую и доложилъ, что поданъ завтракъ. Прелаты стали меня приглашать къ завтраку. Я отказался, что такъ рано не завтракаю. Они просто умоляли отвѣдѣть епископской хлѣба соли, иначе ихъ епископъ сгонитъ со свѣта, скажетъ, что они не съумѣли меня принять и упросить. На столѣ оказалось блюдо котлетъ съ горошкомъ, блюдо рыбы, сыръ, икра, балыкъ и нѣсколько бутылокъ вина. Я взялъ на тарелку котлетку; мнѣ налили рюмку вина. Я сталъ закусывать; но прелаты не прикасались къ пищѣ. Это меня немного смущило. Я боялся, не отправлена-ли цища; но продолжалъ юсть, боясь обнаружить трухость. Прелаты на мой вопросъ объяснили, что они не могутъ юсть, потому что будутъ еще служить мшу. Послѣ завтрака я отправился въ семинарію. Прелатъ, регенсъ семинаріи, стари-чекъ Андрушкевичъ представилъ мнѣ четыре семинарскихъ класса. Учениковъ въ приготовительномъ классѣ оказалось 14, въ философскомъ 20, во 2 философскомъ 25 и въ теологическомъ 3. По слухамъ секретное училище состояло подъ управлениемъ и руководствомъ кс. Іезуита Мезоніевъ. На третій день графъ Лубенскій въ каретѣ шестеркою бѣлыхъ коней съ фрейторомъ прикатилъ ко мнѣ въ Сувалки съ ревизитомъ. Онъ былъ очень любезенъ.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ начальныхъ училищъ и разборѣ училищныхъ дѣлъ, переданныхъ въ Дирекцію изъ гу-

бернскаго правленія, открыто мною множество безпорядковъ. Въ Зуспо училище нѣсколько лѣтъ числилось только на бумагѣ. Въ дѣйствительности не оказалось ни училищнаго дома, ни мебели, ни учебныхъ пособій, ни учителя. Учитель пошелъ въ банду и пропалъ безъ вѣсти. Часть училищной мебели присвоилъ себѣ ксендзъ опекунъ, а часть растраскана неизвѣстно кѣмъ. Складка въ пользу училища собиралась, и ксендзъ опекунъ получалъ подъ росписку въ свой карманъ и деньги на наемъ помѣщенія для училища и учителя, и жалованье, слѣдовавшее пропавшему безъ вѣсти учителю, и жалованье блюстителя училища. Въ Пренахъ учитель тоже отправился въ лѣсъ. Бургомистръ, ксендзъ и жители безъ всякаго разрѣшенія и утвержденія избрали учителемъ нѣкоего Лейковскаго, раненаго въ бандѣ повстанца, и ему поручили училище. Въ Калетникѣ жители составили приговоръ собрать деньги и построить домъ для училища и учителя. Когда явился Высоч. указъ объ учрежденіи учебныхъ дирекцій, мѣстный пробоющъ занялъ выстроенный уже домъ училищный для костельной прислуки. Посланые Жерве чиновники губернскаго правленія, поляки, такъ называемые губернаторскіе делегаты, для описанія зданій, принадлежащихъ костеламъ, училищный домъ въ Калетникѣ отписали на костелъ. Жерве утвердилъ этотъ актъ. Когда я, на основаніи приговора, потребовалъ возвращенія означеннаго дома учебному вѣдомству, Жерве отписывался и даже собственноручно написалъ мнѣ многолистный отвѣтъ, въ которомъ силился доказать, что его делегаты поступили правильно, такъ какъ общество измѣнило свое намѣреніе открыть училище и домъ пожертвовало костелу. Между тѣмъ общество составило новый приговоръ, въ которомъ постановило открыть въ построенномъ имъ домѣ училище и на содержаніе его опредѣлило сумму, но училище и учитель еще долго тѣснились въ сырой, темной и тѣсной комнатѣ, уступленной даромъ однимъ хозяиномъ подъ училище. Въ Филиппово тоже не оказалось учителя: онъ бѣжалъ за границу. Нѣкоторыя училища заняты были подъ помѣщенія ротныхъ квартиръ, а въ Мариамполѣ училищный домъ занятъ былъ ротною церковью. Училище-же

помѣщено было въ монастырѣ Маріановъ. Благодаря Ганецкому, училищные дома были немедленно очищены военными властями. Не только ксендзы, помѣщики, панки, гминные писаря дѣлали все возможное, чтобы помѣшать организовать училища на основаніи Высоч. указа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, но всѣ вообще польские чиновники стремились къ той же цѣли, дѣйствуя или непосредственно, или посредствомъ податливыхъ русскихъ властей. Я замѣтилъ, что со времени изданія Высоч. указа всѣ лѣсничіе прекратили отпускъ топлива для училищъ, слѣдующаго имъ по штатамъ. Миѣ стоило много труда заставить Жерве настоять на своевременномъ отпускѣ для училищъ топлива. Казенныхъ налать тогда еще не было, и государственные имущество состояли въ иѣдѣніи губернского правленія и губернатора. Время вакацій въ училищахъ зависѣло отъ воли опекуна-ксенду. Въ нѣкоторыхъ училищахъ ученіе продолжалось мѣсяцъ, въ другихъ 6 недѣль, въ иныхъ 4 мѣсяца, а въ иныхъ 6 и 7 мѣсяцевъ въ году. Въ расписаніи предметовъ преподаванія было страшное разнообразіе. Такъ, въ иныхъ начальныхъ училищахъ читались польская исторія и французскій языкъ; въ другихъ географія Польши, всеобщая географія и языки латинскій и нѣмецкій; въ нѣкоторыхъ—польская грамматика, польская поэзія и латинскій языкъ. Одинъ русскій языкъ не имѣлъ мѣста въ расписаніи преподаваемыхъ предметовъ. Въ книжныхъ шкафикахъ въ училищахъ я находилъ и карты Польши въ предѣлахъ отъ моря и до моря, и исторію Польши разныхъ авторовъ, и Kmietka, и польскія грамматики, и польскія хрестоматіи (Wypisy). Иногда попадался русскій букварь или грамматика Востокова, затасканная, безъ начала и конца. Попадались даже какіе-то обрывки изъ Колокола, изд. Герценомъ, Богъ вѣсть, какъ попавшіе въ начальныя училища.

О Вейверскомъ училищѣ монахинь я могъ писать подлежащимъ властямъ, основываясь на слухахъ; но обѣ училищѣ графа Лубенского нужно было писать на основаніи достовѣрного факта. Семинарія въ Сейнахъ составляетъ одно зданіе съ кафедральнымъ костеломъ. Она обнесена каменною стѣною и, кроме главнаго,

имѣть боковые входы. Оба этажа семинаріи изрѣзаны корридорами, изъ которыхъ частыя двери въ отдѣльныя келіи. Тамъ, вѣроятно, прежде помѣщался монастырь и жили монахини. Изъ личнаго осмотра зданія съ улицы и изъ разспросовъ я узналъ, что есть въ стѣнѣ калитка, черезъ которую можно проникнуть въ семинарію; сверхъ того, можно еще проникнуть черезъ ворота чернаго двора. Однажды я объявилъ въ своей канцеляріи, что уѣзжаю только на сутки въ Смоляны и назначилъ чиновникамъ къ слѣдующему дню срочную работу. Я зналъ, что изъ канцеляріи сейчасъ будетъ сообщено въ городъ, куда я уѣхалъ. Поѣхавъ по смолянской дорогѣ, я свернуль проселкомъ на сейнское шоссе и подѣхалъ къ боковой въ стѣнѣ калиткѣ. Я былъ одѣтъ въ барабанью шубу и такую же шапку, и выглядеѣль польскимъ панкомъ въ такомъ костюмѣ. Калитка оказалась незапертой. Я проникъ въ корридоръ. Слыши за первой дверью женскіе голоса, пѣсни. Отворяю дверь со словами: *Niech bѣdzie pochwalonъ Jesus Christus!* Передо мною нѣсколько красивыхъ молодыхъ лѣвушекъ: одна изъ нихъ занята какими то выкройками и шитьемъ, другія на серединѣ комнаты, вѣроятно, шалили. Въ отвѣтъ мнѣ: amen! Одна дѣвушка подбѣжала съ вопросомъ, что мнѣ нужно? Я отвѣчалъ, что хочу опредѣлить племянника въ школу ксендза Мезоніевъ и просилъ уѣзжать мнѣ, гдѣ помѣщается школа. Дѣвушка рассказала мнѣ, куда идти. Пробираясь корридорами, я подошелъ къ указанной мнѣ дѣвушкой двери. Вдругъ дверь отворилась и оттуда выскочили въ курточкахъ три мальчика лѣтъ 9-ти или 10-ти. Они остановились, оторопѣли. Я спросилъ ихъ: „здѣсь ли училище ксендза Мезоніевъ, и дома-ли онъ самъ“. Мальчики переглянулись, пошептались, и одинъ изъ нихъ посмѣлѣе отвѣчалъ: „я Васъ провожу въ училище! ксендза Мезоніевъ нѣть: онъ служить; вотъ они извѣстятъ его. „Два мальчика кинулись куда-то бѣгомъ, а говорившій предложилъ мнѣ поворотить въ изгибы корридора. Низенькая дверь, изъ которой выскочили мальчики и на которую указала дѣвушка, заставила меня предполагать, что дѣйствительно училище не здѣсь, что тутъ или какая то каморка, или чего доброго отхожее мѣсто.

Я пошелъ впередъ, мальчикъ за мною. Я предлагалъ ему вопросы. Онъ отвѣчалъ на нихъ очень сдержанно и осторожно. Вдругъ на мой вопросъ не послѣдовало отвѣта. Я оглянулся—мальчикъ исчезъ, вѣроятно, въ одной изъ боковыхъ дверей, бывшихъ по обѣ стороны коридора. Увидя себя обманутымъ, я быстро воротился къ двери, указанной дѣвушкой, отворилъ ее и очутился въ темной каморкѣ. Когда глазъ привыкъ различать въ темнотѣ, я замѣтилъ, что каморка наполнена старыми хоругвями, поломанными скамьями и поломанными деревянными подсвѣчниками. Я думалъ уже убраться назадъ въ коридоръ; но гдѣ то за стѣною послышался гулъ, будто въ пчелиномъ ульѣ. Я поверотилъ въ эту сторону голову и замѣтилъ тоже низенькую дверь. Приписывая гулъ собранію дѣтей, я быстро сбросилъ съ себя шубу и отворилъ дверь. Передо мною была большая свѣтлая, училищная комната, съ каѳедрой, скамьями, на которыхъ сидѣло душъ 40 мальчиковъ, а предъ скамьями стоялъ высокій молодой ксендзъ съ поднятою вверхъ рукою. Онъ что-то разъяснялъ дѣтямъ.

Узнавши меня, а ксендзы уже всѣ успѣли меня примѣтить, онъ такъ и окаменѣлъ съ поднятою вверхъ рукою. Я поздравствовался съ дѣтьми. Они не поднялись, только устремили на ксендза вопросительный взглядъ. На вопросы мои ксендзъ откровенно меѣ объяснилъ все, вѣроятно, пораженный неожиданностью. Я узналъ, что мальчиковъ болѣе 40; что они всѣ содержатся на пожертвованія помѣщиковъ и средства епископа, что ихъ обучаютъ: религіи, языкамъ польскому и французскому, ариѳметикѣ, польской и французской исторіи и географіи; что здѣсь дѣти всѣхъ сословій, преимущественно же изъ простого званія изъ-за Нѣмана; что есть русины-уніаты. Ксендзъ показалъ мнѣ ихъ спальный залъ и столовую. Въ спальнѣ стояло по три кровати рядомъ и ночной столикъ, опять три кровати и т. д. Послѣ я узналъ, что дѣти по тройкѣ сидѣли и въ классѣ, и въ столовой, и даже гуляли, что ихъ исповѣдывали каждый день. Но исповѣдывающій говорилъ не свои грѣхи, а грѣхи своихъ двухъ неразлучныхъ товарищѣй, которые онъ обязанъ былъ подмѣтать. Явился кс. Мезоніевъ; онъ былъ смущенъ, но старался казаться раз-

вязнымъ, кланялся, говорилъ мнѣ всякаго рода любезности, между прочимъ, что епископъ будетъ крайне жалѣть, если узнаетъ, что я проѣзжалъ черезъ Сейнъ, а его не было. Онъ такъ радъ меня видѣть; онъ очарованъ вами! Объ этихъ училищахъ я донесъ Главному Директору Коммиссіи народнаго просвѣщенія и сообщилъ Начальнику Отдѣла Ганецкому, губернатору Жерве и жандармскому штабу-офицеру. Предполагая, что епископъ едвали-бы самъ рискнулъ, безъ всякаго разрѣшенія, основать это іезуитское училище, я обратился къ Жерве съ запросомъ, вѣтъ ли у него въ дѣлахъ Губернскаго правленія какихъ-нибудь свѣдѣній объ этомъ училищѣ. Жерве не медля отвѣчалъ мнѣ, что свѣдѣній никакихъ не имѣется и что указанныхъ мною училищъ въ стѣнахъ семинаріи не существовало и не существуетъ. Но вслѣдъ за тѣмъ отъ Ганецкаго сообщено было подробное описание Сейнскаго училища; присланы были бумаги Годлевскаго училища съ извѣщеніемъ, что монахи выѣхали изъ губерніи, и сдѣланъ запросъ, что дѣлать съ Сейнскимъ епископскимъ училищемъ. Я тоже запросилъ Главнаго Директора, какъ быть съ этимъ училищемъ: принять-ли его въ вѣдѣніе дирекціи или нѣтъ, и кто въ первомъ случаѣ долженъ въ немъ преподавать и какие предметы. Епископъ, между тѣмъ, отправился въ Варшаву; жена графа Берга, итальянка, католичка, къ епископу чрезвычайно благоволила. Главный Директоръ извѣстилъ меня, что епископъ обязался немедленно закрыть училище. Жерве, узнавши отъ епископа подробности открытия училища, назвалъ меня передъ епископомъ сыщикомъ, а не начальникомъ Дирекціи. Сами поляки мнѣ передавали, что, дѣлая распоряженіе въ своей канцеляріи или въ Губернскомъ Правленіи о какой-нибудь отпискѣ мнѣ или Дирекціи, онъ выражался такъ: отвѣтьте на эту бумагу начальнику сыщиковъ или--отвѣтьте на бумагу Сыскной Дирекціи

Поощряемыя Жерве и его супругою польскія тенденціи дошли до того, что одна дѣвица, состоящая подъ надзоромъ жандармовъ, поселившись во второмъ этажѣ дома, стоявшаго насупротивъ,透过 улицу, противъ помѣщенія Дирекціи и моего, безъ всякаго разрѣшенія открыла, въ подрывъ женской

вновь открытой гимназіи, женскій пансіонъ и распустила служъ, что если я посмѣю явиться въ ея пансіонъ, то она прикажетъ, воспитанницамъ выгнать меня вѣниками, намоченными въ помояхъ. На просьбу мою объ упраздненіи этого пансіона, Жерве отвѣчалъ, что эта дама бываетъ у его жены и ему известна съ хорошей стороны, и что она содержитъ не пансіонъ, а бѣлошвейную школу, о которой въ Высоч. указѣ нѣтъ никакихъ указаний. На возраженіе мое, что я съ балкона лично каждый день вижу въ открытую дверь, какъ въ пансіонѣ читаютъ, пишутъ и работаютъ на классной доскѣ, и что девицы, вѣроятно съ умысломъ меня дразнить выходятъ на свой балконъ и декламируютъ изъ тетрадокъ польскіе патріотическіе стихи,— Жерве отвѣчалъ, что это мнѣ воображаются все незаконныя училища, учителя и учительницы, которыхъ, благодаря бдительности полиції, вовсе не существуетъ. Просить жандармское вѣдомство вмѣшаться въ это дѣло оказалось невозможнымъ; требовать, что-бы полиція совмѣстно со мною постыла и обревизовала пансіонъ, оказывалось мало практическимъ, такъ какъ мнѣ Жерве могла содержательницу своевременно извѣстить объ этомъ, и я остался-бы въ дуракахъ. Доносить Главному Директору—ни къ чему-бы не повело. Жерве могъ указать, что это моя выдумка, какъ слѣдствіе излишней подозрительности. Пущенная въ ходъ угроза содержательницей пансіона явно указывала, что содержательница дѣйствуетъ съ вѣдома Губернатора и Губернаторши и въ угоду имъ готова дѣйствительно произвести скандалъ. Я пригласилъ къ себѣ по дѣлу въ 11 часовъ утра офицера земской стражи и адъютанта жандармскаго штаба, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Когда въ пансіонѣ начались занятія и на балконъ открыли двери, я пригласилъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей взглянуть на то, что происходило въ такъ называемой бѣлошвейной. Тутъ же въ качествѣ свидѣтелей были: мой дѣлопроизводитель и бухгалтеръ. Я сказалъ офицеру земской стражи, что доношу начальству, и онъ подъ присягой долженъ будетъ подтвердить то, что видятъ всѣ здѣсь присутствующіе. Офицеръ бросился въ пансіонъ. Шоднялась тревога. Нѣкоторыя дѣвушки выско-

чили на балконъ и стали подъ горшки съ олеандрами прятать книги и тетради, другія съ кипами книгъ и тетрадей стали заднимъ ходомъ удирать черезъ огороды и заборы. Но нѣсколько пітує было накрыто офицеромъ, записаны ихъ фамиліи и отобраны у нихъ книги, тетради и росписаніе ежедневныхъ въ пансіонѣ занятій. Офицеръ при рапортѣ все это представилъ Жерве. Вилять оказалось уже невозможнымъ. Жерве извѣстилъ меня, что, заподозрѣвъ такую-то дѣвицу въ содѣржаніи пансіона безъ законнаго разрѣшенія, онъ приказалъ произвести у нея осмотръ, который подтвердилъ подозрѣніе, почему по его распоряженію пансіонъ закрытъ, а содѣржательница, какъ уроженка съверо-западнаго края, высылается изъ губерніи на родину. Офицеръ земской стражи получилъ строжайшій выговоръ отъ Жерве за осмотръ пансіона безъ его разрѣшенія и приказаніе впредь не смѣть ни въ чемъ слушаться начальника Дирекціи.

Коммиссія Народнаго просвѣщенія предложила мнѣ пригласить архитектора и составить смету на починку и приспособленіе, для помѣщенія женской гимназіи, зданія, принадлежавшаго въ Сувалкахъ Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія. Это зданіе занималъ Начальникъ военнаго Августовскаго отдѣла Ганецкій и его управлениe. Онъ немедленно покорился моему требованію и очистилъ зданіе. Коммиссія, сверхъ того, поручила мнѣ пріискать зданіе для помѣщенія педагогическихъ курсовъ, и притомъ, если возможно, въ селеніи или въ деревнѣ, подалъе отъ городовъ и мѣстечекъ. Если такое зданіе отыщется, то узнать его стоимость и, составивъ смету на ремонтъ его, обо всемъ этомъ донести Коммиссіи. Въ цѣлой губерніи оказалось только три зданія. 1). Наружныя стѣны, безъ крыши и внутренняго переплета въ какомъ-то селеніи. Это зданіе принадлежало Кому. внутреннихъ и дух. дѣль; его нужно было совсѣмъ разобрать и, воспользовавшись уцѣлѣвшими кирпичами, возвдигнуть новое зданіе. Это стоило бы весьма дорого и затянуло бы открытие педагогическихъ курсовъ на продолжительное время. 2), Другое зданіе предлагала экономія Годлевскаго имѣнія въ селеніи Годлево, лежащемъ въ 10 верстахъ отъ губерн-

скаго города Ковно. Это зданіе—былъ старый хлѣбный сарай, безъ оконъ и дверей, съ одними только вѣзьдными воротами. Внутри не было переплета. За него просила экономія на чиншевомъ правѣ три тысячи рублей, и сверхъ того, если когда-нибудь педагогические курсы будутъ въ Годлево упразднены, то зданіе должно поступить обратно, безъ всякаго вознагражденія, въ вѣдѣніе Годлевскаго имѣнія. Это зданіе для приспособленія для курсовъ нужно было тоже разобрать, такъ какъ стѣны насквозь пропитаны были сыростью. Устроить здѣсь курсы обошлось-бы еще дороже, чѣмъ въ первомъ мѣстѣ, и при томъ зданіе составляло-бы не собственность Ком. Нар. Просвѣщ., а помѣщика. 3), Третье зданіе—это была почтовая вѣйверская контора. Оно составляло собственность почтоваго вѣдомства. Продавалось съ публичнаго торга три раза. Но никто его не купилъ. Въ первый разъ оцѣнено было въ 6000 руб., второй разъ въ 2000, а третій разъ въ 1000 руб. При этомъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи, крытомъ желѣзомъ, были хозяйственныя постройки, колодезь и четыре десятины земли. Оно лежало въ 3-хъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги изъ Ковно въ Эйдкуненъ, въ 12-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Маріамполя и въ 18-ти или 20-ти отъ Ковно. По желѣзной дорогѣ можно было приѣхать въ Ковно въ $1\frac{1}{2}$ часа. Это было очень важно: православный инспекторъ и его семейство могли часто въ Ковно посѣщать церковь, исповѣдываться, дѣлать закупки припасовъ, пользоваться врачебною помощью. Изъ маріампольскаго казначейства тоже не далеко было получать содержаніе. Желѣзная крыша, оставаясь долго безъ окраски, поржавѣла во многихъ мѣстахъ и дала течь. Потолки въ этихъ мѣстахъ стали прогнивать. Нужно было дать крупный ремонтъ. По составленной маріампольскимъ уѣзднымъ архитекторомъ сметѣ на все это требовалось 1000 р. сер. Вѣйверское почтовое зданіе я избралъ для курсовъ и съ подробнымъ его описаніемъ и сметою представилъ Правит. Ком. Нар. Просвѣщенія. Между тѣмъ какъ-то вскорѣ послѣ этого представленія я зашелъ къ жандармскому полковнику Бѣлановскому. Онъ встрѣтилъ меня словами, что по спѣшному дѣлу самъ собирался ко мнѣ. Тутъ

онъ показалъ мнѣ донесеніе маріампольскаго уѣзднаго жандармскаго начальника. Послѣдній писалъ, что по неизвѣстной для него причинѣ начальникъ Дирекціи избралъ для помѣщенія педагогическихъ курсовъ вейверскую почтовую контору—здание, которое невозможно реставрировать по крайней его ветхости. Въ этомъ зданіи въ капитальныхъ наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ во многихъ мѣстахъ отъ верху до основанія такія трещины, что въ нихъ можно просунуть руку. Начальникъ Дирекціи вѣроятно прикажетъ ихъ заштукатурить; во это не остановить разрушенія—все зданіе вдругъ можетъ разсыпаться и своими развалинами погребсти и воспитанниковъ, и воспитателей. Вслѣдствіе этого во избѣженіе несчастнаго случая, онъ счѣлъ своею священною обязанностію довести до свѣдѣнія начальства о такомъ незаконномъ и воющемъ дѣйствіи Начальника Дирекціи. Помѣщеніе курсовъ въ Вейверахъ, въ глухомъ селеніи въ 22 верстахъ отъ города Ковно затруднитъ пропитаніе воспитанниковъ и послужитъ не къ ихъ развитію, а къ одичанію среди грубыхъ литовскихъ мужиковъ. Къ этому онъ счѣлъ нужнымъ присовокупить, что, сколько ему извѣстно, Годлевская экономія предлагала начальнику Дирекціи на весьма выгодныхъ условіяхъ обширное каменное зданіе въ Годлево, селеніи, имѣющемъ видъ мѣстечка и лежащемъ всего въ 10-ти верстахъ отъ Ковно. Но начальникъ Дирекціи не сошелся какъ-то съ управляющимъ Годлевскаго имѣнія и предпочелъ вейверскую почтовую контору. Я объяснилъ Бѣлановскому все дѣло по пріисканію зданія для курсовъ. „Не повидавшись съ вами, я не рѣшался дать ходъ этому донесенію. Теперь же я его сгною со свѣта; онъ, безъ сомнѣнія, взлѣ взятку отъ управляющаго Годлевскимъ имѣніемъ, и вслѣдствіе этого настрочилъ эту кляузу. Такихъ мнѣ офицеровъ не нужно!“ Я отвѣчалъ Бѣлановскому, что хотя я лично съ инженеръ-архитекторомъ осмотрѣлъ все зданіе подробно; но не можетъ быть, чтобы маріампольскій жандармъ начальникъ безъ всякаго основанія позволилъ себѣ представить подобное донесеніе. Можетъ быть, мы съ архитекторомъ просмотрѣли какія-нибудь опасныя трещины. Я сейчасъ ѳду въ Вейверы и по дорогѣ въ Маріамполь

захвачу архітектора. Посему и прошу до моего возвращенія не давать хода этому дѣлу. При вторичномъ, самомъ подробномъ, осмотрѣ не только не оказалось опасныхъ, но даже и безопасныхъ трещинъ въ капитальныхъ стѣнахъ зданія. Въ осмотрѣ участвовалъ войть гмины, гминный писарь и понятые, и составленъ протоколъ осмотра. Боясь какихъ-нибудь новыхъ интригъ, я донесъ объ этомъ случаѣ Главному Директору Коммісії Народнаго Просвѣщенія, а Бѣлановскій съ своей стороны сдѣлалъ обѣ этомъ представлѣніе. Маріамп. жандармск. начальника вызвали въ Варшаву и подвергли двухнедѣльному аресту, затѣмъ онъ былъ куда-то переведенъ.

Къ Годлевскому имѣнію принадлежали и Вейверы. Но это селеніе перешло къ помѣщику Пусловскому, женившемуся на дочери помѣщика Годлевскаго. Старикъ Годлевскій умеръ въ бытность мою въ Сувалкской губерніи. Онъ имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. О Годлевскомъ я слышалъ слѣдующій разсказъ. Онъ служилъ въ польскихъ уланахъ и прокутилъ свое небольшое имѣніе. Съ Наполеономъ 1-мъ въ корпусѣ Понятовскаго былъ въ Москвѣ. Затѣмъ сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу. Дрался вмѣстѣ съ нимъ подъ Ватерло. Когда Наполеона засадили на островъ св. Елены, Годлевскій воротился на родину. Въ качествѣ авантюриста, бонвивана, веселаго и занимателнаго разсказчика перѣѣжалъ отъ одного богатаго пана къ другому. Объявлены были торги на казенные земли, покрытыя лѣсами, въ сѣверной части Августовской губерніи. Торги должны были состояться въ казенной Ковенской Палатѣ въ извѣстное число и въ извѣстный часъ. Не имѣя ни копѣеки денегъ, Годлевскій у разныхъ знакомыхъ пановъ досталъ тысячу двадцать. Зная, что главные конкуренты для покупки земель и лѣсовъ являются изъ Пруссіи (евреи не имѣли права покупать земли), Годлевскій отправился по дорогѣ въ Эйдкуненъ и заплатилъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ за то, чтобы подъ разными предлогами прусскихъ купцовъ задержали на станціяхъ лишнее время, и помѣшили бы имъ поспѣть къ торгамъ въ Ковно. Членамъ торгового присутствія тоже поднесена была приличная взятка. Земли и лѣсы остались за Годлевскимъ. Но едва кончились торги,

какъ явились прусские купцы. Они вступили въ переговоры съ Годлевскимъ и того-же дня онъ за часть только лѣса получиль столько денегъ, сколько слѣдовало внести въ казну за всѣ земли и лѣсъ, приобрѣтенный на торгахъ. Затѣмъ Годлевскій сталъ по частямъ ежегодно продавать остатной лѣсъ. Возвратиль помѣщикамъ взятыя у нихъ двадцать тысячъ и приступилъ къ устройству фольварковъ. Въ теченіе своей жизни онъ построилъ 25 фольварковъ, 1000 экономическихъ строеній, завель нѣсколько селеній, деревень и одно мѣстечко. Оставилъ большіе участки лѣса подлѣ своихъ фольварковъ, остатное пространство онъ обратилъ въ пахатныя поля. Лѣса по большей части состояли изъ лиственныхъ породъ, и потому земля оказалась очень плодородною. Годлевскій, не имѣя ни копѣйки денегъ, выше указанной аферой, смысленостью и трудолюбіемъ достигъ громаднаго богатства и считался въ Сувалкской губерніи однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Другое, хотя и не столь крупное, имѣніе возникло въ южной части Сувалкской губерніи. Это такъ называемое штабинское имѣніе. Графъ Бржестевскій воспитывался въ какомъ-то инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ и вступилъ въ польскую артиллерию. Родители его во время неурядицъ потеряли и прожили все свое крупное имѣніе. Въ наслѣдство молодому графу и его сестрѣ достались только штабинскіе лѣса, не имѣвшіе никакой цѣнности. Графъ ходилъ съ Наполеономъ въ Москву. Послѣ долго проживалъ и учился на разныхъ заводахъ въ Европѣ. Воротившись на родину, онъ устроилъ въ своихъ лѣсахъ чугунный заводъ, послѣ пивоваренный и портерный и, наконецъ, винокуренный. Лѣсъ ничего не стоилъ; кирпичъ тоже приготавлялся на мѣстѣ; всякое старое желѣзо и чугунъ приобрѣтались за безцѣнокъ; рабочіе стоили пустякъ—графъ не требовалъ отъ нихъ вида. Къ нему стекались со всѣхъ сторонъ люди, поссорившіеся съ полиціею и судомъ. Полиція въ эти лѣса никогда не заглядывала. Графъ самъ управлялъ всѣми работами, оставаясь на заводѣ отъ утра до вечера, и заводъ отлично пошелъ. Штабинская чугунная посуда пріобрѣла известность не только на мѣстѣ, но и въ сѣверо-западномъ краѣ

и даже въ пограничной Пруссіи. Штабинское пиво, портеръ и спиртъ требовались даже въ Варшаву. Портеръ, при хорошихъ качествахъ, отличался баснословною дешевизною—15 коп. за бутылку.

Графъ каждому рабочему отводилъ землю и давалъ лѣсъ на постройку усадьбы. Графъ для своихъ рабочихъ сочинилъ уставъ. Кто изъ нихъ не хотѣлъ подчиняться уставу, тотъ могъ отправляться на всѣ четыре стороны. Пьянство и воровство строго наказывались тѣлесно. Но наказанія опредѣлялись и приводились въ исполненіе сходкою рабочихъ. Три раза высѣченный изгонялся изъ Штабинскаго имѣнія. Шинкарь имѣлъ право продать каждому рабочему въ зимнее время не болѣе трехъ рюмокъ водки, а въ лѣтнее—двухъ. Водка продавалась въ шинкѣ только для проѣзжихъ. Кто прослужилъ въ заводахъ 10 лѣтъ, тому усадьба съ землею дарилась въ вѣчное и потомственное владѣніе. Кто умеръ на заводѣ или окалѣчилъ себя, такового семейству назначалось пожизненное содержаніе. Кто выслужилъ на заводѣ 35 лѣтъ, тому опредѣлялась пожизненная пенсія. И механики, и надсмотрщики, и управляющіе на заводахъ сначала были простыми рабочими, а потомъ, подъ руководствомъ графа усвоивъ специальную познанія, занимали высшія мѣста, съ высшимъ окладомъ содержанія. По торговымъ дѣламъ графу иногда приходилось отлучаться за границу. Онъ тамъ закупалъ цѣлыхъ партіи подарковъ для своихъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей. Изъ рабочихъ заводовъ образовалось два селенія: Гутта-Штабинская, гдѣ былъ простой, но удобный одноэтажный, каменный помѣщичій домъ и всѣ заводы, и мѣстечко Штабинъ. Графъ выплатилъ слѣдуюю часть своей сестрѣ, которая умерла старою барышней въ Варшавѣ, и сверхъ того выработалъ огромный капиталъ, помѣщенный въ процентныхъ бумагахъ. Умирая въ шестидесятыхъ годахъ, онъ завѣщалъ всѣ свои земли и лѣса, свои заводы и свой капиталъ своимъ рабочимъ, жителямъ Гутты-Штабина и мѣстечка Штабинъ, на томъ основаніи, что ихъ честному и усердному труду онъ обязанъ этимъ богатствомъ, которое по всей справедливости должно перейти послѣ его смерти къ нимъ, а не къ его

родственникамъ, никогда, ни въ чемъ ему не помогавшимъ. Жители означенныхъ селеній и мѣстечка отличались трезвостью и честностью. А между тѣмъ или они сами въ молодости, или ихъ отцы представляли всякий сбродъ—убійцъ, воровъ, фальшивыхъ монетчиковъ и проч. Трудъ исправилъ ихъ. Но не каторжный трудъ, не каторжные порядки, а трудъ умѣренный, строгіе, но гуманные порядки. Это образецъ исправительной колоніи для преступниковъ всякаго рода. Долго оспаривалась законность завѣщанія, и правительство поспѣшило взять Штабинское имѣніе и заводы въ свою администрацію; оно, кажется, желало обратить это имѣніе въ выморочное, но въ виду множества родственниковъ, наконецъ, утвердило завѣщаніе. Имѣніе, капиталъ и заводы достались сотрудникамъ покойнаго графа; но казенная администрація въ сильной степени успѣла испортить заведенные порядки и даже надѣлала долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культъ хлѣба въ малорусскихъ колядкахъ.

Земледѣліе—это главный и основной нервъ жизни Малороссіи. Естественно, что оно должно было наложить свою печать на бытъ и воззрѣнія народа, которые и вылились въ величественный культъ хлѣба и земледѣлія, приноровленный къ празднованію Рождества Христова. Насколько можно теперь судить по оставшимся обрядамъ и пѣснямъ, народный праздникъ Рождества представлялъ собою культъ солнца, или собственно празднованіе въ честь возобновляющейся силы солнца и затѣмъ, въ частности, въ честь его благотворного дѣйствія на урожай хлѣба. Этотъ культъ земледѣлія представленъ въ жизнѣ еще образахъ древне-языческаго міровоззрѣнія, хотя мѣстами старинныя представлениа подновлены позднѣйшими христианскими чертами.

Къ чествованію хлѣба направлены прежде всего многія обрядности, а затѣмъ и колядки¹⁾. Первенствующее значеніе въ нашемъ народномъ празднованіи Рождества занимаетъ кутѧ—родъ каши, приготовляемой изъ пшеничныхъ или ячменныхъ зеренъ, смѣшанныхъ съ ситой и растертыхъ макомъ: Самое приготовленіе ея указываетъ на особое почтеніе къ этому священному роду пищи. Приготавлиаютъ *кутью* часто за день до сочельника. Въ некоторыхъ мѣстахъ для нея требуется со-

¹⁾ Замѣтка объ этомъ въ популярной формѣ уже была сообщена иною въ „Южномъ Сборникѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“ (Одесса, 1892 г.) подъ заглавіемъ: „Колядки, воспѣвающія хлѣбъ и урожай“. II отд. 152—456.

вершенно новый горшокъ. Сваривши, несуть ее съ особымъ почетомъ *на покутя*, говоря: „иде кутя на покутя“ (уманскій уѣздъ). При этомъ въ почетномъ углу, *на покути*, устраиваютъ особенное мѣсто, кладутъ въ углу сѣно и снопъ жита. Хозянъ обыкновенно самъ выбираетъ хороший снопъ жита, иногда вымолоченный, такъ называемый *куль*, несетъ его и квокчетъ для того, по повѣрію народа, чтобы цыплята водились.

Ѣдить кутью въ сочельникъ вечеромъ, послѣ восхода первой звѣзды и Ѣдятъ ее обыкновенно послѣ другихъ кушаньевъ, въ заключеніе; иногда, впрочемъ, въ бѣдныхъ семействахъ въ этотъ вечеръ только и подается, что кутя и узваръ. Дѣвушки и хозяева при этомъ гадаютъ по кутѣ. Дѣвушки, взявши первую ложку кутти въ ротъ, выходятъ на дворъ и слушаютъ, откуда собака лаетъ,—предвѣщеніе, что оттуда будетъ и суженый. Хозянъ набираетъ ее (кутти) въ ложку, подходитъ къ окну, или выходитъ на дворъ и говоритъ; „Морозе, морозе, ходы до насъ кути исти, а колы не идешъ, то нейды й на жито пшеницю и всаку пашницию“ ¹⁾). Послѣднюю ложку кутти бросаютъ въ потолокъ и наблюдаютъ, если много кутти прильпнѣло, то признакъ, что будутъ хорошо роиться пчелы. По объясненію профессора Сумцова, бросаніе кутти въ потолокъ означаетъ жертвоприношеніе солнцу ²⁾). Почтеніе къ кутѣ на столько большое, что важнѣйшіе моменты Рождественскихъ праздниковъ величаются именемъ кутти: *богатая кутя*—наканунѣ Рождества Хр. и *голодная кутя*—наканунѣ Богоявленія.

Къ земледѣльческому култу относятся еще нѣкоторыя преданья и обряды. „Послѣ первого кушанья (въ Рождественской сочельникѣ) хозяинъ, закрывъ глаза, вытаскиваетъ изъ сѣна стебель; если онъ окажется длинный, то будетъ хороший урожай, въ противномъ случаѣ плохой“ ³⁾.—Выходятъ еще послѣ кутти и смотрятъ на небо: если оно чистое, звѣздное—будетъ сухое лѣто, не будетъ урожая; если же падаетъ снѣгъ, иней—будетъ дождливое лѣто, урожайное.

¹⁾ Труды Этн. Стат. Эксн. т. III, 263.

²⁾ Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ И. Сумцова

³⁾ Тр. Э. Ст. Эксн. III, 263.

Принадлежности паханія и обрядовое съяніе также свидѣтельствуютъ о томъ же кульѣ земледѣлія. Въ сочельникъ на столъ кладутъ плугъ и упряжь, а подъ Новый годъ „пашутъ землю и какъ бы приготавляютъ ее для посѣва, при чемъ пѣснями и тѣлодвиженіями представляютъ процессъ паханія“¹⁾. Утромъ, въ день Нового года ходятъ мальчики и посѣваютъ, т. е. представляютъ процессъ съянія; набираютъ въ рукавицу зерень ржи, пшеницы, гороху, гречки, проса, ячменя и, входя въ хату, обсыпаютъ хозяина и хату, говоря: на счастье, на здоровье, та на нове лито; роды, Боже, жыто, пшеноцю и всяку пашынцю.“²⁾ Желаютъ вызвать урожай и слѣдующими символическими приготовленіями: во время богатаго, „щедраго“ вечера (наканунѣ Нового года), хозяинъ садится за столъ, обкладываетъ себя пирогами и кнышами; хозяйка приглашаетъ дѣтей ужинать, которая, входя въ хату, спрашиваются: „А де жъ напѣ батько?“—А хиба жъ вы мене не бачите,“ отвѣчаетъ отецъ изъ-за кучи пироговъ.—„Ни, не бачимо, тату!“—Дай же, Боже, щобъ завше не бачили,“ т. е. чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ.“³⁾

Освящающее значение хлѣба видно въ слѣдующемъ обрядѣ: „вечеромъ (въ голодную кутью) хозяинъ дома, взявъ хлѣбъ съ крестомъ на верху, называемый пирогомъ, идетъ къ дверямъ строенія, гдѣ помѣщается скотъ, и говоритъ: „Хто иде?“ — „Богъ!“ — „Що несе?“ — „Пирогъ.“ Послѣ этого входить къ скоту, благословляетъ его этимъ хлѣбомъ, разламываетъ на нѣсколько кусочковъ и раздаетъ скоту“⁴⁾.

Колядки въ поэтической формѣ наглядно обрисовываютъ кульѣ земледѣлія. Особенно глубокое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что, по изображенію пѣсенъ, самъ Господь существуетъ среди нивы, снаряжаетъ плугъ, пашетъ, обѣщаетъ урожай, какъ поется въ слѣдующей колядкѣ:

„Ой витай, витай, пане господару,
Подіймить свою та головочку,

Ой подивиться та й въ квартирочку —
По вѣшій обори самъ Господь ходить.

¹⁾ Тр. Э. Ст. Экск. III, 437.

²⁾ Ibid. 1.

³⁾ Тр. Э. Ст. Экск. III, 438.

⁴⁾ Ibid. 3.

Ой ходить, ходить, та все лагодить:
Лагодить волы и по тры плаути,
Бычки-третачки та й по четыры¹⁾.

Далѣе колядка развиваетъ, что Господь „лагодить кони на
тры бороны, лошаки-стрыжаки та й по четыры.“ —Кладеть „сти-
жки тай въ тры рядки, яру пшеницу та по четыры“ ¹⁾.

Картина малороссійского паханія, когда хозяинъ выходитъ
на поле, а хозяйка выноситъ обѣдъ, представлена въ такой
идеальной формѣ, или скорѣе въ апoteозѣ:

„А въ поли, въ поли плужокъ ходить, А за тимъ плужкомъ самъ Богъ ходить. Маты Божа исти носить, Бога проснть:	„А роды, Боже, жито, пшеница, Всяку пашницу, Безъ куколю, безъ металличн.“ ²⁾
--	--

Идеализація паханія представлена и въ слѣдующей инте-
ресной колядкѣ:

„А въ чистомъ полѣ, близко дороги,
Ой дай Боже!
Орѣть ми плужокъ четвѣрничкою,
Жичь, Боже, на рѣкѣ шествѣрничкою!
А все волики, все половіи,
А въ нихъ рожевки все золотіи,
А воловоды все шоковіи,
На нихъ аремціи все тисовіи,
На нихъ смилочки все кидовіи,
А занбосочки все мѣдяніи.
Та вышла идѣ нимъ Божая Мати,
Та и сказала: „Орѣть же, сынки,
А здovга пивки, а здробна скібки!
Та посѣммо мы дру пшеляцию,
Та сродитъ же ся що стебло-сребро,
Що стебло-сребро, золотый колесъ..
Накладемо же копи, якъ на небѣ звѣзды,
Стане господарь межи копами,
Якъ ясень иѣсціи межи звѣздами.“ ³⁾)

Слѣдующая колядка, очень гуманная по своему теплому
чувству, присоединяетъ, что за плугомъ, кромѣ Господа и
Божьей Матери, ходить еще св. Петро. „Самъ мылый Господь“,

¹⁾ Тр. Эта. Ст. Эксп. III, № 76 А. 346.

²⁾ Ibid. № 15 А, 451.

³⁾ Головацкій, Нар. пѣсни Галицко—Угорск. Руса II, № 24, 17 и 18 стр.

поется, „волыки гоныть, Пречиста Дѣва ѿстоныки носыть, а святый Петро за плугомъ ходыть, все Бога просыть: „Ой роды, Боже, жыто, пшеныцю, жыто, пшеныцю, всяку пашныцю!“ „Буде пшеничка Богу на хвалу, людёмъ на дару; будутъ копоньки, яко звѣздоньки, будутъ снопоньки, якъ дробенъ дожджикъ.“

Подобная этой колядка присоединяетъ еще новыхъ святыхъ, какъ—то:

„Святый Спасъ волойки начасъ,
Святый Михаилъ волы напоивъ,
Святый Петро волы погонивъ.
Пророки или, волы запрягали,
Святый Микита, завбъсъ затыба.
Самъ Господь Богъ за плужкомъ ходить,
Пресвята Дѣва ѿстоныки носитъ:
„Орѣте, синки, довгои чивки,
Будемъ сѣять жыто, пшеницу,
Буде житенько, якъ очеретецъ,
Буде пшеници. якъ тростеница“ ¹⁾).

Важнѣйшиe моменты въ жизни нивы олицетворяются въ видѣ трехъ праздниковъ, которые приводитъ самъ Господь. Колядка обращается къ хозяину:

Цо твойму полю самъ Господь ходыть,	Третее святце-святая Илія.
Самъ Господь ходыть тра святца водыть:	Святее Юрье землю одомкае,
Першее святце-святее Юрье,	Святый Петро жыто зажынае,
Другое святце-святый Петро,	Святая Илія у копы складае. ²⁾

Къ указаннымъ праздникамъ дѣйствительно приноровлены въ Малороссіи всѣ поступательныя дѣйствія въ жизни хлѣбопашца. Ильѣ, замѣнившему собою образъ громовника, приписывается въ колядкахъ большое значеніе для хлѣбопашства: „Шовъ Илья на Васыля“ (поется въ щедривкѣ), въ его пужечка житяночка; куды ею махнетъ,—тамъ жито ростеть. ³⁾). Илья оберегаетъ ниву: „А де ты була, святая Илья?“ спрашивается щедривка,—„Ой була бо я въ полю за сторожа, ой стерегла я жита, пшаныци, жита, пшаныци, всякой пашници, щобъ

¹⁾ Головацкій, Н. и. Г. У. Р. III, № 21, 17.

²⁾ Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 65, 337.

³⁾ Ibid. № 16, 452.

зъ кораюшка не выломыло, щобъ зъ колосочка не выдзебало, щобъ колинчика не выломало“ ¹⁾.

Посѣвъ въ колядкахъ представляется съ миетической точки зрѣнія, гдѣ эпитетъ „золотой“ указываетъ на соотношеніе съ солнцемъ.

Що тамъ доброго въ уграхъ слыхата?	Павянымъ перцомъ заволочено
„Добрѣ слышано, бо южъ поорано,	Золотымъ мечомъ загорождено.“ ²⁾ ,
Южъ поорано, златомъ засыно,	

Послѣ посѣва естественно ожиданіе урожая. Колядки представляютъ это въ живой формѣ, гдѣ самъ Богъ призываетъ хозяина и приноситъ ему даръ-урожай:

„Буйгъ тебе зове, даръ тоби дао:	Колосистее,—ядреистее.
Широке поле, жито густее,	Изъ колосочка жита мисочки,
Коренистее, стеблистее,	А зъ снопочки—три зъ верхомъ бочекъ“ ³⁾ .

Господь даруетъ хозяину три доли, которыхъ понимаются, какъ доля земледѣльца.

„Ой выйди, выйди, пане господарочки,	Другая доля—волы, коровы,
Клыче та Господь на порадочки	Третья доля—жито, пшеницы,
Даруе теби три доли въ поли:	Всака пашници“ ⁴⁾ .
Першая доля щастя, здоровъя,	

Пожеланія урожая представляются въ видѣ совершившагося факта, при этомъ въ условіяхъ малорусского быта:

„Щось теби давъ Буйгъ,	На паланница,
Ой давъ теби Буйгъ	А стожокъ гречки
Шеници копу.	На варенички“ ⁵⁾ .
Копа пшеници,	

То-же знаменованіе урожая представляется символическимъ дѣйствиемъ, которое такъ изображаетъ колядка: „У сей дворъ Богъ навитавъ: Иисусъ Христосъ народылся, всему свиту знадобывся. Взяла его маты подъ уста, пиднесла его маты пидъ небеса, дала ему маты житянную пужку,—де пужкою махне, а тамъ жито росте“ ⁶⁾. Тотъ же смыслъ имѣеть и хожденіе

¹⁾ Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 19, 454.

²⁾ Головац. Н. и. Г. У. Р. II, № 1, 72; ср. 18, 13, № 1. 2.

³⁾ Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 110, 385 и № 109.

⁴⁾ Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 149, 421.

⁵⁾ Ibid. № 111, 386.

⁶⁾ Ibid № 50 А, 321.

,съ козою,” которая, вѣроятно, олицетворяетъ собою скотъяго бога, имѣющаго соотношеніе къ хлѣбопашеству. Хожденіе этой „козы“, по смыслу колядки, производить урожай:

„Дѣ коза ходѣть, тамъ жыто родѣть,	Дѣ коза рогомъ,
Дѣ не бувае, тамъ вылягае	Тамъ жыто стогомъ!
Дѣ коза тупъ, тупъ,	Дѣ коза хвостомъ,
Тамъ жита симъ купъ;	Тамъ жыто кустомъ“ ¹⁾ .

Пожеланія урожая весьма часты въ колядкахъ и щедривкахъ; они имѣютъ форму молитвы:

„А вродыжь, Боже, серебло стебло,
Серебло стебло, женцеви зерно“ ²⁾.

Вотъ болѣе подробныя пожеланія:

Дай же ты, Боже, въ полѣ урожай,
Въ поля урожай, а въ гумно звожай,
А въ гумнѣ хлѣбно, въ уборѣ вѣдйно,
Въ дому весельно, на славу вѣтшно!“ ³⁾.

При „посѣваніи“, на Новый Годъ, мальчики причитаютъ подобныя пожеланія:

„Сѣйся, родися, Всака патинца, Ячмень, овесъ, гречка,	Горожъ, сочевиця, На той Новый Рѣтъ!“ ⁴⁾
---	--

Дождь и свѣтила небесныя, вліающія на урожай, выводятся въ колядкахъ въ олицетворенномъ видѣ гостей, являющихся къ хозяину и обѣщающихъ ему благодѣянія:

„Иане господару, вставай съ постели, видчилий двери.
Застелай столы—клады калачи зъ ярои пшеници.
Прииде до тебе ажъ трое гостей —
Вси трое разомъ.
Перший гостонько драбный дещикъ.
Другій гостонько ласій мисацъ.
Третій гостонько—ясне сонце.
„Якъ я зійду три разы въ маю,
То зрадуецца жито, жито—пшениця—всіка пашница.
Якъ я зійду зъ вечера пизно,
То зрадуецца весь звиръ у полп, всі рыбаць мори,“

¹⁾ Тр. Э. Эксн. III, № 1, 265.

²⁾ Головацк. Н. п. Г. У. Р. III, № 4, 117.

³⁾ Ibid. II, № 54, 37; и № 2, 122.

⁴⁾ Ibid. III, № 2, 150—151 и № 1, 150.

Чумачъ въ дорози, худоба у вози.

Якъ я зайду въ недѣлю рано, то зрадуеця старе й мале,
криве й сине“ ¹⁾.

Три гостя въ галицкой колядкѣ называются тремя царями,, „Пріїдуть до тя три царі въ гості: одинъ царенько—ясное сонце, другій царенько—та ясный мѣсяць, третій царенько—та дробенъ дощикъ“. Въ колядкѣ поочередно обращаются къ каждому изъ этихъ трехъ „товарищѣй“ съ вопросомъ, какія благодѣянія онъ приноситъ. Вопросъ дожду: „Чимъ ся похвалишь, третій товаришишь, третій товаришишь, зъ дробини дождикъ?“—Я ся похвалю, бо якъ испаду три разы мая мѣсяца, зрадуе ми ся жито—пшениця, жито—пшениця, всяка пашници“ ²⁾.

Среди трехъ „товарищѣй“, вмѣсто дождя, появляется самъ Господь, который посыаетъ дождь,—очевидно, болѣе позднѣйшія народныя представленія. Здѣсь товарищи похваляются сами своими благодѣяніями:

„Выхваляєса другій товарищъ,
Другій товарищъ, свѣтлое сонце:
Якъ же я зайду въ недѣлю рано,
Я обogrѣю горы, долини,
Горы, долины, темни лѣсове,
Темни лѣсове, чистое поле,

Чистое поле господарента“.
Третій товарищъ, самъ Богъ небесный.
„Якъ же я спущу дробного дожджу,
Зрадуе ми ся весь мирный свѣтокъ,
Всяка сѣвиця господарента“ ³⁾.
Весь мирный свѣтокъ, жито, пшеница.

Къ тремъ гостямъ присоединяется „зорничка“ и „пшеничка“. „Зорничка каже: „Не е надъ мною, кедъ я изыйду на Родство рано, зрадуєся ми гость въ дорозѣ, гость въ дорозѣ, вся тварь во Бозѣ“... Пшеничка каже: „Не е надъ мене, безъ мене нигдѣ служба не буде, ни въ простыхъ церквахъ, ни въ монастыряхъ“ ⁴⁾.

Мотивъ о трехъ гостяхъ, благодѣтельствующихъ миру и хлѣбу, очень распространенъ въ колядкахъ (ср. Тр. Этн. Ст. Эксп. III, № 138 А, 409; Головацк. Нар. п. Г. и У. Р. II, № 60, 40; № 19, 26; № 14, 10; III, № 1, 3).

¹⁾ Кіевск. Ст. 1890 г. № 12, 519.

²⁾ Головацк. Нар. п. Г. У. Р. III, № 2. 105.

³⁾ Ibid. № 2, 4.

⁴⁾ Ibid. стр. 130—7.

Приведенные черты изъ рождественскихъ обрядовъ и колядокъ указываютъ на несомнѣнное присутствіе среди религіозныхъ празднествъ малорусскаго народа и теперь еще культа земледѣлія. Правда, онъ не сконцентрировался, какъ въ классическихъ культуахъ, вокругъ отдѣльного божества; но является почитаніемъ всѣхъ силъ, покровительствующихъ урожаю. Олицетворенные силы небесныя являются въ дружеской семье среди земледѣльца; онъ ему пашутъ, лелѣютъ и возвращаютъ ниву. Здѣсь небо низведено на землю. Всѣ атрибуты земледѣлія представлены въ благородныхъ миѳическихъ чертахъ; а смыслъ земледѣлія заключенъ въ томъ гуманномъ чувствѣ, которое заставляетъ все, что ниспослано изъ рога изобилия, употреблять „Богу на хвалу, людемъ на дару“.

Хр. Ящуржинскій.

СТАРЦЫ.

ПОЛБСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Среди темного лѣса черногузовскаго пролегаетъ теперь дорога битая, широкая. Чрезъ иѣсколько часовъ ъзды по лѣсу можно услышать собачий лай, и всякий знаетъ, что скоро будетъ нивка, а на ней хуторъ лѣсника. Тутъ половина лѣсной дороги.

Но еще и теперь въ черногузовскомъ лѣсу встрѣчаются мѣстами непроходимыя трущобы, въ которыхъ не дай Богъ кому забраться противъ ночи и о которыхъ разсказываютъ разное.

А что-же было прежде, когда лѣсъ былъ густой, буйный и такъ великъ, что никто не могъ сказать, гдѣ онъ начинается и гдѣ ему конецъ? Никто не зналъ—кто въ немъ живетъ. Дорогъ тогда въ лѣсу не было. Были только маленькия тропинки. Да и тѣ не уходили далеко въ глубь лѣса. Онѣ вились по опушкѣ. Въ одномъ мѣстѣ онѣ сходились и шли одна о бокѣ другой, какъ-бы боясь потеряться, въ другомъ—далеко расходились, въ третьемъ—пересѣкались.... А то вдругъ гдѣ-нибудь исчезали среди густыхъ кустарниковъ, и слѣду имъ не было. Громадныя сосны и дубы считали тутъ столѣтіями время своей жизни, и ихъ корни свободно выползали на верхъ, безъ опасенія быть подрубленными. Эти обнаженные, причудливо перевивавшіеся корни напоминали какія-то лапы съ безчисленнымъ множествомъ ногтей, на которыхъ держалось дерево.

Порою въ бурную погоду, когда дерево сильно качалось изъ стороны въ сторону, какая нибудь сосна не выдерживала,

и дерево вываливалось съ корнемъ, но оно не падало.... Этого не допускала лѣсная чаща. Его поддерживали товарищи. Сосна склонялась своей верхушкой на могучихъ сосѣдей и, словно въ обморокѣ, большое дерево такъ и лежало по цѣлымъ десяти-лѣтіямъ на груди какого нибудь крѣпкаго дуба. А внизу, подъ приподнятой корнями землей, открывалось удобное логовище для лѣсныхъ обитателей. Скоро тутъ поселялся медвѣдь или волкъ.

Среди этихъ дебрей свободно протекалъ какой нибудь ручеекъ. Катилъ онъ свои свѣтлыя воды по узкому руслу, то стыдливо прятался въ кусты орѣшины, то падалъ легкимъ водопадомъ съ какой нибудь балки, загородившей путь, то привольно разливался въ низинѣ по зеленому, дѣвственному мху. Ни мостика, ни кладки, ни слѣдовъ человѣка.... Мѣсто топкое, вязкое... Идти нельзя... А если кто и ухитрится перейти на ту сторону, то хорошо замѣчалъ, гдѣ переходъ. Иначе, ни за что не найти ему этого мѣста на обратномъ пути, и будетъ онъ блуждать по лѣсу не одинъ часъ, а быть можетъ и не одинъ день, пока выйдетъ изъ черногузовскаго лѣса. Иной ходить, ходить и съ ужасомъ замѣчаетъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ глупше лѣсъ. Онъ въ другую сторону—такая же гуща... Слышится како-то трескъ... На ближайшой соснѣ снята кора. Это слѣды медвѣдьей лапы. Назадъ... А назади, словно сдвигаясь плотнѣе другъ къ дружкѣ, стоять рядомъ сосны и какъ-бы загораживаютъ путь.

Въ страшномъ раздумьи останавливается путникъ и дико водить кругомъ глазами. Дрожащія губы невольно шепчутъ молитву, ноги слабѣютъ, сердце крѣпко бьется. А вечерняя заря догораетъ на верхушкахъ высокихъ деревьевъ, и сумерки быстро спускаются на лѣсъ. Онъ боится поднять глаза и взглянуть вверхъ,—а что если на какой либо вѣткѣ повисла русалка и тихонько неслышно качается!... Стоитъ только выдать свое присутствіе чѣмъ нибудь—и пропалъ человѣкъ: его защекочутъ на смерть. Были случаи... И пробѣгаютъ въ головѣ путника всѣ слышанные имъ разсказы о насильственной смерти отъ щекота русалокъ. Помнятся даже имена погибшихъ. Страшно отъ од-

ного воспоминанія. Онъ взглянулъ вверхъ. Русалокъ, слава Богу, нѣть. Но отъ этого не легче. Вмѣсто русалки сидитъ на сучкѣ зозуля и куетъ. А это развѣ на добро? Никогда зозуля въ глухомъ лѣсу не куетъ на добро.

И кто можетъ знать, что ждетъ путешественника, неосторожно углубившагося въ темный черногузовскій лѣсъ?

II.

Но не русалками и дикими звѣрями, не высокими деревьями и пущами славился черногузовскій лѣсъ. Его славу разнесли по всему свѣту двѣнадцать старцевъ—слѣпыхъ лирниковъ, двѣнадцать родныхъ братьевъ—пѣсенниковъ, которые вѣкогда жили въ этомъ лѣсу.

Это было давно. Село N, что стоитъ при рѣкѣ близъ лѣса, состояло тогда изъ нѣсколькихъ лишь хатъ, а рѣка шла полноводнѣе и шире.

Жилъ одинъ дѣдокъ—пастухъ. Не было у него роду, не было и мѣста для житья опредѣленнаго. Переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто и пасъ скотъ. Давали ему крестьяне въ складчину нѣсколько корцовъ пашни,—тѣмъ онъ и жилъ. Пастухъ онъ былъ добрый, исправный. Не было еще случая, чтобы пропала у него скотина.

Но случилось однажды—выбилося изъ стада, которое онъ пасъ, „лошена.“ Извѣстно „жеребя—молоде та дурне, взяло та и потягло соби въ черногузовскій лисъ.“ Зажурился дѣдъ, „засумовавъ“... Да и развѣ не жаль? Оно хоть и молодое, а все выросло-бы, коняка бы и вышла. „Треба шукать, нема що“... Опоясался дѣдъ обратью, топоръ со собою взялъ насѣчки (знаки) на деревьяхъ дѣлать, чтобы по нимъ изъ лѣсу выйти, и пошелъ въ лѣсъ. Пока была тропинка, шелъ по ней: видно было—куда идти. Не стало скоро тропинки, пошелъ себѣ куда глаза глядятъ. Идетъ и дороги не замѣчаетъ. Думу разную думаетъ да все время отъ времени кличетъ: „ціось, ціось, ціось!“... чтобъ „лоша“ отозвалось. Колода-ли тамъ какая подъ ногами встрѣтится,—онъ такъ прямо на нее... Перелѣзетъ да и дальше. Ручей-ли перебредетъ... Долго такъ-то шелъ дѣдокъ да шелъ...

И все— „ціось, ціось, ціось!...“ Порою и остановится, прислушается, не отошлется ли „лоша.“ Слышится ему въ отвѣтъ словно какъ-бы корова или быкъ мычитъ. „Що се таке,“ думаетъ пастухъ. Еще остановился; еще послушалъ, такъ и есть— быкъ или корова. Идетъ дальше. Въ одномъ очень глухомъ мѣстѣ между сосѣй напечь онъ поляну. Растетъ тутъ па полянѣ трава пышная да душистая и цветы разные. „Отъ, думаетъ, паша, тутъ бы моя стегнявая напаслась-бы...“ Видны и слѣды. Присмотрѣлся онъ къ слѣдамъ—много человѣческихъ слѣдовъ и еще какъ будто скотины. Со считалъ онъ слѣды: человѣческихъ слѣдовъ много, а копыть—словно какъ-бы на одну скотину. Извѣстно—пастухъ, сейчасъ и разчиталъ... Ничего. Остановился онъ отдохнуть немного на полянѣ. Легъ на землю, на небо смотритъ, любуется да и думаетъ: одно—куда-бы это его ціосъка утекла такъ далеко, а другое—чи-бы слѣды такие въ такой-то глухи? Слѣдовъ на двѣнадцать человѣкъ, а скотина одна. И какая, въ самомъ дѣлѣ, скотина такая, что еї двѣнадцать пастуховъ пасетъ?.

Думалъ, думалъ да и заснуль,—потому что усталъ. Долго-ли лежалъ, кто его знаетъ, только слышится ему сквозь сонъ пѣніе да такое-то хорошее, такое-то душевное. Схватился съ земли, оглянулся кругомъ... Видитъ—на лужайкѣ лежитъ большой быкъ, весь бѣлый—бѣлѣшенекъ, а роги золоченые, сияютъ... Глаза большие, на него такъ и уставились. Лежитъ, жвачку жуетъ, наѣлся... А поодаль отъ него сидятъ рядомъ старцы. Разъ, два, три, четыре... двѣнадцать старыхъ, престарыхъ старцевъ, такихъ, какъ на образахъ малюютъ. Сидятъ они на травѣ и какъ-бы дремлють. „Чого се воны?!“ подумалъ пастухъ и сталъ вглядываться въ старцевъ. Анъ, всѣ-то они слѣпые, ни у одного глаза то настоящаго нѣтъ, у всѣхъ вместо глазъ бѣльма и всѣ, какъ одинъ, такъ похожи другъ на друга, словно братья родные, и роста—одного, и бороды у всѣхъ сѣдые, длинные.

Подивился пастухъ. Замеръ на своемъ мѣстѣ. Нужно посидѣть, посмотреть, что дальше будетъ. Опять сѣлъ пастухъ, люльку закурилъ... А больше всего его охота беретъ поглядѣть, какъ они пойдутъ, безъ глазъ-то... Наблюдаетъ.

Вотъ одинъ изъ старцевъ, самый крайній, поднялъ свою палку вверхъ и стукнулъ ею о земь. Какъ одинъ, старцы поднялись и встали съ своихъ мѣстъ. Другой разъ стукнулъ палкою старецъ—и всѣ шапки съ головъ своихъ поснимали. И головы у всѣхъ были лысыя, бѣлыя. Третій разъ стукнулъ старецъ,—открыли свои лиры старцы, взялись за кобзы и дружно въ голосъ запѣли:

Ой гукъ, браца, ой гукъ браца!
Де старци бредутъ?
Та веселая-жъ та дориженька,
Куды воны йдутъ...
Ой заросло, зацвіло,
Дороги не видно...
Ни проахать, ни пройти,
Ни коня провести...
А мы тута ходымо,
По лиси, поросли,
Та все Бога просимо
Любови—милости.

Ой дай, Боже, добра людямъ.
Добра та подмоги
На тяжкую годинойку,
На несчастну долю...
Роды, Боже, жито людямъ,
Жито и пашыцю.
А для вола та для коня,
Щей травы копыцю.
Ой гукъ, браца, ой гукъ, браца!
Де старци бредутъ?
Та веселая-жъ та дориженька,
Куды воны йдутъ.

Долго такъ то пѣли старцы. Пѣли они и „про свитъ“ Божій, и про Дунай „зъ Дніпромъ“, про святого Юрка, про запорожье, и про гору почаевскую та Божую Мату.“ И про что, про что только они не пѣли?

Снялъ шапку пастухъ, служалъ и заслушался. Легъ на земль, положилъ долони подъ подбородокъ да такъ и замеръ въ одномъ положеніи. Забылъ и гдѣ лежитъ, и какъ лѣсь называется, и кого видитъ предъ собой... И люлька изо рта выпала, въ травѣ сама курится. Слушалъ-бы такъ, кажется, до самаго вечера.

Кончили пѣніе старцы и надѣли на головы шапки. Очнулся и пастухъ. Оглянулся и обмеръ отъ страха: за нимъ—„маты мой ридна!“—видимо невидимо всякихъ звѣрей: и медвѣдей, и лисицъ, и волковъ, и всѣ мирно лежатъ, пѣсни слушаютъ. А какъ увидѣлъ среди нихъ свое „лоша,“ глаза выпучилъ, не вѣритъ... Такъ и есть—его „лоша.“ Лежить оно рядомъ съ волкомъ и словно не замѣчаетъ своего сосѣда. Подивился пастухъ. Глянулъ вверхъ,—а на деревьяхъ птицы всякие: тутъ и сорока-бѣлобока, и воронъ-каркунъ, и сычъ-деркачъ,

и зозуля-перебеня, и еще какія-то птицы чудныя, такія, что и названія имъ нѣтъ. Всякое галичье тоже прилетѣло старцевъ послушать.

Когда кончилось пѣніе, быкъ съ золотыми рожками, что лежалъ на полянѣ, замычалъ и поднялся съ своего мѣста. И сталъ въ лѣсу ревъ, пискъ, свистъ, большой „галасъ“ поднялся отъ рева-воя звѣринаго, отъ пѣнья-писка пташинаго.

„Не буты, певне, мени живому, не бачить вже мени бильше свита Божого“, думаетъ пастухъ, „пропавъ, зъидять мене звири ни за що... Пропало и мое бидне лоша...“

Извѣстно, одинъ разъ пропадать человѣку. Остался пастухъ поглядѣть. Опять люльку закурилъ. Все одно гибнуть...

Ну, что дальше будетъ? Вотъ подошелъ одинъ изъ старцевъ къ быку и взялъ его одной рукой за рогъ, а другой на клюку опирается. А за нимъ, положивъ руки другъ дружкѣ на плечо, потянулись и братья. Быкъ всталъ и пошелъ въ лѣсъ. „Потяглы за нымъ и старци зъ нывки.“

А за старцами полетѣли птицы и пошло звѣрье всякое. Все ломится, все „прецпя“, — „побѣй ёго сыла Божал“, — каждому хочется ближе къ старцамъ быть. Рядомъ съ волкомъ идетъ тутъ коза, съ ястребомъ летитъ голубь, и даже мышь паскудная бѣжитъ въ травѣ за котомъ-муркотомъ. Что мышь?!— черепаха и та путается по травѣ.. Тоже живая душа... Но, что болѣе всего удивляло старца— „лоша“ межъ ними.

„Ото дурне... И чого ще воно?! Шо воно тямыть?!!..“

Остановились старцы. Видятъ, что всѣ идутъ за ними и что покою имъ не дадутъ. Передній снялъ шапку, поклонился и сказалъ:

— „Дзинькуе вамъ, честна компанія, за вашу прихильность! Але пробачайте, бо тильки разъ мы спиваемо на одному мисце, а другій разъ пидѣмо на друге мисце. Гарну писню не вартъ дуже часто спиваты. Живить соби нищечкомъ, не турбуйтесь, тай бувайте здоровеньки!“

И ушли, „потяглы дали.“

III.

Отстали звѣри и стали на раду. Пугачъ—сова сѣль па пень,—даромъ что слѣпой,—подумалъ, подумалъ да и говоритъ:

— Якъ гарно старци спивають...

А синица:

— И я такъ потрафлю.

— А ну, попробуй, говоритъ пугачъ и наставилъ уши.

Синица натянула свое горлышко и запѣла: „помагай Бигъ, помогай Бигъ!“

— Ну, де вже тоби спиваты такъ! говоритъ пугачъ: въ тебе горло дуже тонке.

А перепелыця:

— Я заспиваю, я заспиваю, я заспиваю.

Индюкъ „булькоче щось таке“, „мышь пищить, волкъ воетъ, ворона—край, край, а „деркачъ свое дере.“ Поднялось такое, „щой Боже...“

Змѣй сталъ на дыбы и говоритъ:

— Тс... щобъ-же вы вси оглохлы... Чи почумили вы, чи що... тс... Цытьте-но, пугачъ заспивае.

— Ну, колы такъ, говоритъ пугачъ, колы никто пе вміє спиваты, то слухайте-жъ мене. Ось, я вамъ заспиваю.

Тѣ думали, что и „назоправди заспивае, бо хто-жъ его знае, якъ ще винъ заспивае.“

Надулся пугачъ, винялиль свои слѣпые баньки и какъ заведеть свое... всѣ такъ и покотились со смѣху. Гусь—„го, го, го...“ а бочонъ—„не такъ, не такъ...“

— Куды вже тоби спиваты, говорять ему: ось иди, лучше спаты, бо ты пугачъ, тоби треба у день спаты.

„Бо таки и такъ, правду кажучи, де то звычаяно, щобъ си чъ у день та спивавъ“...

Обидѣлся пугачъ, снялся съ пия, улетѣлъ, да головою прямо въ сосну. Оттого у него иногда и шишка бываетъ „на лобу.“

Многимъ хотѣлось пѣть. Всѣ пробовали свои голоса. Прилетѣлъ на послѣдокъ и соловей.

„Ну, той ще нибыничего... добрѣ,—лыхо ма,—заспивавъ, але все жъ таки не такъ, якъ ты старци.“

Смотрѣлъ пастухъ на эту комедію и самъ подъ конецъ разсмѣялся. Забавнымъ ему показалось, какъ птицы и звѣри такие, да захотѣли по человѣччи пѣть.

Увидѣлъ онъ, что звѣри очень занялись пѣніемъ, и думаетъ: „отъ бы втикты, щобъ не побачили.“ Да тихонько по за деревьями, бокомъ, чтобы не такъ замѣтно... отошелъ да— „цюсь, цюсь, цюсь!“ „Лошень“ и прибѣжало. Онъ его на обратъ и.., „деркача“... Такъ и убѣжалъ.

Долго, долго блуждалъ онъ по лѣсу, долго путался и лишь поздними сумерками, когда бабы огни на припечку тушили, вышелъ въ какое-то чужое, совершенно неизвѣстное ему село. А изъ этого села добрался и до своего. Вездѣ, гдѣ онъ ни проходилъ, рассказывалъ про братьевъ лѣсовиковъ и ихъ пѣніе.

IV.

И стало скоро всѣдѣ извѣстно, что въ лѣсу черногузовскомъ живетъ двѣнадцать братьевъ, старцевъ-слѣпцовъ, что поютъ они по временамъ и что водитъ ихъ поводырь—быкъ съ золоченымъ рожками. Богъ ихъ знаетъ святый, откуда они взялись, чѣмъ они кормятся и гдѣ живутъ. Сначала люди не вѣрили, что такие старцы есть на свѣтѣ. Многіе нарочно шли въ лѣсъ увѣриться... И слава о старцахъ послѣ этого еще больше разошлась по свѣту.

Въ старое время послушать старцевъ было не трудно. Для этого нужно было только взять съ собой топорикъ для знаковъ на деревьяхъ, чтобы не заблудиться, да рогатину какую нибудь на случай недоброго звѣря, войти въ лѣсъ и прислушиваться, въ которой сторонѣ зареветъ быкъ, въ ту и идти. Тамъ были старцы. Когда они пѣли, нужно было сидѣть или лежать, не шевелиться. Чуть только человѣкъ зашевелился, крякнетъ или чихнетъ, старецъ старшій говорилъ—„чужій духъ песе“... и всѣ звѣри бросались на этого человѣка и готовы были разорвать, но старцы опять начинали пѣть и опасность проходила. А потомъ, когда пѣніе кончалось, звѣри сами подражали пѣнію старцевъ, и въ это время легко можно было уйти.

Когда черногузовскій лѣсъ сталъ рѣдѣть, когда дорогу чрезъ него проложили, старцы стали встрѣчаться рѣже. А по томъ и совсѣмъ перестали жить въ лѣсу. Ушли изъ лѣса, обидѣлись.

Случилось это такъ.

Проѣзжали однажды чрезъ черногузовскій лѣсъ чумакъ, жидъ и панъ. Ёдетъ сначала чумакъ волами. Слышитъ—пѣсня. Остановился. Очкура распустилъ, люльку по обыкновенію закурилъ и сталъ слушать. И долго такъ-то слушалъ да и задумался... Заслушались и волы, легли на землю и лежать себѣ тишикомъ.

Ёдетъ затѣмъ, „бидою“ жидъ Ицко, тотъ, что въ сели „гандлюе.“ И этотъ остановился. Даромъ что жидъ, а пѣсню слушаетъ. Сѣлъ на своей „биди,“ спустилъ ноги, подложилъ руки подъ пейсахи, забылъ и про „гендель свай“...

Ёдетъ, наконецъ, панъ четвернею—пугомъ. Издалека слышно, что панъ ёдетъ: бубенчики звенять, а фурманъ изъ бича такъ и бьетъ, такъ и „ляскае.“ Наѣхалъ. „Тпру“... сдерживаетъ кучеръ лошадей. Стоятъ на дорогѣ чумацкій возъ и „жидивська бида“—проѣхать нельзя. Панъ выглянуль изъ кареты:

— Что такое?

— Старцы спиваются, проихать неможна.

— Какие старцы?

„Таки и таки“... докладываетъ фурманъ.

— Это что еще за коляда такая... Вонъ гнать ихъ! Мнѣ некогда тутъ ихъ разныхъ пѣсни слушать!

И поѣхалъ,—такъ что курево выше лѣса столбомъ пошло за его каретой.

И замолкли старцы. Обидѣлись. Старшій изъ нихъ покачалъ головой и сказалъ:

— Зъ давнѣго давня, зъ вику вичного, ще якъ свитъ стоять... мы гуртомъ по свити ходымо та для міра спиваемо, а ще не чулы, щобъ намъ кто таке сказавъ. Такій то теперь свитъ наставъ...

Разошлись они по свѣту. На каждую сторону пошло ихъ по три. Рассказываютъ, что пока они не померли, то пѣли пѣс-

ни на Ивана Купала, потомъ колядовали людямъ на Рождество; а какъ померли, то вмѣсто ихъ пошла на коляду молодежь. Съ тѣхъ поръ такъ это и держится, что молодежь колядуетъ. А бытъ, что водилъ ихъ, въ землю провалился и на томъ мѣстѣ стала гора высокая съ двумя горбами. И до сихъ поръ тамъ еще трава ростетъ густая та высокая и паша хорошая. Череда тамъ любить пастись. И называется это урочище „бычачій рогъ бо быковыше.“

,,Ось такая-то на свити ходить байка про старцевъ, а въ решти, кто его знает, може то и правда...“

Ѳ. Кудринскій.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.¹⁾

(1813—1862 г.).

(П р о д о л ж е н і е).

ГЛАВА VIII.

*Новий міръ для менѧ. Презрѣніе, питаемое высшими классами
къ низшимъ. Та же метода ученія. Жажда быть сочинителемъ.*

Подвиги гимназистовъ въ казенному корпусѣ.

Гимназія въ то время состояла только изъ четырехъ классовъ: это, конечно, было и лучше, потому что небогатые люди могли воспитывать дѣтей своихъ въ ближайшихъ уѣздахъ цѣлыхъ три года въ училищахъ, имѣть надъ ними надзоръ, такъ сказать, подъ рукою и только для дальнѣйшаго образованія отсыпать въ губернскій городъ. Теперь это дѣлается иначе: дитя, только что вышедшее изъ младенческаго возраста, везутъ въ губернію, отдаютъ его на руки людямъ, совершенно для него чуждымъ, часто надъ такими дѣтьми не бываетъ никакого ни нравственнаго, ни учебнаго надзора, и оканчивается тѣмъ, что изъ третьяго и четвертаго, а иногда и изъ втораго класса они оставляютъ гимназію, только начавши учиться.... Сверхъ того, и родители чрезвычайно стѣсняются этимъ, ибо содержаніе въ уѣздномъ и губернскомъ городѣ обходится не одинаково. Но не въ этомъ дѣло.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1893 г. № 10.

И такъ, я поступилъ въ третій классъ; это по нынѣшнему устройству гимназій означаетъ, что я былъ въ шестомъ классѣ. Мнѣ было тогда тринадцать съ половиною лѣтъ, я зналъ кое-что и побольше, прочиталъ бездну книгъ, познакомился не-множко съ жизнью и уже имѣлъ о себѣ понятіе довольно вы-годное не въ шутку. Кроме того, такъ уже и заведено было, что ученики третьаго и четвертаго классовъ не сближались съ перво-и второклассными. Мы считали себя уже людьми выс-шаго сорта.

Такъ какъ учителя приходили къ намъ очень рѣдко, то мы распоряжались временемъ по своему и часто позволяли себѣ даже вовсе неходить въ гимназію. Впрочемъ, къ чести нашей замѣтить должно, что мы не злоупотребляли свободой своей. Любимыми занятіями нашими были литературныя бесѣды и по-хожденія за травами и цвѣтами во время лекцій ботаники.

Я забылъ сказать, что въ третьемъ классѣ у насъ приба-вился еще одинъ хороший учитель, Павелъ Ивановичъ Иваницкій, преподававшій намъ физику и естественную исторію. -- Объ этихъ двухъ родахъ занятій нашихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Учитель словесности въ третьемъ классѣ приказывалъ намъ сочинять на заданныя темы разнаго рода сочиненія и между тѣмъ позволялъ брать изъ библіотеки книги и журналы. Мы обыкновенно собирались въ классъ и въ продолженіе какихъ ни-будь полутора часа или читали что нибудь новое и занимател-пое, или сочиняли всѣ вмѣстѣ. Конечно, каждый изъ насъ пи-салъ отдельно, но прежде мы составляли совѣтъ: что и какъ писать,—мы, такъ сказать, помогали другъ другу и въ мысляхъ, и въ слогѣ. Свобода быть безъ учителя въ классѣ, позволяла намъ подобного рода взаимное сообщеніе мыслей, и я даже теп-перь не могу не признать этого чрезвычайно полезнымъ, по-тому что только при такомъ методѣ можно допустить возмож-ность сочиненія или выраженія мыслей.

Можетъ ли ребенокъ 12 или 13 лѣтъ выдумать или сочи-нить что нибудь самъ. Мы въ это время и шутили, и смеялись, даже иногда позволяли себѣ подтрунивать надъ однимъ изъ то-варищѣй, который вовсе не имѣлъ никакихъ способностей не

только къ сочиненіямъ, но даже къ отчетливому выучиванію уроковъ. Такъ какъ учитель И. Г. Бутковъ настаивалъ, чтобы и онъ что нибудь сочинялъ, то мы уже, по христіанскому состраданію, принимались диктовать ему что ни попало. Помню, однажды онъ избралъ себѣ тему: *Подражаніе Однѣ Бога*. Надобно было сочинить въ стихахъ: это уже было рѣшительно выше силъ его. Въ продолженіе цѣлаго часа онъ не написалъ ни одного стиха и чуть не плакалъ въ ожиданіи учителя, который и самъ любилъ въ веселый часъ надѣять позабавиться. Въ остальные полчаса мы надиктовали ему слѣдующіе два куплета:

О Ты, который выше насъ живешь
Во оной звѣздной неба сферѣ,
Который царства создаешь
Въ земной сей низкой атмосферѣ!
О Ты, который быль и есть
Всегда, вездѣ и тутъ и здѣсь,
Къ тебѣ я мысли возсылаю
И всю надежду на тебя,
О Боже мой я полагаю—
Помилуй и спаси меня!

Когда-бѣ умвожилъ я сто разъ
Твое величье на земное,—
О, и тогда ты выше насъ,
Какъ передъ мѣднымъ золотое!
Великъ ты въ кедрахъ и въ билинѣ,
Великъ въ мѣшечкѣ и въ радицкѣ..
Кто равенъ, Господи, Тебѣ?
Мы черви, гады предъ Тобою;
Предъ мудростью Твоей святою
Нѣть больше мудрости во миѣ!

Стихи эти принадлежать всему классу. Одинъ начинай другой подсказывалъ слѣдующій стихъ, третій и четвертый придумывали риому и такъ далѣе. Можетъ быть, было бы сочинено и еще нѣсколько куплетовъ или строфъ, но вдругъ пришелъ учитель... Какъ водится, онъ спросилъ кого-то изъ піитики, потомъ принялъся отбирать сочиненія... Сочиненіе нашего идиota обратило его вниманіе.— Онъ улыбнулся, началъ читать и потомъ уже принялъся разбирать.— Въ этомъ прошелъ цѣлый часъ— мы хотели до упаду, и самъ учитель нашъ не могъ удержаться—быль превеселый классъ.— Если мы не писали сочиненій до прихода учителя, то уже навѣрное что нибудь читали вслухъ. Сколько я припомнить могу, въ этомъ случаѣ мы читали съ большою пользою, особенно, если попадалось что нибудь занимателное. Въ это время явился уже и Булгаринъ со своими юмористическими статьями подъ именемъ похожденій по гостиннымъ, залламъ и переднимъ—въ то время онъ замѣнялъ

нынѣшняго Гоголя—хочотали вдоволь; сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, рукописная комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“ и нѣкоторыя другія сочиненія очень много нась занимали. Случалось, что и учитель давалъ намъ нѣкоторыя объясненія и замѣчанія; но чаще всего мы объясняли себѣ сами—и не столько въ какомъ нибудь ученомъ отношеніи (филологическомъ, историческомъ), сколько касательно вкуса. Мы читали много, читали съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, а потому не мудрено, что умственные способности наши развивались весьма порядочно и у насъ проявлялись ученики, которые писали весьма порядочно и прозой, и стихами—въ особенности этимъ прославились Сокологорскій и Кованько.

Мы питали теплую любовь къ наукамъ и литературѣ, занимались свободно, безъ ферулы, но тѣмъ не менѣе занимались съ успѣхомъ и пользой... Какъ дѣти, мы и шалили, но шалости эти вовсе не были лишены мысли. Я забылъ еще сказать, что у насъ было правило при переходѣ въ третій классъ дарить въ библіотеку гимназіи какія нибудь книги—и правило это соблюдалось строго, не смотря на то, что учитель словесности только желалъ этого. Кто не далъ книги, тотъ не имѣлъ права брать книгъ изъ библіотеки—лучшаго наказанія для любознательныхъ молодыхъ людей выдумать невозможно, а между тѣмъ и библіотека увеличивалась, и ученики были довольны. На основаніи этого *jus non scriptum* и я взпесь въ библіотеку полтавской гимназіи двѣ части повѣстей князя Шаликова. Часто, услышавши отъ учителя о какой нибудь хорошей книгѣ, мы складывались по гривеннику, двугривенному, покупали эту книгу, прочитывали ее, сначала всѣ вмѣстѣ, а потомъ каждый по одиночкѣ и наконецъ приносили въ даръ гимназической библіотекѣ. Сдѣлавши такую раскладку, мы даже выписывали издававшійся въ то время журналъ *Галатею* (кажется Раичъ издавалъ этотъ журналъ) съ картинками и по прошествіи года отдавали въ ту же библіотеку. Не забудьте, что мы всѣ почти были люди бѣдные, ходили въ наяковыхъ сюртучкахъ и въ овечьихъ тулубчикахъ, въ юфтовыхъ сапогахъ, часто на босую ногу, и безъ перчатокъ...

Другое любимое занятие наше было—ботанизированіе. Въ то время въ гимназіяхъ преподаваема была естественная исторія, т. е. зоологія, ботаника и минералогія, разумѣется, въ объемѣ незначительномъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнее время этотъ столь важный предметъ изгнанъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. И чѣмъ же замѣненъ теперь этотъ предметъ? Греческимъ языкомъ. Да вѣдь это чудеса!—скажутъ безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.. И упрекъ этотъ будетъ справедливъ, потому что для какого помѣщика, для какого офицера (даже генерала), для какого изъ чиновниковъ гражданскихъ окажется крайняя надобность въ такомъ чисто специальномъ предметѣ, какъ греческій языкъ? Между тѣмъ какъ естественная науки, кромѣ того, что знакомятъ человѣка съ окружающей его природою, все-же могутъ пригодиться и въ практическомъ смыслѣ для всѣхъ сословій вообще, во многихъ случаяхъ жизни. Но если потомки наши вспомнятъ, что за греческій языкъ еще награждали чинами четырнадцатаго класса оканчивающихъ курсъ учениковъ гимназіи, то уже извините—ей Богу будутъ смеяться... Но это въ сторону: дѣло томъ, что мы любили ботанизировать. Лекціи батаники нарочно были назначены утромъ отъ восьми до десяти часовъ, не помню въ какие дни, два раза въ недѣлю.—По этому слушаю, во время лѣта, мы имѣли право приходить въ гимназію въ девять часовъ; до того же отправлялись въ поля и сады для собиранія травъ и цветовъ: это было лучшее для насъ время. Мы собирались и ходили въ городской садъ, за городъ, но чаще всего въ садъ графини Разумовской. Хотя случалось, что мы дѣлали маленькая злоупотребленія, а именно—иногда поигрывали въ мяча на чистомъ воздухѣ, но также не забывали своего дѣла и въ урочный часъ являлись въ гимназію съ огромными связками всего, что попадалось подъ руку: *siringa vulgaris*, *leonthodon taraxacum*, *fragaria vesca*, *prunus cerasus*, *tulipa silvestris* и тому подобное. Все это раскладывалось въ классѣ симетрически въ ожиданіи учителя. Нашъ почтеннѣйший Павелъ Ивановичъ Иваніцкій являлся, и тутъ то уже мы узнавали премудрость: оpestикахъ и тычинкахъ, плодотворной пыли, листьяхъ и стволѣ,

корняхъ, питаніи и т. п. Къ чести нашего учителя надобно замѣтить, что онъ былъ большой мастеръ своего дѣла, и мы таки научались у него кое-чему. Кромѣ того, этотъ же учитель преподавалъ намъ зоологію, минералогію и физику. Весь курсъ этихъ четырехъ предметовъ былъ раздѣленъ на два года, т. е. въ третьемъ и четвертомъ классахъ. У насъ былъ въ полтавской гимназії (и теперь есть) прекрасный физический, зоологический и минералогический кабинеты и гербаріумъ для цвѣтовъ. Мы очень часто дѣлали опыты, знакомились съ силами и богатствомъ природы и, кромѣ того, пріятно проводили время.

Естественная исторія вовсе не была у насъ наукою педантическою для одного только зазубриванія. Мы знакомились съ нею практическіи. Къ довершенню пріятности времяпровожденья служилъ также и нашъ наставникъ.

Характеръ этого человѣка въ полномъ смыслѣ оригиналенъ: онъ почти никогда не улыбался, пунктуаленъ до такой степени, что у него тетради минералогіи были сшиты голубымъ шелкомъ, ботаническія—зеленымъ и зоологическія—краснымъ; кромѣ того, имѣлъ на лицѣ множество бородавокъ (отъ чего мы и называли его бородавкой) и ходилъ съ незапамятныхъ временъ въ одномъ и томъ же черномъ фракѣ. Мы часто надѣялись подшучивать; такъ, особенно замѣчателенъ слѣдующій случай: ученикъ Вельсавскій, взявши у него тетрадь ботаники, перемѣнилъ шелкъ,—вместо зеленаго поставилъ красный, желая узнать, замѣтить ли онъ это; на другой же классъ также тетрадь была сшита прежняго цвѣта шелкомъ—и онъ не сказалъ ни слова. Для записыванія улыбокъ у насъ была особенная тетрадка, въ которой отмѣчалось: такого-то числа Иваницкій улыбнулся по такому-то случаю. Я говорю объ улыбкахъ Иваницкаго, потому что онъ никогда не смеялся, вѣроятно не умѣлъ!

Но что значать подобнаго рода шалости въ сравненіи съ тѣми, которые происходили въ казенному корпусѣ? Это рѣзвость не болѣе. Въ то время при полтавской гимназії существовало заведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые учились вмѣстѣ съ нами въ классахъ гимназіи. Начальникомъ этого заведенія былъ извѣстный и незабвенный литераторъ

Іванъ Петровичъ Котляревскій—сочинитель Энеиды, Наталки Полтавки, Москала Чаривника и многихъ народныхъ малороссійскихъ п'есенъ. Въ помощь ему было назначено четыре надзирателя, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательнъ Бережной. Сколько любили, уважали и вмѣстѣ боялись казенные воспитанники своего начальника Котляревскаго, столько же, напротивъ, ненавидѣли, презирали и преслѣдовали Бережнаго. Дежурство этого послѣдняго никогда не обходилось безъ исторій, послѣ которыхъ обыкновенно происходило слѣдствіе, никогда впрочемъ ничего не открывавшее, ибо всѣ воспитанники стояли горой другъ за друга и умѣли прятать концы такъ, что и самъ Иванъ Петровичъ, не могши развязать этого Гордіева узла, часто говоривалъ: „Ну, чортовы диты, уже куралесяте черезъ чуръ, та и вы—бо, Пане Бережный, мабуть насолыли имъ, бо вони люблять васъ, якъ собака цыбулю“. Бдительность увеличивалось, но была дѣйствительна только до слѣдующаго дежурства Бережнаго. Изъ числа многихъ шалостей разскажу только о двухъ самыхъ замѣчательныхъ. Однажды послѣ ужина, когда всѣ уже воспитанники были въ постели и самъ Бережной отправился въ свою комнату, одинъ изъ шалуновъ, разумѣется, съ согласія и одобренія всѣхъ товарищѣй, заперъ потихоньку спальню надзирателя, такъ чтобы онъ никакимъ образомъ не могъ выйти, привязалъ къ колокольчику, который висѣлъ на столбѣ близъ гимназического крыльца, длинную веревочку, провелъ эту веревочку въ окно верхняго этажа (гдѣ жили воспитанники, а классы были внизу), изъ окна въ спальню, гдѣ, разумѣется, огни были потушены, и здѣсь, легши въ свою кровать, принялъ звонить сколько есть мочи. Услышавши этотъ звонъ, Бережный вскочилъ съ постели; но каково было его изумленіе и беспокойство, когда онъ увидѣлъ себя арестованнымъ. Онъ стучалъ въ двери, но это было напрасно: все, повидимому, погружено было въ мертвый сонъ. Разумѣется, сбѣжалась служители, отперли дверь, зажглись огни, по виновный въ тревогѣ все-таки не былъ найденъ, потому что всѣ спали, и веревочка, привязанная къ колокольчику, болталась уже на дворѣ... А воспитанники хохотали подъ одѣялами!.

Другое произшествіе, болѣе занимателное, было слѣдующее. Воспитанники, которыхъ было до ста, приготовили себѣ заблаговременно военные костюмы (они отличались чрезвычайнымъ искусствомъ дѣлать разныя вещи изъ картону, бумаги, галуновъ, мишуръ и т. п.), и когда наступила ночь и надзиратель, все тотъ же Бережный, уже уснулъ, то они завѣсили окна верхняго этажа шинелями, одѣллами, простынями, чтобы не было видно на улицу свѣта, разставили па всѣхъ дверяхъ часовыхъ и рѣшились сдѣлать парадный разводъ, окончивши его ужиномъ, для котораго также было припасено заблаговременно достаточное количество продуктовъ и даже вина. Все это сдѣлано было въ величайшей тайнѣ и тишинѣ. Разводъ сдѣланъ быль удачно; но когда дѣло дошло до ужина, то звонъ тарелокъ, стукъ скамей и столовъ, и наконецъ развеселившаяся и неосторожная молодость—измѣнили.

Запертый надзиратель проснулся, надѣлъ шуму, сбѣжалась служители, и, хотя воспитанники успѣли затушить огни, лечь въ постель и притвориться спящими, но набѣжавшая команда успѣла захватить въ плѣнъ столы съ неоконченными съѣстными припасами, недолитыя бутылки съ виномъ и множество одѣялъ, шинелей и простынь на окнахъ. Это происшествіе надѣжало довольно шуму и сдѣгалось довольно известнымъ даже въ городѣ. Слѣдствіемъ его было то, что Иванъ Петровъ Котляревскій приказалъ нѣкоторыхъ посадить въ карцеръ на три дня, другихъ подвергъ инымъ наказаніямъ, а надзирателю и двумъ солдатамъ велѣно было спать въ самыхъ спальняхъ.—

Но и послѣ этого воспитанники не унимались—и на дежурствѣ Бережнаго появлялись лунатики, привидѣлія въ саванахъ (т. е. простыняхъ), раздавались дикіе голоса, пѣли пѣтухи и тому подобное.

ГЛАВА IX.

*Дальнѣйший ходъ моего образованія въ Полтавской Гимназіи.
Страшная болѣзнь, меня постигшая. Окончаніе курса и получение аттестата.*

Въ предыдущей главѣ собирался говорить я о жаждѣ моей сдѣлаться сочинителемъ, но поговоривши о другомъ, совершенно

потерялъ изъ виду этотъ предметъ. Вы уже знаете, какъ шла у насъ словесность, и потому можете судить, что при малѣйшемъ талантѣ, при ничтожномъ успѣхѣ, при одномъ одобреніи учителя—не могло не родиться въ головѣ учениковъ желанье сочинительствовать, желаніе, которое у молодыхъ людей нерѣдко обращается въ страсть ужасную, гибельную страсть, стоящую впослѣдствіи многихъ слезъ и невыкупаемую цѣлыми годами душевныхъ мученій. По моему мнѣнію, это гораздо хуже прочихъ пріятельницъ своихъ: картежной игры, поклоненія Бахусу, скучости и любостяжанія, и можетъ быть нехуже только любви къ женщинамъ! И въ самомъ дѣлѣ, картежники или рыцари зеленыхъ столовъ и поклонники Бахуса, особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и славны, и почтены, и вездѣ приняты—и часто или живутъ да поживаются на чужой счетъ, или еще впридачу и увеличиваютъ объемъ своихъ кармановъ; любостяжатели и скупцы, отказывая себѣ, положимъ и въ необходимомъ, нѣсколько лѣтъ, могутъ наконецъ опомниться, взглянуть на свою шкатулку и „сказать о себѣ: теперь пора жить—станеть!“ Но что скажетъ тотъ, который золотое время юности потратилъ на пустыя мечты и вздохи, который наперекоръ благородному стремленію своему, во вредъ собственному здоровью, добивался славы авторской, извѣстности—и на мѣсто этой славы и извѣстности видѣлъ холодное равнодушіе людей, безсмыслѣ всего окружающаго его? что долженъ почувствовать онъ, когда прихотливый, своенравный, вѣчноисуетный и часто пустой свѣтъ не только пройдетъ молчаніемъ, но и заклеймить презрѣніемъ тѣ святыхъ мечты, тѣ возвышенныя вѣрованія, для которыхъ онъ жертвовалъ земными благами своими? Какимъ негодованіемъ, правда безсильнымъ для другихъ, но все-таки убийственнымъ для него, должно закипѣть сердце его, когда онъ увидитъ паркетного шаркуна безъ мысли, рыцаря зеленаго стола безъ совѣсти и чести, пользующихся тѣми благами, до которыхъ ему никогда не достигнуть въ жизни?—

О Боже всемогущій! въ чему всѣ эти—
Мечты позії, созданія искусства?

Неужели для того, чтобы вмѣстѣ съ чумой, холерою, войнами, религіознымъ фанатизмомъ и азіатской тираніей истреблять

людей которые могли бы, по мнѣнію Мальтуса, безъ этого размножиться и дойти до страшной необходимости сдѣлаться канibalами?

Дѣйствительность, необходимость, польза... Значить вистъ и преферансъ, или контр-дансъ и полька гораздо полезнѣе и необходимѣе поэзіи и даже поэтовъ!... На эти мысли навело меня желаніе, родившееся во мнѣ еще въ дѣтствѣ, сдѣлаться сочинителемъ. Учитель всегда одобрялъ опыты мои въ прозѣ и стихахъ; о нѣкоторыхъ даже говорилъ съ восторгомъ. Помню, что когда я представилъ ему стихотвореніе подъ названіемъ: *Мысли на полтавскомъ монументѣ*¹⁾, то онъ, расхваливши его, читалъ въ классѣ въ примѣръ ученикамъ, и когда дошелъ до заключительныхъ стиховъ, въ которыхъ содержится обращеніе къ орлу, сидящему на памятникеъ съ вѣнкомъ:

Лети, орелъ, вѣничай главу героя,
Вѣничай чело бессмертнаго Цара,—

то сказалъ, что это очень удачное заключеніе и что это стихотвореніе можетъ быть напечатано. Необдуманное слово!

Съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о печати. Мнѣ казалось, что если-бы я когда нибудь достигъ этого, то всѣ неиначе бы смотрѣли на меня, какъ съ благоговѣніемъ. Я писалъ очень много стиховъ и еще болѣе прозы, и безъ хвастовства скажу, что и теперь, когда прошли десятки лѣтъ, когда я по прежнему такъ же много писалъ и даже печаталъ, я не могу вспомнить безъ восторга этого упоительного міра поэзіи, въ которомъ я жилъ тогда. И въ самомъ дѣлѣ, чего я не писалъ тогда? Оды, сонеты, гимны, элегіи, разговоры... Даже написалъ пять пѣсенъ романтической поэмы: *Рыцарь Орферонъ*, которая къ величайшему сожалѣнію моему потеряна; но въ памяти моей сохранились изъ нея восемь стиховъ, которые я впослѣдствіи помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ напечатанныхъ стихотвореній.

Вотъ они: Ахъ, мнѣ назначено судью
Въ уютномъ уголкѣ витать,

¹⁾ Стихотвореніе это сохранилось въ рукописной тетради подъ заглавиемъ „Упражненіе въ прозѣ и стихахъ“ 1829 г.

И тихой слабою струею
 Великихъ пѣсень не играть...
 Умолкну я, умолкнетъ лира,
 И пѣснь унылая моя
 Не прогремитъ въ предѣлахъ міра —
 Она умолкнетъ, какъ и я! ¹⁾).

Такими несбыточными грезами, такими надеждами согрѣвалъ я свое сердце, которое радостно и отрадно билось подъ янковымъ сюртучкомъ стариннаго покроя!

И такъ, любимыми моими предметами въ третьемъ и четвертомъ классахъ гимназіи были: словесность и естественная исторія; это безъ сомнѣнія происходило отъ того, что учителя этихъ двухъ предметовъ заинтересовали меня въ пользу этихъ двухъ предметовъ, и кромѣ того, я самъ имѣлъ природное къ нимъ пристрастіе. Что-же сказать о другихъ учителяхъ? Право— почти нечего. Сорочинскій, по прежнему, попивалъ пуншъ и являлся въ гимназію только по крайнему настоянію Александры— въ классъ же, по прежнему, толковалъ о томъ, чего мы вовсе не могли понять. Ефремовъ ъзилъ по утрамъ на базары, а послѣ обѣда на свою мызу—лекціями же занимался только въ свободное время. Рождественскій, отдавши намъ двѣ тщательно переписанныя собственnoю рукою и хорошо переплетенные тетрадки (Русской исторіи—одну и статистики—другую), считалъ, что съ его стороны все сдѣлано, а потому изрѣдка являлся къ намъ для выслушиванія уроковъ; остальное же время посвящалъ разведенію канареекъ, соловьевъ, чижиковъ, скворцовъ и другихъ пернатыхъ въ своей квартирѣ—въ чемъ былъ превеликій искусствникъ, такъ что у него водились цѣлые семейства птицъ съ чадами и домочадцами. Однимъ словомъ, образованіе моешло наилучшимъ образомъ по тогдашнемъ способамъ, и мнѣ, наконецъ, слѣдовало окончить курсъ... Но—подобно тому, какъ римскимъ сенаторомъ можно было сдѣлаться только въ шестьдесятъ лѣтъ— и студентомъ нельзя было быть иначе какъ въ шестнадцать. А мнѣ

¹⁾ Сочиненія и переводы въ стихахъ С. Г. Харьковъ. 1835 г. Стихотвореніе— Уединеніе, стр. 7—9, см. восемь заключительныхъ стиховъ.

не доставало мѣсяцевъ шесть; волею или неволею, я долженъ бытъ остатся въ гимназіи еще на годъ по *собственному моему желанію*, какъ сказано въ журналѣ педагогического совѣта.

Тогда мнѣ жаль было, почему вмѣсто 15^{1/2} лѣтъ я не имѣю 16^{1/2}... а теперь все бы отдалъ, чтобы имѣть вмѣсто 34-хъ, только четырнадцать! *Suum cuique!*

Разумѣется, что начинать новый академический годъ, оставшись на другой годъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи, и при томъ имѣя отъ рода около шестнадцати лѣтъ, въ полномъ сознаніи собственной пользы—весьма легко, и потому, какъ только началось ученіе, я охотно отправился въ гимназію въ прежній классъ, но не къ прежнимъ моимъ товарищамъ, которые, къ счастію для нихъ, имѣли 16 лѣтъ, а нѣкоторые и 18. Впрочемъ—всѣ почти ученики были мнѣ хорошо знакомы, потому что третій и четвертый классы всегда вели между собою дружбу.— Когда по обыкновенію своему директоръ посѣтилъ классы гимназіи, то привѣтствовалъ меня словами: „а ты,—старичокъ,—здѣсь... теперь ты долженъ быть украшеніемъ и честью своего класса!“ Я, разумѣется, поклонился на это привѣтствіе, а бывшій въ то время въ классѣ учитель Иваницкій сказалъ: „да онъ дѣльное дѣло сдѣлалъ!“ и при этомъ улыбнулся. Это оригинальное выраженіе и эта улыбка не ускользнула отъ наблюдательности учениковъ и тотчасъ же внесены были въ журналъ. Когда директоръ вышелъ изъ класса, Иваницкій спросилъ у меня урокъ и остался такъ доволенъ, что съ нимъ очень рѣдко случалось, ибо онъ не любилъ хвалить. Такъ какъ мнѣ почти нечего было дѣлать, то я сочинялъ и сочинительствовалъ на славу..... Не было такого рода сочиненія, начиная отъ превращенной хрія до героической поэмы, въ которомъ бы я не пробовалъ силъ своихъ! На этомъ сочинительскомъ поприщѣ было мнѣ такъ весело и отрадно: сверхъ того явился новый товарищъ, перешедшій изъ третьаго класса, Кованко, который имѣлъ порядочный талантъ писать. Странное дѣло! Въ направленіи его дарованія замѣтна была противоположность поразительная: то

онъ въ своихъ сочиненіяхъ былъ важенъ не по силамъ и не по лѣтамъ, то разбитной до повѣсничанья и пошлости! Онъ писалъ, напримѣръ, эпопею: *Санханіатонъ* и въ то же время сочинялъ родъ пародій на своего смотрителя Бережнаго, 'сочинялъ оды въ родѣ Ломоносова, перелагалъ псалмы и всю книгу Іова и вмѣстѣ съ тѣмъ состряпалъ преуморительную оду на того же Бережнаго, подъ названіемъ: *Симпатическая Кочерга*. Кромѣ того, сочинилъ акаѳистъ тому—же Бережному, и, кажется, похвальное слово. Однимъ словомъ, по своимъ сочиненіямъ онъ былъ душою нашего общества, и мы очень любили его. Въ такихъ и подобнаго рода занятіяхъ проходилъ послѣдній годъ моего пребыванія въ гимназіи. Наступило Свѣтлое Христово Воскресеніе, и въ субботу на вербной недѣльѣ я и братъ мой Андрей отправились по обыкновенію домой. Праздники проведены въ кругу родныхъ, разумѣется, весело: въ Омѣнѣ понедѣльникъ надобно было щѣхать обратно въ Полтаву—и мы поѣхали. Весла была весьма пріятная и двойльно теплая, а потому, не стѣсняя себя шинелями, мы отправились въ однихъ сюртукахъ. Щѣхать было весело и пріятно. Мы очень часто вставали изъ экипажа, бѣгали и, уставши до поту, вновь садились; доѣхали до Шведской могилы, всходили на самую вершину ея и уже вечеромъ прибыли въ Полтаву. Казалось, все ничего: мы ужинали и легли спать—все было благополучно... Но пробужденіе мое было не столько счастливо и даже вовсе не отрадно—я былъ въ горячкѣ!...

Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ въ такой болѣзни, я помнилъ себя и узнавалъ окружающихъ меня, хотя, впрочемъ, окружающихъ всего было четыре души: двѣнадцатилѣтній братъ Андрей, два брата двоюродныхъ—Николай и Савва Ильичи, которые дѣлый день были на службѣ въ казенной палатѣ и только къ обѣду и къ ужину возвращались домой, да камердинеръ нашъ Иванъ, которому отъ роду было лѣтъ девять или десять. Къ счастію моему, въ это время случился въ Полтавѣ дядя мой Илья Ивановичъ, который на другой день болѣзни моей выѣхалъ изъ Полтавы и тотчасъ же по возвращеніи домой извѣстилъ моего отца объ опасной моей болѣзни. Отецъ мой, по получе-

ні письма, тотчасъ собрался въ дорогу и въ одинъ день прибылъ въ Полтаву, не смотря на разстояніе около 80 верстъ и на старость свою. Онъ засталъ меня въ совершенномъ безпамятствѣ... Ни слезъ его, ни ласкъ, ни заботъ обо миѣ—я уже не видѣлъ и не слышалъ. Разумѣется, тотчасъ былъ приглашенъ лѣкарь (богоугоднаго заведенія — фамиліи къ сожалѣнію не помню). Онъ нашелъ меня въ отчаянномъ положеніи: метался и билъ все, что попадалось подъ руки, вскачивалъ съ кровати и бѣжалъ; часто случалось, что декламировалъ стихи, большую частью изъ Энеиды Котляревскаго, которую не задолго предъ болѣзни читалъ и почти всю зналъ наизустъ. Меня не оставляли ни на одну минуту одного; въ противномъ случаѣ я перебилъ бы все и сломалъ бы себѣ шею: папенька и кучерь нашъ Матвѣй не отходили отъ меня. Докторъ приходилъ каждый день два раза и при взглядѣ на меня сомнительно покачивалъ головою, — наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ отца моего сказать истину о моей болѣзни, отвѣчалъ: „развѣ одинъ Богъ можетъ спасти его“! Можете представить положеніе моего отца при одномъ этомъ обстоятельствѣ; но судѣй угодно было испытать его терпѣніе и вѣру гораздо большими несчастіями. Надобно замѣтить, что во все время моей болѣзни учреждено было между Полтавою и нашимъ хуторомъ постоянное сообщеніе, такъ что одинъ человѣкъ (верховой) ежедневно прїѣзжалъ съ извѣстіемъ то въ Полтаву изъ хутора, то изъ Полтавы въ хуторъ. Въ то самое время, когда докторъ извѣстилъ отцу моему безнадежность моего положенія, прискакалъ верховой изъ хутора, что братъ Ваня, который былъ тогда малюткой, заболѣлъ также горячкой; черезъ три дня новое извѣстіе: Алеша (брать умершій) также въ горячкѣ... Папенька писалъ къ матери нашей, „чтобы она спасала менѣшихъ, а онъ будетъ молиться Богу о спасеніи старшихъ“. — Въ это время сдѣлался переломъ въ моей болѣзни; но заболѣлъ горячкою братъ мой Андрей. И такъ, все семейство моего отца было въ горячкѣ и почти въ одно время. Переломъ въ моей болѣзни послужилъ къ моему спасенію: прошелъ двадцать одинъ день и докторъ сказалъ, что я *останусь живъ!* Но надобно было смотрѣть за *каждымъ моимъ*

движеніемъ и въ особенности за пищей; разумѣется, все исполняемо было въ строжайшей точности. Въ это время, т. е. на 25 или 26-ой день, я началъ уже помнить себя и узналъ отца... Помню, что возлѣ моей кровати стояли то перемѣнно, то вмѣстѣ папенька и кучеръ Матвѣй, то приходилъ докторъ, бралъ меня за руку, кормилъ меня иногда самъ, а иногда при немъ папенька; помню, что у меня былъ страшный аппетитъ, и я безпрерывно напоминаль, что пора уже єсть... Но, не смотря на все это, я не только не могъ встать съ кровати, но даже и поворотиться. Однажды отецъ мой наклонился ко мнѣ, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ: „ну, Степаша, слава Богу, ты будешь здоровъ—молись Богу и благодари Его за свое спасеніе!“ Я силился поднять руку, чтобы сотворить крестное знаменіе, но рука моя не шевелилась. Папенька перекрестьилъ меня и заплакалъ... и теперь еще, по прошествіи двадцати лѣтъ, я живо помню и эту крестящую меня руку моего отца, и слезы, которые упали въ это время на мое одѣяло, и поцѣлуй, незабвенный для меня поцѣлуй! Могу ли я когда либо забыть тебя, незабвенный родитель мой! Этого мало, что ты далъ мнѣ жизнь—это такъ легко; нѣтъ ты спасъ мнѣ жизнь; ты любилъ меня такъ пламенно, такъ нѣжно, такъ умно любилъ меня, какъ теперь не любять дѣтей своихъ, начиняя ихъ пряниками и конфектами безъ толку и ладу, и наряжая ихъ куклами, какъ въ маскарадъ. Нѣтъ, ты не такъ любилъ меня: ты былъ и отцемъ, и другомъ, и совѣтникомъ, и строгимъ судьею моимъ! О, я никогда не забуду тебя—и если тѣнь твоя можетъ оставить на время горній міръ, то спустись и осѣни меня твоюю любовію и нѣжностію и вразуми меня быть столько же терпѣливымъ, какъ былъ ты, для перенесенія бѣдъ жизни! Я началъ мало по-малу приходить въ себя, начиная мыслить, чувствовать и сознавать свое существованіе; но тяжкая болѣзнь, которую перенесъ я, надолго приковала меня къ постели—я не могъ подняться на ноги. Кромѣ слабости, у меня были на бокахъ *пролежни*—большія раны, въ особенности была большая рана на поясницѣ, слѣды ея и теперь еще весьма явственны. Отецъ мой жилъ уже въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ, имѣя у себя дома двухъ сыновей въ го-

рячкѣ и оставивши все хозяйство безъ присмотра въ самое нужное время, въ маѣ мѣсяцѣ, когда нужно было быть весьма дѣятельнымъ. Братъ Андрей, который также былъ боленъ горячкою, вскорѣ выздоровѣлъ; ибо у него была болѣзнь легкая, а потому отецъ нашъ рѣшился перевезти больныхъ въ деревню — въ чемъ согласился и докторъ. Насъ перенесли въ бричку и уложили.

Бричка была тщательно закупорена, и мы шагомъ совершили многотрудное и страдальческое для меня путешествіе, путешествіе, потому что раны мои причинами мнѣ жестокую боль и при самой медленной и осторожнойѣ... Мы наконецъ доѣхали и такъ-же перенесены были въ комнаты изъ брички: я перемѣнилъ только мѣсто лежанія, но все-таки долженъ былъ лежать. Здѣсь уже начала лечить меня отъ раны маменька какими-то пластырями, которые дѣйствовали весьма успѣшно, такъ что недѣли черезъ три раны начали заживать, а силы мои между тѣмъ возстановлялись.... Помню, какъ однажды въ прекрасный лѣтній день (вѣроятно въ половинѣ Іюня), около захожденія солнца меня вынесли на крыльцо, посадили на кресло и обложили подушками! Природа во всемъ очарованіи своемъ представилась глазамъ моимъ: мнѣ казалось, что я воскресъ изъ мертвыхъ и въ первый разъ, послѣ долгой разлуки, увидѣлъ и зелень деревьевъ, и тихое зеркало пруда, и движущіяся крылья мельницы, и дымъ хатъ, и стада, которая въ это время возвращались съ поля! Я былъ въ невыразимомъ восторгѣ — въ это время я вполнѣ сознавалъ всю прелесть жизни! Я бы полетѣлъ къ этимъ очаровательнымъ предметамъ, но не было силы, и я долженъ былъ оставаться среди подушекъ и пластырей, которыми былъ обвязанъ. Не ближе, какъ черезъ недѣлю еще послѣ этого, меня начали водить по комнатѣ, и только уже въ Іюль я рѣшился самъ пойти въ садъ, и то съ костылемъ и въ сопровожденіи человѣка. Кромѣ изнуренія силъ и ранъ, горячка лишила меня волосъ, такъ что въ это время голова моя была такъ-же гола, какъ ладонь.—

Все это вмѣстѣ взятое, равно мысль объ экзаменѣ, который я долженъ былъ окончательно выдержать въ гимназіи для

полученія аттестата, сильно беспокоили меня,—и я, почувствовавъ себя въ послѣднихъ числахъ Іюля бодрѣ и здоровѣе, настаивалъ у отца ѿхать въ Полтаву.... Папенька помедлилъ еще съ недѣлю до совершенного поправленія моего здоровья, и мы поѣхали въ Полтаву, чтобы не упустить времени сдать экзаменъ въ Харьковѣ для поступленія въ тамошній Університетъ. Со страхомъ и трепетомъ приближался я къ крыльцу директорскаго дома, помышляя объ экзаменѣ, который долженъ былъ я выдержать безъ приготовленія и безъ силъ послѣ тяжкой, почти смертельной болѣзни. Но страхъ мой совершенно прошелъ, когда я увидѣлъ добродушное, благородное, улыбающееся лицо нашего доброго директора Ивана Дмитріевича Огнева. Послѣ обычнаго привѣтствія и разспросовъ о моемъ здоровьї, онъ сказалъ папенькѣ, что экзамена держать никакого не нужно, что гимназія знаетъ меня весьма хорошо, что сверхъ того я же держалъ уже экзаменъ въ прошломъ году, и что намъ стоитъ только отправиться въ канцелярію гимназіи и получить совершенно готовый аттестатъ. Послѣ этого, сдѣлавъ мнѣ наставленіе, какъ учиться и вести себя въ Університетѣ, онъ отпустилъ насть. Аттестатъ мой дѣйствительно былъ готовъ—и черезъ два часа мы ѿхали уже обратно въ хуторъ..... Но мечты мои летѣли въ другую сторону..... Харьковъ! Університетъ! Студентъ! Все это занимало меня на цѣлую дорогу!.....

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛОРОУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА.¹⁾

Козелецкій уѣздъ.

Придерживаясь той же схемы, которая положена въ основаніе описанія народной одежды въ нѣжинскомъ уѣздѣ, мы приведемъ прежде всего нѣкоторыя данныя о климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ мѣстности, входящей въ составъ козелецкаго уѣзда, позаимствовавши ихъ изъ изданныхъ въ 1882 году черниговскимъ губернскимъ земствомъ „Материаловъ для оценки земельныхъ угодий, т. V, козелецкій уѣздъ“,—а также о занятіяхъ ея обитателей, такъ какъ несомнѣнно, что тотъ или иной характеръ народной одежды находится въ непосредственной связи съ продуктами добывающей или обрабатывающей промышленности данной мѣстности, а также съ тѣмъ или инымъ родомъ занятій населенія.

Козелецкій уѣздъ находится въ южной части черниговской губерніи. Границами его служатъ: съ сѣвера черниговскій уѣздъ, съ запада—остерскій, съ востока—нѣжинскій, и, наконецъ, съ юга—полтавская губернія; по наружному очертанію онъ имѣетъ видъ параллелограмма, нѣсколько расширенного къ югу.

Площадь уѣзда представляется изъ себя довольно ровную поверхность. Наиболѣе возвышенная часть уѣзда южная, менѣе возвышенная—сѣверная. Что касается средней и юго-западной части уѣзда, то онъ представляютъ низменность и изобилуютъ болотами. Между послѣдними особенно обращаетъ на себя вниманіе по своей величинѣ болото Трубайло, тянущееся въ юго-западной части уѣзда на нѣсколько верстъ, начиная отъ с. Мостища и вплоть до с. Кулажинецъ. У с. Ничеговки,

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ 1893 г. № 5.

нѣсколько съвернѣе указанного болота, находится другое, называемое Слуковъ; оно болѣе значительной частью своей поверхности лежитъ впрочемъ уже въ остерскомъ уѣздѣ. Изъ другихъ болотъ нельзя не упомянуть о болотѣ Калитѣ, находящемся между селеніями--Копти, Песоцкое, Гладкое, Сморжки и Поткѣ. Рѣка Остерь при своемъ теченіи, затопляя низменныя и топкія мѣста своихъ береговъ, образуетъ въ средней части уѣзда цѣлую систему болотъ, изъ которыхъ особенно отличается по своимъ размѣрамъ болото Карапшя, тянущееся отъ с. Берлозъ вплоть до х. Беркова. Въ съверной части уѣзда обращаетъ на себя вниманіе, по своей величинѣ, болото Галчинъ—оно имѣетъ пять верстъ длины и двѣ версты ширины; болото это прежде было озеромъ.

Что касается рѣкъ, то количество ихъ въ козелецкомъ уѣздѣ крайне незначительно, да и имѣющіяся рѣки съ качественной стороны не представляютъ ничего привлекательнаго. Главная рѣка Остерь не только не судоходная, но даже не сплавная; ширина ея отъ трехъ до пятнадцати саженъ, а глубина нигдѣ не превышаетъ и трехъ аршинъ. Берега ея низменные, топки и болотисты—течеть эта рѣка по средней части уѣзда съ востока на западъ.

Козелецкій уѣздъ лежитъ на съверной окраинѣ средины черноземной полосы и долиной р. Остра раздѣляется на двѣ части: съверную—нечерноземную (песчаную по западной границѣ, суглинистую на остальномъ пространствѣ) и южную—черноземную. Въ характерѣ обѣихъ частей, и помимо чернозема, большая разница. Съверная—вообще низменна, сплошь изрѣзана большими и малыми болотами и довольно лѣсиста; южная, кроме самаго юго-западнаго угла, вообще возвышенна, вместо болотъ имѣетъ рѣчки въ сравнительно крупныхъ берегахъ съ ясно обозначенными теченіемъ, и вовсе безлѣсна. Типичный черноземъ залегаетъ на всемъ протяженіи довольно пологой, но все-таки куполообразной возвышенности, и вмѣстѣ съ ней имѣетъ своими рѣзко обозначенными границами: съ сѣвера болотистую долину р. Остра, съ съверо-запада болотистую низменность Трубайло и съ запада полосу сыпучихъ песковъ,

обязанныхъ своимъ происхожденiemъ, вѣроятно, тому-же Трубайлу. На востокѣ, со стороны нѣжинскаго уѣзда, хотя мѣстность тоже значительно понижается, но черноземъ, не прерываясь, сливается съ черноземомъ этого уѣзда и вообще черноземной полосой.

При существующихъ въ козелецкомъ уѣздѣ почвенныхъ условiяхъ количество успѣшно культивируемыхъ сельско-хозяйственныхъ растенiй весьма ограничено. Хорошо растутъ на черноземѣ ячмень, конопля, картофель, на нечерноземѣ—ячмень и конопля; хуже—на черноземѣ—пшеница и рыжей, на нечерноземѣ—картофель и просо; рѣже сѣютъ на черноземѣ—табакъ, просо и ленъ, на нечерноземѣ—табакъ, жито и овесъ.

Главнѣйшимъ занятiемъ населенiя козелецкаго уѣзда, какъ и сосѣдняго съ нимъ нѣжинскаго уѣзда, весьма похожаго по своимъ топографическимъ условiямъ, является земледѣлiе, въ особенности въ южной части уѣзда, гдѣ крестьяне, неограничиваясь обработкой собственныхъ полей, берутъ въ аренду значительные участки у крупныхъ землевладѣльцевъ; кроме того, въ значительной степени развиты скотоводство и овцеводство. Что касается другихъ занятiй сельскаго населенiя козелецкаго уѣзда, то о нихъ не имѣется, къ сожалѣнiю, въ печати такихъ точныхъ и подробныхъ указанiй, какъ по нѣжинскому уѣзу.

Переходя къ описанiю народной одежды козелецкаго уѣзда, на основанiи однородныхъ, что и по нѣжинскому уѣзу, источниковъ и по прежней схемѣ, мы будемъ отмѣтить ея особенности сравнительно съ таковой же одеждой нѣжинскаго уѣзда. Имѣющiяся въ нашемъ распоряженiи свѣдѣнiя относятся къ различнымъ пунктамъ уѣзда—с. Лихачевъ, с. Хрестатое, с. Копти (сѣверъ), с. Браница (средина), м. Новый Быковъ, с. Воронъки и с. Старая Басань (югъ).

Мужская сорочка, также какъ и въ нѣжинскомъ уѣздѣ, кроится изъ домашняго пеньковаго или льняного холста съ отложнымъ воротникомъ, *ковниромъ*, припинтымъ къ густымъ сборкамъ, но съ особенно длиннымъ, большею частью до пояса, разрѣзомъ спереди, *пазухой*; ковниръ обыкновенно вышивается въ гладь, зубчиками или звѣздочками и застегивается лентой или

тесьмой, *стенжкой*; въ послѣднее время стали повязывать шею покупными платками и шарфами, въ особенности парубки. Сорочка запускается въ широкіе штаны, съ матней или крисломъ до колѣнъ и калошами шириной около аршина съ двуми глубокими карманами, *кишениями*. Штаны шьются почти исключительно изъ толстаго полотна, раскрашиваемаго домашнимъ способомъ—выбойки, *пайстры*. Берется обыкновенно кусокъ полотна и настилается постепенно на квадратную доску, съ вырезанными на ней различными рисунками, предварительно намазанную олеем, смѣшанной съ голландской сажей, и придавливается сверху другой гладкой доской, вслѣдствіе чего на полотнѣ получаются отиски рисунковъ. На зиму штаны шьются изъ болѣе тонкаго, чѣмъ на свитѣ, сукна, специально для этого приготовляемаго. Поверхъ сорочки надѣваютъ обыкновенно одно- бортную *жилетку*, съ пуговицами до самаго верху и съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ, изъ покупныхъ матерій. Своебразную особенность крестьянской одежды козелецкаго уѣзда составляетъ, такъ называемая, *катанка*—нибудь что въ родѣ короткой куртки изъ домашняго сукна. Спинка катанки не шивается на поясницѣ, а выкраивается обыкновенно изъ одного цѣльнаго куска *до двухъ усовъ*; воротникъ въ ней высокій, стоячій, обшитый зубчатой тесемкой; на рукавахъ обшлаги, *закавраши*, иногда кожанные; съ правой стороны *кишения*. Застегивается катанка сбоку на три деревянныя самодѣльныя пуговицы, *гузи, гузики*. Катанку носятъ обыкновенно лѣтомъ прямо поверхъ сорочки, лѣтомъ же носятъ болѣе зажиточные крестьяне, и въ особенности *парубки*, чимерку, или *жупанъ, чемлитъ*, которая шьется обыкновенно изъ покупныхъ матерій—черкасина, панки и т. п., съ густыми сборками у талии сзади. Кроме того, обычной верхней одеждой бываютъ—свита и кирея; свита шьется *до шести, восьми и десяти усовъ* или складокъ сзади, кирея выкраивается изъ трехъ цѣльныхъ длинныхъ до полу кусковъ со вставными клиньями съ боковъ. Зимней верхней одеждой служить *кожухъ* и изрѣдка *толубъ*; кожухъ шьется или *до двухъ усовъ*, или подъ *зaborку*, т. е. съ несколькими складками сзади у талии, съ высокимъ стоячимъ смушковымъ воротникомъ; толубъ шьется не

въ талію, также какъ и кирея, съ которой онъ совершенно схожъ по крою, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ. Въ послѣднее время толубъ выходитъ изъ употребленія. Верхняя одежда опоясывается синимъ, краснымъ или зеленымъ поясомъ.

Обувью служатъ обычные чоботы и *чевесики*, и кромѣ того, преимущественно въ сѣверной части уѣзда, валянки, лямии, и лапти, постолы; лямци покупаются на валютияхъ, а постолы плетутся дома или изъ липовой коры, лутья, или изъ вязовой коры, лыка, которая покупается на ярмаркахъ. На головѣ мужчины носятъ смушковыя шапки вершковъ шесть вышиной, брили и яломки; послѣдніе, впрочемъ, съ очень недавнаго времени и исключительно въ сѣверной части уѣзда.

Кромѣ вышеотмѣченныхъ остатковъ старины и новшествъ, болѣе характерныхъ особенностей въ мужской одеждѣ не замѣчается.

Женщины носятъ длинныя, почти до ступней, сорочки, съ широкими, собранными въ густыя сборки у наплечій и у кистей рукъ, рукавами, расшитыми иногда въ гладь бѣлыми нитками, или же преимущественно *мережинными* у наплечій; мережинами же украшаютъ и подолъ, подолки, сорочекъ; вышиванье цвѣтной бумагой, заполочью, мало распространено.

Поверхъ сорочки подвязываютъ обыкновенно запаску, состоящую изъ двухъ кусковъ—задняго чернаго, сиряка, и передняго синяго, *попереднцы*; по праздникамъ носятъ плахты или пестрыя, или одноцвѣтныя, причемъ иногда квадратики пестрой плахты вышиваютъ различными узорами гарусомъ, или пишутъ на нихъ кусочки разныхъ цвѣтовъ шерстяныхъ матерій. По различнымъ узорамъ плахты называются—хрешчатка, копытаха, репяжиква, сливянка, мотылиеква, рожева, крызуляста и т. п., плахты съ нашивками называются *накладни*. Красивыя домашняго тканья плахты стоятъ пятнадцать и болѣе рублей. Сподничу изъ покупныхъ матерій носятъ рѣдко, въ особенности въ сѣверной части уѣзда, исключительно почти женщины, служившія прислугой въ городахъ, и маленькия дѣвочки.

Поверхъ сорочки надѣвается обыкновенно корсетка, и стеганая юбка изъ покупныхъ матерій. До послѣдняго времени

носили еще короткія свиты изъ темнаго домашняго сукна до двухъ усовъ съ ластиками (кусочками сукна, преимущественно краснаго, вшиваемаго вверху усовъ, у таліи); ковниръ, пасы и закавраши въ нихъ отдѣльвались зеленымъ и чернымъ шнуркомъ; кромѣ того, были въ употреблениі еще и длинныя свиты изъ бѣлаго сукна до двухъ усовъ, расшитыя въ разныхъ мѣстахъ чернымъ шнуркомъ. Зимою носятъ обыкновенно кожушанку, схожую совершенно по своему крою съ юбкою, иногда чѣмъ-нибудь покрытую и обшитую кругомъ, облямованную, шленскимъ смушкомъ, *хутрянку*; сравнительно рѣже носятъ кожухъ, и еще рѣже толубъ, длинные, пошитые не въ талію, съ широкими отложными воротниками.

На ноги обуваютъ, кромѣ обыкновенныхъ чоботъ и черевиковъ, теперь съ низкими, а прежде съ высокими каблуками, пидборами, почти посерединѣ ступни, еще сапьянци, сапоги изъ красной кожи, съ высокими острыми подковами, вместо подбровъ, впрочемъ преимущественно въ сѣверной и средней части уѣзда, ближе къ остерскому уѣзду.

На головѣ замужнія женщины носятъ обыкновенно очипокъ, который шьется изъ разныхъ ситцевъ, иногда изъ парчи, и состоитъ изъ двухъ частей—причельника, съ зубцами или безъ зубцовъ, и вершка; причельникъ сзади не сшивается и къ нему пришиваются поворозки, ленточки, для завязыванія очипка. Если женщина выходитъ изъ дома, то повязываетъ поверхъ очипка большой покупной платокъ, маслиновый, прохоривський, зарянышній и т. п., въ три обхвата, но такъ, чтобы былъ видѣнъ вершокъ очипка, въ противоположность нѣжинскому уѣзду. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и при этомъ вплетаютъ ленты, длиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина каждая, преимущественно, красныя, зеленые, синія и голубые; иногда ленты пришпиливаются кромѣ того къ вѣнкамъ изъ искусственныхъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, пришитыхъ къ ободку изъ цвѣтнаго картона, вѣнки эти называются *теремками*. Если дѣвушки повязываются платкомъ, то дѣлаютъ это такъ, чтобы темя оставалось открытымъ. Старухи повязываютъ головы черными платками, а кое-гдѣ въ праздники и посты надѣваютъ старинный

головной уборъ—*намитку*, на шеѣ, какъ замужнія, такъ и дѣ-
ушкы, носятъ стеклянныя *намиста* различныхъ яркихъ цвѣ-
товъ, къ которымъ привѣшиваются обыкновенно по-срединѣ
крестики и ладонки, покупаемыя въ Кіевѣ, во время хожденія
на богомолье; на пальцахъ носятъ *перстни*, въ ушахъ сережки,
также покупаемыя въ Кіевѣ.

Матеріалъ для настоящаго описанія собранъ въ 1890 году.

Н. Степовой.

Вопросъ о литературномъ источнику украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ“.

Касаясь пять лѣтъ тому назадъ произведеній начинателя новой украинской литературы, И. П. Котляревскаго, и выясняя литературные отношенія его поэмы и оперъ и связь послѣднихъ съ ближайшей средой, въ которой вращался украинскій поэтъ, мы высказали предположеніе, что фабула, составившая основу одной изъ народныхъ оперъ Котляревскаго, именно „Москаля-чаривныка“, написанного въ 1819 г., „перехожая и весьма распространенная“, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали и на чисто мѣстныя подробности, внесенные нашимъ поэтомъ въ затмствованную схему¹⁾.

Говоря вскользь о томъ, что „Москаль-чаривныкъ“ своею рамкою примыкаетъ къ бродячему анекдоту, мы имѣли въ виду цѣлый рядъ сходныхъ фабулъ въ западноевропейскихъ литературахъ²⁾. Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся подробнѣе на этихъ фабулахъ. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе ихъ въ связи съ оперою Котляревскаго не только можетъ содѣстствовать болѣе правильному пониманію послѣдней, устранивъ толкованія въ родѣ предложенного Львовскимъ профессоромъ Огоновскимъ³⁾, но послужить также новымъ подтвержденіемъ

¹⁾ Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: „Очерки исторіи Украинской литературы XIX столѣтія“ (Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 1888 г.), стр. 40—41 и 54, прим. 3, отдельного оттиска.

²⁾ Въ названномъ выше отзывѣ мы отмѣтили одну изъ позднѣйшихъ французскихъ обработокъ разматриваемаго сюжета.

³⁾ По мнѣнію г. Огоновскаго, въ разматриваемой опереткѣ „скрывается ма-
буть сеса проводна гадка, что Україну старається подолѣти культура россійска, що

высказанного нами ранѣе наблюденія о ближайшемъ и непосредственномъ отношеніи нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы къ произведеніямъ западно-европейскимъ и, наконецъ, ознакомить съ однимъ изъ нелишенныхъ интереса и въ такомъ уже обиліи собранныхъ въ наукѣ эпизодовъ странствованій и превращеній литературныхъ сюжетовъ.

Рядъ извѣстныхъ намъ европейскихъ литературныхъ пересказовъ фабулы, обработанной, между проч., и И. Н. Котляревскимъ, начинается уже въ такую отдаленную пору, какъ время процвѣтанія средневѣковыхъ сатирическихъ повѣстенокъ, носившихъ во французской литературѣ название *fabliaux*.

Въ этихъ повѣстенкахъ не разъ предметомъ осмѣянія служили мужья, обманываемые женами, при чемъ героями любовныхъ похожденій весьма часто являлись лица духовныя. Одною изъ такихъ повѣстей, достигшихъ наиболѣе широкаго распространенія, былъ разсказъ подъ заглавіемъ: „Le pauvre Clerc“— „Бѣдный клеркъ“ (т. е. ученикъ, студентъ теологии), XIII-го в.¹⁾.

Содержаніе этого фабльо слѣдующее. Жиль-былъ въ Парижѣ студентъ. Кое-какъ маялся онъ тамъ, но, наконецъ, по причинѣ бѣдности, долженъ былъ проститься съ университетомъ и наукой и оставить городъ, чтобы вернуться въ родительскій домъ. Безъ пищи и питья, не спѣша, шелъ онъ цѣлый день до солнечнаго заката. Вотъ показались крыши жилья, и путникъ направился къ мызѣ. Въ домѣ онъ засталъ хозяйку и служанку и смиренно, по обычаю вагантовъ, попросилъ пристанища. Крестьянка отказалась ему въ ночлегѣ, такъ какъ мужа ея не было дома, и она де боялась впускать безъ него постороннее лицо. Студентъ повторилъ свою просьбу и получилъ опять суровый отвѣтъ. Во время этого разговора какой-то парень принесъ два боченка

однако се змагане не вѣде ничего, по-за-якъ Украина придержує са вѣрно рѣднихъ сватошій“. Ист. литературы русской, ч. II, 1 волдѣль, стр. 206.

¹⁾ Въ средніе вѣка на западѣ терминъ „клеркъ“ имѣлъ широкое значеніе; такъ были называемы не только лица, принадлежавшія непосредственно къ клиру, но и всѣ вообще причастныя духовному просвѣщенію, хотя бы они и не принимали посвященія. *Clericus* и *literatus* были однозначащіе термины. Странствующіе *Clerici vagantes*, бродившіе по главнымъ странамъ Закада вплоть до XVI в., отличались крайнимъ свободомысліемъ.

вина, которое хозяйка тотчасъ же припрятала въ темный уголъ, а служанка пекла пирогъ и вынула изъ печи свинину. Голодный путникъ все еще стоялъ на порогѣ и еще разъ попросилъ позволенія остаться, но его выпроводили съ гнѣвомъ, захлопнувъ за нимъ дверь. Едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ показался человѣкъ въ черной священнической одеждѣ, закутанный съ головы до ногъ; онъ прошелъ мимо студента, не поклонившись ему, и вошелъ въ домъ, гдѣ былъ принятъ съ честію. Замѣтивъ то, студентъ воскликнулъ: „А я-то гдѣ проведу эту ночь?“ Возгласъ путника услышалъ проходившій въ тотъ моментъ по дорогѣ крестьянинъ, возвращавшійся съ мельницы съ мѣшкомъ муки. Онъ пригласилъ студента къ себѣ, какъ оказалось—въ тотъ самый домъ, изъ котораго путникъ былъ такъ неласково отправленъ незадолго передъ тѣмъ. Заслушавъ стукъ и голосъ мужа, жена пришла въ смятеніе и выпроводила своего гостя въ конюшню, пообѣщавъ уложить скоро своего мужа въ постель, и затѣмъ открыла мужу ворота. Вопшедшій въ домъ съ гостемъ, крестьянинъ спросилъ жену, что она дастъ имъ поѣсть? Та отвѣчала, что не припасла ничего, такъ какъ ничего и не было въ домѣ, когда утромъ ея мужъ отправлялся на мельницу. Крестьянинъ, заботясь не столько о себѣ, сколько о гостѣ, велѣлъ испечь хоть хлѣба, потому что жена не обѣщала ничего другаго. Въ ожиданіи этой скучной трапезы крестьянинъ попросилъ своего гостя разсказать что-нибудь, чтобы провести какъ-нибудь время до ужина. Студентъ извинился, что не знаетъ повѣстенокъ, какія всегда на готовѣ для всякаго у fableors (т. е. перехожихъ рассказчиковъ); онъ предложилъ разсказать лишь о дѣйствительномъ событиї, объ ужасѣ, какого натерпѣлся утромъ того дня. Рассказчикъ де вышелъ изъ темного лѣса на опушку и встрѣтилъ тамъ стадо свиней, пасшихся безъ пастуха. Прибѣжалъ большой волкъ и схватилъ откормленную свинью, чтобы полакомиться ею, „и мясо ея, повѣрьте мнѣ—увѣрялъ рассказчикъ,—было столь же жирно, какъ сваренное вотъ въ томъ горшкѣ вашею служанкою“. Удивленный крестьянинъ спросилъ жену, дѣйствительно ли у нихъ есть свинина, и получилъ въ отвѣтъ,

что жена хотѣла такимъ способомъ сдѣлать мужу сюрпризъ. Шовеселѣвшій хозяинъ просилъ студента продолжать разсказъ, и гость сейчасъ же вновь озадачилъ крестьянина, сказавъ, что кровь свиньи, растерзанной волкомъ, была такъ же красна, какъ вино, принесенное въ тотъ вечеръ въ домъ хозяина. Жена послѣдняго, опять спрощенная, правду ли сказалъ гость, съ досадой должна была подтвердить, что кто-то позаботился и о винѣ. Приглашенный разсказывать далѣе, студентъ сообщилъ, что онъ хотѣлъ бросить чѣмъ-нибудь въ волка и поднялъ для того камень, валявшійся подлѣ, но камень не былъ такъ великъ, какъ пирогъ, свѣже-испеченный въ печи у крестьянина. Хозяинъ благословляетъ приключение студента и полагаетъ, что разсказъ уже оконченъ, но гость заявляетъ, что на томъ не конецъ: волкъ глядѣлъ на студента такъ же злобно, какъ глядитъ теперь въ окошечко изъ конюшни священникъ. Тутъ крестьянинъ бросился къ священнику и началъ надѣлять его подзатыльниками, стащилъ съ него одежду и вытолкалъ изъ дома. Платье бѣжавшаго досталось студенту. Заканчивается повѣсть нравоученіемъ, предназначеннымъ для женщинъ: никого не высовывайтъ изъ дому съ обидой, хотя бы и не ожидалась когда-нибудь новая встрѣча съ тѣмъ лицомъ¹⁾.

Dunlop и Liebrecht давно уже замѣтили, что этотъ fabliau послужилъ источникомъ нѣсколькихъ поэмъ и повѣстей въ старой шотландской и англійской литературѣ, а F. H. von der Hagen и Гриммы сдѣлали другія сближенія²⁾. Въ послѣднее

¹⁾ A. de Montaignon et G. Ragnaud, Recueil g n ral et complet des fabliaux des XIII et XIV si cles, Par., V. Прежде было издано въ M eon, Nouveau Recueil de fabliaux et contes, Par. 1823; Le grand d'Aussy, Fabliaux, III. Но именіе Raynaud-a, изъ всѣхъ fabliaux напечатанныхъ Meon-омъ, le conte le plus piquant le plus dramatique est celui du Pauvre Clerc. Journal des Savans 1824 p. 608.

²⁾ John Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen oder Geschichte der Romane, Novellen. M rchen u. s. w. Uebertragen u. vielfach vermehrt von F. Liebrecht, Berlin 1851, S 209 и примѣч. 277 на стр. 489. См. далѣе статью Liebrechta: „Beitr ge zur Novelenkunde“ въ Germania, I (1856), S. 263. Von der Hagen, Gesammtabenteuer, Stuttg. и T ub. 1850, III, № LXI: „Der geaf te Pfaff“ и замѣчанія на стр. XXIX. Br d. Grimm, Kinder und Hausm rchen, III*, 109—110.

время указано значительное количество обработокъ темы fabliau „Le pauvre cleric“ у различныхъ французскихъ рассказчиковъ¹⁾, выяснена уже довольно обстоятельно исторія этой фабулы въ другихъ литературахъ²⁾, и указаны сродныя ей народныя сказки и пѣсни³⁾.

Многія изъ средневѣковыхъ сатирическихъ повѣстенокъ возводятся къ индійской сказочной литературѣ. Туда же относятъ происхожденіе и рассматриваемой фабулы⁴⁾, но въ Панчантантрѣ, гдѣ есть нѣсколько разсказовъ о невѣрныхъ женахъ, принимающихъ любовниковъ, мы не встрѣтили повѣсти, которая совпадала бы съ занимающею насъ фабулою во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ. А между тѣмъ, повидимому, разсказъ, переданный въ фабльо „Le pauvre Clerc“, состоялъ въ какой-то связи съ восточною повѣствовательною литературою, потому что и въ этомъ fabliau и въ Сирійской и другихъ сказкахъ, относящихся къ тому же разряду повѣстенокъ, замѣчается нѣкоторое отношеніе къ животному эпосу, что весьма харак-

¹⁾ Радум., „Le soldat devin, le Soudan de Babylon“ и др. См. J. Bédier, Les fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen age, Par. 1893, p. 410 - 411.

²⁾ W. Hertz, Spielmannsbuch. Novellen in Versen aus dem zwölften und dreizehnten Jahrhundert. Stuttgart 1886, S. 353 - 359. Въ дальнѣйшемъ перечинѣ мы воспользовались отчасти указаніями Hertz-a.

³⁾ См. статью пр. Сумилова: „Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки“ въ XII-й кн. „Этнографического Обозрѣнія“ (1892, № 1); его же замѣтку: „Дополненіе къ статьѣ: „Пѣсни о гостѣ Терентіи“ въ XVIII кн. „Этногр. Об.“ (1893), стр. 164, и „Нѣсколько вариантовъ на тему о гостѣ Терентіи“, А. Малинки, ib., XVI, 146 - 147.

⁴⁾ Проф. Уленбекъ въ статьѣ: „Нидерландская народная пѣсня“, „Жизнь Старины“, 1893, вып. II, стр. 192, указываетъ на четвертый разсказъ Панчатаанты. См. Benfey, Pantschatantra, zweiter Theil, Leipz. 1859, 38 - 46, и L. Fritze, Pantchantantra, Leipz. 1884, 53 - 64. Въ этомъ разсказѣ путешествующій ограбленный браминъ Devasarman пострадалъ съ уходившимъ изъ дома ткачомъ, и посаѣдній велиль своей женѣ хорошо угостить путника; она же болѣе думала о свиданіи съ любовникомъ, и, указавъ гостю костель, поспѣшила принарадиться и вышла изъ дома, но стокнулась съ возвращавшимся мужемъ; потомъ свиданіе съ любовникомъ состоялось при помощи си подруги, оставшейся на мѣстѣ ткачихи и лишившейся носа, такъ какъ пьяный ткачъ, проснувшись, принялъ жену царюльника за свою жену и отрѣзалъ ей носъ; браминъ въ концѣ разоблачилъ продѣлки обѣихъ. Въ разсказѣ этомъ, такъ обр., слито два мотива.

терно¹⁾). Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни вышелъ этотъ мотивъ, онъ распространился во многихъ мѣстахъ и составилъ содержаніе разнобразныхъ литературныхъ произведеній, сказокъ и пѣсенъ.

Изложенный нами по faublia изводъ, въ которомъ главное дѣйствующее лицо (иногда—слуга крестьянина) приводить къ развязкѣ и изобличенію любовной интриги замужней женщины со священникомъ, выступая въ роли рассказчика передъ мужемъ ея, признаютъ древнѣйшею редакціею рассматриваемой повѣстенки. По этому изводу любовнику приходится терпѣть въ концѣ поруганіе и побои.

Къ этому древнѣйшему изводу, кромѣ указанныхъ fabliaux, относится одинъ разсказъ въ стихахъ у нѣмецкаго поэта первой половины XIII-го в. Stricker-a, озаглавленный „Von einem kundigen Knechte“²⁾ (О проворномъ батракѣ), а также въ другой старонѣмецкой обработкѣ—въ Schwank-ѣ (забавной повѣсти): „Der kundige Knecht“, на который указалъ Гриммъ³⁾). Полагаютъ, что всѣ эти пересказы вышли независимо одинъ отъ другаго изъ устно передававшихся разсказовъ. Подобная сказка и теперь еще въ ходу въ Венеціи. Этотъ болѣе древній по сравненію съ другими изводъ прекрасно задуманъ и разсказанъ.

Оставляя въ сторонѣ эту редакцію занимающей насъ повѣстенки, какъ не имѣющу ближайшаго отношенія къ фабулѣ оперетки Котляревскаго, мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о

¹⁾) Въ разсказѣ Панчатаанты, указанномъ въ предыдущемъ примѣчаніи, слуга въ животномъ мірѣ, видѣній Devasarman омъ, не оказываетъ никакого вліянія на ходъ дѣйствія.

²⁾) Kleinere Gedichte v. n. dem Stricker, herausg. von K. A. Hahn, Quedlinburg u. Leipzig. 1839 (Bibl. der ges. deutschen National-Literatur, XVIII-ter B.) 9—20.

³⁾) Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm, Dritter Band, dritte Auflage, Göttingen 1856, S. 109. Въ двухъ изъ сказокъ, помѣщенныхъ г. Малиакою въ XVI-й кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“, продѣлки невѣрной жены также изобличають работницѣ. Мы слышали въ Волынской губерніи сказку о томъ, какъ наймить, договорившись съ хозяиномъ, чтобы тотъ позволилъ ему „гедзкаться“, прибѣгать домой, когда хозяинъ бывалъ на полѣ, подсматривать и изводить любовниковъ хозяйки.

судьбахъ другаго извода, параллельнаго первому, только что упомянутому.

Письменные пересказы анекдота въ этой, болѣе новой, редакціи, въ которыхъ изобличитель подготовленной невѣрною женою либо прерванной возвращенiemъ мужа любовной пирушки прикидывается колдуномъ, сохранились въ большемъ количествѣ и въ болѣе совершенномъ видѣ. Впервые они встрѣчаются въ литературѣ XV—XVI вв. Эти пересказы отличаются своеобразными чертами, и ни одинъ изъ главныхъ разрядовъ ихъ не можетъ считаться съ полною достовѣрностію за источникъ другаго. Повидимому, болѣе вѣроятно, что содержаніе различныхъ болѣе старыхъ пересказовъ было почерпаемо непосредственно изъ народной словесности. Общій ходъ разсказа въ нихъ такой же, какъ въ fabliau. Въ XV и XVI вв. продолжали еще странствовать переходжіе студенты, и въ большинствѣ пересказовъ свидѣтелемъ любовной пирушки и потомъ изобличителемъ является клеркъ либо студентъ, просящій гостепріимства у жены, угощающей любовника, какъ и герой изложеннаго fabliau—клеркъ. Невѣрная жена—въ большинствѣ разсказовъ мельничиха, а любовникъ ея почти всегда—мѣстный приходскій священникъ. Вообще чужака, который ищетъ пріюта для ночлега, хозяйка довольно скоро выпроваживаетъ изъ дома, но потомъ онъ возвращается либо по собственному желанію, либо, какъ въ fabliau,—въ сопровожденіи хозяинкина мужа. Пришлый гость хвалится обыкновенно передъ хозяиномъ знаніемъ волшебства и вызывается показать пробу такого своего искусства. Онъ чертитъ волшебный кругъ, дѣлаетъ тотъ или другой фокусъ и затѣмъ указываетъ, въ какомъ мѣстѣ стоять кушанья и вино. Въ заключеніе онъ помогаетъ ускользнуть любовнику, которому пришлось немало перетрудиться: мнимый колдунъ вызываетъ сокрытаго ухаживателя въ качествѣ своего служебнаго дьявола, повелѣвъ ему показаться въ человѣческомъ образѣ, и таѣ помагаетъ ему выпутаться изъ бѣды. При этомъ мужъ съ удивленіемъ восклицаетъ: „Какъ однако дьяволъ похожъ на нашего священника!“ Такимъ образомъ въ этомъ изводѣ разоблачающій любовныя шашни относится къ ухаживателю за чужою женой добродушнѣе, чѣмъ въ

fabliau: онъ какъ бы полагаетъ, что виновный достаточно наказанъ уже тѣмъ страхомъ, который ему пришлось испытать.

Благодаря комику въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и въ развязкѣ, эта редакція фабулы о невѣрной женѣ пользовалась особымъ успѣхомъ у рассказчиковъ и либреттистовъ въ теченіе четырехъ съ лишнимъ вѣковъ.

Въ нѣмецкой литературѣ эту повѣсть передали въ стихахъ: Hans Rosenplüt въ Schwank-ѣ: „Von einem varnden schuler“ (Напечат. Ad. v. Keller-омъ въ Fastnachtspiele, III, Stuttg. 1853, 1172—1176), Burchard Waldis (Aesopus, 4 Buch, 42 Fabel) ¹⁾ и Eucharius Eyering (Proverbiorum Copia, Eissleben 1601, II, 431 и слѣд.) ²⁾. Въ нѣмецкой прозѣ эта фабула была пересказана нѣмецкимъ юмористомъ XVI в. Michael-омъ Linde-ner-омъ (Rastbüchlein, 1558). Schwank Rosenblüt-а былъ переработанъ въ драматической формѣ Гансомъ Саксомъ въ масляничной пьесѣ (Fastnachtspiel) подъ заглавиемъ: „Ein Fastnacht Spil mit vier Personen: Der farendt Schuler mit dem Teuffelbannen“, относящейся къ 1550—51 гг. ³⁾. У Rosenblüt-а и у Ганса Сакса дѣйствие происходитъ въ хижинѣ крестьянина, какъ и въ старошотландской поэмѣ, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. У обоихъ поэтовъ странствующій ученикъ скрывается въ самой хижинѣ, и виновный отдаѣвается отъ бѣды легко. У нихъ и у Linde-ner-а изгоняющій мнимаго дьявола (священника, спрятавшагося отъ мужа) уговаривается со священникомъ касательно всей послѣдующей комедіи и проводитъ мечемъ будто бы заколдован-

¹⁾ У Waldis-а студентъ называетъ мнимаго дьявола Calcedoni.

²⁾ У Waldis-а и у Eyering-а изгоняющій діавола говорить по латыни къ спрятавшемуся священнику.

³⁾ Появившееся изданіе—въ „Elf Fastnachtspiele aus den Jahren 1550 и 1551 von Hans Sachs“. Herausg. von E. Goetze, Halle a/S., 1883 (Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI и XVII Jahrhunderts), S. 124—135. Объ источникахъ этой пьесы Ганса Сакса см. въ ст. A. L. Stiefel: „Ueber die Quellen der Hans Sachsischen Dramen“, Germania XXXVI (1891), S. 22. Ранѣе Stiefel въ тѣмъ же выводамъ пришелъ L. Lier въ статьѣ: „Studien zur Geschichte des Nürnberger Fastnachtspiels“, помѣщенной въ „Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg“, Nürnb. 1889. Отолоски фабулы, обработанной въ „Der farendt Schuler“, усматриваются въ двухъ другихъ пьесахъ Ганса Сакса: „Das heiss Eisen“ и „Der gestohlen Pachen“; см. ст. Stiefel-а, S. 23 и 25.

ный кругъ. У Rosenblüt-а и у Ганса Сахса священнику приходится вымазать себя сажею для уподобленія чорту и уходить нагишемъ, оставивъ одежду ученику, какъ и въ fabliau; при этомъ у Ганса Сахса священникъ, являющійся въ видѣ діавола, набрасываетъ еще на плечи лошадиную кожу, и ему велять самому принести спрятанное кушанье и вина, какъ и у Сервантеса. У Eyering-а и въ нѣмецкой сказкѣ, о которой см. ниже, находимъ совпаденія съ старошотландскою поэмою: „странствующаго ученика (hinfahrende Schüler)“ у Eyering-а, крестьянина нѣмецкой сказки и обоихъ монаховъ старошотландской поэмы хозяйка укладываетъ спать въ сѣно, и возвращающійся мужъ ея узнаетъ о пребываніи ихъ тамъ по ихъ храпу или кашлю.

Въ стихахъ разсматриваемая фабула была пересказана далѣе въ XVI в. въ Шотландіи и въ Англіи. Въ поэмѣ „Бервикская братія“ (The Freirs of Berwick), приписываемой Шотландскому поэту William-y Dunbar-y (род. въ 1455 г., † ок. 1513 г.) ¹⁾, любовникомъ жены содергателя гостиницы въ Бервикѣ на Tweed-ѣ оказывается superior Black Friar-скаго аббатства, братъ John, съ которымъ трактирщица хотѣла провести весело ночь въ отсутствіе мужа; но къ ея горю подоспѣлъ мужъ, и угощеніе и самый посѣтитель должны были быть припрятаны. Добрый трактирщикъ, узнавъ, что на чердакѣ у него ночуютъ не успѣвшіе добраться на ночлегъ въ свой монастырь два монаха якобинца (White Jacobin friars, т. е. доминиканцы, кармелиты), приглашаетъ ихъ сойти, и одинъ изъ нихъ, подсмотрѣвшій, что происходило между хозяйкой и аббатомъ до прихода трактирщика, берется изрядно угостить послѣдняго будто бы при помощи магіи, изученной имъ въ Парижѣ, указываетъ, где находятся вино и яства, и въ концѣ вызываетъ своего мнимаго слугу (аббата) и велитъ ему удалиться ²⁾.—Ту же тему развиваетъ поэма Allan-a

¹⁾ См. H. Morley, English Writers, VII, 1891, p. 153—158.

²⁾ Не сохранилось ни одного экземпляра издания этого произведения 1603 года; уцѣлѣлъ лишь экземпляръ издания 1622 г., носящаго заглавіе: „The Merrie Historie of the Three Friers of Berwicke“.—Послѣднее издание произведеній Dunbar-a принадлежитъ Schipper-y и помѣщено въ Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, Bd. XL—XLII, Wien 1892—1893, подъ заглавіемъ: „The poems of William Dunbar edited with introductions, various readings and notes“.

Ramsay-я „The Monk and the Millers Wife“ (нач. XVIII в.) ¹⁾.— Въ изложенномъ прозой сказаниі о знаменитомъ Roger-ѣ Bacon-ѣ, первое изданіе которого относится къ 1612 г., но которое могло быть написано еще въ концѣ XVI в., одна глава носить такое надписаніе: „какъ солдатъ, слуга брата Бэкона, вызвалъ заклинаніемъ пищу и добылъ ее для себя и для хозяина“ ²⁾. Въ этой повѣсти доставляетъ хороший ужинъ себѣ и обманутому мужу Miles, который называетъ своего мнимаго поставщика дьяволомъ Вето. По словамъ Thoms-а, подробности разсказа о колдованіи, къ которому будто бы прибѣгъ Miles, указывая, где находились кушанье и вино, заимствованы изъ поэмы *The Freirs of Berwick*, приписываемой Dunbar-у ³⁾. Во всѣхъ этихъ англо-шотландскихъ изводахъ любовникъ не уходитъ такъ благополучно, какъ въ остальныхъ: убѣгая черезъ двери по повелѣнію мнимаго колдуна, называющаго его своимъ служебнымъ чортомъ, посѣтитель чужой жены получаетъ порядочную потасовку отъ мужа.

Въ эпоху Возрожденія рассматриваемо старою шуткой касательно обманутаго мужа воспользовался и авторъ „Донъ Кихота“, Сервантесь, въ одной изъ своихъ интерлюдій (*Entremeses*) или фарсовъ. Въ этой пьесѣ, носящей заглавіе „La Cueva de Salamanca“, изображена любовная пирушка двухъ парочекъ: госпожи и ея служанки и ихъ любовниковъ, сакристана и цирюльника. Въ то время, когда они угощаются, является Саламанскій студентъ, и всѣ они весело проводятъ часокъ—другой, пока не началь стучаться въ двери мужъ хозяйки дома. Яства

¹⁾ Къ тому же, вѣроятно, кругу сказаний относится фабула изданной въ 1533 году интерлюдіи Гейвуда: „Веселая сцена между мужемъ Джономъ, Туб его женой и господиномъ Іоанномъ, священникомъ“ („A Merry Play between John the Husbande, Tub the Wife, and Sir Jhan the Fricst“), но въ этой пьесѣ самъ мужъ приглашаетъ священника на ужинъ, хотя и подозреваетъ свою жену въ любовныхъ отношеніяхъ съ нимъ.

²⁾ Early English Prose Romances, Ed. by W. I. Thoms, sec. ed., Vol. I, Lond. 1858, The Famous Historie of Fryer Bacon, p. 229—235.—О Miles говорится (p. 197): „Fryer Bacon had one onely man to attend on him and he too was none of the wisest, for he kept him in charity, more then for the any service he had of him. This man of his (named Miles) never could indure to fast“...

³⁾ Р. 186.

и любовники быстро упрытываются, а оставшийся встрѣтить хозяина студентъ прикидывается чернокнижникомъ, затѣмъ вызываетъ въ качествѣ своихъ прислужниковъ обоихъ своихъ товарищъ по пирушки, и они приносятъ полную корзину винъ и холодныхъ закусокъ.

Въ литературѣ новаго времени начиная съ половины XVII вѣка этой фабулѣ посчастливилось не менѣе, чѣмъ въ литературѣ среднихъ вѣковъ и времени Возрожденія, но при этомъ въ ней нѣть уже прежней свѣжести, а также разнообразія, и пересказы ея въ новое время явно вяжутся одинъ съ другимъ.

Рядъ новыхъ передѣлокъ разсматриваемой фабулы открываетъ пересказъ въ *Contes aux heures perdues du Sieur d'Ouville, Par. 1650, 2*, повторенный въ вѣкоторыхъ другихъ сборникахъ¹⁾. У Ouville-я, какъ и въ англійской повѣсти о Бэконѣ, вместо странствующаго студента, или ученика, въ роли чародѣя выступаетъ солдатъ, которому была отведена квартира въ домѣ одного Гренадскаго мѣщанина и который подсмотрѣлъ въ щелку, какъ жена этого мѣщанина угождала своего возлюбленнаго, молодаго адвоката. Въ нѣмецкой повѣстовательной литературѣ должны быть отмѣчены пересказы Abraham-a a Sancta Clara (*Iudas der Erzschelm*, 1686) и Nic. Bärmann-a (1826), въ датской—Андерсена.

Въ новое время выдвинулся въ литературѣ комического характера новый видъ драмы—комическая опера. Фабула объ обманутомъ мужѣ вполнѣ подходитъ къ рамкамъ этого литературнаго рода и потому съ половины XVII в. она получала по преимуществу драматическую форму при различныхъ передѣлкахъ, начиная съ французской комедіи „Les Fous divertissants“ R. Poisson-a (1658—1735). Знаменитый комикъ Людовика XIV, Dancourt переработалъ пьесу Poisson-a въ одноактную пьесу „Le bon soldat“, поставленную на сценѣ въ первый разъ 10 октября 1691 г.²⁾. Особаго распространенія достигла передѣлка Dan-

¹⁾ Напр., въ сборнике: „Contes à rire, ou Récreations Fran ois, Nouvelle édition, corrig e  et augment  , t. I, Lille M. DCC. LXXXIV, p. 121—130: „D'un jeune Soldat qui jouit de la femme d'un Bourgeois sous prétexte d'etre devin“.

²⁾ Къ сожалѣнїю, этой пьесы мы не нашли въ изданіи „Les oeuvres de Monsieur d'Ancourt. Troisi me édition. Augment   de plusieurs comedies qui n'avoient point été imprim  es. T. I—IX. Imprim   a Rouen et se vend A Paris. M. DCC. XXIX“.

court-овой пьесы, усвоемая супфлеру Théâtre italien, Anséante-u, и носящая заглавие „Le soldat Magicien“ ¹⁾. Въ прошломъ столѣтіи эта комическая опера была дважды переведена на нѣмецкій языкъ. Въ послѣдней четверти прошлого вѣка тотъ же сюжетъ былъ самостоятельно обработанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ комедіи P. Weidmann а, въ передѣланномъ изъ этой комедіи Singspiel ²⁾, затѣмъ въ мелодрамѣ и въ настоящемъ столѣтіи въ музыкальномъ Quodlibet ³⁾.

Во французскихъ обработкахъ начиная съ Ouville-вой главное дѣйствующее лицо—человѣкъ военный. Любовникъ у Abraham-a a Sancta Clara—судебный писецъ, очень скоро понявший, къ чему клонилось колдовство, и повернувшись его въ свою пользу, у Ouville-я — адвокатъ, а въ нѣмецкой комедіи Weidmann-a и въ опереткахъ, заимствованныхъ изъ нея, любовникомъ мельниковской дочери оказывается Ingenieurlieutenant и. Hydraulicus.

Эти позднѣйшія обработки разсматриваемой темы, комедіи и оперетки, по болѣшей части плоски и уступаютъ средневѣковымъ изводамъ, изъ которыхъ наиболѣе художественнымъ считаются старшотландскій, приписываемый Dunbar-у. Чѣмъ проще художественное изложеніе, тѣмъ лучше оно оказывается приспособленнымъ къ характеру самого разсказа; въ искусственной же обстановкѣ городского быта, въ которую фабула объ обманутомъ мужѣ и мнимомъ колдовствѣ была переносима въ новое время, она утрачиваетъ иногда свѣжесть и долю правдоподобія.

На ряду съ литературными обработками разсказа о приключенияхъ невѣрной жены и ея любовника ⁴⁾ теперь указаны на-

¹⁾ Подробнѣе о пей см. далѣе.

²⁾ Эта оперетка была представлена также въ чешскомъ переводѣ въ Прагѣ въ 1785 году.

³⁾ Обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ нового времени см. у Hertz-a S. 355—357.

⁴⁾ Въ представленномъ выше перечинѣ этихъ обработокъ мы оставили въ сторонѣ рядъ новѣстей и пьесъ, въ которыхъ также происходит прятаніе любовника невѣрною женой при появленіи мужа, но которая, несмотря на то, не имѣетъ ближайшаго отношенія къ разсматриваемому сюжету.

родныхъ сказки на ту же тему на широкомъ пространствѣ начиная отъ Сиріи и Кавказа и оканчивая Италіею и Лотарингіею, а также народныхъ пѣсни¹⁾.

Въ европейской группѣ этихъ народныхъ сказокъ любовникомъ, попадающимъ въ затруднительное положеніе, какъ и въ литературныхъ пересказахъ, оказывается нерѣдко духовное лицо (священникъ, дьячекъ, органистъ)²⁾. При этомъ однѣ сказки относятся къ первому изъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами изводовъ³⁾, а другія ко второму, повѣствующему объ открытии спрятанныхъ женою купальевъ и напитка и затѣмъ любовника

¹⁾ См. въ цитов. выше статьѣ Уленбека *изложение содержанія голландской пѣсни „Het das een vrouwje van Amersfoort“*: молодая женщина, вышедшая замужъ за старика, отправила мужа за сѣномъ, а сама послала дочь пригласить пастора, для угощенія которого подготовила курицу и каплуновъ, зажаренныхъ на вертелѣ, и рейнское вино. Когда она рассказывала объ этомъ угощеніи пришедшему пастору, разговоръ подслушалъ мужъ, вернувшись тѣмъ временемъ домой и спрятавшись за занавѣской. Гг. Сумцовъ и Уленбекъ пріурочиваютъ къ разбираемому мотиву и пѣсни о гостѣ Терентіи и вѣкоторыя, сходныя съ послѣдними, другія произведения народной словесности. Онѣ сходятся съ разсмотрѣнною фабулой въ общей темѣ о принятіи женю любовника и объ обманѣ мужа, но при этомъ заключаютъ иные подробности (напр., о томъ, что прохожій вноситъ мужа въ мышѣ или куль соломы) и не говорятъ объ угощеніи, приготовленномъ для любовника невѣрою женой, но достающемся мужу и его гостю, не выдающему прямо ни проѣдѣли хозяйки, ни ея любовника и прикидывающемся либо колдуномъ, либо имѣющимъ въ своемъ распоряженіи животное или же кожу животнаго, обладающей способностью вѣдовства. Всѣ эти специфическія особенности заставляютъ выдѣлить рассматриваемыя въ настоящей статьѣ фабулы, какъ особую вѣтвь въ „чрезвычайно сложномъ, по справедливому выражению г. Сумцова (Этногр. Об. XII, 108), и вѣтвистомъ циклѣ сказаний о невѣрной женѣ“. Въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, относящихся къ типу пѣсень о Терентіи, невѣрность жены также открываетъ прохожій или вообще постороннее лицо, но жена предварительно прикидывается больною, и способъ изобличенія—иной, болѣе замысловатый; сверхъ того въ сказкахъ этого типа часто усматриваются слѣды пѣсенной формы. Къ этому типу относится сказка № 95 („Der alte Hildebrand“) въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ (Bd. II и примѣчаніе въ томѣ III) и сказка № 41 въ сборникѣ E. Meier-a (*Deutsche Volksmärchen aus Schwaben, Neue Ausgabe*, Stuttg. 1863: „Der Mäller Hillenbrand“).

²⁾ Сказка, записанная въ Курской губ. и сообщенная проф. Сумцову г. Ханенскимъ, сказки малорусскія и польскія, иѣмецкая въ сборникѣ Гриммовъ.

³⁾ Такова Венеціанская сказка, приведенная Cosquinомъ изъ сборника Bernpoli.

при помощи мнемаго колдовства¹⁾). Повидимому, второй изводъ численно преобладаетъ и въ народной словесности. Сирійская изъ съверной Месопотаміи сказка, на которую указалъ Cosquin²⁾, не примыкаетъ ни къ тому, ни къ другому типу: въ ней изобличаетъ продѣлку невѣрной жены лиса и притомъ—прямо, безъ притворного колдовства и безъ пособія какихъ-нибудь предметовъ, мимо сообщающихъ о мѣстѣ нахожденія кушаньевъ и любовника, припрятанныхъ женою. По мнѣнію проф. Сумцова, къ тому же, что и послѣдняя, разряду сказокъ относятся тѣ повѣстенки, въ которыхъ обличаетъ жену въ невѣрности какая-нибудь птица, сорока, либо попугай³⁾). Съ ними

¹⁾ Сказка, записанная въ Терской области (Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Вып. XVI, Тифлисъ 1893, стр. 358—359); сказка, записанная въ с. Lukowiec Гарволинскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи (Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej. T. VIII, Krak. 1884, str. 314—317: O dwoch braci małym i głupim); измѣнка сказка, напечатанная въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ (Kinder und Hausmärchen gesammelt durch die Brüder Grimm, Erster Bd., 7-te Auflage, Götting, 1857, № 61: Das Bürle), въ которой дѣйствующимъ лицомъ является мельничиха; сказка, приведенная г. Сумцовыми изъ Chełchowski, Powiesci, I, и Лотарингская сказка, сообщенная Cosquinомъ (Этногр. Об. XII, 112). Къ другой польской сказкѣ, приведенной г. Сумцовыми изъ того же сборника Хелковскаго (ib.), подходитъ сказка, слышанная ими отъ одной крестьянки с. Слипичичъ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи (см. приложение). Искавшій бѣды и лишившійся при томъ своей одежды заѣзжъ незамѣтно подъ нечѣ въ хатѣ одной крестьянки, мужа которой не было дома. Едва она расположилась пировать съ любовникомъ, какъ послышался на дворѣ голосъ мужа, выригавшаго воловъ, и женѣ пришлось спрятать любовника подъ печь, а кушанья и водку также скрыть. Когда мужъ привался за ужинъ, жена украдкой носила водку и кушанья любовнику подъ печь, но всѣмъ этимъ пользовался голый, а затѣмъ послѣдній, побѣвъ и выпивъ, началъ постепенно выманивать у любовника одежду, грозя въ противномъ случаѣ затинуть пѣсню. Утромъ, когда хозяйка пошла доить коровъ, этотъ искавшій наканунѣ бѣды и добывшій себѣ подъ печью одежду вышелъ изъ хаты, затѣмъ вернулся немногого погода, когда хозяинъ проснулся и хозяйка приготовила завтракать, и объявила имъ, что въ ихъ хатѣ есть чортъ, который и вздѣлъ выгнать по просьбѣ хозяина. Онъ велѣлъ хозяйкѣ вскипятить че тыре чугуна кипятка, а хозяину отворить двери, стать возлѣ нихъ съ раскаленною кочергой и отѣлѣть ею черта, который будетъ убѣгать, и, когда все было готово, выпроводить любовника изъ-подъ печи, начавъ лить туда кипятокъ.

²⁾ Cosquin привелъ эту сказку изъ книги: Der neuaramaische Dialekt des Tur' Abdin von S. Prüm und A. Socin, Goettingen 1881, Bd. II, № 91.

³⁾ Г. Сумцовъ, Этнограф. Об. XII, 117, указываетъ вслѣдъ за г. Шипинскимъ на „Повѣсть о семи мудрецахъ“, „Тысячу и одну ночь“ и исторію сорока вези-

Сумцовъ сближаетъ и напечатанную Cosquin-омъ Лотарингскую сказку: „Le corbeau“, въ которой дѣвочка предлагаетъ обманутому мужу купить ворона, выдаваемаго ею за вѣщую птицу и своимъ карканьемъ будто бы указавшаго, гдѣ скрыты кушанья и вино, приготовленныя для любовника¹). Другая Лотарингская сказка о воронѣ, помѣщенная въ сборникѣ Cosquin-a, по способу, какимъ мужъ узнаетъ о спрятанныхъ женою воронѣ, пирогѣ и винѣ, напоминаетъ fabliau „Le pauvre clerc“, т. е. примыкаетъ къ первому типу разсмотрѣнныхъ нами сказаний, но подробность о воронѣ, котораго купила вопреки запрещенію мужа сама жена, утратила смыслъ, стала искаженіемъ, и къ ней примѣщалась подробность изъ сказаний того типа, къ которому относится пѣсня о Терентіи: мужъ оказывается предварительно говорившимся съ нищимъ, котораго и подсыпаетъ къ своей женѣ для наблюденія за нею. Въ этой Лотарингской сказкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ утратилось упоминаніе о любовнике. О любовнике не говорять и нѣкоторыя другія сказки²). Къ разъ рассматриваемой группѣ сказокъ примыкаетъ лишь въ первой своей части нѣмецкая сказка: „Der TrommelschlÄger vom alten Fritz“, по которой о любовной связи жены содергателя постоянного двора со священникомъ случайно узналъ возвращавшійся на родину барабанщикъ старого Фрица, прусскаго короля³). .

Вотъ какое разнообразіе замѣчается въ народныхъ парескахъ разматриваемой темы. Въ связи съ литературными обработками они даютъ обильный материалъ для возстановленія послѣдовательной исторіи и видоизмѣненій этого сюжета. Представ-

рей. Въ сказкѣ послѣдняго сборника также говорится о томъ, что жена лировала и веселилась съ любовникомъ, и то рассказалъ мужу попугай, по жена перехитрила послѣдняго, и мужъ пересталь вѣрить попугаю. См. переводъ этой сказки (№ 5) въ статьѣ *B. Григорьевъ*: „Сказка сорока везирей и царицы“, помѣщенный въ № 1 „Москвитянинъ“ 1844 г. (стр. 24—25 отдѣльного оттиска).

¹⁾ Основательность этого сближенія доказываетъ указанная выше сказка въ сборникѣ Григорьевъ, въ которой воропъ оказывается завернутымъ въ шкуру, принесенную почующимъ у мельничихъ крестьяниномъ. Эта сказка отличается полностью и весьма интересна, хотя даетъ сюжетный пересказъ.

²⁾ Сказки итальянскія и нѣмецкія, указанные Cosquin-омъ, въпольской: Этнограф. Об. XII, 112—113.

³⁾ *H. Pröhle, Kinder- und Volksmärchen*, Leipzig. 1853, № 63. S. 202—207.

ляя болѣе полное и окончательное выясненіе этого любопытнаго эпизода исторіи литературъ будущему, мы ограничимся пока приведенными данными, признавая ихъ достаточными для цѣли настоящаго разысканія, и обратимся къ вопросу о томъ, какое мѣсто должно быть отведено въ исторіи разсматриваемаго мотива оперѣ И. Н. Котляревскаго; другими словами: воспользовался ли Котляревскій какою-нибудь изъ многочисленныхъ литературныхъ обработокъ разсказа о приключеніи съ невѣрной женой и ея любовникомъ, или же почерпнулъ идею своей пьесы изъ народной пѣсни либо изъ сказки, какъ то утверждаютъ, напр., г.г. Петровъ и Сумцовъ¹⁾?

У Котляревскаго комическое приключение разыгрывается въ хатѣ простого козака, и слѣдовательно на основаніи одной обстановки въ разсматриваемой пьесѣ нельзя составить никакого заключенія обѣ ея источникѣ: мы видѣли, что нерѣдко дѣйствіе помѣщаются въ обстановкѣ крестьянскаго быта не только сказки, но и литературныя произведенія, перечисленныя нами. Сверхъ того, малорусскія сказки, напечатанныя г. Малинкою, выставляютъ, обманутымъ мужемъ, какъ и Котляревскій, козака, отправившагося въ Крымъ; въ сказкѣ, записанной въ Курской губерніи и напечатанной въ сборникѣ Аѳанасьева, также говорится о посылкѣ мужа женой „въ Крымъ-градъ“ и затѣмъ поведеніе жены разоблачаетъ солдатъ: Съ другой стороны, въ народныхъ сказкахъ либо нѣть упоминанія о колдовствѣ, которое играетъ такую видную роль у Котляревскаго, либо подсмотрѣвшій продѣлки жены притворяется получающимъ свѣдѣнія о кушаньяхъ отъ вѣщей птицы, или-же отъ какой-нибудь шкуры. Далѣе, любовникъ невѣрной жены при-

¹⁾ Г. Петровъ, Очерки исторіи Украинской литературы XIX стол., стр. 33—34, указываетъ на одну изъ чумацкихъ пѣсень, записанную въ Полтавской губерніи и говорящую о томъ, что въ отсутствіе чумака жена его пригласила къ себѣ „вечераги“ дѣка, который и явился, но затѣмъ попадъ въ бѣду, потому что вернулся изъ Крыма чумакъ. Ср. стр. 86.—Г. Сумцовъ въ статьѣ: „Пѣсни о гостѣ Терентія и родственныхъ имъ сказки“, „Этногр. Об. XII, 111, говоритъ: „На народной сказкѣ разбираемаго мотива построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль—чаривникъ“. Къ сожалѣнію, г. Сумцовъ не указалъ точнѣе сказки, которую считаетъ наиболѣе близкою къ разсказу, могшему послужить источникомъ оперы Котляревскаго.“

надлежитъ у Котляревскаго къ разряду тѣхъ лицъ, которыхъ во французскихъ повѣстяхъ XVII в. и въ драматическихъ пьесахъ XVIII в. смѣнили своихъ средневѣковыхъ предшественниковъ въ этихъ роляхъ.

Вопросъ усложняется еще тѣмъ, что къ схемѣ сказокъ нѣсколько подходитъ построение комедіи В. А. Гоголя (отца нашего знаменитаго писателя), озаглавленной: „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“, а пьеса Гоголя весьма близка по времени возникновенія ¹⁾ и по содержанію ²⁾ къ оперѣ Котляревскаго, такъ что одно изъ этихъ произведеній явилось несомнѣнно подъ вліяніемъ другого, и между учеными существуетъ разногласіе относительно того, которая изъ этихъ комедій должна быть признана оригинальною, и на чьей, слѣдовательно, сторонѣ заслуга первого замысла? ³⁾

¹⁾ „Москаль – чаривникъ“ появился на Полтавской сценѣ въ 1819 г. Комедія В. А. Гоголя, по мѣрѣнію г. Петрова (стр. 78) „написаны были между 1822 и 1825 годами.“ Ср. данные о В. А. Гоголѣ въ книгѣ *Шенрокъ: Матеріали для біографіи Гоголя*, Т. I. М. 1892, стр. 30, 46, 50.

²⁾ Тетяна у Котляревскаго говоритъ Финтику; „Та аки и вы здастесь чудни, якъ спиваєтъ! Мовъ несамовити..“ Параска у Гоголя также заподозриваетъ поющаго венчово дѣячка въ сумасшествіи. Въ обѣихъ комедіяхъ солдатъ притворяется скоро засыпающимъ, и жены уговариваютъ мужей, чтобы они не шумѣли, потому что солдатъ можетъ проснуться. Съ прибытіемъ мужа создать почти тотчасъ же поднимается у обоихъ поэтовъ и, между проч., у обоихъ онъ выражаетъ желаніе покушать, „лаврениковъ“, и возбуждаетъ смѣхъ своимъ пѣніемъ малорусской пѣсни, которая вдохновляетъ одна и та же въ обѣихъ комедіяхъ. Въ обѣихъ комедіяхъ отзывъ о пѣніи солдата одинаковъ: „втявъ до галыківъ;“ въ обѣихъ жена притворяется принимающей участіе въ ширишкѣ мужа и солдата. Въ числѣ волшебныхъ словъ, произносимыхъ солдатомъ, у Котляревскаго читаемъ: „Борденъ,“ а у Гоголя: „беръ.. дачт..“ У первого солдатъ говоритъ про себя о Тетяни: „будешь посговорчише,“ а у втораго: „Постой же, плутовка, я тебя накажу.“ Солдатъ, собираясь вызвать черта, въ обѣихъ пьесахъ завязываетъ глаза мужу и женѣ, и мужъ выказываетъ страхъ въ ожиданіи нечистой силы. Въ обѣихъ комедіяхъ солдатъ входитъ въ концѣ въ уговоръ съ хозяйкою, обѣщаю устроить благополучную развязку. Можно бы и еще отмѣтить очевидныя совпаденія, какъ, напр., въ выраженіяхъ: „далеби, ажъ шкура болить такъ исти хотетца!“ (у Котляревскаго) и „далиби ажъ серце болить, що вичинъ васъ нагодуватъ“.

³⁾ Г. Кулишъ (Основа 1862, № 2, стр. 19) сначала писалъ: „Въ которомъ именно году сочинена комедія Простакъ, намъ еще неизѣстно, но весьма возможно, что—прежде „Москаль Чаривника“ и „Наталки Полтавки“, но затѣмъ

Зная лишь въ общихъ чертахъ содержаніе пьесы, усвоеннойю Anséaume-у, мы не были въ состояніи решить съ большою или меньшою вѣроятностію вопросъ, случайны или не случайны совпаденія съ нею въ оперѣ Котляревскаго, и такъ какъ въ библиотекѣ Университета св. Владимира не оказалось экземпляра пьесы „Le soldat Magicien,“ то мы должны были отложить решеніе этого вопроса до возможности полнаго знакомства съ необходимымъ материаломъ.

Во время научныхъ занятій въ Британскомъ Музѣѣ зимою 1890—91 г. мы разсмотрѣли, между проч., и комическую оперу „Le soldat Magicien“ и убѣдились, что въ ней есть черты, къ которымъ имѣетъ отношеніе опера Котляревскаго.

Для того, чтобы это было нагляднѣе, скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о пьесѣ „Le soldat Magicien.“

Въ изданіи, которымъ мы пользовались¹⁾, пьеса эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Le Soldat Magicien, opera-comique en un acte; Représenté pour la premiere fois sur le Théâtre de l'Opera-

(стр. 22) выразился иерофительно: „Содержанію пьесы Гоголя-отца почти то самое, что у Котляревскаго въ Москалѣ—Чаривниѣ. Мы не знаемъ наявърное, которая изъ этихъ двухъ пьес написана прежде.“ Г. Петровъ (стр. 80) предполагаетъ, что онѣ самостоятельнаго происхожденія: „Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онѣ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ.“ Г. Огоновскій, Ист. литер. русской, ч. II, 2. вводѣль стр. 733, выразился такъ: „Драматичный сей тѣбръ есть неначе вправнымъ перенесиѣвомъ „Москалл—Чаровника“ Ивана Котляревскаго.“

¹⁾ Сборникъ, въ которомъ помѣщена „Le Soldat Magicien“, озаглавленъ такъ: Nouveau Théâtre de la Foire ou recueil De Pièces, Parodies & Opera-Comiques Représentés sur le Théâtre de l'Opera Comique, depuis son rétablissement jusqu'à présent. Année 1761. Avec les Airs, Rendes & Vaudevilles notés. Nouvelle édition. Tome cinquième. A Paris... M. DCC. LXIII...“ Въ этомъ томѣ „Théâtre de la Foire“ помѣщено 8 пьес; рассматриваемая оперетка занимаетъ четвертое мѣсто. Каждая пьеса имѣть особый заглавный листъ и отдельную пагинацію. Повидимому, „Le Soldat Magicien“ не есть оригинальное произведеніе Anséaume-а, названнаго авторомъ этой пьесы въ изданіи 1766 года, почитов. у Hertz-а: въ перечнѣ драматическихъ произведеній, присоединенномъ къ „Le précautions inutiles, opera-comique, par M. Achard, Par. M. DCC. LX“, Le Soldat Magicien не значится подъ рубрикой произведеній „De M. Anseaume“, а упомянутъ въ рубрикѣ: „Suite des Opera-Comiques de differens Auteurs“; то же находимъ и въ „Suite“ при „Le Soldat Magicien“.

Comique de la Foire S. Laurent, le 14 Août 1760... A Paris... MDCCLX". Дѣйствующія лица: г. Арганъ, буржуа; его жена; Криспенъ, слуга г. Аргана; г. Блондино, прокуроръ; солдатъ; трактирщикъ. Дѣйствие происходитъ въ провинціальномъ городѣ.

Пьеса состоитъ изъ 16 сценъ. Въ ней чередуются проза и стихи.

Сцена открывается игрою Аргана и его жены въ трикtrakъ, при чемъ г-жа Арганъ не обнаруживаетъ охоты къ этой игрѣ, встаетъ и бранить ея изобрѣтателя. Мужъ же тѣмъ можетъ произносить лишь отрывочныя восклицанія. По уходѣ жены г. Арганъ поетъ арію о рѣзвости и строптивости своей жены, производящей въ гнѣвѣ столько шуму, что мужу остается только молчать. Правда, жена его притворяется кроткой, какъ ягненокъ, „но такой ягненокъ во сто разъ хуже дракона“. Затѣмъ слѣдуетъ арія обѣ обманчивости женскихъ ласкъ. Арганъ решаетъ обуздывать впредь капризы строгостю. Онъ зоветъ лакея Криспена и, собираясь уходить, спрашиваетъ, гдѣ жена; заявляется разговоръ о г-жѣ Арганѣ. Криспенъ говоритъ, что г. Арганъ слишкомъ строгъ съ женою, но должно бояться ея отчаянія: „женщина, которую оскорбляютъ, въ концѣ отомстить за себя“. На замѣчаніе Криспена, что Арганъ полагается на добродѣтель жены, послѣдній отрицаetъ то, говоритъ, что будетъ впредь болѣе, чѣмъ прежде, наблюдать за ея поведеніемъ, и велитъ Криспену наблюдать за всѣми поступками госпожи и точно докладывать ему обо всемъ, что будетъ происходить. Криспенъ говоритъ, что это трудно, но, получивъ кошелекъ отъ Аргана, поетъ, что будетъ вѣренъ ему, какъ Церберъ, и будетъ строже самой суперской дуэни. Оставшись одинъ, Криспенъ трижды пересчитываетъ полученные деньги и говоритъ: „пусть случится, какъ придется, лишь бы я нашелъ въ томъ выгоду“.

Слышится шумъ, и появляется солдатъ. Онъ предъявляетъ билетъ на право почлега и быстро ладить съ Криспеномъ.

Входитъ г-жа Арганъ и, узнавъ, что солдату нужно помѣщеніе лишь на одну ночь, велитъ Криспену отвести его въ комнату на верху. Но пути туда солдатъ хотѣлъ остановиться въ кухнѣ, но Криспенъ заявилъ, что, къ сожалѣнію, тамъ ничего нѣтъ покушать.

По уходѣ Криспена и солдата, г-жа Арганъ радуется тому, что мужъ ея ушелъ, и его, безъ сомнѣнія, не будетъ дома до трехъ часовъ утра. „Но тѣмъ лучше, присутствіе его не настолько приятно, чтобы быть желательнымъ... Вотъ къ чему сводится супружество, и вотъ награда, получаемая нами за пожертвованіе нашою свободою“. Слѣдуетъ „агретт“ на тему:

Tous les voeux d'une fillette
Ont l'hymen pour premier objet,
Ardemment elle souhaite
Les plaisirs qu'elle s'y promet..
La pauvrette, ah! la pauvrette
Ne sait pas ce qu'elle fait.

(Всѣ помыслы дѣвочки имѣютъ первымъ предметомъ супружество; она пламенно желаетъ удовольствій, которыя сулитъ себѣ... Бѣднѣтька, ахъ! Бѣдненѣкая не знаетъ, что она дѣлаетъ).

Возвратившійся Криспенъ сообщаетъ, что онъ запроторилъ солдата туда на верхъ, на чердакъ, и заводить разговоръ о наблюденіи, возложенномъ на него г. Арганомъ, при чемъ обнадѣживаетъ госпожу, что ей нечего бояться. Затѣмъ онъ докладываетъ ей о приближеніи ея знакомаго, „этого почтенного прокурора“.

Вошедшій mr. Blondineau заявляетъ, что онъ явился согласно уговору и имѣеть сообщить нѣчто, но о томъ надо поговорить секретно. M-me Argant говоритъ, что можно смѣло бесѣдовать и при Криспенѣ, и прокуроръ высказываетъ участіе къ печальному положенію m-me Argant, которая начинаетъ и сама жаловаться на муки, претерпѣваемыя ею отъ „сварливаго, ревниваго, скучаго, вѣдорливаго, сердитаго, грубаго, страннаго“ мужа:

Enfin en lui sont r  unis
Les d  fauts de tous les maris.

(Въ немъ соединились, наконецъ, недостатки всѣхъ мужей). Блондинъ восклицаетъ, что она вовсе не заслуживаетъ столь несправедливаго обращенія, и ему остается объяснить ей... „но времѧ...“. M-me Argant приглашаетъ его остатся поужинать и велитъ Криспену позаботиться объ ужинѣ. Тотъ говоритъ, что

отправится въ трактирщику своихъ пріятелей, и Блондино даетъ лакею секретно деньги, поручая ему устроить все какъ слѣдуетъ.

Оставшись вдвоемъ съ м-ме Argant, прокуроръ указываетъ ей на возможность выхода изъ ея тягостнаго положенія путемъ прекращенія сожительства и раздѣла имущества, или же полнаго развода и вступленія въ новый бракъ. Г-жѣ Арганъ не нравятся эти средства въ виду шума, который поднялся бы въ свѣтѣ. Блондино, говоритъ, что, если бы такъ думали всѣ женщины, бѣдные прокуроры умерли бы съ голоду; онъ однако руководится не корыстными побужденіями въ си дѣлѣ и въ качествѣ награды проситъ только небольшаго мѣстечка въ ея сердцѣ. Затѣмъ Блондино изъясняется въ любви, беретъ м-ме Argant за руку, не отстаетъ, не взирая на ея отвѣкиванія, и проситъ „маленькаго поцѣлую“. „Ахъ, какой безумецъ“! восклицаетъ м-ме Argant. Блондино приглашаетъ ее отомстить ревнивцу и пользоваться свободою, она же отвѣкивается. Въ концѣ рѣчъ сводится съ обѣихъ сторонъ къ жестокости мужа, но м-ме Argant замѣчаетъ приближеніе Криспена и велитъ прокурору замолчать.

Криспэнъ докладываетъ, что ужинъ готовъ, и съ трактирщикомъ и его мальчикомъ разставляется кушанья. Лишь только м-ме Argant и прокуроръ усѣлись за столъ и прокуроръ запѣлъ обѣ удовольствіи сидѣть рядомъ съ нею, послышался стукъ въ дверь. М-ме Argant, прокуроръ и Криспэнъ поютъ тріо, въ которомъ выражаютъ свое замѣшательство; они не знаютъ, что дѣлать. Наконецъ, Криспэнъ предлагаетъ спрятать весь ужинъ въ буфетъ, прокурору скряться въ каминѣ, а м-ме Argant взяться за книгу.

Вошедшій mr. Argant негодуетъ на то, что его продержали такъ долго подъ дверью на улицѣ, и затѣмъ спрашивается обѣ ужинѣ, на что м-ме Argant отвѣчаетъ, что не ожидала его. Отведши въ сторону Криспена, Арганъ освѣдомляется, не приходилъ ли кто-нибудь, и узнаетъ, что не было никого за исключеніемъ солдата. Входитъ послѣдній и предъявляетъ свой видъ. Прочитавъ бумагу, Арганъ приглашаетъ солдата идти спать, но тотъ заявляетъ, что онъ пытался-было уже заснуть,

но безуспешно, потому что не ужиналъ. „Велика бѣда“! восклицаетъ Арганъ; „мнѣ самому приходится лечь безъ ужина, мнѣ“! Солдатъ говоритъ, что онъ самъ угостить хозяина; онъ вѣдь немного колдуна. Затѣмъ солдатъ чертитъ кругъ своей саблей, становится посреди этого круга и произноситъ: „Gaddem. Trink Meinher Hircoglan“, и речитативомъ велитъ демонамъ, ему подвластнымъ и засѣдающимъ на пирахъ обжорѣ въ этомъ мірѣ и въ аду, доставить въ буфетъ предметы, которые перечисляетъ; въ концѣ солдатъ аріеттой приглашаетъ присутствующихъ заглянуть въ буфетъ. Криспэнъ и м-те Argant притворяются испугавшимися, а mr. Argant дрожитъ. Тогда солдатъ самъ открываетъ буфетъ и приглашаетъ кушать, пока горячо. Криспэнъ говоритъ своей госпожѣ, что солдатъ—либо въ сношеніяхъ съ діаволомъ, либо знаетъ ихъ секреты, но солдатъ убѣждаетъ м-те Argant не тревожиться: онъ не желаетъ причинять ей огорченіе. Затѣмъ вмѣстѣ съ Криспеномъ онъ ставитъ кушанья на столъ. Арганы не хотятъ садиться за столъ, и тогда солдатъ, чтобы подать примѣръ, садится первый. Хозяйка слѣдуетъ его примѣру, при чёмъ мужъ напрасно старается удержать ее. Солдатъ усердно приглашаетъ кушать. Сначала Криспэнъ, а потомъ и хозяйка принимаются ужинать, мужъ же ея никакъ не рѣшается отвѣдать произведеній адской кухни и на всѣ приглашенія отвѣчаетъ, что онъ не голоденъ. Поѣвъ, солдатъ изъявляетъ готовность показать дьявола, который оказалъ такую услугу. М-те Argant упрашиваетъ не дѣлать этого, но солдатъ говоритъ, что надо же поблагодарить то, а что дьяволъ сдѣлалъ. М-те Argant и Криспэнъ боятся предательства, солдатъ же велитъ открыть всѣ двери, чтобы дьяволъ могъ спокойно пройти: „особливо, чтобы ничто его не задержало, въ противномъ случаѣ я не отвѣщаю за послѣдствія“. Криспэнъ открываетъ двери, и солдатъ спрашиваетъ, въ какомъ видѣ долженъ предстать діаволъ. Хозяева заявляютъ, что не желаютъ его видѣть, но солдатъ приказываетъ дьяволу исполнить повелѣніе и, чтобы не испугать присутствующихъ, принять не совсѣмъ чуждый ему видъ прокурора: „выходи, дорога тебѣ открыта, выходи и возвратись въ адъ“. Прокуроръ вылезаетъ изъ камина, въ которомъ скрывался, и убѣгаетъ. Mr. Argant

въ ужасѣ бросается въ кресло и взываетъ о помощи. Обратившись къ м-те Argant, солдатъ спрашиваетъ, понимаетъ ли она теперь случившееся, и получаетъ утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ комическая сцена, въ которой г. Аргантъ, все еще не оправившійся отъ ужаса, зоветъ свою „дорогую жену“, притворяющуюся испуганною не менѣе его, вспоминаетъ о дьяволѣ, объ огромной головѣ его, о пламени, которое выходило изъ его глазъ, и говоритъ, что еще видѣть дьявола. М-те Argant вторить мужу, а остальные съ улыбкою подхватываютъ его слова. Наконецъ, солдатъ говоритъ: „не бойтесь ничего, онъ ушелъ, чтобы больше не возвращаться“, но тутъ появляется трактирщикъ, и Криспэнъ восклицаетъ: „нѣтъ, нѣтъ, вотъ онъ“! Криспэнъ, не уплатившій трактирщику, и солдатъ озадачены. Трактирщикъ обращается къ мг. Argant со счетомъ, а мг. Argant къ г. „Магику“. Очутившійся въ затруднительномъ положеніи солдатъ утверждаетъ, что ужинъ поставленъ по его требованію дьяволомъ, но послѣдній не обѣщалъ сдѣлать то бесплатно. Трактирщикъ настаиваетъ на уплатѣ, а мг. Argant долго не соглашается и только послѣ общихъ увѣщаній идетъ поискать денегъ. Солдатъ, боясь новаго приключенія, велитъ Криспэну уплатить трактирщику деньгами, которыя были даны прокуроромъ, и лакей волей-неволей долженъ то исполнить. Трактирщикъ уходитъ, восклицая: „ахъ, ахъ, ахъ...“. М-те Argant предлагаетъ вопросъ солдату, какъ онъ сумѣлъ все это такъ устроить. Оказывается, что солдатъ видѣлъ все происходившее сквозь трещину въ потолкѣ изъ комнаты на верху, въ которой его помѣстили.

Явившись съ деньгами, мг. Argant спрашиваетъ съ удивленіемъ, куда дѣвался дьяволъ. Солдатъ отвѣчаетъ, что силою своего искусства онъ заставилъ дьявола уйти, откуда тотъ пришелъ. Мг. Argant благодарить солдата за оказанную услугу и просить, не возьмется ли онъ привести къ покорности демона, который постоянно бѣситъ г. Аргана (послѣдній разумѣль при этомъ свою жену), м-те же Argant прибавила съ своей стороны: „я ничего не пропшу у васъ для своего мужа, потому что не думаю, чтобы при всемъ вашемъ могуществѣ вы могли сдѣлать изъ него человѣка любезнаго“. Солдатъ говоритъ, что можетъ пособить

объимъ сторонамъ, что это зависитъ отъ нихъ, и, обратившись къ женѣ, поетъ: „вы будьте менѣе кокетливы, и онъ будетъ менѣе ревнивъ“; мужу же онъ подаетъ такой совѣтъ: „а вы, когда будете не такъ угрюмы, скучны и суровы, то жена ваша будетъ прилагать всѣ старанія угодить вамъ“. Супруги обѣщаютъ слѣдоватъ этому совѣту, и солдатъ приглашаетъ ихъ къ полному взаимному прощенію, при чёмъ они должны обнять другъ друга. Слѣдуетъ Quatuor о мирѣ. Пьеса заканчивается словами Криспена: „теперь будемъ жить въ мирѣ“.

Сопоставляя французскую пьесу, содержаніе которой мы изложили, съ оперой Котляревскаго, нельзя не замѣтить, что канва обоихъ произведеній представляеть довольно много сходнаго: въ обѣихъ опереткахъ видимъ появленіе ухаживателя, принадлежащаго къ *судебному персоналу*, въ отсутствіе мужа, приготовленіе ужина на деньги Ловеласа, прибытие солдата, выраженіе имъ желанія покушать и удаленіе его сиать голоднымъ, неожиданное возвращеніе хозяина дома и смущеніе парочки, готовившейся ужинать вдвоемъ, прятаніе ухаживателя и ужина, затѣмъ выходъ солдата, обѣщаніе его угостить хозяина ужиномъ, добытымъ при помощи колдовства, указаніе солдатомъ мѣста нахожденія кушаньевъ и папитка и въ концѣ освобожденіе ухаживателя, котораго солдатъ вызываетъ въ качествѣ будто бы пособившаго ему дьявола.

Нельзя сказать, что такое значительное совпаденіе могло произойти и помимо знакомства Котляревскаго съ французскою опереткою „La Soldat Magicien“, и что случайно могли быть даны обѣимъ пьесамъ и одинаковыя названія. Кроме этого общаго сходства еще усматриваются болѣе частныя совпаденія. Такъ, есть сходныя черты въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ ихъ образѣ дѣйствій. Солдатъ Котляревскаго бойчѣе французскаго, но поступки того и другого весьма сходны. Между прочимъ, во французскомъ оригиналѣ, приступивъ къ колдовству, солдатъ произносить нѣмецкія слова: „Trink Meinherr“; у Котляревскаго солдатъ также употребляетъ нѣмецкое слово: „шнапсъ“. Далѣе и въ той и въ другой пьесѣ солдатъ спрашиваетъ мужа и жену, въ какомъ видѣ долженъ показаться

чортъ¹⁾). Финтиксъ, подобно прокурору, не прочь бы „взлобызати розы усть“ чужой женушки, но встрѣчаетъ въ томъ отпоръ. Изъясняясь въ любви, прокуроръ обращается къ судебной терминологіи; напримѣръ, въ Ariette:

Sur ma requête à votre tour
Daignez faire droit en ce jour,

прокуроръ обѣщаетъ апеллировать на отрицательный отвѣтъ со стороны т-те Argant.— Въ какой трибуналъ? спрашиваетъ послѣдняя.— Къ моей любви, отвѣчаетъ прокуроръ. Сравнимъ въ пѣснѣ Финтика:

Ты — судъ мой и расправа,
Ты — милый протоколъ и проч.

Теорія Финтика: „хібá—развѣ замужней не можно любити“ соотвѣтствуетъ мольбѣ прокурора:

Rendez mon sort hereux en vous donnant à moi.
De votre liberté
Faites usage.

Думаемъ на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, что Котляревскій былъ знакомъ съ оперой „Le Soldat Magicien“ и воспользовался ею схемой для своей пьесы; онъ воспроизводилъ ситуаціи французской оперы, имѣя ее передъ собою, либо по памяти.

Такъ какъ „Москаль-чаривныкъ“, съ другой стороны, представляетъ несомнѣнную близость въ комедіи Гоголя-отца и родство съ послѣднею, то сходство оперетки Котляревскаго съ французской пьесою, съ которой почти не сооприскасается комедія „Простакъ“²⁾, окончательно рѣшаетъ вопросъ о взаимномъ отношеніи обѣихъ малорусскихъ пьесъ: первенство по времени должно быть признано за произведеніемъ Котляревскаго.

Ставя вопросъ о томъ, не имѣть ли въ виду Котляревскій оперу „Le Soldat Magicien“, когда писалъ своего „Москаля-ча-

¹⁾ Замѣтимъ тутъ, что тг. Argant-у показалось, будто у уходившаго чорта была огромная голова, и изъ глазъ выходило пламя; у Котляревскаго солдатъ, же, лая отклонить Михайла отъ разговора съ инимъ чортомъ, говорить: „голосъ его сильнѣе грома; когда заговорить, изъ глаъ его засверкаютъ молнии“.

²⁾ Въ послѣдней есть лишь одна существенная черта, сближающая комедію А. Гоголя съ французской пьесой: Цараска не любить своего мужа, какъ и т-те Argant, но причина семейнаго разлада не одна и тѣ же въ той и другой пьесѣ.

ривника", мы не обвиняемъ украинскаго поэта въ plagiatѣ. Извѣстно значеніе заимствованія даже въ художественной дѣятельности величайшихъ поэтовъ. Къ заимствованію фабулъ обращались даже корифеи творчества. Въ художественныхъ созданіяхъ весьма часто важна не столько оригинальность материальной основы ихъ, сколько обработка и развитіе послѣдней. Для оцѣнки ихъ бываетъ важно, что сдѣлалъ извѣстный поэтъ изъ заимствованного материала.

Съ этой точки зрењія получаютъ особое значеніе различія въ обработкѣ одного и того же сюжета у различныхъ поэтовъ. Потому, отмѣчая, что есть заимствованного въ произведеніи Котляревскаго, необходимо имѣть въ виду и существенная отличія „Моск.Ч.“ отъ соотвѣтственной французской пьесы. Объ этихъ отличіяхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе нашей замѣтки.

Сходясь съ „Le Soldat Magicien“ въ общихъ очертаніяхъ фабулы, „Москаль-чаривныкъ“ является самоостоятельнымъ произведеніемъ во многихъ подробностяхъ, въ обрисовкѣ характеровъ действующихъ лицъ и въ основной идеѣ.

Въ произведеніи Котляревскаго не видимъ того, что наполняетъ начальную и заключительную сцены французской пьесы и служитъ къ изображенію печальныхъ отношений въ семье Аргановъ. M-me Argant была готова въ концѣ концовъ обмануть своего мужа, и послѣдній былъ одураченъ ею, лакеемъ и солдатомъ. У Котляревскаго Тетяна любить своего мужа и вѣрна ему; въ концѣ она сознается ему во всемъ, хотя солдатъ готовъ былъ помочь Финтику уйти, не будучи узнаннымъ. Потому интрига не вполнѣ правдоподобна въ украинской оперѣ, гдѣ Тетяна сразу не имѣла надобности скрывать отъ мужа присутствіе Финтика. У Котляревскаго между женой и мужемъ ся не видно никакого разлада, и тѣмъ не менѣе Тетяна не запрещала Финтику приходить къ ней въ отсутствіе мужа, хотя и подозрѣвала не совсѣмъ чистыя его намѣренія; она боялась только, какъ бы обѣ этихъ посѣщеніяхъ не узнали другіе (напр., —дивчата, приходившія „на вечорныци прасты“), а также ея мужъ. Потому-то она хотѣла — было сначала скрыть отъ Михайла присутствіе

Финтика и ужинъ, приготовленный на деньги послѣдняго; подъ конецъ же ей какъ будто стало стыдно дурачить долѣе мужа. Во всемъ этомъ можно усматривать нѣкоторую непослѣдовательность, какъ равно не вполнѣ согласуется съ деревенскими нравами подробность обѣ изготошеніи Тетяною ужина на счетъ Финтика, очевидно заимствованная изъ французской пьесы, гдѣ она умѣстна. Благодаря большему соотвѣтствію фабулы съ семейными отношеніями, въ оперѣ „Le Soldat Magicien“ болѣе правдоподобія и комизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣе и интрига въ ней, и тѣмъ болѣе приводится въ напряженіе интересъ, испытываемый зрителемъ. Котляревскій упростила дѣйствіе, перенесъ его изъ буржуазной среды въ хату козака и сократилъ количество дѣйствующихъ лицъ (у него ихъ не шесть, какъ во французской пьесѣ, а четыре), но не совсѣмъ удачно передѣлалъ заимствованную фабулу.

Котляревскій поднялся за то выше въ выразительности и богатствѣ рѣчи, въ бойкости діалога и въ обработкѣ характеровъ, которые въ „Le Soldat Magicien“ не столь индивидуальны, и обнаружилъ при этомъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта.

Во французской пьесѣ наиболѣе удачно очерченъ характеръ лакея. Сварливый же и ревнивый буржуа, собиравшійся построже наблюдать за женой, вполнѣ оказывается потомъ простакомъ, чѣмъ нѣсколько нарушается единство характера. Михайло у Котляревскаго не столь трусливъ и смѣщенъ. Тетяна совсѣмъ не походитъ на m-me Argant. Она не знаетъ никакихъ колебаній, не податлива къ ухаживаніямъ, стойка, не измѣняетъ мужу въ мысляхъ и не прочь бы проучить Финтика при случайѣ за волокитство, словомъ—не смотря на указанный выше промахъ примѣрная жена, отъ которой можно смѣло „не сподиватьсясь городянскаго бешкету“. Солдатъ у Котляревскаго держитъ себя гораздо развязнѣе и бойчѣе, чѣмъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, какъ держали себя наши солдаты по деревнямъ въ старое время, когда, являясь на квартиру, выказывали себя „сердитыми, крикливыми“ и могли „побить хозяйку“. Равнымъ образомъ рѣзче очерченъ въ украинской оперѣ и ухаживатель, „крашивое сѣмя“, у котораго „совоѣсть купоросомъ подправлена“. Въ обрисовкѣ его Котляревскій

впаль даже въ нѣкоторое преувеличение, но, по всей вѣроятности, этотъ типъ близко воспроизводилъ дѣйствительность, какъ и нѣсколько родственныи ему „Возный“ въ „Наталиѣ Полтавкѣ“.

Слѣдовательно, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ Котляревскій выказалъ много наблюдательности; онъ черпалъ данные изъ живой дѣйствительности и изъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ и его жизнью.

Вдумываясь въ послѣднюю, Котляревскій внесъ совершенно новыя идеи въ заимствованную имъ схему и притомъ идеи свѣжія, затрогивавшія животрепещущіе вопросы и глубоко гуманныя.

Правда, для выраженія этихъ идей Котляревскій обратился къ рутинному пріему разглагольствованій дѣйствующихъ лицъ на различныя моральные темы, вслѣдствіе чего зрителъ можетъ соскучиться, выслушивая разсужденія на сценѣ объ обязанности уважать родителей, о томъ что „вышедши въ люди“ не должны презирать свое родное гнѣздышко и бѣдную братію, о лукавствѣ „письменныхъ людей“ по части нравственности, и т. п. Но нужно сказать, что эти разсужденія не лишены были глубокаго смысла въ ту пору, когда писалъ Котляревскій, да и теперь еще сохраняютъ свое значеніе. Такъ, въ образѣ Финтика авторъ хотѣлъ показать, до чего доводитъ искаженіе здоровыхъ народныхъ началь въ личностяхъ, отъ одного берега отплывшихъ, но къ другому не приставшихъ, какъ не проходитъ даромъ пренебреженіе къ тому народу, изъ котораго выходятъ иногда въ другую обстановку съ высока потомъ глядящіе на него. Тетяна въ своемъ разговорѣ съ Финтикомъ прекрасно разоблачаетъ моральное убожество послѣдняго, и въ ея рѣчахъ мы узнаемъ воззрѣнія автора „Энеиды“, горячо любившаго народъ и клеймившаго смѣшныя явленія жизни съ силою и яростію, нѣсколько напоминающими кисть Гоголя. Моральную легкость Котляревскій усматривалъ не въ народной средѣ, а въ полуобразованныхъ выскочкахъ, каковъ Каленикъ Кононовичъ, „полицій писецъ“, дѣнящихъ лишь вѣшность, высокомѣрно глядящихъ даже на своихъ родныхъ, и негодующихъ на то, что мать ихъ „въ нынѣшнее просвѣщенное время одѣвается по старинному и носитъ очипокъ, намитку, плахту и прочіе мужичіе наряды“.

Но́тому у Котляревского выступила совсѣмъ иная идея, чѣмъ въ западныхъ и въ народныхъ изводахъ обработанной имъ фабулы. У Котляревского на первомъ мѣстѣ уже не измѣна жены или готовность измѣнить. Вместо легкой насмѣшки надъ женскимъ легкомыслiemъ и певѣрностю и надъ ловеласничествомъ католического духовенства или же дѣятелей приказнаго мѣра, у Котляревского выдвинулось противоположеніе легкихъ нравовъ людей, неосновательно заявляющихъ притязаніе на интеллигентность, крѣпкимъ нравственнымъ устоемъ деревенскаго люда, хотя и лишеннаго городскаго лоска, но крѣпкаго своими здоровыми началами жизни. Благодаря тому получилось очень грациозное сочтаніе пидиллическаго и сатирическаго жанра. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ легкую рамку оперетки Котляревской ввелъ и такой вопросъ, серьезный и глубоко захватывавшій тогда и потомъ¹⁾ украинцевъ, мыслившихъ и дорожившихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ, составившихъ великое русское государство. Въ немногихъ сценахъ, въ которыхъ солдатъ-постолецъ сталкивается со своими хозяевами-украинцами, проведена весьма отчетливо идея необходимости взаимнаго уваженія и равноправности, существующая устранить племенную рознь и высокомѣрное отношеніе къ „хохламъ“ и устроить надлежащій *modus vivendi*. Эта идея ясно выступаетъ въ слѣдующемъ разговорѣ солдата, Михайла и Тетяны:

„Солдатъ. Ну, что и говорить? Вѣдь вы—пріродные пѣвцы. У насть пословица есть. Хохлы никуда не годятся, да голосъ у нихъ хорошъ.

Михайло. Никуды не годятся? Ни, служивый, така ваша пословица никуды теперь не годятся. Я тоби коротенько скажу. Теперь уже не те, що давно було. Искра дотѣпу розжѣврылась. Ось заглянь въ столыцю, въ одну и въ другу, та заглянь и въ Сенатъ, та кинься по министрахъ, та тогда и говоры, чи годятся наши куды, чи ни?

Солдатъ. Спору нѣтъ, что нынче и вашихъ много есть заслуженныхъ, способныхъ и отличныхъ людей даже и въ арміи, да пословица-то идетъ, вишь ты.

¹⁾ См., между проч. статью Венедикта „о спорѣ южанъ съ сѣверянами“.

Михайло. Пословиця? Колы на те пишло, такъ и у насъ есть ихъ про Москальивъ не трохи. Такъ, напримиръ: „Зъ Москалемъ знайся, а каминъ за пазухою держи“. Одъ чого-жъ вона выйшла, самъ розумний чоловикъ—догадаеся.“

Этотъ споръ разрѣшаеть Тетяна слѣдующими словами: „Годи вамъ спорытысь. Теперь чи Москаль, чи напіть, все одно: вси одного царя. Тилько въ тимъ разныци, що одни дуже шпарки, а други смырни.“

Въ другомъ мѣстѣ Тетяна даетъ понять солдату, что только путемъ достодолжной учтивости, не унижая достоинства хозяевъ,—онъ можетъ встрѣтить привѣтливость и полное радушіе, къ которымъ способны эти хозяева по свойственной имъ сердечности. „Я рада була, що на Финтиковъ коптъ погодуетца служивый. А цей служивый таку вечерю пиднявъ, якъ чортъ въ лотокахъ. Я спровадила его спати голодного.“

Въ силу этой и подобныхъ идей, внушавшихъ чувства справедливости и человѣчности, къ самому произведенію Котляревскаго можно примѣнить слова солдата, заканчивающія пьесу: „шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія.“

Ясно изъ сказаннаго, какъ много содержанія и бытовыхъ данныхъ въ небольшомъ произведеніи Котляревскаго, вообще отличающемся реальными очертаніями. У французскаго либреттиста Котляревскій заимствовалъ лишь общую схему, да и то не вполнѣ, и въ ея предѣлахъ представилъ весьма удачную и интересную жанровую картинку, полную жизни, дающую полезный урокъ и людямъ въ родѣ Финтика, и солдатамъ, которые не прочь побушевать, но встрѣчаютъ деликатный и однако стойкій отпоръ со стороны людей, сознающихъ свое достоинство и дорожащихъ имъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго въ Россії явилось немало комедій-оперъ подъ вліяніемъ вѣянія, проникавшаго къ намъ съ запада. „Украинская опера“ Котляревскаго—одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скучную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ. Въ нѣкоторой степени и въ „Москаль-Ча-

ривныкѣ“ наблюдаемъ то же, что усматривается въ созданіяхъ крупныхъ литературныхъ дарованій: въ заимствованную, истрапанную вѣками, схему внесена свѣжая мысль, и вѣковой сюжетъ, выхваченный изъ непрерывнаго круговращенія, предстаетъ въ обновленномъ художественномъ видѣ, примѣненномъ къ новымъ потребностямъ жизни, неустанно движущейся впередъ.

Н. Дашкевичъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

*Сказка о приключеніи любовника, посѣщавшаго невѣрную жену.
Записана въ житомирскомъ уѣздѣ.*

Бувъ такій чоловикъ, що не знати биды, да й пишовъ въ світъ биды шукать. Ну, й прыйшовъ надъ якусь ричку и пытается: „я николы не бачивъ биды и хочу зобачить еи.“ Отъ ему и говорять: „скинь съ себе все и лизь въ воду, перелизь на другій берегъ, тамъ зобачишъ биду.“ Ну, й винъ переплылъ на ту сторону и назадъ вернувся и не бачивъ жадної биды. Отъ винъ вилізъ, хотивъ вже вдягнутъся, а одежди єго нема; отъ ему и біда. Що винъ голый, то ему не було куды діться, и винъ сидивъ до вечера въ воді; въ вечери винъ вилізъ и влизъ до ідної женщины подъ пичъ такъ, що вона не бачила. Ей чоловика не було вдома. До еї прыйшовъ полюбовникъ. Пріихавъ чоловикъ и начавъ собкати зъ воламы на подвири. Вона почута, и не було ій куды єго (полюбовника) діть, то вона сховала подъ пичъ, а тамъ сидивъ той голый, що шукавъ биды. Вона сховала одъ чоловика печену гуску, макаронъ и повну бутельку горилки, а половину оставила, и дала чоловику вечерати. Чоловикъ бувъ голодный, занявся вечерою, и не бачить винъ того, що вона носить тому подъ пичъ горилку чаркамы и печенью, и млынцами. А той вже говорить голий до полюбовника: Ты вже івъ и пивъ, а це вже нехай буде мыни.“ Выпивъ голий горилки и наївся печени и млынцевъ, а тоді каже: „теперь буду спивать.“ А той каже: „не спивай, еї чоловикъ въ хати, то тоби буде смерть и мыни.“ „Ну, говорить, отдай мыни те, що на тоби, то я не буду спивать.“ Оддавъ ему чоботы, винъ взувся, тоді каже: „буду спивать.“ Той говорить: „не спивай,“ а винъ

каже: „дай же мыни штаны.“ Той идны штаны давъ голому, а други у его остались. „Дай же ще свитку, то не буду спивать, а то буду.“ Вдягнувшись вынъ у свитку и зновъ каже: „буду спивать;“ „дай мыни ще сорочку.“ Вынъ ему давъ и сорочку. Вынъ склавъ сорочку и каже: „буду спивать;“ тоди говорыть: „дай же и други штаны, бо мыни въ идныхъ буде холодно, якъ я выйду.“ Склавъ други штаны и ще каже: „буду спивать, бо вже нагрився.“ А той говорыть: „не спивай“ Тоди, говорыть: „дай же мыни шапку, то не буду спивать“ Полюбовныкъ дуже его просывъ, щобъ вынъ не спивавъ, бо ему не хотилось отдать шапки, бо добра шапка була; а посли мусывъ отдать. Тоди дождалы воны ранку, хазяйка встала пошла до коривъ, а той одягнинный вылизъ соби и пошовъ. Вышовъ на улицю, походывъ трохи. Посли, якъ чоловикъ еи вставъ, вона затопыла въ печи, напекла млынъцівъ, и силы воны снидать. Тоди вынъ заходить въ хату и говорыть: „у васъ, люде добры, чортъ е подъ пичью.“ А чоловикъ каже: „А якъ тоби, жинко, вчора казавъ, що шось шептало у насъ подъ пичью, а ты казала: то тоби такъ витеръ напугавъ въ уши, то тоби такъ здається.“ Вже журытъця чоловикъ, якъ бы выпроводить чорта, и просить того чоловика, который начовавъ подъ пичью и прийшовъ,—щобъ выпроводить. А той сказавъ, що не штука его выпроводить, „можна.“ Сказавъ, щобъ жинка нагрила штыры баняки окрону, и одчинивъ дверы, хазяина поставилъ у дверяхъ съ гарячею коцюбою, щобъ чортъ такъ не выскошивъ, щобъ его можна було опарить и трохи прыпекты, и сказавъ ему,—якъ буде бигти чортъ, то щобъ бывъ его коцюбою по голови. А жинка мало не плаче, а все таки гріє воду. Якъ зогрила воды, то вынъ засунувъ окринъ подъ пічъ, и вывернувъ подъ голого, и другій баникъ,—а третій прыготовывъ, щобъ лынуть на его, якъ буде бигти съ-подъ печи. Отъ вынъ выскочывъ съ-подъ печи и хотивъ въ двери, а жинка хотила не дать чоловику, щобъ вынъ ударывъ его по голови, такъ чорта не лопавъ, а жинци руку выбирѣть, и жинка осталась слаба, а тому, що чорта выгнавъ ему, заплатывъ.

ЛЕОНИДЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛѢБОВЪ.

НЕ КРОЛОГЪ

29 минувшаго октября мѣсяца скончался въ Черниговѣ хорошо известный всей Малороссіи и Галичинѣ писатель Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ. У насъ въ Россіи его знаютъ и цѣнятъ почти исключительно за его талантливыя басни, выдѣлавшія три изданія, а въ Галиціи, сверхъ того, онъ извѣстенъ всякому грамотному человѣку и какъ писатель лирическихъ стихотвореній, печатавшихся до послѣднаго времени въ тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ („Зоря“), а также какъ пре- восходный писатель задушевныхъ дѣтскихъ стиховъ въ видѣ загадокъ и отгадокъ къ нимъ, помѣщавшихся въ маленькой газеткѣ для дѣтей „Двинокъ“.

Леонидъ Ивановичъ родился 19 февраля 1827 года въ полтавской губерніи, въ хорольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Веселый Подолъ. Принадлежалъ онъ къ купеческому роду, но науку проходилъ такую, какая выпадала и на долю дворянъ, а именно—гимназическую. Еще раньше поступленія своего въ полтавскую гимназію, онъ сталъ пописывать русскіе стишкі, и первымъ его опытомъ была сатира на одного помѣщика, написанная имъ на десятомъ году жизни. Эти задатки увлеченія стихотворствомъ еще болѣе развились въ немъ, когда онъ поступилъ въ гимназію, гдѣ, кромѣ обычнаго въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ литературного настроенія, онъ подпадаетъ вліянію учителя Мирецъ-Имшенецкаго, особенно поощрившаго писательскія способности въ ученикахъ. Будучи въ 5-мъ классѣ, молодой поэтъ уже могъ имѣть въ своемъ собраніи стиховъ около

сотни пісень, написанихъ по-русски, и даже отпечатать въ 1847 г. отдѣльной брошюрою 50 стихотвореній.

Болѣзнь помѣшала молодому, двадцатилѣтнему юношѣ окончить гимназію, и пришлось ему, въ качествѣ недоучки, поселиться въ родительскомъ домѣ, въ кременчуцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Горбахъ. Тутъ онъ, готовясь къ поступленію въ нѣжинскій лицей и, слѣдовательно, не теряя надежды на продолженіе перерванного курса, не отставалъ и отъ поэзіи, начавъ теперь увлекаться малорусскимъ стихотворствомъ, т. к. въ 1848 году впервые познакомился съ произведеніями Т. Г. Шевченка и Е. П. Гребенки. Результатомъ этого было написаніе имъ сейчасъ же первыхъ опытовъ своихъ въ баснописательствѣ, ограничившемся на первыхъ порахъ передѣлкою баſенъ Крылова „Волкъ и Котъ“ и „Волкъ и Пастухи“, при чёмъ первая можетъ быть названа только переведомъ подлинника, а вторая представляетъ настолько далекую передѣлку, что почти имѣетъ право быть посчитана самостоятельной. Начиная съ этого момента, т. е. съ 1848 года, становится Леонидъ Ивановичъ почти исключительно малорусскимъ писателемъ и не перестаетъ увлекаться поэзіей даже и тогда, когда, поступивъ въ 1849 году въ нѣжинскій лицей, тянетъ тяжелую для него лямку студенчества въ теченіе шести лѣтъ (до 1855 г.), постоянно отрываемый отъ работы всякими невзгодами, изъ которыхъ наибольшая—смерть отца, заставившая его на цѣлый годъ покинуть лицей и поселиться въ деревнѣ. Кромѣ того, въ 1852 году онъ женился, и слѣдовательно прибавились еще и семейныя заботы. Но несмотря на все это, онъ не покидалъ ни науки, ни поэзіи и даже, начиная съ 1853 года, сталъ сотрудничать въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, представлявшихъ тогда очень цѣнное изданіе, помѣщавшее на своихъ страницахъ научные материалы, маленькие изслѣдованія, этнографические материалы и произведенія местной поэзіи. Тутъ-то и сталъ печататься Леонидъ Ивановичъ съ своими баснями, лирическими піесами и этнографическими работами; а увлекаясь какъ-разъ въ это время театромъ, онъ написалъ драматическую піесу „Остапова правда“. А вѣдь

время съ 1847 по 1857 годъ, по выраженію г. Кулиша, было самымъ безплоднымъ въ малороссійской словесности, т. к. почти единственнымъ являлся тогда Л. И. Глѣбовъ со своими баснями.

Эти связи литературныя связали Леонида Ивановича съ Черниговомъ и всякими иными отношеніями, такъ что, по окончаніи лицея, онъ поступилъ сюда на службу, хотя и ненадолго: вскорѣ отправился онъ на должность учителя въ Черный Островъ (подольск. губ.), откуда въ 1858 году былъ переведенъ на учительскую-же должность въ черниговскую гимназію. Здѣсь оставался онъ до самой своей смерти, но только не въ должности учителя, съ которой долженъ былъ очень скоро разстаться, (1863 г.), помимо своего желанія, такъ точно, какъ долженъ былъ прекратить и начатое имъ въ 1861 году періодическое изданіе „Черниговскій Листокъ“, посвященный, главнымъ образомъ литературѣ украинской и поддерживаемый такими силами, какъ П. Кулишъ и М. Номисъ. Съ 1863-го по 1867-й годъ Л. И. Глѣбовъ пережилъ самые тяжелые дни въ своей жизни: безъ мѣста, безъ материальныхъ средствъ, гонимый судьбою и людьми, онъ съ трудомъ перебивался со дня на день, перенесши сильную болѣзнь, бывшую причиной его слѣпоты, и лишившись въ это же время жены. Единственнымъ утѣшениемъ для него при такихъ условіяхъ была пріязнь черниговского общества, отъ души полюбившаго его и въ концѣ концовъ выхлопотавшаго ему право въ 1867 году занять скромное мѣсто завѣдывающаго черниговской земской типографіей, каковую должность онъ занималъ до самой своей смерти.

Занимая этотъ далеко не видный постъ въ теченіе многихъ лѣтъ, Леонидъ Ивановичъ однако-же игралъ въ Черниговѣ не послѣднюю роль, конечно, не въ смыслѣ административныхъ вліяній, но въ смыслѣ тѣхъ нравственныхъ воздействиій, которые могутъ являться только при условіи душевной чистоты и того авторитета, какимъ пользуется человѣкъ опредѣленной идеи. Что Черниговъ цѣнилъ и уважалъ своего ветерана-поэта, это можно видѣть изъ той задушевности, съ какою черниговское общество отнеслось къ празднованію пятиде-

сятилѣтія літсратурной дѣятельности Леонида Ивановича въ 1891 году, повторяю опять—*задушевности*, но не торжественности. Да и нельзя было черниговцамъ не выражать самыхъ теплыхъ симпатій къ тому человѣку, котораго чуть не каждый въ городѣ зналъ издавна, зналъ—какъ скромнаго, почтеннаго старца, связавшаго имя свое съ именемъ доброты и сердечности. Прибавьте къ этому, что каждый изъ мѣстныхъ гражданъ сочеталъ въ своей памяти имя Леонида Ивановича съ какимъ-нибудь мастерски нарисованнымъ имъ басеннымъ образомъ, или съ задушевнымъ стихотвореніемъ, или съ игривой загадкой для дѣтей. Нельзя было безъ умиленія глядѣть на то, какъ почтенный слѣпой старикъ, подкрѣпивши себя послѣ обѣденіемъ сномъ, въ небольшомъ вружеѣ ближайшихъ пріятелей своихъ начнетъ бывало вечеромъ читать свои изустно сложенные басни и другія піески—и невольно каждый изъ присутствующихъ всецѣло проникнется и художественными образами, мелькающими одинъ за другимъ, и въ особенности превосходнымъ, мѣткимъ, украинскимъ языкомъ, которымъ въ совершенствѣ владѣлъ покойный. Будучи и ранѣе знакомъ съ баснями Л. И. Глѣбова по печатнымъ изданіямъ ихъ, я имѣлъ случай въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Черниговъ пойти къ нему на поклонъ и тамъ слышать это простое, безыскусственное, но милое и по своему искусное чтеніе басенъ самимъ авторомъ. Читались и напечатанныя уже басни, и особенно, еще не видавшія печатнаго станка—и я долженъ былъ сознаться, что мнѣніе мое о Л. И. Глѣбовѣ, какъ баснописцѣ, высказанное сравнительно давно (Кiev. Стар. 1883 г. № 6) и, конечно, въ пользу автора, теперь не только укрѣпилось, но пошло значительно дальше въ томъ же направленіи. Мнѣ невольно припомнилось, что и знаменитый Крыловъ сталъ баснописцемъ уже въ пожиломъ возрастѣ и съ годами только обнаруживалъ все сильнѣе свой талантъ; такъ и Леонидъ Ивановичъ, на склонѣ жизни своей опять усиленно начавшій писать басни и иныя изъ нихъ помѣщать въ галицкихъ журналахъ „Зоря“ и „Дзвинокъ“, съ каждой новой баснею все шелъ впередъ по пути совершенствованія своего несомнѣнного таланта. Есть и еще одна черта сходства его съ

Крыловымъ—это, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ у послѣдняго, увлеченіе его сценическими піесами. Но какъ Крыловъ имя свое создалъ не на драмѣ, а на басняхъ, такъ и имя Л. И. Глѣбова перейдетъ въ потомство не тѣми драматическими его піесками, которая немногимъ и теперь извѣстны, но тѣми баснями, которая—повторяю—очень популярны и у насъ, и въ Галиціи, и тѣми загадками и отгадками въ стихахъ, которые выучиваются наизусть преимущественно въ Галиціи и связаны тамъ съ именемъ „Дидуся Кепира“—псевдонимъ Л. И. Глѣбова.

Года два тому назадъ, когда я былъ въ Черниговѣ у Леонида Ивановича, мы много разговаривали о необходимости издать всѣ его басни, напечатанныя какъ въ Россіи, такъ и заграницей, прибавивъ къ нимъ порядочный запасъ тогда еще новыхъ, ненапечатанныхъ имъ нигдѣ. Мысль эту признавалъ самъ Леонидъ Ивановичъ, и если, не выполнилъ ея при жизни своей, то только по свойственной ему нерѣшительности, да по отсутствію материальныхъ средствъ. Думается намъ, что теперь, послѣ смерти всѣми глубокоуважаемаго поэта нашего, слѣдуетъ близкимъ къ покойному людямъ позаботиться о томъ, чтобы его мечты объ изданіи были осуществлены если не въ формѣ полнаго собранія всѣхъ его сочиненій, то по крайней мѣрѣ въ видѣ полнаго сборника его басенъ и стихотворныхъ загадокъ. Такимъ изданіемъ будетъ выполнено одно изъ обязательствъ благодарныхъ современниковъ по отношению къ почтенному литературному имени, долженствующему служить назидательнымъ урокомъ и для грядущихъ поколѣній.

В. Науменко.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

М. М. Макаровский. (*Къ пятидесятилѣтию его сочиненій*). Въ недлинной и небогатой фактами исторіи малороссійской словесности, въ первомъ ея періодѣ,—который по непосредственности творчества авторовъ и по близости ихъ къ народной жизни, можно назвать періодомъ «органическимъ»,—есть имя, пользующееся далеко менѣе извѣстностью, какая принадлежитъ ему по праву. Это—имя Михаила Макаровскаго (1783—1846). Двѣ поэмы его, единственно что извѣстно изъ всего написаннаго имъ, напечатаны въ «Южнорусскомъ Сборнику» 1854 года. Онъ написаны въ самые послѣдніе годы его жизни и, лучшан изъ нихъ, «Наталя, або два доли разомъ»—ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Нѣсколько свѣдѣній о его жизни,—все что извѣстно о немъ,—сообщены издателемъ поэмъ, ученикомъ его, Метлинскимъ.

Сынъ священника во флотѣ, а потомъ сельскаго—въ южной Полтавщинѣ, воспитанникъ полтавской семинаріи и послѣ домашній учитель въ домахъ нѣсколькихъ помѣщиковъ (Коденця, Кулибки и Корсuna), онъ сталъ впослѣдствіи учителемъ наукъ и языковъ въ уѣздномъ училищи въ Гадячѣ и кончилъ жизнь смотрителемъ этого училища. Умъ, сираведливость и даръ слова отличали его. Онъ владѣлъ образованіемъ гораздо болѣшимъ, чѣмъ люди того скромнаго общественнаго положенія, какое онъ занималъ. Зналъ и говорилъ по латыни, французски и нѣмецки. Былъ любимъ и уважаемъ горожанами Гадяча и своими учениками. Былъ холостъ, занимался литературой, но только въ послѣдніе годы жизни обратился къ сочинительству на народной рѣчи Украины, бытъ и языки которой зналъ глубоко.

Таковы несложные, скромные факты жизни этого человѣка, который въ другое время и въ другой средѣ, оставилъ бы, можетъ

быть, по себѣ глубокій слѣдъ. По счастью художественный даръ свой онъ выразилъ хоти въ одномъ произведеніи, но съ такою свѣжестью и силой, которыи не могутъ быть не названы необычайными. Писанная безъ всякаго расчета, безъ мысли о выгодѣ или авторскомъ честолюбіи, безъ надежды даже на напечатанье, но по одному лишь глубокому влечению духа, его поэма «Натали» для всѣхъ любителей малороссійской поэзіи останется навсегда истинной жемчужиной. Взлѣтъя и выношеная въ душѣ живопись этой поэмы такъ дышетъ сельской патріархальной стариной, блещетъ такими живыми красками, что не боится времени, какъ не боится его неподдвѣльный драгоценный металль. Это историческая картинка стародавняго сельскаго быта во всей роскоши описаній талантливаго, наблюдательнаго и умнаго автора. Въ обѣихъ своихъ поэмахъ, какъ въ «Натали», такъ и въ менѣе удачной «Гарасъко, або талапъ у неколи», Макаровскій оригиналъ и чуждъ подражанія, какъ Шевченку, появившемуся незадолго до этого времени написавшемъ этихъ произведеній, такъ кому-бы то ни было изъ малороссійскихъ авторовъ. Онъ чуждъ рутинъ, чуждъ общеизвѣстныхъ образовъ малороссійской поэзіи,—садка, очей, бровей и т. п.—ставшихъ избитыми отъ повтореній. Его литературный вкусъ, воспитанный на образцахъ міровой поэзіи, дѣлаетъ его строгимъ къ себѣ и учить искать лишь своихъ собственныхъ словъ, самостоятельнаго творчества. При всемъ этомъ онъ остается вполнѣ національнымъ писателемъ, проникнутымъ духомъ и образами окружающей крестьянской жизни и даже ея міровоззрѣніемъ.

Содержаніе «Натали» можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Крестьянка Харитина горюетъ съ дочерью Наталкой въ отсутствіи мужа, который ушелъ за Дунай въ ногонцы и прощалъ безъ вѣсти. Трудомъ и честью она поддерживаетъ свою жизнь и духъ. Наталка встрѣчается съ чумакомъ Опанасомъ, и молодые люди влюбляются другъ въ друга. Опанасъ признается отцу, тотъ ѣдетъ собрать справки о семье и увидѣть Наталку и послѣ того даетъ согласіе на бракъ. Во время свадьбы возвращается отецъ невѣсты, пожившій въ чужихъ краяхъ состояніе, которое и передаетъ Натали и ся дѣтамъ послѣ смерти. Вотъ несложная канва поэмы. Но все дѣло въ ней въ яркости и красотѣ того ряда картинъ, изъ котораго она состоить.

Это прекрасный образчикъ эпоса. Взоръ поэта смотрить на изображаемую жизнь и людей съ той высоты, откуда все ясно видно. Не

видно лишь намъ самого поэта. События, лица, обстановка предстаютъ въ своей непосредственности, безъ авторскихъ комментарievъ. Жизнь, характеры, побуждения этихъ людей извѣстны поэту въ подробностяхъ и онъ рисуетъ ихъ въ свободномъ, чуждомъ усилій рассказѣ. Нѣть несносныхъ, ничего незначущихъ общихъ мѣсть, ре-месленыхъ строфъ, безъ толку растягивающихъ повѣствованіе. На лицо то, что нужно и нѣтъ ничего мертваго, вымученного: все даетъ пищу воображенію. Рядъ картинъ, описаній, характерныхъ рѣчей, то наивныхъ, то трогательныхъ, нижется ровною, равнодѣйною ниткою поэтическихъ зеренъ, и читатель одновременно проникается и содержаніемъ изображаемаго и любуетсяувѣреннымъ и спокойнымъ искусствомъ художника. Приглядимся внимательнѣе къ составнымъ частямъ этой милой поэмы, не подвергавшейся еще обстоятельному разбору.

Пѣсня первая: Любощи. «Здѣсь описаны Харитина и Наталка, ихъ простая, трудовая жизнь. Съ Наталкой вдругъ склонилось неожиданное горе: она заболѣла безъ видимой причины. Ни домашнія средства, ни усиливъ захарокъ не помогаютъ ей. Одна только изъ ворожей, опытнымъ глазомъ узнаетъ причину болѣзни. Это неожиданная любовь, въ которой Наталка и признается сосѣдѣ своей, Чемеричкѣ. Возлѣ рѣки, куда ходила за водою, она встрѣтила неизвестного чумака, который гнался за водомъ. Онъ попросилъ напиться у неей воды и, когда выпилъ воду, то стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ на нее. Съ первого взгляда она его полюбила. Тоже самое впечатлѣніе произвела и она на Опанаса. Возвратясь домой, онъ сдается отчетъ родителямъ о поѣздкѣ въ Крымъ. Отецъ и мать его толкуютъ о необходимости брака. Онъ признается во всемъ дядьку своему Хмарѣ; тотъ сначала отговаривается, убѣждая жениться на богатой, но послѣ ёдетъ въ село, гдѣ живеть Наталка, въ качествѣ развѣдчика, иочуетъ въ домѣ Харитины и, увидѣвъ мать и дочь, становится сторонникомъ этой свадьбы. Послѣ этого Опанасъ признается и роднымъ и просить ихъ согласія. Отецъ рѣшается ѻхать въ Тешлицы самъ смотрѣть и сватать Наталю за Панаса.

Эта первая пѣсня, по темѣ своей, имѣетъ сходство съ гетеевскими «Германомъ и Доротеей». Здѣсь, какъ и тамъ, сынъ зажиточныхъ людей неожиданно влюбляется въ незнакомую бѣдную девушку, просить у родныхъ согласія на бракъ и посыаетъ отъ себя на развѣдки довѣренныхъ лицъ. Дядько Хмара играетъ туже роль какъ гетеевскіе «Честные шпіоны», часторъ и аптекарь, идущіе въ лагерь

бъглецовъ, среди которыхъ находится Доротея. Но на этихъ чисто виѣшнихъ данныхъ сходство двухъ произведеній обрывается, да и содержаніе малороссійской поэмы принимаетъ потомъ иной оборотъ. Подражаніе же въ описаніяхъ, въ краскахъ, въ подробностяхъ отсутствуетъ совершено, и яркій старинно-малороссійскій сельскій колоритъ отличаетъ сочиненіе Макаровскаго. Внезапность любви—черта вѣрная психологическая. Безуміе, которое по выраженію Faуста «умиѣе всѣхъ наукъ», какъ извѣстно чувство, наименѣе поддающееся отчету. Жизнь Харитины съ дочерью, картина встрѣчи молодыхъ людей, знахарки, дядько Хмара, награждаемый за свою миссію «клункомъ тарани»,—все дышетъ натурою. Панасу нравится Наташка, но онъ не даромъ выросъ среди традиціонныхъ, патріархальныхъ, сельскихъ порядковъ, онъ сынъ своихъ родителей и менѣе пылокъ, чѣмъ Германъ. Онъ не сомнѣвается и надѣется на все доброе, но, разъ только видѣвшіи Наташку, не знаетъ ее и, посыпавъ дядька, онъ наставляетъ его:

„Роспѣтайся: дивка, кажуъ, копя удовыци...
Хай и такъ! Ісь-же у серци виру й Бога мае,
И худон за собою славонъки ве знае,
То я взыну, тай швидко, молодецьку штуку:
Дамъ ій сердецько за серце, ручевъку за руку...
Оженюся, щобъ старая пенька отдыхала
И пораду, и помогу, и потиху мала“.

Простодушный дипломатъ выдаетъ себѣ за дневальнаго, ёдущаго съ пакетами къ исправнику, просится ночевать въ хату Здорихи и, хорошо приглядываясь къ жизни Наташки и матери, такъ описываетъ ихъ племяннику:

„..ій имя Наташка,
По хозяйству мовъ не ходить, а лита якъ галка;
Челурица, пыка якъ искра, оградна, змазлыва,
Говирка, зирка, моторна; ще и тымъ щаслива,
Що на грызахъ не бувала и на вечерницахъ;—
Славыться своею честью й розумомъ въ Теплицяхъ.
Маты тоже хойзяя добра, чесна и токуща,
И на поли, и въ господи, и въ торгу тямуща,
Не яку худобу мае, а жыне зъ достаткомъ.
Хлиба, соли ве боронить, зъ толкомъ и порядкомъ.
Я напився и наився тамъ якъ у господи.
Хотъ не знала, не гадала о свойї пригоды.
Отъ тоби, вебожъ, всѧ правда, правда безъ обману,
Я кажу що скомъ бачыль, що нема изъяву,—

И въ шынку мени казалы, и якъ бувъ въ дорози
 Не было худого слова—видь людей небози.
 По сій мови, небораче, колы маешъ волю,
 И бажаешъ викъ дыты зъ дивчиною долю,
 Еатька упросы и пеньку, щобъ благословыли,
 И тебе туды зо иною шынде одпустыли,
 Бо, бачъ, ся голубка шынде полыне изъ дому,
 Выйде замужъ молодая на таланъ другому”.

Послѣ такихъ несомнѣнныхъ свѣдѣній, Панасъ смѣло обращается съ своимъ признаньемъ и просьбой къ отцу, и они решаютъѣхать въ Теплицы.

Пѣсня вторая: «Весилля».—Уже съ утра въ тотъ день на дворѣ Харитины скрежочеть и скачетъ сорока. Признакъ вѣрный: будутъ гости. Какъ вотъ єдетъ двѣ повозки, въ нихъ отецъ Панаса, онъ самъ и еще нѣсколько человѣкъ съ ними. Харитина принимаетъ ихъ со всѣмъ радушіемъ, на какое способна, и подчуєтъ лучшимъ, что у нея есть. Отецъ Панаса, довольный всѣмъ, что видитъ и слышитъ, говорить о цѣли прїѣзда. Наступаетъ решительная минута: слово за Харитиной. Она видитъ, что предъ ней честные люди, что Наталка будетъ счастлива, но ей приходится разстаться съ единственнымъ близкимъ существомъ, съ дочерью, которая выросла при ней и дѣлила съ ней трудъ и горе. Отъ волненія она не можетъ говорить и этому волненію старается противопоставить силу волн, по удивительному выраженію автора, «какъ рыба противъ волнующейся пѣни (шуму)». Но мѣсто это надо прочесть въ подлинникѣ.

„Якъ почула Харитина видъ Уласа речи;
 Червонила то бладнила, стоя коло печи;
 И дытыны молодой и себе жалила,
 Викъ свій зъ нею коротаты—и отдать хотила.
 Трычи говорить прымалась, трычи оставалась,
 Такъ якъ риба проты шуму довго умудрялась,
 И, нешвидко, положивши хрестъ святый на груды:
 —Слухай, каже, пане Власе, чуйте добри люде!
 Колы Господь показавъ вамъ до мене дорогу,
 То нехай же такъ и буде, якъ угодно Богу.
 Повинчаемъ дитокъ нашихъ, та ажъ въ ту недилю,
 Щобъ забратись акъ и треба вамъ и намъ къ весилью.
 А за мене не турбуйтесь: маю вамъ сказать,
 Що й на крамъ не проминаю дворыща и хаты;
 Буду жить якъ Господь судить и свою дружину
 Помынать не перстану, поки тутъ же згыну”.

За говоромъ слѣдуетъ шумное веселье, которое тяпется до ночи и продолжается большую часть слѣдующаго дня. Проводивши гостей, Наталка думаетъ думу о своей будущей долѣ. Мать же, рѣшившись выдать дочку, вся предается хозяйственнымъ заботамъ и приготовленію къ свадѣбѣ. Покупаются всю недѣлю нужные подарки, сособѣки энергически рѣжутъ живность, пекутъ и варятъ. Наканунѣ свадѣбы Наталка идетъ на село скликать гостей, какъ велитъ обычай. Большая часть селянъ радуется ея удачѣ, и только изрѣдка раздаются за ней рѣчи зависти.

Междуда тѣмъ въ Хрестцахъ идутъ свои приготовленія, и вотъ отецъ и мать со всѣми обычными порядками выряжаютъ сына къ невѣстѣ. Вотъ онъ и въ дорогѣ:

По падъ полемъ тамъ якъ хмара пыль великой въетца
Кононенкивъ честный поиздѣ валкою иссегда:
И бояре бованіють, гарни, чернобрыви,
И дивчата ѹ молодыци, люби и змазливи...

Ѣхать не близко: изѣжане кормятъ лошадей и отдыхаютъ въ полѣ, потомъ почуютъ подъ открытымъ небомъ, подъ возами, вблизи большаго села Жовенъ.. У Харитины въ воскресенье съ утра въ хатѣ собирается народъ. Какъ штаски иѣли дружки за столомъ; народъ, услышавши звуки музыки, высипалъ изъ хаты на встрѣчу поѣзда. У воротъ подростки взяли съ него обычный выкупъ. Начался обмѣнъ подарковъ съ обѣихъ сторонъ. И сваты, и родни были одарены щедро—«тилько лыха пмъ недоставало...» Молодыхъ на минуту посадили за столъ, и начался трогательный обрядъ благословенія, во время которого плакали и невѣста, и женихъ. Но вотъ смычки ударили по струямъ, молодыхъ ведутъ въ церковь. Вѣнчаетъ батюшка, дружно поютъ «дѣякі, дичената, пысарь сельскій, пысаренко ѹ дѣяки хлопьята» — и свальба вновь наполняетъ хату и дворъ Харитины. Уже всѣ собираются усѣсться за столъ и приступить къ длинному и торжественному свадебному обѣду, какъ вдругъ народъ столпился на дворѣ и движется въ хату, провожая кого-то незнакомаго. Въ эту минуту неожиданно появляется отецъ Наталки.

Эта глава поэмы совершенно переносить насъ въ старинное село съ его наивною жизнью зреюще этой честной простоты всегда будетъ укрѣпляющимъ для усталой души, всегда освѣжитъ ее какъ росой, и спасибо мастерамъ слова, которые сберегли его въ своемъ сердцѣ и запечатлѣли для насъ.

Въ третьей пѣснѣ — «Батько», авторъ ввѣдши новый элементъ интереса, который на времѧ мѣниетъ настроеніе, даетъ свободу потомъ своему описательному дару. По созвучію съ народнымъ бытомъ, которымъ онъ такъ полонъ, онъ останавливается на картинѣ свадьбы, какъ бы забывшись на ней; такъ забывается времѧ въ торжественные дни крестьянскихъ свадебъ, на которыхъ пирование длится недѣлю и больше. Интересъ этой главы весь въ описаніяхъ эпизодовъ свадебнаго пира. Вотъ Олекса Шеверенко «домогается вырви»; вотъ танецъ свитылики Кадкальви и Риценка, горлыца, гдѣ отличается Собкивна, материшка, коцюбура и бѣшеный плясъ Омелька Ко-сюры. Тутъ же вставлены воспоминанія стариковъ о козацкихъ свадьбахъ въ еще болѣе отдаленную старину и о порядкахъ на нихъ. Краткимъ разсказомъ о дальнѣйшей судьбѣ героевъ кончается это въ своемъ родѣ образцовое произведеніе.

Вторая поэма Макаровскаго — «Гарасько» ведетъ насъ въ совсѣмъ новую сферу. Содержаніе ея навѣяно отчасти «Кавказскимъ иллінникомъ». Забродчикъ Герасимъ ёдетъ на суднѣ промышленника грека близъ кавказскихъ береговъ. Судно разбивается бурей, экипажъ погибаетъ, спасается чудомъ лишь Гарасько и выплываетъ на берегъ. Здѣсь его ловить арканомъ черкесь, беретъ въ плѣнъ и дѣлаетъ своимъ пастухомъ. Въ него влюбляется сестра черкеса Мериме и, послѣ долгихъ приготовленій, бѣжитъ съ нимъ вмѣстѣ, захвативъ много добра у брата и, съ помощью帮忙циеля своего отца, грека Фоки, спасается въ Таганрогѣ. Здѣсь Мериме принимаетъ христіанство и выходитъ замужъ за Гараська, который, при содѣйствіи того же Фоки, дѣлается значительнымъ таганрогскимъ купцомъ. Онъ ёдетъ на родину, беретъ къ себѣ стариковъ родителей и проводить жизнь въ Таганрогѣ въ довольствѣ и счастіи.

Въ похвалу поэмѣ можно поставить ея свободный, легкій стихъ и нѣкоторыя, преимущественно описательныя, мѣста. Что до ея «морали», — то она мелка; но авторъ стоитъ въ ней на уровнѣ крестьянской массы. Первое стремленіе огромнаго большинства этой массы — это стремленіе къ материальному достатку. Быть можетъ, оно естественно и законно у людей бѣдныхъ, но, безъ иного противовѣса, оно приводить, конечно, къ моральному упадку, что мы и видимъ ярко и наглядно въ нашихъ селахъ теперь, гдѣ развитіе кулачества, стремленія, направленные на наживу, паденье старыхъ нравственныхъ устоевъ, приводятъ народъ къ положительному одичанію. Въ развитіи своемъ, говоритъ великий нѣмецкій поэтъ, народъ ищетъ

сначала нового, потомъ исключительно полезнаго и наконецъ уже доброго; и тогда только достигаетъ своей настоящей силы и значенія». Но въ этихъ поискахъ ему надо помогать. Иначе худшіе его элементы уклоняются въ звѣрство, а лучшіе въ кривотолки и скептицизмъ. Просвѣщеніе и образованіе, широкія и свободныя, одни могутъ только вывести народныя массы изъ потемокъ.

Возвращаясь къ нашему автору, давно забытому и покоящемуся въ землѣ, въ лицѣ его мы воспоминаемъ многихъ и многихъ людей творческаго таланта, забытыхъ, затерянныхъ, затертыхъ жизнью. Могущественное влеченье и какія-нибудь случайныя счастливыя условія—и такое дарование выявится наружу и, подобно Маваровскому, оставить по себѣ нѣкоторый следъ. А сколько погибло ихъ въ сумеркахъ безкультурного существованія и сколько гибнетъ еще теперь! Велико число этихъ погибшихъ силъ и велики потери, которыхъ несетъ благодаря этому общее дѣло человѣческаго развитія...

Глаголь.

Къ исторії Кіевской Археографической Комміссії. Печатаемые документы имѣютъ значение въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, они показываютъ, что въ самомъ началѣ Кіевская Археографическая Комміссія живо интересовалась исторической судьбой и лѣвобережной Малороссіи, къ чему она охладѣла въ послѣдующее время; во 2-хъ—документы содержать свѣдѣнія о румянцевскомъ архивѣ и о судьбѣ гетманскихъ клейнодовъ послѣ уничтоженія Малороссійской коллегіи. Гдѣ нужно искать все это?

Донесеніе управляющему палаты. 13 ноября 1843. № 2987.

Господину исправляющему должностъ управляющаго черниговскою палатою государственныхъ имуществъ.

По предписанію вашего высокородія отъ 26 октября № 14202 была произведена чрезъ помощника моего Сергеенка аккуратная справка въ архивахъ глуховскихъ уѣзднаго и земскаго судовъ; но значащихъ по описи, приложенной при рапортѣ поручика Волчанецкаго къ покойному графу Цетру Александровичу Румянцеву-Задунайскому отъ 12-го октября 1788 года, журналовъ, книгъ и другихъ бумагъ, относительно Молдавской войны, въ помянутыхъ архивахъ не имѣется. Тамъ правятся нынѣ дѣла съ 1760 года, но всѣ они есть исковые и уголовные, касающіеся жителей черниговской губерніи,—стъ также крѣпостныхъ и писцовыхъ книгъ.

Помощникъ Сергеенко, стараюсь сколь можно объ отысканиі сихъ бумагъ, нашелъ въ Глуховѣ старика Максименка, служившаго еще за бывшей коллегіи, который помнить, что въ 1787, 1788 и 1789 годахъ дѣла коллегіи и войскового генерального суда переданы въ черниговское, полтавское и екатеринославское губернскія правленія, а регаліи, какъ то: бунчукъ и булава гетмана отвезены въ Кіевъ бывшимъ капитаномъ штатной (инвалидной) команды (не разобр.), Андреемъ Васильевичемъ и что архивъ собственно графа Петра Александровича, состоявшій отдельно отъ архива коллегіи, весь перевезенъ въ Кіевъ.

О чёмъ имѣю честь донести вашему высокородію, докладывая притомъ, что справка въ Глуховѣ произведена по 9 число сего ноября, но ранѣе сего числа я не могъ донести, потому что 9, 10 и 11 числа нельзя было переправиться чрезъ Десну изъ Глухова въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ Высочайше учрежденную при Кіевскомъ, Волынскомъ и Подольскомъ генераль-губернаторѣ временную комиссию для разбора древнихъ актовъ.

Отъ сотрудника оной комиссіи коллежскаго совѣтника Федора Китченка.

Лично въ комиссию въ февралѣ мѣсяца имѣлъ я честь представить:

- 1) Малороссійскую лѣтопись, безъ начала, до 1707 году.
- 2) Краткое описание Малой Россіи, какъ оная послѣ самодержавія вел. кн. Владимира была подъ польскимъ владѣніемъ и проч. въ какіе потомъ были козацкие гетманы и дѣйствія украинской, начавшіяся съ року отъ Рождества Христова 1340-го (безъ конца—до 1716 г.). Много сходна съ изданною обществомъ любителей русскими древностями лѣтописью самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго. М. 1846.

- 3) Акты объ отправкѣ въ С.-Петербургъ ко двору Анны Иоанновны козаковъ, бабъ и дѣвокъ, умѣющихъ танцевать, въ январю мѣсяцу 1740 года.

Другая половина сихъ актовъ, кажется, находится у г. почетнаго попечителя черниговской гимназіи М. О. Судіенка.

Въ дополненіе къ симъ документамъ, лично переданнымъ мною въ комиссию, имѣю честь предпринять: книгу коїй грамоты городовъ Кіева и Чернигова, и кромѣ того коїй грамоты г. Нѣжина:

- 1) Яна Казимира на польскомъ языке.
- 2) Алексея Михайловича.
- 3) Его же.
- 4) Его же.
- 5) Богдана Хмельницкаго 1656 г.
- 6) Царя Петра Алексеевича.
- 7) Императрицы Анны.

Сотрудникъ комиссіи инспекторъ черниговской гимназіи
Федоръ Китченко.

№ 15. 31 марта 1847. Черниговъ.

Въ Высочайше утвержденную Временную Комиссію для разбора
древнихъ актовъ

отъ сотрудника оной коллежскаго совѣтника
Федора Китченка.

Въ дополненіе къ посланнымъ мною въ истекшемъ 1847 году
копіямъ грамотъ и привилегій городовъ черниговской губерніи имѣю
честь препроводить при семъ копіи *грамотъ и привилегій города Чернигова*.

Коллежскій совѣтникъ Федоръ Китченко

№ 80. 16 ноября. 1848.

Полтавскіе цехи въ концѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка.

Цеховая организація, такъ широко распространенная въ старой Малороссіи, въ многочисленныхъ переживаніяхъ сохраняющаяся еще и въ настоящее время въ различныхъ мѣстностяхъ, далеко еще не представляется вполнѣ изученою въ своемъ историческомъ прошломъ. Въ литературѣ сообщено уже, правда, не малое количество материала, относящихся къ внутренней организаціи и дѣйствіямъ городскихъ и сельскихъ цеховъ и братствъ за 17-ое и 18-ое столѣтія, еще больше, пожалуй, имѣется указаний на сохранившіеся доселѣ обломки старинныхъ братствъ, существуютъ и специальные изслѣдованія, подчасъ очень широко ставящія относящіеся сюда вопросы, но и за всѣмъ тѣмъ мы еще очень далеки отъ полной исторіи малорусскихъ цеховъ, и многіе пункты ея и по сей часъ представляются темными и неясными изслѣдователю, располагающему только печатными материалами. Приходится поэтому дорожить каждымъ источникомъ, проливающимъ свѣтъ на новые стороны вопроса, остававшимъ

до нѣкоторой степени въ тѣни въ извѣстныхъ ранѣе матеріалахъ. Таково именно, кажется намъ, значеніе двухъ документовъ, предлагаемыхъ нами вниманію читателей «Кіевской Старины». Не говоря уже о томъ, что они относятся къ Полтавщинѣ, т. е. къ такой мѣстности, исторія цеховъ которой до сихъ поръ наименѣе представлена и въ изслѣдованіяхъ, и въ печатныхъ матеріалахъ, но и самое содержаніе ихъ заключаетъ въ себѣ немало любопытнаго и новаго. Самые документы найдены нами, во время занятій въ харьковскомъ историческомъ архивѣ, въ одной изъ связокъ хранящейся тамъ румицевской описи полтавскаго полка (Х. И. А., Полт. отд., Рум. Оп., св. № 55, fo 38—39 и 40). Оба они представляютъ изъ себя коні съ подлинныхъ документовъ, снятыхъ специально для описи, къ тому же, очевидно, не особенно старательными писцами, такъ какъ въ обоихъ встрѣчаются ошибки въ правописаніи, слишкомъ явныя для того, чтобы онѣ нуждались въ исправленіи. Тотъ и другой актъ есть полковничьи универсалы, данные основаннымъ въ городѣ Полтавѣ цехамъ, первый ткацкому, второй бондарскому. Наиболѣе интересенъ изъ нихъ первый, представляющій собственно не одинъ, а цѣлый рядъ документовъ, такъ какъ на первоначальномъ универсалѣ полковника Демьяна Гуджола, данномъ полтавскимъ ткачамъ при основаніи цеха въ 1662 году, имѣются и подтвержденія позднѣйшихъ полковниковъ вплоть до 1719 года. Эти подтвержденія не ограничиваются однако простой санкціей первого универсала: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ и новыя постановленія, развивающія далѣе цеховую организацію. Въ то время, какъ въ универсалѣ Гуджола установленъ только порядокъ избранія цехмистра или старшаго брата, цеховая собранія, цеховый судъ и повинности или поборы «до скринки братерской» безъ точнаго опредѣленія послѣднихъ,—полковникъ Павелъ Семеновичъ точно опредѣляетъ размѣръ этихъ поборъ и устанавливаетъ правило, чтобы «братья» не держали болѣе двухъ хлопцевъ въ ученыи, равно какъ утверждаетъ лавниковъ, а приписка 1677 года за подписью городового атамана, войта и полковаго писаря запрещаетъ «перемовлять» челядниковъ подъ страхомъ иени. Если предположить,—и намъ это кажется очень вѣроятнымъ,—что въ этихъ дополненіяхъ мы имѣемъ дѣло не съ разъясненіями ранѣе существовавшаго порядка, а съ новыми правилами, то передъ нами обломокъ исторіи цеха на протяженіи двухъ десятилѣтій. Но и помимо того, эти постановленія вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу промышленной организаціи малорусскихъ цеховъ, рисуя любо,

пытныя ея черты. Универсалъ, выданный полковникомъ Павломъ Семеновичемъ бондарскому цеху въ 1676 году, помимо другихъ обищахъ со всѣми подобными документами чертъ, интересенъ разграничениемъ сферы цеховой и общей юрисдикціи. Наконецъ, отмѣтимъ еще одно обстоятельство: какъ ткацкій, какъ и бондарскій цехъ, по нашимъ документамъ, не ограничиваются предѣлами г. Полтавы, но простираются и на села, связывая ихъ въ одну общую организацію.

В. М.

Полтавскіе цехи.

I.

Демянъ Гуджолъ полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожскаго полтавскаго. Въ вѣдомость доношу симъ письмомъ моимъ, кому только окажанно будетъ, яко и на потомніе часы, ижъ здалося намъ за речъ слушную, а найбарзей за устнымъ упрощенемъ вѣры годныхъ особъ обывателей полтавскыхъ ремесла ткацкого, ижбы с промежку ихъ слушний порядокъ заставалъ, яко от давніхъ часонъ в томъ заставалы, яко и въ иныхъ городехъ столичнихъ найдутся, и мы на то позволяемъ і ствержаемъ письмомъ моимъ памятающы на слова реченніе от апостола Павла: братство возлюбите, Бога бойтесь; тые тежъ поминеніе ремесныы мѣютъ съ промежку себе кого люби товариша вѣры годного за старшаго брата мѣть, зовѣмаго цехмистромъ, и вшелякій порядокъ и сходки в дому зособномъ и повинность належачую до скринки братерской складать и въ проступныхъ выни брать, хтоби непослушнымъ заставалъ, ремесла того во всей диоцезіи Полтавскихъ сель къ городу належачихъ, позволяемъ пану цехмистру і всей братии ремесла помененнаго, абы то в завѣданю ихъ было такъ теперъ, яко и на потомніе часы, волность тежъ мѣютъ ужть волно: кануны сытить для размноженія свѣчы на хналу и честь всемогущему Богу, в Тройцы единаго славимаго, ведле примноженія ихъ бы і колко разъ на годъ тую моць и порядокъ позволивши панамъ ремесникомъ ремесла плотецкаго ствержаю писмо моимъ и печатей двѣ казалемъ прытиснуть полку Полтавскаго и городовою Полтавскою. Писанъ в Полтаве в ратуши року 42 (1662) уѣсяца февраля 13 (17) дня.

Выпѣ менovanій полковникъ руку свою казаль подписать.

Тую сиравку вышмованную (sic) в семъ письмѣ в серединѣ опытную цехмистрови ткацкому и всемъ ткачамъ симъ моимъ ствержанную.

жаю пысаніемъ, хотечы, абы ипачей не было на установу сыю, на шо для лѣпшое вѣры і важности печать мою притыснутъ росказа-лемъ и руку подписать в тіі слова. Григорій Вотизенко полковникъ вѣрнїй войска Его Ц. Пр. В-ва З-жеского Полтавскій, деялось в Полтавѣ априля й (1) дня ~~ахд~~ (1665) року. Гавриилъ Мицлашев-скій на тотъ часъ пысарь полку Полтавскаго рукою.

O м i s t y r i u.

О мыстыріи хтобы хотѣлъ еднающы в томъ помыненномъ ре-меслу зоставать, мѣтъ дать до цеху конъ десять литовской лѣчбы, уступку до скринки братерской золотыхъ два; кг (12) фунтовъ воску, фунтъ ладану, бочокъ двѣ пива, чотиры гарцы горѣлки, цеберъ пыва отъ мѣсца, визволокъ от хлонца цеберъ пыва; кг (12) грошей до скринки братерской; челяды чотири гроши.

Братѣ тежъ того ремесла илотенного такъ в городѣ, яко и по селахъ, ведле ихъ звичаю не волно болшой мѣры, кромъ двохъ хлопцовъ, в науку хотачихъ вступиты, а на кого бы ся то довелось, жебы мѣль болшой двохъ хлопцовъ, теди таковий попадеть у вину врадовую конъ десять, а до скринки братерской конъ двѣ и полка-меня воску безотпусские.

Бундатора (sic) того ремесла особъ вѣры годныхъ чотиры обы-вателе полтавскіе на имя Провошій Вишневецькій, Стефанъ Хмел-ныцкій, Иско Сатановскій, Андрей Зжовскій, пры тыхъ особахъ чо-тирохъ имѣютъ двадцать особъ в лавы заседать за для вшелякого предку (sic), который позволовши (sic) ствержаемъ и на потомніе часы.

Павель Семеновичъ полковникъ войска Его Ц. Пр. В-ва З-го Полтавскій рукою. Данылъ Войцыховычъ писарь на тотъ часъ пол-ковій полтавскій рукою.

Стосуючися до волы антесессоровъ моихъ все его илеколвекъ отписано есть в симъ листы якоби ипачей не было, с подпysомъ руки моей и печатю для новагы и лучшое тимъ вѣре конфѣрмую в Полтавы февраля ки (28) ~~ахд~~ (1677) и то тежъ освѣдчаемъ на писму: который би важился братъ перемовлять хлопцы, вины камень воску до скринки братерской, а челядныка хто бы ся важилъ пере-мовлять, вины до скринки братерской фунтовъ шесть, который бы тежъ братъ любъ жена его важился за платы (sic) запобегающы ра-боты по городахъ, гды би то на кого ся оказалось за слушнымъ дово-домъ вины, до скринки братерской фунтовъ шесть воску.

Климъ Чорнушенко атаманъ городовий руку свою казаль подпісать.

И Семенъ Федоровичъ войтъ полтавскій съ коллегами.

Фылонъ Горкуша.

Александъръ Никитовичъ писарь полтавскій рукою власною.

Я тежъ Прокопъ Левенецъ п-къ Его Ц. Пр. В-ва войска З-го П-кій казалемъ к тому жъ фундошу (sic) печать свою притиснути с подпісомъ руки.

Року ~~ахо~~ (1679) мѣсяца декабря 1 дня.

Кирилло Ивановичъ на totъ часъ писарь полтавскій, Федоръ Жученко полковникъ полтавскій рукою.

Поневажъ фундупшъ сей од антецесоровъ нашихъ предшихъ полковниковъ слушне есть ферованій цеху ткацкому, теди ими оний аби нѣ от кого нѣ в чимъ нарушений не биль подпісомъ руки нашей и притисненiemъ печати полковой конфермуетъ.

в Полтавы сентябра * (10) дня, ~~ахпа~~ (1681).

Леонтий Чернякъ полковнико войска Его ц. пр. в-ва З-жского П-кій.

Сие писание от антецессоровъ нашихъ цеху ткацкому виданное было мнѣ презентовано, яко есть слушное, такъ я оное при моцы заховуючи, рукою мою подпісавши печатью полковою утверждаю. В Полтавѣ року 1719 декампия 5 дня.

Его ц. пр. в-ва войска З-го П-кій. п-къ Иванъ Чернякъ рукою.

II.

Павло Семеновичъ полковникъ его ц. пр. в-ва войска запорожского полтавскій.

Симъ нашимъ оказательнимъ писанемъ ознаймуємъ каждому, кому тилко потребно мѣло зоставать, такъ теперъ, яко и на часи далшій, всему старшому и меншому з товариства и всему уряду, на начальстве зостаючимъ, пану войту зо всею колекцю: на прозбу убогихъ ремесниковъ бондаровъ и на онихъ поглядаючи и докуки забиранемъ суду отъ ремесства ихъ разного того понехавши хотячи мѣже собою мѣти порядокъ, яко и другie ремесники старшого брата, котораго зволять все братя мѣти для порядку своего человѣка пристойного Ивана Карповича къ тому тежъ и другого змѣжи себе обравши, в томъ тежъ ремесствѣ, такъ в городѣ Полтавѣ самой, яко и в селяхъ заживаючи того ремесства схилность тому мѣти братству,

а повинність вся отъ нихъ повина бути и вигода такъ двору панскому надлежачая суду, которого потребная и на правизнами, особливо к самой ратуши города нашего, а в томъ южъ онихъ тяжаромъ инишімъ не мѣеть потягати, такъ городовихъ бондаровъ, яко и мешкаючимъ по селахъ въ подводахъ, тилко такъ звичелю повинність на всіомъ повинни отдавати, яко и другие цехи отправують слушній мѣючи порядокъ мѣже собою и вступного брата за малій посваръ ведле звичаю сказ(р?)аты, кроме заданя слова нестатичного братъ брату и кривавой рани тую злость варуй Боже не мѣютъ тежъ тайти предъ врядомъ нашимъ, что ствердивши на всемъ видаемъ тимъ ремесникомъ сие наше писаніе при нашей звичелой печати съ подпісомъ руки. Писанъ року Божого 1676 напиуария 30 дня.

Звишъ менованій полковникъ рукою власною.

Раздѣль посполитыхъ въ 1774 году. Нечатаемое ниже и заимствованное изъ фамильныхъ бумагъ Горленковъ, «доношеніе» писано Андреемъ Павловичемъ Горленкомъ, правнукомъ прилуцкаго полковника Дмитрія, державшаго сторону Мазепы, и внукомъ бунчукового товарища Андрея, женатаго на дочери Даниила Апостола. Интересъ его заключается въ томъ, что въ немъ идетъ вопросъ о раздѣль посполитыхъ между наслѣдниками. Документъ, такимъ образомъ, лишній разъ свидѣтельствуетъ, что права на личность посполитаго фактически существовали и раньше извѣстнаго указа Екатерины: они вытекали изъ жизни и изъ связи посполитаго съ землей. Когда дѣлилось имѣніе между наслѣдниками, тѣмъ самимъ произошелся раздѣль и посполитыхъ, сидѣвшихъ на землѣ, входившей въ составъ этого имѣнія.

Въ судъ земскій повѣту іваницкаго отъ вахмистра Андрея Горленка доношеніе. При селѣ Ярошовки, на общихъ наслѣдникъ съ нокосніхъ земляхъ, минувшаго сего 774 году лѣтнаго времени, общиими-жъ того села дядей моихъ да господъ полковника і подкоморого і ихъ подданими укошенное сѣно безъ раздѣлу состоять; а притомъ какъ село Давидовка¹⁾, по учиненному между оними господами

¹⁾ Нынѣ Пирятинского уѣзда, полтавской губ.

дядьками моими і мною заключеню, поставлена на двѣ части въ раздѣль господину подкоморому і мнѣ з братомъ по двадцать четыре хати посполитскіе, а кто і кому именно не показано, но оставлено то посполитихъ давидовскихъ імненное раздѣленіе до персональнаго господина подкоморого со мною о состояніи всякого подданого усмотрения: іначежъ сѣну на три части, а давидовскихъ подданныхъ на двѣ, раздѣления произвестъ неудобно, какъ не при битности шляхти з вознимъ; тѣмъ прошу суда земскаго, прежде опредѣленіемъ къ раздѣлки комисарата а не другому кому новелѣть воспомянутое сѣно, при Ярошовки укошеннемъ, и давидовскихъ подданихъ надлежащихъ с равно умѣрениемъ раздѣлить, і каждого наслѣдника во владѣніе увестъ і о томъ суду земскому засвидѣтельствовать къ прекращенію вовся споровъ і другихъ непокойствъ. Вахмистръ Андрей Горленко. 1774 году, ноября 7 дня.

Сообщ. В. Г.

Оригинальное вѣнчаніе (1766). Съ 1760 года поселился въ Кіевѣ на Подолѣ сербскаго гусарскаго полка премьеръ-маіоръ Гаврілъ Савичъ. Кромѣ казенной пенсіи 50 р. въ годъ, человѣкъ этотъ владѣлъ вѣкоторыми средствами, жилъ въ собственномъ *домѣ* и имѣлъ *несколько человѣкъ крѣпостной* прислуги¹⁾). Уже на старости

¹⁾ Контрактъ этотъ цѣликомъ напечатанъ въ 10 вып. моихъ „Ист. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ въ замѣткѣ „Сербскій маіоръ Савичъ—кіевскій обыватель“, въ которой изложено, между прочимъ, и возникшее изъ нарушенія сказаннаго контракта дѣло. Савичъ, какъ видно, былъ человѣкъ безпокойный и вѣль не мало дѣлъ по разнымъ денежнымъ претензіямъ. Кроме изложенныхъ въ упомянутой замѣткѣ мнѣ встрѣтилось еще одно дѣло его, тянувшееся 9 лѣтъ безъ всякаго результата. Въ 1764 г. онъ далъ орловскому купцу Максиму Плотникову 54 рубля на покуику для него двухъ крѣпостныхъ мальчиковъ; затѣмъ другому купцу орловскому же Семену Уткину далъ въ займы подъ вексель 228 р. Противъ обоихъ купцовъ, не исполнившихъ своихъ обязательствъ, онъ и предъявилъ искъ; но такъ какъ орловскій магistratъ видимо потворствовалъ неисправности своихъ земляковъ, то Савичъ посыпалъ въ Орелъ своего повѣренного полк. асаула Максима Леонтиевича, который однако ни въ темъ не успѣлъ, и Савичъ въ 1779 г. возбудилъ жалобу уже противъ орловскаго магistrата. Савичъ, какъ видно, даваль деньги въ займы многимъ лицамъ. Такъ по его просьбѣ взыскивалъ магistratъ съ ассессора Волкова по векселю, выданному на имя мнѣ. Тогда 110 р., въ 1789 г. уже по смерти Савича взыскивалось съ секретара верх. земскаго суда Павла Хохули триста рублей, которые онъ долженъ былъ Савичу по векселю, доставшемуся по духовному завѣщанію Савича капитану Гускину. Савичъ умеръ въ 1789 году.

лѣтъ, будучи вдовы мъ, онъ даль протоіерею Вѣлявскому тысячу рублей и заключилъ съ нимъ любопытный договоръ о «дожитіи»: протоіерей обязывался содержать его у себя въ домѣ, довольствуя его самого и его прислугу всѣмъ необходимымъ. Въ числѣ этой послѣдней былъ человѣкъ крайне малаго роста Авраамъ, который и приглядѣлъ себѣ невѣсту, солдата Кошманова дочь Татьяну. Въ февралѣ мѣсяца 1766 года эта Татьяна, будучи уже замужемъ за Авраамомъ, подала въ губ. канцелярію доношеніе, въ которомъ заявляла, что де вѣнчаль ее въ домѣ Савича отставной полковой священникъ Филиппъ Требуховичъ, *поставя по средѣ избы столъ и сдѣлавъ изъ вишневыхъ прутьевъ сѣница*, и что затѣмъ отъ насилий Савича «и отъ немилостивыхъ его побоевъ она изъ дому его бѣжала къ отцу ея». Савичъ въ своемъ объясненіи, отрица вполнѣ взводимую на него клевету, говорилъ, что сѣжала Татьяна по подговору отца своего, потому, что онъ ее «за ея къ работѣ лѣнотѣ побилъ».

Губ. канцелярія разсудила, что доносу Татьяны «вѣрить не можно», но такъ какъ обвищана она была необычнымъ образомъ съ «крѣпостнымъ человѣкомъ, которому по малому его росту совершенныхъ лѣтъ почесть сумнительно, повѣнчана въ избѣ», то о дѣйствительности самаго брака сужденіе предоставить духовной консисторії. По разсмотрѣніи этой послѣдней, «оное бракосочетаніе явилось дѣйствительное», сами же Авраамъ и Татьяна заявили, что они желаютъ жить вмѣстѣ, только бы не во дворѣ Савича. Въ концѣ концовъ губ. канц., согласно волѣ помѣщика, рѣшила: «учиня ей Татьянѣ наказаніе при немъ Савичѣ батоги, отдать ему для жития ей съ мужемъ ея, и его Савича крѣпостнымъ человѣкомъ».

А. А.

Отъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ открываетъ третій конкурсъ на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Федоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября сего 1895 г. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апреля 1896 года.

Правила о порядке присужденія преміи, утвержденныя г. Министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Федоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя ізслѣдованія по русской исторії, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинакового достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и члены общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-ое ноября предшествующаго конкурсному года.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ или же на имя его секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя такъ и рукописные сочиненія на русскомъ языке. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложениемъ съ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенные преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Федоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни къ какому случаю не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наследникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, общество избираетъ изъ среды себя особую комиссию, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой комиссіи не могутъ участвовать въ конкурсе.

§ 13. Комиссія для каждого сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или же изъ членовъ общества; а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ комиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотые медали.

§ 15. Письменные рецензии на конкурсные сочинения должны быть доставлены не позже 1-го апреля конкурсного года.

§ 16. Въ апрѣль мѣсяцѣ комиссія имѣть сужденіе о присужденіи премій. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣданіи общества, 24-го апрѣля, въ день кончины Геннадія Федоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году преміи, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ которого она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 рублей, употребляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ каждого присужденія общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміею сочиненія.

Замѣтка По поводу помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» рецензіи г. Титова, мы получили отъ г. Горленка слѣдующее разъясненіе:

«Въ рецензіи г. Титова на изданную мною брошюру *«Записки Іоасафа Горленка»* указано, что одно изъ писемъ, въ ней помѣщенныхъ, приписанное Іоасафу Горленку, принадлежить не ему, а Іоасафу Миткевичу, смѣнившему его на той же бѣлгородской епископской каѳедрѣ. Письмо это находится въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ; не живя въ Кіевѣ, я попросилъ снять копію съ письма одного изъ своихъ знакомыхъ г. Ч., самого же автографа не видалъ и не могъ сравнить съ почеркомъ Іоасафа Горленка, мнѣ хорошо позѣстнѣмъ. О существованіи письма узналъ я изъ *«Извѣстій церковно-археологического общества при кіевской академіи»* за 1877 годъ, составляемыхъ проф. Н. И. Петровымъ, гдѣ на страницѣ 27, въ перечнѣ вновь поступившихъ въ музей предметовъ, подъ буковою Л. сообщено о получении «отъ предсѣдателя кіевской археографической комиссіи тайного советника М. В. Юзефовича собственно-ручного письма бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка». Въ виду такого категорического заявленія, сдѣланнаго, какъ я думалъ, по сличеніи съ другими рукописями І. Горленка, я не могъ считать иначѣмъ инымъ, какъ ошибкою дату 1763 годъ, которой въ моей книжкѣ помѣчено было письмо. Приведенные г. Титовымъ доводы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ принадлежности письма Іоасафу Миткевичу, и ошибка г. Петрова, а затѣмъ и моя должна быть исправлена, по поговоркѣ древнихъ — *«ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia»*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Кіево-Подольська Успенська соборна церковь. Історико-статистическое изслѣдованіе студента 4-го курса кіевской духовной академіи іеродіакона Антонина. Кіевъ. 1891. 8°. 112 стр. Съ 1 рис.

Кіево-Подольська церковь Николая Добраю. Историко-археологический очеркъ. Студента кіевской духовной академіи Александра Георгіевскаго. Кіевъ. 1892. 8°. 175 стр. Съ двумя рис.

Обѣ монографіи писаны на Евгеніе-Румянцевскую премію и обѣ составляютъ полезные своды всѣхъ извѣстныхъ уже свѣдѣній обѣ этихъ кіевскихъ церквахъ. О первой изъ этихъ церквей мѣстными учеными высказано предположеніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть лѣточнисную церковь св. Богородицы, «рекомой Пирогоща», (Чтен. въ Ист. Общ. Нестора лѣтоц., V, отд. 2-е, стр. 113 и слѣд.), начатой постройкою въ 1136 году и оконченной въ 1136 г. Авторъ настоящей монографіи подробно рассматриваетъ это мнѣніе и въ концѣ концовъ соглашается съ нимъ. Послѣдующая судьба Успенской Подольской церкви разсказана кратко (стр. 8—16), по недостатку исторического материала. Авторъ полагаетъ, что «накопившійся вѣками историческій материалъ касательно сей церкви погибъ въ пламени, во время разоренія и пожара Подола при взятіи его «въ августѣ 1651 г. Радзивиломъ, но былъ ли дѣйствительно накопленъ этотъ материалъ—для этого никакихъ данныхъ у насъ неѣть...». Приводя свѣдѣнія о священникахъ Успенской церкви, авторъ подробно говоритъ о знаменитомъ прововѣднику Ioannѣ Левандѣ, который священствовалъ при этой церкви 23 года (1763—786 г.). Въ Успенской церкви сохранились памятники лишь недавней старины, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Старѣйшая чаша церкви, напр., относится къ 1694 г., старѣйшее евангеліе—1693 г., московской пе-

чати. Между церковными книгами довольно интересенъ синодикъ, но его фигурнымъ украшениямъ, относящимъ впрочемъ только къ 1743 г.

Въ описаніи Добро-Николаевской церкви замѣчается большее количество архивнаго материала, а потому и исторія церкви разсказана подробнѣе. Первое извѣстіе объ этой церкви относится къ 1660 г., когда кіевскій полковникъ Дворецкій, укрѣпляя разные «пляцы» за церковью св. Николы Доброго, упомянулъ, что эту церковь небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорожского, фундацію заложивши, побудовалъ. Существуетъ впрочемъ мнѣніе нѣкоторыхъ изыскателей кіевской старинъ, что Кушка былъ лишь возобновителемъ Добро-Николаевской церкви и что послѣдняя де существовала гораздо раньше напечатанія Батыя; такое мнѣніе основывается на записанномъ въ старыхъ рукоисахъ «чудѣ св. Николая о половчинѣ, сотворшемся въ градѣ Кіевѣ», причемъ предполагается, что упоминаемая въ этомъ сказаніи церковь св. Николая и есть именно теперешня церковь Николая Доброго. Отсюда видно, что мнѣніе о древности Доброниколаевской церкви основывается лишь на весьма шаткихъ догадкахъ. Исторія этой церкви съ XVII в. рассказана авторомъ очень подробно съ извѣстною долею даже и критики, безъ которой едва-ли и предстоитъ надобность въ подобныхъ описаніяхъ.. Добро-Николаевская церковь, какъ и Успенская, сохранила тоже мало памятниковъ старинъ. Старѣйшій крестъ этой церкви относится къ 1720 г., а старѣйшее евангеліе къ 1681 г. (тоже московской печати) Въ церковной б-кѣ книгъ старыхъ южнорусскихъ типографій имѣется всего три: Тріодь, 1640 г. и Евхологіонъ 1649 г.—кіевской печати и Тріодь 1646 г.—львовской печати. Но въ церковномъ архивѣ сохранилось нѣсколько актовъ, относящихся къ перв. полов. XVII в. они санктыи къ сожалѣнію, безъ достаточныхъ подробностей и объясненій; слѣдовало бы упомянуть—которые изъ нихъ подлинники и затѣмъ привести отрывки изъ актовъ 1620—1631 г., упоминающихъ о «козакахъ войска запорожского»; слѣдовало бы также объяснить название церковныхъ грунтовъ—«куничными». Болѣе подробнымъ обслѣдованіемъ перечисленныхъ имъ актовъ XVII в., авторъ монографіи могъ бы внести и нѣкоторыя новыя подробности въ топографію Подола XVII в., такъ какъ сіи акты, повидимому заключаютъ въ себѣ таковыя.

Отдавая полную справедливость трудолюбію молодыхъ ученыхъ въ описаніи кіевскихъ церквей, мы находили бы болѣе полезнымъ

для мѣстной исторіи направить эти силы въ описанію кіевскихъ монастырей, и въ особенности Пустынно-Николаевскаго и Выдубицкаго, давно ожидающихъ своихъ историковъ. Особенno интересною должна быть исторія первого изъ нихъ, если будущій историкъ трудолюбиво обслѣдуетъ и затѣмъ представить — повѣсть о земельныхъ богатствахъ Николаевскаго монастыря, который между прочимъ былъ однимъ изъ колонизаторовъ лѣвобережной Малороссіи. Матеріалы для описанія Николаевскаго монастыря сохранились, можно сказать, богатые: кромѣ значительного количества цѣнныхъ бумагъ этого монастыря, находящихся въ библіотекѣ мѣстной духовной академіи, въ монастырѣ имѣется, говорятъ, и свой еще архивъ... Такой же свой архивъ имѣть, какъ говорятъ, и Выдубицкій монастырь, но обстоятельной исторіи этотъ монастырь до сихъ поръ не имѣеть...

А. Л.

Історический очеркъ Милеевской св. Параскавіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Западной Руси. Магистра священника Александра Будиловича. Варшава. 1890. 8°. 216 стр.

Настоящая книжка священника А. Будиловича, составляющая оттискъ изъ Х.-Варшавск. Епарх. Вѣсти, за 1889 г., заключаетъ въ себѣ между прочимъ исторический очеркъ мѣстности, расположенной между рѣчками Вепремъ и Быстрицею, въ Польшѣ, къ сѣверу отъ Люблинского Красностава. Здѣсь жили и живутъ малороссы, какъ объ этомъ подробно говоритъ объяснительная записка къ этнографической картѣ царства польскаго Н. Галкина¹⁾). Въ нач. XVII в. русское населеніе этой мѣстности подверглось сильному давленію епископа Мефодія Терлецкаго, настойчиво обращавшаго народъ въ унію. Можетъ быть эти религіозныя притѣсненія и были одною изъ причинъ, что населеніе здѣшнихъ мѣстъ въ нач. XVII в. стало уходить — далеко на востокъ — на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ новыя свои поселенія называло родными именами Красностава, Холма, Парчова....²⁾ Какъ обстоятельно составленный очеркъ фактической исторіи «Западной Руси» книжка о. Будиловича заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности автору.

А. Л.

¹⁾ Записки Русск. Геогр. Общ. по отдѣлевію Этнографіи, IV. (Спб. 1871.), стр. 160 и слѣд.

²⁾ См. Опис. Ст. Малор., II, 149.

Charles Burnier. En. Russie. Sensations et paysages. Paris et Lassanne 1893 A. Lemerre et F. Payot éditeurs.

Сборникъ стихотвореній Шарля Бюрнѣе—одна изъ многочисленныхъ теперь книгъ, вызванныхъ франко-русскимъ сближеніемъ. Настроение такихъ книгъ по отношенію къ Россіи обыкновенно самое благодушное, такъ какъ французскіе авторы не считаютъ возможнымъ говорить теперь что либо, что не было бы похвалой ихъ союзникамъ. Интересныя съ точки зрѣнія данного момента, такія книги имѣютъ, конечно, преходящее значеніе и не подлежатъ строгому разбору. Всѣми этими свойствами отличается и книга Бюрнѣе, выдѣляющаяся, какъ первый, кажется, опытъ цѣлаго тома стиховъ о Россіи.

Страну нашу французскій авторъ обозрѣваетъ случайнымъ турпостомъ, какъ признается самъ, не зная ни нашего языка, ни нравовъ, ни законовъ. Онъ слѣдуетъ почти обычному маршруту путешественниковъ, начинаетъ Петербургомъ и кончаетъ южнымъ берегомъ, Крыма. Въ столицахъ онъ описываетъ «достопримѣчательности», историческія мѣста и нѣкоторыя случайно встрѣченныя сценки. Особый отдѣлъ посвященъ въ книгѣ, почему то, жиdamъ. Южной Россіи вромъ Крыма, касаются два отдѣла: «Кievъ» и «Въ Степяхъ».

При такихъ данныхъ, наблюденія Бюрнѣе могутъ быть, конечно, только поверхностными, да и впечатлѣнія едвали могутъ быть безошибочными. Его занимаетъ все, какъ непохожая на западную жизнь новинка, и онъ спѣшитъ и читателя поразить сейчасъ этимъ мѣстнымъ колоритомъ:

On s'abfse avec du bois la machine dn train,
Une icône est placé dans la salle d'attente
Le samovar repand sa vapeur excitante,
On boit de la vodka pour aiguiser la faim...¹⁾.

(„La Frontiere“).

Въ Петербургѣ авторъ описываетъ видъ города съ высоты Исаакіевскаго собора, домикъ Петра Великаго, Неву, соборы Казанскій и Петропавловскій, смотрѣ казаковъ, катанья на тройкахъ, цыганъ. Въ томъ же родѣ и описание Москвы, причемъ, конечно, вспоминается двѣнадцатый годъ и походъ Наполеона въ Россію, столь плачевно кончившійся.

¹⁾) Локомотивъ топить дровами, въ станціонной залѣ за стѣнѣ—икона; самоваръ распространяетъ свой возбуждающій паръ, чтобы обострить аппетитъ пить водку. (Стих. „Граница“).

Въ стихотвореніяхъ о Кіевѣ очень большая піеса посвящена богоольпамъ, религіозное усердіе которыхъ очень трогаетъ автора. Затѣмъ слѣдуютъ маленькие наброски, озаглавленные: «Ницій», «Подоль», «Днѣпръ», «Заходъ солнца», «Крестьянки» (продавщицы молока и ягодъ) и, какъ впечатлѣніе народнаго быта, который авторъ наблюдалъ на рынкахъ, улицахъ и на берегу Днѣпра, піеса носящая заголовокъ, «Невинныя удовольствія». Она такъ курьезна, что должна быть приведена цѣликомъ.

Comme des ecuruils, ils grignotent les graines
Du tournesol volant, la mesure, un copec.
Ils crachent autour d'eux le noir tegument sec,
Mais l'amande a le gout douceatre et gras des faines.
Ils boivent lentement l'eau fraiche dont s'nt pleines
Des cruches a la paune arrondie, au long bec,
Ou nagent des quartiers de limons d'or avec
Un gros morceau de glace aux irizantes veines.
Ils se baignent tout nus sur les bords du Dnieper,
Se sechent au soleil, puis s'alignent de pair,
Pour someiller un peu, couchés la tete a l'ombre.
Braves gens, qui rester sans haines ni desirs,
Vous-vous faites ainsi la vie un peu moins sombre:
Adonnez-vous toujours aux innocents plaisirs! 1).

Что это такое—наивность или злая иронія? Рѣшить довольно трудно, но несомнѣнно только, что, прочитавши эту піесу, отъ дальнѣйшаго разбора книги можно смѣло отказаться.

В Г.

Этнографическое обозрѣніе. Книги XV, XVI и XVII (1892 № 4, 1893 №№ 1 и 2).

Въ XV книгѣ «Этногр. Обозр.» помѣщено окончаніе замѣчательного изслѣдованія В. Охримовича «Значеніе малорусскихъ сва-

1) Какъ бѣлы, они грызутъ сѣмена подсолнечника, чашечка которыхъ стоитъ конѣйку. Они отцлевываютъ вокругъ себя сухую, черную скорлупу, зерно же имѣетъ сладковатый и маслянистый вкусъ жолудя.—Они медленно пьютъ свѣжую воду, которой наполнены пузатые кувшинчики съ длинными горлышками, гдѣ плаваютъ куски золотистыхъ ламововъ и большие обломки льда съ радужными жилками.—Голые они купаются на берегахъ Днѣпра, обсушиваются на солнцѣ, потомъ вытягиваются одинъ за однимъ, чтобы подремать немножко, улегшись головою въ тѣнь.—Добрые люди, живущіе безъ вражды и желаній, вы дѣлаете себѣ этины жизни не такою мрачною: предавайтесь всегда невиннымъ удовольствіямъ!

дебныхъ обрядовъ и пѣсень въ исторіи развитія семьи». Здѣсь авторъ группируетъ остатки гетеризма, семьи кровосмѣшительной и пурнадюанской и рода въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, дополняя и разъясняя наблюденія, произведенныя надъ послѣдними, аналогіями, почерпнутыми изъ весеннихъ и купальныхъ игръ, изъ веснянокъ, колядокъ, обжинковыхъ и др. обрядовыхъ пѣсень, причемъ онъ не выходитъ за границы малорусского и бѣлорусского племенъ.

По своимъ задачамъ близка къ изслѣдованію г. Охримовича статья *M. B. Довнаръ-Запольская* «Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ» (XVI и XVII вѣк.), но отличается отъ него въ методологическомъ отношеніи: тогда какъ первый группируетъ изучаемый имъ материалъ въ систематическомъ порядке, второй предпочитаетъ объяснять свадебные обряды въ послѣдовательности ихъ исполненія, причемъ, наряду съ печатнымъ, пользуется и собраннымъ имъ самимъ, пока еще не изданнымъ, материаломъ; обряды бѣлорусской свадьбы онъ ставитъ въ связь съ параллельными фактами изъ ритуаловъ различныхъ индо-европейскихъ народовъ, но почему-то совершенно избѣгаєтъ аналогій съ малорусскими свадебными обрядами.

Закончена печатаніемъ (въ XV книжкѣ) ст. *A. Ветухова* «Народная колыбельная пѣсни». Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ рисуетъ самого творца пѣсни, насколько национальны черты его нашли для себя въ ней отраженіе. «Въ малороссійскихъ пѣсняхъ, говорить онъ,... семейное счастіе ставится выше личного, общественному же благосостоянію приносится въ жертву и то, и другое...» Мать желаетъ ребенку здоровья, хочетъ видѣть въ немъ утѣху и радость себѣ, но въ то же время старается развить въ немъ готовность служить и ближнимъ.... Служеніе дорогой родинѣ—основная черта малоросса,... отразившаяся довольно ярко и въ колыбельныхъ пѣсняхъ.... Не менѣе ярко оттѣняются и другія качества, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ достойно служить обществу и государству: религіозность, честность и правдивость.... Бодрость, веселость духа, какое-то мужество и твердость передъ опасностями и невзгодами почти всегда характеризуютъ малорусскую пѣсню, а вмѣстѣ съ нею и малорусскую женщину».

B. Ф. Миллеръ продолжаетъ печатать «Материалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ» (вн. XV и XVII). Въ одномъ изъ своихъ «Экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса» проф. Миллеръ разви-

валъ предположеніе, что въ битвѣ Добрыни со змѣемъ могли сократиться отголоски исторической борьбы дяди Владимира Добрыни съ новгородскимъ язычествомъ. Въ настоящей статьѣ онъ подтверждаетъ эту мысль сближеніемъ былинаго повѣствованія съ мѣстнымъ новгородскимъ преданіемъ, связаннымъ съ Юрьевскимъ скитомъ, который въ народѣ слытъ подъ именемъ Церюнскаго. Вторая глава въ статьѣ XV книжки посвящена конямъ князя Владимира. Владимиръ представляется въ былинахъ обладателемъ и любителемъ хорошихъ коней. Фактическаго основанія для этого преданія авторъ ищетъ въ лѣтописномъ извѣстіи о мѣдныхъ коняхъ, привезенныхъ Владимиромъ изъ Корсуня. Слѣдующая глава трактуетъ о Даниилѣ Ловчанинѣ. Авторъ пытается решить вопросъ: откуда зашло въ былины имя Данилы, и съ этой цѣлью сближаетъ былину о Даниилѣ Ловчанинѣ съ сказаниемъ о началѣ Москвы, при чемъ высказываетъ предположеніе, что народное преданіе объ убіеніи московского князя Даниила Александровича могло повліять на наименование Даниилой Ловчаниномъ богатыря былины. Въ XVII книжкѣ авторъ помѣстилъ статью «Добрыня-сватъ». Повѣствованіе былинъ о сватовствѣ для Владимира Опраксы Добрынею авторъ сближаетъ съ приведенными въ лѣтописи родовыми преданіями о полоцкихъ князьяхъ и сватовствѣ Владимира, при посредствѣ Добрыни, къ дочери полоцкаго князя Рогволода.

П. И. также продолжаетъ печатать свои интересные материалы «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ», сопровождая ихъ своими обстоятельными комментариями, въ которыхъ сближаетъ ихъ съ апокрифами и др. произведеніями древней книжной литературы. Свой взглядъ на народное творчество авторъ формулируетъ въ послѣдней статьѣ (XVII кн. «Этн. Об.») въ рѣшительныхъ выраженіяхъ. «Можно смѣло утверждать, безъ боязни встрѣтить противорѣчіе — говорить онъ, — что въ наше время народное творчество не производитъ почти ничего нового поэтическаго, что оно большею частію только перерабатываетъ или, точнѣе сказать, портитъ старыя книжныя сказанія.... По нашему мнѣнію, добавляетъ г. П. И., народное творчество и въ старину не было произведеніемъ представителей низшей массы народа, а выходило изъ высшихъ слоевъ его». Въ XVII книжкѣ журнала напечатаны имъ легенды о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событияхъ: всемирномъ потопѣ, Авраамѣ и Лотѣ, Йосифѣ Прекрасномъ, Монсеѣ и царѣ Давидѣ.

Н. Т. Сумцовъ помѣстилъ въ XVI книжкѣ «Этн. Об.» изслѣдованіе, темой для котораго послужила весьма распространенная мало-

русская пѣсня о смерти козака, убитаго въ степи. Авторъ подыскиваетъ для нея параллели въ пѣсняхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, польскихъ, сербскихъ, румынскихъ и даже англійскихъ и шотландскихъ.

Въ XVII кн. тому же автору принадлежитъ небольшая статья «Изъ сказаній о пчелахъ», гдѣ также, между прочимъ, привлеченъ къ сравнительному изученію малорусской материаль.

Статья извѣстнаго путешественника по Азіи Г. Н. Потанина «Персонажъ Наранъ-Гэрель (Лучъ солнца) въ стенныхъ сказаніяхъ» (XV кн.) съ методологической стороны вызываетъ невольное недоумѣніе. Въ монгольскихъ преданіяхъ онъ ищетъ параллелей и для корсунского преданія о Гикіи, дочери Ламаха, и для лѣтописныхъ преданій о взятіи Корсуни, и для легендъ о св. Кириллѣ и о мощахъ царя Клиmenta, но ни одна изъ нихъ не можетъ вызвать къ себѣ довѣрія, по той причинѣ, что основаніемъ для нихъ служить всегда какая нибудь одна черта, обыкновенно, весьма неопредѣленная, и взятая виѣ связи съ деталями разсказа. Въ доказательство приведемъ примѣръ: сравненіе извѣстнаго разсказа Константина Порfirородного о Гикіи съ монгольскими преданіями о спасеніи родины посредствомъ проституції. На самомъ дѣлѣ, въ корсунскомъ преданіи никакой проституції даже и нѣть, мы находимъ тамъ бракъ, заключенный по обоюдному согласію Ламаха съ царемъ босфорскимъ Асандромъ, при чемъ Гикія играла вполнѣ пассивную роль и, конечно, выхода замужъ за сына Асандра, совсѣмъ и не думала о спасеніи родины, которой тогда не угрожала явная опасность; опасность эта открылась для Гикіи случайно, и то лишь три года спустя послѣ выхода замужъ. Остальные подробности корсунского преданія и монгольскихъ не имѣютъ между собою рѣшительно никакого сходства. Или вотъ еще еще параллель разсказа о томъ, какъ та же самая Гикія притворилась мертвой, съ цѣлью испытать вѣрность херсонесцевъ своему слову (въ награду за ея патріотический подвигъ они обѣщались похоронить ее въ чертѣ города), съ сказаніемъ саги о Гаральдѣ, который тоже притворяется мертвымъ, съ цѣлью взять цепріательскій городъ!.. Параллель преданія о взятіи Коростена съ рассказомъ саги о взятіи Гаральдомъ-же города посредствомъ птицъ могла бы еще имѣть значеніе, если бы эти два преданія не стояли другъ противъ друга столь одиноко, какъ у г. Потанина, и если бы она не имѣла характера случайности.

Въ той же книжкѣ *M. K. Васильевъ* окончилъ печатаніе своихъ материаловъ, появившихся подъ заглавіемъ «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа». Въ настоящей книжкѣ материалъ распределенъ по слѣдующимъ рубрикамъ: Молнія, Вѣтеръ, Огонь, Колодецъ, Вода, Земля, св. Понедѣльникъ, Недѣля, Пятница, Мара, Доля, Злыдни.

Дополненіемъ къ материаламъ г. Васильева служить бібліографическая статья *Н. О. Сумцова* о Долѣ и Недолѣ.

Г. *Васильеву* принадлежать также замѣтки «Къ легендамъ о голодѣ, холерѣ и войнѣ» (XV кн.) и «Народная пѣсня о смерти солдата (дополненіе къ ст. Сумцова) (XVII кн.).

В. П. Горленко напечаталъ (въ XV кн.) варіанты двухъ мало-русскихъ думъ: «Азовскіе братя» и «Коновченко». Первая изъ нихъ была списана имъ съ записи взвѣстнаго издателя думъ Лукашевича, послѣ смерти его утраченной, вторая записана г-мъ Горленко лично. Варіанты г. Горленко отличаются интересными подробностями.

Если мы упомянемъ еще о замѣткѣ *A. Малинки* «Преданіе о дрокѣ» (дрокъ—родъ овода), то содержаніе указанныхъ книжекъ «Этн. Обозр.» будетъ исчерпано.

Въ отдѣлѣ «Критики и бібліографіи» помѣщено довольно много отзывовъ о книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи. Отдѣлъ этотъ ведется въ «Этн. Обозрѣніи» съ рѣдкой тщательностью.

В. Я.

Бібліографическія замѣтки¹⁾

II. Русский Архивъ 1893 г. №№ 1 - 10.

Въ статьяхъ г. Труворова (№ 2) „Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за 1891 г.“ встрѣчаемъ упоминаніе о работахъ таврической комиссіи въ 4 выпускахъ, где помѣщенъ рядъ замѣтокъ и изслѣдований по южнорусской исторії. Статья *В. П. Горленка „Миргородъ и Яновщина“* (№ 3)—путевый впечатлѣнія и поэтическія размышленія; на стр. 303—304 передается небезынтересная бесѣда автора съ лакеемъ Гоголя Якимомъ Нимченко. Обращаемъ вниманіе читателей на сводъ данныхъ объ изображеніи Украины французы-

¹⁾ См. „Кiev Стар.“ 1893 г. № 10.

скими писателями, собранныхъ тѣмъ же г. Горленкомъ (№ 6). Въ этой статейкѣ упоминаются Бопланъ, Богюэ, Дерулефъ, а также путешествія де-Лагарда, Тиссо, паконецъ поэтическія произведенія Гриценка. Конечно, съ живымъ интересомъ будетъ прочтена замѣтка М. К. въ № 7 „къ свѣдѣніямъ объ украино-славянскомъ обществѣ, его программа и правила“. Напомнимъ, что обѣ этомъ любопытнѣйшемъ эпизодѣ въ исторіи нашей общественной мысли и правительственной дѣятельности самыя важныя свѣдѣнія помѣщены за 1892-й г. въ № 7. Въ запискахъ Мартоса о турецкой войнѣ 1806—1812 гг. есть упоминаніе о Мазепѣ и его могилѣ (№ 7 стр. 345). По поводу же двухъ частныхъ писемъ, касающихся Малороссіи 1654 го года и извлеченныхъ для № 4 архива яко бы изъ бумагъ О. М. Бодянского (содержаніе писемъ—опасенія малорусского духовенства и отрицательное отношеніе къ соединенію Малороссіи съ Московскимъ государствомъ),—мы должны замѣтить, что письма эти уже были напечатаны О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древ. за 1861 г. кн. III, отд. V, стр. 1—8 съ приложеніемъ польскихъ подлинниковъ, о чёмъ слѣдовало бы издателю Архива, по крайней мѣрѣ, упомянуть.

III. „Русская Старина“ 1893 го г. №№ 1—10.

„Русская Старина“ перенесла въ прошломъ году значительное измѣненіе: вмѣсто умершаго редактора, М. И. Семевскаго во главѣ журнала стали два редактора—гг. Шильдеръ и Зыковъ. Журналъ, впрочемъ, не измѣнилъ своего характера, кромѣ, развѣ, какъ намъ показалось, увеличенія количества обработанного, а не сырого материала, преимущественно появлявшагося въ журналѣ за предыдущіе годы. При новой редакції появился и новый отдѣль бібліографіи—обозрѣніе историческихъ журналовъ.

Отмѣтимъ статьи, касающіяся юга. Въ №№ 5 и 9 помѣщена біографическая статья В. И. Срезневскаго о Вадимѣ В. Пассекѣ и его письма къ И. И. Срезневскому. В. Пассекъ родился въ Сибири (1818), прожилъ девять лѣтъ въ Москвѣ (1825—1834 гг.), гдѣ вращался въ кружкѣ А. Герцена. Въ 1834 г. стремился въ Харьковъ на профессорскую кафедру русской исторіи, но арестъ Герцена и Огарева закрылъ Пассеку доступъ въ университетъ. Три года, однако, Пассекъ провелъ на югѣ Россіи то въ Харьковѣ, то въ своей деревнѣ около Харькова. На югѣ Россіи, В. Пассекъ сталъ страстнымъ украинофиломъ. Около этого времени В. Пассекъ сблизился съ

И. Срезневскимъ, издававшимъ „Запорожскую Старину“. Сходство настроений и возврѣній на исторію юга сблизило обоихъ. Пассекъ издаетъ въ слѣдующіе за 1834 мѣсяцы „Путевыя письма“, „Города Харьковской губерніи съ картами, планами и гербами“, „Курганы и городища въ харьковской губерніи“, навонецъ „Очерки Россіи“, главнымъ образомъ посвященные югу Россіи. Всѣхъ выпускъ изданія было 5 (около 1000 стр., совмѣстно). Въ изданіи принималъ дѣятельное участіе и И. Срезневскій. Дальнѣйшее продолженіе задуманной Пассекомъ работы прекратилось: Пассекъ простудился и умеръ отъ скоротечной чахотки осенью 1842 года. Въ письмахъ къ И. И. Срезневскому видна постоянная заботливость В. Пассека о своихъ изданіяхъ, самая мелочная и тщательная; онъ пишетъ, напримѣръ, о корректурѣ изданія малорусскихъ лѣсенъ: „не надобно писать *что*, не могу его видѣть; вѣрнѣе *то* или *что*“ (№ 9, стр. 550). Любопытна характеристика Одессы (1827 г.) и ея космополитического характера сравнительно съ Харьковомъ, что заставляетъ Пассека воскликнуть: „хотѣлось бы видѣть (въ Одессѣ), хоть скверную, но національную рожу“ (№ 9 стр. 552).

Въ № 6 помещены любопытныя воспоминанія И. Д. С. объ А. А. Котляревскомъ, какъ преподавателѣ специальныхъ классовъ (высшихъ) Московскаго Александровскаго спиртскаго корпуса. Авторъ въ живомъ и любопытномъ очеркѣ представляетъ намъ А. Котляревскаго тѣмъ-же отзывчивымъ, чуткимъ ко всему добруму идеалистомъ, какимъ онъ былъ п. на профессорской кафедрѣ, и въ дружескомъ кругу, и за научной, и за литературной работой. А. Котляревскій руководилъ самостоятельными работами юношей по русскому языку въ тотъ періодъ времени, когда другими руководителями по русскому языку, исторіи, физикѣ, законопадѣнію были такія лица, какъ Бестужевъ-Рюминъ, Феоктистовъ, М. Н. Капустинъ, Любимовъ, Ешевскій и др. Но отношеніе учителя и учениковъ не ограничивались только классомъ. „Теплый, дружескій отношенія—не прекращались и по выходѣ кадетъ изъ заведенія. Молодые офицеры, вчерашие школьніки, въ бытность въ Москвѣ—иѣтъ, иѣтъ, да и забѣгали къ Котляревскому, а лучшіе изъ учениковъ засиживались и по долгѣ; заходилъ и самъ онъ къ нимъ; съ довѣрчивостью относились эти юноши-офицеры къ немногимъ старшему ихъ преподавателю, съ полной откровенностью передавали ему такія интимныя подробности о своей личной жизни, о полковой обстановкѣ, о которыхъ не рѣшились бы никогда сказать своему родному отцу, и въ такихъ то случаяхъ нрав-

ственное вліяніе Котляревского сказывалось въ полной силѣ (стр. 626). Воспоминанія относятся къ 1858—1862 г. Заемствуемъ изъ статьи И. Д. С. описание важныхъ событій въ жизни А. К., относящихся къ 1862—63 гг., о которыхъ известно очень мало. А. К. только что женился тогда и жилъ въ Москвѣ на Бронной. Я. говоритъ И. Д. С., передъ отъездомъ въ Петербургъ рѣшилъ навѣстить знакомыхъ московскихъ. „Еду въ Бронную къ Котляревскому—ничего, не могу добиться толку... Увезли, уѣхалъ... Смутное предчувствіе чего то ужаснаго охватываетъ меня...“ Наконецъ дѣло выяснилось. Котляревский арестованъ по дѣлу Кельсіева и отправленъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость еще въ концѣ іюла (62-ї г.). Впослѣдствіи я слышала отъ Екат. Сем. Котляревской, что за ея мужемъ, повидимому, слѣдили уже въ іюнѣ, и на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву ихъ сопровождалъ сыщикъ — очень любезный и разговорчивый молодой человѣкъ, который обращался все къ Ал. Ал. К.—му съ разными политическими и общественными разговорами А. А. отмалчивался до невѣжливости, такъ что Е. С. даже замѣтила: что же ты, Александръ, ничего не отвѣчашь?... „Зубы болятъ“, проворчалъ на это А. А. Чуть ли не на другой день ихъ прїѣзда на дачу въ Братцово (2-я половина іюна) явились за К—скимъ жандармскій штабъ-офицеръ В—ковъ съ полицейскими чинами, съ понитыми и съ тѣмъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ. который сопровождалъ Котляревскихъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ на квартирѣ уже былъ сдѣланъ обыскъ; повидимому ничего подозрительного не было найдено. К—скаго повезли изъ Братцова къ оберъ-полиціймайстеру, откуда, впрочемъ, скоро отпустили домой. Но 21 іюля его уже арестовали вторично и 23 іюля съ товарнымъ поѣздомъ отправили въ Петербургъ. Тѣхали около трехъ дней. Молодая жена сопровождала его. Далѣе И. Д. С. разсказываетъ, что онъ, конечно, въ Петербургѣ „прежде всего отправился къ Е. С. Котляревской; видѣ ошеломленной, разбитой, глубоко страдающей женщины поразилъ меня, а общее горе сблизило насъ такъ, какъ будто съ дѣтства мы были знакомы. Котляревский оказался совершенно невиновнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ просидѣлъ въ крѣпости около полутора и вышелъ оттуда разбитымъ нравственно и физически“ (стр. 629—630). Такое потрясеніе не прошло даромъ для А. К.: оно во многомъ способствовало въ послѣдствіи преждевременной его кончинѣ (1881-ї г.).

Упомянемъ о рѣчи И. И. Срезневскаго надъ гробомъ Квитки и о письмѣ Срезневскаго къ Н. И. Костомарову по поводу празднованія 100-лѣтія со дня рожденія Квитки (1878-ой г. въ № 8), а также о статьѣ В. Ф. Боянинскаго—Волынское церковно-археологическое древлехранилище (№ 10). Въ № 11 встречаемъ выдержки изъ писемъ принца Карла Нассау къ женѣ подъ заголовкомъ „Императрица Екатерина II въ Крыму въ 1787-мъ году. Письма взяты изъ сочиненія: „Un paladin au XVIII siècle.—Le prince Charles de Nassau Siegen d'apr s sa correspondance original in dite de 1784   1789. Par le marquis d'Aragon. Paris 1893“. Принцъ Нассау былъ посредникомъ при свиданіи короля Станислава и Екатерины; благодаря скоро установившимъ хорошимъ отношеніямъ съ Потемкинымъ, принцу удалось достигнуть желаемаго—свиданія короля и императрицы. Письма рассказываютъ о путешествіи отъ Киева до Канева и пребываніе Екатерины въ Крыму. Къ несчастью нѣть писемъ, касающихся найменѣе известной части путешествія императрицы, отъ Канева до Крыма.

И.

Книги, касающіяся юга Россіи и вышедшія въ концѣ 1892 г. и въ началѣ 1893 г. (1 дек. 1892 г.—1 окт. 1893 г.).

Адресъ-календарь одесского градоначальства на 1893 г. Од. 1892. in-16. LVIII+568 стр. ц. 60 к.

Акунінцевъ И. Я. Путешествіе по югу Россіи и Сѣверному Кавказу. Екатеринославъ. 1893. in-8. 67 стр. ц. 50 к.

Акты по дѣлу гор. Павловска съ именующими себя Павловскими старожилами о землѣ. Ч. II. Производство Харьков. Судеб. Палаты. Спб. 1893. in-8. VI+348 стр.

Акты, издаваемые виленскою археографич. комиссіею. Т. XIX. Акты, относящіеся къ исторіи бывшей холмской епархіи. Вильна. 1892. in-4. CLXXVI+405 стр.

Акты, издаваемые виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XX. Акты, касающіеся гор. Вильны. Вильна 1893. in-4. CCXX+668 стр.

Андреяновъ М. А. Полтавская битва (Чтение для солдатъ и народа). Изд. Педаг. Музея военно-учеб. зав. Спб. 1893. in 8. 18 стр.

Андріевскій А. А. Реляціі кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и. 1769 г. (Отискъ изъ VII кн. «Чтений въ истор. общ. Нестора Лѣтонисца»). К. 1892. in-8. 139 стр.

Андрусофф Н. Геотектоника Керченского полуострова. Съ геолог. картою и 2 табл. (Отд. отт. изъ XXI т. «Матер. для геологии Россіи»). Спб. 1893. in-8. 271 стр.

Антоновичъ В. Е. Материалы по археологии Россіи, изд. Имп. Археологич. Комміссіею. № 11. Древности юго-зап. края. Раскопки въ странѣ древлянъ. Съ 7 план. и 47 политипажами. Спб. 1893. in-4. 78 стр. ц. 2 р.

Багалль Д. И. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ (Крит. оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго «Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридич. быта древ. славянъ» въ Киевѣ). К. 1892. in-8. 59 стр.

Безплатная лечебница для приходящихъ, учрежденная граф. С. С. Игнатьевою. Отчетъ за 1892 г. К. 1893. in-8. 17 стр.

Березинская система и предполагаемый днѣпровско-двинскій путь. Отчетъ комиссіи по изслѣдованию Зап. группы искусств. водныхъ системъ. Спб. 1893. in 8. 208+176 вен. стр. и 2 карты.

А. Л. Бертьє Делагаръ. Материалы по археологии Россіи, изд. Имп. археологическою комиссіею. №12. Древности южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Съ 7 табл. и 2 политип. Спб. 1893. in-4. 64 стр. ц. 2 р.

Бершадський С. А. О наслѣдованії въ вымороочныхъ имуществахъ по Литовскому праву. Спб. 1892. in-8. 94+2 стр.

Британъ М. И. Настольный литературно-экономический календарь «Бессарабія» на 1893 г. съ справ. отд. и адресъ-календаремъ. Кишиневъ. 1892. in-8. 181+IV стр. ц. 50 к.

Броуновъ И. И. Труды приднѣпровской метеорологической сѣти. Т. I, вып. 4: Свѣжный покровъ въ бассейнѣ Днѣпра въ февр., март., апр. и маѣ 1893 г. К. 1893 г., 8 л., 26+1 стр. и 1 картина.

Тоже, вын. 6-й: Замерзаніе въ вскрытие водъ въ зиму 1892--93г. К. 1893 г., 8 л. 22 стр.+1 картина.

Бюллетень Одесской Земской управы. Сост. стат. бюро одес. земскихъ управы № 2 ноябрь и декабрь 1892. Од. 1893. in-8 23 стр.

Бѣлошиць-Котляревскій Н. свѧщ. Историческое обозрѣніе Комышанскаго (преобразованного въ двухклассное) сельского народного училища за время его 50-лѣтняго существования. Съ 1843 по 1893 г. М. Комышна. 1893. in-8. XI+87+53 стр.

Васюта О. Мусій Крыныця, або правда кривду переважъть. Севастополь, 1893. in-16. 30 стр. ц. 10 к.

Василенко А. Найкращи Малоруськи писни. Екатеринославъ. in-16. 74 стр. ц. 40 к.

Великий князь Ярославъ I Великий. (Разсказы изъ рус. исторіи). Изд. 3. М. 1893. in-8. 52 стр. ц. 10 к.

Величковский Алексѣй, свящ. Краткій исторический очеркъ распространенія христіанства въ Черниговской землѣ. Рѣчь, сказанная на торжественномъ актѣ черниговской гимназіи. 1892 г. октября 1-го. Черниговъ. 1892. in-8. 13 стр.

Велицынъ А. А. Нѣмцы въ Россіи. Очерки исторического развитія и настоящаго положенія нѣмецкаго колоній на югѣ и востокѣ Россіи. Изд. «Рус. Вѣстн.» Спб. 1893. in-8. 280+2 стр. ц. 1 р. 50 к.

Венірженовскій Серій. Авантюра XVI в. (эпизодъ изъ исторіи Молдав. княж.) (Отт. изъ ж. «Кievsk. Стар.»). К. 1893. in-8 56 стр.

Вериго А. проф. Изъ отчетовъ городской химической лабораторіи въ Одесѣ. Изд. одесск. гор. общ. управлениія. Од. 1893. in-8. 7 стр.

Вержбницкій Т. І. Памятная книжка курской губ. на 1893 г. Изд. курск. стат. ком. Съ 7 видами Курска и 1 портр. Курскъ. in-8. 36+1+40+10+82+17+127+227+V стр. ц. 1 р. 30 к.

Вержболовичъ М. Исторія минской духовной семинаріи. Вып. I. Дореформенный періодъ. Минскъ. in-8. 187 стр.

Верещинскій Л. Рабочій шахтеръ въ Донецкомъ бассейнѣ. Очеркъ. Слб. in-8. 18 стр. ц. 50 к.

Викула П. Ф. свящ. По поводу столѣтія возсоединенія Подолія съ Россіей. 1793. Прошедшее Подолія. Изд. 2-е Каменецъ Подольскъ. 1893 in-16. 64 стр. ц. 10 к.

Витеръ. Народная казка. Хар. 1893. in-16. 24 стр.

Владимирскій Будановъ М. Ф. Крестьянское землевладѣніе въ Запад. Россіи до пол. XVI в. (отт. изъ VII кн. «Чтений въ ист. общ. Нестора Лѣтописца»). К. 1892. in-8. 83 стр.

Волынскій народный календарь на 1893 годъ. (Годъ 5-й). Изд. Ф. Деничук. Житомиръ. 1892. in 8. 9^о. стр. ц. 20 к.

Второе продолженіе каталога библіотеки Импер. Харьковскаго университета. Вып. 2-й. (V. Историческая науки. VI Филология). Харьковъ. 1892. in 8. VIII+съ 765—1438 стр. столб.

Гаврышичъ Ал. Закохана. Поэма. К. 1893. in-8. 16 стр. ц. 5 к.

Гая и Назаръ, или добро за зло. Повѣсть, заимствованная изъ соч. Т. Г. Шевченка. Изд. Губанова. М. 1893. in-16. 106 стр.

Георгиевскій Алексадръ. Киево-Подольская церковь Николая Доброго. (Ист.-археол. очеркъ, писанный на Евгеніе-Румянц. премію). К. 1892. in-8. II+175 стр. ц. 1 р.

Николай Васильевичъ Гоголь, какъ учитель жизни. М. 1893. in-16. 72 стр.

Гоголь Н. В. Сочиненія. Изд. 11-е Ред. Н. С. Тихонравова. Съ 2 портр. Гоголя, 2 автографа, и 3 собственноруч. рис. 5 томовъ. Спб. 1893 in-8. XII+488+591+583+611+419 стр. ц. 6 р.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Иллюстрир. изд. Спб. 1893. in-8. 170 стр. ц. 30 к.

Гоголь Н. Старосвѣтскіе помѣщики. Перевелъ Атанасянцъ (отд. отт. изъ сб. „Араксъ“). Спб. 1893. in—8. 32 стр. (На армянскомъ яз.)

Горленко В. Изъ исторіи южно-русского общества начала XIX в. (Письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полѣтики и замѣтки къ нимъ, съ портр. В. Г. Полетики). К. in -8. 36+14 стр.

Городское общественное управление въ 1893 г. Одесса. Изд. одесс. гор. общ. упр. Од. iп—8. VIII+81+9 стр. и 2 плана.

Григорій, архим. настоят. иѣжинск. Благовѣщенск. монастыря. Празднованіе 50-лѣтнаго юбилея его. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892. in — 8. 23 стр

Грушевскій М. Къ вопросу о Болоховѣ. (Отт. изъ VII кн. „Чтений въ ист. общ. Нестора Лѣтописца“) К. in—8. 9 стр.+1 карта.

Д—скій А. Система карательныхъ мѣръ въ Запорожье. (Истор.-Юрид. очеркъ). Изд. ред. ж. „Кіев. Стар.“. К. 1893. in—8. 66 стр.

Дабижса А. князь. Малороссійская обитель на Аeonѣ. К. 1893. in—8. 7 стр.

Данилевичъ В. Е. Монетные клады, принадлежащіе Мюнцъ-Кабинету Университета св. Владимира. II (отт. изъ „Упив. Изв.“ за 1893 г.) К. 1893. n—8. стр. 21—44.

270-е засѣданіе Имп. Одесского Общества исторіи и древностей 24 мая 1893 г. Од. in—8 17 стр.

267-е засѣданіе Имп. Одесского Общества исторіи и древностей. Од. in—8. 8 стр.

Десятилѣтіе архипастырского служенія преосвященнѣйшаго Веніамина въ черниговской епархіи. (Извл. изъ „Черниг. Еп. Изв.“ 1892 г.). Черниговъ. 1892. in—8. 15 стр.

Десятилѣтіе народныхъ чтеній въ г. Одессѣ (1882—1892). Къ отчету одесск. славянского благотворительного общества свв. Кирилла и Меѳодія за 1892 г. Од. 1893. in—8. 22 стр.

Димитровъ В. Н. Осмотръ пещерь во время поѣздки на Чатырдагъ 29 июня 1892 г. (Съ прил. карты и 2 табл. метеоролог. наблюден.) (Изъ зап. крым. горн. клуба за 1893 г.) Од. 1893. in—8. 11 стр.

Довнаръ-Запольскій М. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Этнogr. этюдъ. (Отт. изъ „Гродн. Губ. Вѣд.“). Гродно. 1893. in--8. 69 стр.

Житомецкій П. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Изд. ред. ж. „Кіев. Стар.“ К. 1893. in—8. IV+249 стр. II. 2 р.

Житіе преп. Автонія печерського. Од. in—8. 19 стр.

Житіе преп. Арефія печерського. Спб. in—16. 8 стр.

Житіе преп. Іоаносія печерського. Од. in—8. 48 стр.

Журналъ совѣта братства св. Михаила, князя Черниговскаго отъ 26 марта (4 и 6 мая) 1892 г. (Извл. изъ Чернигов. Еп. Изв." 1892 г.) Черниговъ. 1892. in—8. 12 стр.

Запорожскій атаманъ Грицко Нечай. Изд. Т. Кузина. Спб. 1893. in—16. 95 стр.

Звѣресь Ст. Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 годъ. Изд. ворон. стат. ком. Воронежъ. 1893. in—8. VI+12+35+116+176+78 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Земско-медицинскій сборникъ. Вып. VI. (Губерніи: Бессарабская, Влади-мірская, Воронежская, Вятская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Полтав-ская, Рязанская, Самарская, и Тамбовская). Обработалъ Д. Н. Жбанковъ. (Общ. рус. врачей въ пам. Н. И. Порогова). М. 1893. in—8. 56+17+6+29+66+25+46+70+28+13+67+105+89+17+84+25 стр.

Зинченко Н. Мысъ Фіолентъ и Георгіевский Монастырь въ Крыму (891—1891). По пов. 1000-лѣтія основанія монастыря. Изд. 2-е. Спб. in—8. 32 стр.

Златоуорскій Н. Первый западно-русскій справочный календарь на простой 1893 годъ. Вильно. 1892. in—8. 72+54 стр. Ц. 25 к.

Значеніе этнографическаго изученія Гродненской губерніи (отт. изъ „Гродн. Губ. Вѣд.“). Гродно. 1893. in—8. 11 стр.

Знойко Н. Исторический очеркъ Ришельевской гимназіи. (За періодъ времени съ 1881 по 1892 г.) Сост. по пор. педаг. сов. Од. 1893. in—8. 73 стр.

И. М. Ж. Князь Владимиръ Красное Солнышко. Повѣствованіе о томъ, какъ онъ княжилъ въ столичномъ градѣ Киевѣ и крестилъ святую Русь. Изд. Морозова. М. 1893. in—16. 36 стр.

Извинѣ И. Илья Муромецъ, набольшій богатырь Кіевскій во времена св. кн. Владимира. Сост. по лучшимъ русскимъ былинамъ, собр. Сахаровымъ, Рыбниковымъ и Кирѣевскимъ. М. 1893. in—16 102+II стр.

Jež T. T. Ze wspomnieni Odesskich. Варш. 1893. in—8. 55 стр.

Извлеченіе изъ протоколовъ Кіевской духовной академіи за 1890—1891 г. К. 1892. in—8. 383+45+58 стр.

Извѣськоѣ Н. свѧц. Статистическое описание православныхъ приходовъ Литовской епархіи. Вильно. in—16. 161 стр.

Jilinsky, lieut.-gen. et schort sketch of the Work of canalization of Polesie (Marshes of Pinsk in Western Russia). Спб. 1893. in—8 11 стр.

Jilinsky lieut.-gen, A short szetch of the Work of irrigation in the south of Russia accoplished by order of the Ministry of imperial Domains. Спб. 1893. in—8, 13 стр.

Інструкція для учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ корольскаго уѣзда. Полтава. 1893. in—8 89 стр.

Историко-юридические материалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губ., хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебске, и изданные подъ ред. и. д. архиваріуса сего архива М. Веревкина. Вып. 23-й. Витебскъ. 1892. in—4. VIII+512+6 нен.+XXX стр. ц. 2 р.

Календарь Черниговской епархіи на 1893 г. (Годъ 3-й). Черниговъ. 1893. in—8. 393 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь Черниговской губ. на 1893 г. Изд. Черниг. губ. стат. ком (Годъ 7-й). Черниговъ. 1892. in—8. 337+VI стр. Ц. 1 р.

Караманенко С. сан. врачъ. Азіатская холера въ одесскомъ уѣздѣ. 1892 г. (Пъзъ медич. и санитар. отчета по одесск. уѣзду за 1892 г.) Од. 1893. in—8. 56 стр.

Карскій Е. Ф. Православныя святыни гор. Вильна. Спб. in—8. 44 стр.

Карскій Е. Ф. Къ вопросу о разработкѣ старого западно-русскаго нарѣчія. Бібліогр. очеркъ. Вильна. 1893. in—4. 48 стр.

Каталогъ бібліотеки Импер. Одесского общества исторіи и древностей. Од. 1893. in—4. 81 стр.

Кеїтка Григорій (Основ'яненко). Драматическая сочиненія. Изд. Іогансона. К. 1893. in—8. 246 стр. Ц. 35 к.

Кіевъ въ карманѣ. Путеводитель съ адресъ-календаремъ, историч. описаніемъ Кієва и анекдотами. Изд. С. Гомолинскаго. К. in—16. 107 стр.

Кіево-Печерская Гімназія. Отчетъ о состояніи гімназіи за семилѣтній періодъ ея существованія (1885/86—1891/92). Съ приложеніями. 1. К. 1892. in—8. XCIVIII+156 стр.

Кіевскій всенародный календарь на 1894 г. Изд. Губанова. Съ картой жел. дор. К. in—8. 192 стр. Ц. 25 к.

• Кіевскій всесобщій календарь на 1894 годъ. Москва. Изд. Сытина, 8 л., 182 стр., Ц. 20 к.

Кипріановичъ Г. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и віленскаго и возсоединеніе зап.-руссскихъ юніатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Съ 3 портр. Вильно. in—8. IV+XIII+448 стр.

Клоссовскій А. Климатъ Одессы по наблюденіямъ метеорол. обсерваторіи Имп. Новор. університета Од. 1893. in—4. 71 стр. и 1 табл.

Кононенко М. С. Княгиня кобзарь. (Баллада). К. 1893. in—8 35 стр. Ц. 15 к.

Кость Лирнікъ. Писни Лирніка. Написавъ въ Полтави въ 1887-мъ року. Спб. 1892. in-8. 156 стр.

Котляревскай И. П. Москаль-Чаривникъ. Малор. опера въ 1 дѣйств. Изд. 2-е Іогансона. К. 1892. in—64. 127 стр.

Коханский В. Одесса и ея окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга съ 4 планами, 4 картами, и 90 рис. (4 годъ изд.) Од. 1893. in—8. 360+228 стр. Ц. 40 к.

Краткая историческая записка Кіевскаго реального училища (1873—1892 г.). Составлена для гигієнич. выставки въ С.-Петербургѣ. К. 1893. in—8. 31 стр.

Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго Могилевскаго реального училища за 1891—92 г. Могилевъ ни Даѣпрѣ. 1893. in—8. 47 стр.

Краткое описание житія иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа воронежскаго. Съ изображеніемъ святителя и снимкомъ съ собственноруч. его письма. М. 1892. in—8. II+90 стр.

Круковскай В. Отчетъ о состояніи Черниговской гимназіи за 1891—92 уч. г. Черниговъ. 1892. in—8. 51 стр.

Крыжановскай Е. М. Собрание сочиненій. З т. К. 1890. in—8. XLIX+652+981+784+XL стр.

Кудринскай О. Божій часъ. (Изъ недавн. прошлаго). Изд. ж. «Кіев. Ст.». К. 1892. in-8. 18 стр.

Кудринскай О. Замчиско. Разсказъ. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). К. 1893. in-8. 14 стр.

Кудринскай О. Фаддей Чацкій. Изд. ред. ж. «Кіев. Стар.». К. 1893. in-8. 27 стр.

Левицкай О. И. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ южной Руси. К. 1982. in-8. 16 стр.

Левицкай О. И. Опись актовой книги Кіевскаго центральнаго архива № 2084. (Официальное изданіе архива). К. 1892. in-8. 56 стр.

Леопардовъ Н. О началѣ Славяно-Руси со стороны историко-археологической. К. 1892. in-8. 33 стр.

Лилеевъ М. И. Новые материалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVI—XVIII вв. К. 1893. in-8. XXIII+278+V стр.

Липранди А. П. (А. Вольненцъ) «Отторженная возвратихъ». Паденіе Польши и возсоединеніе Зап.-русскаго Края. Спб. 1893. in-8. 80 стр. Ц. 1 р.

Лозово-севастопольская жел. дорога. Статистика перевозовъ грузовъ, совершенныхъ по лозово-севастоп. ж. д. въ 1892 года, отправленіе, прибытие и транзитъ. Спб. 1893. in-8. VIII+317 стр.

Лонгиновъ А. В. Князь Федоръ Любарть Ольгердовичъ и родственныя связи русскихъ князей съ угорскимъ домомъ. Вильно 1893. in-8. 54 стр.

Любавскій Матвій. Областное дѣлленіе и мѣстное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута. Историч. очерки съ картою Литовско-русск. государства въ концѣ XV и нач. XVI вѣк. (Изъ «чтений въ Имп. общ. ист. и др. Рос. при Моск. универ.»). М. 1893. in-8. VIII+884+C+VI стр.

Льсковъ А. С. д-ръ. Санитарный отчетъ о ходѣ холерной эпидеміи 1892 года въ г. Киевѣ. К. 1893. in-8. 35 стр.

Ляцкій З. А. Значеніе литовского языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Сообщеніе IX археол. съѣзду. Поневѣжъ 1893. in-8. 46 стр.

Мир-скій К. П. Бабське військо. Пов изъ Малор. нар. быта. Од. 1893. in-16. 30 стр.

Мир-о-ю К. П. Жиночи хытрощи. (Малорос. нар. повѣсть) Од. 1893. in-16. 29 стр.

Мир-ой К. П. Максимъ Лобода и его бида. (Малороссійська повість зъ народного побыту). Од. 1893. in-16. 30 стр.

Мазепа Іванъ гетьманъ Малороссії. Истор. разсказъ въ 2 частяхъ. Части 1 и 2. М. 1893. in-16. 71 стр.

Маріуць-Гринева М. Н. Отчетъ по ея женской практической школѣ сельского хозяйства и домоводства. Съ 31 марта по 1 ноября 1893 г. К. 1893. in-8. 7 стр.

Маркевичъ А. И. проф. Южная Русь при Екатеринѣ II. Од. 1893. in-8. 31 стр.

Марковичъ, Дмитрий. Замѣтки и воспоминанія объ Аѳанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ. Изд. ред. ж. «Кiev. Стар.». К. 1893. in-8. 28 стр.

Марковичъ Яковъ, генеральна. подскарбій. Дневникъ его. (1717—1767 г.). Изд. «Кiev. Стар.» подъ ред. Ал. Лазаревскаго. Ч. I (1717—1725). К. 1893. in-8. XVI+329 стр. Ц. 2 р.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Вып. I. К. 1893. in-8. V+217 стр. и XIV табл.

Мельниковъ Н. П. инж.-техн. Замѣтка къ исторіи старого Переяславского канала. Съ прил. рис. канала. Од. 1893. in-8. 28 стр.

Миллеръ Д. П. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Историч. разсказъ. Изд. Харьк. общ. распр. въ народѣ грамотности. Хар. 1893. in-16. 46 стр.

Милорадовичъ графъ. Любечъ и его святыни. Черниговъ. 1892. in-8. 70 стр.

Милорадовичъ графъ. Чудотворная Любечская икона Божіей Матери въ Любечѣ. Съ тропаремъ, кондакомъ и молитвою. Изд. З. М. in-16. 36 стр.

Милорадовичъ В. Рождественскія святки въ сѣверной части Лубенскаго уѣзда. Изд. Полтав. губ. стат. ком. Полтава. 1893. in-8. 24 стр.

Мирославский К. П. Весели полтавци. Украинская комедия въ 3 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Од. 1893. in-8. 62 стр.

Мирославский К. П. Замордованый Марко, або зъ мылымъ зустрялася тай одруженая: Малорос. оперетта въ 1 дії. Од. 1893. in-8. 30 стр.

Мирославский К. П. Гайдамаки. Историч. картины временъ гайдамачества въ 4 дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами. Од. 1893. in-16. 63 стр.

Мирославский К. П. Козаче серце. Историч. картины въ 3 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Од. 1893. in-16. 64 стр.

Мирославский К. П. Гетманци. Историч. картины временъ Запорожья въ 4 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Од. 1893. in-8. 62 стр.

Михаилъ, митрополитъ Киевскій XII в 1131—1147 (отт. изъ «Кiev. Стар.»). К. 1892. in-8. 14 стр. .

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектології. А. И. Соболевскій «Очеркъ русской діалектології. II Малорусское нарѣчіе». (Живая Старина, вып. VI 1892 г.). (Оттискъ изъ журнала „Кiev. Стар.“). Киевъ 1893 г.; 8 д., 35 стр.

Михальчукъ К. Статистика въ области діалектології (А. А. Дикаревъ Воронежскій Этнографич. Сборникъ 1891 г.). (Отт. изъ ж. «Кiev. Стар.»). К. 1893. in-8. 20 стр.

Можайскій Иванъ. Святые мученики: князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Феодоръ. Стихотвореніе. Новгородъ. 1893 in-8. 11 стр. Ц. 10 к.

Мукаловъ Н. Народная школа въ Юго-Зап. Ераф. (Ист.-статист. очеркъ). К. 1892. in-8. 60 стр. Ц 50 к.

Надлеръ В. К. проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Од. 1893. in-8. 100 стр.

Надлеръ В. К. проф. Дюкъ де-Ришелье на Кавказѣ. Основаніе Ново-rossійска. Од. 1893. in-8. 16 стр.

Надлеръ В. К. пр. Къ изученію исторіи г. Одессы. Од. 1893. in-8. 11 стр.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ф. Квитки Основъяненка. I. Біографическій очеркъ. II. Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики. Съ портретами Г. Ф. Квитки. (Оттискъ изъ журнала «Кievская Старина»). Киевъ 1893 г., 8 д., 59 стр.

Недоборовскій Зосима. Мои воспоминанія. Изд. ред. ж. «Кiev. Стар.» К. 1893. in-8. 20 стр.

Neufeld A. Die Chortitzer Centralschule 1842—1892. Zum funfzigsten Jahrestag der Schule. Бердянскъ. 1893. in+8. 30 стр.

Никольскій Н. П. Мангупъ-Кале. (Съ прил. карты). (Изъ Зап. Крымск. горн. клуба за 1893 г.). Од. 1893. in-8. 15 стр.

Новороссійскій календарь на 1893 годъ, изд. Одес. город. общ. управлениемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Т. 2. Отд. IV литературный. Од. 1893. in-8. 208 стр.

Новороссійський календарь на 1893 годъ, изд. город. обществ. управлениемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Од. 1892. in-8. 224+227+VII стр. Ц. 1 р.

Нѣсколько словъ, поученій и бесѣдъ по случаю празднованія 900-лѣтія учрежденія епископской каѳедры на Волыни. Изд. свящ. М. Н. Житомиръ. 1892. in 8. 168+II стр.

Сбзоръ дѣятельности одесского отдѣленія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями за 25 лѣтъ его существованія (1867—1892). Од. 1893. in-8. 27 стр.

Обзоръ. Одесский календарь-альманахъ на 1893 г. Съ мѣстнымъ отдѣломъ и адресъ-календаремъ г. Одессы. Изд. подъ ред. Г. Каранта. Од. 1893. in-8. 120+72 стр.

Общество Донецкой каменно-угольной ж. д. Отчетъ по эксплоатации за 1892 г. М. 1893. in-4. 161+37. стр. и 34 приложений. Приложение 16 вѣдомостей.

Общество Лозово-Севастопольской жел. дороги. Отчетъ по эксплоатации дороги за 1892 г. Спб. in 4 67 $\frac{1}{2}$ печ. л.

Общественная дѣятельность женщины въ Одессѣ Изд. Одесского город. общ. управления. Од. 1893. in-. 15 стр.

Овсяннико-Куликовскій Д. А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель (оттискъ изъ журнала «Кievская Старина»). Киевъ 1893 г., 8 л., 59 стр.

О выборѣ мѣста для санитарного средне учебнаго заведенія въ Крыму. («Крымскій горный клубъ»). («Изъ Запис. Крым. Горн. Клуба» за 1892 г.). Од. 1892. in 8. 13 стр.

Одесское городское обществ. управление. Городскія учрежденія по народному образованію. К. 1893, in-4, 76 табл., чертежей и снимковъ.

Одесский юмористический календарь съ карикатурами на 1893 г. Изд. Монть-де-Пена и фонъ-Гигтова. Годъ 1-й. Од. 1892. in-8. 39 стр. Ц. 20 к.

О новодворской иконѣ Божіей Матери, главной святыиѣ Каменского монастыря. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.). Черниговъ 1892. in-8. 12 стр.

Оношко Г. И. Краткій физико-географическій очеркъ. Гродненской губ. Гродно 1893. in-8. 52 стр. и 1 карта.

Опись Конотопской сотни 1711 года Изд. А. Лазаревскій. Черниговъ. 1892. in-8. 30 стр.

Отчетъ вѣжинского братства «Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости» съ 24 окт. 1891 по 24 окт. 1892 г. Черн. Еп. Изв. 1892. in-8. 20 стр.

Отчетъ Кіевскаго Свято-Владимірскаго братства ревнителей православія за 28-й годъ существованія его съ 1 авг. 1891 по 1 авг. 1892 г. К. 1892. in-8. 14 стр.

Отчетъ о дѣятельности историко-филологического общества при Имп. Новороссійскомъ университѣтѣ за 1891—1892 гг. in-8. 7 стр.

Отчетъ и протоколы физико математического общества при Имп. университѣтѣ св. Владимира за 1892 г. (Отт. изъ «Унив. Изв.») К. 1893. in-62+16+7+5+8 стр.

Отчетъ первой одесской, городской бесплатной народной читальни за 1892 г. Од. 1893. in-8. 20 стр. I планъ.

Отчетъ одесского общества изящныхъ искусствъ за 1892 г. Од. 1893 in-8. 23 стр.

Отчетъ Маринской общины Россійскаго общества Краснаго Креста за 1892 г. К. 1893. in-8. 39+9+28+4+8+4 стр.

Отчетъ Киевскаго отдѣленія Имп. русск. музыкального общества и учрежденного при немъ Музыкального училища, за 1891—92 г. К. 1893. in-8. 24 стр.

Отчетъ Киевскаго общества поощренія художествъ, состоящаго подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Е. И. Вел. Князя Владимира Александровича Съ 15 ноября 1891 г. по 15 ноября 1892 г. К. 1893. in-8. 30 стр.

Отчетъ правленія одесского славянскаго общества имени свв. Кирилла и Мефодія за 1892 г. Од. 1893. in-8. 63 стр.

Отчетъ о дѣятельности одесского мѣстнаго управлениія россійскаго общества Краснаго Креста за 1892 г. Од. 1893. in-8. 96 стр.

Отчетъ Талмудъ-Торы гор. Бердичева. Съ 1 янв. 1892 по 1 янв. 1893. Бердичевъ. 1893. in 8. 47 стр. (На еврейск. яз.)

Отчетъ правленія евангелической больницы въ Одессѣ за 1892 г. Од. 1892. in-8. 30 стр.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. Харьковскаго университета за 1891 годъ и рѣчь орд. проф. Ир. П. Скворцова. Хар. 1892. in-8 184 стр.

Отчетъ выборныхъ 17-му съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи съ 1 сент. 1891 по 1 сент. 1892. Хар. 1892. in-8. 31+45 стр.+7 абл.

Отчетъ о взаимномъ земскомъ страхованиі отъ огня по Харьковской губ. за 1891 г. Хар. 1892. in-8. 32 стр. и 7 табл.

Отчетъ уполномоченныхъ XVI съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, представленный XVII съѣзду о результатахъ ходатайствъ о нуждахъ горной промышленности на югѣ Россіи. Хар. 1892. in-8. 52+129 стр.

Отчеты щигровскаго общества сельскаго хозяйства за 1891—92 г. Курскъ. 1892. in.-8. IV+61 стр.

Отчетъ Киевскаго биржевого комитета за 1892 годъ. К. 1893. in 8. 42 стр

Отчетъ о состояніи Киевской 4-й гимназіи за 1891—92 учеб. годъ К. 1893. in-8. 34 стр.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школа грамоты черниговской епархіи за 1890—91 учеб. годъ. (Извл. изъ «Черн. Епарх. Изв.» 1892 г.) Черниговъ. 1892 г. in-8. 90 стр.

Отчетъ о дѣятельности Луцкаго православнаго Крестовоздвиженскаго братства, за 1891—92 г. К. 1893. in-8. 33 стр.

Отчетъ о состояніи техническихъ классовъ при смѣлянскомъ заводскомъ училищѣ граф. Бобринскихъ за 1891—92 уч. г. К. 1892. in-8. 18 стр.

Отчетъ Киевскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища за 1891—92 уч. г. К. 1893. in-8. 21 стр.

Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, за 1892 г. Од. 1893. in-8. 193+36+6 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1892 г. Од. 1893. in-8. 23 стр.

Отчетъ Имп. одесского общества исторіи и древностей за 1892 г. Од. in-8. 52 стр.

Отчетъ о состояніи Немировской гимназіи за 1891—92 г. Немировъ. 1893. in-8. 63 стр.

Отчетъ одесскаго комитета правосл. місіонерскаго общества за 1892 г. Од. 1893. in-8. 10 стр.

Отчетъ одесскаго фармацевтическаго общества за 1892 годъ. Од. 1893. in-8. 22 стр.

Отчетъ о дѣятельности одесскаго отдѣленія Имп. русскаго техническаго общества за 1892 г. Од. 1893. in-8. 84 стр.

Отчетъ еврейскаго одесскаго общественнаго училища „Ешиботъ“ за 1892 г. Од. 1893. in-8. 15+9 стр.

Отчетъ о состояніи Киевской рисовальной школы за 1892 годъ. К. 1893. in-8. 16 стр.

Отчетъ попечителя Киевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1892 г. К. 1893. in-8. 45+122+24+52+14+14+14+79+41+10+11+12 стр.

Отчетъ попечительнало совѣта одесской Талмудъ-Тары за 1892 г. Од. 1893. in-8. 43 стр.

Отчетъ Асбѣевской пізшней сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1891 годъ. Хар. 1892. in-8. 83 стр.

Отчетъ медицинскій и ветеринарный по Зміевскому уѣзду за 1891 г. Хар. 1892. in-8. 112 стр.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго общества распространенія грамотности въ народѣ за 1891 г. Хар. 1892. in-8. 29 стр.

Отчеты о пародныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ за 1891—92 учеб. годъ Хар' 1893 in-8. 16 стр.

Отчетъ одесской лѣчебницы для приходящихъ за 1892 г. (58-й. годъ существованія) Од. 1893. in-8. 13 стр.

Отчетъ одесского отдѣленія Имп. рус. музыкального общества съ 1 сент. 1891 по 1 сент. 1892 г. Од. 1893. in-8. 46 стр.

П—ев А. Артистка малорусской труппы М. К. Зеньковецкая. Краткій біограф. очеркъ съ характеристикою ея дарованія въ отзывахъ лучшей театр. критики, фотограф. портретомъ и посвященными ей стихотвореніями. (По по-виду 10-лѣтней дѣятельности). Од. in-8. 12 стр. ц. 60 к.

Пазухинъ А. Егоръ Урванъ, атаманъ запорожскаго войска. Историч. повѣсть. М. 1893. Изд. Сытина и К°. in-16. 142 стр.

Памятная книжка для гг. членовъ одесского отдѣленія, посѣтившихъ Киевъ въ маѣ 1893 г. (Київською отдѣленію Имп. русскаго техническаго общества) К. 1893 in-8. 52 стр. плана.

Памятная книжка Виленской губ. на 1893 г. Изд. Вилен. губ. стат. комитета подъ ред. А. И. Шверубовича, Вильно. 1892. in-8. XII+56+436+167 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Городненской дирекціи нар. училищъ за 1892—93 г Изд. гродн. дир. нар. учит., Гродно. 1892. in-8. 66 стр.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1893 г. Изд. Кіев., губ. стат. комитета К. 1893. in-8. 185+79+35 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Гродненской губ. на 1893 г. Изд. Гродн. губ. стат. Ком. подъ ред. А. Э. Штритея. Гродно. 1892. in-8. 30+XXXVI+297+46+77+60+25+35 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка и адресъ календарь полтавской губ. на 1893 г. Сост. Д. А. Иваненко. Полтава 1893 in-8. 62+83+281+150+46 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Могилевской губ. Сост. могилев. губ. стат. комитетомъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1893. in-8. VI+441+XXXIII стр. ц. 1 р.

Петровъ Н. Новооткрытый Кіевскій проповѣдникъ второй половины XVII в. (Изъ ж. „Труды Кіев. дух. акад.“ 1892). К. in-8. 34 стр.

Петропавловскій И. Сильвестръ II, князь Святополкъ-Четвертинскій, еп. Могилевскій и состояніе при немъ православной церкви въ Могилевской епархіи (1704—1728) (отт. илъ „Могил. Еп. Вѣд.“) Могилевъ на Днѣпрѣ. in-8. 100 стр.

Платоновъ Іоаннъ прот. Общій очеркъ судебъ Черниговской епархіи

Платоновъ Іоаннъ прот. Общій очеркъ судебъ Черниговской епархіи въ ея прошлой церковно-исторической жизни. Въ память 900-лѣтія черниговской кафедры въ г. Черниговѣ. (993—1892). (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.). Черн. 1892. in-8. 25 стр.

Платоновъ Іоанъ, прот. Блаженныи святитель Феодосій Углицкій, архієпископъ черниговскій и чудеса отъ мощей его. (Съ изображеніемъ святителя Феодосія). Черниговъ. 1892. in-8. 116 стр.

Платоновъ Іоанъ прот. Каменскій Свято-Успенскій женскій монастырь и его святыни. (Извл. изъ „Черн. Еп. Вѣд.“ 1892 и дополнено). Черн. 1892. in-8. 28 стр.

По Дону. Справочникъ для области войска донскаго. Изд. ред. газ. „Донская Рѣчь“. Новочеркасскъ. 1893. in 8. XVI+169 стр., рис., планъ и карта Ц. 60 к.

Покровскій О. В. Археологическія экскурсія по Виленской губ. Вильна. 1893. in-8. 50 стр.

Причины колебанія урожаевъ винограда на южномъ берегу Крыма. (Изъ «Зап. Имп. общ. сел. хоз. южн. Россіи»). Од. 1893. in-8. 17 стр.

Пролиски. Збирныхъ зъ виршивъ. Од. 1893. in-8. 32 стр.

Пташицкій С. Л. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Ист.-бібл. справка. Спб. 1893. in-8. 78 стр.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсень. (Отт. изъ жур. «Кiev. Стар.»). К. 1893. in-8. 15 стр.

Разинъ А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ рус. ист. 1638. Соб. in-12. 108 стр. Ц. 15 к.

Рева И. М. Киевскій крестьянинъ и его хозяйство. К. 1893. in-8. 62 стр. Ц. 50 к.

Rechenschafts-Bericht der Verwaltung der Evangelischen Hospitals in Odessa für 1892. Од. 1893. in-8. 28 стр.

Родинъ К. Г. Изслѣдованіе послѣ третичныхъ образованій въ Харьковскомъ уѣздѣ. Хар. 1892. in-8. 88 стр.

Румя Р. Материалы для изученія пьянства въ Черниговской губ. Черниговъ. 1892. in-8. 25 стр.

Русская классная библіотека изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи рус. литературы. Вып. ХІІІ. Былины. (Былины про старшихъ богатырей, былины Кіевскаго и Новгородскаго цикла. Духовные стихи. Историческія пѣсни. 8 объяснител. статей). Изд. И. Глазунова. Спб. 1893. in-8. IV+173 стр.

Русская классная библіотека, изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи рус. литер. Вып. XIІ лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владимира Мономаха. Соб. 1893. in-8. III+198 стр. Ц. 50 к.

Рубинштейнъ С. Ф. Къ вопросу о выморочномъ правѣ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. (Отт. изъ «Вилен. Вѣстн.» за 1893 годъ). Вильно 1893. in-8. 32 стр.

Рѣчъ и отчеты, читанные въ торжественномъ собраніи Кіев. дух. академіи 26 сент. 1892. г. К. 1892. in-8. 167+52 стр.

Рябошапка П. Т. Розыта бандура. К. 1893. in-8. 193+IV стр.

Сапукоевъ А. Рѣка Западная Двина. Истор.-географ. обзоръ. Съ картами планами и рисунками. Витебскъ. 1893.- in-8. 508+LXIX стр. ц. 4 р.

Сарычъ Мих. Братскій привѣтъ братьямъ и сестрамъ карпато-руссамъ, живущимъ въ придѣлахъ Карпатскихъ горъ и въ Америкѣ—изъ столицы православнаго Русскаго Царя. Спб. in-32. 88 стр.

Сборникъ обязательныхъ для городскихъ жителей постановлений, действующихъ въ одесскомъ градоначальствѣ и правахъ, изд. городскою управою. Изд. одес. город. общ. управления. Од. 1893. in-12. 191 стр.

Сборникъ материаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архивъ М—ва Нар. Просвѣщенія Т. I. Учебныя заведенія въ Зап. губерніяхъ до учрежленія виленскаго учебнаго округа 1783—1803 г. изд. М—ва Нар. Просв. Спб. in-8. LX+896+142 стр. столб.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія 2-я. Вып. II. К. 1893. in-4. 33 стр.+Х том.

Святловский Е. В. Смертность въ Черниговской губ. по волостямъ. Изд. ред. „Земск. Сборн. Черн. губ.“ Черниговъ. 1893. in-8. 18 стр. и 1 картограмма.

Святой Михаиль, вел. князь Кіево-Черниговскій и бояринъ его Феодоръ. Изд. общ. распр. полез. книгъ. М. in-16. 16 стр.

Севастополь въ 1855—1856 г. 25 фототипическихъ снимковъ съ рѣдкаго фотографического альбома. Изд. П. Харитоненко и Н. Голубовъ. М. in-2. 2 стр.+25 табл.

Серій епископъ. Вступительное чтеніе въ пользу голодающихъ въ ю.-в. Россіи и братства св. Михаила, кн. черниговскаго. Затѣмъ чтеніе о святыхъ и святыняхъ и панихиды объ архипастыряхъ черниговскихъ. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.) Черн. 1892 in-8, 19 стр.

Серій епископъ Св. благов. князья и страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Изд. Братства св. Михаила кн. Черниговскаго. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.) Черн. 1892. in-8. 19 стр.

Сикорскій И. А. проф. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ. (Од. изъ „Унів. ізв.“ за 1893 г.) К. 1893. in-8. 46 стр.

Систематический каталогъ библиотеки книгъ Кіевской дух. академіи. Т. I. Богословіе, Вып. 2. К. 1892. in-8. 436 стр.

Славинъ Николай. Ioannъ Maximовичъ, митрополитъ тобольскій, бывшій архієпископъ черниговскій. Изд. братства св. Михаила, кн. черниговскаго. Черн. 1892. in-8. 16 стр.

Слюсаревъ Д. Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія кіевскаго великокняжевія. (Пи-

сано на Евгеніе-Румянц. премію), (Изъ Эп. „Труды Кіев. дук. ак.“ за 1892 г.) К. 1892. in-8. 103 стр. ц. 75 к.

Соколовъ И. Георгіевскій Балаклавскій монастырь въ Крыму (Съ 4 рис.) Спб. in-8. 16 стр.

Соловьевъ И. свящ. О. протоіерей І. Г. Наумовичъ. Очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности. Съ портр. М. 1893. in-8. 45 стр.

Спилка И. Правдыve оповидання. Хар. 1893. in-16. 24 стр.

Списокъ населеныхъ мѣсть Черниговской губ., имѣющихъ не менѣе 10 жителей по даннымъ за 1892 г. Изд. Черн. губ. стат. ком. Черниговъ. 1892. n-8. 94 стр. ц. 50 к.

Справочная книжка на время контрактовъ для лицъ прѣезжающихъ и живущихъ въ Кіевѣ на 1893 г. (II-й годъ изд.) К. 1893. in-16. 40+4 стр. ц. 20 к.

Срезневский Вс. Українскій альманахъ. К. 1893 in 8. 14 стр.

Статистика Россійской имперіи. Изд. Центр. стат. ком. М. В. Д. Спб. 1893. in-4.

Вып. XLVI Харьковская губ. 15+19 стр.

Вып XLVII. Херсонская губ. 15+13 стр.

Стебницкий А. И. Статистические очерки пчеловодства Волынской губ. Черниговъ. 1892. in-8. 44 стр. ц. 30 к.

Степаненко Н. Н. Хата и другіе разсказы. Ромны. 1893. in-16. 87 стр.

Столѣтіе возсоединенія Подольской губ. съ Россіей. Съ краткой исторіей Подолія въ вопросахъ и отвѣтахъ. (Приложеніе къ календарю). Каменецъ-Под. 1892. in-16 115 стр.

Сумцовъ Н. Ф. Логенда о грѣшной матери. (Отт. изъ ж. „Кіев. Стар.“) К. 1893. in-8. 14 стр.

Сумцовъ Н. Ф. Г. Ф. Квитка, какъ этнографъ (По пов. 50-лѣтія со дня кончины его) (Отт. изъ ж. „Кіев. Стар.“) К. in-8. 25 стр.

Сумцовъ Н. Ф. Современная малорусская этнографія. Часть 1-я (съ портр. А. А. Пашебни.) Изд. ред. ж. Кіев. Стар.“ К. 1893. in-8. IV+168 стр.

Съверський Я. Г. Памятники древне-русского законодательства. Русская Правда. Судные грамоты. Судебники. Съ предвар. замѣчаніями и краткимъ словаремъ. Спб. 1893. in-8. 128 стр. ц. 1 р.

Севъро-Западный календарь на 1893 г. Изд. подъ ред. А. И. Слупскаго. Минскъ. 1892. in-8. 88+35 стр.

Тарновскій В. В. Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи его Вып. I. Шевченко. К. 1893. in-8. 34 стр.

Тиховский Ю. Такъ называемая „Краткая Киевская лѣтопись (Оттискъ изъ журнала „Кievская Старина“). Кіевъ 1893 г. 8 д. 11 стр.

Труды комиссіи по описанію имѣній, состоящей при Кіевскомъ обществѣ сельского хозяйства и сел. хозяйств. промышленности. Вып. I. К. 1893. in-8. V+231 стр. и 3 плана.

Тутковский П. Кіевскій мамонтъ. Чтеніе для народа. Изд. кіевск. комисс. народа. чтеній. Кіевъ 1893 г. 8 д., 13 стр.

Указатель главнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ г. Одессы на 1893 г. Од. in-8. 48 стр.

Учеб. библіотека, Поученіе дѣтямъ Владимира Мономаха къ Олегу, поученій Ксенофона, пѣкоего отца, св. Василія Вел. и материаловъ для характеристики Мономаха.. Ред. и прим. В. А. Воскресенского. Спб. 1893. in-8. XIV+49 стр. ц. 25 к.

Фаусекъ В. А. Ялта и ея ближайшія окрестности. (Справоч. книжка). Ялта. 1893. in-8. 161 стр.

Харьковскій календарь на 1893 годъ. (годъ XXI). Въ 2 книгахъ. Съ прил. карты харьк. губ. Изд. харьк. губ. стат. комитета. Харьковъ. 1893 in-8. XXIV+426+48+V+210 стр.

Харьковскій студенческій сборникъ. Хар. 1893. in-8. 397 стр. ц. 2.

Хойновскій I. А. Раскопки Великокняжескаго двора древняго града Кієва, произведенныя весною 1892 г. Археол.-историч. изслѣдованіе, иллюстрир. 156 рис. К. 1893 in-4. 78+IV стр. и XXIX табл. рис. ц. 4 р.

Чайковскій Ф. С. Пожары въ Черниговской губ. по даннымъ за десятилѣtie 1880—89 гг. Черниговъ. 1892. in-8. 17 стр.

Чечотть В. А. Двадцатилѣtie кіевской русской оперы (1867—1892). К. 1893. in-16. 55 стр.

Чарнушенко Василь. Квіточка. Лубны. 1892. in-16. 44 стр. ц. 10 к.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 7-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. В. Дацкевича. К. 1893. in 8 VI+40+253+211+52 стр. Ц. 3 р.

Шаховской М. Л. Князь. 1892 годъ. Харьковская губ. въ сельскохозяйственному отношеніи. (Приложеніе къ отчету земскаго отдѣла харьков. губ. зем. упр.) Харьк. 1892. in—8. 140 стр.+7 карть.

Шашинъ А. Ноѣздка въ херсонскую губ. и бесѣды съ сектантами зап. происхожденія. М. in—8. 56 стр.

Шведовъ Федоръ. Первое пятилѣtie общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ гор. Одессы. 1887—1892. Од. 1898. in—8. 44 стр.

Шевченко Тарасъ. Наймичка. Хар. in—16. 31 стр.

Шенрокъ В. И. Материалы для біографіи В. И. Гоголя Т. 2-ой. М. М. 1893. in—8. XII+403 стр. Ц. 2 р.

Шереметевъ Серій ір. На Днѣпрѣ. Спб. 1893. in—8. 12 стр.

Шляпошниковъ М. докторъ. Медицинскій путеводитель г. Харькова на 1893 годъ. Хар. 1893. in—8. 26 стр. Ц. 10 к.

Шостаковскій И. Бурсакъ. Жарти въ 1 дії, зъ сплавами. К. in—64. 68 стр.

Шперлингъ О. Г. врачъ. Сколько населенія въ г. Бердичевѣ? (Дѣтская смертность. Потребность въ учрежденіи пріюта. Бердичевъ. 1893 г. in—16. 6 стр. Ц. 15 к.)

Щербицкій О. В. Судьбы православія и русской народности въ быв. литовскомъ государствѣ и въ частности въ г. Вильнѣ. Вильно. 1892. in—8. 26 стр.

Эварницкій Д. И. Исторія села Фал'евки—Садовой, херсонской губ. и уѣзда. Изд. Н. Н. Кометадіуса. Спб. 1892. in—8 VI+99 стр. и приложений.

Ярошевскій С. О. Выходцы изъ Межеполя. Ром. въ 3 част. Спб. 1893. in—8. 328 стр.

Ясинскій М. Н. Обзоръ послѣдніхъ изданий виленской археографической комиссіи. (Акты, изд. вил. арх. ком. Т. т. XI—XVII. Вил. 1880—1891). (Отт. изъ VII кн. «Чтений въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца») К. 1893. in—8. 38 стр.

Ястrebовъ В. Малорусскія прозвища херсонской губ. Этнограф. очеркъ Од. 1893. in—8. 17 стр.

Ялта. Изъ воспоминаній о дѣятельности В. А. Рыбицкаго. Съ 1869—по 1893 г. Изд. Ц. Вержиковскаго. Ялта. 1893. in—8. 26 стр. Ц. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЫШЕЛЪ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
73-й ВЫПУСКЪ

(НАСОСЫ-НЕРСЕСОВЪ)

НАСТОЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Изд. съ 44-го выпуска, т-ва А. Гранатъ и К^о, бывшаго товарищества
А. Гарбель и К^о.

Всё издание составляетъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ по 13—14 вып.
Вышло 72 вып. (5 гошовъ и 2 вып. шестого) до слова Насоновъ. Въ вышедшихъ
выпускахъ помѣщено 59,508 статей и замѣтокъ, текстъ иллюстрированъ 1,090 пор-
третами и рисунками, географическими картами, хромо и олеографіями и табль-
цами рисунковъ. Съ пятаго тома для лучшаго ознакомленія съ великими произведе-
ніями искусства прилагаются автотипические снимки съ картинъ классическихъ
художниковъ.

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплѣтѣ на обыкновенной бумагѣ
4 руб. 50 коп., на лучшей бумагѣ 6 руб.; цѣна выпускѣ на обыкновенной бумагѣ
30 коп., на лучшей бумагѣ 40 коп. За пересылку приплачивается 10 коп. на каж-
дый рубль стоимости. Учащіе, учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкой
въ размѣрѣ 10%. По окончаніи издания цѣна будетъ повышена.

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ поль-
зуются рассрочкой на сдѣлающихъ условіяхъ: при подпискѣ вносить 3 руб. 60 к.
для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и 4 руб. 80 коп. для экземпляра на луч-
шей бумагѣ и, представивъ ручательство казначея въ аккуратномъ платежѣ 100
взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома издания; затѣмъ уплачиваются
ежемѣсячно, въ теченіе 12 мѣсяцевъ, по 1 руб. 20 коп. для экземпляра на обык-
новенной бумагѣ и по 1 руб. 60 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. Расходы
по пересылкѣ оплачиваются также ежемѣсячными взносами по 15 коп. для экземпля.

на обыкновенной бумагѣ и 20 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. На посып-
дающую половину издания допускается рассрочка на таихъ же условіяхъ.

Частные лица, пользуясь рассрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5
руб. съ наложеннымъ платежемъ въ 1 руб. 50 к. для экземпл. на обыкновенной бу-
магѣ и въ 2 руб. для экземпл. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ, или
2) каждые 2 или 3 мѣсяца—по переписленному тому съ наложеннымъ платежемъ
въ 4 руб. 50 коп. для экземпл. на обыкновенной бумагѣ и въ 6 руб. для экземпл.
на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ.

3—3.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

**сборника рѣшений Уголовного и Гражданского Кассационныхъ Департа-
ментовъ и Общаго Собрания Правительствующаго Сената.**

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей.
Допускается рассрочка платежа въ два срока: 1 руб. при подпискѣ на газету, а
остальные 3 руб. до 1-го апрѣля.

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 59, кв. № 1).

Программа: Шередовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россія
—Обзоръ постановлений отечественного и иностранного законодательства.—Статьи
и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебнѣй и административной практикѣ.
—Вѣсты и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи заграницы.—Выдающіеся процес-
сы и рѣчи.—Фельетонъ.—Резолюціи кассационныхъ департаментовъ и общаго собрания
Правительственнаго Сената.—Движеніе по государственной службѣ (приказы
министерствъ).—Дѣйствія правительства (собрание узак. и распор. прав.).—Рѣшенія
Правительственнаго Сената и царкуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ
назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраниихъ Правите-
ствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоя-
тельными, восстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничто-
женіи довѣренностихъ (Сенатскіе объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—
Новые книги и отзывы о нихъ (библиографія).—Объявленія.

Подписчики „Юридической Газеты“ въ 1893 году получаютъ сборники Кас-
сационныхъ рѣшений за 1892 и 1893 года, т. е. всѣ тѣ рѣшения, кои выпускаются
Правительствующимъ Сенатомъ въ 1893 году; подписчики же „Юридической Газе-
ты“ въ 1894 году получатъ сборники Кассационныхъ рѣшений за 1893 и 1894 года.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, мо-
гутъ обращаться въ редакцію „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ
судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрешеніемъ юридическихъ вопросовъ
по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія
эти редакція признаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Сообщение справокъ о резолюцияхъ Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собрания Правительства. Сената производится въ „Юридической Газете“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и при томъ не болѣе 4-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдельному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

2) Всевѣа иные справки и порученія должны быть оплачиваемы по взаимному соглашенію съ редакціей.

3) Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающиися имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

4) Лица и учрежденія, обращающіяся въ наимъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и какъ поданы прошениіе или жалоба; в) на рѣшѣніе какого присутственного мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошениіе или жалоба отправлены въ сенатъ или другое правительство учрежденіе.

5) Редакція „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Подписка на «Юридическую Газету» съ приложеніемъ въ 1893 году продолжается.

3—3:

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета, ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей, сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованіе факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографії: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациіи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границѣй книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы въ замѣткахъ.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянию учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, биографическіе очерки и небрэлоги профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія при подаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и пр.

IV. Приложениі: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значение и еще не обнародованыи.

Ученые Записки выходятъ периодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложенийъ.

Подписанія цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписанія принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ Ф. Мищенко.

Чергается по опредѣленію Совета Императорскаго Казанскаго Университета.
3—3.

Объ изданіи въ 1894 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніе вакантныхъ юля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею В. М. Володимирова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права
К. П. Змарлова.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р.	съ пересылкой въ другіе города	9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.		за границей	12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНИЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платить за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 18 р.

Листы рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 13-е декабря подписанаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационная рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ юнѣ осталыи, до подписной цѣны, сумма Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридического общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половину цѣни т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право представляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебнаго и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. ин. городные благоводия обращаться со своими требованиеами исключительно в редакцию „Журнала Гражданского и Уголовного Права“, С.-Петербургъ уголь Мойки и Фонарного, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербурге: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библиотекою, Мартынова, Б. Морская, 28; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровской линии—а равно въ конторѣ редакціи

1—3

Съ декабря мѣсяца настоящаго года будетъ выходить въ Москвѣ еженѣжній библиографический журналъ, органъ Московскаго Библиографического Кружка, подъ названіемъ:

КНИГОВѢДѢНІЕ,

журналъ книгопечатанія въ общирномъ смыслѣ (книги, журналы, новы, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ З Юла, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядке, а также новы, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія началя книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) периодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографического Кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложения.

Подписанія цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ, съ пересыпкою и доставкою 6 руб.; на веленевой бумагѣ для членовъ 3 руб., для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
" " въ подписчиковъ на журналъ	8 р.
" " всѣхъ остальныхъ	10 р.
" " въ годъ для членовъ и подписчиковъ . . .	35 р.
" " " всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей, присыпающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявление, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подпись принимается только на цѣлый годъ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографического Кружка (Тверская, уголъ Козинского пер., д. Лавиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, П. И. Шувалова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. И. Карбасникова, и Н. Г. Мартынова.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается въ рукахъ своему землемѣру.

Устраяши пріемы легкаго успѣха, мы при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему събѣдить за многотрудныи земскими дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что людьи — братья безъ различія національности ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремлениі къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемирный исторический опытъ и употребили всѣ усилия чтобы внутренняя и вѣщная политика въ есъществіи газеты сливалась, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписанная цѣна съ пересыпкой для иногородицъ: На годъ — 9 р., полгода — 5 р., 3 мѣсяца — 3 р., одинъ мѣсяцъ — 1 р. для городскихъ — 8 р., 4 р. 50 к.; 2 р. 60 к., 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1894 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписаныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь с. г.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжн. магаз. Н. П. Карбасникова.

3—3

Редакторъ-издатель *A. A. Пороховщикова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Правительственные распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣщной политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго

Края" и „Съвернаго телеграфнаго агентства“ VI. Послѣднія извѣстія VII. Городская и земская хроника. VIII. Вѣсти съ юга: корреспонденція „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи: (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетоны: научный, литературный и художественный Беллетристика. Театрь. Музика. XII. Судебная хроника XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочная свѣдѣнія: дѣла, назначенные къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. пор. и другія XVIII Сторонія сообщенія XIX Объявленія Редакція имѣеть собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянные извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Край“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамилии, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политикахъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событиямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6. мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою .	12 " — "	7 " — "	4 р. — "	1 " 40 "
Съ пересыпногород.	12 " 50 "	7 " 50 "	4 " 50 "	1 " 60 "

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенню съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питри.

3—3

Редакторъ-издатель А. А. Гозефовичъ.

1835. — О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А — 1894.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЖИВОЛИСНОЕ

Годъ издания 59. **ОБОЗРѢНИЕ** Годъ издания 59.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1894 ГОДА ВЫДАЕТЬ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА, состоящихъ изъ 3—4 лист. большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками.

Кромѣ того годовые подписчики получать бесплатно:

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНИЙ:

40 НУМЕРОВЪ „Иллюстрированные романы“ (руск. и иностр. авторовъ) Рассыпаются при номерахъ журнала, независимо отъ книгъ.

- 12** КНИГЪ литературныхъ произведений русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Кни-
жки выходить ежемѣсячно (отъ 240 до 300 страницъ).
- 20** НУМЕРОВЪ „Жизнь и Хоббиство“ (Цвѣтоводство, огородничество, птицевод-
ство, рецепты парфюмеріи, кулинарии и прочее).
- 20** НУМЕРОВЪ „Забавы для Юношества“ (Физические и химические опыты,
работы изъ разныхъ предметовъ, ребусы и задачи).
- 24** НУМЕРА „Парижскихъ модъ“ по моделямъ извѣстѣйшихъ парижскихъ мод-
ныхъ мастерскихъ. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.
- 12** НУМЕРОВЪ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“ (вышивки для
бѣлья, платьевъ и костюмовъ), отпечатаны. въ нѣсколько красокъ.
- 12** ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе
свою пригличность, легкимъ исполненіемъ и изяществомъ.
- 12** „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для
фортепіано и пѣнія (романсы, танцы и проч.)
- 5** НУМЕРОВЪ „Образцовъ для вышиваній“ по новѣйшимъ оригиналамъ ри-
сункамъ для выполненія разныхъ изящныхъ предметовъ.

1 Стінной календарь, отпечатанный въ нѣсколько красокъ.
Въ числѣ книгъ литературныхъ произведений будуть, между прочимъ, выданы два
весьма цѣнныя изданія, а именно:

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЛОРДА БАЙРОНА

2) Полное Иллюстрированное Собрание рассказовъ Шехерезады
„ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ“

Шредлагаемыя ДВА большія и цѣнныя иллюстрированныя изданія, въ новомъ
переводѣ съ послѣднихъ англійскихъ изданій, ВЫДАЮТСЯ вами ПОЛНОСТЬЮ въ
наступающемъ подписанномъ году, не смотря на то, что стоимость ихъ въ отдельной
продажѣ превышаетъ ВТРОЕ подписанную цѣну нашего журнала.

ДВѢ ПРЕМИИ БЕЗПЛАТНО.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, уплатившіе сполна подписанную сумму, получать ДВѢ
прозрачныя картины, зачищающія живопись на стеклѣ.

1) «ПѢСНЬ ЛЮБВИ» и 2) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ»

Новые большія картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой же-
зни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ бесплатной преміи, годовые подписчики могутъ получить еще слѣдующія
ТРИ НОВЫЯ художественные произведения:

БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА.

„БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ.“

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ)

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ,
хранящимся въ дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Велик. Кн. Владимира
Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Въ коллекцію нового альбома вошли произведения: профессора Айвазовскаго, проф.
Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Франца, Корзухина, Плат-
онова, Загорскаго, Краснушиной и др.

Шоводомъ къ изданию предлагаемаго нами новаго альбома послужило множество заявлений нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нерѣдко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію Художествъ, а потому полагаемъ, что новое изданіе пополнить этотъ пробѣлъ. Картини альбома отпечатаны въ 16-ть красокъ, вложены въ папку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамкахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БЮСТЫ

русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюста: высота 12—13 дюйм. Ширина 7—8 дюймовъ).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почиавшій.) 4) Прот. Иоаннъ Сергиевъ (Кронштадтскій). Писатели: 4) Чушкинъ. 6) Дэрмонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ ТРИ руб. (безъ чес.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ перес. по Имперіи 8 р

- 1) Годовые подписчики журнала, желающіе получить, кроме бесплатной преміи, еще новыя художественные изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 к., съ доставкою ОДИНЪ РУБЛЬ
- 2) Подписавшіся одновременно на журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и газету „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, (первое изданіе) съ доставкою и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, могутъ получить, на выборъ, альбомъ или картину БЕЗПЛАТНО.
- 3) Кроме того ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ журнала предоставляется право получать на выборъ разныя художественные изданія (гравюры, картины альбомы), а также и книги, поименованные въ особомъ „спискѣ изданій“, ЗА ПОЛОВИННУЮ ИХЪ СТОИМОСТЬ, который высылается по требованію бесплатно.

Адресъ Главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкова моста х. 68—40.

Надробное иллюстрированное объявление высылается по требованію, БЕЗПЛАТНО.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„МІРЪ БОЖІЙ“⁶⁶

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ (15—18 ЛИСТОВЪ)

ЛІТЕРАТУРНЫЙ и НУ ЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА І САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакція ставить своей задачей доставленіе какъ юношеству, такъ и вообще читателю, который вародился у насъ съ распространениемъ образованія во всѣхъ классахъ общества, интереснаго и полезнаго общеобразовательнаго чтенія, состоящаго изъ оригинальной и переводной беллетристики, популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ гуманитарныхъ и естественныхъ наукъ, а также изъ откликовъ на текущую культурную жизнь—родную и иностранную. Поэтому редакція, для болѣе яркаго выясненія своихъ задачъ, присоединяетъ къ прежнему заголовку слова: и самообразованія.

Къ сотрудничеству въ журналѣ привлечены лучшія литературныя и научныя силы.

Въ вышедшихъ книжкахъ текущаго года помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отдѣлъ I. Беллетристика. 1. „Весеннія грозы“. Романъ Д. Мамина-Сибиряка. 2. „Тетя Наша“. Рассказъ И. Добротворскаго. 3. „Забытая“. Очеркъ И. Златовратскаго. 4. „Изъ дневника Андрея Муратова“. Рассказъ П. Засодимскаго. 5. „Баудинъ сынъ“. Повѣсть П. Засодимскаго. 6. „Исторія моей жизни“. Жоржъ Зандъ (съ портретомъ). 7. „Соперники“. Комедія Шеридана. 8. „Лѣто въ деревнѣ“. Воспоминанія О. Кайдановой. 9. „Товарищи“. Очеркъ Эдмона де-Амичиса, пер. съ итальянск. 10. „Нокойная миссъ Голлингфродъ“. Повѣсть Ч. Даккенса. 11. „Снѣжная зима“. Густава аф-Гейерстана. Переводъ со шведскаго М. Лучицкой.

Отдѣлъ II. Наука и публицистика. 1. „Марія Стюартъ въ исторіи и драмѣ“. Ив. Иванова. 2. „Въ дальнихъ странствіяхъ. (Алтай)“. Н. М. Ядривцева. 3. „И зъ путевыхъ впечатлѣній“. С. Южакова. 4. „Начало и развитіе русской критики“. А. Скабичевскаго. 5. „Какъ дѣйствуютъ психическая вліянія“. Очеркъ по психологіи. Э. 6. „Красоты природы и ея чувства“, съ рисунками. Джона Леббока. Переводъ съ англ. 7. „Помощь англійскихъ университетовъ народному образованію“ Статья Макса Леклерка. 8. „Положеніе женщины на Востокѣ“. Д-ра А. В. Елисеева. 9. „Генрихъ Гейне въ семейной жизни“. Э. Пименовой. 10. „Чѣмъ креѣки русскія зартели?“ Ф. Щербина. 11. „Антropологические очерки“. А. В. Беклендъ. Пер. съ англ. подъ ред. Д. Коропчевскаго. 12. „Лѣтніе курсы въ Америкѣ“. Э. 13. „Знакіе и народное богатство“. Публичная лекція проф. А. И. Чупрова. 14. „Наши земельные распорядки“. Проф. Н. Карышева. 15. „Кукушка“, біологический очеркъ проф. Н. Холодковскаго. 16. „Наблюденіе природы“. Очеркъ В. Агафонова. 17. „Гете какъ человѣкъ“ Ив. Иванова (съ новымъ портретомъ Гете).

Отдѣлъ III. Бібліографія. а) Систематический обзоръ книгъ для самообразованія. По исторіи. Проф. Н. И. Карцева. По физикѣ. Ю. Вагнера. По географіи. Проф. Э. Ю. Петри. По біологии Ю. Вагнера. б) Подъ рубрикой Новостей ино-

странной литературы приведены отзывы о более 400 появившихся за границей новых книгах по литературѣ, культурѣ, исторіи, биографіи, географіи, этнографіи, естествознанію, психологіи, философіи, антропологіи и искусству.

Отдѣлъ IV. Смѣсь. Отдѣлъ этотъ составляется, частью изъ оригинальныхъ замѣтокъ и извѣстій, частью по многочисленнымъ русскимъ и иностраннымъ періодическимъ изданіямъ.

Отдѣлъ V. Приложение. „Гипатія“. Исторический романъ Ф. Маутнера, переводъ съ нѣмецкаго. „Тайна богатой наследницы“, романъ Вальтера Бензанта переводъ съ англійскаго. „Астрономическіе вечера“ Г. Клейна, переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, съ портретами и рисунками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы книжного магазина Н. П. Карбасникова, Можовая, д. Коха, и конторы Печковской—Петровской линіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россію 7 руб.; за границу 10 руб.;
безъ доставки 6 руб.

РАЗСРОЧКА ЗА РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ КАЗНАЧЕЕВЪ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

1—2

Годъ изданія 82-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1894

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
СЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ И КНИЖКАМИ
РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событияхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества“ въ первомъ изданіи вполне замѣняетъ собою

Дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, подписчики получать безплатно:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений въ видѣ еженедѣльного иллюстрированного журнала.
- 2) Книжки „Романы и Повѣсти“. Каждая книжка содержитъ 160—

200 страницъ. 3) 12 нумеровъ „Моды и Рукодѣлія“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“. 4) Стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ три краски и ирон.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 25 руб.; на полгода 4 руб. 50 коп.; на три мѣс. 2 руб. 50 коп.;
на одинъ мѣс. 1 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества“ выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 пумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевые извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также рисунки сценъ событий, изъ русской исторіи, виды мѣстностей, зданій, памятниковъ, дворцы, монастыри, церкви и проч., сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересыпкою по Россіи):

На годъ 4 р.; на полгода 2 р.; на три мѣс. 1 р.; за границу (на годъ) 6 р.

Гг. годовые подписчики первого или второго изданія газеты „Сынъ Отечества“, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новые художественные изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома безъ доставки 75 коп. съ доставкою одинъ рубль.

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА:

,БУРЛАКИ на ВОЛГѢ“.

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ „ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ“.

Въ коллекцію нового альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго; проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корфаухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами нового альбома акварелей, послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нѣрѣдко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русского искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамкахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БЮСТЫ

РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ И КОМПОЗИТОРОВЪ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александра III. 2) Е. И. В. Гос. пн. Маріи И Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II. (въ Бозѣ

почившій. 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11, Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ три руб. (безъ доставки)

Адресъ главной конторы: СПБ., Невскій пр., у Аничкова моста, д. 63—40.

Подробное объявление высылается по требованію бесплатно.

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

VII-й годъ изданія.

СЪВѢРЪ⁶⁶

еженедѣльный литературно-художественный журналъ

Подписчики „СЪВѢРЪ“ въ 1894 году получать:
52 №№ прекрасно иллюстрированного журнала въ 56—64 столбцовъ каждый сброшюрованныхъ въ изящную цветную обложку.
12 №№ отдельныхъ иллюстрированныхъ „Парижскихъ модъ“, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
12 отдельныхъ викроекъ: изъ нихъ 6 выпрѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдельныхъ листахъ.

ежемѣсячное бесплатное приложение къ журналу

*БИБЛІОТЕКА СЪВѢРЪ“
12 томовъ сочиненій извѣстѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и путешественниковъ.

Въ настоящемъ году въ „БИБЛІОТЕКА СЪВѢРЪ“ будуть напечатаны:
изъ приобрѣтеннаго редакціей въ собственность, полнаго собравія сочиненій

Н. Д. АХШАРУМОВА.

Чужое имя романъ *Мандаринъ*, романъ || Концы въ воду повѣсть *Ночное, рассказъ*.

Смерть Слепцова кавказская быль.

СОЧИНЕНИЯ:

баснописца И. А. КРЫЛОВА съ художественными иллюстрациями.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО.
Стихотворенія.

В. И. ГОЛОВИНА.
кругосвѣтное путешествіе.
подъ редакціей профес. Э. Ю. Петри.

МЕЛЬМО-СКИТАЛЕЦЪ. романъ Матюренъ.

Остальные сочиненія Н. Д. Ахшарумова будуть помѣщены въ библиотекѣ „СЪВѢРЪ“ 1895 г. Такимъ образомъ подписчики „СЪВѢРЪ“ получать это полное цѣнное литературное приложеніе бесплатно.

Другое бесплатное приложеніе Популярная Библиотека Прикладныхъ Занятій.

1. Томъ: Русский Сельскій Хозяинъ. Популярное изложеніе организаціи новаго непреустройства старого хозяйства въ Россіи (съ приложеніемъ 7-ми ингдѣ не напечатанныхъ писемъ о сельскомъ хозяйстве А. Н. Энгельгарда) Соч. С. Ф. Шарапова.

1. Томъ: Комнатное Цвѣтоводство (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растений
Н. Е. Семенова.

БЕЗПЛАТНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

Роскошный альбомъ акварелей къ избраннымъ
СТИХОТВОРЕНИЯМЪ Н. А. НЕКРАСОВА.

„КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО“ и друг.

1. художественно исполненныхъ акварелей извѣст. художника ПЕТРА СОКОЛОВА.

Къ альбому будетъ приложенъ портретъ Н. А. Некрасова, исполненный акварелью съ портрета работы И. Н. Крамского, находящагося въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. Художественная обложка альбома исполнена акварелью Н. Н. Каразининымъ. Всѣ рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительнымъ текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность „Сѣвера“ и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1. Стѣнной ОТРЫВНОЙ на 12 мѣсяцевъ табель календарь,
отпечатанный красками.

Всѣ приложенія „Сѣвера“ высыпаются подпісчикамъ БЕЗПЛАТНО.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями бѣзъ доставки въ С.-Истербургѣ 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской. 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р.

Разсрочка подписанной платы за „Сѣверъ“ 1894 г. допускается на слѣдующ. условіяхъ

Для гг. Городскихъ подпісчиковъ въ два срока:

Безъ доставки: при подпискѣ 3 р. 1 | Съ доставкою: при подпискѣ 3 р. 50 к.
1 июня 94 г. 3 р. | 1 июня 1894 г. 3. 50 к.

Для гг. иногороднихъ подпісчиковъ; въ ДВА срока: При подпискѣ 4 р. и 1
1 июня 1894 г. 3 р. въ ТРИ срока. При подпискѣ 3 р., 1 Мая 1894 г. 2 р. и 1 Ав-
густа 1894 г. 2 р.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учреденіяхъ
(въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ), допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою по мѣсячно.

Подпись принимается въ С.-Истербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи „Сѣверъ“
Екатерининская, № 4.

Издатель Е. А. Евдокимовъ. Завѣдующ. художественнымъ отдѣл. Н. Н. Каразинъ.

1—3

Редакторъ Вл. А. Тихоновъ.

Открыта подписька на 1894 годъ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Популярно-научный иллюстрированный еженедѣльный журналъ

для семейнаго чтенія и самообразованія.

(Подписанной годъ съ 1 ноября 1893 по 1 ноября 1894 г.).

„Природа—лучшая наставница“, гласить давно извѣстная истинѣ. „Природа
лучшалъ въ мірѣ книга, изученiemъ которой должны заниматься всѣ“. Но мало

того,—природа есть вмѣстѣ изанимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересный для всѣхъ и каждого, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности міръ существъ разумныхъ.

Благодаря успѣху нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четырѣ года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журнале, какъ „Природа и Люди“.

Въ настоящемъ году журналъ „Природа и люди“ сохранитъ прежнюю программу и направление, завоевавшіе себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, погѣстями и рассказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ 1894 подписномъ году журналъ „Природа и Люди“ дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ номера. Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 статей, не считая мелкихъ, и 6—10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащий болѣе 800 страницъ и украшенный до 500 рисунковъ.

12 книгъ литературныхъ приложенийъ. Книги будутъ выходить ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 120 до 160 страницъ каждая, на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстрациями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимости этихъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ „Природа и Люди“, танъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣть возможность дать

Б е з п л а т н о

столъ цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ:

Полезная библіотека.

1) Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Паркила. Перев. А. Лекідэ, подъ редакціею проф. С. Глазенапа.

2) Научные развлечения—д-ра В. Буринскаго.

3) Подъ водой—Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіемъ П. Лебедева.

4) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ—проф. Ф. Эсмарка. Перев. подъ ред. д-ра С. Груздева.

5) Первые обитатели Москвы—большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка. Г. Чолозова.

6) Самоучитель фотографіи—Ф. Дилайс. Перев. подъ редакціи Е. Буринскаго.

7) Рыболовъ-любитель—Ф. Іссакова.

8) Цѣть вѣшнихъ чувствъ—Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра Ю. Малиса.

9) Электричество въ домашнемъ быту—В. Тюрина.

10) Жизнь земли (Популярная геология)—проф. Ф. Шушѣ.

11) Домашний обиходъ (Сборникъ полезныхъ советовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства—Ф. Груздева.

12) Чудеса гипнозизма—д-ра Ю. Малиса.

Въ № журнала въ наступающемъ году будутъ напечатаны: „Храмъ наука“—большой романъ изъ университетской жизни И. Ясинского; „Новая жизнь“—боль-

шой романъ изъ области будущаго А. Лесмана; „Ариасвати“—фантастический романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничного разбойника)—рассказъ Ф. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ среднеазіатскихъ охранъ)—рассказъ В. Губаревичъ; „Морфістка“—рассказъ А. Зарина; „Мірськія дикованки“—рядъ рассказовъ В. Желиховской; „Лилапуты“ (тайны микроскопического мира)—научный романъ А. Блесара; рассказы проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (рассказы изъ истории крушений судовъ нашего военного флота)—Мораки (псевд.); „Тайны алхімії“—Очеркъ Н. Паньковича; „Письма изъ Африки“—Г. Сенкевича; „Страна чудес“ и „Въ царствѣ Рулетки“—рассказы изъ путешествія С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“—очеркъ С. Донского; „Оорочони“ (внимирающее пламя)—этнографический очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“—очеркъ послѣднаго путешествія д-ра А. Елисеева; „Очерки изъ путешествія по Абиссиніи“—извѣстнаго путешественника В. Машкова; „Семь деревень Апокалипсиса“—В. Желиховской; „Столицы міра“—рассказы С. Доусонаго; „Плеяды“ и „Сатурнь“, его колыца и спутники—очеркъ проф. С. Глазенапа; „Друсы человѣка“—большой очеркъ д-ра зоологіи А. Никольскаго; „Ящерицы, плачущіе кровавыми слезами“—В. Максимова; „Чтение мыслей“—П. Соловьевъ; „Воли“—П. Успенскаго; „Черезъ сто лѣть“—очеркъ Б. Биттера; „Живая машина“—очеркъ И. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метереозотіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, хімії, медицины, технології, по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытияхъ; подезные советы и рецепты; фокусы и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ В., Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піоторовичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П., Сокоровскій Э. Ж. и друг.

Подписанная цѣна на ежедневный журналъ „Природа и Люди“ съ приложениемъ 12 книгъ „Полезной бібліотеки“:

Безъ доставки 4 руб., съ оставкой и пересылкой 5 руб., заграницу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальная.

За 1889—1890 г. журналъ вѣсъ разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, —4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплѣтѣ 5 рублей. Пересыпка съ паложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздевъ—Издатель Ш. Сойкинъ.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ 11-ый безплатно.

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

XXV.

на 1894 годъ.

XXV.

Принявъ на себя въ 1893 г. изданіе „Русской Старины“, новая редакція заявила что, преслѣдуя тѣ начала, котор. легли въ основу издан., начавшагося еще

въ 1870 г., она употребить всѣ усилия къ тому, чтобы журналъ не только не утратить своего прежн. интереса, но, напрот., оживился бы еще болѣе и давать бы какъ можно менѣе сырого матер. и какъ можно болѣе матер. литературно разработанн. Смѣемъ думать, что наши подписч. не могутъ упрекнуть, что мы не сдер жали своего обѣщ. Не трогая драгоцѣн. и общирнаго архива, собран. покойн. из дател. „Русской Старины“ и приобрѣтев. редакц. благодаря благосклон. содѣйствія, многихъ достойн. лицъ намъ удалось дать въ течен. года не мало интересн. статей-котор. составили солидный вкладъ въ отечеств. историч. литературу. Мы тѣмъ сиѣ-лѣ можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшен. журнала, что въ теченіе одного года мы приобрѣли много цѣнныхъ произвед. воспомин., и общирн. запис. разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкотор. изъ этихъ произвед. наши читат. имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадл., между проч., Зап. А. И. Михайловскаго-Давилевскаго. Восп. В. А. Иванаева, Зап. М. Я. Ольшевскаго начатыя въ этомъ г.

Въ теченіе 1894 г. будуть печататься, между прочими, слѣдующія произвед.: Записки В. А. Исаарскаго.—Автобіог. архимандр. Фотія.—За полстолѣтія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго,—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н. Глинки.—Изъ записокъ привца Евгения Виргембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго,—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя приобрѣт. въ теченіе одного года новыхъ историческ. вподиѣ обработанн. матеріал., установл. связь редакціи съ интеллигентн. обществ. лицъ, интересующ. отечество, даютъ намъ надежду, что и вперед редакц. въ состояніи будетъ удовлетв. любознат. лицъ, интересующ. историч. событиями въ разные эпохи русской жизни. Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „Обозрѣніе историческ. журналовъ.“ Давая краткое содерж. помѣщающихся въ нихъ статей, ред. „Русской Старины“ имѣть полную возможн. знакомить и на будущ. времена своихъ читател. съ цѣпными историч. матеріал., разбросанными по разнымъ изда-ніямъ. Так, образою программа издан, на 1894 г. будетъ слѣдующая: 1) Семейн. хроники.—2) Записки и воспомин.—3) Историч. исследованія.—4) Очерки и раз сказы о цѣлыхъ эпохахъ.—5) Жизнеопис. и матеріалы къ біограф. достопамятн. рус. дѣятелей: людей государства, ученыхъ, военныхъ, писателей духовн. и свѣтск.. артис. и художник.—6) Статьи по истории русской литературы и искусства.—7) Переп. замѣтательн. лицъ, автобіогр., замѣтки и дневники.—8) История разск. и предавій.—9) Челобитн. и разные документы, рисующіе бытъ русск. общества прошл. временъ.—10) Мемуары и разск. иностран., насколько они касаются Россіи и ея исторіи.—11) Отзывы о содерж. историч. статей, помѣщаеч. какъ въ разн. періодич. исторіяхъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературахъ.—12) Народная словесность.—13) Архив документы.—14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.—Журналъ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высыпаютъ деньги всѣпосредственно въ главную контору редакціи журнала „Русская Старина“ СПБ., Фонтанка, 145. Кромѣ того подписка прививается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Клевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную ответственность только въ томъ случаѣ, если подпись сдѣлана чрезъ

реда́мцио журнала „Русская Старина“: С.-Петербургъ, Фонт., 145 Можно по-
4 у читъ въ редакціи журнала „Русская Старина“ за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 и
81 гг. по 8 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ и за 1884, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и
93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

Ежемѣсячный, Литературно-Научный и Политический журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТИНИКЪ“

Въ 1893 г. въ „Сѣв.“ было между прочимъ напечатано: „Суратская кофейня“
гр. Льва Толстого, „Пустопасы“ разск. Н. Лѣскова, „Мечтатель“ разск. въ стих.
Я. Полонского, „Семейный очагъ“ ром. К. Баранцевича, „Али“ разск. П. Бобо-
рыкина, „Царевна Навдхана“ ск. Кота Мурлыки, „Въ Слободѣ“ разск. Ольги
Шапиръ, „Семейная Исторія“ поз. И. Потапенко, „Ковенець Бирюковской дачи“ разск.
А. Михайлова (Шеллера), „Въ облакахъ“ поз. В. Каренина, „Поручевіе“ поз. Л.
Гуревичъ, „Въ огне и въ воду“ поэзія С. Смирновой, статьи: „Недѣланіе“ гр.
Льва Толстого, „Книгоноши и Офена“ А. Прогавина, „О вліяніи музыки“ проф.
И. Гарханова, „Женщина-преступница“ проф. И. Фойницкаго, „Общественные
доктрины прошлого вѣка“ проф. М. Ковалевскаго, „Письма великаго человѣка“ В.
Стасова, „Жизнь художника 60-хъ годовъ“ Н. Ге, „Нищенство на руси“ Л. Ве-
сина, „О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей“, д-ра Якубовича, „Гюи-де-Мопассанъ“
проф. Л. Шепелевича, „О женщинахъ врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ“
д-ра Герценштейна, „Наука, философія и религія“ А. Волынскаго, „Современные
первые болѣзни нашего общества“ проф. П. Ковалевскаго, „Бѣлинсвѣй“ А. Вол-
ынскаго, „Факторы преступности“ проф. И. Фойницкаго, „Психология творческаго
процесса“ проф. Д. Овсаннико-Куликовскаго, „Волга и Волгари“ А. Субботина и
 мн. друг. Кроме того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Изъ записанныхъ книжекъ 1825 – 1845 гг.) Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бѣсты Государя, Пушкина, Жуковскаго Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и другихъ.

Новымъ пидничкамъ на 1894 г. будетъ разослана бесплатно напечат. въ 1893 г. I ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдельного изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненныхъ въ Царіжѣ.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣль, 2) Провинциальная печать Л. Прозорова, 3) Новые книги, 4) Письма: изъ Америки В. Макъ-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая лѣтоись. 7) Театръ, 8) Литературные замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки: Безъ доставки въ Спб. конторѣ журнала. На годъ, 12 р. По полугодіямъ, Январь 6 р. Іюль, 6 р. По четвертамъ года. Январь 3 р. Аврель, 3 р. Іюль, 3 р. Окт. 3 р. Бесь досг. въ Москвѣ въ конт. Печевской и магаз. Карабасникова. На годъ, 12 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 6 и. 50 к.

Іюль, 6 р. По четвертамъ года. Январь 3 р. 50 к. Апрѣль, 3 р. Іюль, 3 р. Окт. 3 р. Съ доставкой въ Спб. На годъ, 12 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 6 р. 50 к. Іюль, 6 р. По четвертамъ. Январь, 3 р. 50 к. Апрѣль, 3 р. Іюль, 3 р. 50 к. Окт. 3 р. Съ перес. въ Имперіи. На годъ. 13 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 7 р. Іюль, 6 р. 50 к. По четвертамъ года. Январь, 3 р. 50 к. Апрѣль, 3 р. 50 к. Іюль, 3 р. 50 к. Окт. 3 р. Загравицей. На годъ. 15 р. По полугодіямъ. Январь, 8 р. Іюль, 7 р. По четвертамъ года. Январь, 4 р. Апрѣль, 4 р. Іюль, 4 р. Окт. 3 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертамъ года безъ повышения годовой цѣны. Для служащихъ помѣсачная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Для учащихъ и учащихся льготными условия по соглашению.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Спб. Троицкая ул., 9, и въ отдѣл. конторы: въ книжн. магаз. Фену и Ко, Спб., Невскій, 40 Въ Москвѣ въ конт. Н. Печковской. Петровскій дамі; а также въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книжн. магаз. Нового Времени въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; —Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ; —Н. Я. Баширакова въ Казани, и въ друг. книжныхъ магаз.

Издательница *Л. Гуревичъ.*

Редакторъ *М. Альбогъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

(5-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ течевіе 1893 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: 1) Маленькие моряки (Изъ воспоминавій о Морскомъ корпусѣ). К. М. Станюковича; 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній М. И. Семевскаго; 3) Неугаданный (Педагогический случай). С. В. Максимова; 4) Первый годъ моей учительской деятельности (Изъ воспоминаній начальной учительницы); 5) Страница изъ истории нашего женского дамашняго воспитанія въ недавнюю старину М. К. Николаевой; 6) Воцарство объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го. А. В. Бѣлецкого; 8) Епархиальная женская училища въ первое пятидесятилѣтіе ихъ существованія. Д. Д. Семенова; 8) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. И. Г. Мижуева; 9) Мечты и дѣятельность въ вопросахъ гигиены и воспитанія. В. В. Горицкаго; 10) О школьнай реформѣ съ точки зрения гигиениста. А. С. Виреуса; 11) Первая всероссійская гигиеническая выставка 1893 года. Его же; 12) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. П. М. Головатева; 13) Характеристика учениковъ Ф. С. Матвеева; 14) Выѣмканская школьнай литература. С. П. Незлобина; 15) Идейность и художественность въ дѣтской литературѣ. В. Зина; 16) Къ вопросу о дѣтской лигатурѣ. О. И. Роговой; 17) Педагоги и взаимопомощь. Н. Ф. Арепьевъ; 18) Вопросъ о приготовленіи преподавателей для

гімназій. Проф. В. І. Модестова; 19) Пенсіонне обезпеченіе народныхъ учителей. А. М. Тютрюмова; 20) Состояніе народного образованія въ селяхъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго; 21) Краткій очеркъ начального народнаго образования въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго; 22) Народное образование въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго; 23) Воскресная школы въ Славгородѣ-Кавказскомъ. Я. В. Абрамова; 24) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасіева; 25) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С. И.; 26) Ближайшій задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ спѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой; 27) Система мѣръ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Елг. Д. Максимова; 28) Начальное обучение письменному изложению мыслей (Дидактические советы учителямъ народныхъ школъ) А. И. Анастасіева; 29) Геометрия въ городскихъ училищахъ. В. А. Латышева; 30) О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ. Его-же; 31) Авторитетное слово въ области методики математика. С. И. Шокоръ-Троцкаго; 32) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ф. Соколова; 33) О церковно-славянскомъ языке. А. И. Тарновскаго; 34) О мѣрахъ къ поднятію уровня сочинений абитуріентовъ. А. А Дмитревскаго; 35) Желательная постановка экстemporальныхъ работъ по древнимъ языкамъ. Его-же; 36) Конспектъ девяти весеннихъ ботанико-зоологическихъ экспурусий въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Проф. Д. Н. Кайгородова.

Кромѣ того въ „Русской Школѣ“ за 1893 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постолянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“: А. И. Анастасіева, З. Б. Вуликі, К. А. Иванова, Ш. Г. Мишуева, В. А. Мякотини, Е. Н. Соловьевы, Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ вѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образования. Я. В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Сиб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогического отдѣла Педагогического музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образования въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

3) Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписанная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногородицъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

3) Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гімназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣлевіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасин-кова и „Нового Времени“ и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

1—3.

ОГНРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ.

Годовое изданіе состоять изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжель выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и материалы по различнымъ вопросамъ русской

исторія и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписанна цѣна за годъ 7 руб. въ Москвѣ и 8 руб. 50 коп. съ пересыпкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволять обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергею Ад. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Св. Георгія, или Воздвиженка, Архивц Мин. Иностр. Дѣлъ) или въ книжные магазины И. Глазунова (на Кузнецкомъ Мосту), Карбасникова и Ф. А. Богданова (въ Петровскихъ лавіяхъ).

К. 10.318—3—1.

1--2.

ВЪ 1894 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

ЖУРНАЛЪ

научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложению доступныхъ большинству читателей.

При журнальѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Еронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ сттикахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 9/10 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Киевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“, рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Киевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересыпкою „Трудовъ Киевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ при Киевской Духовной Академіи въ Киевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина въ Киевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи должно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб

за годъ съ пересылкою. Четвіє за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшюрованомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Киевской Духовной Академії“ продаются по уменьшеннй ценѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“, за 1884 г. вѣдь распроданы

Мѣсячные книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдельно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

О ВЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія съѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Совсамо съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
 4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
 5. Программы, конспекты, и библиографические указатели для учащихся.
 6. Библиографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библиотеку и въ студенческий съ отдѣль.
 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
 9. Годичные отчеты по Университету.
 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro via legendi* и т. п. а также и самыя диссертации.
 12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собранияхъ.
 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
 14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
 15. Материалы и переводы научныхъ сочиненій.
- Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—официальную и протоколь, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научного содержанія),

съ отдѣлами критико-библіографическими, посвященными критическому обозрѣнію выдающихся явлений ученої литературы (русской и иностранной, и научной хроники), заключающимъ въ себѣ извѣстія о деятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія, Въ прибавленіяхъ печатаются материалы, указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.,

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей, Въ случаѣ выхода приложенийъ (большочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложенийъ, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты вроющихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своимъ къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Редакторъ В. Иконниковъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
на Самую Большую и Самую Распространенную на Югѣ Россіи
ЕЖЕДНЕВНУЮ
политическую, литературную, научную, общественную и
коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

ОТЪ РЕДАКЦІИ. До настоящаго времени мы встрѣчали широкую поддержку со стороны публики, выражавшуюся въ быстромъ и обширномъ распространеніи нашего изданія. Позволимъ себѣ напомнить, что эта поддержка не осталась безплодной для нашихъ читателей. каждый шагъ нашего материальнаго успѣха сопровождался новыми и дорого стоющими улучшеніями и весьма крупными затратами. Кроме того въ настоящее время программа газеты расширена очень существеннымъ дополненіемъ, — введеніемъ юридического отдѣла. Такимъ образомъ наше прошедшее ручается читателямъ за будущее, доказывая опытнымъ путемъ, что и впредь мы будемъ употреблять нашъ материальный успѣхъ на пользу самого дѣла, т. е. на

дальнійше усовершенствованіє газети, какъ во внутреннемъ литературномъ отношеніи, въ полнотѣ и изобилиї свѣдѣній и статей, приближалась по мѣрѣ возможності, къ выработанному типу наилучшихъ заграничныхъ изданій.

Въ газетѣ „Одесскія Новости“ помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы искусства, науки и техники. Кроме специально посвященныхъ одному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій федѣтонъ. Все это иллюстрируется цинографическими портретами и рисунками. Кроме того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подпісчикомъ иллюстрированный „Дѣтскій пурмеръ“ содержащий разсказы, стихотворенія, и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитъ является въ „Одесскіхъ Новостяхъ“ областной отдѣлъ, который имѣть въ своемъ распоряженіи 66 отдѣлений въ различныхъ городахъ Юга и кроиѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, где имѣть отдѣлений. Вмѣстѣ съ тѣми заведены болѣе прочныя сношения заграницей и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки и пересылки:

Съ доставкой и пересылкой
въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	3 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 р.

Въ разничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ ОДЕССѢ, въ Главной Конторѣ: Ланжероновская ул. (Шале-Рояль), соб. домъ.

ОТДѢЛЕНИЯ КОНТОРИИ въ другихъ городахъ: Аккерманъ, Александровскъ Алешевъ, Балтъ, Батумъ, Бендерахъ, Бердичевъ, Бердянскъ, Берзовъ, Бершадь Богодолъ, Бериславъ, Белградъ, Бобруйскъ, Винницѣ, Вознесенскъ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелъ, Геническъ, Гайсинъ, Дунаевцакъ, Евпаторія, Екатеринославъ, Ейскъ, Елизаветградъ, Житомиръ, Измаилъ, Килия, Крив.Рогъ, Крив.Озэръ, Кіевъ, Каховскъ, Каменецъ-Подольскъ, Козатинъ, Керчи, Килиненъ, Кременчугъ, Липовецъ, Луцкъ, Маріуполь, Мелитополь, Москвиѣ, Могилевъ-Подольскъ, Новомиргородъ, Ново-георгіевскъ, Николаевъ, Нѣжинъ, Оргїевъ, Полтавъ, Проскуровъ, Рени Ростовъ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополь, Смѣлъ, Симферополь Сорокахъ, Тирасполь, Тальновъ, Тульничѣ, Уманъ, Харьковъ, Хотинъ, Херсонъ, Ятѣ, щеодосії.

Редакторъ-издатель А. Старковъ

Съ 16 ноября газета „Одесскія Новости“ буде печататься новымъ шрифтомъ.
1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1894 годъ
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ
ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную и Экономическую Газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ раздѣленной на слѣдующіе отдѣлы:

I. Правительственные распоряженія.	XI. Фельетонъ-крошка.
II. Телеграммы Северного Телеграф-
наго Агентства и отъ собственныхъ
корреспондентовъ.	XII. Зигзаги.
III. Специальная ежедневная теле-
граммы курсовая и фондовая с-по-
тербургской биржи.	XIII. Протоколы жизни.
IV. Передовая статья по внутреннимъ
вопросамъ.	XIV. Ростовскій альбомъ.
V. Политическое обозрѣніе.	XV. Хроника (историческая и общая).
VI. Иностранныя извѣстія.	XVI. Корреспонденціи.
VII. О чёмъ пишутъ	XVII. По Россіи.
VIII. О чёмъ говорятъ.	XVIII. Мелочи (сценки и наброски).
IX. Злобы дня.	XIX. Фельетонъ литературный, науч-
ный, беллетристический и др.
X. Летучие листки.	XX. Театръ и музыка.
	XXI. Наука и литература.
	XXII. Торговая связь.
	XXIII. Справочный отдѣлъ.
	XXIV. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Край“ будуть помѣщаться портреты и рисунки,
имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событиямъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

Безъ доставки:

12 мѣсяц. 8 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. 50 к.
11 " 7 " 50 "	5 " 3 " 75 "
10 " 7 " — "	4 " 3 " — "
9 " 6 " 50 "	3 " 2 " 25 "
8 " 6 " — "	2 " 1 " 80 "
7 " 5 " 25 "	1 " — " 80 "

Съ доставкой и пересылкой:

12 мѣсяц. 9 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. — к.
11 " 8 " 50 "	5 " 4 " 25 "
10 " 8 " — "	4 " 3 " 50 "
9 " 7 " 25 "	3 " 2 " 75 "
8 " 6 " 50 "	2 " 2 " — "
7 " 5 " 75 "	1 " 1 " — "

За пересылку газеты заграницу взимается, сверхъ подписной цѣны,
60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается по соглашенію съ
контрорю. Вносы по разсрочкѣ производятся: при подпискѣ—3 р., 1-го мая—3 р.
и 1-го августа—3 руб.

Подпись принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца и не
далѣе конца текущаго года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты: „Приазовскій Край“, Большия Садовая, д. Фронштейна и въ собств. домѣ, уголь Больш. Садов. и Братского пер.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА И

Главное и юного уда-
лого политику, пере-
лагать и обсуждению
всех вожакоющих

вопросов и фактов
общественной, сель-
ского и хозяйственной

промышленной и быто-
вой жизни в Рос-
сии. Новости о се-
льском изъяне наружных

источников. Высшая
достоверность и пол-
нота торгового и бир-
жевого отрывков. Въ-

фельетоны, беллетри-
ческие проказы де-
ни, воскресные на-
брюки, литератур-

ные, музыкальные,
театральные, научные,
сельскохозяйственные, бе-
зья, очерки изъ

провинциальных
и заграницы
жизни.

пять журналов БЕЗПЛАТНО:

„Фабрично-Промышленный Вѣстник“

„Землемѣрческий Листок“

„Стародавний Сборник“

„Типажный Листок“

„Акционѣт“

на год

10 р.

на год

15 р.

на год

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 ГОДА.

(Годъ тридцать второй).

Русский Архивъ въ 1894 году будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніеми.

Подписька цѣна „Русскому Архиву“ въ 1894 году съ пересылкою и доставкою—девять рублей. Для чужихъ краевъ—дѣвънадцать рублей.

Подписька принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русского Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ доинѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печниковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ въ Одессѣ.

Цѣна отдельныхъ книжкамъ: за одну по 1 руб. 25 коп. за двѣ по рублю, за три по 80 коп., за четыре и болѣе по 75 коп. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго въ иногородній—30 коп.; городскаго на иногородній—90 к.; иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными въ печати, „Русский Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русского Архива“ открыта ежедневно, кроме праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ обласненій съ издателеми—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. два.

Составители и издатели „Русского Архива“ *Петръ Бартеневъ.*

1—3.

Юрій Бартеневъ.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ

Литературно-политическая и художественная газета.

„ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО“

Съ ПЕРИОДИЧЕСКИМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Подписька цѣна: съ доставкою и пересылкою на 1 годъ—8 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 3 мѣс.—8 руб., на 1 мѣс.—1 руб. безъ доставки и пересылки на 25% менѣе.

Для годовых подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 ру., 1 Мая—2 руб., и 1 Іюля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Января по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятителлской ул., № 16 (у церкви Андрея Первозванного).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *I. П. Мануковъ и M. Е. Краинскій.*

Редакторъ *M. Е. Краинскій.*

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ XLIII, 1893 Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

	стр.
I. ВОСПОМИНАНИЯ ИОСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. <i>Продолжение слѣдуетъ</i>	1—28, 185—213 185—213
II. ПРОЗОЮ ИЛИ СТИХАМИ НАПИСАНО «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ»? Ю. Тиховскаго.	29—54
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ ВЪ ВИЛЬНЪ. Н. Б.	55—79
IV. ПАМЯТИ И. И. МАНЖУРЫ. Н. Ф. Сумцова.	80—90
V. АВТОБИОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУИЧКА ГЕЕВСКАГО. 1813— 1862 г.	91—111, 427—448
VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕ- ТИКИ. 1750—1784 г. 112—123,	298—316
VII. БОЙ-ЖИНКА. Неизданное драматическое сочиненіе Г. Ф. Квитки.	124—152
VIII. 50-ЛѢТНІЙ ЮВІЛЕЙ КІЕВСКОЇ АРХЕОГРАФІЧЕСКОЇ КОМІССІІ	III—VI
IX. ПІСЬМА Г. Ф. КВІТКИ КЪ А. А. КРАЕВСКОМУ. (<i>Про- долженіе слѣдуетъ</i>) 214—222	376—374
X. МУСИНЪ-ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ 1414 г., КАКЪ ИСТОЧ- НИКЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ. А. В. Лонгинова	223—234
XI. ТРИ ШЕЛЕСТА. (Изъ исторіи колеивщины). В. Щербины. .	235—240
XII. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ОБЪ ОТРАВЛЕНИИ ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ. Н. Ф. Сумцова	241—261
XIII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОМОНА АКИМОВИЧА СОЛ- ТАНОВСКАГО. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>) 262—279 . . .	385—407

II.

ОТР.

XIV. ЧЕРНОКНИЖНИКЪ. (Изъ рассказовъ бабушки). К. Ванченко- Писонецкаго	280—297
XV. КЪ РИСУНКУ. (Даръ гетмана Мазепы гробу Господню). Князя Александра Дабижи	317—321
XVI. КУЛЬТЬ ХЛЪБА ВЪ МАЛОРОУССКИХЪ КОЛЯДКАХЪ Хр. Ящуржинскаго	408—416
XVII. СТАРЦЫ. Полтавская легенда Ф. Кудринскаго	417—426
XVIII. МАЛОРОУСКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА. Козелецкій уѣздъ. (Съ рисункомъ). Н. Степоваго	444—450
XIX. ВОПРОСЪ О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ИСТОЧНИКѢ УКРАИН- СКОЙ ОПЕРЫ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО МОСКАЛЬ ЧА- ЧАРИВНЫКЪ. Н. П. Дашиевича. Съ приложениемъ) .	451—482
XX. ЛЕОНІДЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛЪБОВЪ. Некрологъ. В. Науменка	482—486
XI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТЯ И ЗАМѢТКИ: а) Предписаніе князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г. Сообщ. Н. Шугуровъ. б) Холмскій музей церковныхъ древностей. Н. П. в) Козацкое донесение объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. Н. Любовичъ. г) Къ исторіи просвѣщенія въ Га- лиції. Миронъ. д) Строгая генеральша. е) Поправки къ надписямъ въ черниговскомъ соборѣ. ж) Извѣщеніе о праздно- ваніи пятидесятилѣтія существованія кievской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. з) Поправка. Троціны. А. Л. и) Къ исторіи культуры. А. Л. і) Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. В. Г. в) Антифѣевка. Н. П. л) «Stabat mater dolorosa» въ народной поэзіи волынской губерніи. Ф. Кудринскій. и) Къ вопросу о порчѣ малорус- скихъ пѣсенъ. Ф. Кудринскій. н) Письмо гр. Кирилла Ра- зумовскаго къ матери. ф) Мѣстечко Острополь Новоградъ- Волынского уѣзда Волынской губерніи. Николая Александ- ровича Компанскаго. х) М. М. Макаровскій. Глаголя. ц) Къ исторіи Кіевской Археографической Комиссіи. ч) Полтавскіе цехи въ концѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка. В. М. щ) Раз- дѣль посполитыкъ въ 1774 году. В. Г. ѿ) Оригинальное вѣнчаніе (1766) А. А. ѿ) Отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійск. ю) Замѣтка 153—167, 222—242	487—512

III

CTP

ПРИЛОЖЕНИЯ:

- 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
(стр. 145—160, 161—176, 177—192.)
- 2) Слово о пльку Игоревѣ. **Ю. Тиховскаго.** 1—15.
- 3) Библіографическій указатель статей, по-
мѣщенныхъ въ «Кiev. Стар.» за первое десятилѣтіе
81—96, 97—108.

Четвер. 21. Принесенъ зъ С.П.Бурху именний печатний, указъ за собственною рукою его величества, составлений 8-го септевр., въ якомъ выражено, чтобъ никакихъ указовъ и писемъ, которіе бъ партикулярно о какихъ нибудь дѣлехъ писаны были отъ князя Меншикова и другихъ, не слушать и по онихъ исполненія никакого не производить подъ опасенiemъ его величества гибва. Получилъ я отъ Горки, архиеря Великоустюжского, листовъ 2 и тестаментъ, въ якомъ и мнѣ 100 р. отдать приказалъ. Приговориль минѣстръ стать брегадиру въ нашемъ дому, котораго упросилемъ, чтобъ ясневелможной квартера зде была, а не брегадиру. Демянъ, Алексѣй, Андрушко и кучерь пріехали зъ Астраханѣ и привезли дѣвочку калмычку, давно за мене купленную.

Пятокъ. 22. Сегодня рано быль я зъ родителемъ у минѣстра, где пересмотрувано бунчука и булави гетманскихъ и другихъ клейнотовъ, тако же читанъ указъ членамъ колежскимъ написанный, въ якомъ выражено, что колегіи не быть, а быть гетману и суду енералному, до котораго суда два зъ членовъ придани, а именно брегадиръ Арсениевъ и подполковникъ Количевъ и третій, еще котого именно неписано, и суду тому отправоватись по нашимъ правамъ, въ которіе немѣшали бы оніе члени, но точію присутствовали для правосудія и имѣли бы одного подканцеляриста, да копеиста, котою бы всякое дѣла записывали въ протоколъ; а кто недоволенъ будетъ судомъ тѣмъ, и ему бы волно бить чломъ гетману, а гетманъ зъ минѣстромъ таковіе дѣла будутъ разсмотривать, неправихъ судей за то штрафовать. Ясневелможная зъ своего веригинскаго двора переехала въ нашъ дворъ, где и обѣдала, и почовала. Пріехалъ братъ Семенъ и всѣ полчане лубенскіе. Старшина лубенская были у минѣстра, который имъ сказавши объ отставцѣ отъ полковничества родителя, велѣль имъ подпісатись, что чули таковий указъ зъ приложомъ тимъ, чтобъ всякъ въ обидахъ своихъ па род. чломъ били, о чомъ имъ и указъ данъ, и оній указъ они, удариивши въ котли и собравши народъ, читали. Сказывалъ сіе атаманъ 23-го септевр., едушимъ намъ зъ обозу отъ полковника мир.

Субота. 23. Сегодня поздно ездилъ родитель до Наумова, а кушалисмо у себе и ясневел. съ нами, а по обѣдѣ ездилемъ до секретара Напѣева.

Недѣля. 24. Сегодня рано ездилисмо зъ родителемъ до обозу, где были у п. полков. миргор., и я былъ у п. Павла и повернувшись назадъ, кушалисмо у себе, и съ нами швакгри п. Полуботки, а ясневел. и родитель у п. судівной.

Понеделокъ. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе. Шрамко отозвался сварковскій до род. зъ суплѣкою о двору оробювскѹ. Алексѣй слуга повернулся зъ Сваркова и обявилъ, что рыба вся зложена тамъ въ людовиѣ, а именно сули 6000, чабака 6000, сезоней 500, сомовъ 100, да тамъ же сули Семена Бардака 400, воловъ 56 и 5 воловъ въ Ромнѣ Роману злѣценнi, возовъ 14, а пятнадцатий въ Ромнѣ жъ; яромъ 29 зъ привоями ремѣнными, шворней желѣзныхъ 10 и проч., въ Глуховѣ тутъ зложено 3 бочки и четвертее барило осятрини просулной и барило кавибу. Вечералисмо вкупѣ у себе зъ ясневел. и Стаковичемъ.

Вовтор. 26. Сегодня службы божай слухалисмо въ церкви ст. Анастасії, где архиепископъ кievскій служилъ. Бувши я у канцеляріи Наумова, получилъ отъ секретара указъ вичитать объ отставцѣ родителя отъ команди, яковий составленъ въ іностранной колегіи, за рукою графа Головкина, юля 29-го, а въ ономъ указѣ выражено, что того жъ юля 26-го состоялся указъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ — отлучить отъ полку полковника полку лубенского Андрея Маркова и освѣдительствовать о поступкахъ его въ битность его при томъ полку, о тягостехъ тому полку отъ его бывшихъ, и таковое свѣдительство за рукою его г-на Наумова и тѣхъ кто покажеть, присилать въ тайний верховный совѣтъ, къ якому указу приложили руки правители вой. енер. канцеляріи и старшини пол. лубенская, что онимъ таковий указъ обявленъ, и къ оному жъ указу особливо приложено предложенне г-на Наумова, въ якомъ выраженno, дабы всякъ на родителя моего жалоби имъ показанніе запосили, не посягалъ и не закривая. Кушаль родитель у Наумова, а мы у себе сами съ присутствующими.

Середа. 27. Сего́дня бы́ли мы на водцѣ и ясневел. у п. судіиной, а обѣдали всѣ у насть. По обѣдѣ, ездили мы зъ род. до бани своей мѣской. Столповскій приходилъ сюда и обѣдалъ съ нами, а говори́лъ родите́ви, что неволно мовить намъ ходить до васть, въ томъ фискалуютъ обозний и Савѣцкій.

Четвер. 28. Сего́дня бы́ль я рано у п. Михайла, швакгровъ п. п. Полуботковъ, а обѣдали у себе зъ Борковскимъ, Писалемъ до...

Пятое. 29. Андрѣевскій староста отправленъ въ С.П.Бурхъ зъ чоло....Андрушку кучеру и пастухови сulaцкому далемъ по 5 коп., а Юску Сердюченку 2 р. Молодицамъ подавалемъ китай и футра сѣре.

Субота, 30. Сего́дня службы божи́е слухали́сь у судейской церкви, а по службѣ ясневелможная, родитель, я и Савѣцкій писарь зайдли до судіиной на водку. Савѣцкій тамъ въ притомности всѣхъ насть и Рожанского гадацкого говори́лъ, что министръ велѣль имъ обяви́ть въ полку, чтобы зъ обидами отзывались всемъ на родителя, ничего не закрыва́л, о чомъ и указъ дать на письмѣ обѣщалъ. А потомъ поехали́сь до ясневелможной и тамъ обѣдали́сь, а потомъ до швакгровъ ездили́сь, оттоль я езди́лъ до министра, где и родитель бы́ль.

Окта́вр. мѣсяцъ. Неделя 1. Сего́дня рано пріехали мы до полковника миргородского Даніила Апостола, где всѣ были съ знатныхъ людей и бунчукови, а полковники и старшина полковая и сотники зъ всѣми козаками, при войсковой музицѣ, зъ знаками, ишли пѣши въ городъ, поневажъ вчорайшого дня при котлахъ и трубачахъ та́ковий обявленъ указъ, чтобы нѣхто въ городъ сего́дня конемъ неехалъ, а пѣши ишоль; а постановилися окружъ площадѣ, будучой между Николаемъ святымъ и Тройцею церквами. Потомъ, полковникъ миргородский и мы всѣ при немъ пріехали до министра, откуду первей секретарь его Напѣевъ взявшъ на блюдо сребраное, тавтою червоною покритое, грамоту государову поехалъ въ каретѣ, а предъ нимъ и около его ишли салдати, по немъ Левенецъ правитель на подушки, тожъ таюю чирвоною покритую, неслѣ булаву гетманскую, за нимъ несли: сотникъ глуховскій—короговъ, Гречаний Федоръ—бунчукъ, Иванъ Гамалѣя—значокъ, Андрей Миклашевскій—также

на подушцѣ печать. Предъ ними и около нихъ ишли салдати оружейно, за ними ишли мы бунчуковіе и канцелярія енер., а потомъ, въ каретѣ зъ минѣстремъ ехалъ полковникъ миргородскій и когда такъ прибула до помянутой площаѣ, где краснимъ сукномъ столъ укритъ быль и къ оному придѣлани сходи, то неспіши особи клейноти стали близъ того стола, а зъ другой стороны сталъ минѣстръ зъ полковникомъ миргород. и другіе полковники, потомъ минѣстръ обявивъ всѣмъ рѣчъ на словахъ, что онъ сюда пріехалъ для избрания гетмана и чтобы волними голосами оного вибрали, призвалъ черезъ брегадира Арсеніева зъ церкви ст. Николая архиереевъ кіевскаго и чернѣговскаго и архимандриту пещерскаго, спросилъ всѣхъ о комъ благоволять, на что всѣ отказали, указуючи миргородскаго; потомъ, минѣстръ сійшовши на столъ, въ голось спросилъ всѣхъ козаковъ, велѣвши имъ зближитись, и отказали тако жъ, и спрашивалъ три рази на кого изволяютъ, отказовали на миргородскаго; тогда минѣстръ, заходячи зъ стола, обернулся до полковника миргородскаго сказалъ: его імператорское величество, по волнимъ голосамъ, именнимъ своимъ указомъ жалуетъ тебе въ гетмана, и тогда его яѣкоторіе зъ нашихъ подняли подъ руки и звели на столець. Тогда заразъ стребла учинилася во всѣхъ полкахъ и отъ полку солдатъ, который тутъ же на другой сторонѣ площаѣ стоялъ, и съ пушекъ по роскатахъ, а гетмана зъ толца знову подъ руки звели, которому минѣстръ булаву и другіе клейноти давалъ въ руки; зъ духовенства архиерей кіевскій привѣствовалъ оного и тако всѣ шойшли въ церквь Николая, и служба божая началась. По совершеніи службы божой, молебенъ быль соборний, а по молебнѣ гетманъ присягу викональ на вѣрность его імпер. в-ву, а потомъ казанно было, по казанию конецъ при стребѣ пушечной, и тако окончилася церемонія тая. Вишедши зъ церкви, пошолъ гетманъ съ минѣстромъ и архиереями и всѣми въ дворъ гетманскій, где всѣ и кушали при стребѣ пушечной.

Понеделокъ. 2. Сего дня рано собирались всѣ до гетмана зъ поздравленіемъ, а я ездилъ оттуду до архиерея кіевскаго и посыдѣвшіи у его доволно, пріехалъ домой и обѣдалисмо сами. По

полудиѣ, у третемъ часу, зехались всѣ зъ знатнѣйшихъ до минѣстра, где вечерали и гуляли до полночи при пушечной стрѣлбѣ.

Вовтор. 3. Сегодня обѣдалисмо у себѣ и ясневелможная съ нами; приходилъ до насть архимандритъ пещерскій кланятысѧ ясневел., а по обѣдѣ ездила ясневел. и мы до его, отца архимандриты, где застали чернѣговскаго архиерея и тамъ позабавилисмося долго, оттуду заехалимъ до швакгровъ своихъ, а потомъ и домой. Получилъ писмо отъ Волинскаго, въ якомъ означаетъ, что въ Переярвинахъ сѣна укошено 72 скирти, а жита посѣяли 40 четвериковъ роменскихъ.

Середа 4. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ родитель остался для минѣстровой, мѣвшой быти у ясневел., а я отехаль въ домъ свой и засталемъ швакгровъ своихъ Полуботковъ у себѣ, которимъ и о нашемъ говорилисмо, інтерессѣ, и они обѣщали.

Четвер. 5. Сегодня рано ездилемъ въ городъ, видѣлемъ зъ п. Михайломъ и въ церквѣ ст. Анастасіи службы божіи слухалемъ. Отъ его же зачулемъ, что князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, когда пріехалъ въ С.П.Бурхъ, то пожалованъ зосталь милостію монаршою, же дочерамъ его всякой дано на вѣно по 1000 р. червоннихъ. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ ходиль я до отца архимандрити пещерскаго, отоль ездилемъ до ясневел. и тамъ вечералемъ.

Пятокъ 6. Епископъ новопоставленный Переясловскій „ “ Поповъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Москви, которій сказывалъ, что свѣтл. князь Меншиковъ сосланъ въ силку въ Арапибурхъ со всѣю фамилїею своею и чтобы не воспоминать въ церквѣ дочерѣ его, а обрученной государевой невѣсти Маріи Александровни. Устроенни старшина енер.: Галаганъ обознимъ енер., Кочубей полков. полтавскімъ, Раковичъ мѣеть быти прилуцкимъ полковникомъ, Рощаковскій судію енер., Турковскій другимъ, Семенъ Чуйкевичъ писаремъ енер., Іванъ Гамалія асауломъ енер., Андрей Миклашевскій—хоружимъ енер., бунчучнимъ енер. Григор. Стороженко, сотникъ ічанскій, зъ которихъ не всѣ еще утверждени такъ. Писма до князей Галѣциновъ, Димитрія и Михайла Михайловичевъ, составилисмо, а отъ архим. пещер. до князя Дмитрія Мих. и до отца Екопи въ пакетъ еденъ запечатали.

Субота. 7. Духовенство все, архиерей кіевскій и черніговскій и архимандритъ пещер. розехались во свояси, а мы обѣдали у себѣ зъ ясневелможною. По обѣдѣ ездилемъ въ городъ, до двору гетманскаго, где и ясневел. пріехавши, была воспріемницею зъ Наумовимъ, а комендатша зъ гетманомъ, синови Милорадовича, полков. гадяцкаго.

Неделя. 8. Сего дня обѣдалисмо зъ ясневел. у судіной. Родитель отехаль въ Роменъ.

Понеделокъ. 9. Сего дня на имениахъ моихъ обѣдали у насъ ясневелможная, Количовъ Андрей Ивановичъ зъ женою, полковникъ нѣжинскій Хрущовъ, п. Михайло, Степанъ Мицлашевскій, п. судіна. Ясневел. дала атласу зеленого на портище, для именинъ. Послани въ С.П.Бурий Михайло Забѣла, Лукашъ переясл.¹⁾, Мартинъ Штишевскій, Григор. Стороженко, до двору монаршаго зъ тимъ, что избранъ гетманъ.

Вовтор. 10. Сего дня рано быль я у церкви ст. Анастасії на службѣ, а по службѣ у п. Михайла, а на обѣдѣ пріехалемъ до ясневел. Обосладемъ ясневелможную рибою вялою, чабаковъ 1000, сули 200, короповъ 50. Наказани ключникъ, дѣвки и проч. за ночную продерзость. Епископъ новопоставленный Переяславскій Поповъ бувъ у ясневел. и сказовалъ, что государиня царица Евдокія, супруга бывшая его величества блаженной памяти Петра Первого, а нинѣ щасливѣ государствующаго монарха Петра Второго бабка, обрѣтается въ Москвѣ у Новодѣвичаго монастыря при достойной славѣ, чести и почитаніи отъ всѣхъ.

Середа. 11. Сего дня отехаль Леонтій Янковскій въ домъ, чрезъ которого писалемъ до род. и Волинскаго зъ особна о присилцѣ виправи и Андрушка сюда въ Глуховъ въ скорости. У вечеру былемъ у Наумова, который сказывалъ, что гетманъ прислалъ къ ему чолобитнихъ до 20, поданныхъ на отца моего, хочай онъ гетману и говорилъ, чтобы такихъ чолобитнихъ непринимать онъ, але подавали бы чолобитчики ему Наумову. Деманъ росписался, что по облѣкахъ долженъ онъ на должникахъ стягать денги, а особливо

¹⁾ Лука Васильевичъ, обозный Переяславскій, родоначальникъ Лукашевичей.

доводячіся денги долженъ онъ отдать, якіе стратиль на свои потреби, а именно 48 р. и 53 коп.

Четвер. 12. Сего дня празновали рожденіе его імпер. в-ва и съ пушекъ стреляли. Обѣдалисмо въ дому зъ сотникомъ глинскимъ, а у вечера ездили до ясневелможной и тамъ вечерали.

Пятокъ. 13. Сего дня рано быль я у двора гетманского, где министръ и гетманъ, призвавши Кондзеровскаго, допитовались объ вѣдомостяхъ, якіе онъ подаль въ зборахъ на гетмана, вибиралихъся въ колегію бувшую малор. Якова посылаlemъ до Демяна хоруючого, который облѣкъ его, въ якомъ и другихъ облѣкъ пописани, задолжившихъ въ Судаку, читалъ матерѣ его и братови, чтобъ они, ежели бы умеръ, по немъ уищали, въ чомъ они не отрѣкалися. Лозовскому, поехавшому въ Роменъ, далисмо З р. на ячмѣнь. Черезъ его жъ писалемъ до родителей обоихъ зъ прошеніемъ присилки дуль сущенихъ и чтобъ Лозовскій обсильками и нась не миновалъ. Получилемъ отъ род. писма, въ якихъ ко мнѣ пишеть, что подданніе непослушни стали, козаковъ для посылки зъ писмами забороняютъ давать и прочтіе дѣлаются досади и укоризни.

Субота. 14. Сего дня отъ п. гетмана получилемъ писма до родителя и обозного лубен. отвѣтніе на листъ родителскій, чтобъ посланъ быль кто зъ значковичъ въ маєтности родителскіе и полковіе, дабы они по прежнему послушенство отдавали до двора родителскаго, поколь родитель пришлетъ копіи грамотъ и унѣверсаловъ, по которыхъ розибрали маєтности, собственное при родителю останутся, а полковіе мѣютъ отобразися. Якіе листи зъ моимъ листомъ послалемъ до родителя черезъ сторожа глинскаго. У вечери быль я у министра Наумова, который презентовалъ чолобитнихъ 5 на родителя, поданныхъ гетманови, а отъ него при введеніи до министра присланнихъ: 1) отъ Татіяни Кулабковни Василевой, за футортъ, 2) отъ Петровскаго за Сухоносовку, 3) отъ Шила, козака чигириндубровскаго, за коня якогось, 4) отъ Повторацкаго ясманскаго, за грунтъ, 5) сотниковъ пересловскаго и стародубовскаго, за 2 пушки, въ Царицынъ оставленныхъ. Гетманова пріехала въ Глуховъ, зъ родомъ своимъ, нинѣшиаа. П. Михайлу черезъ Алексія

послалемъ 4 баранци, ему давно купленніе по 2 р., а особливе 13 для выбороу, которое въ него и остались.

Неделя. 15. Сего дня кланялися мы гетмановой иннѣшной, а обѣдалисмо въ домъ, и съ нами Степанъ Миклашевскій зъ паню и Иванъ Максимовичъ. П. Михайлу послалемъ параманъ свой, чили тигум hyspanicum. Ездилемъ у вечера до ясневелможной и вечералемъ тамъ.

Понеделокъ. 16. Рано ездилемъ до п. Михайла, оттуду прѣхавши въ домъ, обѣдалемъ зъ Романовичемъ и сотникомъ глинскимъ, по обѣдѣ биль у ясневелможной, а вечералисмо у себѣ зъ ясневел., которая у п. судіной и почовала. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость о прїездѣ п. полковника ахтирского въ домъ его, прошлого числа 11-го сего м-ца, въ середу. Особливе зъ Ромна привезена копія розиску, Протасіевимъ о старшинѣ лубенской чинившогося.

Вовтороє. 17. Сего дня службы божой и молебня за именинника родителя слухами у судейской церкви и обѣдали у судіной. Явился тамъ же Лѣсаневичъ, протопопи прилуцкого братъ меншій, інспекторовавшій у братовъ моихъ, который нѣсколко лѣтъ по чужихъ краяхъ перекгриновалъ, а теперь пріехалъ зъ С.П.Бурху и сказывалъ, что при его еще битности, въ первыхъ числахъ сентября, князь Меншиковъ зъ высокого степени щастя своего снаде и віехалъ. указомъ чили висланъ зъ С.П.Бургу, якъ слишно до Оранібурха.

Середа. 18. Сего дня рано послалемъ слугу Тарасу въ Роменъ до род. о его прибитію сюда. Ему жъ Тарасу дана інструкція въ 9 пунктахъ, о томъ именно: чтобы каретку дать обмалювать, у Дениса шинкара взять 6 р., бить ему въ Сухоносовцѣ, футорѣ и Перевинцяхъ, виправу сюда вислатъ и проч. Обѣдалисмо сами у себѣ, а по обѣдѣ ездили до ясневельможной. Левенецъ присыпалъ ко мнѣ слугу своего Данила зъ тимъ, что когда Калюжненки сегодня пану гетману кланялись, позволилъ имъ у футорѣ моемъ мене имъ грабить; тожъ и Климови ключникови отъ мене за тимъ же, для лутшого извѣстія къ нему посланному, говорилъ. Ясневелможная п. Михайловой Скоропадской¹⁾ подарила у вечера кунтушъ

¹⁾ Т. е. дочери новоизбранного гетмана, Прасковь Даниловнѣ, которая въ первый разъ была замужемъ за Мих. Вас. Дунинъ-Борковскімъ, а затѣмъ вдовою, вышла замужъ за вдовца Мих. Вас. Скоропадскаго.

богатий златоглавній, горностаими подшитий а одонками опушений, сподницю златоглаву на табинѣ, шнуроку шитую красную аksamитную.

Четвер. 19. Сего дня рано былъ я у Левенца и тожъ мнѣ говорилъ, зъ чимъ вчора слугу своего Данила присыпалъ. Обѣдали у себе зъ глинскимъ сотникомъ, а по обѣдѣ ездили зъ ясневел., зъ которою, мѣюкою ехать завтра до Гамалѣвки, простились.

Пятокъ. 20. Сего дня рано былъ я у п. Михайла Скоропадскаго, лежачого ради болѣзни его, куда приходилъ п. Павель, (Апостолъ), сотникъ глух., Дмитрашко, новопріехавшій зъ чужихъ краенъ, Максимовичъ и Рудановскій. Въ притомности п. Михайла и Ивана Максимовича, говорилъ сотникови глуховскому о Калюжненкахъ, напрасно на насъ чоломбитествуячихъ, о чомъ онъ вислушавши, сказалъ, что, мовить, и я подписался на купчой доброволно. Увѣдомилъ, что посланіе наши Семенъ Лизогубъ съ товарищи приняти милоستиво въ С.П.Бурсѣ и сподобились его величеству персонально кланяться. Въ інструкцїи министру, въ 18 мѣ пунктѣ, данной, написано: гетманъ и онъ въ надаванню маєтностей и въ отбиранню мѣютъ писать въ іностранную колегію и оттуду себѣ просить резолюцій, а безъ того нѣчого не дѣлать, тако жъ гетману не владѣть маєтностми на уради полковіе належними, до ратушей прислушающими и измѣнничими. Сотникъ глинскій Афанасій (Жуковскій) сказывалъ, что бувъ онъ зъ Матвѣемъ Себастіяновичемъ, канцеляристою, у Андрѣихи Горленковой (дочь Апостола), которая сномянувши о писма свои и унїверсалы данніе на маєтности ихъ бывшіе, а теперь подъ монастиремъ Гамалѣвскимъ найдуючись¹⁾), матерно лаяла ясневелможную и родителя. Получилъ листъ отъ Волинскаго писаній и подводъ 11 прійшло зъ Сухоновскіи въ Глуховъ, и привезено зъ Перевинецъ сира дѣжокъ 4, масла дѣжокъ 23, особливое передомъ посланихъ сира дѣжка, а масла дѣжокъ двѣ, орѣховъ мѣховъ 7, хмелю возъ, проса 9 четвер..

¹⁾ О томъ, какъ гетманша Скоропадская съ помощью мужа укрѣпила маєтности Андрея Дмитріевича Горленка, женатаго на Маріѣ Давидовѣ Апостолѣ, за Гамалѣвскимъ монастыремъ см. въ Русск. Арх. 1875 г., II, 255 и слѣд.

. ? гусей 30, индиковъ 13, курей 50, утокъ 12, овецъ 40, цибулѣ вѣнковъ 30, часнику мѣшокъ, петрушки сноповъ 4. Да оз-
наймуетъ Волинскій въ листѣ, что: 1) на сухоносовцевъ наложено
порцѣй 6, рацѣй, 7; 2) сѣна на Кривой Рудѣ 91 скиртъ найомъ
кошенихъ, а грошовихъ 8; 3) ярины въ Сухонос. у Перер. и у
фут. знато проса 165 кон., овса 180 копъ, гречки 109, шпени-
цѣй ярой 40, ячменю 58 копъ, а жита 355 копъ. Пчоли поста-
вили въ імшаникъ 65 въ Сухонос., а 85 побыли, а меду взяли 3 дѣжки.

Субота. 21. Сегодня службы Божиѣ слухалемъ у ст. Михайла,
по службѣ заездилемъ до п. Михайла, а обѣдалемъ у себѣ зъ сот-
никомъ глинскимъ. Возовъ воловихъ 5, сѣна моего въ Ясманѣ угот-
ованного, а оттолѣ сюда везенного, не доїжджаи Глухова, завернули
гайдуки гетманскіе въ дворъ, и скидано по указу, о которомъ за-
свѣдителствовалъ Михайло якійсь слуга гетманскій, что ему тое
учинить приказано отъ обоихъ. Сіе говорили посыланіе отъ мене
люде мои Климъ и Алексѣй до п. Мих.—Зъ Ромна повернувшіеся
подводи пріехали въ Глуховъ овдокольскіе и привезли 3 мѣха
дуль и 2 солѣ.

Неделя. 22. Сегодня обѣдалемъ у себѣ зъ Опанасомъ, сот.
глинскимъ и Василемъ Ганею, а по обѣдѣ поехалемъ въ городъ
до п. Михайла, где зъ нимъ, зъ п. Павломъ и Лукою французомъ,
игравшими въ карти, сидѣлемъ долго и пріехалемъ на ночь въ
домъ свой. Отпущены подводи сухоносовскіе зъ Глухова при при-
ставу Кондрату Шаповаленку, которому и денегъ 20 р. на жито
до Волинскаго послалемъ, и до его же Волинскаго писалемъ листъ
на аркушѣ въ 16 пунктахъ, где и то приложено, чтобъ прислалъ
сюда проса чи пшона много, также и прочее.

Понеделокъ 23. Сегодня обѣдалисмо у себѣ зъ п. Конзеровскою,
зъ которою до нес издилисмо на іменини сына ея Якова, откуду
 позванъ до Наумова ездилемъ. Такъ же и у п. Михайла былемъ,
потомъ у пана гетмана былемъ, куда первой непринущено жолда-
комъ ¹⁾), а потомъ быль, однако же очей его не получили видѣть.

¹⁾ Жолдаки составляли особую гетманскую придворную команду и употреблялись какъ для караула въ гетманскомъ домѣ, такъ и для посылокъ. См. Опис. Ст. Малороссіи, II, 221.

Получилъ письмо отъ п. Павловой кролевецкой (Огіевской), въ которомъ требуетъ 300 зол. отдачи теперь, а столько же посла за 15 куоъ гор., до которой отписалъ, что торгъ у насъ несостоялся по 8 руб. за куоъ гор., але по 6 р. припять я казалъ, въ якой силѣ и 100 зол. посылаю черезъ козака, чили человѣка ся, прозиваемого Кобѣжского, да и тое приложено, что 5 р. Григорій синъ еи взяль и зъ прежнихъ денегъ остатокъ сюда надлежить зачести.—8 четвер. безъ малнаго чого купилъ Алексѣй ячменю и засипалъ у муру по 2 р.

Вовтор. 23. Висшеписанний листъ и деньги послалъ до п. Павловой. П. Левенцу заплатили за медъ 7 р. безъ зол., по 4 а. пудъ. У лазнѣ милемся у Кондзлеровскаго. Бувъ у п. Михайла, где увѣдомилъ, что доиъ князя Миншикова отданъ чили пожалованъ князь Михайлу Мих. Голѣцину въ С.П.Бурсѣ. Рано присланъ по мене минѣстръ Наумовъ солдата чили сторожа колежскаго, куда когда я прїехалъ, онъ зъ комнати вийшовши зъ гетманомъ, виговарувалъ мнѣ будто мы говоримъ, что минѣстръ обнадежиль насъ въ томъ, що хочъ бы кто и биль чоломъ на насъ, однакожъ тое уничтожитъ, але все было зъ объявлення гетманскаго; понеже тамъ же гетманъ и то сказалъ, что говорилъ здесь родитель мой о томъ будто обозного минѣстръ бравилъ за то, что онъ публѣковаль отца въ полку и побуждалъ людей къ жалобамъ, тамъ же кричалъ онъ же на мене за Калюжненковъ, говорячи, что отняли ми футоръ у нихъ, а не купили.

Середа. 25. Сего дня обѣдалисмо сами и съ нами попъ Астровскій. Прїехалъ родитель въ Глуховъ. Вино все на груши сухіе повисипали. Жена моя устрахнувшись зъ той причини, что мене до минѣстра позвано, заболѣла и всю ночь противъ четверга не спала.

Четвер. 26. У сотника глух. обѣдали гетманъ, минѣстръ и проч., а мы зъ родителемъ у себе. У Клима ключника принялъ деньги 29 р. за рибу теперешнаго привозу проданную, а именно: сомовъ 100, да чабака 4600, и отдалъ оніе деньги Алексѣеви слугѣ на покупку овса.

Пяточъ. 27. Сего дня начали родителя моего судить въ канцелярии министра, Пироцкій, Турковскій, въ справѣ калюжновской. 30 р. зъ иѣшка далемъ вновъ панеи на расходъ, зъ которихъ заразъ Василеви Савущенкови за поставъ сукна, весною взятій, далемъ 8 р. 16 а. 4 д. Несторовичъ пріехалъ зъ Ромна, который сказывалъ, что говорилъ обозній. будто указъ имъ таковий данъ—зъ нимъ Несторовичемъ поступить для того, что онъ намъ свой. Онъ же привезлъ копію указу, чили унїверсалу рейментарского и полкового, публѣкуючаго обѣ отставцѣ и проч. род., именно: по титлѣ, пану полковникови наказному лубенскому, п. п. старшинѣ тамошней полковой, сотникомъ, атаманиѣ, войтомъ и кому о томъ вѣдати надлежатиметъ, симъ нашимъ ознаймуемъ унїверсаломъ. Обявили намъ превосходителний его милость Федоръ Василевичъ Наумовъ, его імператорскаго величества тайной совѣтникъ, министръ, велено Андрея Марковича отъ полковничества лубенскаго отставить, а которое онъ полчанамъ тамошнимъ починилъ обыди, о томъ слѣдоватъ и чинить справедливость. А понеже донеслося намъ вѣдати, что многіи полчане лубенскіе отъ него, Марковича, хочай имѣть обыди, тилко жъ зъ чолобиттемъ или боятся, же нѣкоторіи его Марковича фаворити проглашаютъ, что онъ знову будетъ полковникомъ, того ради симъ унїверсаломъ нашимъ предлагаемъ, дабы вы во всемъ полку лубенскому объявили подлинно: если кто зъ обывателей полку тамошнаго имѣеть отъ него, Марковича, якую обиду въ правду, тотъ бы безъ опасенія зъ чолобиттемъ сюда приходиль до его превосходителства г-на тайного совѣтника и министра, и та-ковимъ всѣмъ обидимимъ будетъ, по расмотренію дѣла, чиненна достойная справедливость, безъ всякой поблажки, и слушное награжденіе непремѣнно по вишеписанному его імпер. в-ва указу. Данъ въ Глуховѣ. Октовр. 20. 1727 году. У подлинного: звишменованій гетманъ рукою власною. По сemu указу зъ Ромна нѣказній отъ себѣ послалъ 22-го октовор. укази въ сотнѣ, приказуючи оніє читать въ городахъ и селахъ, а имя фаворитовъ протолковалъ похлѣбцами.

Субота. 28. Знову призивано родителя до канцелярії миністрової, где въ той же справѣ судили Пироцкій да Турковскій, куда и сотника зъ атаманомъ глуховскимъ для свѣдителства призивано, где атаманъ Федоръ Омеляновичъ призналъ, что когда Калюжнову старую, которой футоръ Калюжновскій есть ~~внесенемъ~~¹⁾, видѣлъ онъ въ 709 году, на ратушѣ, продававшою свой totъ футоръ родителеви, тогда онъ, атаманъ, упоминалъ еи, чтобы не продавала, понеже на тое имѣла дѣла дѣтей своихъ наслѣдниковъ, отказалася на тое: что мовить, волно мнѣ продать, не ихъ се отцевщина, але моя, що атаманъ два рази говорилъ. Пріехавшій Несторовичъ и Соколничій слуга говорили, что въ Ромнѣ замѣщанне учинилось, читано вищепомянутій универсаль 5 разъ зъ протокованнемъ обозного. Коваля покладали бить, що онъ зъ опредѣлення сотничого ездилъ до генер. Дувляса отъ род. Поехалисмо у вечеру зъ родителемъ и пріехали въ почѣ до монастиря Гамалѣвскаго, где застали ясневел. и Кондзеровскаго.

Неделя. 29. Сего дня на обѣдѣ пріѣхалъ министръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ зъ женою своею, сестрою, такъ же и съ племеницею, зъ сотникомъ глуховскимъ и Степаномъ Миклашевскимъ въ монастиръ Гамалѣвскій на іменини ея велможности, где и заночували. Въ Ясманѣ чоловитчикъ Полторацкій забралъ съна 14 воз. нашего, подводи ясманскіе брали, а онъ завозиль въ гетманскій дворъ.

Понеделокъ. 30. Сего дня тутъ вчорайшіе гостї и мы съ нимъ праздновали.

Вовторникъ. 31. Сего дня рано поехалъ министръ, зъ єамильєю своею и ассистовавшими ему, зъ монастира, а обѣдалъ въ сотника глух. у Маковѣ, куда и мы, понорова мало, пріохали, и оттолъ о полдни поехали, пріехали позно въ Глуховъ. Ключникъ мой объявилъ мнѣ, что въ Есманѣ и остатокъ съна моего забрано.

Мѣсяцъ ноеврій. Середа. 1. Сего дня рано были у насъ пропопъ глух. Галлях. и прочіе, а обѣдалисмо сами зъ род. и Несторовичемъ; по обѣдѣ родитель ездилъ до ministra.

¹⁾ Т. е. приданиемъ.

Четвер. 2. Сего дня рано былъ родитель у министровой канцеляріи судии Рощаковскимъ и Турковскимъ въ дѣлѣ Василченковъ лубенскихъ, а я зъ п. Михайломъ видѣлся, а по обѣдѣ съ протопопою Голяховскимъ. До Булгакова посыпалъ я Клима и 5 р. далемъ. Зъ писма брата Марка вѣдомо учинилось, что въ Гданску воли проданы родителскіе по 14 таляр. зъ золотимъ. Принесенъ указъ зъ С.П.Бурха до г-на Наумова—отписать деревнѣ и мѣстечка, бывшіе во владѣніи князя Меншикова, на его імператорское величество.

Пятокъ. 3. Сего дня черезъ нарочного получилъ я писмо отъ брата Марка, ко мнѣ писанное, что гайдай (погонщики воловъ) зъ Гданска пришедшіи, говорили, же мои воли проданы по 17 таляр. зъ золотимъ. Сеей ночи противъ суботи приѣгли зъ футора Калужновскаго парубки, даючи знать, что возвозъ 16 пріѣхало туда у футоръ братъ сѣно наше, чего ради послалъ я Алексея и Юска молодиковъ туда, жебы тихъ людей сюда приводить и привражено уздицкихъ 2 члвѣка и пристава гетманского слугу Данила при Левенцу служившаго.

Субота. 4. Поманутого слугу Данила гетманского отосланъ въ дворъ гетманскій, питаючись за чімъ вѣдомомъ посыпано, где отказалъ Степанъ конюшій гетманскій, что зъ іменного рассказанія гетманского посыпанъ онъ по сѣю тое, якое подарили Калужненки. Тотъ же Данило приишолъ до насъ знову и сказалъ, что онъ присланъ къ намъ отъ гетмана, даби ми вѣдали, чта онъ знову туда едетъ у футоръ братъ сѣно наше и чтобъ тамъ бойки не было, требовалъ отъ насъ посылки туда молодика указомъ гетманскімъ, чего ради посыпанъ былъ Юско машталъръ, а онъ туда пріѣхавши, забралъ наше все сѣно на вози 14 и приводилъ въ Глуховъ до двору гетманского. Веригинцовъ людей нашихъ ¹⁾ отняли отъ насъ на урядъ глуховскій, где когда Климъ упоминался, укорали тамъ войти, а барзѣй Пуховичъ. Указъ или обявленіе за собственною монаршою рукою состоялось, что въ пріѣдучомъ 1728 году

¹⁾ Веригинъ—одно изъ предмѣстій Глухова.

въ януар. и-цѣ, будеть его величество въ Москвѣ коронованъ и помазанъ.

Неделя. 5. Сего дня обѣдалисмо у себѣ сами зъ родителемъ и Несторовичемъ, который у вечеру и отехаль отъ насть.

Понеделокъ. 6. Сего дня до князь Мих. Мих. Голѣцина отправили писмо, а другое къ Шипову о состояніи нашомъ увѣдомляючое, а отправили до ахтирского (полковника), до которого и я зъ подякованнемъ за поздоровление писалемъ. Булисмо оба зъ родителемъ у канцеляріи министровой, где Шрамко, козакъ сварковскій, родителеви сказалъ, что у его развѣ есть воровская чоловитная, о чомъ протестовалъ суддямъ, ходилъ до министра, однакожъ ничего оному Шрамку не здѣжалося. Ясневелможная прїехала въ Глуховъ, зъ Гамалѣвки, у которой увечеру былисмо и потомъ въ свою прїехали квартеру.

Вовтор. 7. Родитель ради слабости здоровья своего не биль у суда, але мусѣль картою своею ознаймить судящимъ болѣзнь свою.

Середа. 8. Сего дня на іменини п. Михайла прошена ясневелможная и обѣдала у пана гетмана, а мы у себѣ кушалисмо.

Четвер. 9. Карапулного оффіцера присыпалъ Наумовъ до отца— взять его и не честю, несмотря и на его болѣзнь, а потомъ уже на мое прошеніе, чили протестованне о его род. болѣзни, онъ вѣлѣль отъ брами завернуть, а потомъ знову, по оскарженю Турковскаго, послати казалъ, посля облишиль, а я за род. поднялся отвѣтствовать. У вечеру ездилемъ до ясневел. зъ п. судіною и тамъ вechералемъ.

Пятокъ. 10. Сего дня въ канцеляріи у суда отвѣтствовалемъ на чоловитніе двѣ: Ющенковой Даниловой роменской и Словуя Требинскаго, сотника ірклѣвскаго, чоловитствовавшихъ на родителя. Посланъ биль Юско машталѣръ отъ мене въ Ясманъ, ведлугъ съна забранного и повернулся сюда зъ Левченкомъ, войтомъ нашимъ ясманскимъ, который сказку учинилъ тутъ въ Глуховѣ, что чоловитчикъ нашъ заводилъ подводи въ Ясманъ ясманскіе къ съну нашему, якіе подводи взявши тое съно, отвезли въ Глуховъ до двору гетманскаго, по указу. Брать Марко поехалъ въ Роменъ,

съ которимъ послано и писмо род. до князя Мещерского, въ Лубнѣ, о тутейшомъ повоженню нашемъ ознаймуючес. Войту роменскому далисмо 10 р., а зъ 10 р. еще остался я виноватъ. Между купили 10 пуд. и и 13 фунт. пудъ по 7 зол. Кравцеви Лескови далисмо 2 р. У Алексія отобрала панъ назадъ 29 руб., данніе ему отъ ключника. Калужненки праизвани передъ судъ, спрашивани отъ судей для чего они давно не явились тутъ, отказали, что по указу пана гетмана ездили доставать грошей 200 руб., отложить намъ за футоръ, якихъ доставши теперь явились, то жъ и килокротне потвердили, а я 3 раза протестовался передъ суддами о посяжцѣ на насъ таковой, а суддѣ были Турковскій да Рощаковскій, да тутъ же секретарь Непѣвѣ (Непѣвъ) сидѣлъ, а зъ канцелярист.—Ладинскій, Забѣла борзенскій¹⁾ молоденкій.

Субота. 11. Сего дня былъ я у суда и подалъ челобитную министру о грабежѣ съна, 29-го октовор. учинившомся отъ Повторацкого ясманскаго въ Ясманѣ, которій призналъ въ допросѣ, что онъ велѣлъ братъ, а взято такое съно до двору гетманскаго; еще и о томъ признать, что онъ 21 октовор. велѣлъ гетманскимъ гайдукамъ съно на дорозѣ у тихъ воловиковъ взять и завернуть въ дворъ гетманскій. Тамъ же, въ суду, ирклѣевскій сотникъ уличалъ допросъ мой криво. Ездилисмо по обѣдѣ обое до ясневел., где повечеравши и повернулисмося.

Неделя. 12. Сего дня обѣдалисмо у себѣ и съ нами Заруцкій воронѣжскій, которому родитель и сукна доброго 6 локотъ подарили.

Понеделовъ. 13. Сего дня обѣдалисмо у п. судіиной зъ ясногородскою и Количевимъ, а по обѣдѣ ездилисмо къ ясневел., у которой били дами великороссе.

Запустъ. Вовтор. 13. Сего дня обѣдалисмо у себѣ и зъ нами Ладинскій. Пріехалъ братъ п. Семенъ зъ Ромна, черезъ которого получилемъ листъ отъ п. полковника ахтирскаго къ себѣ писаний зъ поздравленіемъ. Отправилемъ старостенка сухоносовскаго зъ листами до Якова и Волинскаго обѣ учиненню надлежащей рахубы зъ старостъ и футоровъ, да Волинскому жъ въ листѣ на кожухъ

¹⁾ Т. е. Забѣла, жившій въ Борзнѣ, для огличія отъ Забѣла Обтовскихъ жившихъ въ с. Обтовѣ. См. Опс. Стар. Маор., II, 149 и 321.

- Л—въ Ф. № 1103.
 Л—й А. № 1934.
 Л—й И. № 655.
 Л—й О. № 444.
 Л—й № 742.
 Л—ко И. А. № 126, 1631.
 Л—ко Арк. № 463, 1358,
 1393, 1481, 1624, 1701, 1625,
 1626, 1831.
 Л—скій А. № 124, 466.
 Л—ть № 1366.
 Лев—й О. № 715.
 Ладожскій каналъ № 118, 205.
 Лазаревскій А. № 96, 98, 112,
 113, 176, 214, 215, 291, 293,
 302, 424, 425, 426, 427, 428,
 429, 430, 431, 432, 433, 435,
 436, 437, 438, 439, 440, 719,
 739, 1110, 1113, 1194 1272,
 1523, 1578, 1730.
 Ламанскій В. И. № 1453.
 Лаппо-Данилевскій А. № 1524.
 Латышевъ В. В. № 1525, 1526.
 Лашкаревъ П. № 44.
 Лашкевичъ Ал. С. № 168, 269,
 279, 441, 1098, 1146.
 Лашкевичи. № 264.
 Лашковъ Ф. № 442, 1481, 1527,
 Лебедевъ Амф. № 443, 1528,
 1529, 1530, 1531.
 Лебединъ г. № 378, 619,
 Лебединецъ Г. С. № 45, 931.
 Лебединскій лѣсъ и монаст. № 25.
 Лебединцевъ Ф., Г. № 1147,
 1148, 1149.
 Lewinski Dr. W. № 1532.
 Левандовскій І., сващ. № 304,
 306.
 Левенцы. № 436.
 Левицкій. № 1535.
 Левицкій И. Г. № 1534.
 Левицкій И. № 723, 933.
 Левицкій И. С. № 1533.
 Левицкій К. д-ръ. № 1789.
 Левитскій Н. № 932.
 Левицкій Н. Ф. № 1150.
 Левицкій О. И. № 71, 238,
 445, 446, 447, 448, 449, 450,
 451, 452, 453, 737, 1200, 1937,
 1938.
- Левицкій Памфилъ. № 656,
 738.
 Левицкая-Пашенко Юлія. № 723.
 Левченко М. 454, 455, 456, 1939.
 Лелетъ В. № 457.
 Ленорманъ Ф. № 1536.
 Леонидъ, архимандритъ. № 218,
 458, 1151, 1537, 1940.
 Леонтьевъ А. П. № 1538.
 Леопардовъ Н. № 1539, 1540,
 1541.
 Леть островъ. № 454.
 Лизогубъ. № 295.
 Лизогубы. № 429.
 Лилеевъ М. № 459.
 Линнichenko. № 1542.
 Линнichenko. И. А. № 78, 102,
 460, 461, 462, 1941.
 Линицкій Варлаамъ. № 1940.
 Лисаневичъ Г. И. № 226.
 Лисенко .А № 1693.
 Лисовскій А. 1543.
 Лисовскій Федоръ № 486.
 Листовскій И. С. № 170.
 Литва. № 257, 337, 1119.
 Литвинова П. № 879, 935, 936
 1942.
 Лобановъ-Ростовскій Я. И. № 303.
 Лобачевскій Владміръ № 80.
 Лобко А. № 464.
 Лобода Ф. № 46, 705, 1106,
 1112, 1220, 1346.
 Lozinski Wlad. № 1545.
 Ломиковскіе. № 435.
 Лоначевскій А. № 47.
 Лонгиновъ А. № 1546, 1547.
 Лопатинъ. № 1548.
 Лопулеску. № 465.
 Лохвицкій К. А. № 146.
 Лошаковъ генералъ. № 386.
 Лубны. № 27, 938, 1252.
 Луговой И. № 467.
 Луговой А. № 468.
 Лукашевичъ Платонъ Ал. №
 1152.
 Лукомскій Стефанъ. № 71.
 Луцицкій. И. № 284, 469, 657,
 1122, 1549, 1550, 1551.
 Люциъ. № 471.
 Любечъ № 1980.

Любечская чудотворная икона
Божьей Матери. № 1935.
Любичъ А. № 1943.
Любовичъ Н. № 1553, 1596.
Львобережная Украина. № 190,
327, 426, 428, 487, 492 556, 1881.

Лъсковъ Н. № 725,
Лъсницкіе. № 436.
Лъвовъ. № 1234.
Ляскоронскій В. № 1173.
Лященко А. № 1646.

М.

- М. А.** № 937, 1325, 1446, 1552.
М. Б. № 938.
М. Д. К. № 1135.
М. И. № 1389, 1794.
М. К. № 658, 741, 748, 783.
М. Л. № 659, 1589.
М. М. № 1338.
М. Н. № 470, 471, 660, 721,
769, 1410, 1417, 1425, 1449,
1464, 1465, 1493, 1640, 1666,
1669, 1677, 1726, 1727, 1734,
1744, 1762, 1808, 1825,
М. П. № 1089.
М. О. № 1202, 1357, 1557,
1558, 1680.
М—ра И. № 939, 940, 941.
М—чъ А. № 1569, 1607.
М—чъ В. Т. № 159, 160, 228,
1595.
Марко—евичъ г. № 149.
Магдебургское право. № 390,
772.
Мазановъ Петръ № 1556.
Мазепа. № 94, 119, 247, 347,
389, 415, 490, 711, 775, 1051,
1113, 1153, 1154, 1155, 1156,
1257, 1258, 1259, 1766, 1919.
Мазепинцы. № 507.
Макарій митр. москов. № 1557,
1558, 1559,
Маковскій В. Е. № 1260.
Маковскій Е. № 942, 943.
Максиміліанъ. № 325.
Максимовъ Евгеній. № 472,
473.
Максимовичъ Іоаннъ, архієпископъ. № 94.
Максимовичъ М. А. № 270, 497,
726, 1074, 1117, 1157, 1158,
1192.
- Малицкій** Іерофей. № 108.
Малороссія. №№ 77, 78, 104,
116, 133, 158, 161, 162, 170,
173, 195, 211, 227, 254, 263,
269, 271, 272, 280, 284, 284,
287, 309, 326, 334, 340, 375,
376, 398, 414, 416, 417, 429,
430, 431, 432, 433, 434, 435,
436, 437, 438, 439, 464, 474,
486, 503, 520, 533, 537, 550,
551, 559, 561, 563, 564, 571,
572, 574, 575, 576, 675, 679,
710, 713, 715, 727, 728, 729,
739, 747, 758, 759, 761, 773,
778, 779, 803, 807, 809, 817,
824, 828, 842, 852, 854, 855,
856, 861, 866, 867, 868, 908,
909, 928, 937, 944, 958, 976,
977, 980, 988, 999, 1003, 1009,
1020, 1021, 1025, 1026, 1027,
1028, 1032, 1034, 1039, 1046,
1064, 1070, 1073, 1077, 1175,
1193, 1247, 1253, 1256, 1261,
1271, 1272, 1273, 1852, 1878,
1901, 1922, 1930, 1944, 1947,
1967, 2000, 2009, 2019.
Малышевскій И. И. № 458, 475,
1380, 1381, 1561, 1562, 1795.
Мамай № 1921.
Мамышевъ В. № 1563.
Манжура И. № 945, 946, 947,
948, 949, 950, 951, 952, 953,
954, 955, 1564.
Мануйловичи. № 438
Маргасъ. № 1855.
Марія Феодоровна (велик. княг.).
№ 245.
Маркевичъ А. И. № 120, 476,
477, 662, 817, 956, 957, 958, 1818,
1565, 1566, 1945, 1946.

- Маркевичъ Б. М.** № 1159.
Марковичъ В. № 959.
Маркевичъ Д. № 730, 731.
Маркевичъ Н. А. № 106,
Маркіановъ свящ. № 174.
Марковъ Н. № 818, 1567.
Марковичъ Якоъ. № 112, 1176,
Марковици. № 120, 432, 477.
Мартиновскій Аватолій. № 156.
Мартыновицъ Порфирій. № 960.
Марченко Ан. № 1160.
Матв'євъ А. № 1568.
Матченко Иванъ № 478, 1372,
 1574.
Махно. № 1693.
Маценко В. А. № 1575.
Мацкевичъ Александръ, протоіерей. № 1180.
Мацкевичъ И. Ф. № 1623, 1624,
 1625, 1626.
Мацкевичъ Левъ. № 246, 961,
 1230, 1947, 1948.
Мачтетъ Г. А. № 732.
Мгарсій монастырь. № 214.
Межовъ В. И. № 1577.
Мелетій, архимандр. № 304,
 306.
Мельникъ К. № 663.
Меодій, просвѣтитель славянъ.
 № 813, 841.
Мизко Н. Д. № 1161.
Миклашевскіе. № 431.
Миклашевскій М. П. № 147.
Миллеръ Ор. 479, 1949.
Милорадовичъ № 430, 1578.
Милорадовичъ Графъ. № 1950.
Милорадовичъ А. М. № 229.
Милорадовичъ Андр. Степ. №
 1579,
Милорадовичъ Г. А. графъ. №
 94, 249, 480.
Милорадовичъ Мих. Андр. графъ.
 № 1563.
- Мирный П.** № 1580, 1581.
Мироновъ Матвѣй, № 175.
Миронъ. № 664, 733, 734, 735,
 819, 820, 821, 962, 963, 964,
 965, 966, 967, 1234, 1535.
Миславскій Самуилъ. № 108.
Михайловъ (городъ). № 243.
Михайловъ В. № 1583,
Михайловъ Яковъ Евдокимовъ.
 № 661.
Михайловская церковь № 678,
 1285.
Михайліоросій. № 822.
Михалевичъ И. № 1584, 1585.
Михаленко-Юрковскій. № 1501.
Michow H. Dr. № 1586.
Михневичъ І. Г. № 1162.
Мицкевичъ. № 1587.
Мищенко О. Г. № 482, 483,
 1090, 1525, 1526, 1741, 1742.
Мліевъ. № 705.
Мовчанъ Михайло. № 250.
Могила Петръ. № 1262, 1163.
Могилевъ. № 1075.
Молдавія. № 340.
Молчановскій Н. №№ 484, 485,
 1418, 1420.
Монастырекъ, деревня кіненевск.
 у, кіев. губ. № 21.
Монастырскій Янъ, № 1899,
Монтовъ Гавна. № 453.
Моравскій С. № 486.
Мордовець Д. Л. и Мордовцевъ.
 № 1590, 1591.
Морозъ Д. № 968.
Москва. № 139, 346, 1985.
Moszyńska Jósefa. № 1592.
Музыкантовъ П. № 1593.
Мукаловъ Н. № 1594.
Муретовъ. № 1103.
«Мухина гора» курганъ. № 69.
Мякотинъ В. А. № 121, 487,
 1596.

Н.

- N.** № 969, 970, 1131, 1951. . | **Н. Ив.** № 488, 1305, 1612,
Н. В. № 1689. | 1660.
Н. И. № 1206, 1635, 1678,
 1736, 1819. | **Н. Н. Д.** № 823, 1224.
Н. Р. Л. № 971.

- Н. Д. № 1310.
 Н. Ф. № 177, 1477, 1508, 1518, 1585, 1619, 1731, 1771, 1796, 1952,
Ни—къ Ф. № 494, 495, 1405, 1953.
Н—й С. № 489.
Н—ко В. № 780, 1092.
Нагуевичи, село. № 965.
Наполеонъ I. № 244, 828, 715.
Науменко В. П. №№ 88, 203, 256, 490, 491, 492, 665, 726, 757, 767, 771, 799, 824, 825, 826, 1125, 1128, 1140, 1192, 1282, 1339, 1503, 1597, 1954, 1955.
Нейманъ Ц. Г. № 95, 493, 782, 974, 975, 976, 1317, 1502, 1507, 1555, 1652, 1743, 1803, 1834.
 Neuman C. № 1598.
Немировъ. № 323, 665, 682.
Немировская гимназія № 111.
Некрасова Е. № 1160.
Неплюевъ С. А. № 239.
Нечай Иванъ. № 349.
Никифоровъ В. свящ. № 172.
Николай I Императоръ № 170, 232.
Николайчикъ Ф. № 202, 264, 496, 977, 978, 1599, 1956.
- Никополь.** № 511.
Новгородъ - Сѣверскъ. № 200, 638, 680.
Новицкій Григорій. № 1600.
Новицкій Ів. № 48, 497, 498, 979, 980, 981, 982, 1164, 1165, 1293, 1328, 1329, 1343, 1402, 1551, 1587, 1592, 1672, 1675, 1691, 1728, 1929, 1957.
Новицкій Ілья Фед. № 1166, 1263.
Новицкій Ор. Мар. № 1167, 1601,
Новицкій Я. П. № 178, 499, 983.
Новомлинскъ. № 126.
Новомосковскъ. 621, 635, 1250.
Новороссія. № 174, 179, 251, 328, 385, 521, 548, 549, 903, 1009.
Ново-Сербія, № 134.
Новый Осколь. № 141.
Носенки-Бѣлецкіе. № 439.
Нось-фонъ С. Д. № 79, 199, 232, 500, 985, 1170, 1958, 1959, 1960.
Notus. № 984, 1961, 1962.
Нѣжинъ. № 345, 562, 601.
Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь. № 1916.
Нѣмцы. № 719.

O.

- О. № 986, 987, 1653, 1656.
 О. В. № 1510, 1963.
 О. И. № 1964.
 О. Н. 501, 1205.
 О—въ И. № 1965.
Ом—скій Александръ. № 989, 990.
 О—скій I. № 1996.
Оболонскіе. № 43.
Общество «Бѣлага Креста» № 8. 1967.
Общество Нестора Лѣтонисца. № 1871, 1873, 1998.
Оглоблинъ Н. № 145, 146, 503, 504, 505, 506, 666, 1607, 1608.
- Огоновскій** Ом. № 1609.
Одесса. № 1945.
Одесское Имп. Общ. исторіи и древностей. № 12, 1975.
Одинцовъ И. Ф. № 1610.
Олесницкій Е. дръ. № 1789.
Олтаржевскій Юрій. № 991, 992.
 Ольга св. № 458, 475, 1933.
Онацкій Д. № 49, 508.
Онопрій Шпакъ. № 1051.
Оптовъ, надворн. сов. № 84.
Орель № 1876.
Оржешко Эліза. № 740.
Орликъ Филиппъ. № 298, 1006.
Орловъ И. № 993.

Орѣхо́сній Станиславъ. № 1168.
Освѣтимъ Станиславъ. № 115.
Бстеръ. № 645.
Остяя № 741.
Островерховъ Н. Л. № 1612.
Острогъ. № 396, 850, 1177.
Острогорскій. № 1613.
Острожскій Константина, князь.
№ 233, 359, 1169, 1265.

Острожская Софія, княгина. № 1266.
Острожская Анна-Алоиза, княжна. № 447.
Острожскій-Лохвицій. № 141.
Остроня, урочище близъ г. Заславля волын. губ. № 20.
Очаковъ. № 219. 532.

II.

П. № 1737.
П. Б. № 1973.
П. В. № 1316.
П. Л. № 510, 511, 667, 994,
995, 1620.
П. М. № 1974.
П. Н. № 50, 51, 1354, 1390,
1439, 1515, 1521, 1577, 1601, 1711,
1729, 1740, 1787, 1488, 1975.
П. О. № 996.
П. С. № 827, 828.
Пч. О. № 998.
П—иъ Ф. № 1976.
П—сній Б. № 524, 525, 997.
Павель I. № 245, 263.
Павленковъ Ф. № 1704.
Шавловичъ Шр. св. № 151.
Павловскій И. Ф. № 1621,
Паволоцкъ. № 1173.
Падалка Л. № 52, 163.
Падурра Тома. № 1986.
Палій Семеанъ № 223, 934, 946,
1051, 1170.
Палимпестовъ И. № 1622.
Панкратьевъ № 155.
Партыцкій О. № 1629..
Пелипецъ. № 1630.
Рölmann H. № 1631
Переяславъ № 44, 418, 557,
605, 610, 655, 656, 678, 908,
1285.
Perwolf Josef. № 1632.
Перовскій Ал. Ал. № 1171,
1172.
Петербургъ № 241, 1925.
Петкевичъ З. А. № 748.

Петровокъ. № 1635.
Петровъ Н. № 54, 512, 668,
669, 829, 1176, 1633, 1634, 1683,
Петровскій Д. № 999.
Петрусь З. № 1636.
Петрушевичъ А.С. № 1637, 1638,
1639.
Петръ I. № 94, 222, 238, 279,
289, 417, 450, 686.
Пирожковъ Н. д-ръ медиц. №
1075.
Пирятинъ и Пирятинскій уѣздъ
№ 35, 380, 1086.
Писаревъ С. № 670
Ріс I. L. Dr. № 1640.
Пишчевичъ Александръ № 251,
310, 513.
Плотниковъ И. № 1981.
Побожье. № 470.
Погарь. № 754.
Погодинъ М. И. № 802.
Подгорецкій монастырь. № 664.
Подкова Иванъ № 694.
Подолія № 137, 535, 606, 658,
671, 696.
Подолянинъ. № 514.
Познанскій Б. № 86, 515, 516,
561, 751, 752, 1000, 1581, 1604,
1982.
Покровская церковь. № 678,
781, 1285.
Полевой П. № 1641.
Полетики. № 215.
Полетика Гр. Андр. № 79.
Поликарповъ 1-й. № 1642.
Полницкій А. № 519, 1643.

Полтава. №№ 61, 163, 184, 232, 238, 266, 269, 339, 355, 410, 427, 502, 938, 1139, 1141, 1203, 1209, 1285, 1857, 1953, 1997, 2011.
 Полуботоиъ. № 508, 563, 1267.
 Польша. № 86, 137, 149, 172, 185, 191, 223, 244, 258, 295, 321, 388, 406, 446, 470, 529, 569, 729, 761, 961, 1268, 1983.
 Полтасье. № 608.
 Пономаревъ Иванъ №№ 1001, 1002.
 Пономаревъ С. И. № 706, 1074, 1095, 1096, 1157, 1158, 1211, 1284.
 Попко Иванъ. № 1647.
 Поплавский В. № 1646.
 Поповичъ Иванъ. № 488.
 Шопруженко Е. № 165.
 Шоповичъ Иванъ № 1173
 Поповъ А. Н. № 1649.
 Поповъ Н. № 1650, 1651.
 Поповъ Н. А. № 1797.
 Порохонская А. П. № 727.
 Посторонній. № 1614.
 Потебня А. А. № 700, 1003, 1174, 1652.

Потемкинъ. № 300, 350, 444, 1175.
 Потоки. № 1284.
 Потоцній Станиславъ. № 95.
 Потоцкая-Витте-Глявоне Софія. № 697.
 Потто В. А. № 1653.
 Потѣй Ипатій. № 1269.
 Почаевская Лавра. № 101, 624, 642, 685.
 Шохилевичъ Лаврентій. № 1654, 1655.
 Правобережная Украина. № 96, 590.
 Праховъ Адріанъ № 55.
 Прибыльскій. № 1004.
 Прикарпатье № 734.
 Прилуки. № 250, 362, 410, 507.
 Прокоповичъ Феофанъ. № 224, 755, 1176.
 Прокунинъ. № 1548.
 Протопоповъ. № 1657.
 Прохоровъ В. № 1658.
 Ptaschyński A. (major). № 1660.
 Pulaski Kazimierz. № 1661.
 Пѣтуховъ. № 1662.

P.

Рудковскій А. № 531, 1989.
 Р. № 1483.
 Р. А. № 1759.
 Р. С. № 1009, 1663.
 Р—въ А. № 56, 1008.
 Рава. № 222.
 Равита Ф. № 1986.
 Рагузинскій Савва. № 279.
 Радакова Елена № 526.
 Разинъ Степанъ № 1042.
 Разумовскій. № 89, 91, 97, 107, 173, 213, 262, 292, 297, 332, 416.
 Раина Могилянка. № 527, 1243.
 Рай (слав. богъ). № 405.
 Раковичи. № 438.
 Ребичковичъ Авр. Езоф. № 373.
 Ребъ-Лейбъ-Суресь. № 1044.
 Рева И. № 529.

Репнинъ Н. Гр., князь. № 170, 232, 268, 269, 272.
 Репъяхъ Омелько. № 762.
 Римляне. № 1028.
 Ровно г. № 408.
 Рогова О. № 763, 1667.
 Рождественскій А. свящ. № 1669.
 Романовъ Алексѣй Михайловичъ № 281.
 Романовъ Е. Р. № 1670.
 Романовичъ-Славатинскій А. № 1988.
 Романовское староство. № 672.
 Ромны. № 127, 518, 1924.
 Ростовецкій Василій. № 761.
 Рось. № 609.
 Рощаховскій К. А. № 192.
 de-Rubruquis Guillaume. № 1671.
 Руданскій. № 765, 766.

Руминськіє князья. № 497.
 Рулиновский Э. № 210.
 Румянцевъ. № 116, 211, 221,
 227, 265, 326, 564, 1178.
 Румянцева Е. М. графиня. №
 1673.
 Русины. № 961.

Русовъ А. № 532, 1573.
 Руссетъ Елизавета. № 1990.
 Rutowski Tadeusz. № 1677.
 Ruch. № 1672.
 Рыжановка с. № 33.
 Рыльскій О. № 261, 1010.
 Рѣчъ Постолита № 496.

C.

С. № 58, 1253, 1486, 1498.
 С. № 1514.
 С. А. № 59.
 С. Е. № 535.
 С. Н. №№ 184, 533, 534, 1011,
 1012, 1013, 1174, 1260, 1261, 1277,
 1394, 1438, 1476, 1529, 1609,
 1618, 1648, 1697, 1817, 1821.
 С—ко. № 223, 537, 1184, 1216,
 1992.
 С—ко А. В. № 830, 1145, 1273,
 1598, 1783.
 С—ко Н. В. № 105, 207, 538,
 831.
 С—ловъ Н. № 1711.
 С—овъ Н. О. № 550.
 С—р—ъ И. № 551.
 С—чъ А. № 1441, 1566, 1623,
 1993.
 С—ъ. № 539.
 Саббатовский П. свящ. № 1994,
 Сава, генер. войск. судья. №
 775.
 Савва Туптало. № 667.
 Савва Чаленко. № 596.
 Савва Чалый. № 1060.
 Савичъ. № 914.
 Савичъ А. № 1014, 1015.
 Савичи. № 260.
 Савицкие Андр. и Алекс. №
 1325.
 Савченко Иванъ. № 768.
 Савченко П. № 1995.
 Сагайдачный. № 124, 243, 815.
 Садовский. № 673.
 Sadok Bagacz. № 1678.
 Саненъ князъ, ген.-фельдм. №
 270.
 Салтыкъ-Романский Юл. № 1679.

Самойловичъ Григорій. № 348.
 Самойловъ Мартынъ, протопопъ.
 127.
 Самоквасовъ Д. Я. № 1680.
 Сандомирское воеводство. № 83.
 Сапожниковъ. № 60, 674.
 Сапожниковъ Д. № 1249.
 Сапуновъ А. № 1681, 1682, 1683.
 Сапъга. № 105.
 Сарнечкій Николай. № 769.
 Сатановский монастырь № 606.
 Сахновские № 305.
 Сблитневъ И. М. № 76, 137.
 Сваметія. № 45.
 Свинарды село. № 220.
 Свѣчки. № 431, 558, 563.
 Святославскій И. Я. № 61.
 Сеймъ № 631,
 Селецкій А. К. № 1733.
 Селецкій Шетръ Ив. № 142.
 Селивановъ А. № 832.
 Семеновъ № 400.
 Сементовский А. М № 1701.
 Сендульскій, о. Апоконій №
 1177.
 Сениговъ И. № 1702.
 Сенкевичъ Г. № 321.
 Сенютовичъ Т. М. № 1178.
 Серапіонъ, митрополитъ. № 301,
 1179.
 Сербія и Сербы. № 536, 1061,
 1105, 1846.
 Сивки с. № 1177,
 Сикорскій Вас.protoіер. № 148.
 Симашко Іосифъ № 1180.
 Сіміренко. № 1223,
 Синицкий Д. А. № 1999.
 Силовский В. Д. № 1703.
 Sichler Leon. № 1470.

- Снабичевский А. М. № 1704.
 Скальковский А. № 204, 234,
 276, 298, 540, 541, 542, 543,
 544, 545, 546, 547, 548, 549.
 1705, 1706, 1707.
- Снаржинская Е. Н. № 27.
 Сквира. № 501.
 Скельский монастырь. № 687.
 Скиданъ В. В. № 1708.
 Скины № 482.
 Сковорода. № 1181.
 Скоропадский. № 87, 176, 293.
 Сластенъ А. Г. № 1810.
 Слободзея с. № 394.
 Слободская Украина № 472,
 473, 512, 566, 572, 585, 587,
 834, 916.
- Слупицы. № 514.
 Случъ. № 660.
 Смирнова. № 1097.
 Смоクトій А. № 676, 774, 1017,
 1018, 1019, 1212.
- Смоленскъ. № 670, 839.
 Smolka Stanislaw. № 1713.
 Соболевский А. И. № 1798.
 Совинский Леонардъ. № 830.
 Сональский П. № 1714, 1715.
 Соноловъ Н. № 1716.
 Сокольский И. П. № 699.
 Соловьевъ В. С. № 479.
 Сорокинъ Гаврій № 1020,
 1717.
- Софіевна. № 676.
 Софія. № 43.
 Спась на Берестовѣ № 651.
 Сперанский. № 411.
 Спрогисъ И. Я. № 1722.
 Срезневский И. И. № 1723.
 Срибное м. № 410.
 Ставровскій Алексѣй Ив. №
 1182.
- Ставровскій К. А. № 781.
 Старицкая Л. № 779.
 Старицкій М. № 1724.
 Старобѣльскъ. № 902.
 Стародубье № 459.
- Старожилова графиня № 84.
 Старый Прилучанинъ. № 553.
 Стаковскій Антоній. № 176.
 Stecki Tadeusz. № 1727.
- Степанъ мѣстечко. № 408.
 Степовичъ А. № 1021, 1298,
 1386, 1478, 1505, 1516, 1543,
 1548, 1597, 1643, 1679, 1692,
 1694, 1714, 1758, 1788, 1792,
 1802.
- Sternal Tadeusz № 1726.
 Сторожевъ В. Н. № 190, 554,
 555, 556.
- Сторожевский Ник. № 1080.
 Стороженки. № 538, 1275.
 Стороженко А.В.№ 557,678,1285,
 Стороженко Ал. П. №№ 1183,
 1184, 1185.
- Стороженко А. Я. № 153, 831.
 Стороженко Н. В. № 108, 130,
 216, 227, 558, 559, 560, 561,
 562, 563, 564, 1086, 1166, 1183,
 1275, 1728.
- Стороженко Н. М. № 229, 1221.
 Стояновъ А. № 1022.
- Строевъ И. М. № 1729.
- Субботово. № 613, 1201, 1283,
 1286.
- Суджа № 472.
- Сула. № 4.
- Сулима Акимъ Семеновичъ, ге-
 неральный судья. № 136.
- Сулима Семенъ. № 131.
- Сулимы № 440.
- Сумцовъ И. О. №№ 76, 566,
 567, 679, 833, 834, 835, 836,
 837, 838, 932, 940, 954, 1023,
 1024, 1025, 1026, 1027, 1028,
 1029, 1030, 1031, 1032, 1033,
 1034, 1035, 1036, 1037, 1038,
 1039, 1149, 1154, 1168, 1181,
 1384, 1419, 1431, 1459, 1475,
 1600, 1731, 1732, 1776, 2003.
- Сухановъ Подколзинъ Б. № 1214.
- Суша Яковъ, № 228.
- Сырь-Дарья. № 823.
- Сычевскій Иванъ. № 315.
- Сѣверный Кавказъ. № 551.
- Сѣверо-Западный край. № 669.
- Сѣверяне. № 879.
- Сѣверянинъ. № 680.
- Сѣлецкій Арсеній. № 1040.
- Сѣцинскій Е. № 1734.
- Сѣчь Задунайская № 401.

Т.

- Т. А. № 568, 681, 2005.
 Т. Д. № 1041.
 Т. Л. № 1396, 1589.
 Т. Н. № 1382, 1463, 1708.
 Т. П. № 569, 682, 683.
 Т—й К. И. № 684.
 Т—овъ М. № 716, 1042, 1210.
 Т—скій № 1559.
 Гаврида. № 1893.
 Tadeusz d-r. № 1735.
 Тайная канцелярія. № 120.
 Талько-Грынцевич Ю. Д. № 1226.
 Тамань. № 384, 968.
 Тараненко. № 1982.
 Тарновский А. № 685, 839.
 Тарновский. № 1736.
 Тарновский А. № 1177.
 Тарновский Александр. № 1044.
 Тарновский В. В. № 1095, 1217.
 Татарский І. № 1737.
 Татары. № 134, 164, 175.
 Твердохлебовъ А. № 161, 198,
 570, 686, 687, 840.
 Теличенко Ив. В. № 292, 571,
 572, 573, 574, 575.
 Темблизовъ А. № 1160.
 Тепловка. № 644.
 Тепловъ Г. Н. № 1186, 1187,
 1188.
 Терлецкій Кирилль № 1276.
 Терновский Ф. А. № 479, 576,
 1163, 1179, 1189.
 Тетера Павель. № 210, 1190.
 Тимковский И. Ф. № 1191, 1192,
 2017.
422.
 Тираспольскій уездъ. № 394.
 Титовъ А. № 1197, 1198
 Тиховский Ювеналій. № 1045,
 1738.
 Токмаковъ И. № 1739.
 Толстой Д. А. графъ. № 1673.
 Толстой И. И. № 1740, 1741,
 1742.
 Толстой М. М. графъ. № 1945.
 Томиленки. № 913.
 Topolnicki I. № 1743.
 Торческъ. № 979.
 Тоттъ баронъ № 134.
 Tretlak Josef. № 1744.
 Трехсвятительская церковь въ
 г. Киевѣ. № 8.
 Тризна Ник. Ив. № 739.
 Трощинский. № 303.
 Трощинский Д. А. № 1645.
 Трощинские. № 439.
 Трутовский К. А. № 1046, 1193,
 1277.
 Туптало Савва. № 1194, 1278.
 Турбаевская катастрофа. № 365,
 373, 463, 553.
 Туренко М. А. № 577.
 Турчинский. № 783.
 Турція и Турки. № 144, 255,
 397, 849, 927, 930.
 Туръ князь. № 806.
 Тутолминъ, генералъ губерна-
 торъ. № 160.
 Тындитниковъ Семенъ. № 2006.
 Тялинский Василій № 784.

У.

- У. О. К. Ф. № 1047, 2007,
 Удѣльный періодъ № 578.
 Україна. № 208, 221, 318, 353,
 449, 504, 513, 712, 723, 743,
 781, 812, 881, 910, 916, 918,
 927, 929, 930, 933, 948, 969,
 974, 981, 982, 1000, 1010, 1019,
 1033, 1042, 1043, 1251, 1268, 1960.
 Умань. № 208, 322, 457, 676,
 684, 1071, 1108.
- Университетъ св. Владимира. №
 88, 249, 256, 648, 757.
 Унія и Уніати. № 101, 228, 606,
 668, 926, 1269.
 Ускова Н. И. № 1222.
 Успенская церковь № 247.
 Успенский ј. № 579, 841, 1754,
 2010.
 Устиновъ И. А. № 1756.
 Учахъ-Охоровичъ К. Ф. № 1195.

Ф.

Ф. Т. № 1709.	Филаретъ. № 1763.
Фабриціусъ В. № 1757.	Finkel L. d.r. № 1764.
Фальковскій Ириней. № 1196,
1197, 1198.	Фисенко А. № 689.
Фаминцынъ А. С. № 1758.	Де-ла-Флизъ. № 847, 1248.
Федоровъ М. П. № 1759.	Флоринскій Т. Д. № 1709.
Федъковичъ Осипъ. № 785, 786.	Франко И. № 1765.
Фелицынъ Е. Д. № 1760, 1761,
1762.	Французы. № 1099, 1924.
Филаретъ, арх. Черн. № 1199.	Фратеркулюсъ, № 1595.
	Фридманъ Б. А. № 1767.

Х.

Х. № 62.	391, 467, 560, 586, 763, 883,
Х. К. № 1116.	1200, 1201, 1279, 1280, 1920.
Халанскій. № 1768.	Хмельницкій Тимошъ. № 340,
Ханенко А. № 63.	422.
Ханенко Николай, генеральний
хорунжій. № 113.	Ходаковскій № 242.
Харьковъ. № 77, 335, 588,
832, 902, 2005, 2014.	Хоецкій Карль. № 138.
Хвальчевскій Стан. № 1777.	Хозары. № 358.
Херсонесъ Тавріческій. № 692,
693.	Хойнацкій А. О. № 1778.
Херсонщина и Херсонъ № 65,
110, 153, 393, 511, 1020, 1103,
1989.	Холмскій братчинъ. № 1779.
Хлопицкій Эл. № 660.	Холмскій монастырь № 668.
Хмельницкій Богданъ. № 103, 105,
201, 281, 295, 299, 341, 346,	Холмскій старожилъ. № 1782.
	Холмъ г. № 159, 160, 228, 996.
	Холодовичъ. № 225.
	Хортица № 600.
	Хотинъ. № 29.
	Храневичъ В. № 580.
	Христо-Воздвиженская церковь.
№ 146.

Ц.

Ц. Г. № 1783.	Цимбалистовъ Андрей. № 1259
Ц. К. № 581, 1050, 1716.	Цыбульскій А. № 1052, 1311
Ц. С № 582.	1314, 1340, 1347, 1388, 1576
Ц. Х № 1051.	1610, 1617, 1719, 2012, 2013
Церковь св. Василія. № 650.	Цыгане. № 1008, 1874.
Церковь Николая Доброго. № 294.	Цыцура Тимофей. № 1205.

Ч.

Ч. В. № 65.	Чеп—ый Д. № 1772.
Ч. Н. № 64.	Чайковскій Михаилъ. № 140, 481.

Чайковский П. № 1784.
Чайченко Василь. № 1785,
1786.
Чаленко Савва. № 596, 317.
Чалый М. К. № 85, 111, 1222,
1223, 1787.
Чалый Савва. № 1060.
Чарновский. № 1593.
Чеважевский В. № 583, 1239,
Чепа А. И. № 104, 130, 2000.
Червоная Русь. № 821.
Черневъ Н. № 1539, 1540,
1541, 1790.
Черниговская Ильинская Типо-
трафіл. № 1927.
Черниговскій Елецкій монастырь.
№ 109.
Черниговъ, губ., и уѣздъ. № 64,
98, 176, 225, 232, 240, 269, 272, | 295, 302, 643, 1199, 1264, 1267,
1890.
Черноморье и черноморцы. №
444, 577, 579, 592, 745, 848,
960, 968, 1059.
Чернышевъ Н. № 1054, 1202,
1469.
Черняевъ Н. № 2014.
Чернякъ И. полковникъ № 205,
1203.
Чигиринъ № 1283.
Чижевский Николай № 1793.
Czyński Edward, № 1803.
Чистовичъ И. № 1794, 1795.
Човпила Илія № 906.
Чубинский П. Н. № 1204, 1750,
1889.
Чудиновъ А. Н. № 1802. |
|---|---|

III.

Ш. А. № 585, 1100.
Ш. Я. № 1055, 1267, 1513,
1684.
Шагинъ-Гирей № 442.
Шакловитый. № 347.
Chantre E. № 1804.
Шараневичъ И. № 1805, 1806,
1807.
Szarlowski A. № 1808.
Шафарунъ И. А. № 1056.
Шафрановъ И. А. № 586, 1190.
Шведы № 393, 781.
Schweiger-Lerchenfeld A. № 1809.
Шеболдаевъ Ш. № 2015.
Шевченко Т. Г. № 613, 678,
788, 789, 790, 791, 792, 793,
794, 795, 796, 797, 798, 800,
863, 1017, 1158, 1206, 1207,
1208, 1209, 1210, 1211, 1212,
1213, 1214, 1215, 1216, 1217,
1218, 1219, 1220, 1221, 1222,
1223, 1224, 1225, 1226, 1227,
1228, 1229, 1230, 1231, 1232,
1282, 1283, 1284, 1285, 1286,
1287, 1288, 1289, 1290, 1810,
1811, 1812, 1813, 1904, 2016. | Шейнъ П. В. № 1057, 1814.
Шелковъ К. Н. № 1823, 1824.
Шенрокъ В. № 1815.
Шереметева П. И. № 1233.
Шереметевъ П. В. 601.
Шишацкій—Илличъ. № 236.
Шимановъ А. Л. № 587, 588.
Шиманский Ц. № 1058.
Ширай С. Я. № 1281.
Schlumberger Gustave. № 1816.
Шляпкинъ И. № 67, 1817, 1818.
Шмидтъ. № 1819.
Шнейдеръ К. № 1638.
Шнейдеръ Т. № 1571.
Шодуаръ баронъ. № 1978.
Шпакъ Онофрій. № 1051.
Шпановскій Савва. № 225.
Шпаковъ шляхъ № 695.
Штунда. № 186, 369, 421, 524.
Шугуровъ Н. В. № 213, 1118,
1191, 1193, 1368, 1789, 2017.
Шуйскіе. № 78.
Szujski. № 1820.
Шульгинъ Я. Н. № 589, 590.
Шумлянскій Іосифъ. № 1234.
Шухардтъ № 1821. |
|--|--|

III.

Щегловъ В. № 1822.	596, 597, 1704.
Щеголевъ Я. № 1827.	Щербина Ф. №№ 591, 592, 593,
Щепкинъ М. С. № 1235.	1059, 1825.
Щербацкій Тимофей. № 89.	Щербицкій О. В. № 1826
Щербина В. И. №№ 594, 595,	

Θ.

Э—ъ. № 1523.	1829, 1830, 1831, 1832, 1833,
Эварницкій Д. И. № 68, 69,	1841, 1842.
70, 75, 598, 599, 600, 691, 1828,	Эйлеры. № 549.
	Эйнгорнъ В. № 601.

Ю.

Юго-западная Русь. № 267, 446,	1942, 1952, 1979, 2002, 2008, 2015.
451, 509, 580, 583, 1040, 1913,	Юзевовичъ М. В. № 1236.
Южная Русь № 181, 324, 333,	Юзевовичъ Янъ. № 181.
341, 366, 370, 372, 381, 445,	Юнге Екатерина. № 1133.
452, 483, 555, 567, 582, 616,	Юницкій Н. № 1837.
626, 716, 737, 782, 787, 811, 816,	Юргевичъ В. № 1838.
826, 829, 833, 835, 836, 837,	Юркевичъ П. Д. № 237.
838, 873, 893, 975, 1022, 1023,	Юрковскій Михаленко. № 1501.
1270, 1274, 1858, 1882, 1939,	Юрьевъ № 609.

Я.

Я. В. № 226, 843, 1060, 1443,	231.
1444, 1453, 1538, 1572, 1650,	Ясинскій Мих. № 1840.
1698, 1725, 1809, 1835.	Ястребовъ В. Н. № 219, 235,
Яблоновскій князь. № 1928.	602, 603, 604, 692, 1061, 1062,
Яворскій Стеф. № 490.	1063, 1356, 1437, 1524, 1651,
Ягодная долина. № 519.	1746, 1747, 1832, 1841, 2018.
Янчукъ Н. № 844, 1119, 1834,	Яхненко № 1223.
1835, 1839.	Ящуржинскій Х. № 693, 749,
Ярославскій В. И. № 135.	1064, 1065, 1066, 1067, 1068,
Ярославъ мудрый. № 54.	1069, 1070, 1071, 1072, 1073,
Ясинскій Варлаамъ. № 73, 93,	1670.

Θ.

Θ—ль Іер. № 150.	162, 164, 584, 1842, 2020.
Федоровъ Иванъ. № 843.	Фоміно Клеменцъ свящ. №
Федотовскій-Чеховскій А. А. №	1848

БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЙ

УКАЗАТЕЛЬ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“

ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛІТIE

(1882—1891 гг.).

Ціна 75 коп.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Ноамцкаго, Михайлівскаго ул., д. № 4.
1893.

Настоящій указатель, печатавшійся въ видѣ приложenій въ 1893 году (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 11 и 12), слу-житъ справочной книгой къ журналу „Киевская Старина“ за первыя 10 лѣтъ ея существованія, обозначая какъ всѣ статьи и материалы, такъ и рецензіи и мелкія замѣтки. Не гонясь за мелочной систематизаціей, составитель указателя нашелъ болѣе удобнымъ установить *восемь отдѣловъ*, а именно: 1) *Археология* (№№ 1—70); 2) *Исторія*: а) *матеріалы* (№№ 71—310), б) *статьи* (№№ 311—604), в) *исторія мистностей и учрежденій* (№№ 605—693); 3) *Литера-туро*: а) *матеріалы* (№№ 694—799), б) *статьи* (№№ 800—844); 4) *Этнографія* (№№ 845—1073); 5) *Біографи-ческие материалы*: біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія о лицахъ, письма (№№ 1074—1236); 6) *Пор-треты, рисунки и статьи о нихъ* (№№ 1237—1290); 7) *Бібліографія* (№№ 1291—1843); 8) *Дополненія и по-правки* (№№ 1844—2020). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ восьми отдѣловъ статьи расположены въ алфавитѣ авторовъ (отдѣлы: 1-ї, 2-ї (б и в), 3-ї (а и б) 4-ї и 8-ї), а въ осталь-ныхъ — въ алфавитѣ предметовъ, гдѣ большую роль играетъ самый материаляръ, а не авторъ, сообщающій его, какъ напр.: въ отдѣлѣ бібліографическомъ.

Сознавая, что и при этой упрощенной системѣ соста-вленія указателя возможны промахи, составитель, для облегченія справокъ, прилагаетъ къ бібліографическому указателю еще и *алфавитный указатель личныхъ и гео-графическихъ именъ*, встрѣчающихся въ заглавіи статей (стр 87—108).

Козаки с. Лемешей козелецкаго уѣзда, родины графовъ Рazuмовскихъ.